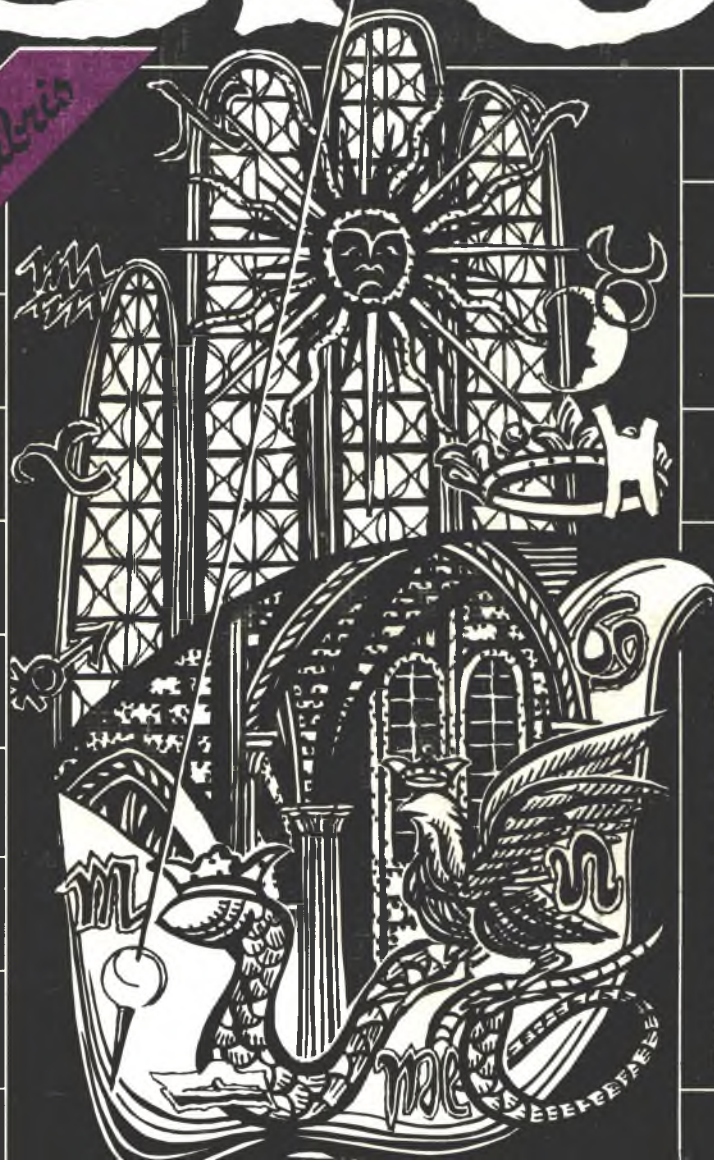

УМБЕРТО ЭКО

ЭКО

Ex Libris

Маятник Фуко

Эко

Маятник Фуко

Умберто Эко не обманул ожиданий своей многомиллионной аудитории. После феноменального успеха его первого романа “Имя розы” (1980), несколько лет не сходившего с верхней строки в списках бестселлеров по всему миру, второй – “Маятник Фуко” (1988) – безусловно оказался шагом вперед. Вновь детективная канва, вновь сложная многоголосица мотивов и тем, вновь серьезнейший философский подтекст, но все это в современном и куда более изощренном исполнении. Вот уже десятилетие длится триумфальное шествие этой книги по всем читающим странам, и сегодня “Маятник Фуко” – без сокращений, в авторизованном переводе и в полном соответствии замыслу автора – приходит к русскому читателю.

ISBN 5-89091-057-4

9 785890 910578

Симпозиум

УМБЕРТО ЭКО

Маятник Фруко

سینج®

* СИМПОЗИУМ *
Санкт-Петербург 1998

ББК 84.4 Ит
Э 40

Umberto Eco
IL PENDOLO DI FOUCAULT

*Перевод с итальянского
и послесловие*

Елены Костюкович

Оформление и иллюстрации
Михаила Занько

*Эксклюзивные права на издание художественных произведений
Умберто Эко на русском языке принадлежат издательству "Симпозиум".*

*Всякое коммерческое использование текста, оформления книги, оформ-
ления и названия серии – полностью или частично – возможно исключи-
тельно с письменного разрешения Издателя. Нарушения преследуются в
соответствии с законодательством и международными договорами РФ.*

© R.C.S Libri S.p.A. – Milan, Bompiani, 1988.

© Издательство "Симпозиум", 1998.

© Е. Костюкович, перевод, 1998.

© Е. Костюкович, послесловие, 1998.

© М. Занько, оформление,
иллюстрации, 1998.

® М. Занько, Издательство "Симпозиум":
серия "Ex Libris", промышленный
образец. Патент РФ № 42170.

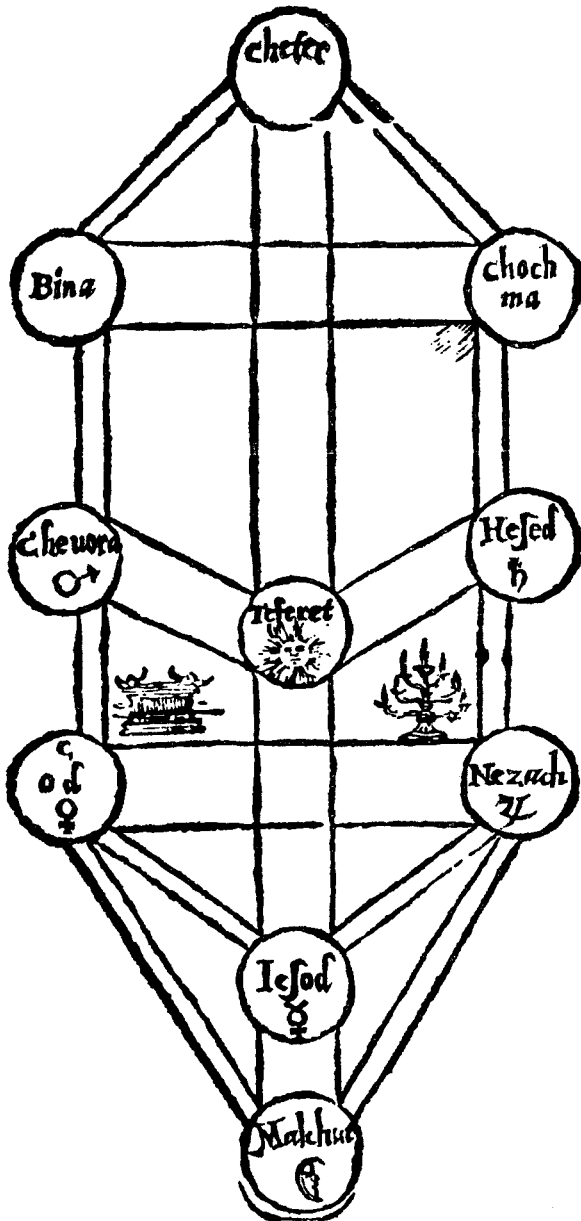
ISBN 5-89091-057-4 (т.2)
ISBN 5-89091-037-X

Единственно ради вас, сыновья учености и познания, создавался этот труд. Глядя в книгу, находите намерения, которые заложены нами в ней; что затемнено семо, то проявлено овамо, да охватится вашей мудростью.

Генрих Корнелий
Агриппа Неттесгеймский,
Об оккультной философии.
Heinrich Cornelius
Agrippa von Nettesheim,
De occulta philosophia, 3, 65

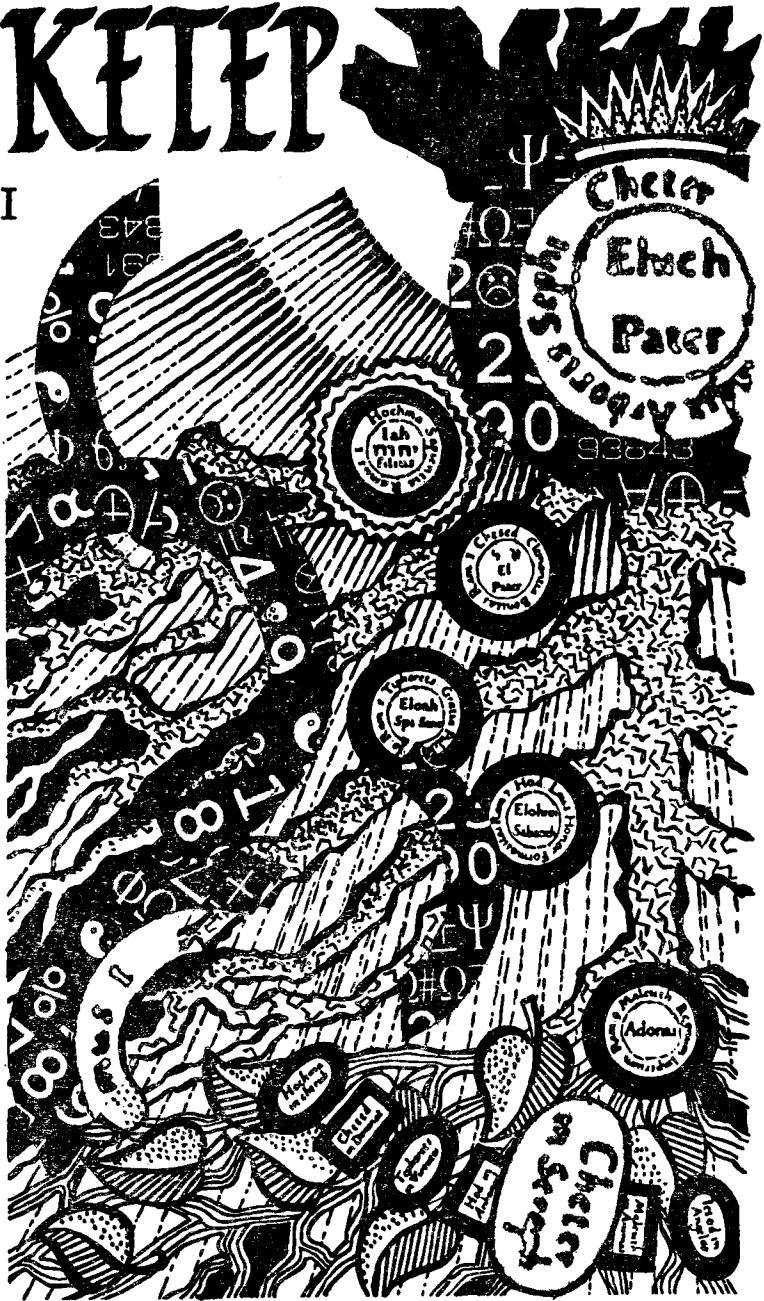
Суеверия приносят несчастье.

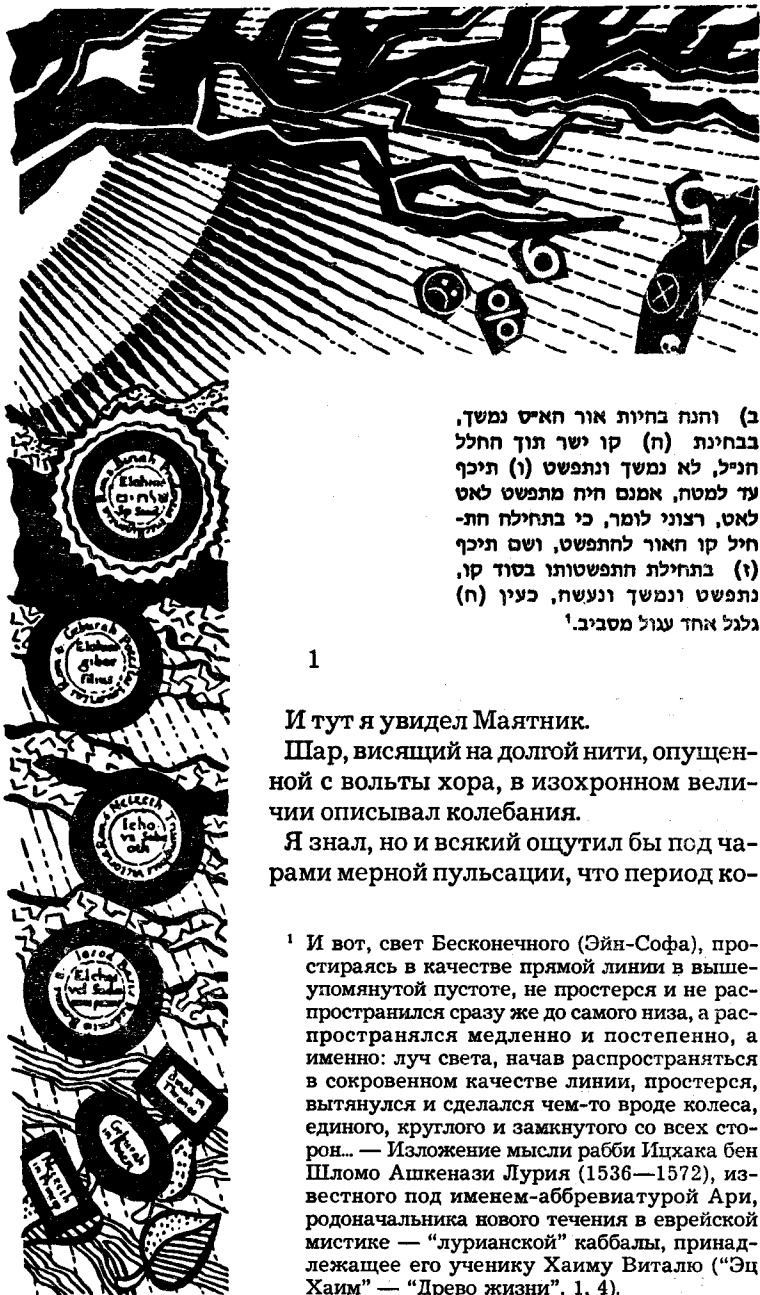
Раймонд Смulliан,
За пять тысяч лет до нашей эры.
Raymond Smullyan, 5000 B.C., 1.3.8

KETER

I

(ב) והנה בחיות אור האיס נמשך,
 בבחינת (ה) קו ישר תוך החלל
 חניל, לא נמשך ונתפשט (ו) תיכף
 עד למטה, אמנם היה מתפשט לאט
 לאט, רצוני לומר, כי בתחילה חת-
 חיל קו האור להתפשט, ושם תיכף
 (ז) בתחילת התפשטותו בסוד קו,
 נתפשט ונמשך ונעשה, כעין (ח)
 גלגל אחד עגול מסביב.¹

1

И тут я увидел Маятник.

Шар, висящий на долгой нити, опущенной с вольты хора, в изохронном величии описывал колебания.

Я знал, но и всякий ощутил бы под чарами мерной пульсации, что период ко-

¹ И вот, свет Бесконечного (Эйн-Софа), простираясь в качестве прямой линии в вышеупомянутой пустоте, не простерся и не распространился сразу же до самого низа, а распространялся медленно и постепенно, а именно: луч света, начав распространяться в сокровенном качестве линии, простерся, вытянулся и сделался чем-то вроде колеса, единого, круглого и замкнутого со всех сторон... — Изложение мысли рабби Ицхака бен Шломо Ашкенази Лурия (1536—1572), известного под именем-аббревиатурой Ари, родоначальника нового течения в еврейской мистике — “лурианской” каббалы, принадлежащее его ученику Хаиму Виталию (“Эц Хаим” — “Древо жизни”, 1, 4).

лебаний определен отношением квадратного корня длины нити к числу π , которое, иррациональное для подлунных умов, пред лицом божественной Рации неукоснительно сопрягает окружности с диаметрами любых существующих кругов, как и время перемещения шара от одного полюса к противоположному представляет результат тайной соотношенности наиболее вневременных мер: единственности точки крепления — двойственности абстрактного измерения — троичности числа π — скрытой четверичности квадратного корня — совершенства круга.

Еще я знал, что в конце отвесной линии, проведенной от точки крепления, находящийся под маятником магнитный стабилизатор воссылает команды железному сердцу шара и обеспечивает вечность движения: это хитрая штука, имеющая целью перебороть сопротивление материи, но которая не противоречит закону Фуко, напротив, помогает ему проявиться, потому что помещенный в пустоту любой точечный вес, приложенный к концу нерастяжимой и невесомой нити, не встречающий ни сопротивления воздуха, ни трения в точке крепления, действительно будет совершать регулярные и гармоничные колебания — вечно.

Медный шар поигрывал бледными переливчатыми отблесками под последними лучами, шедшими из витража. Если бы, как когда-то, он касался слоя мокрого песка на плитах пола, при каждом из его касаний прочерчивался бы штрих, и эти штрихи, неуловимо изменяя каждый раз направление, расходились бы, открывая разломы, траншеи, рвы, и угадывалась бы радиальная симметричность, костяк мандалы, невидимая схема пентакула¹, звезды, мистической розы. Нет, нет. Это была бы не роза, это был бы рассказ, записанный на полотнах пустыни следами несосчитанных караванов. Повесть о тысячелетних скитаниях; наверное, этой дорогой шли атланты континента Му, в угрюмой, упорной решительности, из Тасмании в Гренландию, от тропика Козерога к тропику Рака, с острова Принца Эдуарда на Шпицберген. Касаниями шара утрамбовывалось в минутный рассказ все, что они творили в

¹ Пятиконечной звезды (лат.).

промежутках от одного ледового периода до другого и, скорее всего, творят в наше время, сделавшись рабами Верховников; вероятно, перелетая от Самоа на Новую Землю, этот шар нацеливается, в апогее параболы, на Агарту, центр мира. Я чувствовал, как таинственным общим Планом объединяется Авалон гиперборейцев с полуденной пустыней, оберегающей загадку Айерс Рок.

В данный миг, в четыре часа дня 23 июня, Маятник утрачивал скорость у края колебательной плоскости, безвольно отшатывался, снова начинал ускоряться к центру и на разгоне, посередине рассекал с сабельным свистом тайный четверугольник сил, определявших его судьбу.

Если бы я пробыл там долго, неуязвимый для времени, наблюдая, как эта птичья голова, этот копейный наколочник, этот опрокинутый гребень шлема вычерчивает в пустоте свои диагонали от края до края астигматической замкнутой линии, я превратился бы в жертву обольщения чувств и Маятник убедил бы меня, что колебательная плоскость совершила полный оборот и возвратилась в первоначальное положение, описав за тридцать два часа сплюснутый эллипс — эллипс, обращающийся вокруг собственного центра с постоянной угловой скоростью, пропорциональной синусу географической широты. Как вращался бы тот же эллипс, будь нить маятника прикреплена к венцу Храма Соломона? Вероятно, Рыцари испробовали и это. Может быть, их расчет, то есть конечный результат расчета, не изменялся. Может быть, собор аббатства Сен-Мартен-де-Шан — это действительно истинный Храм. Вообще чистый эксперимент возможен только на полюсе. Это единственный случай, когда точка подвешивания нити расположилась бы на продолжении земной оси, и Маятник заключил бы свой видимый цикл ровно в двадцать четыре часа.

Однако это отступление от Закона, к тому же предусмотренное самим Законом, эта погрешность против золотой нормы не отнимала чудесности у чуда. Я знал, что Земля вращается и что я вращаюсь вместе с нею, и Сен-Мартен-де-Шан, и весь Париж со мною, и все мы вращались

под Маятником, который действительно несколько не изменял ориентации своего плана, потому что наверху, где он к чему-то был привязан, на другом конце воображаемого бесконечного продолжения нити, в высоту и вдаль, за пределами отдаленных галактик, — находилась недвижная и непреложная в своей вековечности Мертвая Точка.

Земля двигалась, однако место, к которому прикреплялся канат, было единственным неподвижным местом вселенной.

Поэтому мой взгляд был прикован не столько к земле, сколько к небу, осиянному тайной Абсолютной Неподвижности. Маятник говорил мне, что хотя вращается все — земной шар, солнечная система, туманности, черные дыры и любые порождения грандиозной космической эманации, от первых эонов до самой липучей материи, — существует только одна точка, ось, некий шампур, Занебесный Штырь, позволяющий остальному миру обращаться около себя. И теперь я участвовал в этом верховном опыте, я, вращавшийся, как все на свете, сообща со всем на свете, удостоивался видеть То, Неподвижное, Крепость, Опору, светоносное явление, которое не телесно, и не имеет ни границы, ни формы, ни веса, ни количества, ни качества, и оно не видит, не слышит, не поддается чувственности, и не пребывает ни в месте, ни во времени, ни в пространстве, и оно не душа, не разум, не воображение, не мнение, не число, не порядок, не мера, не сущность, не вечность, оно не тьма и не свет, оно не ложь и не истина.

До меня долетел пасмурный обмен репликами между парнем в очках и девицей, увы, без очков.

— Это маятник Фуко, — говорил ее милый. — Первый опыт проводили в погребке в 1851 году, потом в Обсерватории, потом под куполом Пантеона, длина каната шестьдесят семь метров, вес гири двадцать восемь кило. Наконец, в 1855-м подвешен тут, в уменьшенном масштабе. Канат протянут через нижнюю часть замка свода...

— А зачем надо, чтобы он болтался?

— Доказывается вращение Земли. Поскольку точка крепления неподвижна...

— А почему она неподвижна?

— Потому что точка... Сейчас я тебе объясню... В центральной точке... любой точки, находящейся среди других видимых точек... В общем, это уже не физическая точка, а как бы геометрическая, и ты ее не можешь видеть, потому что у нее нет площади. А то, у чего нет площади, не может перекокситься ни влево, ни вправо, ни кверху, ни книзу. Поэтому она не вращается. Следишь? Если у точки нет площади, она не может поворачиваться вокруг себя. У нее нет этого самого себя...

— Но эта точка на Земле, а Земля вертится..

— Земля вертится, а точка не вертится. Можешь не верить, если не нравится. Ясно?

— Мне какое дело...

Несчастливая. Иметь над головой единственную стабильную частицу мира, то ни с чем не сравнимое, что не подвержено проклятию общего бега — *panta rhei*, — и считать, что это не ее, а Его дело! Вслед за этим чета пошла прочь, он — обнимая свой справочник, отучивший его удивляться, она — волоча свой организм, глухой к сердцебиению бесконечности, и оба — никак не пытаюсь закрепить в памяти опыт этой встречи, их первой и их последней — с Единым, с Эйн-Соф, с Невысказуемым. Они не пали на колени перед алтарем истины.

Я глядел с вниманием и страхом, и мне поверилось, что Якопо Бельбо прав. Всегдашние его дифирамбы Маятнику я привык списывать на бесплодное эстетство, злокачественное, которое медленно разъедало его душу, и, бесформенное, перенимало форму его тела, незаметно перекодируя игру в реальность жизни. Однако если Бельбо был прав насчет Маятника, вероятно, он был прав и насчет всего прочего, — и был План, и был Всеобщий Заговор, и было правильно, что я оказался здесь сегодня, накануне летнего солнцестояния. Якопо Бельбо — не сумасшедший, ему просто привелось во время игры, через Игру, открыть истину.

Дело в том, что сопричастность Божескому не может продолжаться долго, не потревожив рассудок.

Тогда я постарался отвести взгляд, проследивая дугу,

которая от капителей расставленных полукругом колонн уходила, подпираемая гуртами свода, к ключу, повторяя уловку стрельчатой арки, умеющей опереться на пустоту — высшая степень лицемерия в статике — и уговорить колонны, что они обязаны пихать вверх ребра свода, а ребрам, распираемым давлением замка, — внушить, чтоб они прижимали к земле колонны; однако свод еще хитрее, он является и всем и ничем, и причиной и следствием в едином лице. Однако я моментально понял, что отворачиваться от Маятника, свисающего со свода, и размышлять вместо этого о своде — то же самое, что зарекаться от родников, но пить из источников.

Хор собора Сен-Мартен-де-Шан существовал лишь благодаря тому, что имел существование, в прославление Закона, — Маятник; а Маятник существовал только потому, что существовал собор. Не сбежишь от бесконечности, подумал я, удирая к другой бесконечности, не убежишь от встречи с тождественным, пытаюсь отыскать иное.

По-прежнему не отводя глаз от ключа соборного свода, я стал пятиться, отступая шаг за шагом; за время, прошедшее с момента прихода, я детально заучил расположение зала, да и мощные металлические черепахи, патрулировавшие стены, постоянно маячили в углу поля зрения. Пропятившись весь неф, до входной двери, я снова оказался под сенью грозных птеродактилей из проволоки и тряпок, зловещих стрекоз, неведомо чьей оккультной волей посланных под потолок нефа. Они выступали метафорами знания, значительно более глубокими, чем, вероятно, замышлял дидакт, разместивший их в назидательной последовательности. Трепетание насекомых и рептилий мезозоя. Аллегория бесчисленных миграций Маятника над поверхностью земли. Архонты¹, извращенные эманации, они пикировали на меня, целясь археоптериковыми клювами, аэропланы Бреге, Блерио, Эно, геликоптер Дюфо.

¹ Враждебные Богу и человеку духи — мироправители, слуги дьявола (*христ. мифол.*).

Посетитель Консерватория Науки и Техники в Париже, пройдя через двор восемнадцатого века и после этого несколько коридоров, вступает в древнюю аббатскую церковь, врезанную в более новый комплекс зданий, как прежде она была облеплена со всех сторон строениями приората. При входе сразу перехватывает дух от странного союза горней запредельной стрельчатости с хтоническим миром пожирателей солярки и мазута.

По низу тянется процессия самоходов, самокатов и паровых экипажей, сверху висят воздухоплавательные машины пионеров, одни предметы целы, другие ободраны, истрепаны временем, и все они вместе предстают под смешанным — естественным и электрическим — светом как будто в патине, в лаке коллекционной виолончели: иногда сохраняется только скелет, шасси, наворот приводов и рукоятей, и сулит неопишуемые пытки, так и видишь себя прикрученным цепями к этому ложу откровенности, вот-вот оно шевельнется, пойдет копать твое мясо и рыться в жилах до полного и чистосердечного признания.

А за этой вереницей старых движков, ныне безвредных, с заржавелою душою, символов технологической сущности, с левого фланга под надзором статуи Свободы, уменьшенного макета той, которую Бартольди спроектировал для другого мира, а ежели повернуться направо — статуи Паскаля, — над всем этим высится хор, и в пустоте хора вокруг метаний Маятника кружит и бьется бред сумасшедшего энтомолога: клешни, челюсти, усы, членики, крылья, ножки — мавзолеей механических мумий, способных просыпаться в какие-то секунды, — магниты, однофазные трансформаторы, турбины, преобразователи частот, паровые машины, динамо; а в глубине за Маятником, в затененном трансепте, — ассирийские, халдейские, карфагенские идолы, великие Ваалы, чье чрево беременно пламенем, нюрнбергские девы, чье сердце усеяно гвоздями, оголено, — когда-то они были моторами самолетов, — хоровод моделей, распластавшихся в рабском обожании Маятника: се детища Разума и Света, приговоренные вечно оберегать Воплощение Предания и Познания.

Скучающие туристы, несущие девять франков в кассу, а по воскресеньям идущие бесплатно, таким образом могут подумать, что господа девятнадцатого века с бородами, желтыми от никотина, с воротничком засаленным и мятым, с бантом черного цвета, в рединготе, пропахшем понюшками, с руками, потемневшими от щелочей, с мозгами, окисленными в академических интригах, карикатурные существа, зовущие друг друга “*cher maître*”, разместили эти предметы под этим сводом из чистой любви выставляться, ради ублаговторения как буржуазной, так и радикальной прослойки, во славу достижений знания и прогресса... Нет, нет, Сен-Мартен-де-Шан был запланирован, и на этапе аббатства, и на этапе революционного музея, для хранения сверхсекретных данных, и самолеты, самоходные машины и магнитные скелеты, согласно заданию, ведут условный диалог, к которому я до сих пор не имею ключа.

Неужели предполагалось, что я поверю, — как лицемерно подзуживал каталог музея, — что замечательная идея принадлежала господам из Конвента, а целью их было — приобщить массы к святилищу техники и искусств? Притом что проект музея во всех мельчайших деталях, да даже и в терминологии, совпадает с описанием Соломонова Дома в “Новой Атлантиде” Фрэнсиса Бэкона?

Может ли быть, что один только я — я и Якопо Бельбо, и Диоталлеви, — распознали истину? Сегодня мне, вероятно, предстояло получить ответ. Для этого надо было остаться в музее после его закрытия и дожидаться двенадцати часов.

Как войдут в собор Те — мне было неизвестно, но я знал, что коллекторы парижской канализации — это катакомбы, значит, и музей сообщается с разными концами города — войдешь тут, а вынырнешь у ворот Сен-Дени. Но если бы сейчас вышел, то вряд ли сумел бы найти подземный ход обратно. Так что для меня единственное решение — спрятаться и ожидать здесь.

Я попробовал выпасть из романтического транса и проинспектировать помещение чисто практически, ища не откровения, а информации. Начнем с того, что в соседних

залах еще труднее найти место, защищенное от внимания зрителей (а в их обязанности входит, перед закрытием, проверять залы на предмет затаившихся воров). Но в этом нефе, заставленном машинами, что может быть естественнее, чем угнездиться пассажиром в какой-нибудь из них? Обжиться в мертвом панцире. Мы так много играли, что глупо не поиграть еще немножко.

Смелей, душа, сказал я, не думай больше о Знании и доверяйся Науке.

У нас есть странные и редкие часы,
и часы идущие обратно, и вечные...
У нас есть и Каморы обмана чувств,
где любые чудеса Фиглярства, и Мнимых Видений,
Мороков и Блазнов... Таковы, о сын,
богатства Дома Соломонова.

Фрэнсис Бэкон, *Новая Атлантида*.
Francis Bacon, New Atlantis
ed. Rawley, London, 1627, pp.41—42

2

Я взял себя в руки. В эту игру следовало играть с тем же юмором, как до сих пор, и не дать запутать себя. Я в музее, и я доиграю свою рольку по возможности остро, умно, хитро.

В вышине самолеты зазывали влезть в кабину биплана и дожидаться ночи, паря над Ла-Маншем, предвкушая Почетный легион. Внизу имена машин напоминали пра-детство. Испано Сюиза 1932 года — само совершенство, удобство. Не годится — слишком близко к кассе. Хорошо бы, конечно, для обмана зрителя натянуть брюки-гольф, застыть, придерживая дверцу автомобиля перед дамой в кремовом английском костюме, с длинным шарфом вокруг лебединой шеи, в шляпе раструбом, со стрижкой под мальчишка. Ситроен С-6G 1931 года имелся только в разрезе, прекрасная учебная модель, но никудышное укрытие. О паровой машине Кюньо не шло речи — она целиком состояла не то из бака, не то из котла, бог весть как называется эта штука. Правая стена была заставлена велосипедами на фигурных колесах, дрезинами с плоскими рамами, самокатами, отрадой господ в высоких цилиндрах, раскатывающих по Булонскому лесу, этих рыцарей прогресса.

Перед велосипедами — солидные автомобили, бесподобные убежища. Не обязательно первый попавшийся — непригоден Панар Динавия 1945 года, слишком сквозной, приплюснутый, аэродинамический, точеный. А вот высоченная Пежо тысяча девятьсот девятого как раз вполне подошла бы: гарсоньерка, альков. В глубинах ее кожаных диванов никто бы меня не нашел. Но трудно в нее забраться, зритель уселся у дверцы, на скамеечке, спиной к би-

циклетам. Шагнуть бы на подножку, раздвигая полы шубы, и пусть он, в обтяжных по колено гетрах, почтительно сдержив кепку, подержит мне тяжелую дверь...

Я рассмотрел кандидатуру Обейссана 1873 года: первое французское транспортное средство на механическом ходу, дюжина пассажиров. Если Пежо мы принимаем за шикарную квартиру, Обейссан может считаться дворцом. Но как же в нем замаскироваться, если это центр всеобщего внимания? И вообще как укрыться от сыщиков-разбойников посреди картинок с выставки?

Я снова обошел залу. Статуя Свободы высилась, “озаряя весь мир”, на почти двухметровом пьедестале — на мощном корабельном носу, оборудованном ростром. Внутри было что-то вроде рубки, где через иллюминатор, выходящий в корму, можно было любоваться диорамой Нью-Йорка с залива. Прекрасный наблюдательный пункт для ночного времени: в полутьме мне будут видны весь хор слева и весь неф справа, с тыла меня прикроет огромный каменный памятник Грамму, вглядывающийся в дальние коридоры из своей ниши-трансепта. Но при свете дня внутренность рубки отлично просматривалась, и любой нормальный сторож, выпроводив посетителей, перед тем как закрывать, должен бросить взгляд сюда.

Времени было немного, в полшестого закрывали. Я углубился в часовенку-трансепт. Ни один из моторов не мог дать укрытия. Ни гигантские топки четырехпалубных суден — останки какой-нибудь “Лузитании”, давно ушедшей в пучину, — ни газовый двигатель Ленуара, весь в зубчатых передачах. Нет. Свет убывал и совсем водянисто сочился в серые витражи, и опять, сильнее чем прежде, мне становилось страшно: спрятаться на ночь среди этих тварей и потом наблюдать, как они оживают в темноте, под лучом электрического фонарика, слушать земнородное бульканье их утроб, видеть кости и ребруху без кожи, скрипучие и склизкие от масляного пота. Меня поражала непристойность этой картины: гениталии дизелей, вагины турбин, глубокие глотки, готовые изрыгать огни, дымы, шумы, чудища, надоедливо жужжащие, как майские жуки, стрекочащие, как цикады, а по другую руку — образцы чистой абстрактной практичности, автоматы мнущие,

жнущие, толкущие, бьющие, нарезающие, ускоряющие, замедляющие, пожирающие, рыдающие всеми цилиндрами, развинчивающиеся на части, как кошмарные куклы, вращающие барабанами, преобразующие частоты, трансформирующие энергию, трясущие маховиками — какое мне было спасенье? Они напали бы на меня, науськиваемые Верховниками Мира, которые их используют для доказательства тезиса об ошибке творца, бедные бессмысленные механизмы, столь ценимые бедными повелителями нижнего мира, — о, мне-то как надеяться устоять, не дрогнув?

Надо бежать, надо бежать, это сумасшествие, я ввязался в игру, через которую Якопо Бельбо потерял разум, зачем же я, “Фома недоверчивый”...

Не знаю, правильно ли я поступил вчера, оставшись в этом зале. Если бы не остался, сегодня я знал бы начало истории, но не знал бы конца. И не сидел бы здесь, один, в домике на взгорье, не вслушивался в твяканье псов внизу под горою, не решал бы вопрос: так знаю я конец этой сказки или концу еще предстоит случиться — случиться со мною?

Итак, я решил оставаться. Я вышел из капеллы, из церкви и за памятником Грамму двинулся налево, в галерею. В галерее была выставка паровозов, разноцветные модели локомотивов и вагонов стояли жизнерадостные, как игрушки: уголок Диснейленда, Страны Дураков, луна-парка. Я, похоже, привыкал к смене собственных настроений. Ужас, эйфория, тоска, снова облегчение... подозрительно похоже на известный синдром... МДП. Я втолковывал себе, что столь острая реакция на зрелище машин в церкви объясняется тем, что я начитался записей Бельбо, которые удалось расшифровать с огромными трудами, и которые, невзирая на мои труды, — бред. Здесь музей техники, бормотал я, я в музее техники, самое нормальное место, немножко занудное, но не более того; коллекция безобиднейших трупов, ты же знаешь, что такое музеи, никого еще не съела Джоконда, эта уродина-гермафродит, хотя для снобов она и Медуза. И еще меньше шансов, что тебя съест паровоз Уатта, его боялись только оссианические, неоготические аристократы, и поэтому у машины такой меже-

умочный вид: функциональность с коринфским шиком, рычаги с капителями, котлы с колоннадой, колеса с порталами. Якопо Бельбо из своего непрекрасного далека норovil затащить меня в мышшеловку, погубившую его самого. Надо, сказал я себе, действовать по науке. Вулканологи не сгорают, как Эмпедокл. Фрззер не заблудился в Немейском лесу. Ладно, приятель, значит, недаром тебя зовут Сэм Спейд! Маленькая прогулка по притонам, такая уж у нас работенка. Женщина, с которой ты славно провел время, должна умереть, и прикончишь ее ты. Прощай, Эмили, детка, это было прекрасно, но тебе незнакомо слово “любить”.

Однако за паровозной галереей следовал зал Лавуазье, после которого парадная лестница уводила на следующие этажи.

И все витрины по стенам, и алхимический алтарь по центру, изысканная макумба века Просвещения, — все здесь стояло не случайно, все было результатом специальной символической стратагемы.

Во-первых, засилье зеркал. Если имеется зеркало, это уж просто, по Лакану: вам хочется посмотреться в него. Но ничего на выходит. Вы меняете положение, ищете такого положения в пространстве, при котором зеркало вас отобразит, скажет: “Вот ты, ты тут”. И совершенно невозможно примириться с тем, что зеркала Лавуазье, выпуклые, вогнутые и еще бог весть какие, отказываются вести себя нормально, издеваются над вами: отступите на шаг — и вы в поле зрения, шагнете хоть чуть-чуть — и теряете себя. Этот катоптрический театрик создавался специально для разрушения вашей личности, то есть вашего самоощущения в пространстве. Вам как будто внушают: вы не только не Маятник, вы и не там, где Маятник. Появляется неуверенность не только в себе, но и во всем прочем. Исчезают вполне реальные вещи, которые вы видите рядом с собою. Разумеется, физика способна объяснить, что происходит: вогнутое зеркало фокусирует лучи, исходящие от предмета — сейчас этот предмет перегонный куб на медном чане, — а нормальное зеркало отражает получаемые из вогнутого лучи таким образом, что собственно предмета, очертаний его, в зеркале не видно, а ощущается нечто при-

зрачное, мимолетное и к тому же перевернутое вверх ногами, где-то в воздухе, вне зеркала. Разумеется, стоит пошевелиться, и эффект пропадет.

Взамен эффекта я увидел себя самого во втором зеркале — вниз головой.

Невыносимо.

Что имел в виду Лавуазье, чего требовали от него основатели музея? Со времен арабского средневековья, с трактатов Альгазена изучена магия зеркал. Стоило ли городить огород — Энциклопедия, век Просвещения, Революция, — чтоб продемонстрировать: любое изогнутое стекло способно спровадить вас в Воображаемость. Да и нормальное зеркало наводит дурной глаз — каждое утро за бритьем мы глядим в глаза Двойнику, обреченному пожизненному левше. Стоило ли оборудовать зал для такого скромного сообщения, или нам что-то недоговаривают, и следует в новом свете рассмотреть все попутное — витринки, инструменты, приуроченные к зачаточной физике, к химии просветительства?

Кожаная маска для защиты лица во время опытов по известкованию. Да право? Неужто великий повелитель подколпачных свеч напяливал эту баутту и глядел помойною крысой из-под скафандра: инопланетянин боится повредить глаза? Oh, how delicate, doctor Lavoisier. Если вы хотите разработать кинетическую теорию газа, зачем так тщательно воссоздаете эолипилу — краник на шарике, который от нагрева вертится и выбрасывает пар? Вы знаете, что первая эолипила была изобретена Героном во времена Гнозиса и что она находится в основе говорящих статуй и прочих хитроумий египетских жрецов?

А прибор для наблюдения гнилостного брожения, 1789, напоминание о зловонных выблядках Демиурга? Переплетение стеклянных трубок, восходящих из пузыревидного лона к перепутанным сосудам и сочленениям, — семенные пути на узких вилочках-подпорах между двумя колбами, из одной в другую держит путь прозрачная жидкость, тонкие дренажи расширяются в пустоту... Гнилостное брожение? Balneum Mariae, сублимация ртути, таинство совокупления, сотворение Эликсира!

Вот еще один прибор для брожения, на этот раз винного.

Игра хрустальных радуг, переброшенных от атанора к атанору, выходящих из одного перегонного куба и в другой куб впадающих. А крошечные очки, миниатюрная клепсидра, малюсенький электроскоп, линза, лабораторный ножик, похожий на клинописную литеру, лопаточка с рычагом-выхлопом, стеклянное лезвие, тигелек в три сантиметра из огнеупорной глины, чтоб плодить в нем гомункулов росточком с гнома, неразличимых размеров матка для микроклонирования, ларцы красного дерева, полные белых пакетиков, похожих на облатки в деревенской аптеке, завернутых в линованный пергамент с неразборчивыми надписями, и в этих пакетиках — минералогические образчики, так обычно говорится, а на самом деле — обрывок Василидовой плащаницы, ковчежец с крайней плотью Гермеса Трисмегиста, длинный, тонкий молоточек мебельного обойщика, которому назначено отстучать сигнал к стремительному дню Страшного Суда, аукцион квинтэссенций для публики Малого Народа Эльфов Авалона, замысловатейший приборчик для опытов по сгоранию масел: стеклянные шары, сращенные, как лепестки четырехлистника, и соединенные с другими четырехлистниками, связанными между собой золотыми трубками, и четырехлистники с трубками из хрусталя, и с медными цилиндрами, под которыми — очень далеко внизу — еще другой цилиндр из стекла и золота, и новые трубки, опять свисающие вниз, и от них отростки, железы, мошонки, гланды, гребни... И это химия нового времени? И за это надо было гильотинировать изобретателя, притом что вроде бы материя не образуется и не исчезает? Или все-таки его убили, чтоб он не мог никому рассказать то, что старался высказать в завуалированном виде, подобно быстрому разумом Невтону, который в свою очередь больше всего интересовался Каббалой и ее качественными эссенциями?

Зала Лавуазье Консерватория Науки и Техники — это исповедь, шифровка, это резюме остального музея, насмешка над самоуверенной и жесткой рациональностью нового времени, шепоток иных тайн. Якопо Бельбо был прав, Разум был крив.

Я торопился, время поджимало. Вот метр, килограмм и

меры — иллюзия гарантированных гарантий. Но я помнил из лекций Алье, что тайна пирамид раскрывается только если вести расчеты не в метрах, а в локтях. Вот арифметические машины, по виду — триумфы количественности, на самом же деле — прославление оккультной качественности цифр, возврат к принципам Нотарикона¹, к учению раввинов, рассеянных по городам и весям Европы. Астрономические приборы, часы, автоматы; беда — вдумываться в эти новые откровения. Я проникал в сердцевину тайного текста, представленного в форме Театра Разума, хорошо, успевает, я еще обследую от закрытия до полуночи эти экспонаты, которые в мутных заходящих лучах восстанавливают свой подлинный облик — образов, а не орудий.

Так, теперь скорее через залы разных видов техники, энергии, электричества, все равно за их витринами не удалось бы мне укрыться. Чем лучше я постигал или угадывал смысл этих вещей, тем большая тоска меня охватывала, поскольку я не успевал найти укрытие, чтобы ночью присутствовать при проявлении их таинственных сущностей. Теперь я мчался, как загнанный — вслед за мною, как зверь, летела стрелка часов, чудовищно рос счет; Земля неотвратимо обращалась, время перло вперед, и меня вот-вот должны были отсюда выгнать.

Наконец, миновав галерею электрических устройств, я попал в зал стекла. Какая странная логика потребовала, чтобы в дополнение к самым дорогостоящим и сложным чудесам современной техники там находилась и выставка примитивного стекла, известного еще финикийцам? Зала подходила под определение “с миру по нитке”: китайский фарфор и вазы-андрогины Лалика, керамика, майолика, фаянс, муранское стекло, а в глубине, в гигантских размерах витрины, в натуральную величину и в трех измерениях, лев, убивающий змею. Формально присутствие этого экспоната оправдывалось, скорее всего, тем, что группа целиком была выполнена из стеклянной пасты, но эмблематический смысл коренился, надо думать, в ином... Я попытался вспомнить,

¹ *Нотарикон* (от *лат.* *notarium* — скоропись) — истолкование слова как аббревиатуры, за каждой буквой которой скрывается другое слово; один из “трех великих путей каббалы”.

где я уже видел эти фигуры. Потом я вспомнил. Демиург, отвратительное порождение Софии, первый из архонтов, Ильдабаот, ответственный за этот мир и за его основные недостатки, имел именно этот облик — змеи и льва — и очи его испускали огненный свет. Можно предположить, что и весь Консерваторий является символическим отображением мерзкого процесса, при котором от полноты первопринципа — Маятника — и от сиятельности Плеромы, от зона к зону, по мере расщепления Огдоада, все переходит к космическому царству, в котором торжествует Зло. Однако в этом случае и змея и лев свидетельствовали, что мое хождение по музею — инициация, — к сожалению, *à rebours*¹ — было окончено, и вскоре мне предстояло увидеть мир не каким он должен быть, а какой он есть.

И действительно я заметил, что в правом углу, напротив окон, открывается вход в будку Перископа. Я поднялся в нее и увидел большую стеклянную пластину, как бы экран командного пульта, на котором расплывалось изображение, крайне нечеткое, города с высоты. Вслед за этим я понял, что изображение передается с другого экрана, расположенного у меня над головой, куда оно поступает в зеркальном виде, и этот второй экран — окуляр допотопного перископа, сложенного, в сущности говоря, из двух кожухов, совмещенных под прямым углом, из которых более длинный вытягивался, как труба, из будки и продолжался у меня над головой и за спиною, доходя до верхнего окошка, из которого, за счет внутренней игры линз, позволявшей очень широкоугольный обзор, и ловились картины внешней жизни. Я прикинул, на сколько метров мне пришлось подниматься в будку, и пришел к выводу, что при помощи перископа мы смотрим будто сквозь верхние витражи абсиды Сен-Мартена — как бы вися на Маятнике: мир глазами повешенного. Я постарался приспособить глаз к размытому изображению. Теперь можно было различить улицу Вокансон, куда выходил хор, и улицу Конте, в идеальном смысле продолжавшую неф. Улица Конте пересекалась с улицей Монгольфьер слева и с улицей де Тюрбиго справа, на том и на другом углу по

¹ В обратном порядке (фр.). Также название романа Ж.К. Гюисманса (1884) герой которого скрывается от реальности в сон.

кафе, “Уик-Энд” и “Ротонда”, а напротив — вывеска, бросающаяся в глаза на фасаде дома, “Ателье Жаксам”, с трудом прочитал я справа налево. Перископ. Не совсем очевидно, почему он должен был быть в стекольном зале, а не, скажем, в зале оптических приборов, значит, для кого-то имело значение, чтобы образы внешнего мира приходили именно сюда, в это помещение, именно с этой ориентацией, но кому и зачем — я не мог догадаться. Кому понадобилась эта каютка, позитивистская, жюльверновская, напротив многозначительной эмблемы — змеи и льва?

В любом случае, если мне хватит силы и смелости просидеть здесь еще двадцать-тридцать минут, может быть, зритель уйдет, а я останусь.

Я провел в своей субмарине полчаса, показавшиеся веком. Слышались шаги последних посетителей, шаги последних сторожей. Велико было искушение залезть под лавку, чтоб избежать случайного обнаружения, но я сказал себе: нельзя. Если меня заметут в стоячем положении, я смогу сойти за заглазевшегося растяпу.

Вскоре погасили свет и воцарилась полутьма. В будке сделалось светлее, потому что с потолка отсвечивал экран, мой последний канал связи с миром.

Осторожности ради я должен был оставаться на месте, стоя, а если заболят ноги — сидя, по меньшей мере два часа. Время закрытия музея, конечно, не означает конца работы служащих. Меня взял страх: что если придут местные залы, перетирать каждый экспонат? Потом я подумал, что так как музей открывается не самым ранним утром, скорее всего его убирают в утренние, а не в ночные часы. Видимо, так и было, по крайней мере на верхних этажах больше не ходил никто. Только какие-то дальние шорохи, сухие щелчки, вероятно — захлопываемые двери. Надо было ждать. В церковь я успею перейти между десятью и одиннадцатью или даже позже, поскольку Верховники соберутся только к полуночи.

Тем временем компания молодежи вышла из кафе “Ротонда”. Одна из девушек направилась по улице Конте, повернула на Монгольфьер. Место было не слишком оживленное, и предстояло довольно нудное времяпрепровождение.

дение: час за часом созерцать безлюдный мир у себя за плечами. Но все-таки перископ был зачем-то установлен здесь. Какое же зашифрованное сообщение мог он передавать? Мне начинало хотеться в уборную, разумеется, от нервов, но надо об этом думать.

Чего только не лезет в голову, когда вы один, нелегально, в перископе. Примерно то же переживали подпольные эмигранты в трюме парохода. Мне, как и им, предстояло пробиться к статуе Свободы с диорамой Нью-Йорка. Одолевала дремота. Может быть, и вправду немного поспать. Нет, лучше не надо, просплю все на свете.

Еще опаснее было предощущение нервного срыва, то есть когда вот-вот завопишь как резаный. Перископ, подлодка, залегшая на дно, а слева и справа проскальзывают страшные глубоководные рыбы, черней черноты, а их не видно, а воздуха не хватает...

Я несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Надо собраться. Единственное, что не подводит никогда — список поручений. Чем необходимо заняться. Вспомнить мелкие дела, составить перечень, со всеми подробностями, со всеми последствиями. Я пришел к необходимости таких-то действий на основании таких-то и сяких-то предпосылок...

Навалились воспоминания, детальные, четкие, упорядоченные. Воспоминания последних диких трех дней, потом — последних двух лет, потом — предшествовавших сорока лет, в том виде, в каком они открылись, когда я вломился в электронный мозг Якопо Бельбо.

Я вспоминаю (вспоминал вчера) для того, чтобы ввести какой-то смысл в неразбериху нашего поспешного сотворения. Сейчас, как и вчера в перископе, я устанавливаю себя в некоей отдаленной точке сознания и раскручиваю из нее рассказ. Точно как с Маятником. Диоталлеви говорил мне, что первая сефира¹ — это Кетер, Венец, исходная точ-

¹ *Сефира* (мн.ч. — *сефирот*, “числа”) — центральная идея каббалы, каждое из десяти предвечных “чисел”, “имен”, фаз эманации, образующих область проявлений Бога в различных его атрибутах. Совокупность десяти сефирот образует “древо жизни” (см. рисунок на стр. 7), понимаемое как динамическое единство, в котором раскрывается жизнедеятельность Бога и которое задает ритм Творения.

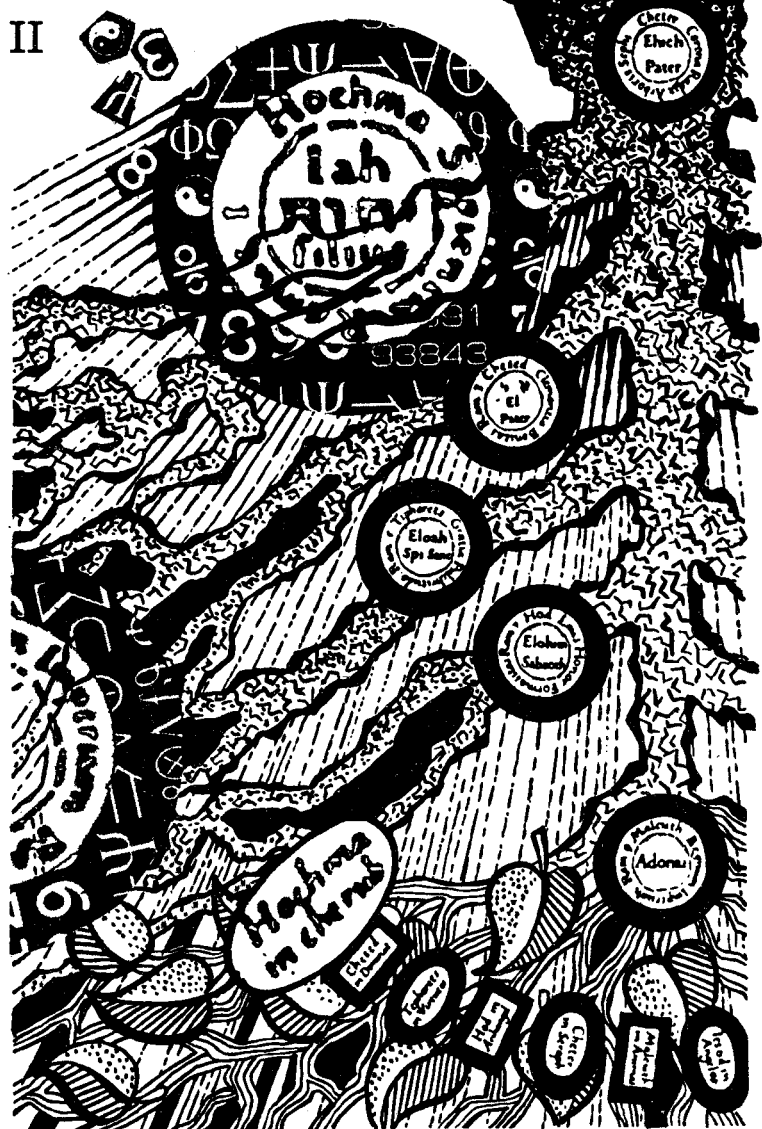
ка, первоначальная пустота. Сначала Он сотворил точку, которая стала Мыслью, где Он начертал все фигуры... Он был, и Он не был, заточенный в имени и убежавший имени, не имел иного имени, кроме “Кто?”, — одно только желание прозываться именем... В начале Он начертал знаки на воздухе, темный свет вышел из Его потаенной глубины, как бесцветный туман, дарующий форму бесформенному, и как только Он начал распространяться, в Его середине забили источники пламен, и пламена разлились и озарили нижние сефирот вплоть до самой нижней сефиры Царства.

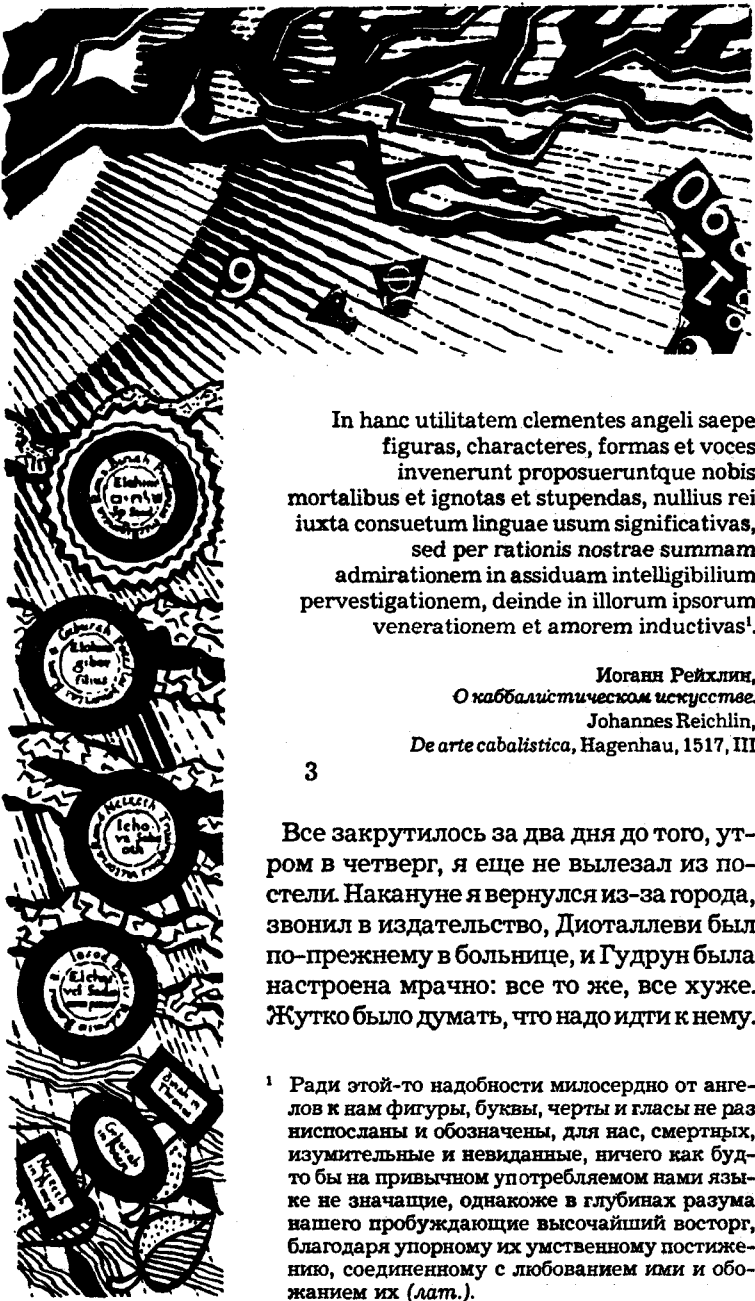
Однако, может быть, и в том “цимцум”¹, в том уединении, в одиночестве уже содержалось, как утверждал Диоталлеви, обещание возврата.

¹ *Цимцум* (ивр. “сжатие”) — ключевое понятие лурианской каббалы, процесс сокрытия, самоограничения, высвобождения некоего пространства в Боге, в пределах которого творится мир.

XOXMA

II

In hanc utilitatem clementes angeli saepe figuras, characteres, formas et voces invenerunt proposueruntque nobis mortalibus et ignotas et stupendas, nullius rei iuxta consuetum linguae usum significativas, sed per rationis nostrae summam admirationem in assiduam intelligibilium pervestigationem, deinde in illorum ipsorum venerationem et amorem inductivas¹.

Иоганн Рейхлин,
О каббалистическом искусстве.

Johannes Reichlin,
De arte cabalistica, Hagenhau, 1517, III

3

Все закрутилось за два дня до того, утром в четверг, я еще не вылезал из постели. Накануне я вернулся из-за города, звонил в издательство, Диоталлеви был по-прежнему в больнице, и Гудрун была настроена мрачно: все то же, все хуже. Жутко было думать, что надо идти к нему.

¹ Ради этой-то надобности милосердно от ангелов к нам фигуры, буквы, черты и гласы не раз ниспосланы и обозначены, для нас, смертных, изумительные и невиданные, ничего как будто бы на привычном употребляемом нами языке не значащие, однакоже в глубинах разума нашего пробуждающие высочайший восторг, благодаря упорному их умственному постижению, соединенному с любованием ими и обожанием их (лат.).

Что касается Бельбо, его в конторе не было. Гудрун сказала, что он звонил и сказал, что исчезает по семейным обстоятельствам. Какая еще семья? Самое странное, что он забрал компьютер, под кодовой кличкой "Абулафия", вместе с принтером. Гудрун сказала, что он хотел работать дома. Что за гонка? Почему не работать на работе?

Чувствовал я себя сиротливо. Лия с ребенком возвращалась только через неделю. Накануне вечером я наведывался к Пиладу, но и там было пусто.

Меня разбудил телефон. Говорил Бельбо, издалека, искаженным голосом.

— Вы где? Откуда вы звоните? Вас причислили к павшим под Аустерлицем...

— Не до шуток, Казобон, слушайте. Я в Париже.

— В Париже! Это же я собирался в Париж! Вы украли мой Консерваторий!

— Не шутите, ладно. Я звоню из автомата... Из кафе... Не знаю, смогу ли долго говорить...

— Если нет жетонов, переведите разговор на меня. Перезвоните, я подожду...

— Дело не в жетонах. У меня неприятности... — И он прокричал быстро, чтоб не дать мне себя перебить: — План. План существует на самом деле. Оказался правдой. Пожалуйста, не надо спорить. За мной охотятся...

— Да кто охотится? — я все еще не понимал.

— Храмовники, о господи, Казобон, вы не хотите верить, но все это правда! Они думают, что карта у меня, я у них на крючке, они заставили меня приехать в Париж. В субботу в полночь они ждут меня в Консерватории, в субботу, понимаете, в ночь святого Иоанна! — Он говорил бессвязно, следить было трудно. — Я не хочу идти, я попытаюсь бежать, Казобон, они убьют меня! Предупредите Де Анджелиса, или нет, бесполезно, не надо, не надо никакой полиции...

— Что же делать?

— Что делать — не знаю, прочтите дискеты, на Абулафии, я записал туда все, что случилось за последний месяц. Вас не было, некому было рассказать, я писал трое суток... Вы слушаете? На работе, в ящике, в моем столе будет пакет, в нем два ключа. Большой ключ вам не нужен, он от дома в деревне, а маленький — от миланской

квартиры. Идите туда и все прочтите, а потом решайте, или поговорим сейчас, господа, не могу сообразить, что делать...

— Хорошо, я прочту. Но вас-то где искать?

— Не знаю, я каждый день меняю гостиницу. Сегодня вы делаете, как я сказал, а завтра ждите с утра в моей квартире, я попытаюсь перезвонить, если смогу. Да, еще. Забыл сказать вам пароль...

Послышался шум, и голос Бельбо то приближался, то удалялся, то совсем исчезал, как будто кто-то вырывал у него трубку.

— Бельбо! Что происходит?

— Они выследили меня. Пароль...

Раздался удар, как выстрел. Наверно, упала трубка, ударилась о стену или о полочку под телефоном. Звуки драки. Потом кто-то повесил трубку обратно, — разумеется, не Бельбо.

Я встал и пошел под душ, чтобы покрепче проснуться. Я ничего не мог понять. “План оказался правдой”! Что за чушь, мы сами его сочинили. Кто схватил Бельбо? Розенкрейцеры, граф Сен-Жермен, Охранка, Рыцари-Храмовники, Ассасины? Все было равно возможно, потому что равно невероятно. Могло случиться, что у Бельбо поехала крыша, он последнее время жил в таком напряжении, непонятно из-за чего: то ли из-за Лоренцы Пеллегрини, то ли из-за все возраставшего увлечения его собственным порождением. Вообще-то детище было не только его, План был общий, мой, его и Диоталлеви, но из нас троих именно он, по-видимому, втянулся сильнее прочих, больше, чем требовала игра. Строить дальнейшие предположения не имело смысла. Я побежал в издательство. Гудрун встретила меня кисло: ее оставили одну в лавке. Но я, не останавливаясь, промчался в нашу комнату, выхватил из ящика пакет с ключами и побежал к Бельбо.

Запах затхлости, стоялых окурков, пепельницы переполнены, мойка завалена тарелками, ведро забито жестянками от консервов. В кабинете на столике три пустых бутылки от виски, в четвертой еще оставалось пальца на

два. Квартира человека, который несколько дней сидел взаперти, ел что попадется и работал абсолютно как ненормальный.

Всего там было две комнаты, в обеих книги занимали все полезное пространство и громоздились по углам, стеллажи стонали под их весом. Мне тут же бросились в глаза компьютер, принтер, коробки с дискетами. В тех немногих местах на стенах, где не было книг, висели картины и, в частности, напротив стола — гравюра семнадцатого века в замечательной рамке, аллегорический сюжет, на которую я не обратил никакого внимания месяц назад, когда заходил к Бельбо выпить пива накануне отъезда в отпуск.

На столе — фото Лоренцы Пеллегрини, красовалась и дарственная надпись мелким кривоватым почерком подростка. Крупный план лица; выражение глаз — странное выражение глаз — волнующие глаза; из безотчетной деликатности — или ревности? — я отвернул снимок и не стал читать надпись.

Среди папок на столе большинство было — графики, распечатки издательских планов. Но довольно быстро мне попался связный текст, напечатанный на принтере. Судя по датировке файла, это были первые пробы работы на компьютере. Они так и назывались “Абу”. Я тут же вспомнил первые дни, когда Абулафия только-только появился в нашем издательстве. Бельбо совершенно потерял покой, вел себя как ребенок, Гудрун похмыкивала, Диоталлеви отпускал иронические замечания.

Файл “Абу” представлял собой открытое письмо Якопо Бельбо всем насмешникам его жизни. Письмо довольно сумбурное, “на новенького”, выдающее невероятное комбинаторное исступление, с которым Бельбо набросился на электронную машину. Человек, который говорил о себе с обычной бескровной улыбочкой: однажды-де он понял, что ему не светит роль главного героя, и выбрал себе роль умного наблюдателя; бессмысленно писать, если нет серьезной мотивации, гораздо лучше переписывать уже написанное, то есть быть хорошим редактором, — этот человек обнаружил для себя в компьютере некий галлюциноген. Он брэнчал на клавиатуре, как подбирают собачью польку на стареньком домашнем пианино, когда никто не слушает

и не судит. Творческая мысль не имела к этому отношения; затерроризированный письмобоязнью, он воспринимал данный процесс не как письмо, а только как пробу автоматического устройства, как физзарядку ума. И в то же время, освободившись от присущих фобий, он увидел в этой новой игре выход в подростковое состояние, столь любезное пятидесятилетним. В любом случае, каким-то образом его природный пессимизм и сложные расчеты с прошлым отступили на второй план перед возможностью контакта с памятью неорганической, вещной, покорной, безответственной, внеисторической, до того по-человечески бесчеловечной, что он на время переставал чувствовать собственную знаменитую "болезнь бытия".

Имя файла: Абу

О яснейшее утро конца ноября, в Начале было Слово, гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, Муза прелестница, Муза печальница. Точка и новая строчка.

Само идет на новую строчку.

Проба проба проба *паракалео паракалео*. Хорошая программа строит анаграммы. Если вы написали роман из жизни южных штатов, героя зовут Ретт Батлер, а героиню Скарлетт, а потом вам это не понравилось, надо только дать команду и Абу поменяет всех Реттов Батлеров на князей Андреев, всех Скарлетт на Наташ, Атланту на Москву, и готова война и мир.

Абу все может. Сейчас я напишу фразу и заставлю Абу поменять все "а" на "акка" и все "о" на "улла" и получится по-фински.

Аккабу все муллажет. Сейчаккас я накапишу фракказу и заккастаккавлю Аккабу пулламенять все "акка" на "аккаккакка" и все "улла" на "уллакка" и пуллалучится пулла-фински.

О счастье, о головокружение неподобия, о мой идеальный читатель/писатель, обуреваемый идеальной "несонницей" (О поминки по Финнегану, о нежная, возвышенная тварь!). Не думает за тебя, а помогает тебе

думать за него. Механизм стопроцентной духовности. Ежели пишешь гусиным пером, скрипя по засаленному листу бумаги и макая ежеминутно в чернильницу, мысли опережают друг друга и рука не успевает за мыслью, если печатаешь на машинке, буквы перепутываются, невозможно поспеть за скоростью собственных синапсов, побеждает тупой механический ритм. А вот с ним (может быть, с нею?) пальцы пляшут как им угораздится, мозг объединен с клавиатурой, и порхаешь посреди неба, у тебя как у пташки крылья, ты сочиняешь психологический критический разбор ощущений первой брачной ночи.

А теаперь я вот что с делаю, напечатаю кучок вслепуб, в затем возьму эту кучу орфографияечких мо н смров и потребу= от малшины сдублировать ее и перенести во врелменную память, И песть после жтого снова выведется и из Лимба на эжокран, в хвосте за самой слбойю

Вот так я напечатал кусок вслепую, а затем взял эту кучу орфографических монстров и сдублировал свои ошибки, и перенес их во временную память, и снова воспроизвел всю кучу в хвосте за самой собою, но в выправленном виде, и теперь она – образец аккуратности, по амбарам поскребли, колобок нам испекли, и глаз любителю, и душа наслаждается.

Я мог бы, исправив текст, выкинуть предыдущий кусок: оставляю его только для демонстрации того, как на этом экране могут сосуществовать бытие и долженствование, случайность и необходимость. А мог бы убрать порочный кусок из видимого текста, но сохранить в виртуальной памяти, накапливая таким образом каталог предыдущих стадий, не лишая загребуших фрейдистов и асов "критики вариантов" ни радостей научного сыска, ни профессионального удовлетворения, ни академических лавров.

Эта память лучше настоящей, потому что настоящая, вероятно благодаря суровой школе, научена запоминать, но не научена забывать. Диоталлеви самым сефардическим

образом балдеет от своих дворцов с огромными лестницами, а потом там дальше, дальше – статуя воина, насилующего полонянку, и коридоры с тысячами комнат, и в каждой комнате – чудища подлы, позорны, и тревожные видения, странные призраки, оживающие мумии, и с каждым зрелищем сассоциирован в сознании некоторый факт, категория, какой-то элемент устройства космоса, то силлогизм, то не имеющий конца сорит – силлогизм в форме цепочки, – вереницы апофегм, ожерелья гипаллагов, розы зевгм, кадрили гистеронов-протеронов, апофантические речи, иерархии стихий, прецессии равенств, параллаксы, гербарии, генеалогии гимнософистов – и далее до бесконечности, то Раймунд, то Камилл, достаточно отослаться воображением к этим зрительным картинам и немедленно снова выстраивается великая цепь бытия, идешь направо love, идешь налево joy, – привет вам от Лавджоя, так “все, что разлисталось по вселенной”, у вас в глубинах памяти “как в книгу совершенную сплелось”, Пруст в сравнении с подобной штукой – детская бирюлька. Но однажды мы с Диоталлеви сели изобретать *ars obliuionalis* – и не сумели сформулировать правила забвения. Это бесполезно: можно брести в поисках пропавшего времени по самым хрупким следочкам, как Мальчик-с-пальчик по лесной тропинке, но у вас не получится специально сбить с пути время обретенное. Мальчик-с-пальчик возвращается как штык, с этим ничего не поделаешь. Не существует технологии забвения, в этом смысле мы все еще ждем от природы случайных милостей – мозговых кровоизлияний, амнезии, хирургии и что там еще может стрястись, ну, скажем: путешествия, пьянство, лечение сном, самоубийство.

А Абу вместо всего этого предлагает широкий выбор локальных мини-самоубийств, временных амнезий, безболезненных афазий.

Где ты была сегодня ночью, Л

Вот так вот, мой нескромный читатель, ты не узнаешь никогда, а ведь эта оборванная линия строкой выше, кончающаяся пустотой, не что иное как зачин одной ужасно предлинной фразы, которую я на самом деле написал, но потом захотел как бы никогда не иметь ее написанной (и никогда не иметь произнесенной даже про себя), потому что хотел, чтобы то, что я написал, никогда бы не бывало произошедшим. И достаточно простого нажатия клавиши, млечная пена захлестнула фатальный, нежеланный кусок текста, я шлепнул по "отмене сигнала" и текст исчез.

Но и это не все. Трагедия самоубийцы в том, что обычно, выпрыгнув из окна и пролетая между седьмым и шестым этажами, он всей душой взывает: "Ах, если бы я мог переиграть!" Но это дудки. Никто переиграть не может. Бац. А мой Абу милосерден, он позволяет обратный ход, я еще восстановлю мой исчезнувший текст, если только не слишком тянуть и сразу щелкнуть по клавише восстановления. Какое счастье. Исключительно потому, что всегда в нашей власти вспомнить, — теперь мы умеем забывать.

Не пойду я больше по окрестным барам разносить в щепки неприятельские миноносцы боевыми снарядами, покуда алкоголь окончательно не развалит на обломки меня самого. Здесь гораздо интереснее: здесь можно расщеплять мысли. Здесь галактика из тысяч тысяч астероидов, все выстроились по ранжиру, беленькие-зелененькие, на выбор, все созданы вами. Фиат Люкс, Биг Бэнг, семь дней, семь минут, семь секунд, и вот пожалуйста, сотворяется мир вековой текучести, где не существует ни четких космологических линий, ни временных связей, здесь орднунг не мус зайн и возможен поворот обратно, также и во времени, письма рождаются и тонут, идут ко дну и снова выплывают невозмутимо, выйдут из небытия и спокойно канут туда же, и ты волен их вызывать, переставлять, тасовать, и стирать и тереть их, они растворяются и снова гектоплазмруются в отведенном им месте, это субмарин-

ная симфония перетягиваний и влажных разрывов, студенистый вальс самопожирающих комет, они как рыбина из Yellow Submarine, прикоснитесь подушечкой пальца и непоправимое поползет назад в пасть прожорливой вокабуле, так и ухнет в ее зубы, а она засосет и хрряп, мрак, не удержишь – сожрет самое себя, раздуется от собственного несуществования, черная дыра Чешира.

А если пишешь такое, которое стыдно писать, можно вогнать все это в мягкую дискетку, а на дискетку наложить вето – придумать пароль, и никто не сумеет прочитать, что в ней зашифровано, это находка для шпионов, записал, запечатал и привет, можешь гулять с диском в кармане и никакой Торквемада не дознается, что там за секреты, будут знать только ты и он (и Он?). Пусть даже предположим, что тебя пытаются, ты соглашаешься стучать, сдать свой Секрет, наступать паролем, а вместо этого нажимаешь секретную кнопку и все, и пиши пропало, вся твоя криптограмма навеки перестает существовать.

Ой, тут было что-то написано, я нечаянно ткнул пальцем, все исчезло. Что это было? Не помню. Знаю только, что очень важных Откровений там не было. Хотя за будущее не поручусь.

Кто хочет проникнуть в Розовый Сад Философов,
не имея ключа, подобен тому,
кто хочет идти, не имея ног.

Михаэль Майер, *Аталанта Бегущая*.¹
Michael Maier, *Atalanta Fugiens*,
Oppenheim, De Bry, 1618, emblema XXVII

4

Больше ничего на поверхности не было. Предстояло разбираться в дискетах. Они были перенумерованы, и я начал с первой. Но Бельбо предупреждал что-то насчет пароля. Он всегда был ревнив к секретам Абулафии.

И действительно, едва я зарядил машину, на экране появилась строка: “Вы знаете пароль?” Формулировка не обидная. Бельбо был тактичный человек.

Машина вела себя безучастно, она знала, что требуется пароль, и, не получая пароля, скучала. Но в то же время будто подзуживала: “Вот так-то! То, что тебя интересует, у меня тут, в брюхе, да только как ты ни пыхти, старый крот, все равно ничего не узнаешь”. Вот теперь и посмотрим, сказал я себе, ты так любил играть в шарады с Диоталлеви, ты был Сэм Спейд издательского дела, лови теперь соколка, как сказал бы Якопо Бельбо (и Дэшел Хэммет, разумеется само собой).

Пароль на Абулафии мог быть длиной вплоть до семи букв. Сколько шарад, сколько семерок способен дать наш двадцатипятибуквенный алфавит, с учетом возможности повторов, ибо ничто не препятствует таинственному слову выглядеть как “кадабра”? Есть формула подсчета вариантов. В общем, результат будет где-то шесть миллиардов и хвостик. Допустим, берется здоровенная счетная машина, способная перебрать нужные шесть миллиардов со скоростью миллион в секунду, но все равно после этого придется закладывать их в Абулафию поштучно и смотреть, что будет, а так как при этом известно, что Абулафии требуется

¹ Основной трактат по алхимии в форме эмблем с подписями.

примерно десять секунд на вопрос и на прогонку ответа, имеем шестьдесят миллиардов секунд. Учитывая, что календарный год в пересчете на секунды — это около тридцати одного миллиона, округлим до тридцати, выйдет, что на работу надо отдать примерно две тысячи лет. Не слабо.

Остается путь дедукций. Какое слово могло иметь особый смысл для Бельбо? И прежде всего — выбирал ли он это слово в самом начале, когда только затевал свой роман с машиной, или в последние дни — после того как понял, что в память заложены взрывоопасные вещи и игра перестает быть игрушкой, по крайней мере для него самого? Результаты, в первом и во втором случае, будут сильно отличаться.

Пойдем от второй гипотезы. Бельбо попадает в тиски Плана, принимает План всерьез (судя по последнему его звонку) и, вероятно, выбирает какое-то слово, связанное с нашими делами.

А может быть, и нет: ведь нельзя забывать, что пароль, восходящий к Преданию, доступен и Тем... Вдруг я подумал, что Они свободно могли уже побывать в этой квартире, скопировать все дискеты и в данную минуту в каком-нибудь другом доме, как и я, сидят, ломают голову над комбинациями. Вычислительная техника завтрашнего дня в дракульем замке на Карпатах.

И очень глупо, возразил я себе. Этот народ далек от техники. Они вооружатся Нотариконом, Гематрией¹, Темурой², обратятся к дискетам как к Торе. И потратят на толкование не меньше десятилетий, нежели минуло со времен создания “Сефер Йецира”³. Однако дедуктивный метод все равно имеет смысл. Исходим из того, что Они, если бы

¹ *Гематрия* (от греч. “геометрия” или “гамма-триа”) — истолкование слова, исходя из численных значений входящих в него букв.

² *Темура* (ивр. “подмена”) — истолкование слова путем замены в нем букв по определенной системе, вместе с нотариконом и гематрией составляет “три великих пути каббалы”.

³ “*Сефер Йецира*” (ивр. “Книга Творения”) — еврейский текст, датированный III—VI вв. н.э., описывающий структуру мироздания в основе которой лежат “двадцать две элементарных буквы”, “десять первозданных чисел (сефирот)” и “тридцать два пути мудрости”. Исходный текст для многих разновидностей мистицизма, включая практическую каббалу.

существовали, искали бы разгадку в Каббале. Если, в свою очередь, Бельбо был убежден, что Они существуют, он вполне мог выбрать Их путь.

Для очистки совести я попробовал каждую из десяти сефирот: Кетер, Бина, Хохма, Гевура, Хесед, Тиферет, Год, Нецах, Йесод, Мальхут — и в нагрузку подбросил еще Шехину. Разумеется, ничего не получилось, ибо это была первая мысль, которая пришла бы в голову кому угодно.

И тем не менее слово-пароль должно было быть вполне очевидным, вытекающим из объективного хода вещей, потому что когда люди делают работу, да еще в таком безумном темпе, в каком работал Бельбо последние дни, они не способны отключиться от искусственного мира, в который погружены. Негуманно предполагать, что Бельбо мог совершенно сбрендить от этого Великого Плана и начать думать, скажем, о Линкольне или о Момбасе. Нет, это должно было быть что-то связанное с делом. Только что?

Я попытался приобщиться к ментальным процессам Бельбо. Вот я работаю запоем, прикуриваю новую сигарету от предыдущей, подливаю себе виски и лишь изредка взглядываю по сторонам. Я отправился в кухню и выцедил себе последние капли виски в единственный чистый стакан, имевшийся в доме, возвратился к столу, откинулся на спинку стула, задрал на стол ноги, стал потягивать маленькими глотками (стопроцентный Сэм Спейд — а может быть, так вел себя не Сэм Спейд, а Марло?) и озираться по сторонам. До книжных полок было далеко, надписи на корешках не читались.

Я залил в рот последнюю дозу, прикрыл глаза, проглотил виски и снова воззрился перед собой. В фокусе оказалась старая гравюра. Семнадцатый век, типичнейшая для того времени розенкрейцерская аллегория, полная шифрованных сигналов — обращений к законспирированным собратьям по ордену. В середине был несомненный розенкрейцерский Храм — башня, увенчанная куполом, вариация иконографического канона эпохи Возрождения, как христианского, так и иудейского, согласно которому Иерусалимский Храм изображался по подобию мечети Омара.

Ландшафт вокруг этой башни был разорван и заселен странно, как в тех ребусах, где нарисованы дворец, жаба

на первом плане, мул с вьюком, король, получающий дар от пажа. В данном случае в левом нижнем углу рисунка какой-то жантильом вылезал из колодца, уцепившись за трос, шедший через два роликовых блока, поверх довольно хлипких подпорок, прямо в круглое оконце башни-храма. В середине картины всадник и пешеход, справа — коленопреклоненный пилигрим, опирающийся на большой якорь, как на посох. На правой стороне, на уровне верха башни, — скала, с которой валится вниз человек, туда же летит его шпага, а на противоположной стороне, на горизонте — гора Арарат и на ее вершине — причаливший ковчег. В небесах, по углам гравюры, два облака, из коих каждое озарено звездой, испускающей на крышу башни мутные лучи, в которых парили два существа справа и слева — голый, обвитый змеей, и лебедь. В самом верху, в середине, нимб, увенчанный словом “ORIENS”¹, с надпечаткой еврейскими литерами; из нимба выходит длань Господня, держащая нить, на которой подвешена башня.

У башни имелись колеса и квадратное основание с окнами, дверью, подъемным мостом в правой стене; этажом выше — что-то вроде балюстрады с четырьмя наблюдательными вышками, на каждой стоял оружный чин со щитом, испещренным еврейскими буквами, и салютовал пальмовой ветвью. Этих оружных людей можно было видеть только трех, а наличие четвертого подразумевалось, он был заслонен восьмиугольным куполом, в центре которого возвышался новый венец, такой же восьмиугольный, и из венца высовывалась пара огромных крыльев. Навверху еще один купол поменьше, с четырехугольным барабаном, открытым на четыре стороны света, состоящим из арок и тоненьких колонн, в середине которого просматривался колокол. И наконец, выше всего помещался четырехскатный купол, к которому крепилась нить, удерживаемая в облаках божественной рукой. По сторонам верхнего венца было написано “Fa/ma”². Над куполом на ленте: “Collegium fraternitatis”³.

На этом странности не кончались, так как из двух круг-

¹ “Восток”, “восход” (лат.).

² “Сла-ва” (лат.).

³ “Коллегия братства” (лат.).

лых окон башни торчали: слева — несуразно огромная рука, которая могла бы принадлежать разве что втиснутому внутрь башни гиганту, чьи были и торчащие крылья; а справа — таких же масштабов труба. Труба, снова эти трубы...

Что-то подтолкнуло меня пересчитать отверстия в башне: в венцах — слишком частые и регулярные, в нижних стенах, наоборот, — слишком произвольные. Башня была нарисована в две четверти, в ортогональной проекции, и оставалось только предположить, что постройка симметрична и что все двери, окна и проемы, показанные художником, присутствуют на тех же местах на остальных стенках. Таким образом: четыре арки колокольного венца, восемь окон в среднем ярусе, четыре башенки, шесть отверстий в восточной плюс западной стенах, четырнадцать в северной плюс южной. Подобьем счет. Тридцать шесть отверстий.

Тридцать шесть. Вот уже десять лет как меня преследует эта цифра. Вместе с цифрой сто двадцать. Это числа розенкрейцеров. Сто двадцать поделить на тридцать шесть — с точностью до седьмого знака — дает 3,333333. Это было бы чересчур красиво... Но все равно стоило попробовать. Я попробовал. Без толку.

Мне пришло в голову, что в удвоенном виде это число выглядело более или менее как 666. Число Зверя. Но и с этой догадкой, как показала практика, я перемудрил.

Мне снова бросился в глаза центральный ореол — обителище Бога. Еврейские буквы в нем были настолько четки, что читались даже не вставая из-за стола. Но Бельбо не мог печатать на Абулафии по-еврейски! Я присмотрелся: буквы мне были знакомы, ну да, конечно, справа налево: йод, гей, вав, гей. Ягве, Iahveh, Иегова. Имя Бога.

И начал складывать это имя, имя УНВН, сначала только это, а потом во всех сочетаниях, и кружить его, и поворачивать, будто колесо...

Абулафия, *Хайе га-Нефеш*.
Abulafia, *HaYué ha-Nefeš*, Ms. München 408

5

Имя Бога. Разумеется. Я вспомнил первую беседу Бельбо и Диоталлеви в тот день, когда Абулафию привезли к нам в контору.

Диоталлеви, привалившись к косяку кабинета, так и лучился снисходительностью. Снисходительность Диоталлеви обычно бывала обидной, но Бельбо до обид не снисходил.

— Что ты с ним будешь делать? Переписывать чужие рукописи? Ты же их не читаешь!

— На нем можно составлять указатели, вести библиографию, классифицировать. Можно писать что-нибудь свое. Почему обязательно чужое?

— Ты вроде божился, что не будешь писать свое.

— Я сказал, что не буду засорять мир новыми рукописями. Поелику роль главного героя мне не дают...

— ...ты удовлетворяешься ролью умного наблюдателя. Ну так как же?

— А так, что и умный наблюдатель, когда идет домой с концерта, насвистывает мотив, но это не значит, что он собирается выступить с ним в Карнеги Холл...

— Значит, ты собираешься насвистывать свои писания, чтоб убедиться, что не должен писать.

— Это будет по крайней мере честно.

— Ах да?

Диоталлеви и Бельбо были оба по происхождению пьемонтцами, а у пьемонтцев из приличных семей особенно ценится умение вежливо выслушать собеседника, глядя ему в глаза, и затем переспросить “Ах да?” тоном, полным живейшего интереса, но так, чтобы при этом собеседник пожелал провалиться сквозь землю. Я же был чистый варвар, заявляли они, и подобные тонкости, разумеется, были мне недоступны.

— Варвар? — возмущался я. — Хоть я и родился в Милане, моя мама из Валь Д'Аосты!

— Наплевать, — стояли они стеной. — Пьемонтцы узнаются по скептицизму.

— Я же скептик!

— Нет. Вы Фома недоверчивый. Это другое.

Я понимал, почему Диоталлеви не доверяет Абулафии. Он слышал, что компьютер может представлять буквы в произвольном порядке, выворачивать слова наизнанку, и всполошился, потому что предвидел самые дьявольские последствия подобных манипуляций. Бельбо успокаивал его. — Эта игра в перестановки, — говорил он — иначе называется Темура, ведь верно? Не этим ли путем правоверные раввины восходят ко вратам Сияния?

— Друг мой, — отвечал Диоталлеви, — ты никогда ничего не поймешь. Да, это правда, что Тора — я имею в виду, разумеется, видимую Тору — есть лишь одна из перестановок-пермутаций букв, составляющих вековечную Тору, какую создал ее Творец и какой ее дал Адаму. Пермутируя столетие за столетием буквы в этой Торе, возможно рано или поздно взойти к Торе изначальной. Но важен не результат. Важен процесс, то есть та истовость, с которой мы бесконечно обращаем жернова моления и писания, составляя истину из малых крупиц. Если же машина выдаст тебе правду немедленно, ты эту правду не примешь, ибо сердце твое не будет очищено продолжительным испытанием. И потом — в таком месте, в редакции! Как можно! Слова Книги произносятся шепотом, в закоулке гетто, там, где человек научается жить горбясь и плотно прижимая локти к бокам; ладонями же он держит Книгу, и той руке, которая листает, нет почти никакого пространства, и чтобы смачивать пальцы, приходится поднимать их к губам вертикально, как будто причащаясь хлеба неквашенного, и дыша еле-еле, чтоб не уронить ни единой крошки. Слова пережевываются медлительно; каждое слово, чтобы разобраться на частицы и снова составить, должно быть распущено во рту, под языком; не приведи случай уронить каплю слюны на ткань кафтана, если утратится хоть одна буква, порвется та нить, которая связывает тебя с высшими сефирот. Этому посвятил всю жизнь Авраам Абула-

фия, в то время как ваш святой Фома из кожи вылезал, отыскивая Бога на своих пяти тропинках. “Хохмат га-Церуф” Абулафии в равной степени явилась ученьем о пермутации литер и ученьем об очищении души. Мистическая логика, мир букв и их коловращение в бесконечной взаимозаменяемости — это и есть мир блаженства. Наука сопоставлений — музыка для рассудка, однако имей в виду, надо двигаться осторожно, с особой медленностью. А твоя машина способна породить суматоху, а не экстаз. Многие ученики Абулафии не сумели удержаться на тонкой грани, разделяющей созерцание имен Бога от магической практики, от манипуляции именами с целью составления талисманов, орудий управления природой. И они не ведали, как не знаешь и ты и не знает твоя машина, что всякая буква увязана с какой-либо частью организма и если ты сдвинешь с места одну согласную, не понимая ее силы, один из твоих органов сойдет со своего места, игра природы, и тебя всего перекорежит как снаружи, на всю жизнь, так и внутри, на вечные времена.

— Слушай, — отвечал ему Бельбо в тот самый день, — ты меня не разубедил, а разохотил. Теперь в моих руках и в моей полной власти, как Голем у твоих любимых евреев, персональный Абулафия. Я решил назвать его Абулафия, сокращенно Абу. И представь себе, мой Абулафия работает даже аккуратнее, чем твой. Осторожнее. Как я понял, твоя проблема в том, чтобы испробовать все возможные комбинации букв в имени Бога? Прекрасно. Посмотри в учебник. Вот маленькая программа на Бейсике для подбора всех вариантов взаимоположения четырех букв. Как будто нарочно для нас, для INVN. Хочешь, я ее запущу? — И он открыл страницу с программой, вот уж точно совершенной Каббалой для Диоталлеви:

```
10 REM anagrams
20 INPUT L$(1), L$(2), L$(3), L$(4)
30 PRINT
40 FOR I1=1 TO 4
50 FOR I2=1 TO 4
60 IF I2=I1 THEN 130
70 FOR I3= 1 TO 4
80 IF I3=I1 THEN 120
90 IF I3=I2 THEN 120
```

```

100 LET I4=10-(I1+I2+I3)
110 LPRINT L$(I1); L$(I2); L$(I3); L$(I4)
120 NEXT I3
130 NEXT I2
140 NEXT I1
150 END

```

— Вот попробуй с I, H, V, H. Введи там, где написано Input, и запускай программу. Не хотелось тебя огорчать, но возможных вариантов получится только двадцать четыре.

— Великое открытие. Святые Серафимы! Ты открыл двадцать четыре имени Бога! Неужели ты думаешь, что наши мудрецы все это до сих пор не посчитали? Да возьми “Сефер Йецира”, шестнадцатый параграф четвертой главы. А у них, заметь, не было счетных машин. “Из двух Камней складываются два Дома. Из трех Камней складываются шесть Домов. Из четырех Камней складываются двадцать четыре Дома. Из пяти Камней складываются сто двадцать Домов. Из шести Камней складываются семьсот двадцать Домов. Из семи Камней складываются пять тысяч сорок Домов. А дале и впредь ступай и мысли о том, что уста не рекут и чему уши не внимают”. Ты знаешь, как в наши дни называется то же самое? Расчет факториала. А знаешь, почему Предание предлагает прекратить счет и дальше не пытаться? Потому что если бы букв в имени Бога было восемь, вариантов получалось бы уже сорок тысяч, а если бы десять — три миллиона шестьсот тысяч, а анаграмм твоего несчастного имени можно было бы подобрать почти сорок миллионов, и скажи спасибо, что у тебя нет промежуточного инициала, как у американцев, иначе бы дело дошло до четырехсот миллионов с хвостиком. А если бы в имя Бога входили все двадцать семь букв, поскольку в еврейском алфавите нет гласных, а есть просто двадцать два звука и пять знаков вокализации, имена Бога исчислялись бы двадцатидевятизначным числом. К этому следует прибавить и все варианты с повторениями, ибо нигде не сказано, что имя Бога не может быть Алеф, повторенный двадцать семь раз, и тогда одним факториалом обойтись уже невозможно и надо будет вычислять двадцать семь в двадцать седьмой степени; это дает, я полагаю, четыреста сорок четыре миллиарда миллиардов

миллиардов миллиардов возможных вариантов, плюс-минус погрешность, короче говоря, число из тридцати девяти знаков.

— Только не надо передергивать. Я тоже читал твою “Сефер Йецира”. Основных букв известно двадцать две; из них, и только из них Бог образовал все сущее.

— Во-первых, не надо софизмов, потому что ты отлично понимаешь, что мы остаемся на тех же порядках величин, и если вместо двадцати семи в двадцать седьмой степени взять двадцать два в двадцать второй, все равно наберется что-то вроде трехсот сорока миллиардов миллиардов миллиардов. С простой человеческой точки зрения, разница пренебрежима. Я могу предложить тебе начать с единицы — один, два, три — и считать дальше по цифре в секунду. Чтобы дойти до миллиарда, до какого-то вонючего миллиардика, знаешь сколько тебе потребуется? Тридцать два года. Но дело обстоит еще сложнее, нежели ты думаешь. Каббала не сводится к “Сефер Йецира”. Если хочешь, я могу объяснить, почему в хорошей работе по пермутации Торы должны все-таки учитываться двадцать семь букв, а не двадцать две. Ты правильно утверждаешь, что пять конечных знаков, попадая при перестановке в середину слова, превращаются в свой нормальный эквивалент. Но это не в ста процентах случаев. Возьми Исайю девять-шесть-семь, слово LMRBH — Лемарбех — которое, кстати, обрати внимание, значит “умножение”. Здесь в середине слова пишется “мем” конечная.

— Почему?

— Потому что каждой букве соответствует число, причем нормальная “мем” значит сорок, а конечная “мем” — шестьсот. Но в данном случае приобретает определяющее значение не Темура, трактующая о пермутации, а Гематрия, прослеживающая тончайшие связи между словами и их цифровыми смыслами. С конечной “мем” слово LMRBH начинает значить не 277, а 837, что соответствует по сумме словосочетанию “Тат Заль”, что означает “обильно одаривающий”. Из этого следует, что необходимо принимать в расчет все двадцать семь букв, ибо важны не только звучания, но и количественные значения слов. А теперь вернемся к моему расчету. Пермутаций Торы может быть че-

тыреста с чем-то миллиардов миллиардов миллиардов миллиардов. Известно ли вам, сколько времени надо, чтобы просмотреть их все, по одной в секунду, допуская даже, что некая электронная машина, разумеется, не твоя мало-мощная дрянь, способна на такое? Пропуская по одной в секунду, ты будешь этим заниматься семь миллиардов миллиардов миллиардов миллиардов минут, сто двадцать три миллиона миллиардов миллиардов миллиардов часов, немногим более пяти миллионов миллиардов миллиардов миллиардов дней, четырнадцать тысяч миллиардов миллиардов миллиардов лет, сто сорок миллиардов миллиардов миллиардов веков, четырнадцать миллиардов миллиардов миллиардов тысячелетий. А если бы у тебя был компьютер, способный подбирать по миллиону комбинаций в секунду, ты только подумай, какой выигрыш во времени, при таком электронном пулемете ты бы разделался со всем делом всего за четырнадцать тысяч миллиардов миллиардов тысячелетий! Однако на самом деле настоящее имя Бога, тайное имя, длинно, как вся целиком Тора, и не существует на свете машины, способной подобрать все пермутации его, потому что и Тора сама по себе — это уже результат пермутации двадцати семи букв с учетом повторений, и наука Темуры гласит о необходимости пермутировать не двадцать семь литер алфавита, а все до одного знаки Торы, из коих каждый знак имеет восприниматься как если бы он был самостоятельной буквой, даже если он появляется бесконечное количество раз в других местах и на других страницах, то есть с этой точки зрения, к примеру, две “гей” в имени IHVN — две разные буквы. Поэтому если ты соберешься просчитать все возможные пермутации всех возможных знаков, составляющих целую Тору, тебе не хватит всех на свете нулей. Давай, давай, старайся со своей бухгалтерской машинкой. Истинная Машина, разумеется, существует, но она создавалась не в какой-то силиконовой долине, эта Машина — святая Каббала или, иначе говоря, Предание, и раввины на протяжении столетий разрабатывали то, что ни одной машине разработать не по силам и, надеюсь, даже не придет ей в голову. Ибо буде пермутация задумана и осуществлена, результат должен оставаться секретом, и в любом слу-

чае мироздание на этом скончало бы свой цикл — и мы полыхнули бы и погасли в вековечном забвении, во славу великого Метатрона.

— Аминь, — заключил Бельбо.

Однако с тех самых пор благодаря дорогому другу Диоталлеви в душе Бельбо поселился опасный интерес к вечному и бесконечному. Не раз и не два вечерами после работы он оставался и гонял на компьютере программы в явной надежде доказать Диоталлеви, что Абу способен наглядно представить истину за несколько секунд, без ручных подсчетов, без желтых пергаментов, без допотопных систем счисления, которые — кто их разберет? — возможно, вообще обходились без нулей или еще как-то в этом духе. Но все было без толку, Абу по любому поводу норовил ответить экспонентными формулами, и Бельбо никак не удавалось поразить Диоталлеви зрелищем экрана, целиком заполненного нулями, что было бы хотя и бледной, но иллюстрацией размножения комбинаторных миров и взрывного распада всех возможных универсумов...

Но в любом случае теперь, после всего, что имело место, и пред лицом розенкрейцерской гравюры, невозможно предположить, чтобы Бельбо не подумал, изобретая пароль, о пермутациях имени Бога. И вероятно, он обратился в первую очередь к цифрам тридцать шесть и сто двадцать, ибо, судя по всему, эти цифры стали и его наваждением; а если так, значит, он отправлялся не от четырехбуквенного еврейского слова ЯХВЕ, а от какого-то другого, ибо из четырех камней максимум, что можно построить, это двадцать четыре дома.

Естественнее всего было взять за основу итальянскую транскрипцию ИЕГОВА. Шесть букв — это уже семьсот двадцать пермутаций. Из них он мог употребить для пароля тридцать шестую или сто двадцатую.

Я пришел сюда в одиннадцать, теперь был час дня. Требовалось срочно составить программу анаграммирования шести букв, то есть, вернее, переработать уже имеющуюся программу для четырех.

Голова была мутная; чтоб развеяться, я спустился на

улицу, зашел в ближайший бар, купил бутербродов и новую бутылку виски.

Поднявшись в квартиру, я оставил бутерброды около двери, а виски немедленно откупорил, задвинул в компьютер системную дискету Бейсик и начал сочинять программу для шести букв, — разумеется, по методу проб и ошибок, так что вместо пяти минут я убил на это прорву времени, но где-то в половине третьего программа наконец пошла и на экране поползли передо мною семьсот двадцать вариантов имени Бога.

Иегова	Иегоав	Иегвоа	Иегвао	Иегаов	Иегаво	Иеогва	Иеогав	Иеовга
Иеоваг	Иеоагв	Иеоавг	Иевгоа	Иевгао	Иевога	Иевоаг	Иеваго	Иеваог
Иеагов	Иеагво	Иеаогв	Иеаовг	Иеавго	Иеаовг	Игеова	Игеоав	Игевоа
Игевао	Игеаво	Игеаво	Игоева	Игоеав	Игоева	Иговае	Игоавв	Игоаве
Игвеао	Игвеав	Игвреа	Игвоае	Игваео	Игваео	Игаеов	Игаево	Игаоэв
Игаове	Игавео	Игаоэв	Иоггва	Иоггав	Иоэвга	Иоэваг	Иоэагв	Иоэавг
Иоггва	Иоггав	Иоггва	Иоггав	Иоггав	Иоггав	Иовгга	Иовггав	Иовггва
Иовгга	Иовагг	Иовагг	Иоаггв	Иоавгг	Иоаггв	Иоаггв	Иоаггв	Иоавгг
Ивегоа	Ивегао	Ивеога	Ивеоаг	Ивеаго	Ивеаог	Ивгеоа	Ивгеао	Ивгеоа
Ивгоае	Ивгаеа	Ивгаеа	Ивогга	Ивоггав	Ивогга	Ивогае	Ивоагг	Ивоагг
Иваегг	Иваеог	Ивагго	Ивагое	Иваоэг	Иваоэг	Иваоге	Иваоге	Ивагво
Иаеовг	Иаевго	Иаеовг	Иаггов	Иаггво	Иаггов	Иаггове	Иаггвео	Иаггвоэ
Иаоэгв	Иаоэвг	Иаоэгв	Иаоггв	Иаоэгг	Иаоэгг	Иавгго	Иавгго	Иавгго
Иавгго	Иавоэг	Иавоге	Еиггва	Еиггав	Еиггва	Еигвао	Еигаво	Еигаво
Еиогва	Еиогав	Еиовга	Еиоваг	Еиоагв	Еиоавг	Еивгго	Еивгго	Еивгго
Еивоаг	Еиваго	Еиваог	Еиаггов	Еиаггво	Еиаггов	Еиаггов	Еиаггов	Еиаггов
Егиова	Егиоав	Егивоа	Егивао	Егиаов	Егивао	Егоива	Егоиав	Еговиа
Еговаи	Егоав	Егоав	Егвиоа	Егвиао	Егвоиа	Егвоаи	Егваио	Егваои
Егаиов	Егаиво	Егаоив	Егаови	Егавио	Егавои	Еоигва	Еоигав	Еоивга
Еоиваг	Еоиагв	Еоиагв	Еоггва	Еоггав	Еоггва	Еоггав	Еоггав	Еогаи
Еовига	Еовиаг	Еовгга	Еовгга	Еовагг	Еовагг	Еоаггв	Еоаггв	Еоаггв
Еоагви	Еоавиг	Еоавги	Евигоа	Евигао	Евиога	Евиоаг	Евиаго	Евиаог
Евгиоа	Евгиао	Евгоиа	Евгоаи	Евгаио	Евгаои	Евоигга	Евоиаг	Евогга
Евогаи	Евоагг	Евоагг	Еваигг	Еваиог	Еваггг	Еваггг	Еваггг	Еваггг
Еаигов	Еаигво	Еаиогв	Еаиовг	Еаивгг	Еаивгг	Еаигов	Еагиво	Еагивв
Еагови	Еагвио	Еагвои	Еаоггв	Еаоигг	Еаоигг	Еаогви	Еаогви	Еаогви
Еавигг	Еавиог	Еавгио	Еавгои	Еавоиг	Еавоиг	Гиеова	Гиеоав	Гиевоа
Гиевао	Гиеаов	Гиеаво	Гиеова	Гиеавв	Гиеова	Гиеовае	Гиеоавв	Гиеовав
Гивеао	Гивеав	Гивреа	Гивоае	Гиваео	Гиваео	Гиаеов	Гиаево	Гиаоэв
Гиаове	Гиавео	Гиаоэв	Гаиова	Гаиоав	Гаивоа	Гаивао	Гаиаов	Гаивао
Геовиа	Геоиав	Геовиа	Геоваи	Геоаив	Геоаив	Геовиа	Гевиоа	Гевоиа
Гевоаи	Геваио	Геваои	Геаиов	Геаиог	Геаоиг	Геаоиг	Геаоиг	Геаоиг
Гоиева	Гоиеав	Гоивеа	Гоивае	Гоиаев	Гоиаев	Гоиаев	Гоива	Гоивиа
Говаи	Говаив	Говаи	Говиеа	Говиае	Говеиа	Говеаи	Говаие	Говаеи
Гоаиев	Гоаиве	Гоаэив	Гоавви	Гоавиг	Гоави	Гвиеоа	Гвиеао	Гвиеоа
Гвиоае	Гвиаеа	Гвиаеа	Гвиоа	Гвиаио	Гвеоиа	Гвеоаи	Гвваио	Гвваои
Гвоица	Гвоиае	Гвоица	Гвоеаи	Гвоаиг	Гвоаиг	Гваиог	Гваиог	Гваиог
Гваеои	Гваоие	Гваоии	Гаиеов	Гаиево	Гаиоэв	Гаиоэв	Гаивеа	Гаивоэ
Гаеиов	Гаеиво	Гаеоив	Гаеови	Гаевио	Гаевои	Гаоиев	Гаоиве	Гаоэив
Гаоэви	Гаоэие	Гаоэви	Гавиео	Гавиоэ	Гавеио	Гавеои	Гавоие	Гавоэи
Оиегва	Оиегав	Оиегга	Оиевар	Оиеарг	Оиеавг	Оиггва	Оиггав	Оиггва

Оигвае	Оигаев	Оигаве	Оивега	Оивеаг	Оивгеа	Оивгае	Оиваег	Оиваге
Оиаегв	Оиаевг	Оиагев	Оиагве	Оиавег	Оиавге	Оеигва	Оеигав	Оеивга
Оеиваг	Оеиагв	Оеиавг	Оегива	Оегиав	Оегвиа	Оегваи	Оегаив	Оегави
Оевига	Оевиаг	Оевгиа	Оевгаи	Оеваиг	Оеваги	Оеаигв	Оеаивг	Оеагив
Оеагви	Оеавиг	Оеавги	Огиева	Огиеав	Огиева	Огиеае	Огиеаев	Огиеаве
Огеива	Огеиав	Огевиа	Огеваи	Огеаив	Огеави	Огвиеа	Огвиеае	Огвиеаве
Огвеаи	Огваие	Огваеи	Огаиев	Огаиве	Огаиев	Огаеви	Огавие	Огавеи
Овиега	Овиеаг	Овигеа	Овигае	Овиаег	Овиаге	Овеига	Овеиаг	Овегиа
Овегаи	Овеаиг	Овеаги	Овгиеа	Овгиае	Овгеиа	Овгеаи	Овгаие	Овгаеи
Оваieg	Оваиге	Оваеиг	Оваеги	Овагие	Овагеи	Оаиегв	Оаиевг	Оаигев
Оаигве	Оаивег	Оаивге	Оаегив	Оаегви	Оаегив	Оаегви	Оаевиг	Оаевги
Оагиев	Оагиев	Оагиве	Оагиве	Оагвие	Оагвие	Оагвие	Оагвие	Оагвие
Оавеги	Оавгие	Оавгеи	Виегоа	Виегао	Виегоа	Виеоаг	Виеоаг	Виеоаг
Вигеоа	Вигеао	Вигоеа	Вигоае	Вигаае	Вигаае	Виогеа	Виогеаг	Виогеа
Виогае	Виоаег	Виоаге	Виаеге	Виаеог	Виагео	Виагее	Виаеог	Виагее
Веигоа	Веигао	Веиога	Веиоаг	Веиааг	Веиааг	Вегиоа	Вегиао	Вегиоа
Веогоа	Веагоа	Веагоа	Веоига	Веоиаг	Веогиа	Веогаи	Веоаиг	Веоаиг
Веаиге	Веаиог	Веаиге	Веагои	Веаоиг	Веаоги	Вгиеоа	Вгиеао	Вгиеоа
Вгиоае	Вгиаео	Вгиаео	Вгеиоа	Вгеиао	Вгеоиа	Вгеоаи	Вгеаио	Вгеаои
Вгоиеа	Вгоиае	Вгоеиа	Вгоеаи	Вгоаие	Вгоаеи	Вгаиео	Вгаиое	Вгаеио
Вгаеои	Вгаоие	Вгаоие	Воиега	Воиеаг	Воигеа	Воигеа	Воиаег	Воиаге
Воиега	Воиаг	Воегиа	Вогаи	Воаиг	Воаиг	Воаиг	Воаиг	Воаиг
Вогеаи	Вогаие	Вогаеи	Воаиг	Воаиг	Воаиг	Воаиг	Воаиг	Воаиг
Ваиего	Ваиеог	Ваигео	Ваигео	Ваиоег	Ваиоге	Ваеиге	Ваеиог	Ваегио
Ваегио	Ваеог	Ваеог	Вагиео	Вагиео	Вагеио	Вагеои	Вагыеи	Вагыеи
Ваоиг	Ваоиге	Ваоег	Ваоег	Ваоиге	Ваогеи	Аиегов	Аиегво	Аиегв
Аиеовг	Аиевг	Аиевог	Аигеов	Аигево	Аигеов	Аигево	Аигево	Аигево
Аиеогв	Аиеовг	Аиеовг	Аиовг	Аиовг	Аиовг	Аивево	Аивеог	Аивево
Аивгее	Аивоег	Аивоге	Аеигов	Аеигво	Аеиогв	Аеиовг	Аеивг	Аеивог
Аегив	Аегиво	Аегив	Аегио	Аегвио	Аегвио	Аеогив	Аеовиг	Аеогив
Аеогви	Аеовиг	Аеовги	Аевиге	Аевиог	Аевгио	Аевгои	Аевоиг	Аевгои
Агиев	Агиево	Агиеов	Агиеве	Агиево	Агиево	Агеиов	Агеиво	Агеиов
Агвие	Агвие	Агвие	Агоиев	Агоиев	Агоиев	Агоиев	Агоиев	Агоиев
Агвие	Агвие	Агвие	Агвие	Агвие	Агвие	Агвие	Агвие	Агвие
Аоигве	Аоивег	Аоивге	Аоегив	Аоевиг	Аоегив	Аоегви	Аоевиг	Аоевги
Аогив	Аогиве	Аогив	Аогив	Аогвие	Аогвие	Аовиг	Аовиге	Аовиг
Аовег	Аовгие	Аовгеи	Авиеге	Авиеог	Авигео	Авигео	Авиоег	Авиоге
Авеиг	Авеиог	Авегио	Авегио	Авеог	Авеог	Авгиео	Авгиео	Авгиео
Авгеои	Авгыеи	Авгыеи	Авоиег	Авоиге	Авоег	Авоег	Авоег	Авоег

Я сгреб отпечатанную ленту бумаги, не разделяя ее на страницы — будем пользоваться муляжом свитка перво-зданной Торы. Попробовал имя номер тридцать шесть. Никакого эффекта. Последний глоток виски, и вслед за тем, трясущимися пальцами, я набрал имя номер сто двадцать. Тишина.

Я был готов повеситься. Что делать? Я старался перевоплотиться в Якопо Бельбо, а Якопо Бельбо несомненно рассуждал именно так, как сейчас рассуждаю я. Но где-то закралась ошибка, маленькая, гаденькая ошибочка, совсем ничтожненькая, малюсенькая, и все полетело псу под хвост.

Я был близко-близко, что же делать, может быть, Бельбо по каким-то странным причинам начинал счет не с начала, а с конца?

Казобон, кретин злополучный, сказал я себе. Разумеется, он считал с конца. То есть справа налево. Бельбо заложил в компьютер имя Бога в латинской транскрипции, ввел туда две гласные, это ясно, но так как слово все же еврейское, он написал его не слева направо, а справа налево. Таким образом, input выглядел не как IАНВЕН, а как НЕVНАI. О чем я думал раньше! Естественно, что таким образом порядок пермутации выйдет обратный.

Значит, надо было считать с конца. Я отсчитал и попробовал.

Никакой реакции.

Выходит, ошибочной была посылка. Я купился на красивую, но ложную гипотезу. Бывает с самыми лучшими учеными.

Какие к черту лучшие? С самыми худшими, как мне блистательно удалось продемонстрировать. Обсуждалось же нами недавно, что за последние несколько месяцев вышло как минимум три романа, где главный герой ищет имя Бога в компьютере. Бельбо не мог унизиться до такой пошлости. И потом вообще, если подумать минуточку, ну кто возьмет для пароля такую труднозапоминаемую абракадабру? Наоборот, нужно самое простое из возможных слов, чтобы оно набиралось спонтанно, инстинктивно. ИОВГЕА! Как же, жди! Ему бы пришлось освоить весь Нотарикон и всю Темуру и составить какой-нибудь невероятный акростих, чтобы только запомнить это слово. "Иудеи Отомстят Врагам Гарамона, Его Абидевшим..."

Кроме того, с какой стати Бельбо мыслил бы каббалистическими категориями Диоталлеви? Для Бельбо важнее всего был План, а в План мы ввели, слава Богу, и Розенкрейцерство, и Синархию, и Гомункулов, и Маятник, Башню, Друидов, Эннойю...

К слову об Эннойе. Я подумал о Лоренце Пеллегрини. Я потянулся к фотографии и повернул ее лицом к себе. В память лезло неуместное воспоминание той ночи в Пьемонте... Подпись выглядела так: "Ибо я есмь первая и я последняя, я чтимая и я клянимая, я блудница и я святая. SOPHIA".

Вероятно, писано после вечера у Риккардо. SOPHIA. Шесть букв. Да нет. Какой смысл их анаграммировать? Это у меня извращенное мышление. Бельбо любит Лоренцу, любит именно за то, что она такая, какая есть, а она есть София — и подумать только, что в эту самую минуту она, наверно... Нет, надо учесть, что у Бельбо гораздо более извращенное мышление. Мне снова вспомнились слова Диоталлеви: “Во второй сефире сумрачный Алеф превращается в Алеф светоносный. Из Темной Точки выходят наружу буквы Торы. Тело — согласные, дыхание — гласные, а все вместе составляют песнь Пресвятого. Когда мелодия звуков движется, движутся с нею согласные и гласные. Созидается Хохма, Мудрость, Познание, первоначальная идея, в которой все содержание лежит как бы в укладке и готово распространиться по всему сотворенному. В Хохме содержится сущность всего того, что будет...”

А что есть Абулафия, со своим тайным банком файлов? Укладка всего, что Бельбо знал или думал, что знает; его София. Бельбо избрал таинственное имя, открывающее доступ к Абулафии, к предмету его любовных ласк (единственному!), но лаская его, он воображает Лоренцу, он ищет слово, которое поможет ему владеть Абулафией, но в то же время и Лоренцей, ищет талисман, он хочет проникнуть в сердце Лоренцы и понять его, как понимает сердце Абулафии; он хочет, чтобы Абулафия оставался непроницаем для всех, как для него самого — Лоренца, он верит, что способен охранить, объять и овладеть тайной Лоренцы, как овладел тайной Абулафии...

Все это было крайне сомнительно, но я старался убедить себя, что мыслю в верном направлении. Как и в случае Плана, я принимал желаемое за действительное.

Но так как я все-таки был пьян, я снова пододвинулся к компьютеру и отбил СОФИЯ. Машина вежливо переспросила: “Вы знаете пароль?” Глупая машина, тебя не волнует даже мысль о Лоренце.

Judá León se dio a permutaciones
 De letras y a complejas variaciones
 Y alfin pronunció el Nombre que es la Clave,
 La Puerta, el Eco, el Huésped y el Palacio...¹

J. L. Borges, *El Golem*.
 X. Л. Борхес, *Голем*

6

На этот раз, от ненависти к Абулафии, к его тупым приставаниям — “Есть у вас ключевое слово?” — я рявкнул: “Нет”.

Экран вздрогнул и начал заполняться буквами, линиями, списками, излились хляби слов.

Я взломал Абулафию.

Я так обезумел от своей победы, что даже не задумался: а почему Бельбо выбрал именно это слово? Теперь-то я понимаю почему, и понимаю, что он в некую минуту озарения понял то, что понимаю теперь я. Но в четверг я думал только об одном: победа!

Я плясал, бил в ладоши, орал армейские песни. Когда наконец буря стихла, я скомандовал себе: марш в ванную и умыться. Потом приступил к печатанию последнего файла, который Бельбо кончил перед самым броском в Париж. Пока принтер похрюкивал, я взялся за бутерброды и налил себе еще виски.

Потом я прочел напечатанное и содрогнулся, и стал мучительно решать: разоблачительный материал или бред безумца? Что я в сущности знал о Якопо Бельбо? Что я понял в нем за те два года, которые мы провели бок о бок, видясь ежедневно? В какой степени мог я верить дневнику человека, писавшего, по его же признанию, в исключительных обстоятельствах, одурманенного алкоголем, курени-

¹ Иегуда Леон из пермутаций
 В исходе многосложных вариаций
 Составил Имя, что есть Ключ и Дверь,
 И Божество, и Эхо, и Дворец... (исп.).

ем, страхом, три дня и три ночи отрезанного от всяких контактов со внешним миром?

Была уже ночь. Двадцать первое июня. Глаза слезились. С утра перед глазами маячил только экран и муравьиная мелкота точечной печати. Истинны или ложны догадки — в любом случае Бельбо собирался позвонить на следующее утро. Значит, надо ждать его звонка. Кружилась голова.

Шатаюсь, я переполз в спальню и улегся на чужую постель.

Около восьми я пробудился от крепчайшего липкого сна и поначалу не мог понять, где нахожусь. Слава богу, в банке было немного кофе, я выпил две или три чашки. Телефон не звонил. Выйти за продуктами я не решался: вдруг Бельбо доберется до телефона именно в это время.

Я опять включил машину и стал печатать другие дискеты, в хронологическом порядке. Обнаружил игры, упражнения, рассказы о вещах, известных мне независимо. Увиденные глазами Бельбо, эти вещи показывались в новом свете. Дневник, интимные записи, наброски и пробы пера, педантично каталогизированные — с педантизмом смирившегося неудачника. Я находил там портреты людей, которых знал, и их лица здесь приобретали совершенно другое выражение, очень трагическое; а может быть, трагическим было прочтение? Способ, которым я укладывал намеки, случайные кусочки в чудовищную мозаику?

Особенно меня поразил файл, состоящий из одних цитат. Они относились к чтениям недавнего времени, я узнавал каждую, о, сколько книг в этом духе прошло через нас с Бельбо за последние месяцы... Цитаты были пронумерованы: ровно сто двадцать. Число со значением. Или, если совпадение, — странное совпадение. И почему Бельбо выбрал именно эти фразы?

Прошло несколько дней; сегодня без помощи этого файла я уже не мог бы объяснить ни писания Бельбо, ни ужасную историю, в которой участвуем мы все. Я перебираю цитаты, как бусины богохульных четок, и чем дальше, тем

яснее вижу, что многие из них могли бы прозвучать для Бельбо сигнальным звоночком, указать путь спасения.

А может быть, дело во мне? Может быть, это я не способен отличить логику от буйного бреда? Я все твержу, что именно моя версия — правильная, но не далее как несколько часов назад именно мне, — мне, а не Бельбо, — было сказано: вы ненормальный.

Луна неторопливо восходит над горизонтом, за Брикко. Большой дом заселен кем-то шуршащим — видимо, сверчки, мыши... Скелет дядиного врага Аделино Канепы... Мне страшно перейти на ту сторону, я сижу в кабинете дяди Карло, смотрю в окошко. Время от времени подхожу к балкону, чтобы проверить, не поднимается ли кто-то по склону гор. Я чувствую себя как в кино, какая тоска: “Сейчас они появятся...”

Но гора спокойна в сиянии летней ночи.

Насколько же более беззаветна, лиха, весела была моя гипотеза, выработанная в тот вечер, с пяти до десяти, чтобы обмануть время и спасти жизнь, — как я вил цепочки догадок, притаившись в перископе, потаптывая затекающими ногами в ритме афро-бразильской пляски!

Передумать все недавние годы, отдаваясь мерному перестукиванию “атабаке”... Чтобы свыкнуться с мыслью о том, что наши фантазии, разыгранные как в механическом балете, ныне, в этом храме механики, пресуществятся в ритуал, в обладание, в богоявление и во владычество бога Эшу?

Тогда в перископе у меня еще не было доказательств, что рассказанное компьютером — правда. Я мог еще защищаться сомнением. К полуночи следовало бы, наверно, признать как безусловный факт, что я прискакал в Париж, застался, яко тать, в невиннейшем техническом музее, — словом, наделал кучу глупостей только потому, что поддался на простую приманку — макумбу для туристов, дал себя одурманить ароматами “перфумадорес”, ритмами “понтос”...

Скептицизм, сострадание, подозрительность поочередно правили моими воспоминаниями, складывали мозаику, и это состояние духа, раздираемого между обаянием интриги и предощущением капкана, я бы хотел сохранить в себе и сегодня, когда на значительно более свежую голову передумываю то, о чем думал ночью в музее, и снова возвращаюсь к документам, лихорадочно читанным перед этим, и тогда утром в аэропорту, и во время перелета в Париж.

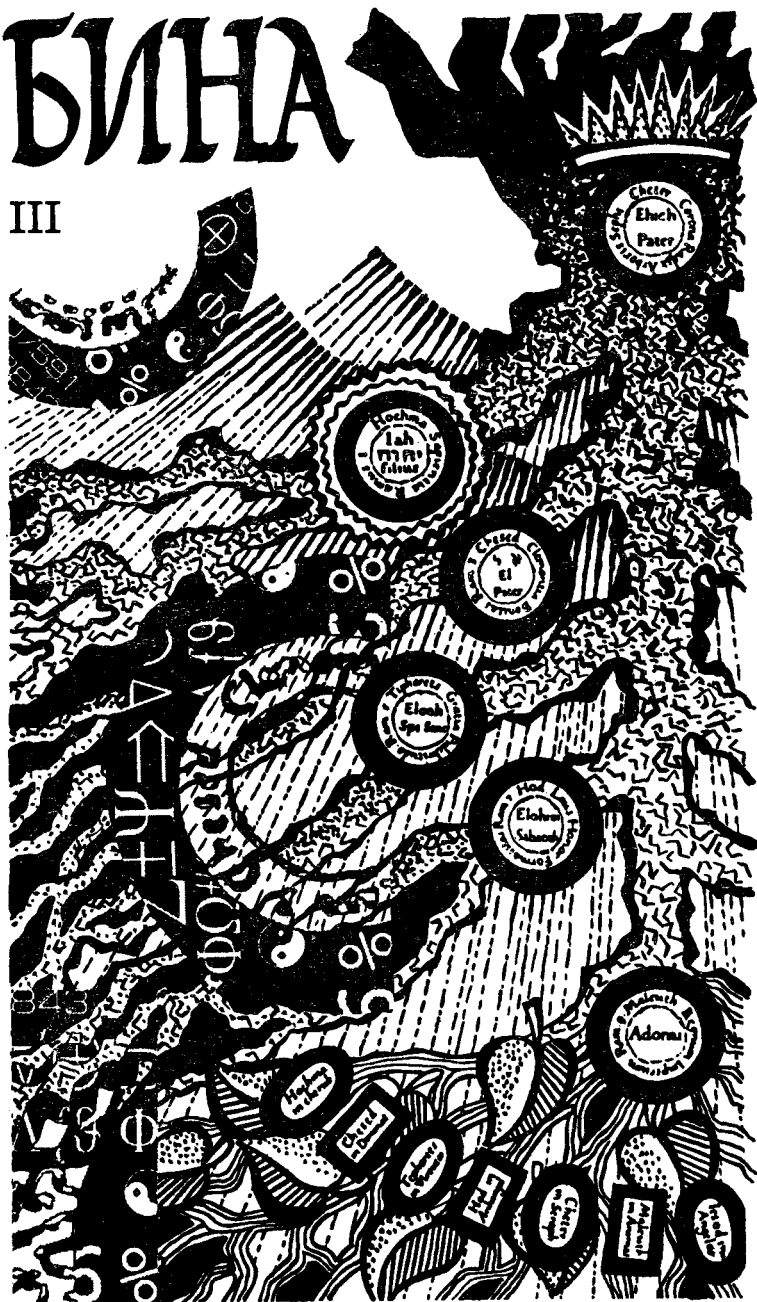
Я пытался объяснить хотя бы сам себе ту безответственность, с которой мы — я, Бельбо и Диоталлеви — осмелились переписывать мироздание и, как выразился бы Диоталлеви, переоткрывать те части Книги, что напечатлены пламенем белым, то есть пробелы, оставленные саранчой черного пламени, населяющей — и изъясняющей — Тору.

Теперь, когда я здесь, когда достиг — надеюсь — спокойствия и *amor fati*¹, я могу начать историю, которую пытался выстроить в тревоге и в надежде — ах, скорее всего обманной! — два вечера назад в перископе, историю, прочитанную за два дня до того в квартире Якопо Бельбо и прожитую мною самим, не всегда сознавая это, в течение последних двенадцати лет на фоне стойки “Пилада” и запыленных стеллажей “Гарамона”.

¹ *Amor fati* (лат.) — “любовь к року”, выражение стоиков. У Ницше — радостное принятие судьбы сверхчеловеком.

БИНА

III

Не ждите слишком многого
от конца света.

Станислав Ежи Лец,
*Непричесанные мысли:
афоризмы, фразы.*
Stanislaw J. Lec,
Aforyzmy, Fraszki Kraków,
Wydawnictwo Literackie, 1977
"Myśli Nieuczesane".

7

Поступить в университет через два года после шестьдесят восьмого было таким же невезеньем, как в Академию Сен-Сир в девяносто третьем. Основное ощущение — что ты опоздал родиться. Хотя Якопо Бельбо, будучи на пятнадцать лет старше меня, впоследствии уверял, что это чувство свойственно каждому поколению. Все всегда рождаются не под своей звездой, и единственная возможность жить по-человечески — это ежедневно корректировать свой гороскоп.

По-моему, наибольшее воспитательное значение для ребенка имеет то, что он слышит от родителей, когда они его не воспитывают; роль второстепенного огромна. Мне было десять лет, я хотел,

чтоб родители подписали меня на журнал, где печатались знаменитые литературные произведения в виде комиксов. Не по скупости, а из недоверия к комиксам мой папа мялся и выжидал. — Цель этого органа, — произнес я тогда, будучи мальчиком велеречивым и хитрым и цитируя рекламный проспект, — распространение знаний в легкодоступной форме.

— Цель этого органа, — отвечал отец, не подымая глаз от газеты, — та же, что у остальных, — увеличить тираж. С этого дня я стал Фомой недоверчивым.

То есть я пожалел, что когда-либо бывал доверчив. Что поддавался одной из страстей разума. Доверчивость — это страсть.

Недоверчивый Фома не то чтобы не верит ни во что — он верит не во все. Он верит в первое, а во второе — лишь в той мере, в которой первое вытекает из второго. Недоверчивый близорук, методичен, далеко не загадывает. Если даны две взаимопротиворечащие вещи, верить и в ту и в другую, предполагая гипотетическую третью, которая их объединяет, — это уже доверчивость.

Недоверчивость не исключает любопытства. Наоборот. Я мог не верить в сочленение идей, но ценил многоголосие идей. Достаточно не верить ни во что — и две идеи, равно неверные, дают вам возможность совместить их посредством хорошего интервала и составить *diabolus in musica*. Я не уважал идеи, за которые требовалось класть жизнь, но из двух или трех не уважаемых мною идей можно было образовать чудную мелодию. Или чудесный ритм, лучше всего джазовый.

Пройдут годы, и Лия мне скажет: — Ты живешь поверхностностями. Твоя глубина — это напластование множества поверхностностей, такого множества, что они создают впечатление плотности, однако будь это настоящая плотность, ты бы не выдержал собственного веса.

— Значит, по-твоему, я поверхностен?

— Нет, — отвечала Лия. — Просто то, что обычно имеют в виду под глубиной, это тессеракт — четырехмерный куб. С одного боку входишь, в другой выходишь, и оказываешься в измерении, которое с твоим не сообщается.

(Лия, не знаю, суждено ли нам увидеться теперь, когда

Они вошли не с того боку и заполнили твой мир, и виноват во всем я: это я убедил Их, что там есть бездна, — бездну-то Они и ищут, в своей жалкости.)

О чем же я действительно думал пятнадцать лет назад? Убежденный, что не верю, я чувствовал вину перед теми, кто верил. Поскольку я ощущал, что правы они, я положил себе верить, как в других случаях полагается принимать аспирин. Зла от него нет, а душа очищается.

Я оказался в гуще революции (как минимум, это была самая очаровательная из всех симуляций революции) именно потому, что приискивал себе порядочную веру. Я считал, что приличный человек не может не ходить на собрания, не участвовать в уличных шествиях и манифестациях; я кричал вместе со мне подобными “Фашистские гады, буржуям нет пощады!” (“Fascisti, borghesi, ancora pochi mesi!”) и не швырял порфириновых кубиков и металлических шаров только по той причине, что всегда опасался, как бы ближний не сделал мне того же, что я делаю ближнему; однако испытывал невероятный внутренний подъем, улетающая по узким улочкам центра от дышащих в затылок полицейских. Я возвращался домой с чувством выполненного долга. На собраниях мне не удавалось одушевиться групповой психологией; мешало подозрение, что достаточно одной правильно выбранной цитаты, чтобы из этой группы пришлось уходить в противоположную. Я этим и занимался про себя — подбирал цитаты. И так проводил время.

Поскольку время от времени в ходе вышеупомянутых уличных шествий и я и сам подстраивался то к одному, то к другому транспаранту, если там обозначалась девица, радовавшая взоры, я сделал вывод, что для многих моих товарищей по борьбе политическая деятельность является родом секса, а секс является страстью. Мне же хотелось до страсти не доходить и ограничиваться любопытством. Хотя, в то же время, занимаясь храмовниками-тамплиерами и многообразными половыми извращениями, которые приписывали им, я попал на цитату из Карпократа насчет того, что, чтобы быть свободным от тирании ангелов, захвативших наш космос, необходимо предаваться всяким непотребствам, освобождаясь тем самым от долговых обязательств перед универсумом и собственным телом, и

что только таким путем душа способна отмежеваться от страстей и обрести первоначальную чистоту. Когда мы выработывали План, я обнаружил, что многие запойные заговорщики, чтобы добыть озарение, следуют этому рецепту. Однако Алистер Кроули, которого полагается считать самым извращенным человеком всех времен и всех народов и который для этого творил все возможное и невозможное с верующими обоих полов, имел, по свидетельству биографов, только очень некрасивых женщин (думаю, что и мужчины, судя по тому, что они писали, были не лучше), и у меня есть сильное подозрение, что он ни разу не занимался любовью по полной программе.

Должна существовать связь между волей к власти и половым бессилием. Маркс симпатичен мне: чувствуется, что он и его Женни занимались любовью с энтузиазмом. Это ощущается по умиротворенности его стиля и по неизменному юмору. В то же время, как я заметил однажды в коридоре университета, если спать с Надеждой Константиновной Крупской, человек потом с железной неотвратимостью пишет что-то жуткое, типа “Материализма и эмпириокритицизма”. Мне пригрозили железным прутком и заклеили фашистом. Меня клеймили длинный парень с татарскими усами. Я его прекрасно помню. Сейчас он стал бритоголовым, живет в коммуне, они зарабатывают плетением корзин.

Я реконструирую нравы того времени только для того, чтобы описать, с каким внутренним багажом я предстал перед коллективом “Гарамона” и завел дружбу с Якопо Бельбо. Я был из тех, кто соглашается беседовать о смысле жизни для того чтоб быть готовым править верстку на эту тему. Я полагал, что основная проблема, связанная с изречением “Аз есмь СЫЙ”¹, состоит в соотношении прописных и строчных букв.

Поэтому политический выбор я сделал в пользу филологии. Миланский университет в те годы был единственным в своем роде. В то время как во всей остальной стране захватывали аудитории и нападали на профессоров, требуя, чтобы они участвовали в пролетарской науке, у нас,

¹ Исход 3—14.

за исключением мелких эксцессов, соблюдалась конвенция, иными словами, был проведен территориальный раздел мира. Революция проходила во дворах, в актовом зале и главных коридорах, а официальная культура гнездилась в безопасном и тихом месте — во внутренних коридорах и на верхних этажах, и там продолжала существовать точно так, как будто никакой революции не было.

Я проводил утра внизу, судача о пролетарской науке, а вечера — наверху, наторея в аристократических умствованиях, замечательно освоился в параллельных мирах и не ощущал ни малейшего раздвоения. Я, как и все, считал, что мир стоит на пороге справедливого общества, но при этом полагал, что в справедливом обществе должны будут действовать (и эффективнее чем в предыдущем), к примеру, железные дороги. Однако окружавшие меня санюлоты вовсе не учились загружать уголь в топку, подсовывать башмаки и согласовывать расписание. Кого они собирались приставлять к поездам — непонятно.

Не без некоторого смущения я ощущал себя маленьким Сталиным, который усмехается в усы и думает: «Давайте, давайте, большевички, я пока что поучусь в тифлисской семинарии, все равно потом пятилетними планами буду заниматься лично я».

Непонятно отчего — по контрасту с утренним энтузиазмом? — во второй половине дня я отождествлял знание с недоверием. Поэтому хотелось изучать что-то такое, что позволило бы опереться на факты, в противовес утренним материям, которые можно было только брать на веру.

По причинам в высшей степени случайным я пристал к семинару по средневековью и начал писать диплом о судебном процессе по делу ордена тамплиеров. История тамплиеров очаровала меня с первой минуты, как только я увидел первый документ. В тот период, когда все были против властей, меня чистосердечно возмутило это стародавнее судопроизводство, мягко говоря подтасованное от первого до последнего слова, в результате которого многие тамплиеры пошли на костер. Но кроме этого, я обнаружил, что в самом скором времени после того как всех их отправили на костер, толпы охотников за чудесами начали находить тамплиеров повсеместно, как правило, без

единого доказательства. Эти визионерские излишества бесили мою недоверчивую натуру, и я решил не терять время на охотников за чудесами, ограничив свой материал только документами эпохи. Храмовники-тамплиеры — для меня это понятие охватывало конкретный монашески-рыцарский орден, существовавший постольку, поскольку он был признан церковью. Когда же церковь распустила этот орден, а это она сделала около семисот лет назад, тамплиеры больше не могли существовать, а те, кто существовал, не были тамплиерами. По этому принципу я выписал около сотни книг, однако в конце концов прочитал только тридцать.

Мои отношения с Якопо Бельбо завязались именно благодаря тамплиерам, в баре “Пилад”, в эпоху, когда я сочинял свой диплом, в самом конце тысяча девятьсот семьдесят второго года.

Пришедший от света и от богов,
вот я в изгнании, отделенный от них.

Фрагмент *Turfa'n M7*.
Turfa'n M7

8

Бар “Пилад” в те далекие времена являл собою портофранко, галактическую таверну, в которой пришельцы с Офиука, осаждавшие в те времена Землю, встречались совершенно беспрепятственно с людьми Империи, охранявшими полосы Ван Аллена. Это был старый бар около канала, со стойками из цинка, бильярдом и всеми трамвайщиками и ремесленниками района, собиравшимися по утрам для приема первой порции беленького. В шестьдесят восьмом и в последующие годы “Пилад” превратился в настоящий “Рик’с Бар” из “Касабланки”, где активист студсовета играл в карты с журналистом, прислужником желтой прессы, только что подписавшим передовицу и явившимся за своим законным “виски-беби”, в то время как первые грузовики разъезжались по городу развозить капиталистическую пропаганду. У Пилада почему-то все акулы пера объявляли себя эксплуатируемыми пролетариями, производителями прибавочной стоимости, прикованными к идеологическому конвейеру. Студенты жалели и прощали их.

От одиннадцати вечера до двух утра — это было время издательских работников, архитекторов, хроникеров, мечтавших дорости до отдела культуры, художников из Бреры, сочинителей средней талантливости и дипломников вроде меня.

Минимальная степень алкогольного опьянения являлась обязательной, и старичок Пилад, продолжая держать бутылки крестьянского белого для трамвайщиков и аристократов, учел новый контингент, уничтожил как класс лимонад и портвейн и завел у себя марочные игристые вина для демократических интеллектуалов и виски для революционеров. На примере пиладовских виски, я берусь проследить развитие политической истории с тех пор и до нашего времени с хронологической привязкой сначала — к

“Джонни Уокеру” с красной этикеткой, потом — к “Баллантайну” двенадцатилетней выдержки и наконец — к мальто.

С появлением новой публики Пилад не тронул старого бильярда, на котором теперь художники с трамвайщиками играли в кегли, однако установил еще и флиппер.

Когда играл я, шарик жил так недолго, что, можно сказать, совсем не жил. Я считал, что виной тому рассеянность, неловкость — но настоящую причину я понял значительно позднее, когда увидел, как играет Лоренца Пеллегрини. Сначала я не заметил Лоренцу, но потом не мог не обратиться на нее внимания, проследивши за взглядом моего друга Якопо Бельбо.

Бельбо в баре обычно имел такой вид, будто впервые вошел минуту назад, между тем он обитал там уже не менее десяти лет. Иногда он участвовал в разговорах, как у стойки, так и за столиками, однако почти всегда подавал не более двух реплик, охлаждавших любой энтузиазм, чем бы энтузиазм ни был вызван. Для замораживания собеседника использовалась специальная техника вопроса. Некто рассказывал нечто, занимая внимание публики, а потом Бельбо подымал свои водянистые очи, донельзя рассеянные, держа бокал где-то на бедре, как будто он давно о нем позабыл, и в такт вежливо переспрашивал: “И на самом деле это случилось?” или: “И он действительно так сказал?” Не могу точно объяснить механику, но после двух подобных вопросов кто угодно начинал сомневаться в сообщаемой информации, в первую очередь рассказчик. Возможно, дело в пьемонтском выговоре, из-за которого утвердительная интонация звучала как вопросительная, а вопросительная как издевательская. Безусловно пьемонтской была у Бельбо эта манера держаться не встречаясь взглядом с собеседником, но и не отводя глаза. Взгляд Бельбо не устранился от диалога. Он попросту прогуливался по пространству и отыскивал точку конвергенции параллельных, которая до тех пор не ощущалась как таковая, благодаря чему у вас появлялось ощущение, будто все предыдущее время вы тупо пялились в то единственное место, которое не имеет никакого значения.

Бельбо работал не только взглядом. Он мог и жестом, и одним междометием отправить вас куда угодно. Я имею в виду: предположим, вы пытаетесь убедить свой столик, что Кант произвел коперникианский переворот в философии нового времени, и многие надежды возлагаете на успех этого выступления. Бельбо, сидящий против вас, в какой-то момент начинает разглядывать ногти, или колено, или прикрывает усталые веки, на устах показывается этрусская улыбка; или он замирает на секунду с разинутым ртом, глаза в потолок, а потом шелестит самым ласковым шепотком: “Вот чего мы не ждали бы от Канта...” Если же вами описывался де-факто сокрушитель системы трансцендентального идеализма, Бельбо переспрашивал: “Он действительно был такой буйный?” Потом великодушно взирал на вас, как будто вы, а вовсе не он, развалили все обаяние теории, и говорил: “Интересно, интересно. Я вас перебил, извините. В этом что-то есть... Определенно. Большой фантазии был человек...”

Периодически, когда он сильно бесился, он проявлял себя беспардонно. Поскольку единственным, что могло его взбесить, была беспардонность ближнего, его собственная ответная беспардонность носила внутренний, частный характер. Он закатывал глаза, качал головой и произносил вполголоса: “Вынул бы пробку”. Кому же был неизвестен смысл этого пьемонтского выражения, он мог и объяснить: “Надо иногда вынимать пробку. Чтобы избежать взрыва. Надутый человек находится в опасности. Вытащив пробку из зада, п-ш-ш-ш, вы возвращаетесь в натуральное состояние”.

Подобные реплики подчеркивали тщету всего, и я очаровывался. Однако извлекал ложные выводы. В ту пору фразочки Бельбо мне казались образцом высшего презрения к банальности чужих истин.

Только теперь, после того как я взломал, вместе с секретом Абулафии, секрет психологии Бельбо, я вижу: то, что я принимал за высшую трезвость и что считал принципом жизни, было проявлением подавленности. Депрессивным интеллектуальным либертинажем он маскировал неутоленную жажду абсолюта. Это было трудно уловить с

первого взгляда, потому что в Бельбо моменты бегства, колебания, отчужденности компенсировались моментами безудержной говорливости, когда он, в экстазе от собственного неверия, создавал альтернативные абсолюты. Это было, когда он вдвоем с Диоталлеви выдумывал учебники невозможного, миры навыворот, библиографические тератологии. И видя его энтузиазм, страсть, с которой строил он свою раблезианскую Сорбонну, невозможно было догадаться, насколько болезненно переживал он свой уход с факультета теологии — на этот раз с настоящего.

Я только потом понял, что я-то вычеркнул из своей жизни адрес этого факультета, а он не вычеркнул, а потерял, и это не давало ему покоя.

Среди файлов Абулафии я обнаружил много страниц псевдодневника, который Бельбо доверил дискетам, убежденный, что они не выдадут его и не развенчают настойчиво создаваемый им образ обыкновенного наблюдателя. Некоторые были датированы давними годами. Ясно, что Бельбо переписал в компьютер старые заметки — то ли просто так, из сентиментального чувства, то ли собираясь их как-то литературно обработать. Другие отрывки относились к последнему времени, к последним нескольким годам, когда он уже познакомился с верным Абу. Бельбо писал ради механического упражнения, ради одинокой “работы над ошибками”, уверяя себя, что не “творит” и не имеет никакого отношения к творчеству, так как творчество, даже когда порождает ошибку, всегда диктуется любовью к кому-то, кто не является нами. Однако Бельбо, сам того не зная, обходил сферу с другой стороны и приходил в ту же точку. Он творил, хотя лучше бы было ему не творить; и в этом берет начало его любовь к Плану — именно из потребности написать Книгу, пусть даже состоящую из только — исключительно и всецело — намеренных ошибок. Кувываясь в своей пустоте, вы можете убеждать себя, будто состоите в общении с Единым; но как только вы начали возиться с глиной, пускай даже электронной, вы — Демиург, и от этого никуда не деться, а кто собирается сотворить мир, тот неизбежно уже запятнан и ошибками и злом...

Имя файла: Три донны к сердцу подступили вместе¹

Вот так вот: toutes les femmes que j'ai rencontrées se dressent aux horizons avec les gestes piteux et les regards tristes des sémaphores sous la pluie...²

Бери повыше, Бельбо. Первая любовь — Пречистая Дева. Мама держит меня на коленях и укачивает, хотя я уже вышел из возраста колыбельных, но все равно прошу ее, чтоб она мне пела, потому что люблю ее голос и запах лаванды от ее груди: "О царица в эмпиреях, ты, чистейшая, святая, славься, дева, славься, мать, мать Господа Христа".

Итак, первая жена в моей жизни была не моей, как, с другой стороны, следует заметить, не была и ничьей, по определению. Первым делом я влюбился в единственную жену, способную целиком и полностью обходиться без меня.

Потом была Марилена (Мерилена? Мэри-Лена?). Лирически описать сумерки, золотые пряди, голубой бант. Я, вытянувшийся по струнке, задравши нос, перед скамейкой, — она, прогуливающаяся по верху спинки, раскинув руки, чтобы регулировать колебания (обольстительные экстрасистолы). Юбочка легонько колышется вокруг розовых ног. Высота, недоступность.

Наплыв: тот же самый вечер, мама, присы-

¹ Три дамы к сердцу подступили вместе,
Расположась кругом,
Затем что в нем самом
Любви угодно было воцариться.

Данте, Канцона CIV, 1.

Пер. с итал. Е. Солоновича.

Изменено: "три донны" вместо "три дамы". Речь идет об аллегориях Справедливости, Правды и Законности.

² Тех женщин, что я знал, на горизонте тень:
Их жесты жалобны и взоры их печальны,
Как семафоры под дождем...

Блез Сандрар (фр.).

пающая боротальком розовые округлости моей сестры. Я спрашиваю, когда же у сестры наконец отрастет pistolетик, и мне сообщается в ответ, что у девочек ничего не отрастает, они так и живут без этого. В тот же миг у меня перед глазами снова Мэри-Лена, белизна ее белья, видного под куполом голубой юбки, когда эта юбка развевалась, и я понимаю, что она белокура и надменна, потому что принадлежит к иному миру, с которым нет и не может быть никакого контакта, принадлежит к иной расе.

Третья жена сразу же низверглась в пропасть, где погребена. Только что она уснула во сне, бледненькая Офелия в цветах, в своем девическом гробе, и священник вычитывает над нею поминальную молитву, внезапно она столбом встает над катафалком, насупленная, белая, мстительная, воздевает перст, пещерным голосом: "Отче, не молись за меня. Этой ночью, до сна, я зачала нечистый помысел, единственный в моей жизни, и посему я — душа проклятия". Надо найти учебник, который я зубрил перед первым причастием. Была в нем картинка или все это — целиком моя фантазия? Разумеется, нечистая мысль перед смертью отроковицы относилась ко мне, нечистый помысел — был я, нечисто мысливший о Мари Лене, неприкосновенной, иного бо назначения, рода. Я виновник ее проклятия, я виновник проклятия всех, кто проклят, и поделом мне, что не моими были три жены: это наказание за то, что я их желал.

Оставим первую, потому что она в раю, вторую, потому что она в чистилище грустно алчет мужественности, которая у нее не отрастет никогда, и третью, потому что она в аду. Теологически закруглено. Так уже писал до меня один господин.

Но была еще Цецилия, и Цецилия никуда с нашей грешной земли не делась. О ней я помышлял засыпая, я поднимался на гору, я шел за молоком на ферму, а партизаны с противоположной горы открывали стрельбу по контрольно-пропускному пункту, и тут я

приходил на помощь, я спасал Цецилию от своры черных полицаев, которые гнались за нею с автоматами наизготовку. Златоглавое Мэри-Лены, притягательнее гробовой отроковицы, чище и святее Пречистой Девы. Цецилия земная и доступная, чуть-чуть еще, и я мог бы заговорить с нею, я был убежден, что она способна полюбить существо моей породы, тем более что она уже любила такое существо, именовавшееся Папи, с белыми всклокоченными волосами на крошечном черепе, годом старше меня, и обладавшее саксофоном. У меня же не было и трубы. Я ни разу не видел их вместе, но ребята в классе шушукались, подпирая друг друга локтями, подхикивая, что эти двое "живут". Разумеется, они все выдумывали, эти крестьянские малолетки, похотливые, словно козы. Больше всего им хотелось уверить меня, что она (Она — Пресветлая Мэри Цецилия суженая и супруга) до такой степени доступна, что каждый, кто угодно, может сблизиться с нею. Исключая и в данном случае — в четвертом по очереди — исключая меня.

Пишут ли романы о подобных вещах? Может быть, надо писать, наоборот, о тех женщинах, которых я избегаю, потому что их я мог иметь? Или мог бы. Иметь. Или первое и второе — стороны одной медали?

В общем, когда неизвестно даже о чем писать, лучше редактировать труды по философии.

И в его деснице труба золотая.

Иоганн Валентин Андреаэ, *Химическая
свадьба Христиана Розенкрейца.*
Johann Valentin Andreae, *Die Chymische Hochzeit
des Christian Rosencreutz*, Strassburg, Zetzner, 1616, 1

9

В этом файле примечательно упоминание трубы. Позавчера, сидя в перископе, я еще не понимал, до чего это важно. Тогда я располагал только одним контекстом, довольно бледным, маргинальным.

...В долгие гарамонские вечера, бывало, Бельбо, замученный рукописью, подымал глаза от бумаги и начинал говорить, а я слушал, перетасовывая дряхлые офорты Всемирной выставки в макете очередной книги, — он импровизировал на вольную тему, но мгновенно захлопывал раковину при малейшем подозрении, что его могут принять всерьез. Имели место воспоминания прошлого, но единственно в басенной функции: иллюстрации того, как не следует поступать. — Конец наш приходит, — пробормотал он однажды.

— Закат Европы?

— Да пусть закатывается... Нет, я насчет пишущих масс. Третья рукопись за неделю. Одна о византийском праве, другая о *Finis Austriae*¹ и третья о порнографических сонетах Баффо². Казалось бы, разные вещи, вы не находите?

— Нахожу.

— Ну вот, а во всех в трех рассуждается в терминах Желания и Предмета Любви. Великая сила мода. Я еще понимаю Баффо, но византийское право...

— Киньте в корзину.

¹ “Конец Австрии” (*лат.*) — термин С. Цвейга, обозначающий кризис Австро-Венгерской империи накануне первой мировой войны.

² Джорджо Баффо (1694—1768) — итальянский поэт.

— Да нет, все это печатается за счет Центра научных исследований, и вообще не так уж плохо. В крайнем случае позвоню всем по очереди и спрошу, согласны ли они расстаться с этими абзацами. В их же интересах.

— А как он вставил предмет любви в византийское право?

— Нашел как вставить. Как вы понимаете, если в византийском праве и был предмет любви, он был не тот, который думает автор. Предмет любви всегда не тот.

— Не тот не какой?

— Не тот, который думают. Когда-то, в возрасте не то пяти не то шести лет, мне приснилась труба. Златая. В общем, один из тех снов, в которых будто мед бежит по жилам — что-то вроде ночной поллюции до достижения половой зрелости. Полагаю, что ни разу в жизни впоследствии я уже не был так счастлив. Никогда. Разумеется, после пробуждения я осознал отсутствие трубы и стал реветь, как теленок. Проплакал весь день. Что я могу сказать? Наверно, действительно до войны, а это было в тридцать восьмом, мир был очень нищ. Потому что сегодня, если бы у меня был сын и я увидел его в такой печали, я сказал бы ему: пошли, купим тебе трубу, какую пожелаешь. В конце концов, речь шла об игрушке, сколько уж там она могла стоить. Но у моих родителей и в мыслях не было. К деньгам относились с серьезностью. И с той же серьезностью внушали чадам: не все, что захочется, можно получить. Вот я, например, не люблю капустный суп — ну что в этом преступного, боже мой, разваренную капусту я в рот взять не могу... Но в ответ не говорилось: дело твое, живи сегодня без супа, съешь второе (а мы жили не бедно, у нас каждый день было первое, второе и компот). Но не на тех напали, никаких капризов, ешь что дают. Единственное, на что они соглашались в порядке компромисса, — это чтобы бабушка вытащила водоросли из моей тарелки, и она тянула их, нитку за ниткой, червяка за червяком, соплю за соплей, и я должен был глотать этот разминированный суп, еще более мерзкий, чем раньше, — однако даже и такие послабления мой папа весьма не одобрял.

— А труба?

Он посмотрел на меня с подозрением: — Почему вам надо знать про трубу?

— Мне ничего не надо. Это вы заговорили про трубу, что-то про предмет любви, что он всегда не тот.

— Труба. Должны были приехать дядя и тетя из ***. У них детей не было, я был любимый племянник. Они узнали, что я оплакиваю эту призрачную трубу, и сказали, что берутся все уладить. Что завтра мы пойдем в торговый центр, где есть целый прилавок игрушек, и я выберу трубу, какую захочется. Ночь я не спал, все утро следующего дня трясся. Наконец мы пошли в универмаг и там были трубы как минимум трех конфигураций. Латунная штамповка — но мне они казались кипящей медию земли обетованной. Там был походный горн, тромбон с раздвижной кулисой и некая псевдотруба, потому что у нее был раструб и она была золотая, но с клавишами от саксофона. Я не знал, какую выбрать, потратил много времени — в этом была, видимо, моя ошибка. Мне нравились все три, а им могло показаться, что ни одна не нравится. Тем временем, скорее всего, дядя и тетя посмотрели на ценники. Они были не жадные, однако, вероятно, они поняли, что есть вещь и подешевле — кларнет из бакелита, черный, с серебряными клапанами. “Может быть, тебе это хочется?” — спросили они, указывая на кларнет. Я попробовал кларнет, он бляял как положено кларнету, я попытался внушить себе, что кларнет — это то, что надо, а в это время мой мозг работал на высоких скоростях и приходил к выводу, что дядя и тетя уламывают меня на кларнет, потому что он дешевле, труба же, как я начинал думать, стоила целое состояние и я не мог требовать от дяди и тети такой жертвы. Меня всегда учили, что когда тебе предлагают что-то хорошее, надо сразу ответить “спасибо, нет”, и даже не один раз, не тянуть руку сразу вслед за “нет”, а дожидаться, чтобы даритель настоял, сказал: пожалуйста, возьми, доставь мне удовольствие. Только после этого благовоспитанный ребенок сдается. Поэтому я сказал, что, наверно, мне не так уж и хотелось трубу. Что, наверно, кларнет тоже хорош, если им так кажется. И снизу заглянул им в лицо, надеясь, что они переспросят. Они не переспросили. Царствие им небесное. Они были просто счастливы, что могут подарить

мне кларнет, раз уж, сказали они, мне именно кларнета так хотелось. Пути обратно не было. Мне купили кларнет.

Он глянул на меня с подозрением: — Хотите знать, снилась ли мне потом опять труба?

— Нет, — сказал я. — Хочу знать, кто был предметом любви.

— А, — отозвался он, снова берясь перелистывать рукопись. — Видите, вот и вы зациклены на этом предмете любви. В данных вопросах обычно все врут как могут. Да... Ну а если бы мне купили трубу? Был бы я на самом деле счастлив? Что вы скажете, Казобон?

— Вам бы приснился кларнет.

— Нет, — сухо сказал он. — Кларнетом я только владел. Ни разу не играл.

— Кларнеты детям не игрушка...

— Я на кларнете не играл, — отчеканил он, и я почувствовал себя паяцем.

И наконец, не иное выводится каббалистически из *vinum*, как *VIS NUMerorum* (сила чисел), от которых и зависит сказанная Магия.

Чезаре делла Ривьера, *Магический мир Героев*.
Cesare della Riviera, Il Mondo Magico degli Eroi,
Mantova, Osanna, 1603, pp. 65—66

10

Но я говорил о первой встрече с Бельбо. Мы виделись и раньше, перекидывались репликами в пиладовском баре, знал я о нем мало — только что он работал в “Гарамоне”, книги этого издательства я читал в университете. Издательство маленькое, серьезное. Юноше, трудящемуся над дипломной работой, обычно импонирует знакомство с сотрудником престижного издательства.

— А вы чем занимаетесь? — спросил он однажды вечером, притиснутый рядом со мной к дальнему углу цинковой стойки “Пилада” в жуткой давке по случаю праздничного нашествия посетителей. В ту эпоху все обращались друг к другу на “ты” — студенты к преподавателям и преподаватели к студентам. Что уж говорить об аборигенах “Пилада”. — Закажи и мне выпивку, — бросал студент в битловке главному редактору крупной газеты. Похоже было на Петербург молодости Шкловского. Сплошные Маяковские и ни одного Живаго. Бельбо не сопротивлялся общепринятому “ты”, однако было ясно, что для него это синоним всего самого отвратительного. Он принимал игру в “ты” как бы чтобы продемонстрировать, что отвечает на хамство хамством, но что при этом имеется пропасть между дружбой и амикошонством. Настоящее “ты”, которое, как в старину, выражало дружбу либо любовь, на моей памяти у него находилось для считанных людей. Для Диоталлеви и двух-трех женщин. К тем, кого он уважал, но знал не слишком давно, он обращался на “вы”. Так он разговаривал и со мной все то время, что мы проработали вместе, и я гордился этим почетом.

— А вы чем занимаетесь? — обратился он ко мне, и, как я теперь понимаю, это был знак высшей симпатии.

— В жизни или на этой сцене? — отозвался я, обводя взором пиладовские подмости.

— В жизни.

— Учусь.

— Ходите в университет или учитесь?

— Смешно сказать, но одно не всегда исключает второе.

Я пишу диплом о тамплиерах.

— Ой, как нехорошо, — отозвался Бельбо. — Разве это не тема для сумасшедших?

— Почему? Сумасшедшими я как раз занимаюсь. Они герои большинства документов. Вы что, соприкасались с этой темой?

— Я служу в издательстве, а в издательствах одна половина посетителей нормальные, другая — сумасшедшие. Задача редактора — классифицировать с первого взгляда. Кто начинает с тамплиеров, как правило — псих.

— Можете не продолжать. Их имя легион. Однако не все безумцы начинают с тамплиеров. Как вам удастся опознавать прочих?

— Есть технология. Могу вас научить, как младшего товарища. Кстати говоря, как вас зовут?

— Казобон.

— А это не герой “Миддлмарч”?

— Не знаю. В любом случае, был такой филолог в эпоху Возрождения. Но он мне не родственник.

— Ладно, замнем. Выпьете еще что-нибудь? Еще две порции, Пилад. Спасибо. Итак. Люди делятся на кретинов, имбецилов, дураков и сумасшедших.

— Кто-нибудь остается?

— Я-то уж точно. Хотя и вас обижать не хочется. Если сформулировать точнее, любой человек подпадает под все категории по очереди. Каждый из нас периодически бывает кретином, имбецилом, дураком и психом. Исходя из этого, нормальный человек совмещает в разумной пропорции все эти компоненты, иначе говоря, идеальные типы.

— Идеальтюпен.

— А. Вы и по-немецки можете.

— Приходится. Все библиографии по-немецки.

— В мои времена, кто знал немецкий, никогда не защи-

щался. Так и проводил всю жизнь — зная немецкий. Теперь это, кажется, происходит с китайцами.

— Я не сильный спец в немецком. Так что не теряю надежды защититься. Но вернемся к вашей типологии. Что делать с гениями — с Эйнштейном, например?

— Гений — это тот, кто играет всегда на одном компоненте, но гениально, то есть питая его за счет всех остальных. — Он поднял свой стакан и к кому-то обратился: — Привет, красавица. Ты опять травилась?

— Нет, — отвечала прохожая. — Я теперь в коммуне.

— Молодец, — похвалил ее Бельбо и опять повернулся ко мне: — Что хорошо в коммуне. Отбивает любые желания.

— Вы говорили о сумасшедших.

— Надеюсь, вы не собираетесь уверовать в меня, как в бога. Я не открываю смысл жизни. Я говорю конкретно — о поведении умалишенного в издательстве. Это теория ад хос, договорились?

— Договорились. Теперь моя очередь платить.

— Валяйте. Пилад, пожалуйста, поменьше льда. Иначе я слишком быстро напьюсь. Так вот. Кретин лишен дара речи, он булькает, пускает слюни и не попадает мороженым в рот. Он входит в вертящуюся дверь с обратной стороны.

— Это невозможно.

— Ему — возможно. Исключаем кретина из круга интересующих феноменов. Кретин легко узнаваем и по издательствам не ходит. Отбросим.

— Отбросим.

— Имбецилу жить труднее. Подразумевается комплекс социального поведения. Имбецил — это тот, кто попадает пальцем в лужу.

— Пальцем в небо.

— Нет, пальцем в лужу. — И он погрузил палец в озеро спиртного на буфетной стойке. — Когда хочет попасть в стакан. Рассуждает о содержании стакана, но так как в стакан не попал, в результате рассуждает о содержимом лужи. Попросту говоря, это специалист по ляпсусам, он спрашивает как здоровье супруги как раз у кого сбежала жена. Я передал идею?

— Передали. Знакомый тип.

— Имбецилы очень ценны в светских ситуациях. Они конфузят всех, но подают неисчерпаемые поводы для разговоров. Один безвредный подвид имбецила часто выступает дипломатом. Он способен говорить только о луже, не о стакане, и поэтому если “гафф” совершили другие, имбецил автоматически переключает разговор. Это удобно. Однако и он нас не интересует, он не самостоятелен, его ставят только на подачу мячей, он рукописи по издательствам не носит. Имбецил не говорит, что кошки лают, он просто говорит о кошках, когда люди говорят о собаках. Он путается в светской беседе и когда обделается как следует — восхитителен. Это вымирающий вид, средоточие дивных буржуазных добродетелей. К нему требуется салон Вердюренов или даже Германтов. Нынешнему студенчеству знакомы эти фамилии?

— Что-то знакомое.

— Имбецил — это Жоашен Мюрат, выплясывающий на кровном жеребце перед офицерским строем. Вдруг он видит одного, в орденах, с Мартиники. “Вы негр?” — обращается к нему Мюрат. “Так точно, высокопревосходительство!” На что Мюрат: “Молодцом! Продолжайте, продолжайте!” Знаете эту байку? Прошу извинить, но сегодня я отмечаю исторический поворот моей судьбины. Я бросаю пить. Еще по одной? Не реагируйте, а то мне станет очень стыдно. Пилад!

— А дураки?

— Да. Специфика дурака затрагивает не сферу поведения, а сферу сознания. Дурак начинает с того, что собака домашнее животное и лает, и приходит к заключению, что коты тоже лают потому, что коты домашние... Или что все афиняне смертны, все обитатели Пирея смертны, следовательно, все обитатели Пирея афиняне.

— Что верно.

— По чистой случайности. Дурак способен прийти к правильному умозаключению, но ошибочным путем.

— А что, лучше приходить к ошибке, но рационально?

— Еще бы, а иначе зачем было делаться с таким трудом рациональными животными?

— Крупные человекообразные обезьяны произошли от низших форм жизни, люди происходят от низших форм

жизни, следовательно люди являются крупными человекообразными обезьянами.

— Для начала неплохо. Вы уже почти уверены, что есть какой-то логический сбой, но, конечно, вам надо еще поработать, чтобы понять где... Дураки коварны. Имбецилы опознаются моментально, не говорю уж о кретинах, в то время как дураки рассуждают похоже на нас с вами, не считая легкого сдвига по фазе. От дурака редактору нет спасения, приход его, как правило, длится вечность. Дураки публикуются легко, потому что с первого наскока выглядят убедительно. Издательский редактор не стремится выявлять дураков. Если их не выявляет Академия наук, почему должен редактор?

— Философия тоже для дураков открыта. Онтологическое доказательство святого Ансельма — глупость. Бог обязан существовать потому, что я могу вообразить его как существо обладающее всеми совершенствами, в том числе существованием. Он перепутал существование представления с существованием сущности.

— Хотя не менее глупо опровержение Гонилона. Я вполне могу думать об острове в море, даже если этого острова нет. Второй дурак перепутал представление случайности с представлением необходимости.

— Турнир дураков.

— Вот-вот, а Господь Бог рад до безумия. Он специально сделался невысказанным, только чтобы доказать, что Ансельм и Гонилон оба дураки. Ничего себе высшая цель творения. То есть я хочу сказать, того деяния, во славу коего Господь Бог сотворил себя. Отлов дураков в космическом масштабе.

— Мы окружены дураками.

— И спасения нет. Дураки все, кроме вас и меня. Ну не обижайтесь! Кроме вас одного.

— По-моему, здесь применима теорема Гёделя.

— Не знаю, я кретин. Пилад!

— Сейчас очередь моя.

— Ладно, ваша следующая. Эпименид Критский утверждает, что все критяне лгуны. Если это говорит критянин и если он хорошо знает критян, он говорит правду.

— Еще одна глупость.

— Святой Павел, послание к Титу. Пошли дальше. Все, кто полагает, что Эпименид — лгун, по логике должны доверять критянам, но сами критяне не доверяют критянам, следовательно, ни один обитатель Крита не думает, что Эпименид — лгун.

— Это глупость или не глупость?

— Как скажете. Я же говорю, что дурака идентифицировать трудно. Дурак свободно может взять Нобелевку.

— Тогда дайте подумать... Некоторые из тех, кто не верит, что Господь сотворил мир в течение семи дней, не являются фундаменталистами, но некоторые фундаменталисты верят, что Господь сотворил мир в течение семи дней. Следовательно, ни один не верящий, будто Господь сотворил мир в течение семи дней, — фундаменталист. Это глупость или нет?

— Господи помилуй... Как раз тот случай. Не знаю. А вам как кажется?

— В любом случае глупость, даже если все так. Здесь нарушается основной закон силлогизмов. Нельзя выводить универсальные заключения из двух частных посылок.

— А если бы дураком оказались вы?

— Попал бы в большое и хорошее общество.

— Это верно, глупость нас окружает. И так как наши логики обратны, наша глупость — это их мудрость. Вся история логики сводится к выработыванию приемлемого понятия глупости. Она слишком грандиозна. Всякий крупный мыслитель — рупор глупости другого.

— Мысль как когерентная форма глупости.

— Нет. Глупость мысли есть некогерентность другой мысли.

— Глубоко. Уже два, Пилад хочет закрываться, а мы еще не дошли до сумасшедших.

— Сейчас дойдем. Сумасшедших опознавать нетрудно. Это дураки, но без свойственных дуракам навыков и приемов. Дурак умеет доказывать свои тезисы, у него есть логика, кособокая, но логика. Сумасшедшего же логика не интересует, по принципу бузины в огороде любой тезис подтверждает все остальные, зато имеется идея фикс, и все, что попадает под руку, идет в дело для ее проталкивания. Сумасшедшие узнаются по удивительной свободе от

доказательств и по внезапным озарениям. Так вот, вам может это показаться странным, но раньше или позже сумасшедшие кончают тамплиерами.

— Все?

— Нет, есть сумасшедшие без тамплиеров. Но которые с тамплиерами, опаснее. Сначала вы их не узнаете, вам кажется, что они говорят как нормальные, но в одну прекрасную секунду... — Он потянулся было заказать еще виски, передумал и попросил счет. — Кстати к слову. О тамплиерах. Вчера там у нас один оставил очередную рукопись. По виду он именно сумасшедший, но, как говорится, с человеческим лицом. Угодно ознакомиться?

— С удовольствием. Может быть, найду что-нибудь полезное.

— Не думаю. Но если будет свободных полчаса, загляните к нам. Улица Синчero Ренато, 1. Мне это нужнее, чем вам. Вы мне скажете, есть ли смысл в этой рукописи или нет.

— Почему вы доверяете мне?

— С чего вы взяли, что доверяю? Когда придете, начну доверять. Я доверяю тем, кто проявляет интересы.

Вошел студент и взволнованно прокричал: — Товарищи! Около канала показались фашисты с цепями!

— Где мой железный прут, — сказал тот парень с татарскими усиками, который грозился расправиться со мной за Ленина. — Пойдем со мной, товарищи! — И все поспешно вышли.

— Надо бы пойти? — шепнул я, снедаемый совестью.

— Не надо, — ответил Бельбо. — Это просто Пилад освобождает помещение. Так как сегодня первый вечер, что я бросаю пить, чувствую я себя погано. Должно быть, начинается ломка от воздержания. Все, что я вам говорил в течение вечера, включая и данное высказывание, является ложью и только ложью. Спокойной ночи.

Его бесплодие было безгранично.
Оно доходило до экстаза.

Э. М. Сьоран, *Дурной demiurge*.
E. M. Cioran, *Le mauvais demiurge*,
Paris, Gallimard, 1969 Pensées étran­glées

11

В “Пиларе” я имел дело с “Бельбо для посторонних”. Наблюдательный человек догадывался, что его сарказм идет от меланхолии. Непонятно, было ли все это маской, или, может быть, маской был другой вариант — дружеская доверительность. В сарказме “на публику” чувствовалась такая настоящая печаль, что ее трудно было замаскировать — и от себя самого — печалью напускною.

Читая этот файл, я нахожу в олитературенной форме все то, что на научном языке мы обсуждали на следующий день в “Гарамоне”: письмобоязнь в сочетании со страстью к письму и горечь редакторской работы — вечно пишешь от лица подставных лиц, и тоска по несбывшемуся творчеству, и интеллектуальная стыдливость, побуждавшая его казнить и грызть себя за то, что ему хотелось того, на что, по собственному мнению, он не имел права — казнить, выставляя это желание в смешном олеографическом свете. Никогда не видел, чтобы себя жалели с таким презрением.

Имя файла: Лимонадный Джо

Завтра повидать юного Чинти.

1. Монография удачная, новаторская.
Чуть-чуть слишком академична.

2. В заключении. Сравнительный анализ Катулла, *poetae novi*¹ и современного авангарда. Самое лучшее в тексте.

3. Не пустить ли как введение.

4. Постараться убедить. Он скажет, что в филологической серии эффективный зачин

¹ Новые поэты (*лат.*) I в. до н.э. — Валерий Катон, Лициний Кальв, Катулл (определение Цицерона).

научный руководитель не стерпит. Еще чего доброго снимет свое предисловие. Поставить под вопрос карьеру. Гениальная идея, будучи на последней странице, пролетит безболезненно, а на первой притянет внимание и раздражит зубров.

5. Ответ. Но достаточно набрать это место курсивом, что-то вроде взгляда и нечто, отсоединить от ряда собственно исследовательского. Гипотеза останется гипотезой, без ущерба серьезности работы, а читатель сразу будет завоеван, увидит книгу в другой перспективе.

Если разобраться по совести — делаю я подарок этому парню или пишу его руками собственную книгу?

Изменять весь текст с помощью двух-трех поправок. Демиург на чужом горбу. Чем подготавливать сырую глину, мять и выделывать ее — несколько легоньких щелчков по терракоте, из которой уже сформована статуя. Добавь последний штришок, дай разок молотком по голове, она превратится в Моисея, заговорит.

Должен зайти в издательство Уильям Ш.

— Просмотрел вашу вещь, очень, очень неплохо. Умело выстроено, есть напряжение, драматизм. Это у вас первый опыт?

— Нет, я вообще-то уже написал одну трагедию про двух любовников из Вероны, которые...

— Лучше поговорим о вашей новой работе. Я вот думаю, почему действие должно разворачиваться обязательно во Франции. А не в Дании, например? Условно говоря? Не так уж много пришлось бы менять. Два-три топонима. Замок Шалон-на-Марне превращается, ну скажем, в замок Эльсинор... Северный колорит, протестантство, витает тень Кьеркегора, такое, знаете, экзистенциальное напряжение...

— А может, вы и правы.

— Мне кажется так. Потом тут надо бы немножко пройтись по стилю. Чуть-чуть, несколько мелких поправок, вроде как делает парикмахер, прежде чем приставить зеркало

к затылку... Вот, к слову, призрак отца героя. Почему он выходит в конце? Я бы, откровенно говоря, выпустил его в начале. Так, чтобы отцовский дух постоянно потом присутствовал и влиял на поведение его сына, принца. Тогда будет яснее и конфликт с матерью.

— В этом что-то есть. И надо только одну сцену перенести.

— Вот именно. Наконец, вопрос стиля. Возьмем любой кусок на пробу, например, когда молодой герой выходит на просцениум и заводит это свое рассуждение насчет действия и бездействия. "Действовать или нет? Вот что надо бы мне решить; сносить бесконечные нападки злобной судьбы..." Почему это только ему надо решить? Я сказал бы, в этом вообще состоит вопрос, понимаете, не его личная проблема, а основной вопрос экзистенции. Так сказать, выбор между бытием и небытием, быть или не быть...

Населяешь мир детищами, которые будут носить чужие фамилии, и никто не узнает, что они твои. Господь Бог в штатском. Ты Господь, ты гуляешь по городу и слушаешь, что о тебе толкуют. Господь да Господь, да какой замечательный мир ему удалось сработать, и какая смелая идея всемирное тяготение, и ты улыбаешься в усы, придется, видимо, ходить в накладной бороде, или нет, наоборот, без бороды, по бороде сразу догадаются, что ты Господь Бог. Ты бормочешь себе под нос (солипсизм Господа — настоящая трагедия): "Так это же я и есть, а никто меня не знает". На улице тебя толкают, могут даже и послать подальше, а ты смущенно извиняешься, увертываешься и проходишь себе своей дорогой, на самом деле все-таки ты Бог, а это не шутки, по одному твоему чиху мир превратится в головешку. Но ты настолько всемогущ, что можешь себе позволить даже быть добрым.

Роман о Господе Боге инкогнито. Никакой надежды. Раз пришло в голову мне, значит, уже пришло и еще кому-нибудь.

Другой вариант. Ты литератор, хороший или плохой — ты пока не знаешь. Любимая тебе изменила, жизнь перестала иметь смысл, и в некий день, ища забвения, ты грузишься на "Титаник" и терпишь крушение в южных морях. Ты единственный кто спасся, питаешься пеммиканом, тебя подобрала индейская пирога и долгие годы ты, неведомый миру, проводишь на острове в обществе одних папуасов, их девушки напевают тебе песни, которые слаще меда, и покачивают грудями, полуприкрытыми гирляндой из цветов пау. Ты прижился на острове, тебя называют Джо, как всех белых, девушка с кожей цвета янтаря приходит вечером к тебе в шалаш и говорит: "Я — ты — твоя". В общем, это прекрасно — вечером на веранде вглядываться в небо, глядеть на Южный Крест, голова у нее на коленях, ее ладони порхают над твоими волосами.

Ты живешь календарем рассветов и закатов и не ведаешь иного. Однажды появляется моторная лодка с голландским экипажем. От них ты узнаешь, что миновало десять лет. Они зовут тебя уехать с ними. Ты колеблешься, ты предпочитаешь заняться бартерным обменом кокосов на мануфактуру, ты руководишь сбором лимонов и открываешь производство лимонада, даешь работу местным индейцам, начинаешь путешествовать с островка на островок, отныне ты сделался в этом мире Джо Лимонадом. Авантюрист португалец, полуразрушенный алкоголем, нанимается на работу к тебе и исправляется, о тебе теперь говорят повсюду в морях Зондского архипелага, ты становишься советником магараджи Брунея в его войне против речных даяков, тебе удается вернуть к жизни старую пушку времен Типпа Сагиба, ты заряжаешь ее железной мелочью, набираешь роту преданных малайцев, с зубами почерневшими от бетеля, и в схватке около Кораллового рифа старый Сампан, с зубами почерневшими от бетеля, закрывает тебя собственным телом: "Я рад умереть за тебя, Лимонадный Джо". Бедный старый Сампан, ты был настоящим другом.

Отныне ты знаменит на этом архипелаге от Суматры до Порт-о-Пренса, у тебя дела с англичанами, в порту Дарвин ты приписан под вымышленным именем Курц, и теперь ты для всех белых Курц и Лимонадный Джо для всех индейцев. Но в один прекрасный вечер, когда девушка тебя ласкает на веранде и Южный Крест сияет так ярко, как никогда до этого не сиял, — до чего он не похож на Медведицу, — ты понимаешь, что должен вернуться. Не надолго, только чтобы посмотреть, что сохранилось от тебя в том, другом мире.

Ты доезжаешь до Манилы в своей моторной лодке, там тебя берут на вертолет, направляющийся в Бали. Потом Самоа, Адмиральские острова, Сингапур, Тананариве, Тимбукту, Алеппо, Самарканд, Бассора, Мальта — и ты дома.

Прошло восемнадцать лет. Жизнь тебя переменяла. Лицо загорело под пассатами и муссонами, ты возмужал, очень хорош собою. И вот ты возвращаешься на родину и видишь, что во всех книжных витринах выставлены твои книги, причем в академических изданиях, и твое имя выбито на фасаде старой школы, где тебя учили читать и писать. Ты — Погибший Поэт, совесть поколения. Романтические девушки кончают с собою над твоей пустой гробницей.

А потом я встречу тебя, моя любовь, со многими морщинками у глаз, и лицо твое, все еще красивое, печальное от воспоминаний и от запоздалого раскаяния. Я чуть не задел, проходя, тебя на тротуаре, вот я здесь, в двух шагах, и ты посмотрела на меня так же, как глядишь ты на всех, выскивая в облике каждого встречного — тень того, кого ищешь. Я заговорил бы с тобой, зачеркнул прошедшие годы. Но для чего мне это? Разве я не получил от жизни все, чего можно желать? Я — Бог, я равен Богу одиночеством, равен тщеславию, равен отчаянием из-за того, что сам не являюсь, как другие, моим созданием. Все живут в моем свете, а сам я живу в непереносимом сверкании моих сумерек.

Ступай, ступай же в мир, о Уильям Ш.! Ты знаменит, ты проходишь рядом со мной и меня не видишь, я бормочу себе под нос: "Быть или не быть?" и говорю себе: неплохо, Бельбо. Хорошо сработано. А ты валяй, старичок Уильям Ш., и получай что тебе причитается. Ты ведь только создал. А переделывал я.

Мы, рожающие чужими родами, как актеры, не имеем права лежать в освященной земле. Но грех лицедеев — что они внушают людям, как будто бы наш мир на самом деле устроен иначе. А мы внушаем людям, как будто наш мир бесконечен и бесконечны иные миры, и неограниченно количество возможных миров.

Как может быть жизнь такой щедрой, выдавать такую неоценимую награду — посредственности?

Sub umbra alarum tuarum, Iehova.¹

Слава Братства, цит. по:
Всеохватная и всеобщая Реформа всего целого Мира.
*Fama Fraternitatis*²,
*Allgemeine und general Reformation
der ganzen weiten Welt*,
Cassel, Wessel, 1614, fine

12

На следующий день я пошел в “Гарамон”. Ворота дома номер один по улице Синчеро Ренато открывались в мусорную подворотню, за которою виднелся двор, а во дворе — мастерская по ремонту стульев. Направо подъезд с лифтом — экспонат музея индустриальной археологии. От лифта изошло несколько подозрительных подрагиваний, и никакого движения вверх. Тогда благоразумия ради я поднялся пешком на два этажа по лестнице исключительно обрывистой, в этом смысле приближающейся к винтовой, и невероятно грязной. Как мне сказали впоследствии, господин Гарамон обожал помещение редакции, потому что оно напоминало ему парижские издательства. На площадке виднелась табличка: “Издательство Гарамон А/О”. Открытая дверь вела в холл: ни телефонистки, ни секретаря, однако войти было невозможно так, чтобы не быть замеченным из кабинетика напротив, и я немедленно был атакован человеческим существом, похожим на женщину, непонятного возраста и такого роста, который эвфемически принято называть “ниже среднего”.

Она напала на меня на языке, который мне показался знакомым, через некоторое время я понял, что это итальянский, но из которого изъяты почти все гласные. В ответ я сказал: “Бельбо”. На что был оставлен подождать в коридоре, а затем блюстительница повела меня в дальний конец.

Бельбо встретил меня радостно: — А, так вы серьезный

¹ Под сению крил твоих, Господи (Псалмы 56—2).

² Устав ордена розенкрейцеров.

человек. Проходите. — Меня усадили напротив его стола, такого же дряхлого как и вся обстановка, и так же заваленного папками, как стеллажи по стенам.

— Вас не напугала Гудрун, — сказал он.

— Гудрун? Это мадам из коридора?

— Мадмуазель. На самом деле она не Гудрун. Мы ее так зовем за бругильдистость и тевтонский акцент. Она синтезирует большинство морфем и экономит на гласных. Но у нее есть чувство симметрии. Когда пишет на машинке, экономит на согласных.

— Что она у вас делает?

— К сожалению, все. В каждом издательстве должно быть лицо абсолютно незаменимое, которое одно в состоянии найти вещи в том бардаке, который само творит. При этом хотя бы, когда теряется рукопись, понятно, на кого орать.

— Она еще и рукописи теряет?

— Все теряют. Во всех издательствах теряют рукописи. Я думаю, это основное, что с ними делают в издательствах. Поэтому нужен козел отпущения. Я огорчен только тем, что она теряет не те. Это вредит процессу, который мой друг Бекон называл *the advancement of learning*¹.

— А куда ж они теряются?

Бельбо в ответ развел руками: — Прошу прощения, вопрос какой-то странный. Если бы знали куда, их бы находили.

— Логично, — отвечал я. — А кстати. Издания “Гарамона” подготовлены так тщательно, и книги выходят беспрерывно. Сколько человек у вас в редакции? Вы много даете делать на сторону?

— Насчет сколько человек. Напротив через коридор технический отдел. За стеной сидит мой коллега Диоталлеви. Он занимается учебниками, всяким долгостроем, тем, что долго делают и долго продают, то есть что теоретически остается в продаже всегда. Научную серию всю делаю я. Но вы не думайте, это не так уж неподъемно. Нет, конечно, с некоторыми книгами надо сильно возиться, рукописи надо читать, но в основном это все товар надежный и с бюджет-

¹ Продвижение науки (англ.).

ной и с научной точки зрения. Публикации института имени Такого-то, материалы конференций, подготовляемые и финансируемые университетами. Если автор начинающий, научный руководитель дает к нему предисловие и ответственность вся на научном руководителе. Автор правит верстки, первую и вторую, сверяет все цитаты, примечания, и все это бесплатно. Потом книгу выставляют в магазинах, продают за несколько лет от тысячи до двух тысяч экземпляров, покрывают расходы... Все спокойно, все идет в актив.

— А вы что же делаете?

— Да немало. Прежде всего — надо их отбирать. Кроме того, есть еще книги, которые мы публикуем от себя, как правило, это переводные престижные книги, чтобы держать марку. Наконец, самотек, то, что приносят никому не известные люди. Это, как правило, несъедобно, но всякий раз лучше посмотреть, не судить заранее.

— Вам нравится эта работа?

— Не то чтобы нравится. Это единственное, что я хорошо умею.

Разговор был оборван появлением человека лет сорока, одетого в пиджак с чужого плеча, с белесыми редкими волосами, которые свисали у него на лоб поверх таких же блондинистых бровей. Говорил он нежным голосом, как обычно разговаривают с детьми.

— Тяжелый случай этот Спутник Налогоплательщика. Его надо целиком переписывать, нет сил. Не помешал?

— Это Диоталлеви, — сказал Бельбо, и мы познакомились.

— А, пришли читать тамплиеров? Несчастный человек. Слушай, я предлагаю. Цыганская урбанистика.

— Какая прелесть, — с восхищением сказал Бельбо. — А я думал об ацтекском коневодстве.

— Чудесно. А куда — в супосекцию или в несусветную?

— Погоди, — ответил Бельбо, порылся в ящике и достал оттуда листки. — Супосекция, — разъяснил он, видя мой удивленный взгляд, — как легко понять, это технология нарезания супа. Так ведь дело-то в том, — продолжил он, обращаясь к Диоталлеви, — что супосекция это не подсекция, а одна из наук, наряду с механической предкоавгу-

рацией или же с пилокатавасией, все это — на факультете какопрагмософии.

— Какопраг... — пробормотал я.

— Неприкладного умствования. На этом факультете студенты получают многие неприменимые знания и умения. Так, механическая предкоавгурация есть конструирование автоматов для поздравления дядей и тетей. Можно автоматически поздравить готтентотенпотентатентейторстанте. Тетушку человека, покушавшегося на вождя готтентотов... Мы вот с коллегой еще не решили, оставлять ли в учебном плане пилокатавасию, то есть искусство быть на волосок от. Это, может быть, не совсем ненужно.

— Ну пожалуйста, ну очень прошу, еще немножко, — клянчил я в восхищении.

— Дело в том, что мы с Диоталлеви планируем обновление науки. Организуется университет сравнительных ненужностей, где изучаются науки либо ненужные, либо невозможные. Цель учебного заведения — подготовка кадров, способных открывать и исследовать как можно большее количество Новых Ненужных Научных Проблем — НННП

— Сколько же там факультетов?

— Пока что четыре, но они могут объять все неинтеллектуальное. Факультет какопрагмософии проводит подготовительные курсы, воспитывая в учащих наклонность и тягу к ненужностям. Крупные научные силы сосредоточены на несусветном факультете, большая их часть — на кафедре невозможностей. Примеры: вот как раз цыганская урбанистика или коневодство у ацтеков. Сущность наук, как правило, состоит в выявлении глубинных оснований их ненужности, а для программы несусветного факультета — невозможности. Чтобы дать вам несколько примеров. Морфология азбуки Морзе. История хлебопашества в Антарктиде. Живопись острова Пасхи. Современная шумерская литература. Самоуправление в специнтернатах. Ассиро-вавилонская филателия. Колесо в технологиях доколумбовых цивилизаций. Иконология изданий Брайля. Фонетика немого кино.

— Как насчет социологии Сахары?

— Ничего, — сказал Бельбо.

— Очень даже ничего, — веско повторил Диоталлеви. — Вас надо бы привлечь. Юноша уловил, правда, Якопо?

— Да, я сразу сказал, что он улавливающий. Вчера он доказывал ерунду очень изящно. Но продолжим, учитывая, что тема вас увлекла. Что мы там относили к кафедре оксюмористики, а то я куда-то задевал листок?

Диоталлеви вытащил листок из кармана и приятно посмотрел на меня. — Под оксюмористикой, как и следует из названия, понимаются обоюдпротиворечивые предметы. Вот почему, с моей точки зрения, цыганской урбанистике самое место здесь...

— Нет, — тут же возразил Бельбо. — Только если урбанистика кочевых племен. Надо различать. Несусветность предполагает эмпирическую невозможность, а оксюмористика — терминологическую.

— Ну ладно. Что у нас тогда в оксюмористике? А, вот. Революционные постановления... Парменидова динамика, гераклитова статика, спартанская сибаритика, учреждения народной олигархии, история новаторских традиций, психология мужественных женщин, диалектика тавтологии, булева эвристика...

Я почувствовал, что дальше отсиживаться невозможно, и поднял перчатку. — Могу я предложить грамматику анаколуфов?

— Хорошо! Хорошо! — отозвались один и другой и принялись куда-то записывать.

— Есть загвоздка, — остановил их я.

— Какая?

— Как только о вашем проекте станет известно, к вам повалит народ и захочет публиковаться по этим темам.

— Я тебе говорил, что мальчик вострый, слышишь, Якопо, — произнес Диоталлеви. — Именно в этом и состоит наша главная проблема. Против собственного желания, нам удалось создать идеальную модель реальной науки. Мы доказали необходимость возможного. Лучше нам не обнародовать проект. Я должен идти.

— Куда? — спросил Бельбо.

— Пятница вечер.

— О Господи милосердный, — сказал на это Бельбо. По-

том обратился ко мне: — Тут напротив через улицу живет несколько семей правоверных евреев, знаете, таких, в черных шляпах, с бородами, с пейсами. Их в Милане почти совсем нету. Сегодня пятница и после заката начинается суббота. В это время в доме напротив как раз готовятся, чистят семисвечники, жарят и варят, все так раскладывают, чтобы на завтра можно было бы ничего не делать и не зажигать ни свет, ни газ. Даже телевизор работает у них всю ночь, только приходится примириться с тем, что нельзя переключать каналы. Наш друг Диоталлеви через свою подзорную трубу бесовестно подглядывает из окна за евреями и таеет от восторга, воображая себя тоже там, по ту сторону улицы.

— А почему? — спросил я.

— Потому что наш друг Диоталлеви настойчиво утверждает, будто он еврей.

— То есть как это утверждаю? — обидчиво спросил Диоталлеви. — Я еврей. Вы что-то имеете против евреев, Казобон?

— Кто, я?

— Диоталлеви, — решительно вмешался Бельбо. — Ты не еврей.

— Не еврей? А как же моя фамилия? “Храни тебя Бог”. Наряду с Грациадио — “Богу хвала”, Диосиаконте — “С тобой Бог” — все это переводы с еврейского, это имена из гетто, типа Шолом-Алейхем, что означает “мир вам”.

— Диоталлеви — самое обыкновенное имя, которое давали в приютах подкидышам. А твой дедушка был подкидыш.

— Еврейский подкидыш.

— Диоталлеви, у тебя розовая кожа, горловой голос и ты почти альбинос.

— Есть же кролики альбиносы, могут быть и евреи альбиносы.

— Диоталлеви, нельзя стать евреем по собственному желанию, как становятся филателистами или свидетелями Иеговы. Евреем можно только родиться. Успокойся, ты такой же гой, как и все остальные.

— Нет, я обрезан.

— Опять за свое. Каждый может обрезаться из гигие-

нических соображений. Достаточно договориться с фельдшером, у которого есть термокаутер. С какого возраста ты обрезан?

— Не будем уточнять.

— Ну почему же. Как раз лучше бы уточнить. Евреи всегда все уточняют.

— Никто не докажет, что мой дедушка не был еврей.

— Разумеется, раз он был подкидыш. Но с таким же успехом он мог бы быть и наследником византийского трона, и побочным сыном Габсбургов.

— Никто не докажет, что мой дедушка не был еврей. Его нашли около гетто.

— Но твоя бабушка не была еврейкой, а счет родства у евреев ведется по материнской линии.

— Да, но есть голос крови, а голос крови подсказывает мне, что у меня изысканно талмудичный склад ума. Надо быть подлым расистом, чтобы утверждать, будто какие-то гои способны на такую талмудическую изысканность, на какую способен я.

С этими словами он вышел. Бельбо сказал: — Не обращайтесь внимания. Этот разговор повторяется постоянно, и я каждый раз изобретаю по одному новому аргументу. Дело в том, что Диоталлеви помешался на Каббале. Не хочет слышать, что бывают и каббалисты-христиане. А вообще, знаете, Казобон, если Диоталлеви в конце концов так уперся быть евреем, что я с этим могу сделать?

— Ничего. У нас демократия.

— У нас демократия.

Он закурил сигарету. Я вспомнил о цели своего визита. — Вы говорили о тамплиерской рукописи, — сказал я.

— Ах да. Сейчас. Она была в папке из кожзаменителя. — Он прошелся пальцами по пирамиде рукописей и попробовал вытащить одну из середины, при этом не нарушив равновесие. Рискованный замысел — и действительно половина рукописей рухнула на пол. В руках у Бельбо осталась папка “под кожу”.

Я просмотрел оглавление и вступление. — Речь идет об аресте храмовников. В 1307 году Филипп Красивый решил арестовать всех храмовников Франции. Легенда, однако, гласит, что за два дня до того как были подписаны

ордера на арест, некий воз, груженный свежим сеном и влекомый быками, выехал из подъезда Храма, в Париже, и взял неизвестный курс. Говорили, что в нем спряталась группа рыцарей под водительством некоего Омона, и что они укрылись в Шотландии, объединившись вокруг ложи каменщиков в Килвиннинге. Согласно этой легенде, рыцари-храмовники внедрили в бригады каменщиков, которым и передали секреты Храма Соломона. Именно это я и предвидел. Этот человек тоже пытается приурочить зарождение масонства к моменту бегства храмовников в Шотландию. Эта версия муссируется вот уже два века. Она ни на чем не основана. Доказательств нет. Я могу положить вам на стол пятьдесят книг, и во всех рассказывается именно это, и все передирают друг у друга. Смотрите сюда, вот я открыл на случайном месте: “Доказательство высадки тамплиеров в Шотландии состоит в том факте, что даже и сейчас, через семьсот пятьдесят лет, в мире сохраняются тайные ордена, которые считают себя наследниками Гвардии Храма. Как иначе объяснить подобную преемственность?” Видели? Как можно сомневаться в существовании маркиза Карабаса, если кот утверждает, что он у него на службе?

— Все ясно, — сказал Бельбо. — Рукопись вон. Однако это дело с тамплиерами, по-моему, любопытное. Раз в жизни мне попался информированный человек, и было бы глупо так просто вас отпустить. Объясните мне, почему все занимаются храмовниками и никто не занимается мальтийскими рыцарями. Нет, сейчас не начинайте. Уже поздно. Мы с Диоталлеви через несколько минут должны ехать ужинать с господином Гарамоном. Но где-то в пол-одиннадцатого все это кончится. Я охотно увиделся бы с вами в “Пиладе”, постараюсь привести также и Диоталлеви, хотя он непьющий и ложится рано. Вы будете там?

— Где мне еще быть? Я ведь потерянное поколение, и если кто меня хочет найти — пусть ищет там, где собираются все потерянные... Буду вас ждать.

Li frere, li mestre du Temple
Qu'estoient rempli et ample
D'or et d'argent et de richesse
Et qui menoient tel noblesse,
Où sont il? que sont devenu?¹

Chronique à la suite du roman de Favel.
Хроника-продолжение "Романа о Фовеле"
Жерве дю Бю, нач. XIV в.

13

Et in Arcadia ego. "Пилад" тем вечером представлял собой типичную картину золотого века. Буквально в воздухе витало предчувствие, что революция не только назрела, но и нашла себе спонсора — Союз Промышленников. Владелец трикотажной фабрики (битловка, борода) играл в подкидного дурака с будущим террористом в двубортном костюме и в галстук. Ломалась парадигма. Еще в начале шестидесятых годов борода была признаком фашизма — шкиперская, в духе Итало Бальбо; в шестьдесят восьмом она стала означать революционность, а потом приобрела нейтральный смысл в духе "Я выбираю свободу". В любую эпоху борода заменяет маску; фальшивую бороду лепят, чтобы не быть узванными; но в те времена, в начале семидесятых, можно было маскироваться настоящей. Прикрывать бородой свою исконную бородатость: пред лицом подобной бороды вряд ли могла пройти бравада бородою. Однако этим вечером самая искренняя борода рисовалась даже и на бритых лицах, ее не носивших, но намекающих, что непременно бы носили, да дух противоречия не позволяет.

Бог с ним. Наконец предо мною предстали Бельбо и Диталлеви. Вид у них был мученический, и они не могли говорить ни о чем, кроме перенесенного ужина. Я тогда еще не представлял себе ужины с господином Гарамоном.

¹ Магистры, братие во Храме,
Кто неусыпными трудами
Его расширил, укрепил
И золотом обогатил —
Где вы теперь? Что с вами случилось? (старофр.)

Бельбо потребовал ежевечернюю дозу, Диоталлеви долго и подозрительно принохивался и дозрел до стакана минеральной. Мы нашли столик в глубине зала, еще не остывший после двух грузчиков, которые отправились по домам, потому что назавтра вставать было рано.

— Ну, ну, — начал с ходу Диоталлеви. — Тамплиеры.

— Не надо, умоляю. Это можно прочесть в любом учебнике.

— Мы любим сказовый стиль, — сказал Бельбо.

— Это более мистично, — добавил Диоталлеви. — Бог создал мир с помощью слова. Заметьте, не телеграммы.

— Да будет свет тчк подробности письмом, — отозвался Бельбо.

— Не письмом, а посланием к фессалоникиянам, — сказал я.

— Давайте о тамплиерах, — сказал Бельбо.

— Значит, — начал я.

— Со значит начинать неграмотно, — запротестовал Диоталлеви.

Я сделал вид, что встаю со стула. Никто не стал умолять сесть. Я сел сам.

— Так вот, это вообще азбучные вещи. Первый крестовый поход. Готфрид, как известно из Тассо, Господен Гроб почтивши, снял обет. Балдуин становится первым королем в Иерусалиме. Христианское царство в Святой Земле. Но один разговор Иерусалим, другое дело остальная Палестина. Сарацин побили, но они не угомонились. Жизнь в тех краях не слишком спокойная ни для новопоселенцев, ни для паломников. И в этот момент, в 1118 году, при правлении Балдуина II, девять человек под командой некоего Гуго де Пейнса образуют ядро ордена Бедных Рыцарей Креста: орден монашеский, но с ношением оружия. Три обычных обета, бедности, воздержания и послушания. Плюс к тому обязательство давать защиту паломникам. Король, епископ и прочая иерусалимская верхушка немедленно отстегивают деньги. Им выделяют помещение — в одной из пристроек при старом Храме Соломона. Так они становятся Рыцарями Храма.

— Что это были за люди?

— Скорее всего, романтики крестового похода. Но по-

том это переменялось. Начали прибиваться к компании Иваны-дураки, младшие сыновья без наследства. Иерусалим — это была та же Аляска, туда ехали за деньгами. В основном те, кому дома ждать было нечего, или прежде судимые. Иностраннный легион. Такой плакатик: ты записался в тамплиеры? Ждут тебя дальние страны, крепких и сильных душой. Кормежка, одежда казенная, под расчет еще и спасение души. Разумеется, с хорошей жизни на это не шли. Жить в пустыне, в палатке, годами не видя человеческих лиц, если не считать других тамплиеров и нескольких турецких рож, потом еще жара, жажда и обязанность вечно потрошить сарацин...

Я перевел дух. — Получается какой-то вестерн. Прошу прощения. На самом деле орден пережил три эпохи, и на уровне третьей этих проблем уже не было и в него записывались даже те, кто отнюдь не бедствовал. Потому что стало не обязательно вербоваться в Святую Землю, можно было работать на материке. Вообще что касается тамплиеров, мне они не вполне ясны. Иногда кажется, что это просто банда, иногда, наоборот, в них есть какое-то изящество. Этнические чистки они проводили по-рыцарски. Они, конечно, били мусульман, потому что такая была их работа... Но когда посол эмира Дамасского прибыл с визитом в Иерусалим, тамплиеры предоставили ему мечеть для отправления культа, невзирая на то что ее уже успели переделать в христианскую церковь. Он себе молится, в этот момент заходит какой-то франк, видит неверного в святом месте и вышвыривает его. Тамплиеры наказали виновного, а перед мусульманином извинились. Это джентльменское отношение к противнику их и погубило, не зря на суде им шили связь с эзотерическими мусульманскими сектами. Может быть, связь и была, точно так же как авантюристы прошлого века заболели Африкой. Тамплиеры были люди без систематического образования, они не понимали многих идейных тонкостей и не думали о них, а одевались в духе Лоуренса Аравийского... Вообще понять причины их действий для меня не легко, потому что христианские историки, Вильгельм Тирский и прочие, при каждом случае поливают их грязью...

— Почему?

— Потому что тамплиеры слишком усилились, и при-

том слишком быстро. Все началось со святого Бернарда. Вы представляете себе, кто такой святой Бернард? Гениальный организатор, реформатор бенедиктинского ордена. Из всех церквей велел вынести статуи и украшения. Когда ему не нравится коллега, например Абельяр, он с ним ведет себя по-маккартистски, а в принципе предпочел бы сжечь. Если нельзя, то хотя бы сжечь его книги, что он и сделал. Потом начал агитировать за крестовые походы. Вперед, Святая Земля зовет...

— Симпатяга, — подытожил Бельбо.

— Ненавижу. По мне, его в не в святые надо бы, а в самый глубокий круг ада. Но он умел себя подать, посмотрите, на какой пост его определил Данте, пресс-секретарем Пречистой Девы. А с такими суперсвязями и канонизовали его потом быстро. Когда Бернард прослышал о тамплиерах — сразу спикировал на эту идею. Благодаря ему девять авантюристов превратились в Militia Christi, так что можно сказать что тамплиеров как героический миф изобрел он. В 1128 году он созывает Собор в Труа именно для того, чтоб легитимировать этот новый орден монахов-солдат, а через несколько лет пишет более чем положительный отзыв на их деятельность и сочиняет статут в семидесяти двух параграфах, где чего только нет. Месса ежедневно, и нельзя иметь связи с рыцарями, отлученными от церкви, однако если те попросят о принятии их в орден — реагировать по-христиански. Видите, я не случайно проводил параллель с Иностранным легионом. Формой будет белая накидка, простая, без меховой оторочки или с оторочкой, но позволяется только ягнячий или же бараний мех. Запрещено носить гнутую или тонкую по моде обувь, спать следует в рубахе и портах, на тюфяке и с простыней и одеялом...

— В жарком климате, могу вообразить эту вонь, — сказал Бельбо.

— О вони отдельный рассказ. Есть иные жесткие ограничения: питаться двоим из одной миски, трапезовать в молчании, мясная пища трижды в неделю, строгий пост по пятницам, вставать на рассвете, если накануне день выдался трудный, разрешается пролежать еще не более часу, но в этом случае надо прочитать в постели тринадцать от-

ченашей. Начальником в ордене назначается магистр; имеется иерархия младших по званию, на нижних ступенях — коневники, оруженосцы, денщики и слуги. Каждый рыцарь владеет тремя конями и оруженосцем, запрещено украшать стремяна, седла и поводья, оружие должно быть простое, но отличного качества, никакой охоты, за исключением львиной, словом — жизнь военная, богоспасаемая. Не говорю уж о воздержании, на которое сочинитель статута напирает особенно. А ведь наши герои живут не в монастыре, а на людях, если можно звать людьми тот сброд, который тогда наводнял Святую Землю. В уставе сказано, что общества женщин надобно избегать насколько возможно и не целовать никого, кроме матери, сестры и тетки.

Бельбо вставил: — Насчет тетки я бы еще подумал. К слову, тамплиеров разве не обвиняли в содомии? Я помню в книге Клоссовского, “Бафомет”... Бафомет — какой-то дьявольский идол, которого они чтили...

— Сейчас дойдем. Ну посудите по логике. Жили они по-матросски, месяц за месяцем в пустыне, на рогах у черта. Представьте себе: по ночам ледяной ветер, вы в палатке вместе с другом, с которым едите из одной плошки, страшно, голодно, холодно, хочется к маме. Что дальше?

— Фиванский легион, мужественное объятие, — предположил Бельбо.

— Подумайте об этом адском положении, бок о бок с солдатней, которая никаких обетов не давала, врываясь в город, добыча солдата — мавританочка, золотой нежный живот и ресницы как бархат, а что достается тамплиеру в ароматной тени ливанских кедров? Оставьте ему хотя бы маленького мавра. Понятно вам теперь, кстати, откуда идет выражение “пить и ругаться как тамплиер”? Их удел напоминает мне положение войскового капеллана, который жрет спирт и богохульствует со своими неотесанными подопечными. Уж одного того хватило бы... А тут еще печати. На печатях тамплиеры изображаются по двое, на одной и той же лошади. С чего бы это, если учесть, что по уставу каждому положено три коня? Конечно, Бернард мог считать это удачной находкой в качестве эмблемы бедной жизни или символа двойственного служения: рыцарство-монашество... А теперь представьте себе, как все это выг-

лядело в глазах простого человека: ничего себе монах, гляди-ка, присоедился даже на ходу! Вполне возможно, что все это домыслы..

— Но безусловно они сами нарывались, — продолжил Бельбо. — А что, святой Бернард был такой глупый?

— Не сказал бы.. Но он монах тоже, а в те времена монахи странно представляли себе смирение плоти. Я только что извинялся, что мой рассказ слишком походит на вестерн, но вообще такой подход не вполне ошибочен..

Я захватил с собой выписку из нашего любимого Бернарда, вот как он описывает идеал поведения тамплиера: “Они презирают и ненавидят мимов, шутов, площадных жонглеров, неблаголепные песни и фарсы, они обрезают волосы коротко, потому что апостол сказал, что не подобает мужчине заботиться о прическе. Их никогда не встречают причесанными, очень редко мытыми, их борода клочковата, они покрыты пылью, грязны от ношения брони и от жаркой погоды..”

— Не хотел бы я жить с ними в квартале, — произнес Бельбо.

Диоталлеви отчеканил: — Отшельникам искони была свойственна святая нечистота, в целях истязания плоти. Не святой ли Макарий жительствовавал на столпе и когда черви осыпались с его тела, он их подбирал и сажал обратно, потому что и они, божьи твари, имели право на питание?

— Столпник был не Макарий, а Симеон, — сказал Бельбо, — и я думаю, он залез туда, чтобы плевать на голову прохожим.

— Ваш педантизм — пережиток Просвещения, — не смирялся Диоталлеви. — Какая разница, Макарий, Симеон, все согласны, что столпник был кругом в червяках, я не вхожу в подробности, поскольку не интересуюсь мракобесием гоев.

— Твои геронские равнины были сильно чистые, — парировал Бельбо.

— Они ютились в гетто, куда их загоняли вы, милые гои. А ваши тамплиеры воняли по собственному почину.

— Не будем зацикливаться на гигиене, — сказал я. — Те же запахи, что в обычной роте после марш-броска. Я обри-

совал вам их облик, чтобы вы поняли парадоксальность их жизни. Будь мистичен, будь аскетичен, и не ешь, и не пей, и не совокупляйся, ступай в пустыню и руби башку неприятелям Христовой веры, больше нарубишь — больше дадут талончиков в рай, воняй и не мойся, обрастай шерстью; и еще Бернард требовал от них, чтоб захвативши город они не накидывались на девушек или даже на бабушек, без разбору. После этого он думал, что в безлунные ночи, когда, как известно, горячим дыханьем самому палит сновиденья бойца, ни один из них не попробует получить хоть капельку нежности от товарища по палатке. То есть постановка вопроса довольно жесткая. Будь монахом, будь головорезом, кроши врагов и читай авемарию, не гляди в лицо двоюродной сестре, а потом, после месяцев осады, когда город наконец завоеван, другие подразделения на твоих глазах пусть насилуют жену халифа, молоденькие суламифочки пусть сами расстегивают лифчики и говорят: я твоя, только сохрани мне жизнь... Но тамплиеру нет, ему нельзя ничего, молчи и воняй, так сказал святой Бернард, можешь почитать молитву... Все это прекрасно описывается в *Retraits*...

— Что такое *Retraits*?

— Устав ордена тамплиеров, поздняя редакция, периода заката. Ничего нет хуже армейской скуки, когда война окончена и сушатся портянки. Начальство издает довольно странные законы, скажем, запрещаются драки, нельзя наносить ранения христианину по мотивам мести, нельзя заключать торговые сделки с женщинами, возводить напраслину на собрата. Никто не имеет права терять раба, впадать в бешенство и заявлять: “Я уйду к сарацинам!” Нельзя по небрежению лишаться коня, нельзя дарить животных, за исключением собак и кошек, отъезжать без позволения, раскалывать печать магистра, по ночам отлучаться из капитанства, одалживать деньги ордена, не имея полномочий, и кидать от злости платье свое на землю...

— По системе запретов можно понять, чем люди занимаются, — перебил Бельбо, — такие себе картинки с натуры.

— Да-да, — подхватил Диоталлеви. — Представьте себе: тамплиер, поругавшись из-за чего-то с товарищами,

выезжает ночью без разрешения на коне в сопровождении арапчонка и с притороченными тремя каплунами. Он направляется к девице предосудительного поведения и, ублагодарив ее каплунами, ведет себя с ней распущенно... В течение грехопадения сарацин удирает с лошадьо и наш тамплиер, еще более грязный, волосатый и вонючий, чем всегда, возвращается поджав хвост и стараясь ни с кем не встречаться. Он выносит толику денег (принадлежащих компании) к ростовщику-еврею, который жаден как жид...

— Твои слова, Каифа, — ввернул Бельбо.

— Жаден как жид, — говорит мировая литературная традиция. Это стереотип. Цель тамплиера — втихаря восстановить если не раба, то хоть какую-нибудь клячу. Но один собрат по тамплиерству подметил это дело и вечером на трапезе, когда плотоядными возгласами братва приветствует миску с мясом, он подпускает нетактичные намеки. Как известно, закрытые институты всегда змеюшник... Капитан просит объяснений, подозреваемый краснеет, злится, ярится, выхватывает кинжал и бросается на собрата...

— На сикофанта...

— На стукача, если перевести с греческого. Он кидается на эту гадину и уродует ему рожу. Тот в свою очередь хватает меч, затевается свалка. Капитан умиряет забияк оплеухами, товарищи потешаются...

— Пьянствуя и ругаясь как тамплиеры... — подсказал Бельбо.

— В бога и в душу и в мать и в прочих ближних и дальних родственников... — подтвердил я.

— А наш герой совсем расходится и ... как бы это выразить?

— Напыщивается! — предложил Бельбо.

— Вот-вот, спасибо, напыщивается и становится в позу и скидает рясу и кидает ее на землю...

— Заберите ваше смердящее тряпье и сгиньте пропадите вместе со своим Храмом! — Кажется, я вошел в роль. — Да, и вдобавок одним взмахом меча он раскальвает печать магистра и напоследок кричит, что завербует к сарацинам.

— И тем нарушает по крайней мере восемь заповедей.

Пора было переходить к завершению вступительной

лекции. — А теперь ответьте мне, пожалуйста, как могли реагировать люди подобной складки, когда их арестовывали королевские стражники и показывали им разогретые щипцы? Признавайся, скотина, расскажи, что вы там засовывали в одно место! Кто, мы? Ах ты сволочь, сильно напугал меня своими железками, да знаете ли вы, на что способен тамплиер, да я засуну что надо в одно место и тебе, и твоему начальству, и римскому папе, и если доберусь до него, еще и королю Филиппу!

— Сам признался, сам признался! Безусловно, именно так все и происходило, — кивнул Бельбо. — Потом их отправляли в погреб и раз в день обмазывали маслом, чтоб потом лучше жарилось.

— Они совсем как дети, — грустно подытожил Диоталлеви.

Нашу беседу прервала мимоходящая деваха с прыщом на носу и с бумагами под мышкой. Она спросила, поставили ли мы подписи в защиту арестованных аргентинских товарищей. Бельбо поставил подпись не читая звание. — В любом случае этим товарищам хуже, чем мне, — пояснил он растерянному Диоталлеви. Потом обратился к активистке: — Мой друг не может ставить подпись, он член индийской секты, в которой запрещается называть свое имя. В родной стране они сидят как диссиденты. — Девушка сочувственно покивала на Диоталлеви и поднесла бумагу мне. Диоталлеви перевел дух.

— А кого арестовали? — поинтересовался я.

— Как кого? Аргентинских товарищей.

— Да, но как называется группировка?

— Такара, а как?

— Но ведь Такара, это фашисты, — отважился я заметить.

— Сам фашист, — прошипела с ненавистью девушка и ушла.

— В общем, тамплиеры были очень бедные, — подытожил Диоталлеви.

— Да нет, — ответил я. — Это я перестарался, впечатление получилось одностороннее. Рядовые действительно не роскошествовали, но орден в своем комплексе с самого

начала стал получать субсидии, чем дальше — тем больше, по мере того как открывались капитанства на территории Европы. Вот к примеру, только от одного Альфонса Арагонского тамплиеры получили в подарок целую страну, то есть он оформил на них завещание и оставил им королевство при условии, если умрет без прямых наследников. Тамплиеры предпочли не полагаться на случай и преоформили документы, получив синицу в руки еще при жизни дарителя, а синица представляла собой полудюжину крепостей по всей Испании. Король Португалии подарил им лес. Лес этот вообще-то был сарацинский, но тамплиеры взяли за его чистку, в два счета выбили оттуда мавров и между делом основали Коимбру. И это только отдельные зарисовки... В общем, картина такая: боевики едут сражаться в Палестину, но ядро ордена расположено на родине. Какие это открывает возможности? Да такие, что если кто-либо направляется в Палестину, и не хотел бы путешествовать с золотом и драгоценностями в кармане, он попросту заходит к рыцарям-тамплиерам, в их французские, испанские или итальянские гарнизоны, вносит деньги, берет квитанцию и получает по ней в Палестине.

— Аккредитив, — сказал Бельбо.

— Именно. Это они изобрели систему чеков. Задолго до флорентийских банкиров. Теперь вам должно быть ясно, что на основании добровольных пожертвований, военных контрибуций и поступлений от финансового посредничества орден превратился в международный концерн. Подобная структура могла держаться только на менеджерах высшего класса. Эти люди сумели убедить Иннокентия II предоставить им экстраординарные льготы: орден имел право оставлять себе всю военную добычу, и по имущественным вопросам не должен был отчитываться ни перед королем, ни перед епископами, ни перед патриархом Иерусалимским, а только перед папой. Таким образом, они были освобождены от уплаты десятин, но сами имели право облагать десятинной пошлиной все контролируемые территории... В общем, мы имеем дело с фирмой, которая при постоянно активном балансе недоступна никакой налоговой инспекции. Понятно, почему епископы и коронованные особы не могли их любить, но и без них не могли обходиться. Кресто-

вые походы организовывались с бухты-барахты, народ ехал воевать не зная куда и что его ожидает, а тамплиеры — свои люди в тех краях, они понимали, с кем воюют и на что способен противник, знали местность и теорию и практику ведения там боя... Орден тамплиеров был очень серьезной организацией, хотя не без идиотской лихости...

— Например? — спросил Диоталлеви.

— Просто оторопь берет. Причем в смысле политики и управления они вподне спокойные люди, а на войне — десантники после пьянки, много доблести, мало мозга. Возьмем историю Аскалона...

— Возьмем, возьмем ее, — подпел Бельбо, который гипнотизировал страстными взорами какую-то девушку Долорес.

Та и впрямь подседа к нашему столику: — Я тоже хочу знать про историю Аскалона.

— В один прекрасный день собрались французский король, германский император, Балдуин Третий Иерусалимский и два великих магистра, один магистр тамплиерский, другой магистр госпитальерский, и пошли войной на Аскалон. Все отправились воевать, короли, их дворы, патриарх, попы с крестами и хоругвями, архиепископы Тира, Назарета, Кесарии, все в приподнятом настроении, устроили палаточный городок напротив крепости, знамена, вымпелы, барабанная дробь... Аскалон был защищен стапятьюдесятью башнями и обитатели заблаговременно готовились к осаде, каждый дом изрешетили амбразурами, мой дом моя крепость, тысяча крепостей в крепости. Мне просто кажется, что тамплиеры, при их-то опыте, некоторые вещи должны были сами понимать... Тем не менее все ужасно воспалились, понатащили свиней и черепах, это все такие колесные деревянные конструкции, из которых палят во все стороны и кидаются камнями, стреляются стрелами, в то время как с дальней дистанции катапульты лупят по крепости кирпичами. Аскалонцы пытаются поджечь этих черепах, но ветер дует в противном направлении, огонь перекидывается на стены города и в определенном месте эти стены рушатся. На приступ! Все кидаются единым духом, и тут происходит страннющая вещь. Великий магистр ордена тамплиеров велит огородить дыру в сте-

не, так чтобы в город могли пройти только его собственные солдаты. Злые языки утверждают, что он хотел, чтоб награбленное досталось одним тамплиерам. Добрые языки возражают, что предчувствуя недоброе, он хотел, чтоб тамплиеры приняли огонь на себя. Как бы то ни было, я бы не назначал его командующим сержантскими курсами, так как его решение привело к следующему. Четыре десятка тамплиеров пролетают сквозь город без остановки, шмякаются о противоположную стену, останавливаются и раздумываются, в это время мавры кидаются на них, из всех окошек летят булыжники и льется смола, их уничтожают всех и каждого и главного магистра впридачу, пролом в стене ликвидируют, трупы вывешивают за стены и показывают христианам непотребные части тела хихикая по-мавритански.

— До чего жесток мавр, — процитировал Бельбо.

— Они совсем как дети, — грустно повторил Диоталлеви.

— Этих ребят к нам в студенческую дружину, — страстно сказала Долорес.

— Как волк и три поросенка, — подытожил Бельбо.

Мне стало совестно. На самом деле, я сожительствова с тамплиерами вот уже два года и очень любил их. В угоду снобизму моих знакомых, я вел свой рассказ действительно в духе мультфильма... А может быть, виноват был Вильгельм Тирский, злораднейший из историографов. На самом деле они не такими были, кавалеры Храма, бородастые, горячие, с огненным крестом на полотне покрывала, летящие на звонких конях под сенью черно-белого знамени, зовущегося Босеан. Они были великолепны, призванные на пир самопожертвования и смерти, и та патина пота, о которой мы знаем от святого Бернарда, вероятно, придавала бронзово-ярое благородство усмешке их ужасного лика... Львы на арене боя, как описывает их Жак де Витри, и нежнейшие агнцы в дни мира, лихие в бою, самоотверженные в молитве, безжалостные с врагами, внимательные к братьям, избравшие черный и белый цвета для стягов, так как белый — цвет чистоты друзей Христа, а черный — милосердие к неприятелю...

Милые поборники веры, последние истинные паладины на излете рыцарской эпохи, разве они заслужили, чтобы над ними хихикал, как какой-нибудь там Ариосто? Я, вместо того чтобы стать их новым Жуанвилем. Мне вспомнились страницы о тамплиерах в “Истории Людовика Святого”, сочинении, автор которого, воин и писец, ходил вместе с королем Людовиком в Святую Землю. К тому времени тамплиеры существовали уже более ста пятидесяти лет и крестовых походов уже состоялось предостаточно, чтобы разочароваться в каких бы то ни было идеалах. Развеялись как сон призраки королевы Мелисенды и Балдуина, прокаженного короля, на время стихли междоусобицы и распри в Ливане, где уже тогда земля горела под ногами. Уже однажды пал Иерусалим, Барбаросса утонул в Киликии, Ричард Львиное Сердце, разбитый наголову и покрытый позором, возвратился на родину, переодетый, кстати говоря, в накидку тамплиера. Христиане проиграли свою войну, а у мавров оказалось совсем иное представление о конфедерации политических субъектов, самостоятельных, но объединенных во имя защиты цивилизации: это были люди, читавшие Авиценну, никакого сравнения с примитивными европейцами. Возможно ли было в течение двух столетий, постоянно соприкасаясь с толерантной, мистичной, либертинской культурой, не поддаться ее обаянию — в особенности имея для сравнения культуру Запада, грубую, низкую, варварскую и германскую? В 1244 году Иерусалим пал в последний и окончательный раз, война, начавшаяся за сто пятьдесят лет до того, была христианами проиграна, и отныне им нечего было делать с мечом на мирных равнинах, в ароматной тени ливанских кедров, бедные мои тамплиеры, для чего, для кого все ваши жертвы?

В нежности, в грусти, в бледном отсвете одряхлающей славы, — не склоняется ли слух к таинственным ученьям мусульманских мистиков, взор — к иератическому созерцанию потаенных богатств? Не тогда ли родилось легендарное представление о рыцарях Храма, до сих пор присутствующее в разочарованных, жаждущих умах, — повесть о безграничной могущественности, не знающей, на что бы ей употребить свою мощь...

И все-таки, хотя миф и погибает, и почти погиб, все же

пришел Людовик, христианнейший король, беседующий за трапезой с Фомою Аквинским, этот король верил еще в силу креста, невзирая на то что два столетия войны были потрачены напрасно из-за глупости победителей, и стоило ли заново пытаться и тратить силы? Стоило, заявил Святой Людовик, тамплиеры пошли за ним и пошли за ним после поражения, это их ремесло, как может быть храмовник вне войны в честь Храма?

Людовик атакует с моря Дамиет, на вражеском берегу все сверкает и щетинится оружием, пики с алебардами, стяги со штандартами, враги имели величественный вид, пишет Жуанвиль с рыцарской вежливостью. Они имели оружие злата звонкого и на этом злате переливалось солнце. Людовику бы погодить, он же решает десантироваться во что бы то ни стало. "Все кто верен мне! Будем непобедимы, покуда неразлучны и исповедуем истинную веру. Если нас победят, станем мучениками. Если мы победим, слава Господня усилится". Храмовники думают не совсем так, но их воспитали как воинов, служащих идеалу, и они обязаны соответствовать воспитанию. Они пойдут за королем в его мистическом бреду.

Высадка вопреки вероятию проходит прекрасно, сарацины вопреки вероятию бегут из Дамиета, все это так странно, что король не заходит в город, потому что не верит в их бегство. Однако все так и есть, город в его власти, со всеми богатствами и с сотней мечетей, которые Людовик незамедлительно конвертирует в христианские храмы. Теперь надо решить важный вопрос: двигаться на Александрию или на Каир? Правильным ответом было бы: Александрия, с тем чтоб отбить у Египта жизненно важный порт. Но у короля есть злой гений, его брат, Роберт д'Артуа, с манией величия, с дикими амбициями, с жаждой славы и с комплексом меньшого брата. Он советует идти на Каир, бить в сердце Египта. Тамплиеры, обычно сдержанные, становятся неуправляемыми. Король воспретил одиночные вылазки, тем не менее командующий храмовниками нарушает запрет. Завидев штандарт мамелюков султана, он вопит: "Вперед во имя Господне, ибо я не в силах выносить такого бесславья!"

Под Мансурой сарацины окапываются за рекою, фран-

цузы запружают реку, чтобы форсировать ее, огораживают плотину крепостями на колесах, но сарацинам известно от византийцев искусство грецкого огня. У грецкого огня рыло толсто, как днище бочки, хвост его подобен копью, он низвергается как гром и похож на дракона, летающего по небу. Из него просиявает такой свет, что на поле боя становится светло как на рассвете.

В то время когда христианский лагерь полыхает, как сплошное пламя, один изменник-бедуин указывает королю брод за триста бизантов. Король решает атаковать, переправа непроста, многие тонут и их уносят воды, на противном берегу ждут триста конных сарацинов. Но вот наконец наши силы достигли берега, и согласно распорядку храмовники скачут в авангарде, им дышит в затылок Д'Артуа. Мусульманские кавалеристы бегут, тамплиеры поджидают остальное христианское воинство. Но граф Д'Артуа и его люди бросаются преследовать неприятеля.

Тогда храмовники, дабы не приять бесчестье, кидаются тоже вдогонку. Но прибывают они позднее, нежели Д'Артуа, который успел вскакать в лагерь врага и разнести его в щепки. Мусульмане бегут в Мансуру. Для Д'Артуа это как приглашение, и он снова гонится за бегущими. Тамплиеры пробуют отговорить его, брат Жиль, набольший военачальник Храма, убеждает, что Д'Артуа уже совершил свой героический подвиг, не имеющий равных среди всего содеянного в заморских землях. Но Д'Артуа, этот хлыщ с болезненным самолюбием, обвиняет тамплиеров в предательстве, более того, он заявляет, что если бы тамплиеры с госпитальерами работали получше, эти земли были бы завоеваны бог знает как давно, и вот он им наконец покажет, что такое настоящие солдаты. Слишком сильное оскорбление для ордена. Храмовники бросаются на штурм города, врываются, преследуют противника до противоположной окраины, и тут им в общем становится понятно, что повторяется роковая ошибка Аскалона. Христиане, и в их числе тамплиеры, провозились слишком долго, грабя дворец султана, неверные перегруппировались, снова напали на христианское войско, уже не на войско — на толпу мешочников. Неужели храмовники поддались ослеплению жадности? Нет, другие летописцы сообщают, что перед тем

как последовать за Д'Артуа в город, брат Жиль увещевал его просветленно и стоически: "Господин, я и мои собратья не имеем страха и последуем за вами. Однако знайте, что мы сомневаемся, и изрядно, в том что вам и нам придется вернуться живыми". И действительно, Д'Артуа по соизволению Господню был умерщвлен и с ним многие смелые кавалеры и также двести восемьдесят Рыцарей Храма.

Это страшнее чем поражение, это срам. Но история не судит столь строго, даже Жуанвиль не пишет этого: вышло как вышло, в непредсказуемости — красота войны.

Под пером господина Жуанвиля многие подобные битвы, или потасовки, это как посмотреть, превращаются в балетные действия, с ритмичным смахиванием голов с плеч и с ритмичными обращениями к милосердному Господу и с пролитием слез королями, чьи верные слуги испускают последний вздох, и все это напоминает цветную кинопостановку, где над алыми попонами с золотыми позументами посверкивают щиты и сабли под желтым солнцем пустыни и на фоне кобальтового моря, и никто не ответит нам, так ли цветисто тамплиеры воспринимали свою ежедневную бойню.

Точка зрения Жуанвиля переменчива, то сверху вниз, то снизу вверх, все зависит от того, упал ли он с коня или снова на коне оказался, и в фокусе у него всегда какие-то частные эпизоды, общая драматургия боя ускользает, все сводится к отдельным дуэлям, имеющим почти всегда произвольный исход. Жуанвиль спешит на подмогу шевалье Ванону, турок бьет в него копьём, конь падает на колени, Жуанвиль летит кувырком через голову коня, подымается, в руке у него меч, и мессир Герард де Сиверей ("Да отпустит Господь ему прегрешенья") зовет его укрыться в одном полуразрушенном доме, по ним буквально проходит целый взвод конных турок, наши герои встают невредимые, добираются до того дома, баррикадируются внутри, а турки пробуют достать их там своими копьями. Мессир Фридрих де Лупей поражен ударом сзади, "и ранение было таково, что кровь хлестала фонтаном, как из бочки, откуда вытащили затычку", Сиверея рубят наотмашь, и на его лице "нос ополз и оказался на губах". И далее в подобном духе, потом прибывает подмога, они поки-

дают тот дом, перемещаются на другой участок, новая сцена, новые убитые и новые спасения в последнюю секунду, новые молитвы громким голосом господину святому Иакову. На этом фоне слышен крик доброго графа Суассона, в то время как он рубится: “Господин Жуанвиль, пусть эта сволочь орет что хочет, нам придется еще рассказывать об этом деньке, когда мы будем с дамами!” Король спрашивает известий о своем брате, окаянном графе Д’Артуа, и брат Генрих де Ронней, профос госпитальеров, отвечает ему, что “новости хорошие, поскольку вернее всего что граф Д’Артуа попал в рай”. Король отвечает, что слава Господу за все им ниспосылаемое, и крупные слезы катятся у него из глаз.

Не вечно плясаться балету, ангельскому и кровавому танцу смерти. Погибает великий магистр Вильгельм де Соннак, заживо сгоревши от грецкого огня, христианское войско, при великом смердении трупов и при скудости провианта, становится добычей скорбута, армия Святого Людовика разбита, короля измождает дизентерия, до такой степени, что, не желая расходовать время, отведенное для битвы, он разрезает штаны на зад. Пал Дамиет, королева вынуждена переговариваться с сарацинами и выплачивает пятьсот тысяч турецких лир за спасение собственной жизни.

Бедой крестовых походов были недальновидность и коварство. В оплоте иоаннитов, Акке, Людовику закатили прием как триумфатору и навстречу ему пожаловал весь город в порядке процессии, с попами и с дамами и с юношеством. Тамплиеры кое-что понимали в обстановке и попытались вступить в переговоры с Дамаском. Людовик узнает, негодует на самодеятельность храмовников, снимает с должности нового великого магистра в присутствии послов мусульманской стороны и великий магистр вынужден отказаться от слова, данного на переговорах. Он становится перед королем на колени, просит прощения. Тамплиеров нельзя упрекнуть, что они сражались плохо или не болели за дело; но король Франции унижает их, чтобы утвердить собственную власть; и так же точно, чтобы утвердить власть, через пятьдесят лет его преемник Филипп II отправит тамплиеров на костер.

В 1291 году мавры входят в Акку и убивают всех горожан. Христианское царство в Иерусалиме оканчивается. Орден тамплиеров в этот час состоятельнее, многочисленнее и мощнее, чем когда бы то ни было прежде, но они, рожденные для сражений в Святой Земле — не могут больше оставаться в ней.

Похоронив себя заживо в великолепных капитанствах Европы и в Тампле Парижа, они все еще грезят о нагорье вокруг Иерусалимского Храма во времена их звенящей славы, с дивной церковью Святой Марии Латеранской, вотивными капеллами, короной трофеев, вспоминают горячую возню в кузницах, в шорных лавках, кучи тканей, ворохи зерна, конюшню на две тысячи голов, беготню оруженосцев, адъютантов, турецкий палаточный городок, красные кресты на белых епанчах, коричневые подрясники служек, посланцев султана в грандиозных тюрбанах и в золотых шлемах, пилигримов, стройное движенье сторожевых нарядов, эстафет, курьеров, и счастье ломающихся закровов, переполненных сейфов портового города, откуда разлетаются распоряжения и приказы и отправляются грузы по назначениям: замки родной страны, острова, прибрежные крепости Малой Азии...

Все кончено, мои бедные тамплиеры.

И тут я обнаружил, тем самым вечером, в “Пилладе”, на стадии пятого виски, подносимого мне заботливой рукою Бельбо, что я, похоже, грезил наяву, однакоже вслух и с чувством (стыд какой, Господи!) и что-то вещал собутыльникам, причем у Долорес страстно намокали глаза, а Диоталлеви, взбудораженный до предела двумя стаканами тоника, серафически возводил очи горе, а вернее сказать, к совершенно не сефиротному потолку забегаловки и бормотал: — Таковы они и были, души святые и души пропащие, ковбои и рыцари, ростовщики и полководцы...

— Они были оригинальные, — подытожил Бельбо. — А вы, Казобон, ведь их любите?

— Я пишу о них диплом. Кто пишет диплом о сифилисе, в конце концов полюбит и бледную спирохету.

— Ну просто как кино, — сказала Долорес. — И все-таки я вас покидаю, мне еще надо размножить листовки на завтра, мы устраиваем демонстрацию на заводе Марелли.

— Везет же некоторым, — сказал Бельбо, усталым жестом погладил ее по голове и заказал, как он выразился, последний виски. — Скоро двенадцать, становится поздно. Конечно не для взрослых, а для Диоталлеви. И тем не менее я хотел бы еще кое-что узнать, в частности о процессе. Когда, как, почему...

— *Cui, quomodo, quando*, — подхватил Диоталлеви. — Да, да, вот именно...

Утверждает, что за день до того он видел, как пятьдесят четыре брата его по ордену были возведены на костер, потому что не пожелали признаться в вышеуказанных заблуждениях, и он слышал, что они были сожжены, и сам он, не будучи уверен, что проявит должную крепость в случае, если его станут жечь, намерен признаваться, из опасения смерти, в присутствии господ комиссаров и кого еще угодно, если бы его допросили, что все заблуждения, приписывавшиеся ордену, действительно имели место, и, когда был бы к тому побуждаем, сознался бы даже и в том, что убил Господа нашего Иисуса Христа.

Из протокола допроса Эмери де Виллье-ле-Дюка, 13. 5. 1310

14

Процесс тамплиеров полон недомолвок, противоречий, загадок и глупостей. Глупости бросаются в глаза прежде всего и своей необъяснимостью граничат с загадками. В те счастливые дни я еще думал, будто глупость порождает загадку. А недавно в перископе я, наоборот, предположил, что самые ужасные загадки, чтобы не выглядеть загадками, прикрываются сумасшествием. Наконец, в данный момент мне кажется, что мир — это доброкачественная загадка, которую наше сумасшествие делает ужасной, ибо старается разрешить ее исходя из собственных представлений.

У тамплиеров больше не было цели. Вернее говоря, они сделали целью — средства, они сосредоточились на управлении своими несметными сокровищами. Естественно, что централизирующий монарх, такой как Филипп Красивый, относился к ним неприязненно. Мог ли он держать под контролем суверенный орден? Великий Магистр по рангу был равен принцу крови, он командовал армией, распоряжался необъятными земельными владениями, избирался как император и имел в своих руках неограниченную власть. Сокровища короны находились не в руках короля, а на хранении в парижском Храме. Тамплиеры были контролерами, распорядителями и администраторами текущего счета, формально принадлежащего королю. Они вносили на этот счет средства, снимали средства, играли на процентных став-

ках, вели себя как колоссальный частный банк, но с такими льготами и привилегиями, которыми располагают банки государственные... При этом казначей короля был опять-таки тамплиер. Подите поцарствуйте в такой обстановке.

Не можешь победить — объединяйся... Филипп попросился в почетные тамплиеры. Получил отказ. Обиду наматал на ус. Тогда он предложил папе слить тамплиеров с госпитальерами и передать новый орден под управление одного из его сыновей. Тут великий магистр ордена, Жак де Молэ, с великой pompой пожаловал на материк с Кипра, где он в то время проживал как монарх в изгнании, чтобы вручить папе меморандум, в котором как будто анализировал преимущества, но на самом деле в первую очередь выявлял недостатки подобного объединения. Без всякого стеснения Молэ, в частности, напирал на тот факт, что тамплиеры более богаты, нежели госпитальеры, и что при слиянии одни должны обеднеть для того, чтоб обогатились другие, что нанесло бы суровый ущерб состоянию духа его кавалеров. И Молэ выиграл первую распасовку начавшейся партии — дело отправили в архив.

Оставалось действовать клеветой. Тут у короля были на руках все козыри — сплетен о тамплиерах гуляло предостаточно. Что, по-вашему, думали об этих “десантниках” рядовые французы, видя, как те собирают дань с колоний и ни перед кем не отчитываются, не обязаны даже — теперь уже — рисковать своей кровью, охраняя Господен Гроб? Они, конечно, французы, но не вполне, они то, что сейчас называют “черноногие”, а в те времена “roulains”. Совершенно не исключено, что эти “черные” предаются восточному разврату, кто их знает: уж не говорят ли между собой на языке арапов? По уставу они монахи, но для всех вокруг очевидны их развязные манеры, и вот уж сколько лет назад папа Иннокентий III принужден был бороться с ними буллой “О распущенности храмовников”. Ими даден обет бедности, а сами роскошны, как наследственные аристократы, скаредны, как нарождающееся купеческое сословие, и неукротимы, как команда мушкетеров.

Немного нужно, чтобы от брюзжания перейти к досадливым наговорам. Мужеложцы! Еретики! Идолопоклонники, обожающие бородатого болвана, взявшегося неведо-

мо откуда. Уж только не из иконостаса богобоязненного христианина! Вероятно, они причастны секретам исмаилитов. Не исключено, что и водят шашни ассасинами Горного Старца. Филипп и его советники подхватили эти пересуды и довели дело до суда.

За спиной Филиппа маячат его креатуры, Мариньи и Ногаре. Мариньи — это тот, кто в конце концов наложит лапу на тамплиерское имущество и получит право управления им в интересах короны, вплоть до дня, когда оно должно перейти к госпитальерам, а до тех пор так и непонятно, кто снимает проценты с вкладов. Ногаре, хранитель королевской печати (министр юстиции), — тот, кем разрабатывался сценарий знаменитого скандала в Ананьи, в 1303 году, когда Шарра Колонна надавал оплеух папе Бонифацию Восьмому и тот, не оправившись от унижения, скончался в течение месяца.

На сцену выходит некто Эскье де Флойран. Он был в тюрьме по неизвестному нам делу и дожидался высшей меры, как тут его подсадили в камеру к раскаявшемуся тамплиеру, также ожидавшему петли, и тамплиер поделился с ним леденящими душу признаниями. В обмен на отмену приговора и на некоторую сумму денег Флойран пересказал все, что слышал. А слышал он, примерно, те же побаски, которые были на устах у всех. Только в данном случае они оформились в виде следственного протокола. Король извещил об этих сенсационных разоблачениях папу. В папской должности в тот год мы видим Климента Пятого, того самого, который переместил престол в Авиньон. Папа и верит и не верит, он безусловно учитывает, что тамплиеры — очень крепкий орешек. Наконец в 1307 году он вынужден дать добро на судебное расследование. Молэ об этом информируют. Он заявляет, что совершенно спокоен. Он продолжает участвовать, наряду с королем, в отправлении официальных церемоний — князь среди князей. Климент V тянет резину, королю кажется — что ради того, чтобы дать тамплиерам время свернуть дела. Но тамплиеры и не думают ничего сворачивать. Они продолжают пить и богохульствовать в своих капитанствах, они ничего не подозревают — вот, кстати, первая из загадок этой повести.

14 сентября 1307 года король рассылает запечатанные

депеша всем бальи и сенешалям своего государства, требуя массовых арестов и конфискации имущества тамплиеров. От рассылки ордеров до операции, которая была проведена 13 октября, проходит месяц. Тамплиеры ничего не подозревают. Утром условленного дня они все оказываются в мешке и — еще одна неразгаданная загадка — сдаются, не пытаясь избежать ареста. Заметьте кстати, что в непосредственно предшествовавшие дни офицеры короля, дабы ни одна крупица добра не ускользнула от экспроприаторов, проводят полную инвентаризацию имущества тамплиеров, пользуясь совершенно неправдоподобными предложениями. А тамплиеры ничего, проходите, господин бальи, описывайте что хотите, почувствуйте себя как дома.

Папа, когда услышал о массовых арестах, попытался что-нибудь сделать, но было уже слишком поздно. Королевские пристава пустили в дело веревки и железо, и многие кавалеры, по применению пыток, начали каяться. Назад уж пути быть не могло, полагалось передавать их в распоряжение инквизиции, инквизиторы в то время к огню еще не прибегали, но эффективная методология у них была. Покаяние приняло массовый характер.

И вот перед нами третья по очереди загадка. Конечно, верно, что попытка была применена, и довольно серьезно, так что тридцать шесть подсудимых от нее умерли, но ведь это были нестигаемые люди! Привыкшие не тушеваться перед лютыми турками! Оказавшись перед прокурором, все тушуются. В Париже только четверо рыцарей, из четырехсот, отказались давать показания. Остальные признавались во всем, в том числе и Жак де Молэ.

— В чем во всем? — спросил Бельбо.

— Они признавались именно во всем том, что было вписано в ордер на арест. Очень мало чем отличаются одни показания от других, по крайней мере во Франции и в Италии. В Англии же, напротив, где следователи работать отнюдь не рвались, протоколы содержат все те же стандартные обвинения, но приписываются они лицам, не состоявшим лично в тамплиерах, и в основном цитируются понаслышке. В общем, храмовники сознаются только там, где кто-то очень сильно хочет этого, и только в том, в чем хотят, чтоб они сознались.

— Нормальный инквизиционный процесс. Не первый и не последний, — заметил Бельбо.

— Однако поведение подсудимых несколько нетипично. В главных пунктах обвинения утверждается, что рыцари во время инициации троекратно отрекались от Христа, плевали на распятие, разоблачались и были целуемы в нижние части спины, то есть попросту говоря в зад, а также в пуп и в рот, “поносно людскому достоинству”, а также предавались взаимному смыканию, как свидетельствует текст. Это оргия. Потом им показывали бородатого идола и они обожали его. Что же отвечают сами допрашиваемые на подобные обвинения? Жоффруа де Шарнэ, тот, которого сожгут на костре вместе с Молэ, говорит, что да, дело было, он отрекался от Христа, но лишь на словах, а не в сердце, и не помнит, плевал ли он на распятие, потому что в тот вечер все торопились. Относительно поцелуев в заднюю часть, это тоже было, и он слышал, как прецептор Овернский говорил, что естественнее сочетаться брату с братом, нежели осквернять себя с женщиной, однако лично он никогда себя не допускал до плотского греха с остальными кавалерами. Итак, в общем все оказываются виноваты, но у всех получается, что все делалось как бы понарошку, что никто на самом деле не придавал ничему значения, если кто и натворил дел, то не я, я просто не уходил из вежливости. Жак Молэ — не последняя спица в колеснице! — показывает, что, когда ему протянули распятие — плюнь-ка, — он плюнул мимо, на землю. Он соглашается, что инициационные ритуалы обстояли примерно так, как говорит господин судья, однако — вот незадача! — сам бы он не мог описать их в подробностях, потому что лично он не инициировал за всю жизнь практически никого. Еще один подсудимый допускает, что поцелуи действительно были, но он лично никого не целовал в зад, а только в рот, но другие его целовали и в зад, это правда. Некоторые признают даже больше, нежели требуется. Не только отрекались от Христа, но и утверждали, что Христос преступник, отказывали в девственности Деве Марии, а на распятие, так даже мочились, и не только при обряде инициации, а и в течение всей Страстной недели, и не веровали в таинства, и обожествляли не только Бафомета, а даже и дьявола в кошащем обличье.

Столь же гротескный балет, хотя и не столь загадочный, отплясывается в это время королем и римским папой. Папа хотел бы взять следствие в свои руки. Король предпочитает сам подготавливать процесс. Папа хотел бы запретить орден только временно, наказать виноватых и восстановить первородную чистоту. Король стремится к скандальной известности, хочет, чтобы процесс скомпрометировал орден во всем его комплексе и чтоб результатом было окончательное уничтожение тамплиеров: политическое и религиозное, само собой, но в первую очередь — финансовое.

Составляется документ, настоящий шедевр в своем роде. Магистры теологических наук утверждают: приговоренным нельзя позволять пользоваться услугами защитника, чтобы они не отреклись от показаний. Так как в протоколе допросов присутствует признание, нет нужды в открытом судоговорении, король склоняется в пользу закрытого заседания без участия подсудимых: добро бы у следствия имелись сомнения, а тут никаких сомнений нет. «К чему тогда был бы защитник? для защиты признанных обвиняемыми злодейств? притом что очевидность содеянного усугубляет явность преступлений!»

Но поскольку существовал риск, что следствие ускользнет от короля и поступит в руки римского папы, король и Ногаре раздувают новое громкое дело, имеющее отношение к епископу Труа: его обвиняют в чародействе по доносу некоего таинственного авантюриста Ноффо Деи. Впоследствии откроется, что Ноффо Деи оболгал епископа, и Ноффо Деи повесят. Но на данном этапе на епископа обрушиваются публичные обвинения в содомии, святотатстве и ростовщичестве. Те же вины, что и у тамплиеров. Вероятно, король желает показать гражданам Франции, что церковь не имеет морального права судить тамплиеров, поскольку сама запятнана подобными прегрешениями. А может, это просто психическая атака на папу. Темная история, игра разведок, полиций и секретных служб. Папу прижали, у него нет выхода, и с его позволения начинается суд над семьюдесятью двумя тамплиерами. Они подтверждают показания, данные под пыткой. Папа пытается обыграть и это: учитывая чистосердечное раскаяние, пусть их помилуют.

Тут происходит нечто новое (одна из ключевых про-

блем моего диплома). Стоило папе, превеликими трудами, отбить своих храмовников у короля — как неожиданно он отсылает их обратно. Никак я не могу понять, что же там у них стряслось в это время. Сначала Молэ берет назад все данные на допросах показания. Климент предоставляет ему возможность оправдаться и посылает трех кардиналов для контрольной проверки. 26 ноября 1309 года Молэ выступает с пламенной защитой ордена, отстаивает его чистоту, доходит даже до прямых угроз обвинителям. После этого к нему приближается посланный короля, Гийом де Плэзан, которого Молэ считает своим другом, и де Плэзан дает ему какой-то непонятный совет. 28-го числа того же месяца Молэ подписывает робкое, очень путаное заявление, в котором говорится, что он простой солдат, наукам не учен, и после того перечисляются достижения храмовников, к тому времени сильно устаревшие: благотворительная деятельность, военные заслуги — покорение Святых Мест — и далее в этом роде. Не было печали, так тут вмешивается еще и Ногаре со своими воспоминаниями о том, как орден поддерживал связи, и самые дружеские, с Саладином. Начинает пахнуть государственной изменой. Оправдания Молэ на этом допросе не выдерживают критики, чувствуется, что у человека за плечами два года тюрьмы, они хоть кого превратят в тряпку... Но наш Молэ походил на тряпку и на второй день после ареста!

Третий публичный допрос — в марте следующего года. Третий вариант поведения Жака де Молэ. На этот раз он отказывается отвечать перед кем бы то ни было, кроме самого папы.

Смена декораций, и мы присутствуем при эпилоге высокой трагедии. В апреле 1310 года сто пятьдесят тамплиеров требуют слова и выступают в защиту чести ордена. Они заявляют о пытках, которым были подвергнуты те, кто оговорил себя. Они опровергают все обвинения, доказывают их абсурдность. Но король и Ногаре тоже знают свою профессию. Тамплиеры берут назад показания? Тем лучше, это характеризует их как опасных рецидивистов или же отреченцев — *relapsi* — самое страшное обвинение, для той поры. Значит, они нагло отрицают то, что уже единожды признали перед судьями? Так вот, мы готовы

простить тех, кто признал свои ошибки, но не тех, кто сознаваться не желает, отрекается от собственных признаний и утверждает, кощунствуя, что ему каяться не в чем. Сто пятьдесят кощунов приговариваются к смерти.

Нетрудно представить себе психологическую реакцию прочих арестованных. Те, кто покаяться, останутся в живых и пойдут на каторгу; те, кто запирается или, хуже того, отрекается от признаний, пойдут на костер! Все пятьсот отреченцев, пока живы, спешат отречься от отречения.

Расчет этих новоотреченцев был правилен. В 1312 году все, кто не признал вину, были приговорены к вечному заключению, в то время как все сознавшиеся помилованы. Филипп был не кровожаден, для него было важно уничтожить орден. Освободившиеся рыцари, ослабелые телом и душой после четырех или пяти годов тюрьмы, скрытно рассеялись по другим орденам, им хотелось только укрыться из виду, и это их исчезновение, это безропотное самоуничтожение легло в основу тогда же родившейся легенды об уходе тамплиеров в подполье.

Молэ продолжает настаивать на личной встрече с папой. Климент созывает собор в Вене в 1311 году; Молэ в нем не участвует; на соборе папа утверждает роспуск ордена тамплиеров и передает его имущество госпитальерам, а на том этапе опеку над имуществом берет в свои руки сам король.

Проходит еще три года, в конце концов достигается соглашение с папой, и 19 марта 1314 года на паперти собора Нотр-Дам оглашается: шевалье де Молэ приговорен к пожизненному заключению. Выслушав приговор, Молэ ощущает укол гордости. Он уповал, что папа даст ему возможность оправдаться; его предали. Он сознает, что если снова переменит показания, ему не миновать участи рецидивиста-отреченца. Что происходит в его сердце, после семилетнего ожидания суда? Одушевляется ли он примером героев ордена? Считает ли что, чем влачить остаток жизни в неволе и бесчестьи, лучше умереть сразу и хорошо? В общем, он публично объявляет о невинности и собственной и собратьев-тамплиеров. Единственный грех, нами совершенный, утверждает он, это что мы по малодушию возвели напраслину на себя.

Ногаре потирает руки: публичное преступление требует публичной кары и окончательного приговора по ускоренной процедуре. Поступок Молэ повторяет и прецептор Нормандии Жоффруа де Шарнэ. Король выносит решение в тот же день: на стрелке острова Сите раскладывают костер. На закате Молэ и Шарнэ сожжены.

Легенда утверждает, что великий магистр перед смертью напророчествовал разруху своим гонителям. И действительно, папа, король и Ногаре умерли в течение следующего года. Что касается Мариньи, он после смерти короля подозревался в растратах. Его враги объявили его чернокнижником и подвели под петлю. Уже тогда многие люди начали представлять себе Молэ как святомученика. Данте вторит общественному мнению, заклеив тех, кто преследовал тамплиеров.

Тут начинается легенда — история кончается. Один исторический анекдот рассказывает, будто незнакомец в тот день, когда гильотинировали Людовика XVI, вскочил на помост и закричал: “Жак де Молэ, ты отомщен!”

Что-то в этом духе я рассказывал тогда вечером в “Пилладе”, хотя меня злостно перебивали.

Бельбо вмешивался с фразочками типа: “Простите, по моему, это уже что-то из Оруэлла или Кестлера...” или: “Знаем, довольно известная история о... как его там звали... в Китае во время культурной революции...” Диоталлеви однообразно философствовал, что история — учитель жизни. Бельбо в ответ: “Ты же каббалист. Каббалисты не верят в историю”. Тот отбивался: “Именно каббалист. Все повторяется по кругу, история учитель, потому что учит, что ее нет. Но великую важность имеют пермутации”.

— Так все-таки, — спросил Бельбо под конец. — Кто такие тамплиеры? В вашем изображении, то это сержанты из фильма Джона Форда, то какие-то лаццарони, то средневековые рыцари с миниатюры, то банкиры при Господе Боге, специалисты по темным делам, то солдаты разбитого войска, то члены сатанинской секты, то узники совести... Все-таки?

— Именно поэтому вокруг них образовался миф. О них можно сказать все то, что вы говорите. А что такое католи-

ческая церковь, как вы объясните марсианскому историку? Те, кто гиб за веру, или те, кто жег еретиков?

— Но они делали все эти плохие вещи?

— Самое смешное, что их адепты, ну, неотамплиеры разных времен и народов, полагают, что да, делали. Основания этому изобретаются самые разные. Первая версия, что речь шла о голиардических шутках. Хочешь стать тамплиером, докажи, что у тебя кишка не тонка наплевать на распятие, и поглядим, испепелит ли тебя крестная сила. Вступая в нашу роту, доверься братьям душой и телом, а значит, дай поцеловать себя в задницу. Вторая теория, что тамплиеры тренировались отрекаться от Христа в ожидании, что их захватят сарацины и заставят отрекаться. Это объяснение идиотское: как можно готовить терпеть пытки, обучая делать именно то, чего захочет палач? Третий вариант: тамплиеры, живя на Востоке, вступили в контакт с манихейскими еретиками, которые ненавидели крещ, как орудие мучительства Господа, и проповедовали, что надлежит спасаться от мира и бороться с браком и плодоношением. Эта идея стара, она является общей для многих ересей первых веков христианства, она разовьется в учение катаров, и действительно, солидная традиция видит в тамплиерах носителей философии катаров. В этом случае получает свое обоснование и фактор содомии, пусть даже только символической. Предположим, что кавалеры Храма были знакомы с этими воззрениями. При их малой интеллигентности, в обращении с подобным знанием преобладали простодушие, дух противоречия, корпоративность, и так создавался их внутренний фольклор, который выделял их среди прочих крестоносцев. Они относились к ритуалам как к обычаям дружбы, не задаваясь вопросом, какова подоплека этих обычаев.

— А этот их Бафомет?

— Действительно во многих показаниях говорится о “фигуре Бафометовой”, но, вероятно, речь идет об ошибке первого писца, а если документы процесса фальсифицированы, понятно, каков механизм повторения ошибки и в остальных протоколах. В некоторых других местах выступает Магомет (“сей лик частью богов есть и частью Магометов”), то есть мы видим, что тамплиеры создают собственную синкретическую литургию. Кое-кто добавляет,

что на сборищах полагалось восклицать “Ялла!”, что происходит от “Аллах!”. Однако у мусульман не существует изображения Магомета, откуда же берется у тамплиеров этот мотив? В протоколах указывается, что многие видели эту фигуру, иногда имевшую вид головы, а иногда и всего тела с головою, из дерева, с курчавыми волосами, фигура покрыта золотом и всегда имеет бороду. Якобы следователи находят вышеописанных идолов и предъявляют их подследственным, однако от них не сохранилось ни единого образца. В общем, их видели все и их не видел никто. То же самое с котом: кто-то запомнил его серым, кто-то рыжим, кто-то черным. Вы хорошо представляете себе допрос каленым железом? Видел ты kota во время инициации? Еще б не видеть, тамплиерские хутора, с их огромными закромами, которые надлежало стеречь от грызунов, кишели котами! В ту эпоху в Европе коты были не сильно распространены в качестве домашних животных, а вот в Египте они встречались очень даже часто. Могу допустить и то, что тамплиеры могли пускать котов в жилые помещения, вопреки обыкновению широких масс, среди которых кот считался зверем подозрительным. А фигуры Бафомета... Может, это были ларцы для реликвий в форме голов, в ту эпоху они встречались. Разумеется, существует концепция, что Бафомет имеет отношение к алхимии.

— К алхимии имеет отношение все, — убежденно выдохнул Диоталлеви. — Наверное, тамплиеры знали тайну производства золота.

— Чего там знать, — отпарировал Бельбо. — Войди в сарацинский город, освежуй всех детей и женщин и хватай сколько влезет в карманы. По мне, вся эта история сплошная неразбериха.

— Но главная неразбериха царила у них в головах. Какое им было дело до диспутов о доктринах? История знает кучу примеров подобных военных спецподразделений, которые выдумывают себе собственную мистику, собственные обряды и сами толком не понимают, что хотят сказать всеми этими жестами. Лишь в следующую очередь рождается эзотерическая интерпретация, согласно которой они отлично все понимали, являлись адептами восточной тайной мудрости и даже целование в зад имело у них инициационную ценность.

— Пожалуйста, расскажите подробнее об инициационной ценности задоцелования, — попросил Диоталлеви.

— Некоторые современные эзотерики предполагают, что тамплиеры основывались на положениях индийской философии. В этом случае целование в зад призвано было бы пробудить змею Кундалини, то есть космическую силу, которая обитает в нижнем отделе человеческого позвоночника, в сексуальных железах, и когда она пробуждена, она достигает пинеальной железы...

— Той, что у Декарта?

— Думаю, той. Далее она должна растворить во лбу у человека третье око, то, которое способно видеть во времени и в пространстве. Именно поэтому до сих пор продолжает разыскиваться секрет тамплиеров.

— Филипп Красивый должен был бы сжечь современных эзотериков, а не тех бедолаг.

— Да, но у современных эзотериков нет ни полушки.

— Чего только не приводится выслушивать, — заключил все это Бельбо. — Теперь я понимаю, почему эти тамплиеры такие любимцы моих психов.

— Я думаю, что это перекликается с позавчерашним сюжетом. Вся ситуация тамплиеров, это перекрученный силлогизм. Поведи себя по-идиотски и останешься непостижимым в веках. Абракадабра, Мене Текел Фарес, Папе Сатан, Папе Сатан Алеппе, каждый раз как поэт, или проповедник, вождь или колдун изрекают бессмысленную бормотню, человечество тратит столетия на расшифровку этого бреда. Тамплиеры останутся вечной загадкой благодаря своим мутным мозгам. За это им и поклоняются.

— Позитивистская интерпретация, — сказал Диоталлеви.

— Да, — отвечал я. — Наверно, я позитивист. Путем крошечной хирургической операции на пинеальной железе тамплиеры могли бы стать госпитальерами, то есть нормальными людьми. Война губительна для мозговых извилин. Шум канонады, грецкий огонь... Стоит посмотреть на генералов...

Слово за слово, уже давно была ночь, Диоталлеви шатался, сраженный своей минералкой. Мы стали прощаться. Тогда мы не понимали, что началась наша игра — игра с грецким огнем, который и жжет и губит.

Герард де Сиверей сказал мне: “Сир, если вы рассудите, что от того нам не выйдет бесчестья, я пойду за подмогою к графу д’Анжу, которого вижу там на поле битвы”. Я отвечал ему: “Мессир Герард, полагаю, вы совершите дело чести, пойдя за подмогой ради наших жизней, и подвергнув вашу собственную жизнь неизвестности”.

Жуанвиль, *История Людовика Святого*.
Joinville, *Histoire de Saint Louis*, 46, 226

15

После наших тамплиерских бдений мы почти не виделись с Бельбо, только раскланивались в баре — я занимался дипломом.

Потом в один прекрасный день была объявлена антифашистская демонстрация. Их обычно объявляли университетские студенты, а участвовала вся прогрессивная интеллигенция в широком смысле. Полицейских согнали много, но вид у них был мирный. Типичная раскладка для того периода: налицо недозволенное шествие-демонстрация, но пока осложнений нет, полиция не вмешивается, а следит, чтобы левые не нарушали границ своей зоны обитания, ибо по негласной конвенции центральные районы Милана были поделены. С нашей, университетской стороны был заповедник левых, за площадью Аугусто и во всей зоне Сан-Бабила был район фашистов. Если залезали на чужую территорию, случались инциденты, в остальных отношениях были договорные, как у укротителя и льва. Кажется, что на укротителя кидается свирепейший лев и что он усмиряет его бичом или стартовым пистолетом. На самом деле лев прекрасно накормлен и накачан наркотиками перед выходом на арену и нападать не намерен. Как у всех животных, у него есть условная территория, за пределами коей может происходить что угодно и это его не колышет. Укротитель нарочно ставит ногу на территорию льва. Лев рычит, укротитель машет хлыстиком и в это время убирает ногу с территории льва. Лев утихомиривается. Симуляция революции проходит по четким законам.

Я пошел к университету на демонстрацию, но не при-

стал ни к одной группе. На площади Санто-Стефано прогуливались компании журналистов, издательских людей и художников: бар “Пилад” в полном составе поддерживал демократическое мероприятие. Бельбо был с дамой, с ней же я его часто видел в баре, потом она куда-то растворилась, куда — я узнал впоследствии, прочитав файл о докторе Вагнере.

— И вы тут? — спросил я.

— Что вы хотите. Все для спасения бессмертной души. *Crede firmiter et pecca fortiter*¹. Вам напоминает что-то эта сцена?

Я оглянулся. День был солнечный и яркий, из тех дней, когда Милан почти хорош со своими желтыми фасадами и металлическим небом. Полицейские перед нами выстроились в шеренгу, блистали щиты и торчали пластиковые каски, солнце отскакивало от них, как от стали, а комиссар в штатском, но с уставной трехцветной лентой через плечо гарцевал перед строем. Я оглянулся на голову процессии. Толпа покачивалась, ритм напоминал маршевый, неровная колонна была плотно сбита, изгибиста, как змея, и щетинилась палками, плакатами, лозунгами. Тут и там народ скандировал речевки. Вдоль колонны по бокам мелькали активисты, лица их были обвязаны красными платками, мельтешили пестрые рубахи, джинсы, бывшие в несметных передрыгах, просунутые в них ремни с устрашающими пряжками. Даже недозволенные средства ведения боя, которыми они махали, притворяясь, будто это смоотанные знамена, казались мазками на ярких полотнах, мне припомнился Дюфи и его веселая палитра. Постепенно от Дюфи мысли мои откочевали к Гийому Дюфэ. Я как будто оказался в средневековой миниатюре; в негустой толпе по сторонам колонны мне виделись дамы, наподобие андрогинов, ожидавшие великой рыцарской потехи, которая была им обещана наперед. Но в моем сознании все это пролетело слишком уж быстро, таща за собой некое иное воспоминание, не подвластное расшифровке.

— Взятие Аскалона? — переспросил Бельбо.

— Клянусь господином нашим святым Иаковом, мой

¹ Верь крепче и грехи сильнее (лат.).

добрый господин, — отвечал я ему, — это и впрямь поле крестовой брани! Твердо стою на том, что до окончания нынешних суток многим из этих воинов назначено войти в врата рая!

— Так-то оно так, — сказал на это Бельбо. — Но кто из нас сарацины.

— Полиция явно тевтонцы, — продолжал я. — Поэтому мы, скорее всего, орда Александра Невского. Хотя насчет орды я куда-то не туда заехал. Посмотрите лучше на ту вон группу, это верники графа Д'Артуа, им не терпится вступить в поединок, им невмочь потерпеть обиду, и вот они уже близятся к рядам неприятеля и обращаются к нему с вызовом!

Это начинался инцидент. Не помню как, демонстрация вдруг пришла в движение, и боевики, с тряпками на лицах и цепями в руках, стали наступать на полицейский заслон, подаваясь к площади Сан-Бабила и выкрикивая что-то агрессивное. Лев нарушал демаркационную линию, и довольно решительно. Полицейские расступились, из-за их спин высунулись водометы. Из толпы полетели первые гайки, булыжники — в ответ полицейская цепь, защищенная шлемами и щитами, двинулась вперед и активно заработала дубинками. Удары наносились нещадные, толпа пришла в волнение, в этот момент сбоку, от площади Лагетто, послышался выстрел. Это могла быть проколовшаяся шина, могла быть петарда, а может, даже и самая настоящая предупреждающая стрельба из группы ребят вроде тех, кто через несколько лет перешел на регулярное употребление Питона-38¹.

Так был дан сигнал к началу паники. Полиция полезла за пистолетами, радостно дудел боевой горн, а наша толпа разделилась на две: те, кто собирался помахать кулаками и те, кто считал свою обязанность выполненной. Я опомнился на бегу — ноги несли меня по виа Ларга в бешеном страхе, что какой-либо контузящий предмет отправится мне вслед и, чего доброго, настигнет. Как ни странно, на одной скорости со мной перемещались и Бельбо и его дама. Они неслись, но паники в них я не заметил.

¹ Пистолет, излюбленный политическими террористами.

На углу улицы Растрелли Бельбо придержал меня за локоть. — Поворачиваем, — сказал он. Я был удивлен. Широкая виа Ларга казалась спасительнее, там были люди, а сплетение улочек между виа Пекорари и архиепископским дворцом таило массу опасностей и в частности — налететь на полицейских. Но Бельбо дал мне знак к молчанию, повернул за угол, снова за угол, постепенно снизил скорость, и мы вынырнули уже шагом — а не бегом — на задах собора, где текла нормальная жизнь и куда не доносились отзвуки сражения, бушевавшего в двухстах метрах отсюда. Все в той же тишине мы обогнули Миланский собор и вышли на площадь перед фасадом у входа в пассаж. Бельбо купил мешочек овса и с серафически-благодетельным видом принялся кормить голубей. Мы ничем не отличались от прочих участников субботнего променада — я и Бельбо в пиджаках и галстуках, наша дама в униформе миланской синьоры: серый джемпер и нитка бус, жемчужных или под жемчуг. Бельбо представил нас друг другу: — Это Сандра. Знакомьтесь.

— Видите ли, Казобон, — начал после этого Бельбо. — Удирать нельзя по прямой линии. Взявши пример с Турина, с Савойцев, Наполеон распотрошил Париж и превратил его в сетку бульваров, что превозносится всеми как образец урбанистики. Однако прямые улицы прежде всего нужны для разгона толпы. При малейшей возможности и боковые улицы, как на Елисейских Полях, лучше строить широкими и прямыми. Стоит недосмотреть — например, в Латинском квартале, — вот вам, пожалуйста, парижский май шестьдесят восьмого. Никакая сила не способна удержать под контролем переулки. Полицейские сами не хотят туда соваться. Если вы встречаетесь с ними один на один — по молчаливому соглашению оба улепетываете в разные стороны. Собираясь на публичное собрание в незнакомой местности, имеет смысл за день до того провести рекогносцировку.

— Вы проходили спецподготовку в Боливии?

— Технику выживания изучают в подростковом возрасте. Кроме случаев, когда взрослый человек вербуетя в десантники. Когда шла партизанская война, я находился в***. — Он произнес название городка между Монферрато

и областью Ланги. — Мы эвакуировались из города в сорок третьем, гениальный расчет, чтобы наклепать на свою голову и облавы, и эсэсовцев, и перестрелки вокруг дома. Раз вечером меня отправили за молоком на ферму, ферма была на горе, и вдруг свистит над головой, между вершинами деревьев: пиу, пиу-у. И тут я понимаю, что это с дальней горы, к которой я как раз направляюсь, жарят из пулемета по железной дороге, которая проходит в долине у меня за спиной. Инстинкт подсказывает: бежать или броситься на землю. Я допускаю ошибку, бегу вниз и через некоторое время слышу в поле с обеих сторон: чак-чак-чак. Это были не попавшие в меня пули. Тут-то я понял, что если стреляют с горы, с высокого положения, удирать надо навстречу стреляющим: чем выше избегаешь, тем прямее траектория пуль. Моя бабушка во время одного боя между фашистами и партизанами, перестрелка велась в кукурузе, оказалась на тропинке в этом кукурузном поле и поступила совершенно прекрасно, улегшись на землю на линии боя — самое безопасное место. Так она пролежала с десятков минут, вжавшись носом в землю, надеясь, что ни одна из сторон не станет слишком сильно побеждать. Когда подобные примеры усваиваются с пеленок, формируются безусловные рефлекссы.

— Значит, вы у нас герой Сопrotивления.

— Созерцатель Сопrotивления, — утрюмо поправил он. — В сорок третьем мне было одиннадцать, когда кончилась война — тринадцать лет. Слишком мало, чтобы участвовать, достаточно, чтобы смотреть и запоминать почти фотографически. Или чтобы делать ноги — как сегодня.

— Сейчас вы могли бы рассказывать запомненное, вместо того чтоб править чужие рассказы.

— Все уже рассказано, Казобон. Если бы мне тогда было двадцать, в пятидесятые годы я предался бы “литературе воспоминаний”. Бог меня уберет, и когда я мог начинать писать, мне уже не оставалось другой дороги, кроме правки чужих писаний. А вообще, смешно сказать, я действительно мог бы заслужить расстрел в том пейзаже.

— От тех или от наших? — выпалил я и спохватился: — Простите, глупая шутка.

— Ничего не глупая. Сейчас я, конечно, знаю, от тех или

от наших. Но это сейчас. А тогда, если честно? Промучиться всю жизнь из-за того, что не выбрал пусть даже ошибку, в ней хоть можно раскаиваться, — нет, из-за того, что не выбрал ничего, не имел возможности доказать самому себе, что ошибку бы не выбрал... Потенциально я мог стать предателем. Какое право могу я иметь говорить об истине и писать о ней для других?

— Одну минуточку, — перебил я. — Потенциально вы могли стать Джеком Потрошителем. Этого вы не сделали. Невроз и больше ничего. Или для ваших самообвинений есть конкретные причины?

— Что называть причиной? Кстати о неврозах. У меня сегодня ужин с доктором Вагнером. Пойду на стоянку такси напротив Ла Скала. Идешь, Сандра?

— Доктор Вагнер? — повторил я, прощаясь с ними. — Собственной персоной?

— Да, он в Милане на несколько дней, и я надеюсь получить у него что-нибудь неизданное для сборника статей.

Значит, уже в те времена Бельбо виделся с доктором Вагнером. Интересно — в тот ли вечер этот Вагнер (ударение на последнем слоге) произвел над Бельбо свой сеанс психоанализа (бесплатно!), чего не осознали ни он, ни Бельбо? Или это случилось в другой раз?

В тот день Бельбо впервые затронул тему своего детства в ***. Забавно, что это была сага о бегствах (почти что геройских, ибо память героизует) и что всплыла она в его душе, когда он вместе со мною, однако впереди меня, и совершенно не по-геройски, опять предавался бегству.

После чего брат Стефан из Провэнэ, приведенный перед судьями, на вопрос, намерен ли он отстаивать свой орден, ответил, что не намерен, а магистры, если они намерены, пусть отстаивают, он же до ареста пробыл в ордене только девять месяцев.

Протокол от 27.11.1309

16

Повести о других бегствах Бельбо, постыдных бегствах детства я нашел в недрах Абулафии. Позавчера вечером, сидя в перископе, я вспоминал эти рассказы, в черных потемках, наполненных цепочками шуршаний, поскрипываний, попискиваний, — а я ушептывал свой трепет: поспокойнее, это только трепотня, это музеи и библиотеки и старинные постройки так забалтываются по ночам, это старые шифоньеры покрхтывают, это рамы распадаются от предвечерней волгллой стыни и облупливается штукатурка, по миллиметру за век — и позевывает кладка. Ты-то не бежишь, уговаривал я себя, ведь ты пришел, чтоб понять, что случилось с вечно бежавшим, решившим на этот раз не бежать — в безумии безрассудной (или безнадежной) отваги — а шагнуть навстречу реальности — сколько раз он по трусости откладывал эту встречу!

Имя файла: Канавная

Я бежал от полицейского наряда или от истории? И какая разница? Ходил на демонстрацию по моральному императиву или для того чтобы снова попытать себя Великой Оказией? Попытка пытки? Настоящие Великие Оказии были упущены мной по малолетству, или по старогодничеству, был негоден мой год рождения, род гождения, урод хождения негод... негодяя... О, я купил бы право самому стрелять в той кукурузе даже

ценой застрела бабушки! А демонстрация? А с демонстрации я ухрюл опять же по поколенческим причинам: эти игры уже не мои. Может, следовало бы жертвопринестись, хотя и без подъема, чтоб доказать, что тогда, в кукурузе, я бы не сплеховал. Нужно хвататься за Лжеоказию чтоб продемонстрировать что в настоящей Оказии ты был бы на высоте? Из тех, кто сегодня получил по морде от полиции, конечно, имелись и такие.

Можно сподличать из-за того, что раж окружающих тебе кажется непропорциональным, а цель незначительной? Значит, мудрость оподляет. И поэтому упускаешь свою Оказию, потому что слишком занят ожиданием Оказии и мыслями о ней. Может, один раз моя Оказия все же состоялась и я состоялся в ней, но этого не понял? Справедливо ли всю жизнь угрызаться из-за своей подлости оттого, что родился не в ту пятилетку? Ответ: угрызается от своей подлости тот, кто подломом действительно побывал.

А если бы и в тот раз я уклонился от Оказии, сочтя ее не своей...

Описать дом в ***, дом на холме, покрытом виноградниками, подпустить там сравнений всяких — холмы в форме женской груди и проч., и дорогу с холма, которая вводила в городишко, входя в который, вступая на камни окраинной улицы, эвакуированный мальчик оставлял радиус семейной защищенности и попадал в мир, населенный устрашающими и манящими Украинными.

В команду Украинных входили полудеревенские парни, немытые и громогласные. Я был слишком городской. Но чтобы попадать на площадь, где был газетный ларек и магазин культтоваров, и при этом не унижаться до совершенно кругосветного путешествия, я должен был проходить либо мимо них, либо мимо Канавных. По сравнению с Канавными Украинные были английские милорды. Живущие у канализационных стоков города, Канавные (настоящие люмпены) отличались вонючестью и агрессивностью.

Окраинные, попадавшие на территорию Канавных, подвергались поношению и избиению. Поначалу я не знал, что воспринимаюсь как Окраинный, но Канавные дали мне это понять. Я шел по их уделу, читая на ходу журнал для юношества. Они загоготали. Я ускорил шаг, побежал, они за мною, они швыряли камни, один пролетел сквозь лист журнала, я же продолжал на бегу держать перед собой журнал, оплот моего достоинства. Журнал погиб, жизнь сохранилась. В тот день я решил породниться с Окраинными.

Я предстал перед синедрионом и был встречен похрюкиванием. В ту пору у меня была густая шевелюра, тяготеющая к прямо стоящему положению, реклама сапожной щетки. Идеал, распространявшийся через кинематограф, рекламу и положительный пример (в часы воскресного променада после церковной мессы), выглядел так: двубортный широкоплечий пиджак, усы и волосы покрыты слоем помады и прилегают к голове. Народное имя этого парикмахерского приема было "зачес". Я вождедел зачеса. На рынке по понедельникам я приобретал на суммы, смехотворные в сравнении с биржевым курсом, но чувствительные для моего скромного кошелька, жестянки, бриллиантина, пористого, как пчелиные соты. С этим орудием я проводил перед зеркалом часы за часами, втирая в волосы, прилепливая волосы к черепу, зализывая, примазывая и прислюнивая их до состояния каски, или, скажем, чепца. Потом я надевал на голову сеточку. Окраинные как-то раз подсмотрели мою сеточку и прокомметировали ее на своем хрипучем гуттуральном наречии, которое я понимал, хотя не говорил. В описываемый день, просидевши дома пару часов в сеточке, я осторожно снял ее, полюбовался на результат в зеркало и отбыл на присягу верности. Когда настал момент присяги, купленный на базаре бриллиантин начал утрачивать глютинозность. Волосы медленно зашевелились у меня на голове. Окраинные были в восторге. Я все же попросил о вступлении в их ряды.

Как жаль, что я не мог высказать это на диалекте. Я был такой им чужой... Их предводитель Мартинетти выступил вперед — громовежнец, жизнедавец... Он был необут. Для начала мне причиталась сотня пинков в задницу. Возможно, они заботились о пробуждении змеи Кундалини. Меня повернули лицом к стене, два марешаля держали меня за руки. Мартинетти работал босой ногой с силой, с энтузиазмом, методично, бил плашмя, а не с носка, чтобы не поломать ногти. Бандитский хор отсчитывал ритм. Счет велся на диалекте. Потом они решили затолкать меня в клетку кролей, и я просидел там полчаса, пока они диалогизировали на своем жутчайшем диалекте. Выпустили меня, когда я заявил, что отсидел ногу. Я был доволен собой, так как сумел приладиться к дикарской литургии и в то же время сохранил достоинство.

В те времена в нашем *** стояли на постое тевтоны, они находились в расслабленном настроении, потому что о партизанах еще не было и слышно, шел конец сорок третьего года, начало сорок четвертого. Одним из наших первых походов был поход в сарай в обход часового, миролюбивого лангобарда, глодавшего — о ужас! — бутерброд, мерещилось нам, и кровь леденела, — со смальцем и мармеладом. Группа захвата делилась на два отряда, первый отвлекал на себя часового, нахваливая его оружие, второй проникал в сарай через задние неохраемые ворота и выносил несколько ба-тонов тротила. Не думаю, чтоб тот тротил действительно шел потом в дело, но Мартинетти, я знаю, планировал взрывы пиротехнического назначения, и предполагаемая техника, как я сейчас понимаю, могла быть для нас смертельна. Потом немцы ушли, на смену им появились итальянские морские пехотинцы "Decima Mas". Их КПП был около реки, у перекрестка, где каждый вечер ровно в шесть часов из колледжа Заступницы Марии выходили ученицы и начинали расходиться по домам. Мы должны были убедить

ребят из "Дечима" (большинство были призывники восемнадцати лет) принять от нас связку немецких ручных гранат (тех, которые с длинной ручкой) и взорвать их над рекой ровно в ту минуту, когда начнут появляться барышни. Мартинетти знал досконально, как надо связывать гранаты и как высчитывать, когда выдергивать предохранитель. Он поделился опытом с солдатаками, и результат был ослепителен. Столп воды взмыл ввысь, пересохшее русло оросилось, девки бросились врассыпную, мы надрывали пупки от хохота.

Любимым спортом молодежи с Окраины было коллекционирование стреляных гильз и прочих археологических радостей, за которыми после Восьмого сентября уже не надо было далеко ходить. Составлялись собрания касок, планшетов, подсумков, высоко ценились девственные пули. Чтобы добыть себе нестреляную пулю, полагалось действовать так: держа гильзу в руке, пулю просовывали в замочную скважину и с силой дергали; пуля из патрона вынималась и была готова для коллекционирования. Затем из гильзы вытряхивался порох или закрученные соломки баллистита, порох змееобразно насыпался на какую-либо поверхность и поджигался с одного из хвостов. Патрон, тем более ценный, чем в лучшем состоянии находилась гильза, поступал в арсенал. Хороший коллекционер имел великое множество гильз и выстраивал их по цвету, материалу, форме и высоте. Пешками были патроны автоматов и короткоствольных английских "стенгов", кони и слоны представляли в виде винтовочных патронов (в основном девяносто первого образца, полуавтоматическую винтовку "Гаранд" мы увидели лишь после высадки американцев), а самым высоким классом, восхитительными боевыми башнями возвышались патроны от пулемета.

В то время как мы предавались мирным играм, Мартинетти оповестил нас, что час настал. Картель был направлен Канавной банде и был Канавной бандою принят. Дуэль

была назначена на нейтральном месте, за вокзалом. Сегодня вечером в девять.

Потянулся душный вечер, летний, утомительный, полный возбуждения. Мы оснащались страшными орудиями, искали дубье, которое удобно прилегало бы к ладони, распределяли по отделениям сумок и планшетов камни разной величины. Кое-кто махал кнутами, сделанными из винтовочного ремня, жуткая штука, если попадает к решительному человеку. В те предвечерние часы мы все ощущали себя героями, и я был первым их всех. О, это воодушевление перед атакой, терпкое, мрачное, великолепное, прощай, красавица, прощай... я пускай не вернусь, важно лишь, чтоб вернулись ребята... и так далее, наконец мы пошли отдавать нашу юность, к чему нас призывали в школе в период до Восьмого сентября.

Мартинетти разработал хитроумную стратегию. Мы должны были перелезть через насыпь железной дороги и выйти к ним с тыла, практически уже победителями. Оставалось только добивать их из жалости.

В сумерках мы полезли на насыпь, карабкаясь по склонам и откосам, нагруженные пудами булыжников и дреколя. Выпрямившись на насыпи, мы увидели их, уже выстроенных в линию с вокзальными туалетами. Они стояли задрав головы и ждали, пока мы появимся. Нам оставалось только ринуться вниз, пока они не оправились от изумления банальностью нашего поведения.

Нам не давали водку перед атакой, но мы летели с гиканьем, как полагается, в самоубийстве. Катарсис наступил за сотню метров до станции. Там начинались первые дома городишка, которые составляли собою хотя и жидкое, но все же сплетение переулков. И вот вышло, что пока самые из нас отчаянные рвались напролом на вражеские полки, я и — на мое счастье — еще некоторые замедлили шаг и укрылись за углами окраинных домов, наблюдая, как пойдет дело.

Если бы Мартинетти разделил нас на авангард и арьергард, мы действовали бы со-

гласно долгу, ведь правда? Так вот, можно сказать, что произошла спонтанная переформировка подразделений. Бестрепетные вперед, боязливыцы позади. Из своего укрытия, причем мое было самым тыловым из всей группы, мы стали наблюдать сечу. Она не состоялась.

Сойдясь на дистанцию нескольких локтей, оба войска выстроились друг перед другом, скрежеща зубами, после чего генералы выступили вперед и переговорили. В этой Ялте было решено разделить мир на зоны влияния, создать условия для транзитных перемещений, по модели транзитов мусульман и христиан в Святых Местах. Взаимоуважение двух неустрашимостей воспрепятствовало неизбежности кровопролития (по-моему, качественная восемнадцативечная фраза!) Так и разошлись.

Сейчас я убеждаю себя, что не полез в мордобитие, потому что это было бы слишком комично. Но это я сейчас себе говорю. Тогда-то я знал, что я просто трус.

Теперь вот еще более подло. Я не прекращаю себе говорить, что если бы тогда пробежался вперед с остальными, я ничем бы не рисковал, а всю оставшуюся жизнь провел бы более комфортно. Вместо того я не имел своей Оказии в двенадцать лет. Как не поиметь первой эрекции, — значит, импотенция на всю жизнь.

Через месяц, когда по какому-то пустячному поводу Канавные с Окраинными столкнулись носы к носам и начали задираться, и когда замелькали в воздухе комья окаменелой земли, я, не знаю уж, ободренный ли динамикой развития прошлой стычки, или алкающий мученичества, но только вышел прямо перед строем. Комьев было пущено очень мало, и все были безобидные, кроме моего. Тот, который попал мне в лицо, по видимому, был с камнем внутри и разнес мне всю губу. Я помчался домой с воем, и мама пинцетом вытаскивала землю из раны у меня во рту. С тех пор у меня осталось затвердение во рту, на уровне правого нижнего клы-

ка, и когда я трогаю туда языком, чувствую шероховатость, содрогание.

Эта шероховатость не отпускает мне грехи, потому что ниспослана за глупость, а не за храбрость. Я тычу туда языком и что? И пишу все это. Но графоманство не повод для реабилитации.

После памятной ретирады в день демонстрации, я не виделся с Бельбо около года. Я влюбился в Ампаро и не бывал более у Пилада, вернее, те несколько раз, когда я заходил с Ампаро к Пиладу, Бельбо там не было. Ампаро туда ходить не любила. Ее политический и моральный кодекс, несокрушимый как ее краса и почти что как ее гордыня, утверждал, что “Пилад” есть оплот демократического дендизма, а демократический дендизм в ее глазах выступал одной из скрытых, значит, и самых коварных, личин капиталистической идеологии. Весь тот год был дико прогрессивный, очень серьезный, страшно милый. Я даже находил время что-то делать для диплома.

Однажды я столкнулся нос к носу с Бельбо на набережной канала возле “Гарамона”. — Вот это да, — весело начал он. — Любезнейший из тамплиеров! Мне как раз подарили один дистиллят незапамятной выдержки. И еще мне даны природой картонные стаканчики, свободный вечер.

— Прекрасная зевгма, — оценил я.

— Прекрасный бурбон, залитый в бутылку, полагаю, еще до бостонского чаепития.

Не успели мы пригубить нектар, как Гудрун оповестила нас, что дожидается посетитель. Бельбо хлопнул себя по лбу. Он совсем позабыл об этом типе, но — заметил он с улыбкой — это как раз ваш случай. Господин был по поводу книги — вы не поверите — о тамплиерах. — Я его ликвидирую в две минуты, но вы должны подавать мне скальпели.

Точно подмечено — это был именно мой случай. Я и заметить не успел, как оказался в ловушке.

Таким образом исчезли члены ордена Храма вместе с их секретом, — под покровом тайны жила их прекрасная надежда на некий земной град. Однако Абстракция, к которой были прикованы их усилия, продолжала в недостижимых краях свою недоступную жизнь...

И не раз, в течение разных времен, она питала вдохновением те души, которые были способны воспринять его.

Виктор Эмиль Мишле, *Тайна рыцарства*.
Victor Emile Michelet, *Le secret de la Chevalerie*, 1930, 2

17

Человек с лицом как из сороковых годов. На снимках в старых газетах, найденных мною в подполе, у всех было это лицо, видимо, из-за некалорийного тогдашнего питания. Щеки западали, обрисовывались скулы, глаза блестя лихорадочно и ярко — такие лица в кадрах расстрелов мы видим и у жертв и у палачей. В те времена люди с одинаковыми лицами расстреливали друг друга.

Посетитель был одет так: темный костюм, белая рубашка, серый галстук; он в штатском, инстинктивно подумал я. Волосы подозрительной черноты, напомаженные, хотя умеренно, на висках зализаны, на макушке лысина. Лицо покрыто загаром и изборождено геройскими складками самого колониального вида. Бледный шрам тянется через левую щеку, от угла рта до уха, черный длинный ус в духе Адольфа Менжу закрывает продолжение царапины и видно только, что губа когда-то была зашита. Дуэль студиозусов — мензур — или касательная пуля?

— Полковник Арденти, к вашим услугам. — Бельбо досталось рукопожатие, а мне легкий кивок, в соответствии с рангом, как младшему редактору.

— Полковник действительной службы? — спросил Бельбо. Арденти оскалил великолепную вставную челюсть. — На пенсии или, если хотите, в запасе. По виду не скажешь, но я отнюдь не молод.

— По виду не скажешь, — отреагировал Бельбо.

— Вот. А за спиной четыре войны.

— Вы начали при Наполеоне?

— Я начал лейтенантом в Эфиопии — добровольцем. Затем капитаном — добровольцем — в Испании. Получил майора в новом африканском походе. В сорок третьем... Скажем так: встал на сторону проигравших и сам проиграл все, кроме чести. Нашел в себе мужество начать с нуля. Иностраннный легион. Спецподразделение. В сорок шестом году — сержант, в пятьдесят восьмом — полковник под началом у Массю. Как видите, я часто выбирал сторону проигравших. Когда пришли к власти левые — Де Голль, — я вышел в отставку. Жил во Франции. Благодаря еще алжирским контактам, я открыл фирму импорта-экспорта в Марселе. Тот редкий случай, когда выбор оказался к моей выгоде... Сейчас живу на ренту и посвящаю все время своему хобби, выражаясь сегодняшним языком. В последние годы я занес на бумагу результаты работы. Вот они, — и вытащил объемистую папку, по-моему, красного цвета.

— Короче говоря, — подвел итог Бельбо, — исследование о тамплиерах?

— Так точно, — кивнул полковник. — Моя страсть с юношеских лет. Мы одной крови — рыцари удачи, искавшие счастья за Средиземным морем.

— Господин Казобон занимается тамплиерами, прекрасно знает материал. Так что можете рассказывать.

— Настоящие герои. Их цель была — установить человеческий порядок у дикарей обоих Триполи...

— Их противники были в общем не такие уж дикари, — мягко возразил я.

— Вас когда-нибудь держали в плену магрибские мятежники? — последовал саркастический вопрос.

— Пока нет, — парировал я.

Он пронзил меня взором, и я возблагодарил бога, что не служил в его роте. — Я хотел бы сразу поставить точки над и, — отчеканил он, обнимая папку. — Я беру на себя часть расходов по изданию и не собираюсь приносить вам убытки. Если нужны научные отзывы, я принесу. Только что, два часа назад, я встречался с крупнейшим специалистом по вопросу, он специально прибыл из Парижа. Он даст предисловие. — Встретившись с вопросительным взглядом Бельбо, он полуприкрыл глаза, давая понять, что имя эксперта будет названо в свой срок.

— Доктор Бельбо! — торжественно продолжил он. — Эти страницы содержат настоящую сенсацию. Лучшее американских детективов. Я обнаружил такие вещи... Важные вещи, но это только начало. И теперь я решился обнародовать все, что знаю, в надежде, что те, кто способен дополнить и разрешить головоломку, — откликнутся. Я решил закинуть приманку. И не могу терять время. Был человек, знавший то же, что и я. Он погиб... скорее всего, его убили, чтобы заткнуть ему рот. Я обнародую то, что знаю, двухтысячным тиражом, и после этого убивать меня будет непродуктивно. — И добавил после паузы: — Вы представляете себе обстоятельства ареста тамплиеров?

— Да, Казобон рассказывал нам, что они были захвачены врасплох и не сопротивлялись.

Полковник тонко улыбнулся: — Вот-вот. Хотя довольно-таки странно, что люди, превосходившие могуществом французского короля, дали так легко себя подловить и не знали в доскональности, что какие-то мерзавцы наушничают о них королю, а король все передает папе... Как бы не так. Мы имеем дело с планом. С очень хитрым планом. Предположите, что храмовники ставили себе целью завоевание мира и что они отыскивали источник неисчерпаемой власти, некий секрет, стоивший того, чтобы принести ему в жертву весь квартал тамплиеров в Париже, и все владения во французском королевстве, и в Испании, Португалии, в Англии и в Италии, и урочища в Святой Земле, и колоссальные денежные суммы. Король Филипп безусловно почувствовал опасность, иначе необъяснимо, для чего он уничтожил красоту и гордость своих вооруженных сил. И тамплиеры, безусловно, узнали о том, что Филипп все знает, и поняли, что Филипп постарается их уничтожить, в связи с чем они решили, что открытое сопротивление бесперспективно, а для выполнения программы им требовалось время: то ли источник могущества надо было еще дополнительно расследовать, то ли задействовать его можно было только поэтапно... И тайный руководящий центр ордена тамплиеров, существование которого в наше время общеизвестно...

— Общеизвестно?

— Конечно. Как можно предположить, чтобы такая

крепкая организация просуществовала столько веков без эффективного тайного руководства...

— Железный аргумент, — пропел Бельбо, косясь на меня.

— И железные выводы, — продолжал свою речь полковник. — Великий Магистр, разумеется, входит в совет тайных руководителей ордена, но он нужен им в основном в качестве крыши. Готье Вальтер, в труде “Рыцарство и тайны истории”, пишет, что годом окончательной реализации Программы был намечен год двухтысячный! До тех пор храмовники решают перейти на подпольное положение, а для этого лучше всего, если орден в глазах всего мира перестанет существовать. Они принесли себя в жертву идее. Все, включая Великого Магистра. Конечно, многие приняли смерть. Скорее всего, они были назначены по жребию. Другие получили иные приказы — раствориться, прибегнуть к мимикрии. Что случилось с многочисленными рядовыми членами, с жившими в миру, со “стрельцами”, со “стекольщиками”? Они составили собой человеческий материал будущего Братства свободных каменщиков — об этом хорошо известно. В Англии же король якобы сумел противостоять давлению папы и спокойно отправил тамплиеров на пенсию. А те якобы спокойно это восприняли и удалились на заставы доживать свой век. Вам кажется это логичным? Мне — нет. В Испании орден укрывается под новым именем — Монтесов, ордена Монтесской богоматери. Им ничего не стоило надавить на испанского короля, у них в сейфах денег было столько, что королю гарантировалось банкротство за неделю. Король Португалии тоже торговался недолго. Договоримся так, любезнейшие компаньоны, зовитесь не Рыцарями Храма, а Рыцарями Креста, и мне от вас ничего не надо. Посмотрим теперь в Германии. Один-два показательных процесса, чисто формально провозглашается запрет на тамплиеров, но тут же на месте есть превосходное прикрытие — тевтонский орден, государство в государстве, точнее, государство государств, по типу нынешней советской империи и не меньшего размера, которое досуществовало до конца пятнадцатого века, покуда не сшиблось с монголами — но тут уже начало новой повести, современной повести, монголы до сих пор с мечом у наших границ... но не будем отклоняться...

— Не будем, — отозвался Бельбо. — Вперед, вперед!

— Вперед. Как опять же известно, за два дня до того как Филипп скомандует брать всех, и за месяц до того, как всех действительно возьмут, из ограды Храма отправляется некий воз сена, влекомый волами в неизвестном направлении. Об этом читаем, в частности, у Нострадамуса в одной из центурий... — Он полистал папку. — Вот:

Souz la pasture d'animaux ruminant
par eux conduits au ventre herbipolique
soldats cachés, les armes bruit menant...¹

— Телега с сеном легенда, — сказал я. — А Нострадамус как исторический документ...

— Многие люди, в том числе и постарше вас, господин Казобон, с вниманием относились к пророчествам Нострадамуса. С другой стороны, я и не пытаюсь выдать свидетельство о возе за чистое золото. Этот воз — символ. Это символ того неопровержимого факта, что в преддверии близкого ареста Жак де Молэ передает руководство и все секретные инструкции своему племяннику графу де Божо и тот становится подпольным магистром подпольного, отныне, ордена...

— Имеются исторические свидетельства?

— История, молодой человек, — ответил полковник Арденти, и глаза его наполнились печалью, — пишется победителями. С точки зрения официальной истории люди, подобные мне, не существуют. Но они существовали, и под сенным камуфляжем скрывались лица, сумевшие восстановить свою организацию в глубокой тайне, в спокойном месте. Что ж вы не спрашиваете — где?

А ведь ему удалось нас зацепить. — Где? — вскрикнули все мы, как один, хором.

— Ладно, скажу вам. Где зарождается тамплиерство? Откуда происходит Гуго де Пейнс? Из Шампани, из-под Труа. И там же правит известный Гуго Шампанский, который через несколько лет после основания ордена, в 1125

¹ Под брашном, пожираемым скотом,
И им влекомы, в чреве полнотравном
Таятся вои звучны копием... (старофр.)

году, присоединится к ним в Иерусалиме. Потом, по возвращении, он убедит аббата Сито приступить к обработке и переводам некоторых еврейских сочинений. Вообразите только! Бургундских ребе зовут в Сито к белым бенедиктинцам, и кто же зовет? Святой Бернад, чтобы толковать какие-то тексты, найденные Гуго в Палестине. Гуго же предоставляет в распоряжение брата святого Бернарда целый лес в Бар-сюр-Об, и там будет построено аббатство Клерво. Что делал святой Бернад?

— Поддерживал тамплиеров, — сказал я.

— А почему он это делал? Ведь при его помощи тамплиеры стали сильнее бенедиктинцев! Бенедиктинцам он запретил получать в дар земли и постройки, и эти земли и постройки отходили к тамплиерам! Вы представляете себе Восточный лес возле Труа? Там невообразимо что делается, капитанства, заставы! А тем временем, вы знаете, что рыцари в Палестине перестают сражаться? Войдя в Храм, они вместо того, чтоб убивать мусульман, с ними подружались и вышли напрямую на тех, мусульманских посвященных. В общем так: святой Бернад при экономической поддержке шампанских графов учредил орден, непосредственно завязанный на тайные арабские и еврейские секты Святой Земли. Я побывал там, куда не совался ни один ученый. Там, где тамплиеры правили свой бал в течение двух столетий, чувствуя себя как рыба в воде...

— Так говорил председатель Мао: революционер должен чувствовать себя в народе как рыба в воде, — вставил я.

— Правильно говорил ваш председатель. Но тамплиеры работали на настоящую великую революцию, не то что ваши коммунисты с косичками.

— Они теперь без косичек.

— Тем хуже для них. А храмовники, повторяю, могли искать себе укрытие только в Шампани. Но где — в Пейнсе, в Труа, в Восточном лесу? Нет, нет и опять нет. Пейнс — деревушка, один несчастный замок, где уж там прятаться. Труа — большой город, но в нем слишком много людей короля. Лес — по определению заповедник тамплиеров, там их стали бы искать в первую очередь, как потом и случилось. Нет, сказал я себе: Провэн! Если было место для них на этой земле, это место — Провэн!

Ежели бы мы были способны провидеть насквозь и узреть под землею всю ее глубину от остия полунощного до полуденного или же от наших ног и до самых антиподов, с ужасом видели бы: земля пронизана вдоль и поперек расщелинами и кавернами.

Т. Бернет, *Священная теория земли*.
T. Burnet, *Telluris Theoria Sacra*, Amsterdam,
Wolters, 1694, p. 38

18

— Почему Провэн?

— Вы бывали в Провэне? Волшебные места. Даже и сегодня еще чувствуется. Поезжайте. Да, волшебные места, до сих пор благоухают тайною. Между прочим, в одиннадцатом столетии это резиденция шампанских графов и долгое время затем остается свободной зоной, где центральная власть практически не имеет силы. Тамплиеры там свои люди, даже сейчас там улица носит их имя. Церкви, дворцы, крепость, откуда простреливается вся равнина. Большие, большие деньги, множество купцов, устраиваются ярмарки, в этой суете легко запутать следы. Но самое главное в городе — известные с доисторических времен катакомбы. Сеть подземных ходов, пронизывающих собою всю гору, многие из них открыты для посещения и в настоящее время. В этих пещерах, если назначается нелегальная сходка, слет или съезд, можно собираться спокойно, когда за ними придут, заговорщики мгновенно покинут место встречи, вынырнут из далекого лаза, вернуться в темноте бархатной кошачьей побужкой, и сядут на плечи пришельцам, и передуют как крысы! Это место для настоящих командос, судари мои, кинжалы зажаты в зубах, ручные гранаты на поясе... Глаза у него блестящие. — Понимаете теперь, каким феноменальным укрытием является Провэн? Подпольная ячейка собирается в катакомбах. Люди в этом городе, даже если знают, не расскажут. Стражники короля побывали, как известно, в Провэне, арестовали тех храмовников, которые находились на поверхности, доставили их в Париж. Рейно де Провэн молчал под пыткой. Безу-

ловно, по секретному плану они позволили себя поймать, чтобы показалось, будто чистка в Провэне проведена, но в то же время они подавали и гордый сигнал: Провэн не удалось сломить! Провэн, — это столица нового подземного ордена! Там туннели проложены под улицами из здания в здание,ходишь как будто в зерновой склад или на биржу, а оказываешься в храме. Эти галереи имеют колонны, каменные своды, в каждом здании верхнего города еще и сегодня можно наблюдать, что подвалы имеют арочные своды, их там не меньше сотни, и каждый погреб, да что там, каждый отсек каждого погреба использовался как вход в подземелье!

— Гипотетически, — сказал я.

— Не гипотетически, господин Казобон. Не гипотетически, а практически. Вы не видели подземных галерей Провэна. Они состоят из сотен залов, и на стенах наскальная графика. Больше всего надписей имеется в боковых ответвлениях, которые спелеологи называют латеральными альвеолами. Это священные письма друидического происхождения. Начертаны они еще до прихода римлян. Цезарь захватил эти земли, но недра земные он не захватил, тут продолжалось царство сопротивления и магии, тут был оплот. Есть и надписи катаров, да, господа, катары были не только в Провансе, провансальские катары были уничтожены, а вот шампанские сумели выстоять в великой тайне и укрывались здесь. В катакомбах гнездилась ересь. Сто восемьдесят три мученика сгорели, остальные ушли под землю. В хрониках они фигурируют под именами bougres и manichéens, но ведь не случайно, что bougres назывались также и богумилы, катары болгарского происхождения... Думаю, вы знаете значение bougre по-французски? Это имя изначально связано с содомией, так как традиционно полагают, что болгарским катарам был свойственен подобный уклон... — Он смущенно хихикнул. — А кому еще приписывался подобный уклон? Тамплиерам... Удивительно, правда?

— Удивительно до определенной степени, — сказал я. — В те времена всем еретикам, чтоб их сжечь, приписывали содомию.

— Да-да, я понимаю, не думайте, будто я подозреваю

тамплиеров... Что вы! Они люди военные, а мы, военные, любим красивых баб, пусть даже они давали обет безбрачия, мужчина всегда мужчина. Я привел этот аргумент только чтоб доказать, что под крылом тамплиеров нашли убежище еретики-катары, и конечно, они передали тамплиерам все секреты подземелий...

— В общем, — сказал Бельбо, — какой вывод из ваших предположений...

— Это предпосылки. Предпосылки моей работы. Именно так я начал заниматься Провэном. И сейчас мы приближаемся к самому главному пункту. В центре Провэна имеется большое готическое здание, так называемая Ла Гранж-о-Дим, что означает Десятинные закрома. Вы помните, что одно из главных преимуществ положения тамплиеров — право собирать десятинную пошлину, не делясь с государством. Под закромами, как и под всеми остальными зданиями города, много подземных галерей, в настоящее время совершенно заброшенных. Так вот, я работал в архиве Провэна, и мне попалась подшивка городской газеты за 1894 год. Вообразите, что в одном из номеров была заметка о том, как два драгуна, Камиль Лафорж, уроженец Тура, и Эдуар Ингольф, уроженец Петербурга (да, господа, Петербурга!) совершали экскурсию с гидом в подземельях Ла Гранж и, спустившись в один из подземных залов, на второй ярус, заметили, что шаги по полу звучат гулко. Согласно этой хронике, отважные драгуны тут же, обвязавшись веревками и зажав в зубах лампы, продираясь сквозь непроходимые лазы, проникли в большое боковое подземелье с камином и колодецем в самой середине. Спустив веревку с камнем в колодец, они намерили одиннадцать метров. Через неделю они возвратились с более прочными канатами и в то время как гид со вторым драгуном страховали, Ингольф спустился в колодец и обнаружил еще одну большую палату каменной кладки, десять метров на десять, высотой пять. По очереди спускались туда и те двое добровольцев и исследовали эту палату на третьем уровне от поверхности почвы, на глубине тридцать метров. Что видели и что делали эти трое на дне колодца, осталось неизвестно. Репортер добавляет, что когда он сам посетил это место, ему не хватило смелости спу-

ститься в колодец. История эта меня взволновала, и я ощутил горячее желание посетить то место. Однако за годы, прошедшие с конца прошлого века, многие подземные галереи обрушились, и если этот колодец когда-либо и существовал, теперь никто не знает, где его искать. Мне же запала в голову идея, что драгуны могли что-нибудь обнаружить там, в подземелье. Я незадолго до этого читал книгу о тайне Ренн-ле-Шато, связанной, в частности, с тамплиерами. Один кюре, нищий и без всяких перспектив, затевает ремонт в своей церкви — приходская церковь в деревушке населением двести душ, — поднимает плиту и находит сундучок, полный древнейших рукописей. Так говорит сам кюре. Но были ли там только рукописи? Неизвестно. Мы знаем только, что в последующие несколько лет этот человек становится непомерно богат, он швыряется деньгами, ведет распущенную жизнь, попадает под церковный трибунал... Что если какой-нибудь из драгунов, или оба, нашли нечто подобное? Ингольф спускался первым. Предположим, он наткнулся на какой-либо ценный предмет небольших габаритов. Он сует его под мундир и выходит, тем, другим, ничего не сообщает... В общем, я человек упрямый, если бы не был так упрям, жизнь моя повернулась бы по-другому. — При этих словах он потрогал свой шрам. Потом провел рукой от виска к затылку, чтоб убедиться, что все волосы прилегают куда надо.

— Я направился в Париж, на центральный телефонный узел, и просмотрел справочники всей Франции в поисках фамилии Ингольф. Нашел только одного абонента, в городе Оксер, и написал туда как бы от имени археологического общества. Через две недели я получил ответ. Мне писала старая акушерка, дочь того самого Ингольфа. Она очень заволновалась, узнав, что я интересуюсь ее родителем, и более того, умоляла меня ради Бога поделиться с нею всем, что мне известно. Как так? Я поспешил в Оксер. Мадмуазель Ингольф живет в маленьком домике, опутанном плющом, с деревянной калиточкой, запираемой на гвоздь. Седая, прибранная, подтянутая старушка, довольно ограниченная. Она сразу стала расспрашивать, что мне известно о ее отце, на что я ответил, что знаю только об одной его подземной экспедиции в Провэне и что работаю над исто-

рическим очерком о тех местах. Она вне себя от изумления: понятия не имела, что отец когда-либо бывал в Провэнсе. В драгунах он служил, это правда, но оставил свою службу в 1895 году, то есть до ее рождения. Купил этот домик в Оксере и в 1898 году женился на местной девушке с небольшим приданым. Мать умерла в 1915 году, когда нашей мадмуазели было только пять лет. Что же касается отца, то его не стало в 1935-м. Не стало в буквальном смысле. Он уехал в Париж, как уезжал регулярно не менее чем дважды каждый год, и с того отъезда не подавал о себе известий. Местное жандармское управление наводило справки в Париже. Он испарился. Выдали свидетельство о предполагаемой кончине. Вот, наша мадмуазель осталась одна и пошла работать, потому что отец оставил ей не так уж много. Разумеется, она не нашла себе мужа, и из некоторых вздохов я понял, что имел место роман, единственный за всю жизнь, и он кончился плохо. “И всегда со мною эта печаль, господин Арденти, эта постоянная грусть — ничего не знать о бедном папе, не знать, где находится его могила и есть ли она вообще на этом свете”. Она охотно рассказала об отце: заботливый, спокойный, методичный и очень ученый. Целые дни он проводил в своем кабинете, наверху в мансарде, читал и писал что-то. Кроме этого, ковырялся в саду, время от времени разговаривал с местным аптекарем. Аптекарь тоже сейчас умер. Иногда Ингольф, как уже было сказано, наведывался по делам в Париж. Каждый раз покупал в Париже книги. Книги до сих пор в его кабинете, можно посмотреть. Мы поднялись. Комнатка в чистоте, в порядке, мадмуазель еженедельно протирает там пыль. Маме она носит цветы на могилу, для папы может делать только это. Все в комнате точно так, как было при ее папе, жаль, что она мало училась, а то бы могла читать его книги, но все книги напечатаны на старофранцузском, на латыни, по-немецки и даже на русском языке; дело в том, что папа родился и провел свое детство в России, его отец работал во французском посольстве. Библиотека насчитывала около сотни томов, большая часть которых — к моему восторгу — относилась к следствию над тамплиерами, как например “*Monumens historiques relatifs á la condamnation des chevaliers du Temple*”, автор

Raunouard, 1813, антикварная вещь. Много работ о тайнописи — серьезное собрание по криптологии — несколько томов по палеографии и дипломатии. Была там и старая приходо-расходная книга, и листовая ее, я буквально подскокил, наткнувшись на запись о продаже ларца. Без подробностей, без имени покупателя. Стоимость сделки тоже не была указана, но имелся год — 1895, а далее подробные, точные записи о том, как этот аккуратный человек распорядился своим небольшим капиталом. Несколько записей о приобретении книг у парижских букинистов. Так все более прояснялась предо мной механика событий. Ингольф обнаруживает в крипте золотую шкатулку с драгоценными инкрустациями, недолго раздумывая укладывает ее за пазуху, выбирается на свет божий и товарищам ничего не сообщает. Дома он открывает ларец и находит в нем пергамент, это очевидно. Он едет в Париж, обращается к антиквару, к ростовщику, к коллекционеру, — в общем, продает ларец, и хотя не за полную цену, тем не менее он становится вполне состоятельным человеком. Но этого ему недостаточно. Он оставляет службу, переселяется на жительство в деревню и начинает покупать и читать книги, с тем чтобы разгадать пергамент. Наверное, в его душе издавна вызревала эта страсть — охотника за сокровищами — иначе бы он не погружался на третий ярус катакомб в Провэне, — и он достаточно подготовлен, чтобы попытаться открыть секрет найденного им клада. Он работает тихо, одержимо, скажем даже маниакально. Проходит более тридцати лет. Делился ли он с кем-либо тайной своей жизни? Неизвестно. Однако в 1935 году, скорее всего, он знал уже достаточно много или же, наоборот, оказался в таком тупике, что принял решение обратиться к некоему лицу, чтобы поделиться тем, что знает, либо чтобы спросить о том, чего не знал. Однако то, о чем он дознался, таинственно и ужасно — до такой степени, что человек, к которому он обращается, уничтожает его... В любом случае, вернемся к мансарде. Прежде всего, я должен был понять, остались ли какие-либо следы работы Ингольфа. Я сказал той милой женщине, что надеюсь, просмотрев книги ее отца, найти какие-то следы открытия, сделанного им в Провэне, и тогда в моем исследовании его имени будет от-

ведено заслуженное место. Она воодушевилась, бедный папа должен быть отмечен по достоинству, и мне было сказано, что я могу оставаться до вечера и возвратиться на следующий день, если, конечно, понадобится. Она принесла мне кофе, зажгла лампу и вернулась в свой сад, предоставив мне свободу действий. Комната имела стены белые и гладкие, в ней не имелось шкафов, сундуков, ларей, где я мог бы порыться, но все, что в ней было, я проверил, осмотрел сверху, снизу и внутри немногочисленную мебель, стоявшую там, а также платяной шкаф, почти пустой, в котором было всего несколько костюмов, за подкладкой которых — ничего кроме нафталина. Ни за, ни под рамками трех-четырех эстампов, висевших на стенах, тоже ничего не скрывалось. Не буду утомлять вас подробностями, заверю только, что работал я на совесть, например, мягкая мебель должна быть не только ощупана, но и исследована длинными иглами, чтобы удостовериться, что в набивке не присутствуют посторонние предметы...

Я подумал, что полковник явно обучался не только технике рукопашного боя.

— Оставалось обработать книги, переписать все их названия, проверить, нет ли в них маргиналий, подчеркиваний, каких-либо помет... И вот в одну прекрасную минуту я решительно тряхнул старый большой том в тяжелом переплете, том упал, и из него вылетел листок с записями. По сорту бумаги — это был листок из тетради — и по чернилам можно было датировать документ как не слишком старый. Он, скорее всего, относился к последним годам жизни Ингольфа. Краем глаза я увидел запись “Провэн 1894” и был потрясен. Вы можете вообразить, какие чувства овладели мною. Я понял, что оригинал, пергамент, Ингольф увез в Париж, а дома он оставил копию. Я не колебался ни минуты. Мадмуазель Ингольф протирала эти книги годами, но она никогда не видела листка — иначе бы о нем упомянула. Прекрасно, она его никогда и не увидит. Мир делится на тех, кто выигрывает, и тех, кто проигрывает. Я мою долю проигрыша уже получил сполна. Известно, как надо обходиться с удачей — хватать ее за чуб. Я отправил листок в карман. Я откланялся милейшей старшей даме, сказавши ей, что ничего достойного не обнару-

жил, но что ее отца я упомяну, если соберусь написать что-нибудь, и она меня благословила на прощанье. Господа, человек действия, человек, пожираемый страстью, которая пылает в моей груди, не испытывает слишком больших моральных затруднений пред лицом серого и жалкого существа, обиженного природой.

— К чему оправдываться, — сказал Бельбо. — Взяли так взяли. Рассказывайте же.

— Я покажу вам этот текст. С вашего позволения, ксерокопию. Не от недоверия. Чтобы не трепать оригинал.

— То, что переписал Ингольф, не оригинал, — сказал я, — а копия с предполагаемого оригинала.

— Господин Казобон, когда оригиналы все уничтожены, оригиналом становится последняя копия.

— Но Ингольф мог скопировать неправильно.

— Вы прекрасно знаете, что не мог. А я знаю, что записи Ингольфа передают истину, потому что в противном случае не вижу, что тогда должно считаться истиной. Следовательно, копия, сделанная Ингольфом, — оригинал. Есть у нас согласие по этому поводу или будем заниматься интеллигентским крохоборством?

— Только не крохоборство! — отвечал Бельбо. — Посмотрим вашу оригинальную копию.

После смерти Божо орден ни на минуту не переставал существовать, и нам известна, с момента смерти Омона, непрерывная последовательность Великих Магистров Ордена с тех пор и до наших дней, и даже если имя и местонахождение истинного Великого Магистра, так же как имена и местонахождение Истинных Старшин, управляющих орденом и заведующих его возвышенной деятельностью, остаются в секрете, открытом только для немногочисленных посвященных, содержащемся в глубочайшей тайне, это из-за того, что время ордена еще не настало и час еще не пробил...

Рукопись 1760 года, цит. по: Г. А. Шиффман,
*Образование рыцарской степени в франкмасонстве
в середине XVIII столетия.*

G.A.Schiffmann, *Die Entstehung der Rittergrade
in der Freimauerei um die Mitte des XVIII Jahrhunderts,*
Lipsia, Zechel, 1882, pp. 178—190

19

Это была первая наша встреча с Планом. В тот день я мог бы оказаться в совершенно другом месте. Если бы в тот день я не встретился на улице с Бельбо, сейчас бы я мог... Мог продавать на базаре в Самарканде кунжутное семя. Готовить в печать издания классической литературы для слепых по Брайлю. Возглавлять филиал Ферст Нейшнл Бэнк на Земле Франца-Иосифа... Условно-противительные предложения с ирреальной посылкой всегда истинны, благодаря тому что ирреальна предпосылка. Но в тот день я был не где-нибудь, а там, так что теперь я действительно здесь.

Театральным жестом полковник выкинул на стол листок. Он до сих пор хранится среди моих бумаг, в целлофановой корочке, пожелтевший, полинявший по сравнению с тем разом — ксерокопии делались в ту пору на специальной термической бумаге. На листочке было две записи — вверху мелкая и частая, ниже что-то вроде стихотворения, строчки в столбик.

Первый отрывок содержал демонские заклинания на каком-то псевдосемитском языке:

Kuabris Defrabax Rexulon Ukkazaal Ukzaab Urpaefel
Taculbain Habrak Hacoruin Maquafel Tebrain Hmcatuin
Rokasor Himesor Argaabil Kaqaan Docrabax Reisaz
Reisabrax Decaiquan Oiquaquil Zaitabor Qaxaop Dugraq

Xaelobran Disaeda Magisuan Raitak Huidal Uscolda Ara-
baom Zipreus Mecrim Cosmae Duquifas Rocarbis

— Я не все понял, — сказал Бельбо.

— Ах, не все? — ядовито переспросил полковник. — Да я бы всю жизнь просидел над этой штукой, если бы однажды, совершенно случайно, я не увидел на книжном развале книгу о Тритемии и мне не попался бы на глаза образец одного из шифров: “Pamersiel Oshurmy Demulson Thaf-
loyn...” Это был след, и я начал копать в глубину. Имя Тритемия мне ничего не говорило, но в Париже я разыскал издание его труда “Стеганография (тайнопись)” — “Steganographia, hoc est ars per occultam scripturam animi sui voluntatem absentibus aperiendi certa”, Франкфурт, 1606. Искусство открывать при помощи тайнописи секреты своей души далеким людям. Великолепная личность, этот Тритемий. Бенедиктинский аббат из Шпаннгейма, живший на рубеже пятнадцатого и шестнадцатого веков, ученый человек, знавший в совершенстве еврейский и халдейский языки, а также восточные языки, такие как татарский, имевший контакты с теологами, каббалистами, алхимиками, несомненно с великим Корнелием Агриппой Неттесгеймским и вероятно с Парацельсом... Тритемий маскирует свои откровения относительно тайнописи с помощью туманных намеков на ритуалы некромантов, он говорит, что следует составлять шифрованные послания наподобие того, которое сейчас перед вашими глазами, а адресат в первую очередь должен будет вызывать ангелов, таких как Памерсиель, Падиель, Доротиель и прочие, и ангелы помогут ему понять истинное сообщение. Однако примеры, которые он приводит, сплошь и рядом представляют собой военные корреспонденции, а книга посвящается палатинскому графу и герцогу баварскому Филиппу и представляет собой один из первых учебников шифрования, того типа, которым пользуются в секретных спецслужбах.

— Но прошу прощения, — вмешался я. — Если я вас верно понял, Тритемий жил по меньшей мере сто лет спустя после даты составления записи, которую мы разбираем...

— Тритемий был членом Кельтского Единства, в котором изучались философия, астрология, пифагорейская математика. Улавливаете связь? Тамплиеры — секрет-

ный орден, наука которого восходит, в частности, к мудрости древних кельтов, что в наши дни не требует доказательства. Не удивительно, что Тритемию стали известны те же криптографические системы, которыми пользовались тамплиеры.

— Очень логично, — сказал Бельбо. — А расшифровка тайного послания, как она выглядит?

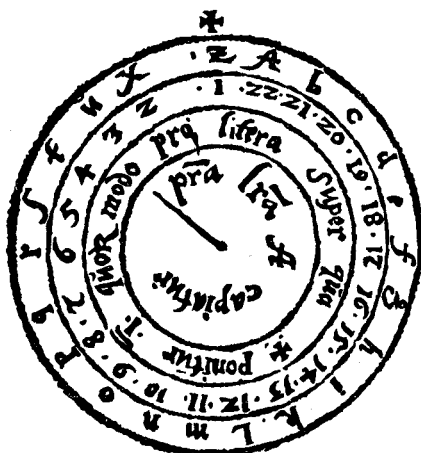
— Одну минуточку, господа. Тритемием опубликовано сорок больших и десять меньших криптосистем. Мне повезло, а может быть, тамплиеры из Провэна не стали особенно мудрить, будучи уверенными, что никто не подберет ключа к их шифру. Я попробовал применить первую же из сорока больших криптосистем, то есть отправился от гипотезы, что в этом тексте имеют значение только первые буквы слов...

Бельбо взял в руку листок и бросил взгляд на надпись: — Но и в этом случае выходит набор букв без всякого смысла: kdruuuth...

— Разумеется, — снисходительно процедил полковник. — Тамплиеры не собирались особенно мудрствовать, но они не были такими уж невероятными лентяями. Этот первый набор букв является в свою очередь очевидной шифровкой, и тут я моментально подумал о втором подразделе, о десятке меньших криптосистем. Видите ли, в этом втором подразделе Тритемий использует концентрические круги, и первый по порядку чертеж у Тритемия таков...

Он вытащил из своей красной папки еще одну ксерокопию, пододвинул стул поближе к столу и начал показывать последовательность чтения, касаясь букв закрытой шариковой ручкой.

— Это самая простая из всех схем. Смотрите только на внешний круг. Берем каждую букву исходного сообщения и заменяем предыдущей буквой алфавита. Вместо А пишем Z, вместо В пишем А и так далее. Для профессионального разведчика это детсадовский уровень, но в те времена считалось чуть ли не чернокнижием. Разумеется, для чтения используется обратный принцип и каждую букву шифровки надо заменять следующей буквой алфавита. Я попытался и, повторяю, мне невероятно повезло — шифр был угадан с первой же попытки. Вот конспиративный текст.

И он написал фразу: “Les XXXVI invisibles separez en six bandes” — “Тридцать шесть невидимых, разделенных на шесть отрядов”.

— А что это значит?

— На первый взгляд ничего. Это девиз, обрядовая формула, объявляющая об основании общества и записанная потайным языком, по ритуальным соображениям. В остальном же наши тамплиеры, будучи уверенными, что помещают свои записи в недостижимый тайник, ограничились французским языком четырнадцатого столетия. Вот перед вами второй текст.

*a la ... Saint Jean
 36 p charrete de fein
 6... entiers avec saiel
 p... les blancs mantiax
 r... s... chevaliers de Pruins pour la ... j. nc.
 6 foiz 6 en 6 places
 chascune foiz 20 a ... 120 a...
 iceste est l'ordonation*

*al donjon li premiers
 it li secunz joste iceus qui ... pans
 it al refuge
 it a Nostre Dame de l'altre part de l'iau
 it a l'ostel des popelicans
 it a la pierre
 3 foiz 6 avant la feste ... la Grant Pute.*

— Это, стало быть, нешифрованное сообщение? — спросил Бельбо и хихикнул.

— Совершенно ясно, что, переписывая текст, Ингольф ставил точки там, где не мог разобрать буквы или слова, то есть на тех местах, где пергамент был испорчен... И теперь, господа, я наконец ознакомлю вас с моей собственной версией, в которую введены конъектуры, осмелюсь заявить, блестящие и безупречные. Я сумел возратить древнему тексту его первоначальное великолепие. Вот он перед вами.

Быстрым жестом, как фокусник, он перевернул ксерокопию и мы увидели несколько строк, написанных печатными буквами.

A LA (NUIT DE) SAINT JEAN
 36 ((ANS) P(OST LA) CHARRETTE DE FOIN
 6 (MESSAGES) ENTIERS AVEC SCEAU
 P(OUR) LES BLANCS MANTEAUX
 R(ELAP)S(I) CHEVALIERS DE PROVINS POUR LA (VEN)J(A)NC(E)
 6 FOIX 6 EN 6 PLACES
 CHACUNE FOI 20 A(NS FAIT) 120 A(NS)
 CECI EST L'ORDONNATION:
 AU DONJON LES PREMIERS
 IT(ERUM) LES SECONDS JUSQU' A CEUX QUI (ONT?) PAINS
 IT(ERUM) AU REFUGE
 IT(ERUM) A NOTRE DAME DE L'AUTRE PART DE L'EAU
 IT(ERUM) A L'HOTEL DES POPELICANS
 IT(ERUM) A LA PIERRE
 3 FOIX 6 AVANT LA FETE (DE) LA GRANDE PUTAIN

— Я приблизил орфографию к нашему времени. Как видите, текст стал вполне постижим и означает следующее:

В НОЧЬ СВЯТОГО ИОАННА
ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ ПОСЛЕ СЕННОГО ВОЗА
ШЕСТЬ ПОСЛАНИЙ ПОД ЦЕЛЫМИ ПЕЧАТЯМИ
ДЛЯ РЫЦАРЕЙ В БЕЛЫХ МАНТИЯХ
УПОРСТВОВАВШИХ В ПРОВЭНЕ РАДИ МЩЕНИЯ
6 РАЗ ПО 6 В 6 КРАЕВ
ВСЯКИЙ РАЗ ПО 20 ЛЕТ ВСЕГО 120 ЛЕТ
ВОТ ПЛАН:
ПЕРВЫЕ ПОЕДУТ В ЗАМОК
ЗАТЕМ (ВНОВЬ ЧЕРЕЗ 120 ЛЕТ) ВТОРЫЕ СОЕДИНЯТСЯ С ТЕМИ,
КТО У ХЛЕБА
ЗАТЕМ СНОВА В УБЕЖИЩЕ
ЗАТЕМ СНОВА К НАШЕЙ ГОСПОЖЕ ЗА РЕКОЙ
ЗАТЕМ СНОВА В ПРИЮТ ПОПЛИКАН
ЗАТЕМ СНОВА К КАМНЮ
3 РАЗА ПО 6 (666) ПЕРЕД ДНЕМ ВЕЛИКОЙ БЛУДНИЦЫ

— Светло как ночью, — подытожил Бельбо.

— Конечно, это нуждается в толковании. Но Ингольф несомненно сумел разгадать все шарады. Точно так же как сумел я. Смысл менее загадочен, чем кажется, для тех, кто не новичок в истории этого ордена.

Повисло молчание. Полковник попросил стакан воды. Снова взялся за свою запись, начиная с первого слова.

— Итак. Ночью святого Иоанна, через тридцать шесть лет после сенного воза. Тамплиеры, избранные для сохранения секретов ордена, спасаются от ареста в сентябре 1307 года, укрывшись в повозке с сеном. В ту эпоху года отсчитывались от Пасхи до Пасхи. Значит, 1307 год кончается приблизительно тогда, когда по нашим понятиям была Пасха 1308-го. Попробуйте отсчитать тридцать шесть лет после конца 1307-го (то есть после нашей Пасхи 1308-го) — что это нам даст? Год 1344-й. Условленные тридцать шесть лет прошли, 1344 год настал, и грамоту торжественно поместили в крипту, укрыв в драгоценный ларец, в знак вечной памяти об основании тайного ордена, в ночь святого Иоанна — то есть 23 июня 1344 года.

— Почему 1344-го?

— Я полагаю, что с 1307-го по 1344-й орден перестроивался и вырабатывал программу, к исполнению ко-

торой было приступлено именно в день, указанный на этой хартии. Надо было выждать, пока обстановка придет в норму, а также установятся стабильные связи между тамплиерами пяти или шести стран. С другой стороны, тамплиеры выжидают именно тридцать шесть лет, а не тридцать пять или тридцать семь, потому что цифра тридцать шесть определенно обладает для них мистической силой. Это подтверждается и в зашифрованной записке. Внутренняя сумма тридцати шести составляет девять... Не знаю, должен ли я напоминать вам сокровенные значения этой цифры...

— Мне можно? — послышался из-за наших спин тихий голос Диоталлеви, бархатный, как побежка провэнских тамплиеров.

— Это из твоей оперы, — подвинулся Бельбо, освобождая место сесть. Он бегло представил нового собеседника, появление которого, кажется, вовсе не смутило полковника, жаждавшего многочисленной и внимательной аудитории. Он продолжил объяснение, а Диоталлеви впитывал, просто-таки исходя слюной от нумерологических разнослов. Чистой воды Гематрия.

— Перейдем теперь к печатям, — продолжал полковник. — *Шесть посланий под целыми печатями. Ингольф* как раз и находит ларчик, вероятнее всего запечатанный. Кому же адресовались запечатанные ларчики? Белым Накидкам, то есть — тамплиерам. Затем мы видим в послании букву r, несколько вытертых букв, а затем s. Я предлагаю читать "relapsi". Почему? Потому что мы все знаем, что этот термин употреблялся для обозначения лиц, которые на процессе прежде калялись, а потом брали обратно показания. Фактор рецидива немало повлиял на тяжесть приговора в процессе над тамплиерами. Тамплиеры из Провэна носят прозвище отреченцев с гордо поднятой головой. Актом отречения они подчеркнули, что не желают иметь ничего общего с позорной комедией процесса. Итак, речь идет о relapsi из Провэна, готовых... к чему? Те немногие буквы, которые имеются в нашем распоряжении, подсказывают прочтение "vainjance" к вендетте, к отмщению.

— Отмщение кому?

— Господа! Вся мистика тамплиеров, от дня суда и казни и до настоящего времени, тяготеет вокруг желания ото-

мстить за Жака де Молэ. Я невысокого мнения о масонских ритуалах, но и масоны, эта мешчанская карикатура на рыцарственное храмовничество, как бы то ни было — тоже детища, хотя и выморочные, давней, древней идеи. Одна из степеней масонства по шотландскому обряду называется Рыцарь Кадош, по-еврейски это рыцарь мщениия...

— Хорошо, тамплиеры готовятся отомстить. Что же происходит после?

— После... надо нам понять, на какой период рассчитан план отмщения. Обратимся к зашифрованному девизу, и он разъяснит нам нешифрованный текст. Пусть появятся шесть паладинов шесть раз в шести местах, итого тридцать шесть, разделенных на шесть отрядов. Потом говорится “Всякий раз двадцать”, а потом идет что-то, что в передаче Ингольфа напоминает букву А. ANNO — год, всякий раз по двадцать лет, догадался я, что даст сто двадцать лет. Остальное сообщение содержит попросту список этих шести мест или же шести тайных заданий. Рыцарям дается ordonation — план, проект, информация к исполнению. Говорится, что первые должны будут следовать в донжон, или укрепление, замок, вторые еще куда-то, и так вплоть до шестых. Значит, документ оповещает нас о том, что должны где-то иметься еще шесть документов, охраняемых печатями, укрытых в различных местах. И мне кажется очевидным, что печати должны были вскрываться именно в указанном порядке, каждая через сто двадцать лет после вскрытия предыдущей...

— Но почему “всякий раз двадцать лет”? — спросил Диоталлеви.

— Рыцари мщениия были призваны исполнять свою миссию каждые сто двадцать лет в предуказанном Планом месте. Таким образом запрограммирована своего рода эстафета. Понятно, что после Ивановой ночи 1344 года шесть кавалеров разъезжаются по шести концам земли, как предусмотрено в Плане. Но хранитель первой печати, естественно, не может оставаться в живых в течение ста двадцати лет. Значит, каждый хранитель каждой печати должен оставаться на посту двадцать лет, после чего передоверить свое служение следующему. Двадцать лет — разумный срок, таким образом, у каждой печати череду-

ются шесть хранителей, из которых каждый несет стражу по двадцать лет, что является гарантией того, что в конце сто двадцатого года хранитель печати вскрыет ее, прочтет инструкцию и передаст указания первому хранителю второй печати. Вот почему в документе употреблено множественное число, первые пусть едут туда, вторые сюда... Каждое место контролируется, скажем так, за сто двадцать лет шестью ответственными. Посчитайте: от первой до шестой печати имеется пять переходов, то есть должно пройти шестьсот лет. Прибавьте к 1344 шестьсот — и выйдет 1944. Это подтверждено в частности и последней строчкой. Ясно как день.

— Почему как день?

— В последней строке говорится: “три раза по шесть перед днем Великой Блудницы”. Здесь, в частности, учтен нумерологический аспект, потому что внутренняя сумма 1944 дает как раз восемнадцать. Восемнадцать равно трижды шести, и это новое примечательное совпадение натолкнуло тамплиеров на еще одну тончайшую загадку. 1944 — год, когда должен увенчаться План. В предвидении чего? Разумеется, двухтысячного года! Тамплиеры полагали, что конец второго тысячелетия будет означать пришествие их Нового Иерусалима, Иерусалима земного, Антииерусалима. Они видели себя гонимыми как еретики — и в законной ненависти к официальной церкви сыдентифицировали себя с Антихристом. Кроме того, им известно, что 666 в оккультной традиции отождествляется с апокалиптическим Зверем. Год шестьсот шестьдесят шестой — год Зверя — для них это двухтысячный, в который наконец должно восторжествовать мщение за тамплиеров. Антииерусалим — это Новый Вавилон, и поэтому 1944-й — это год триумфа Великой Любодеицы, той самой, о которой говорится в Апокалипсисе! Отсчет на основании числа 666 — это, конечно, вызов, бравада отважных духом... Неординарное решение, вы согласны?

Он глядел на нас влажноватыми глазами, губы и усы увлажнились, руки поглаживали папку.

— Допустим, — сказал Бельбо. — Здесь указываются этапы исполнения Плана. Но какого?

— Вы слишком много от меня хотите. Если бы я знал

какого — не забрасывал бы свою наживку. Я знаю только одно. Что в какой-то момент произошел сбой, и программа не завершилась, иначе, позвольте вас уверить, мы с вами об этом бы знали... Можно даже представить себе почему План не состоялся. 1944-й был не самым простым годом, тамплиеры не могли тогда предполагать, что мировая война так перепутает карты, затруднив перемещения и контакты между отдельными лицами.

— Простите, что я вмешиваюсь, — послышался голос Диоталлеви. — Если я правильно понял, после вскрытия каждой печати династия ответственных за нее не исчезает. Она продолжает свое служение впредь до вскрытия последней печати, поскольку тогда потребуются участие всех вообще представителей тайного ордена? И это значит, что каждое столетие, точнее каждые сто двадцать лет, в деле участвуют по шесть человек на каждое место, итого общей суммой тридцать шесть.

— Так точно, — подтвердил Арденти.

— Тридцать шесть кавалеров на каждом из шести постов составляют 216, внутренняя сумма этого числа равна 9. А так как столетий 6, умножим 216 на 6 и получим 1296, внутренняя сумма которого равна 18, то есть трижды шесть — шестьсот шестьдесят шесть...

Бельбо старался остановить Диоталлеви взглядом, но полковник, несомненно, уже признал в нем родную кровь. — Это чудесно, восхитительно, все, что вы сказали, коллега! Учтите также, что девять лежит в основании всего, потому что именно девять рыцарей основали ядро ордена в Иерусалиме!

— Великое Имя Господне, представленное в тетраграмматоне¹, состоит из семидесяти двух букв, а семь плюс два составляют собой девять. Еще минуточку, если позволите. Согласно пифагорейской традиции, которую Каббала продолжает (вернее, которую вдохновляется), сумма нечетных чисел от одного до семи дает шестнадцать, а сумма четных от двух до восьми дает двадцать, что в сумме составляет тридцать шесть.

— Боже мой, коллега, — вибрировал полковник. — Я

¹ Тетраграмматон (греч.) — непризнанное четырехбуквенное имя Бога в Торе.

предполагал, я догадывался. Как вы мне помогаете, если бы вы знали... Я так близок к истине!

Так я и не понял, была ли для Диоталлеви арифметика верой или вера арифметикой, или же верно и то и другое — для атеиста, организовавшего экскурсию на седьмое небо... Он мог бы отдаться рулеточной религии (и было бы перспективнее для него) — а предпочел стать неверующим раввином.

Не помню уж как мы вышли из положения, вмешался Бельбо со своим пьемонтским здравым смыслом, все вспомнили, что полковник не объяснил до конца остальные строчки, а было уже шесть вечера. Шесть, подумал я, вернее сказать, восемнадцать...

— Хорошо, — сказал Бельбо. — По тридцать шесть за раз, все эти кавалеры стараются открыть камень. Но что это за камень?

— Ну знаете! Это и спрашивать незачем. Разумеется, Грааль!

Средневековые ожидало героя Грааля, благодаря чему глава Священной Римской империи предстал бы образом и воплощением самого Властителя Мира... Невидимый Император превращался в то же время в Императора воплощенного, а Серединная Эпоха... становилась также Эпохой Центральной... Невидимый, недостижимый центр, властитель, которому предстоит воскресение, образ героя- мстителя и восстановителя — это не фантазии мертвого прошлого, более или менее романтического; это истина тех, кто единственные в наше время сегодня могут по праву именоваться живыми.

Юлиус Эвола, *Тайна Грааля*.
Julius Evola, *Il mistero del Graal*,
Roma, Edizioni Mediterranee, 1983, с. 23 e Epilogo

20

— А, так тут не без Грааля, — вздохнул Бельбо.

— Разумеется. И это сказано не мной. Думаю, излишне напоминать здесь историю легенды о Граале, я имею дело с достаточно образованными людьми. Рыцари круглого стола, мистический поиск волшебного предмета, который в глазах одних представляет собою кубок, принявший в себя кровь Христа и доставленный во Францию Иосифом Аримафейским, в глазах других — камень, обладающий сверхъестественной силой. Часто Грааль описывают и в виде ослепительного света... Речь идет о символе силового поля, какой-то энергии неслыханной мощности. Она способна питать организмы, залечивать раны, ослеплять, испепелять. Что это? Лазерный луч? Кое-кто предполагал, что Грааль — то же, что философский камень алхимиков, но даже если это так, одно другого не исключает: что есть философский камень как не символ источника космической энергии? Литература по этому вопросу необъятна, однако на первом плане прежде всего некоторые неопровержимые доказательства. Почитайте “Парцифаль” Вольфрама фон Эшенбаха, и вы убедитесь, что Грааль в этой книге сберегается в замке тамплиеров! Может быть, Эшенбах был посвящен в орден? По неосторожности выболтал то, о чем следовало хранить тайну? Мало того. Этот охраняе-

мый храмовниками Грааль определяется в книге как lapis exillis — камень, упавший с неба. То есть на самом деле возможны два толкования: упавший с неба — ex coelis или привезенный из изгнания — ex exilio. В любом случае доставлен он издалека. Были предположения, что Грааль — метеорит. В любом случае то, что нас интересует, сказано ясно: это камень. Чем бы ни был Грааль на самом деле, для тамплиеров он — и предмет и цель их Плана.

— Извините, — вмешался я. — По логике этого документа, там назначается последняя встреча около камня или на камне, а не предлагается найти камень.

— Еще одна хитроумная уловка и блистательная мистическая аналогия! Да, конечно, шестое свидание назначено на камне, и сейчас мы дойдем до этого места и увидим, о каком камне речь. Но на этом камне, исполнив все этапы Плана и взломав шестую печать, Рыцари узнают, где же находится их Камень! Учтем и евангельскую параллель — “Ты есть Камень и на этом камне... На камне вы найдете Камень”.

— Теперь мы понимаем, что иначе быть не могло, — подвел итоги Бельбо. — Рассказывайте же конец, прошу вас. Казобон, не надо перебивать все время. Очень хочется услышать конец этой истории.

— Так вот, — начал вновь полковник, — очевидная связь с Граалем навела меня на мысль, что сокровище, о котором идет речь, — это колоссальное хранилище радиоактивных материалов, может быть, занесенных с других планет. Подумайте, например, в той же самой легенде, о таинственной ране короля Амфортаса... Больше всего напоминает физика, получившего облучение. И действительно, Грааль запрещено касаться. Почему? Подумайте только, какие чувства, должно быть, охватили тамплиеров, когда они достигли берега Мертвого моря, вы, конечно, знаете, что вода в этом море тяжелая, смолянистая, тело болтается на поверхности, как пробка, и доказано целебное влияние этой воды. Они могли обнаружить в Палестине залежи радия или урана и осознали, что не в состоянии сразу же использовать их. Связь между Граалем, храмовниками и катарами была научно доказана одним немецким офицером, кстати, человеком огромной личной храбрости. Его звали Отто

Ран, оберштурмбаннфюрер СС, посвятивший всю жизнь кропотливому исследованию европейской и арийской природы Грааля. Не имеет смысла рассказывать, как и почему его жизнь в 1939 году оборвалась, но и тут есть место предположениям... Можно ли скинуть со счетов пример смерти Ингольфа? Ран проследил взаимосвязь Золотого Руна аргонатов и Грааля. В общем, совершенно ясно, как сопрягаются между собой мистический Грааль из легенды, философский камень и тот источник неограниченного могущества, к которому стремились люди, верные идеалам Гитлера, с самого кануна войны и до последней капли крови. Скажу вам еще, что в одном из вариантов легенды аргонавты наблюдают чашу — повторяю, чашу — зависшую над Мировой Горой, где растет Дерево Света. Аргонавты находят Золотое Руно, и их корабль чудодейственно переносится на Млечный Путь, в небеса южного полушария, где в окружении созвездий Креста, Треугольника и Алтаря торжествует и утверждает световую природу Бога. Треугольник символизирует Троицу, Крест — высочайшее самопожертвование во имя любви и, наконец, Алтарь — это стол Вечери, несущий на себе Кубок Воскресения. Несомненно кельтское, чисто арийское происхождение этих образов.

Полковник, по-видимому, находился в той же самой героической экзальтации, как та, которая довела до высочайшего самопожертвования его любимого оберштурмундранга, или как его к чертям звали. Приходилось вернуть полковника к грубой действительности.

— Приблизимся к выводам, — предложил я.

— Господин Казобон, вы что, сами не в состоянии сделать выводы? Речь велась о Граале как о Люциферовом камне, этот образ сближался с фигурой Бафомета. Грааль представляет собой источник энергии, тамплиеры — хранители тайны неисчерпаемой энергии, вот они и намечают свой суперсекретный план. Каковы их опорные пункты? Тут-то, уважаемые господа, — и полковник окинул нас многозначительным взглядом, как будто мы конспирировались с ним в одну шайку, — я расследовал одну версию, ошибочную, но нужную. Один сочинитель, который, надо думать, каким-то образом оказался в курсе некоторых тай-

ных данных, по имени Шарль-Луи Каде-Гассикур (в частности, его сочинение имелось и в библиотеке Ингольфа), в 1797 году издал труд под названием “Гробница Жака де Молэ, или Тайна заговорщиков, стремившихся знать все”, где он утверждает, что Молэ перед смертью основал четыре тайных общества — в Париже, в Шотландии, в Стокгольме и в Неаполе. Эти четыре ложи якобы имели своей целью уничтожить всех коронованных особ и свергнуть власть римского папы. Безусловно, Гассикур перегибает палку, но я использовал общие очертания его идеи для того, чтоб установить, где же на самом деле тамплиеры собирались разместить свои опорные пункты. Я не мог бы разгадать загадки их заветания, если бы у меня отсутствовала руководящая идея... само собой разумеется. Но она у меня была, и она состояла в уверенности, основанной на бесчисленных очевидных фактах, что природа храмовничества — кельтская, друидическая по происхождению — содержала в себе дух северного арийства, который по традиции обычно сопрягается с островом Авалон, центром подлинной гиперборейской цивилизации. Вы, конечно, знаете, что у различных авторов Авалон отождествляется то с садом Гесперид, то с Последней Туле, то с Колхидой Золотого Руна. И совсем не случайно, что самая почетная рыцарская награда в истории носит имя Золотое Руно. Таким образом, становится понятно, что закодировано под обозначением “донжон”, замок. Гиперборейский замок, в котором тамплиеры охраняли свой Грааль, — то же самое, что Монсальват легенды!

Он выдержал паузу. Он хотел, чтоб мы впились в него выжидательным взором. Мы впились.

— Теперь второе указание. Хранители печати должны отправиться туда, где имеется некто или нечто связанное с хлебом. Этот адрес сам по себе довольно ясен. Грааль — чаша с кровью Христовой, хлеб — плоть Христа, место причащения хлебу — место, где состоялась Тайная Вечеря, то есть Иерусалим. Невозможно допустить, чтобы тамплиеры, после сарацинского завоевания, не сохранили за собой в Иерусалиме какие-то тайные явки. Честно говоря, поначалу меня беспокоило вторжение иудейского элемента в План, выдержанный целиком в духе арийской мифологии. Потом

же я, продумав эту позицию, пришел к выводу, что мы напрасно продолжаем представлять себе Христа порождением иудейской религиозности, как хотела бы представить это римская церковь. Тамплиеры же придерживались мнения, что Иисус — это кельтский миф. Все евангельское повествование — это герметическая аллегория возрождения, приходящего на смену растворению в недрах земли, и так далее и тому подобное. Христос есть не что иное как Эликсир алхимиков. С другой стороны, как всем известно, Троица — арийское представление, и именно поэтому уложение храмовничества, составленное испытанным друидом, каким был святой Бернад, основывается на цифре три.

Полковник выпил большой глоток воды. Голос его звучал хрипло. — Перейдем же к третьему этапу. Убежище. Тибет.

— Почему Тибет?

— Потому что прежде всего, фон Эшенбах говорит, что тамплиеры оставили Европу и перенесли свой Грааль в Индию. Колыбель арийства. Убежище — это Агарта, местожительство правителя всего мира, подземный город, в котором Старшины Мира определяют историю человечества и повелевают ею. Тамплиеры разместили один из своих опорных пунктов там, у самых источников собственной духовной силы. Вам известны взаимосвязи между царством Агартой и Синархией...

— Честно сказать, не вполне...

— Лучше для вас. Некоторые знания могут быть смертельны. Не станем отклоняться. В любом случае, всем известно, что Агарта была основана шесть тысяч лет назад, на заре эры Кали-Юга, в которой мы пребываем до сих пор. Задачей рыцарских орденов искони было поддержание контактов с этим таинственным центром, активный взаимообмен между мудростью Востока и мудростью Запада. И таким образом ясно, где намечалась состояться четвертая встреча. В другом святилище друидов, в городе Девы — то есть в Шартрском соборе. Шартр по отношению к Провэну располагается на другом берегу крупнейшей реки Иль-де-Франса — Сены.

Мы не поспевали за нашим гуру. — Но каким образом попадает Шартр в ваш кельтский друидический маршрут?

— А вы как думаете, откуда происходит образ Приснодевы? Первые девственницы, появившиеся в Европе, это Черные Девы кельтов. Святой Бернард в молодости преклонял колена в церкви в Сен-Вуарле перед Черной Девой, и у той из сосцов выделились три капли молока и упали на губы будущего основоположника тамплиеров. Отсюда повелись романы о Граале как прикрытие для крестовых походов и начались крестовые походы как прикрытие для поисков Грааля. Что бенедиктинцы — духовные наследники друидов, это известно всем.

— Но где же находятся эти черные девы?

— Их уничтожили те, кому выгодно было извратить северную традицию и преобразить кельтскую религиозность в религиозность средиземноморскую, используя придуманный ими же миф о Марии Назаретянке. Тех, которые не удалось уничтожить, замаскировали, обезобразили — таковы те черные мадонны, которые и в наши дни часто являются предметом массового фанатичного поклонения. Однако если вы примете всерьез святые изображения в соборах, как принял знаменитый Фульканелли, вы увидите, что они открытым текстом передают взаимосвязь между кельтскими девами — и алхимической традицией тамплиерского происхождения, которая видит в черной деве символ первородного вещества, с которым работали искатели философского камня, который в свою очередь, как мы уже знаем, не что иное как Грааль. Теперь призадумайтесь, из каких источников черпал вдохновение знаменитый выученик друидов Магомет, заложив черный камень в Мекке? В Шартре кому-то понадобилось замуровать крипту, которая ведет в подземную молельню, где до сих пор находится древняя языческая статуя, а если хорошо поискать, в этом соборе можно найти и Черную деву Нотр-Дам дю Пиллье, высеченную каноником-одинистом. Статуя имеет в руке магический цилиндр великих жриц бога Одина, а слева от нее высечен магический календарь, на котором были изображены — я говорю были, потому что эти скульптуры не избежали разрушения от рук вандалов — правоверных каноников, были изображены священные животные единства, собака, орел, лев, белый медведь и вурдалак. С другой стороны, ни от кого, кто интересуется готическим эзотеризмом, не укрылось, что

там же в Шартре находится статуя, держащая в руках чашу Грааля. Эх, господа, если бы до сих пор было принято видеть Шартрский собор не в том свете, в котором его пытаются представлять туристские путеводители, католические, апостолические, римские, а глазами Предания, ту истинную историю, которую рассказывает эта крепость Эрец..

— Но надо переходить к попликанам.

— Да. Катары. Один из терминов для обозначения еретиков. Павликиане, или попликане. Провансальских катаров к тому времени уничтожили, я не настолько наивен, чтобы верить в пресловутый слет на руинах Монсегиора. Однако секта не погибла, мы располагаем всей географией подпольного катаризма, из которого произошли и Данте, и поэты Дольче Стиль Нуово, и секта Преданных Любви. Значит, пятая назначенная встреча имела место где-то в северной Италии либо в южной Франции.

— А последняя?

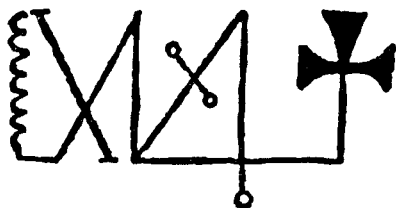
— Камень? Что же это может быть если не самый старый, самый славный, самый крепкий из всех кельтских камней, святилище солярных божеств, лучшая из обсерваторий, в которой соберутся для завершения Плана потомки провэнских тамплиеров и сопоставят, на своем великом съезде, все тайны, скрытые под всеми шестью печатями, и в конце концов откроют способ использования бесконечного могущества, которое связано с владением Святым Граалем? Конечно, это Англия, это магическая окружность Стонхенджа! Что же еще?

— Что вы говорите! (O basta là) — вырвалось тут у Бельбо. Только другому пьемонтцу доступно все богатство переливов, которые включает уроженец Пьемонта в это выражение вежливого удивления. Никакие эквиваленты на других языках и диалектах (non mi dica, dis donc, are you kidding) не передают тот царственный фатализм, с которым он приемлет свою участь: продолжать диалог при полной убежденности в том, что его собеседник является непоправимой ошибкой природы.

Но полковник был не пьемонтец, и реакция Бельбо его порадовала.

— Да, представьте себе! Вот вам План, вот вам Приказ в его невероятной простоте, до чего просчитано! И еще до-

казательство. Прочертите на карте Европы и Азии их маршрут, от севера, где находится Замок, к Иерусалиму, от Иерусалима к Агарте, от Агарты к Шартру, от Шартра на берега Средиземноморья, а оттуда в Стонхендж. У вас получится вот такая руна.

— Ну и что? — спросил Бельбо.

— Это та же руна, которая в идеале связует все главные центры тамплиерского эзотеризма, Амьен, Труа, вотчину святого Бернарда, окраины Восточного леса, Реймс, Шартр, Ренн-ле-Шато, Мон-Сен-Мишель (это древнейший центр друидического культа). И подумайте! То же очертание имеет и созвездие Девы!

— Мое знакомство с астрономией очень дилетантское, — робко вмешался Диоталлеви, — но помнится, что Дева имеет иное начертание и состоит, если только не ошибаюсь, из одиннадцати звезд.

Полковник снисходительно засмеялся. — К чему эти придирки, господа. Всем вам отлично известно, сколь многое зависит от того, как провести линию, чтоб получился воз или медведица, и до чего тяжело бывает решать, должна ли звезда оставаться вне начертания или она будет частью созвездия. Перечертите заново Деву, включите в нее Колос в качестве самой нижней точки, в направлении провансальского берега, сократите число звезд до пяти, и вас поразит сходство этого созвездия с нашей руной.

— Только не перепутать, какие звезды надо выкидывать, — пробормотал Бельбо.

— Вот-вот, — радостно подтвердил полковник.

— Послушайте, — спросил тогда Бельбо, — почему вы исключаете, что встречи регулярно происходили и что рыцари уже приступили к своему делу, только нас об этом не поставили в известность?

— Нет, я не вижу признаков подобного, и позвольте мне добавить “к несчастью”. Цепочка оборвалась; тех, которым было предназначено завершить ее, скорее всего уже нет на этом свете. Отряды тридцати шести рассеялись в результате какой-то планетарной катастрофы. Но некая группа, некий отряд, располагающий правильной информацией, мне кажется, мог бы и подхватить оборванные судьбой нити. Я ищу правильных людей. Для этого я хочу опубликовать свою книгу — чтобы стимулировать их активность. В то же время мне хотелось бы встретиться и с теми, кто способен помочь мне найти какие-либо подсказки в дебрях традиционной науки. Сегодня я встречался с крупнейшим экспертом по данному вопросу. Однако, увы, хотя речь идет о мировом светиле, он не смог сообщить мне ничего, хотя и явно заинтересовался моей работой и обещал написать предисловие...

— Но извините, — перебил его Бельбо. — Не было ли опасно делиться подобной тайной с этим господином? Вы ведь сами говорили о неосторожности Ингольфа и чем это кончилось...

— Помилуйте, — возразил ему полковник. — Ингольф был легкомыслен. Я же вышел на связь с лицом, находящимся вне каких бы то ни было подозрений. С ученым, который остерегается непроверенных гипотез. До такой степени, что сегодня он просил меня отложить встречу с издателями, не представлять материал, покуда в нем остаются хотя бы минимальные неясности или несоответствия... Я не хотел лишаться его симпатии и поэтому не сказал ему, что намерен посетить вас немедленно. Но вы, безусловно, поймете, что после стольких лет труда я испытываю законное нетерпение. Это лицо... Ладно, отбросим недомолвки, назовем вещи своими именами, а то вы можете подумать, что здесь пустое бахвальство. Так вот: мой собеседник был Раковски.

И он обвел нас глазами.

— Кто? — переспросил Бельбо, обескуражив полковника.

— Как! Раковски! Крупнейшее имя в традиционной науке, бывший директор “Журналь дю Секрет”!

— А-а, — промычал Бельбо. — Да-да, я слышал, Раковски, конечно...

— В любом случае, я оставляю за собой право внести окончательные поправки в рукопись после серии консультаций с этим лицом. Но пока что, дабы сэкономить время, я предпочитаю завершить все предварительные формальные стадии с вашим издательством... Повторяю, время не терпит, я должен как можно скорее опубликовать это, вызвать ответные реакции, собрать данные... Есть люди, которые много знают, но молчат. Господа! Невзирая на то что уже было известно, что война проиграна, как раз около 1944 года Гитлер заговорил о секретном оружии, которое позволило бы ему радикально изменить соотношение сил. Говорили, что он безумен. А если он не был безумцем? Вы следите за моей мыслью? — Лоб его был усеян потом, усы торчали как у кота. — В общем, — заключил он, — я заброшу наживку. Посмотрим, кто на нее спикирует.

По тому впечатлению, которое успело у меня сложиться, я мог ожидать, что Бельбо двумя-тремя вежливыми фразами избавится от него. Вместо этого я услышал:

— Знаете что, полковник, это мне кажется в высшей степени интересным. Нужно только подумать, что для вас продуктивнее — иметь дело с нашим издательством или с каким-либо другим. У вас есть еще десять минут?

Затем Бельбо обратился ко мне: — Мы продержали вас массу времени, Казобон. Большое вам спасибо. Давайте увидимся завтра, хорошо?

Меня выставляли. Диоталлеви подхватил меня под руку и сказал, что он тоже уходит. Мы распрощались. Полковник с жаром пожал руку Диоталлеви, а мне достался полупоклон и прохладная улыбка.

Пока мы спускались по лестнице, Диоталлеви прервал молчание: — Вы, наверное, удивились, когда Бельбо вас выпроводил. Не обижайтесь. Он просто должен сделать полковнику конфиденциальное издательское предложение. Конфиденциальность — главный принцип господина Гарамона. Я тоже не присутствую на подобных переговорах.

Как я понял впоследствии, Бельбо замыслил толкнуть полковника прямо в зубы “Мануция”.

Я повлек Диоталлеви к Пиладу, где заказал себе кампари, а Диоталлеви — ликер из ревеня, который он воображал почему-то напитком монашеским, архаичным и почти тамплиерским.

Я спросил, что он думает о полковнике.

— В издательства, — отвечал Диоталлеви, — стекается вся глупость мира. Но так как эта глупость осияна мудростью Всесоздателя, мудрецы наблюдают за глупцами со смирением. — И тут же начал прощаться.

— Меня ожидает пир, — сказал он.

— Идете в ресторан? — переспросил я.

Он явно был фрапширован моей легковесностью. — “Зогар”¹, — пояснил он. — “Лех Леха”². Доне ныне неистолкованный отрывок.

¹ “Зогар” (ивр. “сияние”) — центральный текст Каббалы, появившейся в XII в. в Испании, написан на арамейском языке в форме толкований к недельным разделам Торы (Пятикнижия). Его авторство до сих пор является предметом споров.

² “Лех Леха” (ивр. “Иди себе”) — недельный раздел Торы (Бытие 12-17).

...des grâles, der sô swaere wigt
daz in diu valschlich menscheit
nimmer von der stat getreit.¹

Вольфрам фон Эшенбах, *Парцифаль*.
Wolfram von Eschenbach, *Parcifal*. IX, 477

21

Полковник мне не понравился, но запомнился. Можно ведь внимательно и с восхищением наблюдать, скажем, за гадюкой. Видимо, я впитывал тогда первые испарения яда, который, действуя много лет, отравил нас, довел до гибели.

На следующий день я зашел к Бельбо, поболтали о вчерашнем визитере. По мнению Бельбо, типичный буйный бред. — Как он говорил о своем Рокоссовском, Ростроповиче, вроде это по меньшей мере Кант?

— И бред начался бог весть когда, — добавил я. — Сначала один псих, Ингольф, уверовал в свою бумажку, а сейчас другой псих полковник верит в бумажку Ингольфа.

— Это было вчера. Во что он верит сегодня — не знаю. Скажу вам, что под конец я устроил ему встречу в одном солидном издательстве... неважно, в общем, там иногда публикуют книги за счет авторов. Он вроде был счастлив. Так вот — его прождали сегодня все утро, он не пришел и не звонил. А у нас забыл свою драгоценную ксерокопию. Раскидывает тамплиерские секреты как фантики. Несерьезные люди нас окружают.

Именно в эту минуту звякнул телефон. Бельбо поднял трубку: — Да, я Бельбо. Да, это “Тарамон”. Слушаю... Да, он был вчера вечером. Предлагал рукопись. Извините, проблема издательской этики. Если можете объяснить...

Несколько секунд он молча слушал, потом поднял гла-

¹ ...грааль до того тяжеловесен,
что никому из грешных человек
не поднять его вовек. (*старонем.*)

за, бледнее: — Полковника убили, или вроде того... — Затем вернулся к собеседнику: — Извините, это я Казобону, консультанту, он вчера был при разговоре... Да, полковник Арденти предлагал исследование, мне оно показалось довольно надуманным, о поиске мнимых сокровищ тамплиеров. Тамплиеры — средневековый рыцарский орден...

Он невольно загородил микрофон для конфиденциальности, но встретясь со мной глазами, отвел руку. Тон его был неуверенный. — Нет, комиссар Де Анджелис. Этот господин только собирался писать книгу. Ничего определенного... Что? Вместе с ним, оба? Прямо сейчас? Ладно, говорите адрес.

Затем он повесил трубку и несколько секунд барабанил пальцами по столу. — Вот что, Казобон, вы должны меня извинить, я не подумавши ввязал и вас в эту историю. Просто от неожиданности. Комиссар полиции Де Анджелис. Вроде бы этот полковник жил в пансионе, и кто-то утверждает, что видел его ночью в виде трупа...

— Утверждает? А что комиссар — не знает?

— Да, это странно, но комиссар не знает. Якобы нашли в его блокноте мои координаты и запись о встрече. Кажется, их единственный след. Поздравляю. Надо ехать.

Мы позвонили такси. В машине Бельбо взял меня за локоть: — Казобон, скорее всего это совпадение. Но в любом случае... в нашей деревне не любят называть имена. Помню одно рождественское представление на диалекте — волхвы спрашивают у пастуха, как зовут его хозяина. Он говорит: Джелиндо. В каждой пьемонтской деревне сто Джелиндо. Ну ладно. Когда хозяин узнает, что батрак сказал волхвам его имя, он колотит батрака и приговаривает: помни, каналья, имя нельзя открывать кому попало... Наверное, лучше не забивать комиссару голову. Если вы не возражаете, полковник ничего нам не говорил ни об Ингольфе, ни о послании из Провэна.

— Чтобы с нами не произошла тоже маленькая неприятность, — подхватил я, стараясь улыбнуться.

— Повторяю: чистая глупость с моей стороны. Но от некоторых вещей лучше быть подальше.

Я сказал, что согласен, но в глубине души волновался. Как ни крути, я учился в университете, время от времени

участвовал в демонстрациях — входить в отношения с полицией мне не улыбалось. Мы доехали до пансиона, не первой категории и далеко от центра. Нам сразу показали квартиру — там номера назывались квартирами. На лестнице полиция. Поднялись в номер двадцать семь (два плюс семь — девять, автоматически отметил я). Спальня, коридор со столиком, угол для готовки, душевая без занавески, дверь была полуприкрыта, так что не видно, есть ли биде, но в подобных местах биде, вероятно, это первое и единственное удобство, которого требуют все клиенты. Обстановка жалкая, личных вещей мало, все перекопано и перевернуто — кто-то вывалил вещи в спешке из шкафов и чемоданов. Может быть, те же полицейские. Их, как в униформе так и в штатском, я насчитал человек десять.

Навстречу нам двинулся достаточно молодой мужчина с достаточно длинными волосами. — Де Анджелис. Доктор Бельбо? Доктор Казобон?

— Я еще не доктор. Кончаю университет.

— Кончайте его, кончайте. Пока не защититесь, вас не возьмут работать к нам в полицию. Не представляете как это увлекательно. — Вид у него был раздраженный. — Кончим кстати и с предварительными формальностями. Вот паспорт, принадлежавший жильцу этой комнаты, зарегистрированному как полковник Арденти. Вы его опознаете?

— Это он, — ответил Бельбо. — Но объясните, в чем дело. По телефону я не понял, он погиб или...

— Это я предпочел бы узнать от вас, — произнес комиссар, и лицо его передернулось. — Но вы, безусловно, имеете право на более полную информацию. Так вот, господин Арденти, именующий себя полковником, въехал в пансион четыре дня назад. Вы, наверное, отметили, что здесь не Гранд-Отель. Есть швейцар, который уходит спать в одиннадцать, потому что жильцам выдаются ключи от входной двери, есть одна-две уборщицы, работающие по утрам, и старый пьяница, который носит чемоданы и клиентам выпить в номер, когда они вызывают. Пьяница, повторяю еще раз, и в придачу склеротик. Допрашивать его — дикая мука. Швейцар утверждает, что у того особое пристрастие к привидениям и что он уже напугал не одного клиента. Вчера вечером, около двадцати двух, швейцар

видел, как Арденти возвратился в номер с двумя гостями. Здесь можно приводить хоть по дюжине парней в юбках, так что два нормальных человека не могли привлечь интереса, хотя швейцар утверждает, что заметил у них иностранный акцент. В половине одиннадцатого Арденти вызвал старца и заказал виски, бутылку минеральной и три стакана. Около часу, может быть в полвторого, старик услышал из двадцать седьмого, что кто-то обрывает звонок. Но судя по тому, в каком виде мы его застали сегодня, на отчетный момент старичина уже здорово понабрался, и какой-то дряни. Он якобы идет в номер, стучит, не отвечают, он открывает дверь универсальным ключом и видит беспорядок, а полковник лежит на кровати с вытаращенными глазами и с проволокой вокруг шеи. Дед удирает со всех ног, будит швейцара, ни тот ни другой снова идти туда не желают, хватаются за телефон, но линия испорчена. Утром сегодня линия работала превосходно. Но будем верить тому, что они говорят. Тогда швейцар бежит на угол в телефон-автомат и звонит в квестуру, в то время как старичок тащится на квартиру к врачу. В общем, они отсутствуют около двадцати минут, приходят обратно и сидят у себя внизу, перепуганные, доктор тем временем одевается и поспекает в пансион одновременно с машиной полиции. Все поднимаются в двадцать седьмой номер, где на кровати никого нет.

— Как никого нет? — переспросил Бельбо.

— Вот так, трупа нет. После чего врач возвращается к себе домой, а мои коллеги обследуют то же, что видите и вы. Снимают показания с портье и с этого старика. Куда девались двое, приходившие к Арденти? А кто их разберет, могли уйти и от одиннадцати до часу, никто бы не обратил внимания. Были они еще в номере, когда поднялся старик? А как можно знать, он пробыл одну минуту, не заглядывал ни в угол готовки, ни в уборную. Могли они уйти, когда эти два остолопа отправились за помощью, и вынести мертвеца? И это вполне возможно, к тому же имеется лестница, выходящая во двор, а из двора выезд на параллельную улицу. Но прежде всего, кто мне скажет, был ли на самом деле этот труп или полковник удалился до наступления ночи с двумя своими знакомыми, а остальное

все старику приснилось? Швейцар твердит, что этому типу не впервой видеть призраков и что несколько лет назад он уже докладывал, будто видел одну постоялицу повешенной в голем виде, а через полчаса она спустилась из номера свежая как цветок, а на раскладушке старика был обнаружен садомазопорножурнал, скорее всего, у него родилась великолепная идея подсмотреть за той дамой в замочную скважину и он увидел занавеску, развевающуюся на ветру. Единственный точный факт, которым мы располагаем, это что комната в ненормальном виде и что Арденти испарился. Вот я вам рассказал что мог, теперь слово за вами, доктор Бельбо. Единственный имеющийся у нас след — этот листок, найденный под столом. 14—00, отель “Принц Савойский”, господин Раковски. 16—00, “Гарамон”, доктор Бельбо. Вы подтвердили, что он приходил к вам. Теперь расскажите, как было дело.

al des grâles pflihtgesellen
von in vrâgens niht enwellen.¹

Вольфрам фон Эшенбах, *Парцифаль*.
Wolfram von Eschenbach, *Parcifal*. XVI, 819

22

Бельбо говорил недолго, он повторил то же, что было сказано по телефону, почти без новых деталей, не считая второстепенных: что полковник рассказал невнятную историю, как будто он напал на след неких сокровищ, на основании документов, найденных во Франции. Не более того. У нас, сказал Бельбо, сложилось впечатление, что он считает свой секрет опасным, и хотел бы рано или поздно обнародовать его, чтобы не быть единственным хранителем. Он ссылался на опыт каких-то предшественников, которые якобы после разгадки секрета таинственно исчезали. Он готов был показать нам документы, но только после подписания контракта, а Бельбо не мог подписывать контракт, не посмотрев на материалы, и стороны разошлись, договорившись увидеться в будущем. Полковник действительно упоминал о встрече с неким Раковски, добавив, что тот — бывший главный редактор “Журналь дю Секрет”. Собирался обратиться к тому за предисловием. Раковски, кажется, советовал ему не торопиться с публикацией. Полковник скрыл от Раковски, что собирается в “Гарамон”. Все.

— Ясно, ясно, — сказал Де Анджелис. — Какое он произвел впечатление?

— Человека неуравновешенного. Явно страдает ностальгией по былым геройствам, по Иностранному легиону.

— Да, он геройствовал в легионе, и не только там. Мы вообще-то за ним давно присматривали, хотя не сильно. Знали бы вы, сколько у нас таких молодцов. Его на самом деле зовут не Арденти, хотя французский паспорт — настоящий. Он уже несколько лет появляется в Италии наездами и был опознан, но не стопроцентно, как некий капи-

¹ ...чтобы рыцарям Грааля
вопросов не задавали. (*старонем.*)

тан Арковеджи, приговоренный к смертной казни заочно в 1945 году. Сотрудничество с СС, бог знает сколько народу отправлено им в Дахау. Во Франции за ним тоже наблюдали, он имел судимость за мошенничество и выкрутился чудом. Предположительно, повторяю, предположительно, но не точно, он есть и то лицо, которое под именем Фассотти в прошлом году жульнически предлагало одному мелкому миланскому промышленнику войти с ним в долю для разыскания сокровищ Муссолини. Фассотти утверждал, что знает, где именно перед расстрелом в Донго дуче успел опустить в озеро Комо сундуки с золотом, драгоценностями и документами, и что достаточно нескольких десятков тысяч долларов, чтобы нанять водолазов и катер... Получив деньги, исчез. Теперь и от вас я слышу, что сокровища — его пунктик.

— Что насчет Раковски? — спросил Бельбо.

— Уже запросили. В “Принце Савойском” действительно проживал такой Раковски, Владимир, с французским паспортом. Почтенный господин, особых примет не имеется. Словесный портрет совпадает с тем, который получен от тутошнего швейцара. В аэропорту говорят, что он зарегистрирован на сегодняшнем раннем рейсе на Париж. Я задействовал Интерпол. Маурицио, есть новости из Парижа?

— Пока что нет, комиссар.

— Вот вам. В общем, полковник Арденти, или кто там за него, появился в Милане четыре дня назад, чем он занимался первые три — поди угадай, вчера в два предположительно встретился с Раковским у того в гостинице, скрыл, что направляется к вам... Это существенная деталь. Вечером он возвращается в гостиницу, скорее всего с тем же Раковским и еще с каким-то субъектом. После чего наступает полный туман. Если даже его и не убили, в любом случае номер обыскали. Чего ради? Что они ищут? В его пиджаке — да, вот еще, если он ушел действительно на своих ногах, то в любом случае без пиджака, пиджак с паспортом остался в номере, но не думайте, что этим дело облегчается, потому что старец клятвенно утверждает, что на кровати труп лежал в пиджаке, но что это мог, с другой стороны, быть пижамный верх, попробуйте работать с по-

добными показаниями. Ладно, я говорил про пиджак. Там оказалось довольно много денег, я бы сказал, чересчур много... Значит, эти люди искали не деньги. Единственную подсказку в данном деле я могу получить от вас. Полковник приносил бумаги? Как они выглядели?

— Коричневая папка, — сказал Бельбо.

— А по-моему, красная, — вмешался я.

— Коричневая, — повторил Бельбо. — Но я не очень запомнил.

— Красная или коричневая, — сказал комиссар, — но здесь нет никакой. Вчерашние посетители унесли ее. Значит, именно эта папка — ядро детектива. Я думаю, что ваш Арденти совсем не собирался публиковать книгу. Он накопал какие-то данные, чтобы шантажировать Раковского, и пытался использовать издательские контакты как пружины давления на того. Вполне в его стиле. Что дает нам возможность выдвинуть новые гипотезы. Парочка уходит, ограничившись угрозами. Арденти перепуган и решает оторваться, бросает все на свете и забирает только папку. И неизвестно ради какой цели устраивает так, чтобы старик засвидетельствовал, что видел его труп. Хотя это немного слишком романтично и не объясняет перерытую комнату. С другой стороны, если те двое его убили и забрали папку, зачем им забирать еще и труп? Ладно, будем разбираться. Извините, мне необходимы ваши документы.

Он повертел мой студенческий билет: — Философия, так, так.

— Не я один, — парировал я.

— Лучше бы вас было меньше. Значит, занимаетесь тамплиерами. Что я должен читать, чтобы понять все про этих тамплиеров?

Я назвал ему две книги, популярные, но достаточно серьезные. Добавил, что настоящие сведения о тамплиерах относятся только к периоду до процесса, все что было потом — голословные измышления.

— Понятно, понятно, — сказал он. — Еще и тамплиеры на мою голову. На эту группировку у меня пока досье не было.

Появился Маурицио с телефонограммой: — Только что получено из Парижа.

Комиссар прочитал: — Очень прекрасно. В Париже Раковского знать не знают, паспорт с этим номером два года как украден. Очень превосходно. Господина Раковского нет на свете. Вы говорили про как его там... — он заглянул в свои записи, — “Журналь дю Секрет”. Запросим информацию. Но я и без нее знаю, что либо такого журнала нет вовсе, либо он прекратил выходить еще при царе Горохе. Хорошо, господа. Спасибо вам за сотрудничество, может быть, мне придется еще раз-другой вас потревожить. А кстати, последний вопрос. Этот Арденти намекал на свои связи с политическими объединениями?

— Нет, — сказал Бельбо. — Намекал, что оставил политику ради сокровищ...

— ...а не был вытурен за бездарность. — Комиссар повернулся ко мне: — Вам, наверно, полковник не понравился.

— Этот тип людей мне несимпатичен, — ответил я. — Но я не давлю их железными проволоками. Разве что мысленно.

— Конечно, конечно. Неохота возиться. Не беспокойтесь, господин Казобон, я не из тех, кто считает, что все студенты террористы. Идите с богом. Счастливого диплома.

Прощаясь, Бельбо спросил: — Простите, комиссар, просто чтоб знать. Вы из угрозыска или из органов?

— Тонкий вопрос. Мой коллега из угрозыска был тут ночью. Так как потом в архивах нашлось что-то на вашего любимого Арденти, к делу подключили меня. Я из органов. Но не знаю, хорошо ли подхожу на свое место. Жизнь не так проста, как можно подумать по детективам.

— Я и сам догадывался об этом, — процитировал старый комикс Бельбо. Пожал руку комиссару и вышел.

Мы ушли, но определенную неловкость я продолжал ощущать. Не в комиссаре было дело, он как раз оказался неплохим, — а во мне самом, я впервые в жизни попал в скользкое положение. Лгал. И Бельбо лгал тоже.

При прощании у подъезда “Гарамона” обоим было не по себе.

— Да ничего мы страшного не сделали, — виновато бормотнул Бельбо. — Будет комиссар знать об Ингольфе и катарах или не будет — что это меняет? Зачем повторять такой бред? Полковник мог улетучиться по тысяче при-

чин. Может быть, Раковский работает в Моссаде и наконец восстановил справедливость. Может быть, он от какого-нибудь крутого босса, которого наш полковник обжулил. Может быть, это старый дружок по Иностранному легиону и они что-нибудь не доделили. Или киллер из Алжира. Скорее всего, погоня за тамплиерскими кладами занимает второстепенное место в судьбе полковника. Да, я понимаю, исчезла только та папка, красная или коричневая.. М-да. Хорошо, что вы мне возразили, тем самым твердо дали понять, что я видел ее только краем глаза...

Я молчал, а Бельбо не знал, как ему закончить.

— Ну, скажите, что я опять сбежал, как тогда на демонстрации.

— Глупости какие. Все правильно. Я пойду.

Мне было его жалко, потому что он чувствовал себя подлецом. Я же не чувствовал, потому что меня учили в школе, что полиции надо врать. Из принципа. Но правы те, кто говорит, что от нечистой совести дружба портится.

С того дня мы не встречались. Я был бы для него ходячим упреком, он — для меня.

Но этим случаем еще раз была доказана закономерность, что студент всегда выглядит подозрительнее, нежели выпускник университета. Я проработал еще год и написал двести пятьдесят страниц о суде над тамплиерами. В те времена диплом был эквивалентен свидетельству о лояльности по отношению к государству, и поэтому на защите со мной обошлись мягко.

Через несколько месяцев многие студенты перешли к вооруженному терроризму, эпоха уличных шествий под открытым небом заканчивалась.

У меня было ужасно мало идеалов. Но имелось алиби: в лице Ампаро я обнимал стопроцентное воплощение третьего мира. Ампаро отличалась красотой, марксистской идеологией, бразильским подданством, энтузиазмом, раскованностью. Все было при ней: восхитительно перемешанная кровь и годовая стажировка в Италии, увы, близившаяся к концу.

Мы встретились на одной вечеринке и я повел себя спон-

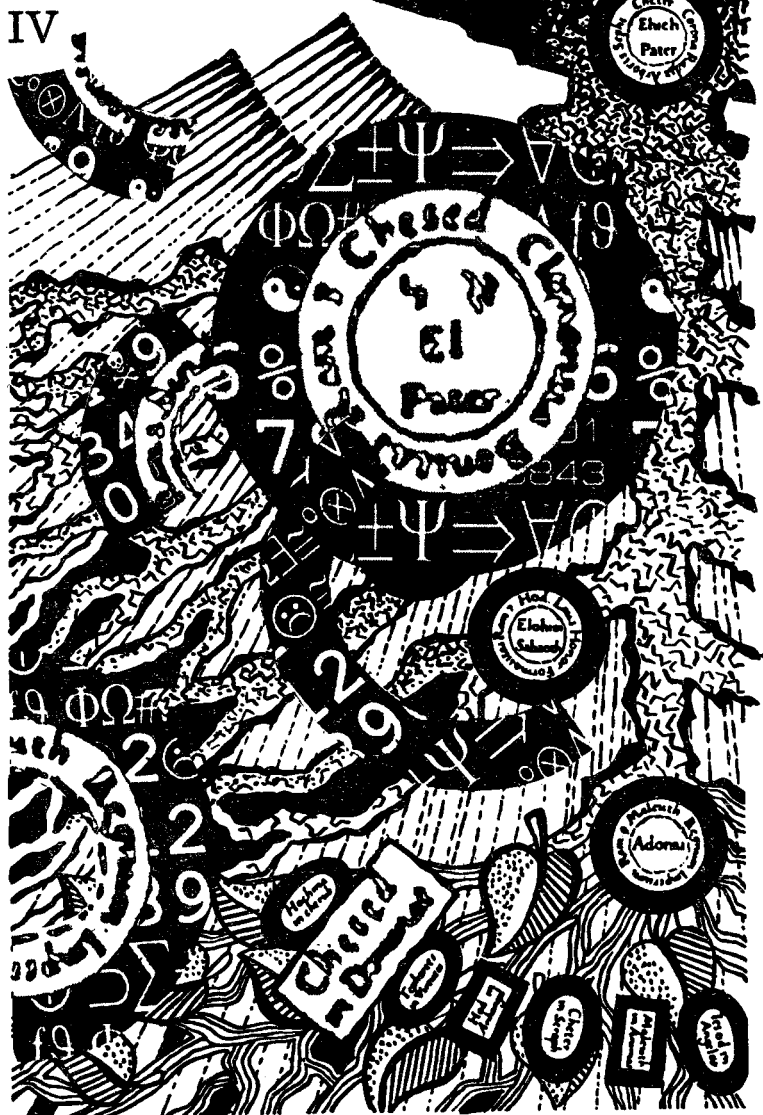
танно, предложив ей сразу же заняться любовью. Предложение имело успех. Спустя некоторое время та же Ампаро переслала мои бумаги в университет Рио, где как раз требовался преподаватель итальянского. Со мной заключили контракт на два года с возможностью продления. В Италии мне становилось тесно, и я уезжал с удовольствием.

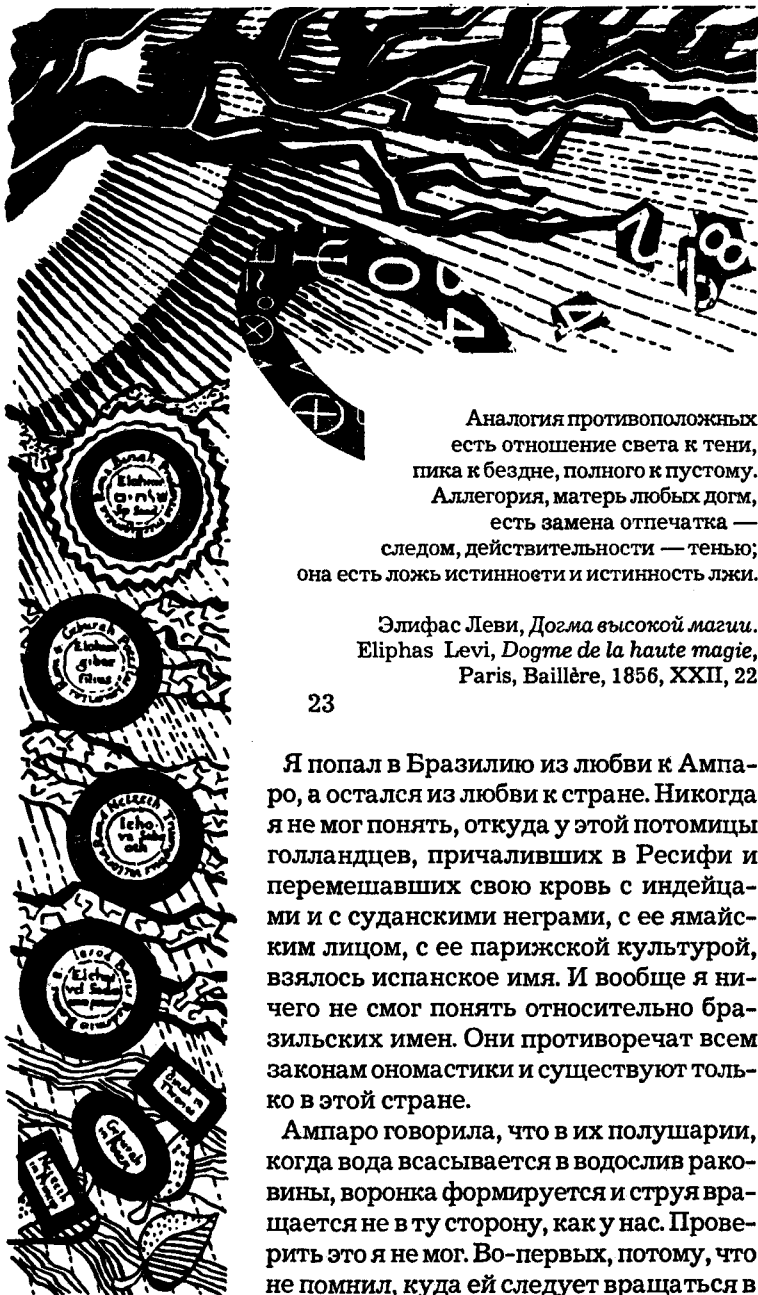
К тому же в Новом Свете, сказал я себе, не будет тамплиеров.

Какая ошибка, ответил я на это сам себе в субботу вечером в музее, в перископе. Взойдя по ступеням "Гарамона", я был введен во Дворец. Говорил же Диоталлеви: Бина есть Дворец, который вырастает из первоначального замысла, заложенного в сефире Хохма. Хохма — это источник, Бина — река, берущая начало из него, до тех пор, покуда все не свергнутся в великое море последней из сефирот, а в сефире Бина уже заранее оформлены все формы.

XECED

IV

Аналогия противоположных
есть отношение света к тени,
пика к бездне, полного к пустому.
Аллегория, мать любых догм,
есть замена отпечатка —
следом, действительности — тенью;
она есть ложь истинности и истинность лжи.

Элифас Леви, *Догма высокой магии*.
Eliphas Levi, *Dogme de la haute magie*,
Paris, Baillière, 1856, XXII, 22

23

Я попал в Бразилию из любви к Ампаро, а остался из любви к стране. Никогда я не мог понять, откуда у этой потомницы голландцев, причаливших в Ресифи и перемешавших свою кровь с индейцами и с суданскими неграми, с ее ямайским лицом, с ее парижской культурой, взялось испанское имя. И вообще я ничего не смог понять относительно бразильских имен. Они противоречат всем законам ономастики и существуют только в этой стране.

Ампаро говорила, что в их полушарии, когда вода всасывается в водослив раковины, воронка формируется и струя вращается не в ту сторону, как у нас. Проверить это я не мог. Во-первых, потому, что не помнил, куда ей следует вращаться в

нормальном полушарии, во-вторых, вода выливалась очень быстро и, наверное, на сток оказывали влияние наклон струи и форма умывальника или ванны. И вообще, будь это правда, что же вода должна была делать на экваторе? Литься вниз без воронки или вообще стоять на месте?

В те времена я решил не драматизировать проблему, но в субботу вечером, в перископе, мне поверилось, что все действительно зависит от теллурических глубинных токов и что Маятник бережет именно этот секрет.

Ампаро была в своей вере неколебима. “Неважно, что там происходит в эмпирике, — говорила она. — Речь идет об идеальном принципе, и проверяется он в идеальных условиях, а следовательно, никогда. Однако он верен”.

В Милане Ампаро казалась такой желанной благодаря великолепной трезвости ума. В Бразилии кислота, испарявшаяся родной землей, разъедала железную трезвость и Ампаро проникалась неуловимостью, ясным визионерством и исконной рациональностью. Я чувствовал, как ее тревожат древние страсти, а она на страже, дает им острастку, забавно-жалкая со своим аскетизмом, который требует отвергать страстный соблазн.

Я измерил ее дивную противоречивость, глядя, как она спорила с друзьями. Собrania проходили в запущенных квартирах, где было несколько плакатов и великое множество фольклорных вещичек, портреты Ленина и терракотовые поделки Северо-Востока, в духе культуры кангасейро или напоминавшие об истребленных индейцах. Я оказался там на довольно неясной историко-политической фазе и принял решение, памятуя об отечественном опыте, держаться подальше от идеологий, в особенности где я их совершенно не понимаю. Речи товарищей Ампаро усиливали мою неуверенность, но и стимулировали любопытство. Разумеется, все эти друзья были марксистами, и на первый взгляд рассуждали как европейские марксисты, но они говорили о чем-то другом, и неожиданно прямо в ходе дискуссии о классовой борьбе поднималась тема “бразильского каннибализма” или революционной роли афроамериканских культов.

Слушая про эти революционные культы, я уверился, что на их полушарии идеологические воронки тоже заво-

рачиваются в обратную сторону. Многотысячное население влеклось с обездоленного севера на обеспеченный и развитый юг. Тысячи беженцев люмпенизовались в перенаселенных мегалополисах, задыхались в клубах промышленного смога, в отчаянии откатывались назад, на север, чтобы годом позже опять предпринять отчаянный прорыв на юг, но в этих колебаниях какой-то процент оседал в перенаселенных столицах, на их окраинах, и подпадал под обаяние автохтонных церквей, бытующих целыми гроздьями; эти толпы проникались спиритизмом, притекали к африканским божествам... И тут мнения друзей Ампаро разделялись, для многих этот путь символизировал возвращение к истокам, противостояние миру белых, а для других культы являлись наркозом, используя который правящие классы норовили поработить мощный революционный потенциал; для мыслящих по-третьему эти церкви оказывались огромным тиглем, в котором перекипали белая, негритянская и индейская раса и вырисовывались перспективы довольно туманные, непонятного исхода. Ампаро была тверда: религия всегда и повсеместно представляет собой опиум для народов, а все эти лжеплеменные культы и подавно. Потом я придерживал ее за талию в самба-клубах, я тоже вместе с нею входил частицей в пляшущие змеи, выписывал ритмичные синусоиды под немислимый грохот барабанов и сознавал, что именно этому миру она предавалась душой и лоном, сердцем, мозгом и ноздрями... Потом танцы заканчивались, и по дороге она первая с сарказмом и яростью анатомировала ту глубинную религиозность, оргиастическую, ту медленную самоотдачу, что неделю за неделей и месяц за месяцем перекипает в услужении богу карнавала. То же племенное, то же ведовское зелье, бушевала она с революционным гневом, и та же отравка, что и футбол, которым обманывают низшие классы, отбирают боевую энергию и отсылают ее в безопасное русло, так повстанческий дух вырождается в закливание и волхвованье, так боги всех вероятных миров призываются, чтоб наслали чуму на полузащитника той команды, никто не помнит о поработителях, которым-то и выгоден экстаз, энтузиазм, пока они приговаривают народ к ирреальности.

Постепенно я утратил представление о различиях. Так же как день за днем я учился не пытаться распознать породы в этом людском водовороте среди лиц, рассказывающих столетнюю историю беспорядочных метизаций, — я отказался угадывать, где прогрессивность, где бунтарство, где происки — как выразались товарищи Ампаро — мирового капитала. Как я мог хотеть продолжать думать по-европейски, если мне сообщалось, что надеждой левого экстремизма является один провинциальный епископ, подзреваемый, будто в ранней молодости выступал на стороне фашистов. Именно он выше всех вздымает факел восстания, бросает в дрожь перетрусивший Ватикан и акул с Уолл-стрита, он озаряет восторгом атеизм мистических пролетариев, очарованных ужасным и сладчайшим знаменем Прекрасной Мадонны, той что терзается семью страстями зря на страдания своего народа.

Однажды утром, побывав с Ампаро на семинаре по классовой структуре люмпен-пролетариата, мы отправились на автомашине в сторону взморья. На пляже тут и там виднелись подношения, свечки, ритуальные белые корзины. Ампаро сказала, что это подарки Иеманже, матери вод. Машину мы остановили. Ампаро медленно подошла к кромке прибоя. Я спросил, верит ли она во все это. Она резко бросила: как я мог такое подумать? Потом добавила: — Бабушка водила меня сюда на пляж и просила богиню вырастить меня красивой, доброй и счастливой. Какой это ваш философ рассуждал о черных котках, коралловых рожках, в смысле “это неверно, но я верю”? Ну так вот: я в это не верю — но это верно.

В этот день я решил подэкономить от зарплатах и все-таки съездить в Баию.

И в тот же день, несомненно, я начал допускать себя до наслаждения чувством подобия. Во всем могли иметься таинственные аналогии со всем.

Когда я вернулся в Европу, я переработал эту метафизику в механику. Тем и загнал себя в ту самую ловушку, где в данный момент нахожусь. Но тогда я плыл как будто в неких сумерках, где уничтожались различия. Как истый расист, я думал, будто чья-то вера человеком сильным

могла использоваться как повод к ленивому фантазированию.

Я научился ритмам, усвоил методику расслабления тела и рассудка. Я прибегаю к ней, в частности, позавчера вечером в перископе, когда для борьбы с затекшими ногами подрагивал, как будто снова выстукивая ритмы на агогоне. Видишь, говорил я себе, чтобы спастись от власти неизвестного, чтоб доказать себе самому, что не веришь, ты воспринял всерьез их бредню. Как закоренелый атеист, к которому по ночам приходит дьявол, ты в своем атеизме рассуждаешь так: дьявол, разумеется, не существует, это всего лишь эманация моих возбужденных органов чувства, может быть, плод несварения желудка, однако дьявол-то этого не знает и верит в свою наоборотную теологию. Чем же его, уверенного в своем существовании, можно бы напугать? Ты осеменяешь себя крестом. И он, доверчивый, проваливается, оставляя по себе запах серы.

То же приключилось и со мной, как с самонадеянным этнографом, который всю жизнь изучает людоедов и чтоб подразнить тупоголовых белых, рассказывает повсеместно, что человечина отличается нежным вкусом. Безответственно, поскольку знает, что ему никогда не придется ее отведать. Покуда некто, жаждущий истины, не захочет попробовать его самого. Даже когда его смакуют ломоть за ломтем, он так и не знает, на чьей же стороне правда, и почти что надеется, что правда за этим ритуалом: чтобы найти как минимум оправдание собственной смерти. Так позавчера я просто обязан был думать, что План оказался правдой, иначе в два последние года я был бы всемогущим творцом злокачественного кошмара. Лучше уж пусть кошмар окажется реальностью: если что-то существует, оно существует, и ты не причастен.

Sauvez la faible Aischa des vertiges de Nahash,
sauvez la plaintive Héva des mirages de la
sensibilité, et que les Khérubs me gardent.¹

Жозефин Пеладан, *Как становятся феями.*
Joséphin Péladan, *Comment on devient Fée,*
Paris, Chamuel, 1893, p. XIII

24

Пока я блуждал в сумрачном лесу подобий, получилось письмо от Бельбо.

Дорогой Казобон,

я не знал вплоть до вчерашнего дня, что Вы в Бразилии, я как-то потерял Вас из виду и даже не знал, что Вы защитились (поздравляю), хорошо что Ваши друзья в “Пиладе” смогли дать Ваш адрес. Я считаю, что следует поставить Вас в известность о некоторых новостях, касающихся дурацкой истории с полковником Арденти. Прошло уже больше двух лет, если не ошибаюсь, но все равно мне хочется еще раз попросить у Вас прощения за то, что, не подумав, припутал Вас к этому делу.

Я почти забыл об этом злосчастном эпизоде, но две недели назад я ездил смотреть Монтефельтро, и в частности, побывал в замке Сан-Лео. В восемнадцатом веке, кажется, это было папское владение, в общем — папа именно туда сослал Калиостро, заточив его в камеру без двери (туда попадали, в первый и единственный раз, через люк в потолке) и с окошком, через которое приговоренный мог видеть только две приходские церкви. Там на нарах, где Калиостро спал и умер, я увидел букет роз и мне объяснили, что у него до сих пор масса поклонников, паломничающих по калиостровским местам. Самые настырные из пилигримов — члены “Пикатрикса”, это миланский кружок со специализацией по мистериософии, выпускающий, в частности, журнал, который называется — оцените фантазию — “Пикатрикс”.

Так как я любопытен и досуж, по прибытии в Милан я приобрел номер этого самого “Пикатрикса”, из которого почерпнул, что через несколько дней у них намечалось собрание, гвоз-

¹ Спасите слабую Айшу от головокружения Нахаша, спасите жалостную Хеву от миражей чувствительности, и пусть хранят меня Херувимы (фр.).

дем которого по программе было пришествие духа Калиостро. Я пошел посмотреть.

Штаб-квартира имеет следующий вид. Всюду плакаты с каббалистическими знаками, куча сычей, филинов, ибисов и скарабеев, а также сомнительных восточных божеств. В глубине зала сцена, на просцениуме — горящие факелы, вместо подставок неотесанные поленья, в глубине сцены алтарь, на алтаре треугольной формы покров и статуэтки Озириса и Изиды. Вокруг расставлены: Анубис, бюст Калиостро (я так думаю; чей же еще?), позолоченная мумия типа Хеопса, два пятисвечных канделябра, гонг, подпертый двумя переплетенными аспидами, столик, на столике платок с иероглифами, а на нем — пюпитр. Еще там были две короны, две треноги, чемоданного дизайна саркофаг, трон, кресло под семнадцатый век, четыре разрозненные стула, — в общем, гостиная Робин Гуда. Свечи, свечонки, свечуги, сплошное пылание, понятное дело, интеллекта.

Выходят на сцену семь отроков в подрясниках цвета ясного, жара алого — цвета красного, следом за ними главный заклинатель, который в то же время исполняет обязанности заведующего “Пикатриксом” и имеет трогательную фамилию Брамбилла, общую для большинства миланских булочников. Мотая по полу розовой с прозеленью мантией, Брамбилла выводит за собою звезду программы: девицу-экстрасенса.

Выйдя, Брамбилла увенчал сам себя тройною короной с полумесяцем, вытащил ритуальный меч, начертил на просцениуме магические фигуры, адресовался к каким-то ангельским духам, кончающимся на “эль”, что сразу напомнило мне псевдосемитскую абракадабру в полковничьем — если помните — послании Ингольфа. Но потом я об этом забыл, потому что затевалось нечто невероятное, микрофоны, стоявшие на подмостках, подключили к радиоле, чтобы перехватывать звуковые волны, блуждающие в пространстве. Оператор, к сожалению, справлялся неважно, и в динамиках сначала был слышен джаз, а потом “Радио Москва”. Брамбилла раскрыл свой саркокофр, вытащил оттуда гримуар¹, саблю и кадило и завыл “Придет царствие”, да так, что “Радио Москва” моментально заглохло, хотя потом, в самый драматический момент, оно бабахнуло снова, причем хором веселых казаков, знаете, которые стригут задницами по полу сцены. Брамбилла нашел в своей книге заклинание “Ключ Соломонов”, поджег пергамент на треноге, слава богу обошлось без пожара, покричал еще каких-то божеств из храма Карнака,

¹ Черная книга, используемая для заклинаний.

упрашивая, чтоб они восставили его на кубический камень Есода, а потом стал домогаться какого-то Товарища № 39, и чувствует, что этот товарищ хорошо известен всей собравшейся компании, потому что по рядам прошло рыданье. Одна слушательница впала в транс и закатила глаза, так что одни белки виднелись. “Врача, — закричали, — врача!” Брамбилла тогда обращается к Высокому Могуцеству Пентакулов, и эстрасенсика, которую тем временем посадили в лжесемнадцативечное кресло, начинает трястись, подскакивать, Брамбилла насадет на нее с воплями, требуя выхода на связь, точнее, требуя связи от Товарища № 39, который, как к тому времени я догадался, не кто иной как сам Калиостро.

И тут-то начинается не очень хорошая часть рассказа. Медиумша в самом жалком виде, она, скорее всего, действительно страдает, с нее льется пот, она рычит, корчится, корячится и изрыгает несвязные выкрики — не то храм, не то врата, открыть, создать пучину силы, взойти на Великую Пирамиду, Брамбилла клубится по сцене, жонглирует гонгом и зычно кличет Изиду, я взираю на все это, и вдруг девица, на переходе от бульканья к реву, выдает на-гора шесть печатей, сто двадцать лет ожидания и тридцать шесть невидимок. То есть никакого сомнения. Она имела в виду записку из Провэнна. Я так и замер. Но в это время ясновидящая выдохлась, рухнула как куль, Брамбилла утихомиривал ее, массировал виски, благословлял собравшихся своим кадилом и говорил, что собрание окончено.

Отчасти от неожиданности, отчасти от любопытства, я подруливаю к девице, которая тем временем пришла в себя и уже надела потертый макинтош. И тут меня кто-то берет под локоть. Поворачиваюсь — комиссар Де Анджелис. Говорит, можно оставить девицу в покое, от нас она не убежит. А мне предлагается пройти с ним, выпить чашечку кофе. Я бреду за комиссаром, ощущаю, что меня цапнули с поличным. В баре он меня спрашивает, что я делал там и почему хотел говорить с девицей. Я негодую, говорю, что у нас еще пока не тоталитаризм и разрешается ходить где угодно и разговаривать с кем угодно. Комиссар извиняется и объясняет: в расследовании дела полковника у них полный атас, но они попробовали разобраться, чем он занимался тогда первые два дня в Милане. Через год, вообразите, благодаря случайному совпадению показаний, обнаружилось, что кто-то видел, как Арденти выходил из штаб-квартиры “Пикатрикса” с этой вот эстрасенсоршей. С другой стороны, дама эта на заметке и в отделе борьбы с наркобабдами, как сожигательница одного из главных “героев”.

Ну, я сказал ему, что забрел на этот шабаш совершенно случайно, но был удивлен, услышав от девушки фразу о шести печатях, которую в свое время произносил и полковник. Он заметил, что довольно интересно, что через два года я так детально помню фразы, которые произносил полковник, а тогда, на следующий день после встречи, мог припомнить только невнятный разговор о сокровищах тамплиеров. Я сказал ему на это, что именно о сокровищах полковник и произнес эту фразу, и что сокровища это скрыто что-то вроде под шестью печатями и что в тот момент мне не показалась эта информация ценной для полиции, учитывая, что все сокровища запечатываются шестью печатями и золотыми скарабеем. Комиссар мне на это говорит вот именно, не понимаю почему вас настолько поразили слова медиума, если на всех сокровищах припечатывают по шесть скарабеев. Тут я протестую против тона и говорю, что перед ним не рецидивист, и не ранее судимый, и вообще хотелось бы понять... Он меняет тон, с широкой улыбкой начинает делиться соображениями. По его мнению, не странно, что Арденти подучивал девушку говорить именно это, он, видимо, хотел ее использовать как средство связи в поисках своих астральных контактов. Такая бесноватая — типичная губка, фотографическая пластинка, ее подсознание больше всего похоже на луна-парк, товарищи из “Пикатрикса” промывают ей мозги каждый божий день, и не удивительно, что в состоянии транса — а в транс она действительно впадает по-настоящему, у нее с психикой большие проблемы — ей припоминаются какие-то речи, которые она слышала в давнишние времена.

Казалось бы хорошо, да только через два дня Де Анджелис появляется у меня в конторе и говорит: вы подумайте, пошел вчера проведать эту дамочку, а ее дома нет. Спросил у соседей, никто ее не видел с вечера накануне, приблизительно со времени выступления. Наш комиссар встопорщивается, предчувствует неладное, ломает двери в квартиру, там все вверх тормашками, простыни на полу, подушки в коридоре, повсюду мятые газеты, ящики выкинуты. Исчезла и она и ее сутенер — содержатель — сожигатель или как хотите называйте.

Он говорит, что если я хоть что-нибудь знаю, лучше, если я заговорю немедленно, потому что довольно странно, что девушка испарилась, и причина этому может быть, по его мнению, одна из двух: либо стало заметно, что комиссар Де Анджелис ею интересуется, либо кто-то увидел, что доктор Якопо Бельбо хочет с нею разговаривать. А это значит, что все рассказан-

ное девицей в трансе, не исключено, что имеет достаточно серьезную подоплеку, и, возможно, даже сами Они, Те, непонятно кто, прежде не отдавали себе отчета в том, что девица до такой степени информирована. “Вообразите кстати, что какому-либо моему коллеге западет в голову, будто ужокошили ее вы, — добавляет Де Анджелис с ласковой улыбкой. — И вы убедитесь, что лучше нам с вами маршировать в ногу.” Тут мое терпение начало лопаться, Бог свидетель, что это со мной бывает не так уж часто, но я, видимо, дал это почувствовать, и заодно спросил полковника, с какой стати человек, которого не оказывается дома, непременно должен быть кем-то убит, неважно, мною или не мною. Тот в ответ спросил, а помню ли я эпизод с трупом полковника. Я на это сказал, что убил я ее или похитил, но произошло это тогда, когда я находился в его обществе. Он сказал, что странно, что я так хорошо знаю, когда это произошло, и что в любом случае он наблюдал меня только до полуночи, а что случилось потом, ночью — за это он не отвечает. Я его спросил, всерьез ли он говорит всю эту нелепицу. Он меня спросил, читал ли я в своей жизни когда-нибудь детективы. И знаю ли я, соответственно, что полиция должна подозревать всех и любого, у кого не имеется на данный случай алиби лучезарного как Хиросима. Что он предлагает свою голову для пересадки сию же самую минуту, если я способен предоставить алиби на период с полуночи того вечера до следующего утра.

Что мне сказать Вам, Казобон. Может быть, лучше было бы выложить ему все. Но в нашей деревне любят стоять на своем, а давать задний ход не любят.

Я пишу Вам потому, что как я узнал Ваш адрес, так же способен отыскать его и комиссар. Если он захочет связаться с Вами, Вы как минимум будете знать, какой линии придерживался я. Но поскольку эта линия мне кажется не самой лучшей, если Вы считаете для себя возможным, расскажите ему все. Мне очень совестно, простите за откровенность. Я чувствую себя запутанным неизвестно в чем, и ищу любого оправдания, хотя бы в минимальной степени достойного, и не нахожу его. Наверное, действительно сказываются гены деревенских предков. Упрямыцы и тупыцы. Несимпатичные люди.

Вся новелла кажется мне — как говорил знакомый доктор из Вены — *unheimlich*¹.

Ваш Якопо Бельбо

¹ Тревожащей (нем.) — термин Фрейда.

... и все причастные тайн, многочисленные, преданные, объединенные: иезуитизм, магнетизм, мартинизм, философия камня, сомнамбулизм, эклектизм — все родилось от них.

Ш.-Л. Каде-Гассикур, *Гробница Жака де Моля*
С.-Л. Cadet-Gassicourt, *Le tombeau de Jacques de Molay*,
Paris, Desenne, 1797, p. 91

25

Письмо обеспокоило меня. Не из-за того, что меня мог бы начать разыскивать Де Анджелис, тоже мне опасность, на другом полушарии! а из каких-то иных, более неуловимых причин. Тогда я решил: вероятно, из-за того, что оно рывком возвращало меня в ту жизнь, которую я оставил. Теперь-то я знаю, что смутила меня очередная цепочка совпадений, подозрение на аналогию. Инстинктивная реакция была — раздражение: все тот же Бельбо, все те же его комплексы. Я решил вытеснить это из памяти и Ампа-ро ничего не рассказал.

Хорошо, что пришло второе письмо, через два дня, в котором Бельбо меня успокаивал.

История с бесноватой обрела рациональное объяснение. Один осведомитель доложил полиции о том, что любовник девчонки оказался в эпицентре неприятной разборки по поводу партии наркотиков, которую он распродал в розницу вместо того, чтобы передать честному оптовику, оплатившему все авансом. Этих штук у них очень не любят. Так что они просто уносили ноги. Копаясь в газетах и журналах, раскиданных у них по квартире, Де Анджелис нашел кое-какие “Пикатрикс” с жирными красными подчеркиваниями. В одном месте речь шла о сокровищах тамплиеров, в другом о розенкрейцерах, которые жили не то в замке, не то в пещере, в любом случае, там была надпись POST 120 ANNOS PATEBO¹ и об этих людях говорилось,

¹ Откроюсь через 120 лет (лат.).

что они “тридцать шесть незаметных”. Таким образом у Де Анджелиса больше не было вопросов. Бесноватую подпывали этой литературой (кстати, ею же вдохновлялся и наш полковник), чтобы она бормотала это и подобное, когда впадала в транс. Расследование закрывалось и передавалось в отдел наркобанд.

Письмо Бельбо прямо дышало облегчением. Гипотеза Де Анджелиса выглядела наиболее экономичной.

Однако позавчера в перископе я подумал, что на самом деле ситуация, скорее всего, была противоположной: ясновидящая действительно выбалтывала нечто услышанное от Арденти, но ни в каких журналах этого не писали, и знать это никому не полагалось. В пикатриксной компании кто-то постарался в свое время убрать полковника, чтоб затнуть ему глотку, и этот же кто-то заметил, что Бельбо собирается интервьюировать бесноватую, тогда убрали и ее. Потом, чтобы запутать следствие, уничтожили ее любовника и подговорили того, кто стучал в полицию, пустить слух о мнимом криминале.

Все так просто, если считать, что План действительно был. Но был ли он, учитывая, что изобрели-то его мы, и притом значительно позднее? Возможно ли, чтобы реальность не только превосходила вымысел, но и предвосхищала вымысел, то есть заблаговременно старалась залатать прорехи, которые возникнут по вине этого вымысла через много лет?

Но тогда, в Бразилии, вовсе не таковы были мысли, вызванные во мне письмом. Скажем точнее: я снова осознал, до какой же степени все походит на все. Собираясь ехать в Баию, я протаскался день по книжно-сувенирным магазинам, которые до тех пор игнорировал. Я заглядывал и в мелкие лавчонки, не говоря уж о набитых универмагах идолов и статуй. Я накупил воскурений Иеманжи, потусторонних пахитосок с жальщим ароматом, ладанных лучинок и сладкопрыщущих пузырьков, адресованных Святому Сердцу Иисуса, грошовых амулетов. Я обнаружил кучи книг, часть которых была для верующих, часть — для тех, кто изучает верующих, все вперемешку, формуляры

экзорцизмов, “Как увидеть свое будущее через хрустальный шар”, учебники антропологии. Вместе с монографией о розенкрейцерах.

Все волшебным образом переплеталось. Сатанисты с мавританствующими во Храме Иерусалима, африканские камлатели с люмпенами Северо-Востока, послание из Провэнса и его сто двадцать годочков и мотив ста двадцати лет у Рыцарей Розы и Креста.

Я чувствовал себя ходячим шейкером, пригодным только перетряхивать смеси различных жидкостей. Я наступил в сплетение разноцветных проводов, извивавшихся каждый по отдельности, и все закоротилось. Розенкрейцерскую книгу я купил. Потом мне не раз приходило в голову, что пробудь я еще хоть пару часов в тех книжных магазинах, запросто перезнакомился бы с добрым десятком полковников Арденти и бесноватых провидиц.

Я возвратился домой и официально оповестил Ампаро, что наш мир полон ненормальных. Она пообещала меня утешить и мы завершили вечер по полной норме.

Время близилось к концу 1975 года. Я решил оставить в покое подобия и направить энергию на работу. В конце концов меня нанимали преподавать итальянскую культуру, а не тамплиерство.

Я углубился в философию гуманизма и обнаружил, что, не успевши выбрести из сумерек средневековья, люди светского современного мышления не нашли ничего лучшего, чем ухватиться за Каббалу и чародейство.

Так я прообщался два года с гуманистами, читавшими заклинания, чтобы принудить природу сделать то, что она совсем не собиралась делать. Пришли известия из Италии. Оказалось, что мои давние друзья, если не все, то многие, расстреливали в затылок тех, кто с ними был не согласен, чтобы принудить людей сделать то, что они совсем не собирались делать.

Я не в состоянии был это постичь. Я решил, что, значит, отныне составляю собою часть третьего мира и что поездка в Баию назрела. Я положил в чемодан историю культуры Возрождения и давно мною купленную книгу о розенкрейцерах, пылившуюся на стеллаже.

Все предания на земле должны рассматриваться как предаванья материнского, исконного предания, которое с самого Начала было поверено согрешившему человеку и первым его чадам.

Луи-Клод де Сен-Мартен, *О духе вещей*
 (“*О духе традиций вообще*”).
 Louis-Claude de Saint Martin,
De l'esprit des choses, Paris, Laran, 1800, II,
 “*De l'esprit des traditions en général*”

26

И мне открылся Салвадор, Салвадор да Баия де Тодос ос Сантос — Всех Святых, “черный Рим” с тремястами шестьюдесятью пятью церквями, осыпающими собой склоны и прикипающими к морю и прославляющими всех богов африканского пантеона.

У Ампаро нашелся знакомый художник, примитивист, он рисовал на крупных деревянных досках мириады библейских и апокалиптических видений, раскрашенных, как средневековые миниатюры, щедро используя как коптские, так и византийские мотивы. Он, разумеется, исповедовал марксизм, революцию полагал неизбежной, а в основном нежилась целыми днями в ризницах святилища Носсо Сеньор де Бомфим (Господа Заступника), где в пароксизме *hoggor vacu*¹ стены и потолок были облиты золотом, обметаны камнями, плетеницы благодарственных даров свисали с потолка, дико и прекрасно сочетались между собою серебряные сердечки, деревянные костыли, руки, ноги, изображения чудесных избавлений от среброблещущих штормов — смерчей — мальстремов — ураганов. Он привел нас в дарохранительницу соседнего храма, наполненную древней утварью из пахучей жакаранды. — Кто изображен на этой картине, — спросила Ампаро у пономаря, — святой Георгий?

Пonomарь покосился заговорщицки: — Считается, что Георгий, лучше так, а то каноник больно злится. А вообще это Ошосси.

¹ Страх пустоты (*лат.*).

Два дня художник водил нас от паперти к паперти, из капеллы в капеллу, перед нами громоздились фасады, украшенные, как серебряная посуда, почернелые от времени. В церквах нами занимались морщинистые, хромоногие служки, дарохранительницы изнывали от золота и мельхиора, от перегруженных ларей и бесценных окладов. Там в хрустальных гробах агонизировали под всеми стенами натурального размера святые, сочащиеся кровью, с разверстыми язвами, усеянными рубиновой росой, и Христы, искореженные мукой, их ноги были алы от кровотечений. Из всего этого златозарного барокко вдруг проглядывали ангелы с этрусскими лицами, романские грифоны и восточного вида сирены подмаргивали с капителей.

Я не мог оторваться от старых улиц с их поющими именами — Руа да Агониа, Авенида дос Аморес, Травесса де Шико Дьябо. Мы попали в Салвадор как раз в период, когда правительство, или кто там за него, приняло решение оздоровить старый город, искоренив тысячи борделей, но процесс был еще на полупути. От подножия церквей, безлюдных и истомленных, как проказой, собственным великолепием, растягивались во все стороны вонючие переулки, а в них кишели пятнадцатилетние негритянские шлюхи, старухи, торговавшие африканскими сладстями, перегораживали улицы, сидели с кипящими котлами, жгли костры, и тут же оравы юных сутенеров отплясывали на пяточке между сточными канавами под транзистор из бара. Древние дворцы, построенные колонизаторами, увенчанные гербами, которые уже никто не мог бы распознать, давно стали тут домами терпимости.

На третий день у нашего художника была деловая встреча, и мы пошли вместе с ним в бар одной гостиницы в Верхнем городе, в отреставрированном квартале, где было полным-полно шикарных антикварных магазинов. Встреча была с одним господином, итальянцем, собиравшимся приобрести за хорошую цену большую картину, три метра на два, на которой несметные ангельские рати готовились задать трепку легионам нечистой силы.

Так состоялась наша встреча с господином Алье. Он был в приличнейшем сером костюме, невзирая на жару, в золо-

тых очках, с розовыми щеками и серебрящейся шевелюрой. Он поцеловал руку Ампаро, как будто ему были незнакомы другие способы сказать здравствуй, и заказал шампанское. Художник торопился, Алье вручил ему пачку тревеллер-чеков и попросил доставить картину в гостиницу. Мы же задержались поболтать, Алье вполне владел португальским, но говорил с лиссабонским произношением, чем усиливался его старосветский шарм. Он расспрашивал о нас, поделился соображениями о возможных женевских корнях моей фамилии, потом поинтересовался семейной историей Ампаро и непонятно откуда угадал, что ее род происходит из Ресифи. Что же касается его собственного происхождения, он выразился туманно: — Мои истоки очень, очень отдаленны, и во мне смешались гены бесчисленных рас. Я ношу итальянское имя в память итальянского имения одного из предков. Да, так называемая голубая кровь, но кто в наше время обращает на это внимание. В Бразилию меня привело любопытство. Меня манят все формы Предания.

Потом он сказал, что в Милане, где он проживает уже несколько лет, у него богатая библиотека по религии. — Приходите посмотреть, когда вернетесь на родину. У меня есть интересные издания — от афро-бразильских ритуалов до культов Изида в период поздней империи.

— Обожаю культы Изида, — произнесла Ампаро. Она часто из самолюбия прикидывалась светской дурой. — Вы, наверное, знаете культы Изида в совершенстве?

Алье отвечал, скромно поклонившись: — Я знаю то немногое, что сам видел.

Ампаро пошла на попятный. — А это не две тысячи лет назад?

— Я ведь не так молод, как вы, — усмехнулся Алье.

— Вы как Калиостро, — сказал тогда я. — Это ведь о нем история, будто он проходил мимо распятия и громко сказал кому-то из сопровождающих: “Говорил же я в тот вечер этому иудею: будь осторожнее! Он не послушал, и вот что вышло”.

Алье напрягся, и я понял, что сострил неуместно. Естественно, я стал извиняться, но собеседник перебил меня с успокоительной улыбкой: — Калиостро был лгуном, ибо о нем прекрасно известно, когда и где он был рожден, и ему

не удалось прожить даже одной порядочной жизни. Все это бахвальство.

— Да уж я думаю...

— Бахвальство и ничего более, — настойчиво продолжал Алье. — Однако это не означает, что не существовали — в частности, они и ныне существуют — некие лица, способные прожить не одну, а несколько жизней. Наука пока еще настолько мало осведомлена о процессе старения, что я не исключаю, что смерть приключается просто-напросто в результате неправильного воспитания. Калиостро был хвастуном, однако граф Сен-Жермен хвастуном не был, и когда он утверждал, что многим химическим секретам обучился у древнейших египтян, он нисколько не преувеличивал. Но так как, когда он упоминал подобные эпизоды, никто ему не верил, он из вежливости к собеседникам делал вид, будто говорит в шутку.

— Вот вы делаете вид, что говорите в шутку, чтобы уверить нас, что говорите правду, — сказала Ампаро.

— Вы не только прекрасны, но еще и необыкновенно восприимчивы, — ответил Алье. — Однако заклинаю, не верьте моим словам. Если бы я действительно предстал перед вами в огнедышащем мареве моих истинных столетий, ваша краса в тот же час бы увяла, и я никогда бы не смог себе этого извинить.

Ампаро была завоевана, я же ощутил покалыванье ревности. Я перевел разговор на церкви, на того святого Георгия-Ошосси, которого мы недавно видели. Алье на это сказал, что нам обязательно нужно попасть на праздник кандомбле. — Не ходите туда, где берут деньги за вход. Настоящее кандомбле — то, где вас ни о чем не просят, не просят даже верить. Только наблюдать, уважительно, конечно, в духе той же толерантности ко всем верам, с которой они принимают вас самих вместе с неверием вашим. Некоторые “матери святого” или “отцы святого” на вид только что вышли из хижины дяди Тома, но обладают культурой доктора теологии из Грегорианского института.

Ампаро накрыла рукою его руку. — Возьмите нас с собой! — сказала она. — Меня водили только один раз, много лет назад, в шатер умбанды, но я ничего не помню, помню только ужасное волнение...

Алье, судя по всему, был растревожен этим прикосновением, но руки не отнял. Только, как я имел возможность наблюдать неоднократно в будущем, движением, характерным для минут его раздумья, свободной рукой он вынул из жилета крохотную шкатулочку из золота и серебра, вроде табакерки, с агатовой крышкой. На столике бара была зажжена небольшая свеча, и Алье, как бы не нарочно, приблизил к огню свою коробочку. Мы увидели, что от жара агат сделался бесцветным и на его месте возникла тончайшая миниатюра зеленью, лазурью и золотом, изображающая пастушку с корзиною цветов. Он повертел свою штучку в пальцах с рассеянным видом, как люди перебирают четки. Заметил, что я смотрю внимательно, усмехнулся, спрятал безделушку в карман.

— Волнение? Не хотелось бы мне, моя нежная госпожа, чтобы кроме восприимчивости вам была свойственна также чрезмерная чувствительность. Это изысканнейшее свойство, в особенности когда сочетается с красотой и с обаянием ума, но опасное для тех, кто отправляется в такое место, не зная, чего ищет и что его ждет... С другой стороны, прошу вас, не путайте умбанду и кандомбле. Во втором случае мы имеем дело с автохтонным афро-бразильским культом, первое же — достаточно поздний цветок, распустившийся, когда привили к туземным ритуалам побеги европейской эзотерической культуры, полной мистицизма, я бы сказал, тамплиерства...

Тамплиеры, похоже, гонялись за мною повсюду. Я сказал Алье, что ими занимался. Он посмотрел на меня с интересом: — Любопытное совпадение, мой дорогой друг. Здесь, на широтах Южного Креста, встреча с юным тамплиером...

— Я не хотел бы, чтоб вы меня сочли адептом...

— Ну что вы, дорогой Казобон. Знали бы вы, сколько несерьезности бытует в этой сфере.

— Знаю, знаю.

— Тогда о чем говорить. Но мы должны увидаться до вашего отъезда. — И мы назначили друг другу встречу на другой день, с тем чтобы отправиться вместе на исследование грандиозного портового базара.

Следующим утром мы встретились. Это был рыбный

рынок, или скорее арабский сук, или деревенская ярмарка, гипертрофированная, как опухолевая ткань, что-то вроде Лурда, заполненного нечистой силой, там чего только не было: заклинатели дождя, капуцины в экстазе, в стигматах, заговорные ладанки с вшитыми молитвами, кукиши из самоцветов, рожки из кораллов, нательные кресты, макендовиды, любовные амулеты доиудейских религий, гамаки, ковры, котомки, сфинксы, сердца и сердечки, колчаны племени бороро, ракушечные ожерелья. Выродившаяся мистика европейских конкистадоров сплавлялась здесь с прикладной наукой рабов, точно так же как цвет кожи всех участников торгов повествовал об истории незапамятных генеалогий.

— Вот вам, — говорил Алье, — картина того, что в этнографических учебниках называется бразильским синкретизмом. Дурацкое слово, с точки зрения официальной науки. Но в своем наивысшем выражении синкретизм есть признание единого Предания, которое пронизывает и питает все религии, все знания, все философские учения. Мудр не тот, кто отвергает, тот мудр, кто отбирает и сочетает проблески света, откуда бы они ни исходили... И потому мудрее эти невольники, или потомки невольников, нежели этнографы Сорбонны. Понимаете? Вы-то поняли меня, прекраснейшая дама?

— Головой — нет, — отвечала Ампаро. — утробой. Извините, я сознаю, что граф Сен-Жермен так бы не выразился. Я имею в виду, что здесь родилась и есть вещи, которые мне неизвестны, но они звучат во мне где-то тут... — Она дотронулась до груди.

— Знаете, что сказал однажды кардинал Ламбертини одной своей знакомой, у которой был дивный алмазный крест, украшавший декольте? Каким счастьем было бы умереть на вашей голгофе. Вот так и я был бы счастлив вслушаться в ваши звуки. Но сейчас моя очередь извиниться за выражение. Перед вами обоими... Я родом из времени, когда греховно бывало и отдавать должное пригожестью... Не буду мешать вам. Мы увидимся, не правда ли?

— Мог бы быть тебе отцом, — пробурчал я на ухо Ампаро, таща ее по рядам базара.

— Даже праотцем. Он намекал, что ему минимум тыща лет. Ревнуешь к фараоновой мумии.

— Ревную к тому, на кого у тебя в голове лампочка за-
жигается.

— Вот классно, наверно, это любовь.

Рассказывая однажды, что он встречался с Понтием Пилатом в Иерусалиме, он досконально описал жилище наместника и перечислил блюда, поданные к столу. Кардинал де Роган, полагая, что слушает вымышленный рассказ, обратился к камердинеру графа Сен-Жермена, седоволосому и с виду почтенному: “Друг мой, сказал он, мне трудно верить всему тому, что рассказывает ваш патрон. Что он чревовещатель, это я допускаю; что он умеет изготавливать золото — пусть и так; но что ему лет уже две тысячи и что он обедал с Понтием Пилатом — чересчур для меня. Это ведь шутка, не правда ли?” — “Не могу знать, милостивый государь, — отвечал с наивным видом камердинер, — я на службе у господина графа всего только четыреста лет”.

Коллен де Планси, *Инфернальный словарь*.
Collin de Plancy, *Dictionnaire infernal*,
Paris, Mellier, 1844, p. 434

27

Шли дни, я был целиком захвачен Салвадором. В гостинице я бывал немного. Перелистывая именно указатель книги о розенкрейцерах, я обнаружил там графа Сен-Жермена. Смотри-ка, сказал я сам себе, прямо как на заказ.

Вольтер писал о нем: “человек, никогда не умиравший, который знал все”, но Фридрих Прусский был с ним не согласен и именовал Сен-Жермена “смехотворный граф”. Хорас Уолпол полагал, что это был некий итальянец, или испанец, или поляк, разбогатевший в Мексике, а после этого бежавший в Константинополь с драгоценностями жены. Самые достоверные сведения о нем содержатся в воспоминаниях мадам Оссе, камеристки маркизы де Помпадур (хорошая рекомендация, саркастически вставила Ампаро). Он сменил великое множество имен: в Брюсселе был Сюрмоном, в Лейпциге Уэллдоном, в других местах — маркизом Аймар, Бедмар, Бельмар, графом Солтыковым. До своего ареста в Лондоне в 1745 году, он был там славен как музыкант, чаровал салоны игрой на скрипке и на клавесине. Через три года в Париже он предложил свои услуги Людовику Пятнадцатому в качестве специалиста по красителям, взамен истребовав себе резиденцию в замке Шамбор. Король использует его для дипломатических поруче-

ний в Голландии, там он запутывается в некрасивую историю и вынужден снова бежать в Лондон. В 1762 году он в России, потом — опять в Бельгии. Там его встречает Казанова, который рассказывает о том, что граф превратил монету в золото. В 1776 году он при дворе Фридриха II, показывает тому разнообразные химические проекты, а через восемь лет после этого умирает в Шлезвиге, у ландграфа Гессенского, для которого устраивал фабрику по производству красок.

Ничего экстраординарного, стандартная карьера авантюриста восемнадцатого века, меньше амуров, чем у Казановы, и надувательства не так театральны, как у Калиостро. В конечном итоге, за вычетом нескольких провалов, в глазах сильных мира его репутация не так уж плоха, он ловит их всех на алхимическую наживку, однако с промышленным уклоном. Но именно вокруг его фигуры, безусловно в результате его же направленных усилий, складывается легенда о бессмертии. Не раз и не два в салонной беседе от него слышали рассказы о событиях глубоко древних, так, как будто он их видел собственными глазами. Он создавал свой миф непринужденно, под сурдинку.

В книге цитировался также “Гог” Джованни Папини, где описана ночная встреча героя на палубе трансатлантического парохода с Сен-Жерменом. Истомленный тысячелетним возрастом и воспоминаниями, переполняющими память, граф находится в отчаянии, как знаменитый борхесовский Фунес — только текст Папини написан раньше, в 1930 году. — Не думайте, что наша участь завидна, — говорит Гог графу. — Проходит столетия два, и невыразимая доука охватывает несчастных бессмертных. Мир монотонен, история ничему не учит людей, и в каждом поколении все те же страхи, все те же страсти, события не повторяются, но одно напоминает другое... новости, открытия, откровения — все изживает себя. Я могу признаться только вам, сейчас, когда нас двоих слышит только Красное море: мое бессмертие мне надоело. Земля не имеет больше для меня секретов, а на мне подобных я не надеюсь.

— Любопытный персонаж, — сказал я Ампаро. — Ясно, что наш друг Алье косит под Сен-Жермена. Зрелый, даже

перезревший джентльмен, с деньгами все в порядке, свободное время имеется, как и склонность к мистике...

— В своей реакционности он последователен и достаточно смел, чтобы быть декадентом. Предпочитаю этот тип демократическим буржуям, — доложила Ампаро.

— Вимен пауэр¹, вимен пауэр, а потом пускаете слюни, что вам чмокнули ручку.

— Это вы нас довели. Доводили много столетий. Дайте нам как следует эмансипироваться. Я же не говорю, что хочу за него замуж.

— И на том спасибо.

На следующей неделе Алье позвонил сам. Он договорился на сегодняшний вечер, что нас примут на террейро де кандомбле. К ритуалу нас не допустят, потому что иалорипша не доверяет туристам, но она собственной персоной встретит нас до начала церемонии и проведет экскурсию по террейро.

Алье заехал за нами на машине, и мы покатали по направлению к фавелам — бедняцким пригородам, с другой стороны горы. Здание, у которого мы остановились, — какой-то брошенный фабричный павильон — охранялось старым негром, он и ввел нас на территорию, предварительно окурив какую-то благотворной смолой. По ту сторону забора виднелся жиденький сад, посреди которого стояла огромная корзина из пальмовых листьев, наполненная божьими лакомствами — *comidas de santo*.

Внутри в огромном цеховом помещении все стены были увешаны картинами, благодарственными подношениями, африканскими масками. Алье пояснил нам, как организован зал. В глубине поставлены скамьи для непосвященных, ближе к середине — помост с музыкальными инструментами, стулья для оганов. — Оганы, так называются почитаемые люди, не обязательно верующие, но уважающие культ. Тут в Баии знаменитый Жоржи Амаду — оган на одном террейро. Его назначила Иансун, повелительница войны и ветра.

— А откуда возникли эти божества? — спросил я.

— Они прошли сложный путь. Прежде всего, важное зна-

¹ Women power — сильная позиция женщины (англ.) — лозунг движения за эмансипацию на Западе в 1960—70-е гг.

чение имеет суданская ветвь, которая укоренилась на севере на самом раннем этапе завоза рабов. Из этого этнического куста берет свое начало кандомбле, прославляющее африканских божеств ориша. В южных штатах Бразилии сначала преобладало влияние групп банту, но потом разные смещения в геометрической прогрессии привели к полной неузнаваемости исходного материала. Поэтому на севере культы исповедуются в соответствии с африканскими религиями, а на юге примитивная макумба эволюционировала, приведя к появлению умбанды, на которую повлияли и католицизм, и кардецизм, и европейский оккультизм...

— Не слышу тамплиеров. Слава Аллаху.

— Тамплиеры — это вообще метафора. В любом случае, сегодня вы действительно о них не услышите. Но пути синкретизма почти неисповедимы. Вы видели перед дверью, рядом с Божией снедью, железную статуэтку черта с рогатиной, у его ног — вотивные подношения? Это Эшу, имеющий огромную силу в умбанде, но не в кандомбле. И тем не менее на кандомбле его почитают, он промежуточное божество, выродившийся Меркурий. Эшу вселяется в участников умбанды, но не кандомбле. Но все-таки Эшу почитается и здесь. Смотрите, там под стенкой... — И он показал нам на раскрашенные статуи: индейца и старого негра, присевшего покурить трубку. Негр был в белой повязке, индеец — голый. — Это прето вельо и кабоккло, духи покойников, на умбанде они главные герои. Что они делают здесь? Принимают почести, не участвуют, потому что во время кандомбле восстанавливается связь только с африканскими божествами, ориша; тем не менее и этих не забывают.

— А есть что-то общее в двух культурах?

— Скажем так: для всех афро-бразильских религий в любом случае характерно, что во время ритуала участники впадают в транс и в их тело вступает сверхъестественная сила. На кандомбле — ориша, в умбанде — духи усопших.

— Я забыла свою страну и свою расу, — сказала Ампаро. — Боже милостивый, чуть-чуть Европы и чуть-чуть исторического материализма — из головы вытеснилось все. А ведь об этом в свое время мне рассказывала бабушка...

— Чуть-чуть какого материализма? — усмехнулся Алье. — Ах да, я что-то об этом слышал... Как же, как же,

апокалиптическое верование, проповедовалось одним уроженцем Трира...

Я прижал к себе локоть Ампаро: — Но пасаран, любовь моя.

— Господи Иисусе, — охнула она.

Алье, вероятно, расслышал наш полусшепотный разговор. — Могущество синкретизма почти что неисповедимо, моя дорогая. Но если вы предпочитаете политические интерпретации, пожалуйста. Расскажем историю иначе. Законы девятнадцатого века возвратили рабам их свободу, но в стремлении искоренить следы давешних унижений были уничтожены любые, в том числе документальные свидетельства времен работорговли. Рабы получили волю, но утратили свое прошлое. Они стремятся восстановить хотя бы коллективное самосознание, поскольку родового и семейного лишились. Этим и обусловлен возврат к корням. Таков их специфический способ противостоять, как выражается ваше юное поколение, давлению верхов.

— Но вы только что сами говорили, что в дело замешаны эти европейские секты... — отвечала Ампаро.

— Моя милая, чистота — роскошь, а рабам достается что дают. Но они мстят. И мстя, захватывают в плен больше белых, чем вы можете подумать. Изначальные африканские культы отличались обычными слабостями, свойственными религиям, были привязаны к месту, к этносу, не имели будущего. Но соприкоснувшись с мифами колонизаторов, они сумели возродить чудесный эффект античной древности: вдохнули новую жизнь в мистерийные культы второго и третьего веков нашей эры, возникшие в Средиземноморском регионе из религии одряхлающего Рима и из тех древних заквасок, которые бродили в Персии, Египте, доиудейской Палестине... Во времена поздней империи в Африку попадают огромные заряды средиземноморской религиозности, и Африка их аккумулирует, накапливает, конденсирует. Европу загубило христианство, настоящее на "государственном интересе", в то время как Африка приняла в себя сокровища знания и тихо стерегла их с далеких пор, те самые сокровища, которыми во времена египтян она поделилась с греками, а те бессмысленно промотали свое богатство...

Есть корпус, который объемлет весь единый мир, и представляйте его в круговой форме, ибо это есть форма Всего... Вообрази теперь, что в кругу этого корпуса пребывают 36 деканов, в центре между кругом всеобщим и кругом солннопутья, разделяя эти два круга и якобы ограничивая зодиак, увлекаемые вдоль зодиака с планетами... Смена царей, рост городов, голод, чума, отливы морей, земной трус, ничто из этого не бывает помимо влияния деканов...

*Герметический корпус.
Corpus Hermeticum, Stobaeus, excerptum VI*

28

— Да что это за сокровища такие?

— Вы представляете себе, что за невероятная эпоха второе и третье столетия после пришествия Христа? Ее величие не в роскошах империи на излете владычества, а в том, что попутно расцветало в средиземноморском бассейне. В Риме преторианцы потрошили императоров, а в Средиземноморье звенела слава Апулея, вершились мистерии Изида, наблюдался великий возврат духовности — неоплатонизм, гностицизм... Благословенные времена, когда христиане еще не захватили власть в свои руки и не приговаривали к смерти еретиков. О дивная эпоха, царствование “нуса”, поэзия экстаза, присутствие явлений, эманаций, даймонов и аггельских когорт. Это знание диффузное, несвязное, древнее, как древен мир, оно восходит ко временам ранее Пифагора, к брахманам Индии, к евреям, к волхвам, к гимнософистам и даже к варварам самого крайнего севера, к друидам Галлий и британских островов. В свое время греки называли их варварами, потому что те бормотали бур-бур, вар-вар, не умели изъясниться, их наречия для изнеженного уха звучали как песий лай. А в ту эпоху, о которой сейчас речь, наоборот, люди пришли к выводу, что варвары гораздо более сведущи, чем эллины, именно потому, что их языки скрытны. Вы думаете, все, кто будет плясать сегодня, знают тайный смысл всех песен и магических имен? К счастью, нет, каждое непонятное слово для них — упражнение для дыхания, мис-

тические вокализы. О, эпоха Антонинов... Мир был полон поразительных совпадений и тончайших подобий, следовало проникать их, проникаться ими, обращаться ко снам, оракулам, волшбе, что позволяло воздействовать на природу и на ее силы, подвигая подобное подобным. Мудрость неуловима, летуча, неподвластна ни единой мере. Вот почему в ту эпоху богом-победителем был Гермес, строитель уловок, бог перекрестков и воров, одушеводитель писательства, искусства уклончивого и гибкого, изобретатель навигации, уводящей далеко за границы, туда, где смешиваются горизонты, первооткрыватель подъемных лебедок, помогающих отрывать камни от почвы, создатель оружия, умеющего претворять жизнь в смерть, мастер водяных насосов, вздымающих в воздух жидкую стихию, покровитель философии, которая обманывает и манит... Знаете, где живет Гермес в наше время? Да тут, за дверью, его называют Эшу, он у богов на посылках, посредник, коммерсант, не ведающий различий между добром и злом.

Взгляд его стал лукавым, почти вызывающим. — Вот вы думаете, что как Гермес спор с куплей, так и я слишком шустро распределяю богов. Ну, посмотрите вот книжонку, которую я купил сегодня в простецкой лавочке в Пелуриньо. Колдовство и мистерии Киприана, рецепты пойд, вызывающих любовь, умерщвляющих врагов, обращения к ангелам и к Пречистой Деве. Типичный лубок для здешних мистиков темного окраса... Так вот, этот Киприан — святой Киприан Антиохийский, о котором в серебряную эру сложили громадную литературу. Родители хотели, чтобы он обучился и знал бы все, что в земле, в воздухе и в водах моря и посылали его в самые далекие страны познавать все на свете чудеса, чтобы он внял рождение и распад травы и внял достоинства растений и зверей, не по естественной истории, а по оккультной науке, погребенной в глубине архаических и дальних ладов. И Киприан обещался в Дельфах Аполлону и змеиному действию, и познал мистерии Митры, в пятнадцать лет, на горе Олимпе, наставляемый пятнадцатью иерофантами, и присутствовал при ритуальных кличах к Князю Сего Мира, дабы возгосподствовать над его козней; в Аргосе был инициирован в мистерии Геры, во Фригии узнал авгурское искусство прорицания

по требухе, и не было с оных пор такого на земле, в море и в воздухе, что не было бы ведомо ему, ни призрака, ни предмета изучения, ни изощрения любого, ни даже искусства чародейски извращать письма. В подземных храмах Мемфиса он изучает, как демоны общаются с вещами земли, какие места ненавидят, какие предметы они любят и как обитают во мраке, и с каким сопротивлением встречаются в определенных владениях, и как умеют владеть душами и телами, и для чего употребляют высшее знание, память, страх, обольщение, и искусство совершать земные подвижки и направлять течения под землей... Потом, увы, Киприан обратился, но что-то от обретенного опыта с ним осталось, и это передается, и встречает нас вот тут, на устах и в умах оборванцев, которых вы считаете идолопоклонниками. Моя милая, недавно вы глядели на меня как на обломок рухнувших времен. Но кто на самом деле — вы или я? Кто живет в прошлом? Вы, желающая привести свою страну ко всем ужасам трудящегося, индустриального века, или я, желающий, чтобы наша бедная Европа снова переняла естественность и веру у детей рабов?

— Господи Иисусе! — злобно парировала Ампаро. — Вам известно, что эти культы нужны, чтоб рабы сидели как миленькие...

— Не так уж как миленькие. Чтоб сидели и выжидали. Без выжидания не бывает и рая, так ведь считается у вас, европейцев?

— Это я европеец?

— Цвет кожи не считается. Считается вера в Предание. Чтобы снова научить выжиданию Запад, парализованный благополучием, здешние расплачиваются, и немалыми муками. Но они не разучаются понимать язык духов природы, воздуха, вод и ветров.

— А, вы снова взялись эксплуатировать нас!

— Снова?

— Вам следовало бы помнить урок восемьдесят девятого, граф. Когда нам уж невтерпех, вжик! — И улыбаясь словно ангел, она провела точеной вытянутой ладонью поперек шеи. В Ампаро для меня желанными были даже зубы.

— Какая драма. — Алье вытянул из кармана свою табакерочку и ласкал ее сдвинутыми пальцами. — Значит, меня

расшифровали? Но ведь в восемьдесят девятом головы срезались с плеч не рабами, а теми самыми буржуями, которых вы, наверно, ненавидите. Добавлю: Сен-Жермену за столько-то веков привелось видеть много голов, и как они катились с плеч и как возвращались на свои плечи. Но вот к нам идет мать святого, иалориша.

Встреча с аббатисой здешнего террейро состоялась в спокойной, сердечной, народной и в то же время интеллигентной обстановке. Это была огромная негритянка с эмалевыми зубами. На первый взгляд — торговка, а поговорив немного, начинаете понимать, почему именно такие бабы главенствуют в культурной жизни Салвадора.

— К примеру, ориша — это существа или силы? — спросил я ее. Мать святого ответила, что конечно же, это силы: вода, ветер, листья, радуга. Но как разубедить простонародье, если оно находит в них воплощения воинов, женщин, святых католической церкви? Вот вы, сказала она, не почитаете ли космическую силу в обличии девственниц? Самое важное — уважать силу, а облик ее воплощения в каждом случае должен соответствовать возможностям восприятия.

Потом она вывела нас в сад на заднем дворе, чтобы осмотреть часовни до начала священнодействия. В саду нам показали дома ориша. Команда негритяночек в баианских костюмах суетилась там в пылу последних приготовлений.

Дома ориша были разбросаны по саду в беспорядке, как капеллы на святой горе, и на каждом было вывешено изображение соответствующего святого. Внутри каждой хижинки, если заглянуть, выделялись резкие, яркие цвета венков, статуй, свежеприготовленных лакомств, поднесенных богам. Белый для Ошала, голубой и розовый для Иеманжи, красный и белый для Шанго, желтый и золотой для Огуна... Посвященные становились на колени, целовали порог, осеняли себя прикосновением ко лбу и за ухом.

Все же, думал я, Иеманжа — это то же, что Пречистая Дева Непорочного Зачатия, или нет? Шанго — святой Иероним?

— Не задавайте чересчур трудных вопросов, — предостерег меня Алье. — В случае умбанды ответить было бы

еще сложнее. В родословную Ошала входят святой Антоний и святые Косма и Дамиан. Иеманжа включает в себя сирен, ундин, кабокло как морских, так и речных, поверия о духе моряков, о путеводных звездах. В восточную линию входят инду, врачи, ученые, арабы и марокканцы, японцы, китайцы, монголы, египтяне, ацтеки, инка, жители карибского региона, римляне. В генеалогии Ошосси присутствуют солнце, луна, кабокло водопадов и кабокло негров. В линии Огуна преобладают Огун Бейра-Мар, Ромпе-Мато, Иара, Меже, Наруээ... В общем, в разных случаях по-разному.

— Господи Иисусе, — снова выдохнула Ампаро.

— Господи Ошала, — поправил я ее в нежное ушко. —

Не переживай, но пасаран.

Иалориша показала нам маски, которые тем временем приспешники вносили в храм. Это были соломенные не то баутты, не то капюшоны, которыми должны были облакаться медиумы по мере погружения в транс и отдачи себя божествам. Требование стыдливости, пояснила она. Есть террейро, на которых избранные танцуют с обнаженным лицом, являя окружающим свою страстность. Однако правильное, когда посвященный защищен, уважен, отгорожен от любопытства профанов или в любом случае от тех, кто не может понять внутреннего их ликования и блаженства. Таков обычай их террейро, добавила она, и именно поэтому посторонних стараются не допускать. Однако кто знает, может быть в будущем... — И она предложила не прощаться окончательно.

Кроме того, она захотела угостить нас, разумеется не из жертвенной корзины, а из кухонных их запасов, кое-какой “божественной снедью”. Нас проводили на заднюю часть террейро, где нас ожидало многоцветье: тапиока, пимента, кокосы, амендоим, имбирь, мокека де сири моле, ватапа, эфа, каруру, черная фасоль с фарофой, и тягучий запах африканских специй, и тропические ароматы, сладкие и крепкие, которые мы покаянно дегустировали, сознавая, что принимаем участие в пире древних богов Судана. Все это правильно, говорила иалориша, потому что каждый из нас, не сознавая, является сыном какого-то ориша, и даже очень часто можно точно сказать, какого. Я потребовал, чтобы мне сказали, чей же я сын. Иалориша по-

началу уклонялась, говоря, что трудно так вот сразу установить с точностью, но потом поглядела на ладонь моей руки, погладила ее пальцами, заглянула мне в глаза и сказала: “Ты сын Ошала”.

Я загордился. Ампаро, прекратив топорщиться, сказала, что и насчет Алье не мешало бы понять, чей он сын, но он ответил, что предпочитает не знать.

Дома Ампаро сказала мне: — Ты его руку видел? Вместо линии жизни, цепочка прерывистых линий. Как ручеек уходит под камень и вытекает снова метром ниже наружу. Судя по линии, он умирал много раз.

— Чемпион по метемпсихозу на длинной дистанции.

— Но пасаран, — засмеялась Ампаро.

Уже из одного того обстоятельства, что они меняют и укрывают свои имена, и лгут о своем возрасте, и по собственному признанию, приходят неузнаваемыми, — ни один логик не станет опровергать, что необходимо вытекает, что они действительно существуют.

Генрих Нейгауз, *Благочестивое и наипоследнейшее предостережение о членах Братства Розы и Креста, именно: существуют ли они? каковы они? и что за имена они себе приписывают.*
 Heinrich Neuhaus, *Pia ed ultimissima admonestatio de Fratribus Roseae-Crucis, nimirum: an sint? quales sint? unde nomen illud sibi asciverint*, Danzig, Schmidlin, 1618 — ed. fr. 1623, p. 5

29

Говорил Диоталлеви, что Хесед — это сефира благодати и любви, белый пламень, ветерок с юга. Позавчера в перископе мне думалось, что последние дни, проведенные в Баии, когда я был с Ампаро, протекали именно под этим знаком.

Я вспоминал — сколько же вещей вспоминается одновременно тому, кто ждет, зажатый в тесноте, в темном месте, час за часом, — один из тех последних золотых вечеров. Ноги у нас гудели от нескончаемых баианских маршрутов и мы улеглись рано, но не спали. Ампаро угнездилась на подушках, свернувшись клубком, и притворялась, будто читает один из моих учебников по умбанде, который находился у нее где-то между пяток. Но я мешал ей многими способами, а кроме того, в частности, громко делился впечатлениями о моих розенкрейцерах, так как именно эту монографию я наконец вознамерился изучить. Вечер был чудесен, но, как выразился бы Бельбо в своих упражнениях по чистописанию, “не чувствовалось дуновения ветерка”. Гостиница у нас была первоклассная, под окном шелестело море, а в полурастворенном предбанничке возвышалась огромная корзина тропических фруктов, которые мы утром притащили с рынка.

— Не спи, а слушай. В 1614 году в Германии выходит анонимное сочинение “Allgemeine und general Refor-

mation”, или же “Всеохватная и всеобщая Реформа всего целого Мира, совокупно со Славою Братства — *Fama Fraternalitatis* — Глубокоуважаемого Братства Розенкрейцеров, се обращение ко всем ученым и к правителям Европы, купно с краткой отповедью Господина Хазельмайера, который за отповедь был ввергнут Иезуитами в узилище и прикован железам на галере. Ныне выдано в печати и для каждого искреннего сердца отвергнуто. Выдано в Касселе Вильгельмом Весселем”.

— Длинноватенькое название у кессельвесселя.

— В семнадцатом веке носили длинное. Заказывали Лине Вертмюллер... Кессельвессель — сатирическое сочинение вроде сказочки о всемирном переустройстве человечества и списано, кажется, с “Парнасских Ведомостей” Траяно Боккалини. Однако туда приплетен еще небольшой трактатик на дюжину страниц — эта самая “Слава Братства”, которую на следующий год перепубликовали отдельным изданием, и присовокупили другой манифест, на этот раз по-латыни, “*Confessio fraternalitatis Roseae Crucis, ad eruditos Europae*” — “Исповедание Братства Розового Креста, всем эрудитам Европы”. В обоих текстах Братство Розенкрейцеров заявляет о себе и о своем учредителе, таинственном С.Р. Только потом, по другим источникам, будет выяснено или решено, что его имя Христиан Розенкрейц.

— А в книге нет полного имени?

— Там у них в заводе только сокращения. Полное имя G.G.M.P.I. и так далее, можно зватья и по-семейному запросто P.D. В книге рассказано о годах учения С.Р., как он сперва путешествует к Гробу Господню, потом в Дамаск, потом в Египет, а затем в Фес, который, похоже, в ту эпоху являлся святилищем магометанского знания. Там наш герой Христиан, который уже знает латынь и греческий, изучает восточные языки, физику, математику, науки о природе, и впитывает тысячелетнюю премудрость арабов и африканцев вплоть до Кабалы и до магии, и переводит на латинский мистическую “Книгу М”, и тем познает любые тайны макро- и микрокосма. Тогда уже два века как было в большой моде все восточное, чем непонятнее, тем лучше.

— Известный прием. Бедность, недовольство, эксплуа-

тация? Заказывайте чашу таинства! На, держи. — Она протянула мне самокрутку. — Из самолучшей травки.

— Видишь, и ты норовишь забытья.

— Но я же сознаю, что это химический эффект. Никакого таинства, а улетают все, даже кто не знает еврейского. Ползи сюда.

— Погоди... Затем Розенкрейц переезжает в Испанию и там тоже собирает все самое оккультное, и говорит, что придвигается все ближе к Центру Всяческого Знания. По мере этих своих путешествий, которые были обычным джентльменским набором в то время, он решает, что надо бы создать в Европе общество, которое наставляло бы правителей на пути мудрости и добра.

— Оригинальная мысль. Стоило тратить время на учебу. Я хочу холодную мамайю.

— В холодильнике. Пойди сама, пожалуйста, дай поработать.

— Кто работает — тот муравей, а муравей должен запасать провизию. Пусть муравей идет за мамайей.

— Мамайя — признак бытового разложения. Пусть стрекоза сама себе ее тацит. Или давай я пойду, а ты почитай.

— Боже упаси. Ненавижу культуру белого человека. Лучше уж пойти.

Ампаро направилась в предбанник, а я вождедел ее на фоне окон. Тем временем С.Р. воротился в родную Германию, где занялся не трансмутацией металлов, хотя квалификация ему вполне бы позволяла, а возрождением духовности. Он основал свое братство, изобретя магический язык и письменность, которая послужила бы основой для образования братьев, имеющих прийти.

— Нет, нет, книга испачкается, положи мне прямо в рот, ну, не надо, пожалуйста, что за глупости, вот так. Господи, какая же вкусная мамайя, розенкрейцерская мутти-я-йя... А знаешь, в первые годы первые розенкрейцеры написали такое, что могло бы просветить мир, алчущий истин?

— Что же они написали?

— То-то и штука, что манифест этого не открывает. Обознатушки-перепрятушки. Потому что эта истина такая важная, такая важная, что открывать ее никак нельзя.

— Сволочи. И ты тоже.

— Нет, нет, я не виноват, перестань, щекотно! В общем, розенкрейцеры, как они преумножились, тут же они решили разъехаться во все концы света и дали обет бесплатно лечить болящих, не носить одежд, по которым их могут опознать, прилаживаться к обычаям каждого государства, встречаться между собою ежегодно и оставаться в глубокой тайне сотню лет.

— Но извини, какой реформы им было надо, если ее как раз в то время проводили? Лютер-то зачем старался?

— Да нет, выходит, что розенкрейцеры — это еще до протестантства. Тут сказано в примечании, что из внимательного изучения “Fama” и “Confessio” очевидно...

— Кому очевидно?

— Говорят очевидно, значит, должно быть и твоим очам видно. Не приставай. Эй! Прекрати немедленно! Идет серьезный разговор, понимаешь...

— Понимаешь, это ты не понимаешь...

— Я сейчас отползу, с тобой опасно... Очевидно, как было заявлено! что предтеча розенкрейцерства — Христиан, как ты уже догадалась, Розенкрейц! Родился в 1378-м году и умер в 1484-м в цветущем возрасте ста шести годов, и нетрудно догадаться, что его секретное общество способствовало проведению реформы, которая как раз по выходе манифестов, в 1615-м праздновала как раз-таки столетний юбилей, заметь — именно сто лет. Плюс к этому имей в виду, что на гербе Лютера помещены роза и крест.

— Простенько и со вкусом.

— А что ты хотела бы чтобы Лютер держал у себя на гербе — горящую жирафу или растаявшие часы? Всякому дизайну свое время. Всяк шесток знай свой свер... Знаю, какой тебя шесток интересует... Слушай лучше. Около 1604 года розенкрейцеры ремонтировали свой дворец или как его, тайный замок. И там они обнаружили плиту, в середине которой был забит большой-большой гвоздь. Дерни за гвоздик — плита вынулась, а за нею оказалась большая-большая дверь, а на двери было написано большими-большими буквами POST CXX ANNOS PATEBO.

Хоть я и был подготовлен письмом Бельбо, все же я подскочил. Ого!

— Что с тобой?

— Тот же текст в тамплиерском завещании... Я тебе никогда не рассказывал один случай, с одним полковником...

— Ну так значит тамплиеры сперли у розенкрейцеров.

— Да тамплиеры были раньше...

— Значит, розенкрейцеры сперли у тамплиеров.

— Радость моя, без тебя я бы сел и заплакал.

— Радость моя, тебя сглазил этот Алье, ты тоже начал ждать откровения.

— Ничего я не жду.

— Ну и молодец, а то будь начеку — опиум для народов!

— Пуэбло унидо хамас сера венсидо?¹

— Смейся, смейся. Лучше расскажи, что дальше писали эти идиоты.

— Эти идиоты, как объяснил Алье, стажировались у вас в Африке.

— На стажировке их обучали утрамбовывать в трюмы таких, как я.

— Скажи спасибо, что тебя вовремя утрамбовали и вывезли в Бразилию, а то жить бы тебе в Претории, бедная чернавочка. — После поцелуев я продолжал: — За большой-большой дверью обнаружилась гробница о семи углах и — кто б мог подумать — семи сторонах! великолепно освещенная искусственным солнцем. В середине был круглый алтарь, весь разузоренный девизами и эмблемами, например NEQUAQUAM VACUUM...

— Не-ква-ква? Кря-кря?

— Это латынь, глупая макака. Означает: пустоты не существует.

— Ну это еще слава богу. А я боялась...

— Можешь включить вентилятор, анимула вагула бландула²?

— Сейчас зима.

— Это у вас на обратном полушарии, дитя мое. Сейчас не может быть зима, сейчас июль. Очень тебя прошу, вклю-

¹ *El pueblo unido jamás será vencido* — Народ — будь един — и ты непобедим (*исп.*) — лозунг левых манифестаций.

² *Animula vagula blandula* — душенька летучая чудная (*лат.*) — из стихотворения императора Адриана (II в. н.э.).

чи вентилятор, не потому что женщина должна обслуживать, а потому что он с твоей стороны. Мерси. Так вот, под алтарем находилось нетленное тело первооснователя. В руке оно держало “Книгу I”, исполненную невыразимой премудрости. Жалко, что миру эта книга не может быть открыта, — добавляет манифест, — а то бы такое было! такое было!

— Ой.

— Вот именно. В конце манифеста обещается некое сокровище — его еще предстоит обнаружить — и потрясающие откровения в области взаимоотношений между макро- и микромиром. Не думайте только, что имеете дело с ничтожными алхимиками, которые только и способны научить как делать золото. Мы предлагаем вам действительно стоящую вещь! Мы метим гораздо выше, во всех смыслах! Мы распространяем наш буклет “Fama” на пяти языках, не говоря уж о “Confessio” — в самом скором времени поступит в продажу! Ждем ответов и впечатлений от ученых и от неучей. Пишите и звоните нам по телефону, сообщайте о себе, а мы рассмотрим, подходит ли ваша кандидатура для участия в наших тайнах, которые пока что мы вам только приоткрыли! *Sub umbra alarum tuarum Iehova.*

— Это еще что?

— Под сению крил твоих, Господи. Заставка конца передачи. Переходим на прием. В общем, создается впечатление, что этим розенкрейцерам нейдет поделить тем, что они открыли, и ищут они только достойного собеседника. Но пока что ни гу-гу о том, что же это такое.

— Как на объявлениях, где под фотографией подписано: пришлите десять долларов, и я научу, как стать миллионерами.

— Он, кстати, и действительно может научить. Делать как он. А лучше как я...

— Лучше бы читал дальше. От тебя спасенья нет, можно подумать, ты меня до сих пор никогда не видел.

— Каждый раз с тобой как первый раз.

— Даже еще хуже. В первый раз я не доверяю посторонним мужчинам. И еще скажи пожалуйста, ты что, решил в этом специализироваться? То тамплиеры, теперь розенкрейцеры... Ты, скажем, Плеханова отчего не читаешь?

— Я через сто двадцать лет поеду искать его гробницу.
Если Сталин ее не закатал бульдозером...

— Вот балда. Не читай минутку, я схожу в ванную.

Еще знаменитое побратимство Розы и Креста предупредило, что весь подлунный мир охвачен бредовыми провозвестиями. И действительно, как только появился этот призрак (хотя в "Fama" и в "Confessio" доказывается, что дело шло об обыкновеннейшей забаве для досужих умов), тут же он породил и надежду на всеохватную реформу, и породил явления частично смехотворные и абсурдные, а частично невероятные. И от этого честные и порядочные люди самых различных стран взялись потешаться и насмехаться над ними, дабы они открыто выступили бы в свою защиту или чтоб убедиться, что те способны появляться перед названными побратами... при помощи Зеркала ли Соломона или иным оккультным способом.

Христоф фон Безольд (?),
Дополнение к Фоме Кампанелле, цит. по: Об испанской монархии.
Christoph von Besold (?), *Appendice a Tommaso Campanella, Von der Spanischen Monarchy, 1623*

30

Дальше было еще интереснее, и к возвращению Ампаро я готов был вкратце изложить ей все, что происходило после публикации манифестов. — Невероятная история. Манифесты выходят в эпоху, когда подобных сочинений бытовало множество, все алчут обновления, золотого века, райских усад ума. Жуткая суматоха, одни копаются в магических текстах, другие топят печку, чтобы вытопить золото, кто-то повелевает светилами, кто-то составляет секретные алфавиты и универсальные языки. В Праге Рудольф Второй переоборудует свой двор в алхимическую лабораторию, приглашает Коменского и Джона Дии, астролога английского короля; Дии описал все тайны мироздания на нескольких страницах в сочинении "Иероглифическая монада". Лейб-медиком Рудольфа Второго работает тот самый Михаэль Майер, которому принадлежит книга о визуальных и музыкальных эмблемах "Atalanta Fugi-ens" — вакханалия философских яиц, змеи, кусающие собственный хвост, сфинксы... Ничто не может сравниться в ясности с тайными шифрами, все составляет собой иероглиф чего-то иного. Ну вообрази: Галилей швыряет камни с Пизанской башни, Ришелье играет в

монопольку с половиной Европы, а тут все гуляют выпучив глаза, чтобы пронизать письма мира: попробуйте объясните-ка им законы притяжения! Им-то известно, что за этим (вернее говоря, над этим) скрывается нечто посущественнее. И оно имеет имя: Абракадабра! Торричелли изобретает барометр, а те устраивают балеты, водопады и фейерверки на Палатинском холме в Гейдельберге. Между тем намечается Тридцатилетняя война.

— Мама Кураж пакует чемоданы.

— Да, но и эти тоже не сильно обрадовались. Правда, курфюрст пфальцский в девятнадцатом году завладел богемской короной, думаю, в основном потому что ему ужас как хотелось поуправлять Прагой, “заколдованным городом”, однако Габсбурги через годик вставили ему фитиль при Белой Горе, в Праге перебили всех протестантов, у Яна Коменского сожгли дом, библиотеку, убили жену и ребенка. Сам Коменский продолжал скитаться по дворам Европы, рассказывая, какой великой и многообещающей была теория розенкрейцеров.

— Несчастный человек. Ты хотел бы, чтоб он утешался барометрами? Кстати, извини, женскому уму не все доступно. Кто, говоришь, написал манифесты?

— В том-то и прелесть, что неизвестно... Попробую разобратся. Почеши мне розенкрейц. Между лопатками... ниже... левее... так. Среди этих немцев встречались невероятные типы. Например Симон Студион, автор “Наомерии”, оккультного трактата об обмерах храма Соломонова. Генрих Хунрат, написавший “Амфитеатр вечной науки”, где полно аллегорий с еврейским алфавитом и каббалистических пещер. Кстати, эти пещеры перепахали душу и сочинителям трактата “Гата”. Эти сочинители принадлежали, скорее всего, к одной из миллиона утопических сект, проповедовавших возрождение христианства. Принято думать, что автора звали Иоганн Валентин Андреаз, и что год спустя он опубликовал “Химическую свадьбу Христиана Розенкрейца”, но написал ее якобы в очень раннем возрасте, то есть идея Розы и Креста бродила у него в голове не один десяток лет. В Тюбингене он спелся с другими энтузиастами, они мечтали о республике Христианополь и, похоже, организовали колонию. Но это было

скорее игрой, или шуткой, они не ожидали, что выйдет такой сумасшедший дом, который из этого получился. Андреаэ всю оставшуюся жизнь пытался доказать, что манифесты писал не он и что в любом случае это была игра, *lusus, ludibrium*, голиардическая выходка. На этом деле он разрушил свою академическую репутацию. Потом он бегал, заявлял, что розенкрейцеры, даже если они существовали, были типичные самозванцы. Нечего делать. Как только манифесты вышли, создалось впечатление, будто люди на самом деле ничего другого не ждали. Ученые со всей Европы действительно стали писать им письма, а так как было неизвестно, где же их искать, то создавались открытые письма и печатные послания. Майер в том же году выпустил "*Arcana arcanissima*", где он их не называет, розенкрейцеров, прямым именем, но все уверены, что говорит он о них и что знает больше, нежели пожелал сказать. Кое-кто блефует, утверждает, будто уже читал эту Фаму в рукописи, я же думаю что в те времена книги изготавливались не так уж быстро, вдобавок с иллюстрациями, однако Роберт Флудд выпускает в 1616 году (причем пишет в Англии, а печатает в Лейдене, рассчитаем, сколько времени уходило на пересылку гранок) произведение под названием "*Apologia compendiaria Fraternitatem de Rosea Cruce suspicionis et infamiis maculis aspersam, veritatem quasi Fluctibus abluens et abstergens*"¹, дабы защитить розенкрейцеров и избавить их от подозрений, от "пятен", коими их удостоили, а это означает, что уже вспыхнули дебаты между Богемией, Германией, Англией, Голландией, с широким использованием конных гонцов и путешествующих эрудитов.

— А розенкрейцеры?

— Молчат как в танке. *Post* сто двадцать лет хрен вам откроюсь. Они приглядываются, из пустоты своего помещилица. Думаю, что именно это молчание так распалает всех прочих. Оно понимается так, что молчат, следовательно существуют. В 1617 году Флудд выпускает "*Tractatus apologeticus integritatem societatis de Rosea Cruce defen-*

¹ "Кратчайшая апология Братства Розенкрейцеров, пятнами подозрений и бесчестий опрысканого, истины же Потокком омытого и отчищенного" (*лат.*). *Fluctus* — имя Флудда по-латыни.

dens”¹, а также “De Naturae Secretis” в 1618 году, где заявляет, что настало время открыть миру тайну розенкрейцеров.

— И открыли!

— Фиг с два. Запутали еще хуже. Открыли только, что если вычсть от 1618-го те 188 лет, которые в прорицании розенкрейцеров, то выйдет 1430-й, а это год учреждения ордена Золотого Руна.

— А причем тут?

— Не знаю, причем тут 188 лет, если раньше говорилось 120. Но занимаясь мистическими сложениями и вычитаниями, надо стараться, чтобы расчеты сходились. Что же касается Золотого Руна, это то самое, что у аргонатов, а мне из самого надежного источника стало известно, что оно имеет определенное отношение к Святому Граалю, а следовательно, извиняюсь за выражение, к тамплиерам. И это еще не конец! Между 1617 и 1619 годами Флудд, который был не менее писуч чем Барбара Картланд, принес в издательство еще четыре книги, среди которых “Utriusque cosmi historia”², взгляд и нечто о космосе, с иллюстрациями. Майер набирается смелости и публикует свой трактат “Silentium post clamores”³, где утверждает, что братство существует, и связано не только с орденом Золотого Руна, но и с орденом Подвязки. Но что он сам из-за низкого происхождения туда не вхож. Значит, и сливки интеллигенции Европы тоже рожей не вышли. Уж если Майера туда не пускают, значит, общество действительно элитное... Поэтому всякая шелупонь измышляет что может, лишь бы туда влезть. Все клянутся, что розенкрейцеры существуют, все признаются, что сами никогда их не видали, все пишут в таком тоне, будто назначают свидание, ни у кого не хватает нахальства заявить: это я и есть; одни утверждают, что розенкрейцеров нет, потому что к ним розенкрейцеры не обращались; другие, наоборот, утверждают, что есть, надеясь, что к ним розенкрейцеры обратятся.

— А сами розенкрейцеры глухо молчат.

¹ “Апологетический трактат в защиту целокупности общества Розы и Креста”.

² “Всесторонняя история мироздания”.

³ “Молчание после кличей”.

— Как рыбы.

— Открой рот хоть ты. Увидишь зачем. Открой. Молодец. Вот тебе мамайя.

— Вкусно. Тем временем начинается Тридцатилетняя война. Иоганн Валентин Андреаз пишет сочинение “*Turgis Babel*” — “Вавилонская башня”, где обещает, что в срок до одного года Антихрист будет разбит наголову. В то же время какой-то Иреней Агностик издает “*Tintinnabulum sophorum*”...

— Как здорово тинтиннабулум!

— То есть бубенчик мудрецов, и бубнит не поймешь что, но в ответ ему Кампанелла, что кстати тоже значит колокольчик, выступает с сочинением “*Monarchia Spagnola*” — “Об испанской монархии” — и утверждает, что вся история с розенкрейцерами — это забава для развращенных умов. А потом все. Между 1621 и 1623 годами все прекращается.

— Вообще?

— Вообще. Они устали. Как битлы. Однако только в Германии. Потому что во Франции все только начинается. В точности как радиоактивное облако: розенкрейцеров передумало влево. В одно прекрасное утро 1623 года Париж проснулся — а на стенах развешаны плакаты розенкрейцеров: уважаемые граждане, розенкрейцеры вашего участка собирают подписи у населения по адресу... Другое свидетельство гласит, однако, что в манифестах говорится о тридцати шести невидимках, разосланных по всему миру делегациями по шесть, и что они способны одарять всех адептов невидимостью. Опять тридцать шесть на шесть. Что за хрен.

— Ты о чем?

— О тамплиерском завещании.

— Люди без фантазии. Рассказывай, что потом было.

— Потом распространилось коллективное безумие, одни их защищают, другие хотят познакомиться, третьи обвиняют их в дьявольской деятельности, алхимии и ересьях и что якобы Астарот замешан в дело и благодаря ему де розенкрейцеры богаты, всемогущи и перемещаются по воздуху с одного места на другое. В общем, последний скандал сезона.

— Очень верный ход розенкрейцеров. Дебют в Париже — пропуск в мир высокой моды.

— Кажется, ты совершенно права, потому что послушай что дальше будет, мама дорогая, ну и времечко. Декарт, не кто другой! в предыдущие годы побывал в Германии и разыскивал их там, но, говорит биограф, не нашел, потому что, как известно, они работали в подполье. Декарт возвращается в Париж, тут появляются манифесты, и он понимает, что все его считают розенкрейцером. Погоды стояли такие, что это выглядело не лучшей рекомендацией; в частности, его дружок Мерсенн уже разносил розенкрейцеров в печати не раз и не другой, обзывая их ничтожествами, революционерами, волхвами, каббалистами и проводниками враждебных течений. Как тогда повел себя Декарт? Он стал появляться везде где только мог. Поскольку все его видят, считал он, все убедятся, что он не невидим, а следовательно что он не розенкрейцер.

— Это и есть “метод”.

— Это и есть метод, но как выяснилось, метода мало. Это привело к тому, что если навстречу тебе выходил человек и говорил: добрый вечер, я розенкрейцер, это означало, что он не розенкрейцер. Уважающий себя розенкрейцер никогда так не говорит. Наоборот, он отпирается как может.

— Но нельзя сделать вывод, что всякий отрицающий, что он розенкрейцер, им является, потому что вот я, например, отрицаю, что я розенкрейцерша, но и не являюсь ею.

— Но отрицание подозрительно.

— Нет. Потому что — как ведет себя розенкрейцер, понимая, что люди не верят тем, кто зовется розенкрейцером, и подозревают тех, кто утверждает, что не розенкрейцер? Он говорит, что он розенкрейцер, чтобы сделать вид, что он не розен...

— Мать честная. Твое открытие означает, что все, кто говорит, что он розенкрейцер, на самом деле лгут, и следовательно, они на самом деле розенкрейцеры! Если так, Ампаро, я отказываюсь идти у них на поводу. Поскольку у них везде шпионы, и в частности под этой нашей кроватью, пусть они поймут, что мы их поняли. И пусть начнут говорить, что они не розенкрейцеры.

— Мне страшно.

— Ничего не бойся, малютка, ведь с тобой я, а я очень глуп. Если они скажут, что не розенкрейцы, я и впрямь подумаю, что они розенкр... кры... и их развенчаю. Развенчанный розенкрыц совершенно безвреден, его можно выгнать в форточку газетой.

— А Алье? Он делает вид, что он Сен-Жермен. Разумеется, это ему нужно, чтобы мы думали, что он не он. Так значит он розенкрыц. Или нет?

— Слушай, Ампаро, будем спать. Или нет?

— Нет, теперь я хочу знать чем кончилось.

— А ничем. Все куда-то делись. В двадцать седьмом году выходит "Новая Атлантида" Фрэнсиса Бэкона, и читатели решают, что он ее пишет о стране розенкрейцерства, даже если он ее ни разу не называет. Бедный Иоганн Валентин Андреаз умирает, продолжая клясться то в том, что это был не он, то что если это был и он, он трепал языком просто для смеху. Однако дело сделано. Ободрившись тем, что их не существует, розенкрейцеры распространяются повсюду.

— Как Бог.

— О какая чудная идея. Посмотрим: Матфей, Лука, Марк и Иоанн — компания бездельников, собравшихся на тусовку, они устраивают соревнование, выдумывают главного героя, коротенько проговаривают сюжет — и вперед. Остальное зависит от способностей каждого. Потом четыре варианта разбираются на семинаре. Матфей довольно реалистичен, но переживает линию мессианства. Марк — неплохо, но нестройно, Лука пишет лучше всех, невозможно не признать этого, у Иоанна перекося в философскую сторону... В общем, к семинару присоединяются и другие, берут почитать курсовые работы, когда ребята понимают, к чему все это привело, уже слишком поздно, Павел уже съездил в Дамаск, Плиний начал свое расследование по поручению обеспокоенного императора, легион сочинителей апокрифов делают вид, что они тоже достаточно много знают... читатель-апокриф, мой брат и мой двойник¹ Петр

¹ Искаженная цитата из Ш. Бодлера, "Вступление" к "Цветам зла". Исходный пер. с фр. Эллиса ("Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник...").

слишком много берет себе в голову и серьезно относится к себе, Иоанн угрожает, что расскажет все как было на самом деле, Петр и Павел подстраивают его арест, Иоанна заковывают в цепи на острове Патмос, и у бедняжки начинаются галлюцинации, кузнецик садится на спинку кровати, уберите саранчу, заглушите эти трубы, откуда столько крови... Его начинают чествовать: пьянчуга, склеротик... Что если на самом деле все было именно так?

— Все было именно так. Читай “Манифест”, а не манифесты.

— Ампаро, светает!

— Мы обалдели.

— Что-то куда-то там лезет заря розоперстая Эос...

— О как приятно. Это Иеманжа, хочет, чтоб мы занялись именно этим...

— ... и самым неоккультным способом...

— ...да возрадуется тинтиннабулум...

— ...куда ты, аталанта фугиенс?

— ...к туррис вавилонской башне...

— ... скорее к тайному тайных, золотому руну, оно бледно, розово как раковина в подводной глубине...

— ... тише... *Silentium post clamores*, — прошептала она.

Вероятно, что большинство предполагаемых розенкрейцеров, широко известных в качестве таковых, на самом деле являлись всего лишь розенкрейцерцами... И, более того, совершенно очевидно, что они не являлись розенкрейцерами, по простой той причине, что входили в общества розенкрейцеров, что может показаться парадоксальным и на первый взгляд противоречивым, но тем не менее вполне умопостижимо...

Рене Генон, *Обозрение об инициации*.
René Guénon, *Aperçu sur l'initiation*, Paris,
Editions Traditionnelles, 1981, XXXVIII, p. 241

31

Мы вернулись в Рио, я вернулся на работу. Однажды в иллюстрированном журнале я обнаружил, что, оказывается, в городе существует Старый и Принятый орден розенкрейцеров. Я предложил Ампаро сходить посмотреть, она неохотно согласилась.

Орден помещался на какой-то небольшой улице, наружу выходила витрина, забитая хеопсами, нефертити и сфинксами.

Пленарное заседание намечалось как раз тем вечером. “Розенкрейцеры и умбанда”. Выступать должен был профессор Браманти, Референдарий ордена в Европе, Тайный Кавалер Великого приората в регионах Родоса, Мальты и Фессалоник.

Мы решили войти. Обстановочка была та еще, все завешано тантрами и миниатюрами, изображающими змеюку Кундалини, ту самую, которую тамплиеры старались разбудить поцелуями в зад. Не стоило пересекать Атлантический океан — все то же я вполне мог бы получить в миланской штаб-квартире “Пикатрикса”.

Позади стола, покрытого сукном красного цвета, и перед аудиторией, немногочисленной и сонной, находился Браманти, господин крупного размера, который, если бы не его объемы, подошел бы под название тапира. Он уже начал свою речь, раскатисто и кругло, но начал, видимо, недавно, поскольку добрался только до роли розенкрейцеров в эпоху династии XVIII, при фараоне Амосе I.

Четверо Начальствующих в Покрывалах блюли развитие расы, которая за двадцать четыре тысячи лет до основания Фив дала истоки народу, населившему Сахару. Фараон Амос, вдохновленный этими Начальствующими, основал Великое Белое Братство, хранившее ту допотопную мудрость, которая у египтян сама отскакивала от зубов. Браманти утверждал, что располагает документами (разумеется, недоступными для непосвященных), которые восходят к мудрецам храма Карнака и к их секретным архивам. Символы розы и креста были учреждены фараоном Акенатонам. Кое в чьих руках имеется этот папирус, говорил Браманти, но не спрашивайте меня в чьих.

В русле Великого Белого Братства сформировались Гермес Трисмегист, влияние которого на итальянское Возрождение столь же неоспоримо, сколь и влияние на гностиков Принстона, на Гомера, на галльских друидов, на Соломона, Солона, Пифагора, Плотина, ессеев, терапевтов, Иосифа Аримафейского, который перевез Грааль в Европу, на Алкуина, на короля Дагоберта, святого Фому, на Бэкона, Шекспира, Спинозу, Якоба Беме и Дебюсси, на Эйнштейна. Ампаро шепотом комментировала, что нехватает только Нерона, Камбронна, Иеронима, Панчо Вильи и Бестера Китона.

Что же касалось влияния этих первоначальных розенкрейцеров на христианство, Браманти подчеркивал особо, для тех, кто еще не до конца освоился с материалом, что далеко не случайно Христос был казнен на кресте.

Властителями Великого Белого Братства были те самые, кто основал первую масонскую ложу во времена царя Соломона. Что Данте был розенкрейцером и масоном, как, с другой стороны, и святой Фома, это говорится открытым текстом в его произведении. В кантиках XXIV и XXV "Рая" можно обнаружить и тройной поцелуй принца Розы и Креста, и пеликана, и белые одежды, те самые, что у старцев Апокалипсиса, и три богословских добродетели масонских капитулов (Веру, Надежду, Любовь). Более того, символический цветок розенкрейцеров (непорочная роза кантик XXX и XXXI) присвоен Римской церковью как символ Матери Спасителя, и вот откуда берется Мистическая Роза литаний.

Что розенкрейцеры прошли сквозь средневековье, явствует не только из того, что они замешивались к тамплиерам, но и из других, более очевидных источников. Браманти цитировал некоего Кизеветтера, который в конце прошлого века доказал, что розенкрейцеры в средневековье произвели четыре центнера золота для курфюрста Саксонского, доказательство налицо: страница номер такая-то трактата “Химический театр”, Страсбург, 1613 год. Мало кем прослеживались, однако, указывал Браманти, розенкрейцерские подтексты легенды о Вильгельме Телле. Телль вырезает свою стрелу из ветви омелы, растения арийской мифологии, и пробивает стрелой яблоко, аналог третьего глаза, пробуждаемого змеей Кундалини, притом что известно, что арийцы происходят из Индии, куда потом и удаляются розенкрейцеры, когда они покидают Германию.

Что же до различных движений, которые пристраиваются, хоть подчас и по-детски наивно, к Великому Белому Братству, Браманти признал право на существование за одним — Rosicrucian Fellowship Макса Хейнделя, но только потому, что в этом кружке сформировался Алан Кардек. Всем известно, что Кардек — отец спиритизма и что из его теософии, цель которой — общение с духами усопших, проистекла и духовность умбанды, краса и гордость Бразилии. Умбанда — “Аум Бханда” теософии Кардека, что означает санскритское понятие, которое соответствует божественному началу и источнику жизни (“Опять наших обдурили, — пробормотала под нос Ампаро. — Даже умбанда и та не африканское слово”).

Корень Аум или Ум, что равно буддистскому Ом, — это имя Бога в адамическом языке. Ум — это слог, который, если правильно выговорить его, претворяется в могущественную мантру и порождает течения в гармонии психики через посредство сиякры, или же Лобового Сплетения.

— Что ж такое лобовое сплетение? — задумалась Ампаро. — Неизлечимая болезнь?

Браманти подчеркнул, что необходимо отличать истинных розенкрейцеров, наследников Великого Белого Братства, естественно, потаенных, как потаенным является Старый и Принятый орден, от лица коего он, недостойный,

представляет, — от “розенкрейцерцев”, то есть от любых лиц, которые из личной выгоды вдохновляются розенкрейцерской мистикой, не имея на это права. Он предупредил слушателей, что ни в коем случае не следует доверять ни одному розенкрейцерцу, особенно когда он объявляет себя розенкрейцером.

Ампаро прокомментировала, что каждый розенкрейцер — розенкрейцер брату своему.

Какой-то сорвиголова из публики попросил слова и задал Браманти вопрос, по какой причине его орден претендует на подлинность, если он нарушает обет умолчания, присущий любому подлинному адепту Великого Белого Братства.

Браманти встал и заявил: — Не думалось, что в эти стены прокрадутся наемные провокаторы от атеистического материализма. На таких условиях я отвечать отказываюсь. — И вышел с достоинством.

В тот же вечер позвонил Алье, чтобы узнать, что у нас нового, и известил, что на завтра нас наконец допустят на радение. Тем временем предложил пойти выпить. У Ампаро было политсобрание, и я на встречу с Алье пошел один.

Valentiniani... nihil magis curant quam occultare quod
 praedicant: si tamen praedicant, qui occultant... Si bona
 fide quaeres, concreto vultu, suspenso supercilio —
 altum est — aiunt. Si subtiliter tentes, per
 ambiguitates bilingues communem fidem affirmant.
 Si scire te subostendas, negant quidquid agnoscunt...
 Habent artificium quo prius persuadeant,
 quam edoceant.

Тертуллиан против Валентиниан.
 Tertulliano, *Adversus Valentinianos*¹

32

Алье хотел повести меня в одно место, где еще и сейчас делают настойку “батиду” именно так, какую ее помнят люди, не имеющие возраста. Несколько шагов, и мы вышли из мира, прославленного Кармен Мирандой, и оказались в сумрачном лесу, где прокопченные аборигены курили листья табака, жирные, как шматы сала, закрученные, как корабельные швартовы. Они разминали жгуты подушечками пальцев, покуда те не превращались в широкие прозрачные пластины, а потом заворачивали в промасленную бумагу. Поджигать это дело приходилось каждую минуту, но зато было понятно, что представлял собою табак в тот день, когда его открыл сэр Уолтер Рейли.

Я рассказал ему о вчерашней лекции.

— Так еще и розенкрейцеры? Ваша жажда познаний ненасытна, мой юный друг. Не склоняйте слух к этому бреду. Ссылаются на неопровержимые документы, но их не предъявляют. Этот Браманти мне известен. Он живет в Милане, когда, разумеется, не разъезжает, проповедуя свою доктрину. Сам по себе он безвреден, но верит Кизеветтеру. Легионы розенкрейцерцев опираются на знаменитую стра-

¹ Валентиниане... не имеют большей заботы, нежели скрыть, что они проповедуют: когда же проповедуют, скрывают... Если же просят от них доброй воли, они, с открытым лицом и с высоко поднятой бровью, — “она велика” — отвечают. Ожидают ли от них тонких разъяснений, они двусмысленными речами доказывают то, что составляет всеобщее убеждение. Утверждаешь ли, что им ведомо нечто, — всякое знание отрицают... Лукавство их таково, что они скорее убеждают, нежели учат (*лат.*).

ницу из “Химического театра”. Однако, обратившись непосредственно к оригиналу — а в моей скромной миланской библиотечке это издание имеется, — легко увидеть, что цитаты в нем нет.

— Болтун этот господин Кизеветтер.

— Цитируется постоянно. Дело в том, что и оккультистам прошлого века навредил позитивистский подход: истинно только то, что доказуемо. Вспомним дискуссию о *Corpus Hermeticum*. Когда этот текст был введен в обиход в Европе пятнадцатого века, Пико делла Мирандола, Фичино и прочие мудрые люди усмотрели истину. Они получили свод знаний древнейших, нежели древние египтяне, древнейших даже, нежели Моисей, поскольку в нем высказываются идеи, которые потом были повторены Платоном и Иисусом.

— “Повторены”? Это как фраза Браманти о Данте-массоне. В “Герметическом корпусе” повторены идеи Платона и Иисуса, и это значит, что “Корпус” написан после них!

— Вот и вы туда же. Да, эти аргументы выдвигают и филологи Нового времени, в сочетании с расплывчатыми лингвистическими исследованиями, где доказывается, что “Корпус” написан между вторым и третьим столетиями нашей эры. Можно утверждать в такой же степени, что Кассандра родилась после Гомера, поскольку уже знала, что Троя будет разрушена. Современная иллюзия — полагать, что время составляет собой линейную и направленную последовательность, развивающуюся от А к Б. Можно ведь развиваться и от Б к А, и результат может порождать причину... Какой смысл в словах “быть сперва” или “быть после”? Ваша изумительная Ампаро — сперва или после своих перепутанных предков? Она чересчур чудесна... Да будет мне позволено бесстрастное суждение, я мог бы быть отцом... Итак, сперва — она. Она, мистическое начало того, что вело к ее сотворению.

— С этой точки зрения...

— И сама идея “точки” ошибочна. Точки начали расставляться наукой, после Парменида, чтобы описывать, откуда куда что-то движется. Но не движется ничто, и точка есть только одна: это точка, из которой порождаются в один

и тот же миг все остальные точки. В своей наивности оккультисты прошедшего века, да и нынешнего тоже, доказывают истинность истины методами научной неправды. Рассуждать следует не по логике своего времени, а по логике Предания. Каждый храм является символом другого храма, и значит, что невидимый Храм Розенкрейцеров существует и существовал во все времена, независимо от течения истории, вашей истории. Время последнего откровения — это не время часов. Его связи устанавливаются во времени “разрезанной истории”, в котором научные “сперва” и “после” имеют крайне малое значение.

— Но все, кто так или иначе судачит о вечном существовании розенкрейцеров...

— Болтуны, сциентисты, потому что пытаются доказать то, что на самом деле следует знать без аргументов. Вы думаете, что посвященные — на завтрашнем собрании — знают или могут аргументировать то, чему учил Кардек? Но они знают, поскольку предрасположены знать. Если бы все мы сохранили это особое чувство тайны, нас ожидали бы ослепительные открытия. Не обязательно желать, достаточно быть предрасположену.

— Прошу прощения за прямоту, но все-таки: розенкрейцеры существуют или нет?

— Что значит существовать?

— Скажите вы.

— Великое Белое Братство, зовите его розенкрейцерством, зовите духовным рыцарством (одним из частных воплощений которого являются тамплиеры), это когорта мудрецов; их мало, очень мало, избранных, проходящих через всю историю человеческого рода и обороняющих твердыню вековечного знания. История развивается не случайно. Она творение Верховников Света, от которых ничто не укрыто. Разумеется, Верховники Света защищают себя завесой тайны. И поэтому ежели кто-то утверждает, что он Верховник, розенкрейцер или тамплиер, знайте, что он лжет. Их надо искать не там.

— Выходит, эта история продолжается бесконечно?

— Бесконечно. Такова премудрость Начальствующих Мира.

— Что, по их желанию, люди должны знать?

— Что имеется Тайна. В противном случае — для чего жить, если все именно таково, каким представляется?

— И в чем же тайна?

— В том, чего религии откровения не сумели выразить. Тайна — вне их.

Видения бывают белые, синие, белые с ярко-алым. В конце концов они смешиваются и все становятся светлыми, цвета пламени белой свечи, вы увидите искры, почувствуете, как мурашки побегут по телу, все это означает начало увлечения, которое охватывает тех, кто осуществляет Дею.

Папюс, Мартен де Паскуалли.
Parus, Martines de Pasqually, Paris, Chamuel,
1895, p. 92

33

Наступил ожидаемый вечер. Как было и в Салвадоре, Алье заехал за нами. Шатер, в котором проводилось радение, называемое “жира”, был практически в центре, если существует понятие центра применительно к городу, который языками лижет долины во все стороны на много километров, а с одного боку отсекается берегом моря таким образом, что при обзоре сверху, при вечернем освещении, напоминает шевелюру, пораженную темным лишаем.

— Итак, сегодня вы увидите умбанду. В участников вселяются не ориша, а огуны, то есть духи тех, кто умер. Еще вселяется Эшу, африканский Гермес, вы его видели в Баии, и подруга Эшу, Помба Жира. Эшу — это божество йоруба, демон издевательств и насмешек, в той же мере глумливое божество существовало и в мифофольклоре американских индейцев.

— А как называются привидения мертвых?

— “Претос вельос” и “кабокло”. Претос вельос — “старые жрецы” — мудрецы, старейшины африканцев, руководившие народом во время депортации, легендарные знаменитости — Рей Конго, Пай Агостиньо... Они сформировались в последний, сравнительно умягченный период рабовладельчества, когда негр переставал быть скотиной и превращался уже скорее в дедушку — дядюшку — друга дома. Кабоклос — это, наоборот, привидения индейцев, целомудренные силы, чистота первородной природы. В умбанде африканские ориша остаются на втором плане, они абсолютно синкретизировались с католическими святыми, а главную роль в этом культе играют кабокло и прето

велью. Именно они приводят людей в транс; медиум, так называемый “кавало”, при танце внезапно ощущает, что в него вселился высший дух, и теряет контроль над собой. Потом он пляшет, куда высший дух из него не выходит, после чего ему становится легко, прозрачно — он полностью очистился.

— Везет человеку, — сказала Ампаро.

— Действительно везет, — откликнулся Алье. — Представьте себе, сподобиться непосредственного контакта с матерью-землей. Ведь этим верующим в свое время обрубили корни, выхватили из почвы, швырнули в жаркие горны городов, пережгли самую душу — и, как нас учит Шпенглер, меркантильный Запад в кризисную эпоху снова обращается за помощью к миру земли.

Между тем мы приехали. Капище казалось обыкновенным цехом. Сюда тоже входили через жухлый садик, еще скромнее, чем тот, что в Баии, а перед дверью этого барака, который назывался “барракао”, возвышалась статуэтка Эшу, окруженная корзинами подношений.

Перед самым входом Ампаро оттащила меня в сторонку: — С ними все ясно. Ты слышал, как тапир на лекции напирал на арийскую идею? Ну, а этот говорит о закате Европы, Блут унд Боден, земля и кровь, — это фашизм чистой марки!

— Все не так просто, любовь моя, мы на обратном континенте.

— Спасибо за объяснение. Великое Братство Белых! Дошли уже до того, что едите вашего бога.

— Едят католики, милая, это другой разговор.

— Тот же самый разговор, ты что, не слышал? Пифагор и Данте и Дева Мария и масоны. Все они против нас. Наше дело умбанда и сидеть тихо.

— От вас дожدهшься тихо. Пойдем, уже начинается. Это тоже культура, надо ее изучать.

— По мне только та хороша культура, чтобы повесили последнего попа на кишках последнего розенкрейцера.

Алье поманил нас из входа. Снаружи здание было очень тускло, но зато внутри полыхали яростные краски. Зала была квадратная, посередине была приготовлена площад-

ка для пляски “кавалос” с алтарем в глубине, вся обнесенная решетчатой оградой, и прямо около ограды возвышался помост для барабанов “атабаке”. Ритуальное пространство было еще пусто, а с внешней стороны решетки топталась разношерстная толпа — верующие и любопытствующие, белые и черные, выделялись группки медиумов с их ассистентами, “камбонос”, одетыми в белые ткани, кто босиком, кто в кроссовках. Алтарь поражал своим видом: претос вельос, кабоклос в разноцветных перьях, святые, походившие на марципан, если бы не их пантагрюэльские размеры, святой Георгий в своей сверкающей кирасе, в мантии, крашеной багрянницей, святые Косма и Дамиан, Мадонна, пронзенная мечами, и Христос бесстыдно гиперреалистического стиля, с раскинутыми руками, как Спаситель с горы Корковадо, только очень раскрашенный. Не видно было ориша, но их присутствие ощущалось в выражениях лиц бывших в зале, в сладком духе сахарного тростника и заготовленной пищи, в едком запахе пота множества людей, растомленных духотой и возбужденных близящейся “жирой”.

Вышел “отец святого” — “пай де санто”, — уселся у алтаря и подозвал адептов с гостями, осеняя их густым дыханием своей сигары, благословляя каждого и поднося по чашечке настойки, вроде ускоренного обряда причастия. Я вслед за прочими встал на колени и выпил. Жидкость в чашке, как я понял, проследив за одним камбоно, который разливал ее из бутылки, являла собой ликер “Дюбонне”, но я велел себе смаковать ее, как будто это был эликсир жизни. На помосте атабаке издавали уже какой-то грохот, глухие удары, в то время как посвященные затянули ритуальную речевку, рассчитанную на вызов Эшу и Помба Жири: “Сеу Транка Руас э Можуба! Э Можуба! Э Можуба! Сете Энкрусьядас э Можуба! Э Можуба! Э Можуба! Сеу Марабоз э Можуба! Э Можуба! Э Можуба! Сеу Тирири, э Можуба! Эшу Велюдо, э Можуба! А Помба Жири э Можуба!”

Начинались воскурения, пай де санто орудовал кадилъницей, растекался пряный дурман индийского ладана, возносились специальные заклинания Ошала и “Носса Сеньора”.

Атабаке все ускоряли свой ритм. Кавалос заполонили пространство спереди алтаря, постепенно вживаясь и под-

даваясь колдовскому действию понтос. Большею частью эти кавалос были женщинами, и Ампаро подпустила шпильку насчет слабости и чувствительности ее пола.

Среди этих женщин было несколько европейек. Алье указал нам одну блондинку, сказал, что она немка, психолог, много лет занимается ритуалами. Она из кожи лезет, но если предрасположения нет, его нету, транса она никогда не получит. Немка плясала со взглядом потерянным в пространстве, атабаке не давали передышки ни этой немке, ни нам, били по нервам, терпкие дымы завладевали залой и одуревали и пляшущих и смотрящих, обстановка действовала на всех, полагаю, так же, как и на меня, то есть “заводила” до тошноты. Со мной уже случались подобные вещи на школах самбы в Рио, мною было изведено психогическое действие музыки и шума, то же, которому подвергаются наши бесноватые по пятницам и субботам в переполненных дискотеках. Немка плясала с выкаченными глазами, молила о забвении каждым членом своего истерического тела. Постепенно одна за другой прочие дочери святого впадали в экстаз, закидывали голову, плыли в невидимых струях, в море беспамятства, и одна она с напряжением, почти с плачем, измученная, как тот, кто в отчаянии не может достичь оргазма, и бьется, и задыхается, но не в силах выплеснуть гуморы. Жаждавшая отрешиться от самообладания, она терзалась в его тисках, самообладание не отлетало от нее ни на минуту, от бедной Брунгильды, наследницы хорошо темперированного клавира.

Избранные тем временем совершали один за другим прыжки в пустоту. Взгляд становился вялым, члены деревенели, движения делались механистическими, но не случайными: в них сказывалась природа духа, вселявшегося в тело; одни мягко кружили руками вокруг тела, плеща кистями, будто плывя; другие склонялись и шевелились еле-еле, и камбонос покрывали этих белыми льняными тканями, чтоб отгородить от взглядов толпы, тех, кого касались высокопреподобные души...

Кто-то из кавалос резко брыкал всем туловищем, а те, кем овладевали претос вельос, испускали глухие звуки, “хум хум хум”, и согбенным туловищем перекидывались вперед, будто старец, налегающий на костыль, выпячива-

ли челюсть, худея лицом, беззубея ртами. Те, в кого входили кабокля, наоборот, пронзительно выкрикивали по-военному “хиаху!”, и камбонос сбивались с ног, поддерживая тех, кому оказывалась не по силе ярость получаемого дара.

Лупили барабаны, ритмы понтос возносились в воздух, перенасыщенный дымом. Я держал Ампаро под руку и вдруг заметил, что ладони ее влажнеют, сотрясается все тело, губы полуоткрыты. — Что-то мне неважно, — прошептала она. — Давай выйдем.

Алье увидел, что с Ампаро, и помог нам пробиться к выходу. В вечерней свежести ей стало лучше. — Ничего, — сказала она, — что-то я не то съела. И жара, и этот запах...

— Нет, — возразил отец святого, проводивший нас по залу. — У нее восприятие медиума, я сразу обратил внимание. Вы хорошо отвечаете на понтос.

— Хватит! — выкрикнула Ампаро и добавила еще что-то на наречии мне незнакомом. Я увидел, как пай де санто побледнел, вернее, как обычно писали в приключенческих романах о людях с темной окраской кожи, “посерел”. — Хватит с меня всего этого! Меня просто тошнит, я отравилась... Ради бога, оставьте меня в покое, я немного подышшу, возвращайтесь все где были. Я побуду одна, я еще не инвалидка.

Мы отправились в шатер, но когда я вошел в помещение, после чистого воздуха, снова грохот, и чад, и этот пот, который уже напитал все поры и проникал в любую среду и в любое тело, и этот насыщенный воздух подействовали на меня как глоток алкоголя на человека, пьющего после долгой отвычки. Я как мог тер себе лоб рукою, и какой-то старик протянул мне агогон — позолоченный музыкальный инструмент, треугольную раму с колокольцами, по которой надо было бить палочкой. — Взойдите на помост, — сказал он, — и играйте, вам станет лучше.

В этом совете была мудрость гомеопатии. Так и стало: я бил по агогону, стараясь подлаживаться к ритму тамбуринов, и постепенно превращался в неотъемлемую частицу происходящего, и включаясь в него, я подчинял его, избывал то, что меня распирало, выводил напряжение — подрыгивая руками и ногами, освобождался от

внешнего давления, вызывая его на себя, подгоняя его, приветствуя. Несколько позже, ночью того же дня, мы вернулись к этому в разговоре с Алье — о различиях между тем, кто познает, и тем, кто претерпевает.

Один за другим медиумы впадали в состояние транса, и камбонос подводили их к стульям, стоящим около ограды, их усаживали, раскуривали для них сигары и трубки. Верующие, которые не умели познать одержимость, к ним подбегали, спешили усесться у их изножья или нашептывали им что-то в ухо, добивались от них советов, впитывали благотворные токи, поверяли им признанья, в общем, пытались причаститься. Кто-то убеждал себя и других, что транс в слабой форме начинается и у него; камбонос сдержанно одобряли и отправляли их обратно в ряды толпы, удовлетворенных и облегчившихся.

На площадке плясунов металась кандидаты в бесноватые. Немка неестественно дрыгалась, ждала, пока ее передернет, но бесполезно. В кого-то входил Эшу, и они извивались с видом диким, угрожающим, коварным, скачками и толчками.

И тогда я увидел Ампаро.

Теперь я знаю, что Хесед — сефира не только благодати и Любви. Как напоминал Диоталлеви, это также и фаза экспансии божественного вещества, овладевающего всею бескрайней периферией. Это внимание живых людей к своим мертвым, но кем-то было не зря замечено, что в то же время это и опасное внимание к живым.

Постукивая по агогону, я уже не следил за тем, что происходило в зале, а старался сохранить самоконтроль и уловить темпы музыки. Ампаро возвратилась в залу, должно быть, уже около десяти минут назад, и безусловно испытала то же самое ощущение, которое навалилось на меня, сосвежа вошедшего. Но ей не сунули в ладони спасительный агогон, а может быть, она бы его и не захотела. Вызываемая глубинными голосами, она отбросила всякие попытки самозащиты.

Я видел, что она, как в воду, врезалась в самую гущу пляски и поплыла неподвижно, запрокинув окаменелое

лицо кверху, выставив твердо шею, а потом вся изломалась и растворилась без оглядки в бешеной похотливой сарабане. Руки скользили по телу, тело себя предлагало. — А Помба Жи́ра, а Помба Жи́ра! — выкрикивала толпа, восхищенная чудом, потому что в этот вечер дьяволица до тех пор еще не приходила. Теперь дьяволица была с ними.

— О сеу манто э де велюдо,
ребордадо тодо эм оуро,
о сеу гарфо э де прата,
муйто гранде э сеу тезоро...
Помба Жи́ра дас Альмас, вем тома шу шу...

Я не осмеливался вмешаться. Вероятно, мой металлический фаллос все усиленнее бился о раму, и я спаривался с моей самкой, или с тем хтоническим духом, который она воплощала.

Ею стали заниматься камбонос, облачили в ритуальную одежду и поддерживали, покуда длился ее транс, скоротечный, но интенсивный. Потом они подвели ее к сиденью, всю покрытую капельками пота и дышавшую через силу. Она отказалась принимать верующих, которые ринулись к ней как к оракулу, а вместо этого заплакала.

“Жи́ра” приближалась к концу, и я спрыгнул с насеста и заторопился к ней, с нею рядом уже стоял Алье и поглаживал ей виски.

— Что за стыд, — повторяла Ампаро. — Я в это не верю, я не хотела, как я могла?

— Бывает, бывает, — утешал ее Алье тихо и нежно.

— Но это тогда значит, что нет освобожденья, — плакала Ампаро. — Я все еще рабыня. Убирайся к черту, — яростно обратилась она ко мне, — я грязная нищая негритянка, где мой хозяин, я ничего другого не заслужила!

— Бывало и у белокурых ахеян, — утешал ее Алье. — Такова человеческая природа...

Ампаро попросила проводить ее к туалету. Радение уже заканчивалось. Только немка посередине зала танцевала до сих пор, провожая завистливым взглядом Ампаро, познавшую транс. Но в движениях немки уже ощущалось отчаяние безнадежности.

Ампаро вернулась минут через десять, тем временем мы благодарили пай де санто и с ним прощались, он же не мог нахвалиться поразительно успешной нашей первой встрече с миром мертвых.

Алье вел машину в молчании, ночь была уже глубокой, у подъезда нашего дома он остановился, чтобы мы вышли. Ампаро сказала, что ей хотелось бы побыть сейчас одной.

— Почему бы тебе не прогуляться, — обратилась она ко мне. — Вернешься, когда я буду спать, я приму таблетку. Извините меня оба. Я уже говорила раньше, что, должно быть, отравилась. Все эти бабы чем-то нехорошим отравились. Ненавижу свою страну. Спокойной ночи.

Понимая трудность моего положения, Алье предложил мне пойти посидеть в баре на пляже Копакабана, где кабаки не закрывались до утра.

Я молчал. Алье выждал, когда я отхлебну первый глоток батиды, а потом прервал тягостное молчание:

— Раса или, если хотите, культура составляет часть нашего подсознательного. С ней соседствует другая область, населенная архетипическими фигурами, которые едины для всех людей и во всех исторических эпохах. Сегодня вечером атмосфера и обстановка ослабили наши внутренние защиты — вы это испытали на собственном примере. Ампаро обнаружила, что ориша, которых она полагала уничтоженными в своем сердце, продолжали обитать в ее чреве. Не думайте, что я считаю это положительным фактом. Вы слышали, что я говорил с уважением о той сверхъестественной энергии, которая вибрирует вокруг всех нас, попадающих в эту страну. Но не думайте, что мне так уж симпатичны проявления одержимости. Инициация — не то же, что мистицизм. Отнюдь не одно и то же — быть причащенным и быть одержимым. Инициация есть интуитивное причащение тайнам, которые разум не в состоянии изведать, это головокружительный процесс, постепенное преобразование как духа, так и тела, которое может привести к проявлению надмирных качеств и даже к достижению бессмертия, но это нечто внутреннее, это тайна. Она не выражается вовне, она стыдлива, и в особенности эта тайна замешена на ясности и остранении. Поэтому Верховники Мира — при-

чащенные, но они не снисходят до мистицизма. Мистик для них — это раб, это место явления Богоподобного, он есть то, через что есть возможность наблюдать проявления тайны. Причащенный воодушевляет одержимого, пользуется им, как можно пользоваться телефоном, чтобы осуществлялась связь на расстоянии, как химик пользуется лакмусовой бумажкой, чтоб убедиться, что в какой-то среде действует определенное вещество. Мистик полезен, потому что он лицедействует, представляется. Инициаты же дают знать о себе только друг другу. Инициат контролирует те действия, которые мистик претерпевает. В этом отношении не существует разницы между одержимостью кавалос и экстазом святой Терезы из Авила или святого Хуана де ла Крус. Мистицизм — выродившаяся форма контакта с божеством. Инициация — результат долгого восхождения разума и сердца. Мистицизм демократичен, если не демагогичен. Инициация аристократична.

— Умственна и бесплотна?

— В определенном смысле. Ваша Ампаро яростно надзирала за своим умом, но не береглась от собственного тела. Неверующие уязвимее, чем мы.

Было очень поздно. Алье сказал, что уезжает из Бразилии. Он оставил мне свой миланский адрес.

Я поднялся в квартиру и увидел, что Ампаро спит. Молча я растянулся с нею рядом и провел бессонную ночь, как будто сбоку от меня на кровати спало незнакомое существо.

На следующее утро Ампаро сухо оповестила меня, что уезжает в Петрополис к подруге. Мы кое-как распрощались.

Она отбыла со своей тряпичной сумкой и с учебником политэкономии под мышкой.

Два месяца от нее не было вестей, а я ее не искал. Потом я получил от нее короткое письмишко, где ни о чем не говорилось. Только что ей нужно некоторое время, чтоб все обдумать. Я не ответил.

Я не чувствовал ничего, ни страсти, ни ревности, ни но-

стальгии. Внутри я был пуст, звонок, чист — как алюминиевая кастрюля.

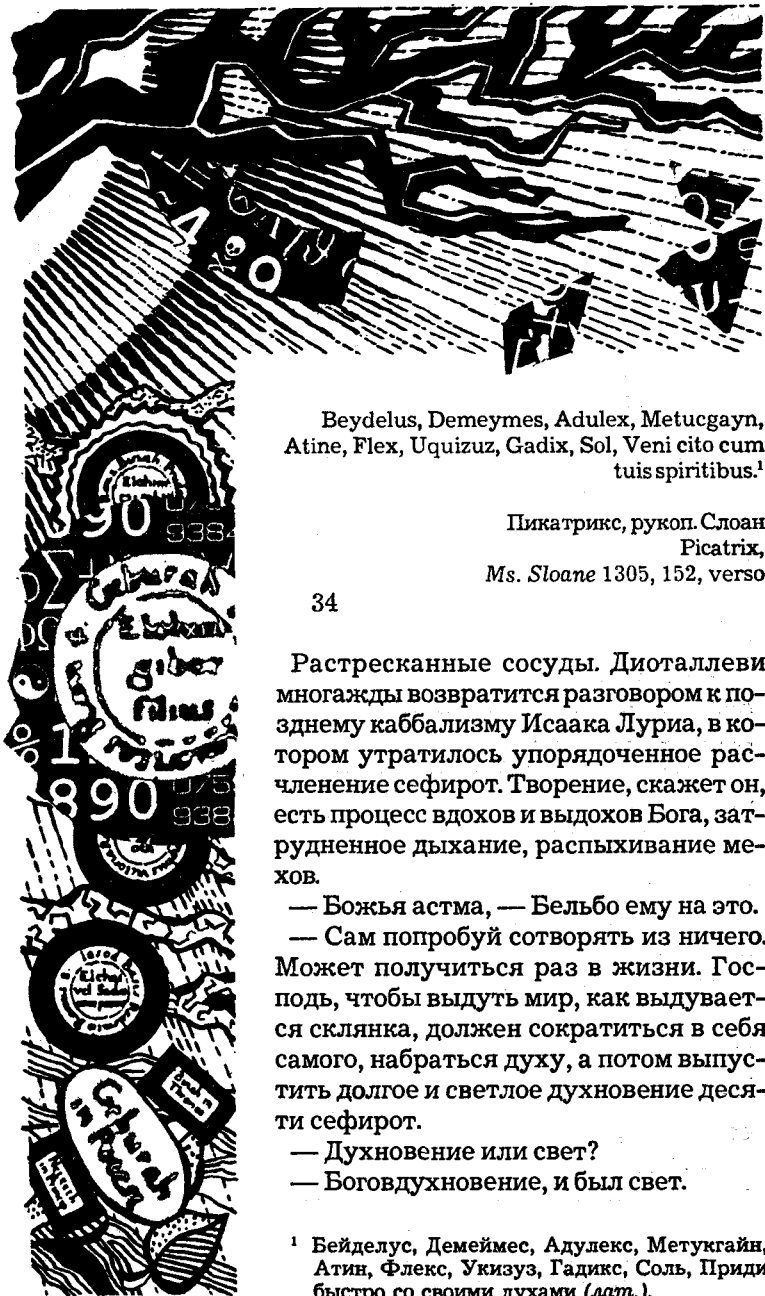
Я пробыл в Бразилии еще один год, но уже в предотъездном состоянии. Не видел с тех пор ни Алье, ни друзей Ампаро, проводил долгие часы на пляже, принимая солнечные ванны.

И запускал воздушных змеев. В Бразилии потрясающие воздушные змеи.

TEBYPA

V

Beydelus, Demeymes, Adulex, Metucgayn,
Atine, Flex, Uquizuz, Gadix, Sol, Veni cito cum
tuis spiritibus.¹

Пикатрикс, рукоп. Слоан
Picatrix,
Ms. Sloane 1305, 152, verso

34

Растресканные сосуды. Диоталлеви
многожды возвратится разговором к по-
зднему каббализму Исаака Луриа, в ко-
тором утратилось упорядоченное рас-
членение сефирот. Творение, скажет он,
есть процесс вдохов и выдохов Бога, зат-
рудненное дыхание, распыхивание ме-
хов.

— Божья астма, — Бельбо ему на это.

— Сам попробуй сотворять из ничего.
Может получиться раз в жизни. Гос-
подь, чтобы выдуть мир, как выдувает-
ся склянка, должен сократиться в себя
самого, набраться духу, а потом выпус-
тить долгое и светлое духновение деся-
ти сефирот.

— Духновение или свет?

— Боговдухновение, и был свет.

¹ Бейделус, Демеймес, Адулекс, Метукгайн,
Атин, Флекс, Укизуз, Гадикс, Соль, Приди
быстро со своими духами (лат.).

— Перешел в иное качество.

— Но необходимо, чтобы свет сефирот были приняты в поместиллица, способные устоять против их ослепительности. Сосуды, предназначенные принять Кетер, Хохму и Бину, удержались против их яркости, в то время как с нижними сефирот, от Хесед вплоть до Йесод, вышло так, что свет и дух эманировали одновременно и чересчур мощно, и сосуды растрескались. Фрагменты света расточились по Вселенной и произошла грубая материя.

Растрескивание сосудов — серьезная катастрофа, обеспокоенно говорил Диоталлеви. Когда мир жертва аборта, для обитания он неприемлем. Должен был какой-то дефект быть заложен в космос с самого творения, а раввины не сумели полностью объяснить его. Может быть, когда Господь выдувает дух и опустошается, в изначальном поместиллице остаются капельки масла, материальный остаток, “режжиму”, и Господь изливается вместе с этими остатками? Или же в каком-то месте раковины, “келиппот”, князи разрушения, угрюмо затаились в засаде?

— Скользкие личности, келиппот, — резюмировал Бельбо. — Наемники сатанического доктора Фу Ман Чу... А дальше что было?

— А дальше, — терпеливо объяснял Диоталлеви, — в лучах Сурового Суда, Гевуры, рекомой также и “Пачад”, или же “Страх”, сефиры, в которой, согласно Исааку Слепому, выказывает себя зло, раковины приобретают действительное существование.

— Раковины затаились среди нас, — подводил итог Бельбо.

— А ты оглянись, — отвечал Диоталлеви. — Все эманюрует от Господа, в сокращениях “цимцум”. Наша проблема — это осуществить “тиккун”, то есть возвращение, реинтеграцию Адама Кадмона. Тогда мы сможем перестроить все в соразмерную структуру “партсуфим”, лиц, то есть форм, которые займут место сефирот. Восхождение души подобно шелковому шнуру для приверженного умысла, помогая тому найти на ощупь и в потемках дорогу к свету. Так в каждый момент мир, сочетая между собой буквы Торы, тщится отыскать естественную форму, которая вывела бы его из чудовищной беспорядочности.

Тем же занят и я сейчас в сельском доме ночью на фоне неестественного спокойствия холмов. Однако позавчера, в перископе, я все еще был опутан раковинными соплями и ощущал со всех сторон неощутимых липучих слизней, приросших к хрустальным кюветам Консерватория, между барометрами и заржавелыми колесами глухих летаргических хронометров. Я думал, что если и правда растрескивание сосудов имело место, первая трещина образовалась, видимо, тогда на радении в Рио, а после возвращения на родину имело место расползание. Медленное, негрозотливое, так что все мы погрязли в месиве грубой материи, где червеобразные существа вскрываются для самопроизвольного деления.

Я вернулся из Бразилии и не знал, кто я. Подходило тридцатилетие. В моем возрасте мой отец был отцом, знал, кто он и где ему жить.

Я очень долго пробыл далеко от страны, в ней произошли очень важные вещи, я же существовал в мире, набитом невероятностями, потому и итальянские новости интерпретировались мною как легенда. Покидая обратное полушарие, перед отъездом я раскошелился на авиакруиз над лесами Амазонии, при посадке в Форталеса на борт принесли газеты, в каком-то местном издании на первой странице я увидел знакомую физиономию с подписью “Человек, убивший Моро”. В свое время мы с ним выпили вместе немало белого у стойки славного “Пилада”.

Разумеется, по возвращении мне объяснили, что Моро он не убивал. При его идиотизме, если б ему дали пистолет, он стрелял бы себе в челюсть, чтоб проверить, работает ли. Он просто находился в той квартире, куда ворвалась политическая полиция и обнаружила три пистолета и взрывчатку под кроватью. Он находился на этой же кровати и был занят личной жизнью, а кровать была единственной обстановкой в квартире, которую в складчину снимала компания выходцев из шестьдесят восьмого года. Если бы единственным украшением стен не выступал плакат чилийской политической рок-группы “Инти Иллима-ни”, можно было бы назвать эту квартиру гарсоньеркой. Один из квартиросъемщиков оказался связан с группой

тоже политической — но уже не рок, а террористской. Остальные, ничего не зная, оплачивали явочную квартиру, так что всех замели и посадили на год.

Насчет Италии на новом этапе я понимал на редкость мало. Я уехал оттуда на самой грани огромных перемен, почти что с комплексом вины из-за того, что сбегаю, когда приходит наконец-то время посчитаться. До отъезда я умел по двум или трем фразам, цитате, тону речи уяснить политическое лицо. Но по возвращении я уже не разбирался, кто за кого. Уже не говорили о революции, говорили о Желании, так называемые левые цитировали Ницше и Селина, правая пресса больше всего занималась революцией в третьем мире.

Я отправился в “Пилад”: за граница. Бильярд оставался, картины тоже были те же, но не та была фауна. Я узнал, что бывшие завсегдатаи пооткрывали школы трансцендентальной медитации и макробиотические рестораны. Я спросил, открыта ли уже где-нибудь палатка умбанды. Ах, еще нет, значит, я, поскольку стажировался в стране, смогу получить эксклюзив?

Чтоб потрафить давнишней клиентуре, Пилад не выкинул флиппер старинной модели, к тому же эти флипперы начали до того походить на картины Лихтенштейна, что их уже приобретали антиквары. Но бок о бок с флиппером теперь находились новые машины с флуоресцентным экраном, где когортами проплывали бронированные игуаны, шли в атаку камикадзе из Сторонней Державы и из пустого в порожнее сигала жаба, огрызаясь по-японски. “Пилад” теперь освещался синюшными сполохами, и не исключая, что перед галактическими экранами имела место, довольно недавно, вербовка в Красные бригады. К флипперу, конечно, боевики были равнодушны, потому что в него играть невозможно, если за ремнем или в кармане штанов у тебя засунут пистолет.

Это я начал понимать, проследив за направлением взгляда Бельбо, сфокусированного на Лоренце Пеллегрини. Тогда я неявно почувствовал то, что Бельбо сформулировал гораздо более аналитично в одном из своих файлов. Лоренца не упомянуто, однако несомненно, что говорится о ней: только она играла в эту игру так.

Имя файла: Флиппер

Во флиппер играют не только руками, но и лобком. Проблема состоит не в том, чтобы остановить шарик до того, как он закатится в лунку, и не в том даже, чтобы запулить его на середину поля сильным брыком штырька, а в том, чтобы он взобрался на самую вершину игровой пирамидки, там, где светящиеся мишени многочисленнее всего, и перепрыгивал бы от одной на другую, вращаясь беспорядочно и безумно, по велению собственной воли. А к этому результату приходят не стрелянием по шару, а подачей целенаправленных вибраций на саму коробку поля, но только очень плавно, чтобы шарик не заподозрил подвоха и не затырился в каком-либо месте. Этого можно добиться только нажимая на коробку чреслом, более того — подавая нужный импульс боками так, чтобы лоно не билось, а терлось о бортик, не распалаясь ни в коем случае до оргазма. И поэтому даже не утроба, а, притом что бедра кольшутся, согласно природе, ягодичы выдвигают вперед до упора твое тело, нежно-нежно; когда сила толчка достигает лона — толчок уже смягчился, доза должна быть гомеопатической — чем вы больше сотрясаете колбочку с раствором, чем меньше вещества практически там остается в пропорции ко всей воде, которую вы помаленьку подливаете в склянку, тем исцелительней и сильнее действие пошла. Вот так-то от твоего чрева неуловимейшие токи передаются на корпус-коробку и флиппер подчиняется не невротично, и шарик бежит, бежит против природы, против инерции и против гравитационной тяги, против закона динамики, и хитрости изобретшего инженера, опьяняющийся движущей силой — *vis movendi*, — ведет игру все это памятное, о, незапамятное время. Но может быть употреблен для этого дела только женский таз, без полых и пористых, пустотных членов, втиснутых между чреслами и машиной, никаких эректируемых

тканей, одни только кожа нервы кости, обтянутые парочкой тесных джинсов, и сублимированный фурор эротикус, сводящая с ума фригидность, безразличная готовность ответа на чувствительность партнера и воля к распалению его желания без растраты, без собственного перерасхода; амазонка доводит до беспамятства флиппер и заранее смакует наслаждение той минуты, когда она бросит его.

Думаю, что Бельбо влюбился в Лоренцу Пеллегрини в ту минуту, когда понял, что Лоренца способна ему предложить счастье, но не позволить его. И еще через Лоренцу к нему пришло понимание эротизма автоматического мира, машины как метафоры космического тела и механической игрушки как диалога с талисманом. Он уже тогда начинал одурманиваться Абулафией и скорее всего обдумывал знаменитый "Проект Гермес". Вне всякого сомнения, он уже повидал Маятник. Лоренца Пеллегрини, не знаю через какое там короткое замыкание, такой Маятник пообещала ему.

Поначалу мне стоило больших усилий снова прижиться в "Пиладе". Шаг за шагом, и даже не каждый вечер, я в лесу посторонних мне лиц открывал те, знакомые, лица выживших, чуть запотевшие от моей опознавательной одышки: текстовик в рекламном агентстве, консультант по налоговым вопросам, торговец книгами в рассрочку — если раньше он пристраивал сочинения Че Гевары, ныне перешел на торговлю траволечением, буддизмом и астрологией. Я увидел: кто-то начинал шепелявить, в волосах появились частые серые пряди, но в руке зажат стаканчик виски, так и кажется, будто этому стакану лет десять и из него выпивается только одна капелька в месяц, насыщая по глоточку в год.

— А ты чем занят, почему не показываешься у нас? — спросил один из них.

— А что такое сейчас вы?

Он посмотрел на меня, как будто я исчезал из страны на сто лет: — Отдел культуры горсовета. Ты что?

Сколько смешного произошло без меня — обалдеть можно.

Я решил изобрести себе дело. Я не располагал ничем, кроме кучи отрывочных познаний, разнонаправленных, но которые мне удавалось увязать между собой как угодно, ценой нескольких часов в библиотеке. В мое время принято было иметь концепцию, а я жил без концепции, и я страдал. Теперь же было вполне достаточно просто знать материал, и всем ужасно нравилось знание материала, чем неактуальнее тем лучше. То же самое я нашел в университете, куда было ткнулся, чтобы посмотреть, не найдется ли там для меня применения. В аудиториях было тихо, студенты скользили по коридорам как тени, ксерокопировали друг у друга плохо составленные библиографии. Я умел составлять хорошие библиографии.

Однажды один дипломник, перепутав меня с доцентом (доценты с некоторых пор стали одного возраста со студентами, вернее наоборот), спросил, что написал Лорд Чандос, которого проходят на спецкурсе по циклическим кризисам в мировом хозяйстве. Я просветил его, что лорд Чандос — не экономист, а персонаж Гофмансталя.

В тот же вечер я был в гостях у друзей и там повстречал старого знакомого. Теперь он работал в издательстве. Он пошел к ним работать вслед за тем как они прекратили печатать романы французских коллаборационистов и перешли на албанскую политическую литературу. От него я узнал, что политизированные издательства все еще есть, но в основном они поддерживают правительство. Лично они, впрочем, всегда заинтересованы в одной-двух стоящих книгах по философии. Традиционного типа, уточнил он.

— Кстати, — сказал этот человек. — Ты как философ...

— За философа спасибо, но...

— Ладно ладно, я сейчас редактирую текст о кризисе марксизма, и нашел там цитату из какого-то Ансельма Кентерберийского. Кто он? Нигде нету, даже в энциклопедическом словаре. — Я отвечал ему, что речь идет об Ансельме из Аосты, но у англичан он называется по-другому, потому что у них все не как у людей.

Все волшебным образом прояснилось в моей голове. Для меня отыскалась профессия. Я решил, что открою культурно-информационное агентство. Буду сыщиком от науки.

Вместо того чтобы совать нос в кабаки, бары и в бордели, я буду шнырять по книжным магазинам, библиотекам, по коридорам научных институтов. А потом возвращаться в свой офис и, задрвав ноги на стол, потягивать виски из бумажного стакана, прикупив и то и другое в лавчонке на углу. Тут звонит некто и говорит: — Я перевожу одну книгу и напоролся на какого-то — или каких-то — Мутакаллимин. Прошу вас, займитесь этим.

Ты не знаешь, с чего начать, но неважно, просишь на расследование двое суток. Прежде всего — дряхлый университетский каталог. Потом ты предлагаешь сигарету парню из справочного отдела — намечается что-то вроде следа. Вечером ты приглашаешь в бар аспиранта по исламу. О йес! Берешь ему кружку пива, другую, потихоньку бдительность утрачивается, и он как миленький отдает информацию, необходимую до зарезу, просто за так, бесплатно! После чего набираешь номер клиента: — Значит так, правильно произносится “мутакаллимины” — это в исламе богословы радикальных убеждений во времена, когда жил Авиценна, утверждавшие, что мир являет собою, как бы это выразить, что-то вроде туманности акцидентов, а загустевает он в конкретных формах только в результате мгновенного и временного усилия божественной воли. Стоит Господу отвлечься на полчаса, и весь мир развалится. Полная анархия атомов без всякого смысла. Этого хватит? Я проработал три дня, гонорар соответственно.

Мне подфартило отыскать две комнаты с крошечной кухней в старом доме на периферии Милана, где до недавних пор была фабрика. В административном крыле все перестроили под квартиры и вывели все входные двери в общий длинный коридор. Мой отсек находился между агентством по продаже недвижимости и лабораторией набивальщика чучел (А. Салон — таксидермист). Все до чертиков походило на американский небоскреб начала тридцатых, мне бы вставить квадраты стекла в верх двери и я бы был вылитый Марло. Во второй комнате я поставил ди-

ван-кровать, а в первой устроил контору. Укрепил два сто-
яка полок и загрузил их атласами, энциклопедиями, ката-
логами, которые пополнял постепенно. В самом начале мне
приходилось идти на компромиссы с совестью. Признаюсь,
что не чурался и написания дипломов для студентов. Это
было нетрудно, поскольку я передирал с дипломов деся-
тилетней давности. Вдобавок друзья издатели периоди-
чески подпитывали внутренними рецензиями, присыла-
ли книжки на иностранных языках для обзоров, разумеет-
ся — самые нудные и по самым низким ставкам.

Но я накапливал знания и умения. Я ничего не выбрасы-
вал. Составлял конспекты на все и вся. Я даже не помыш-
лял о компьютерном банке данных (первые компьютеры
поступали в продажу как раз в эти годы, и Бельбо был
пионером), я имел в распоряжении традиционное обору-
дование и создавал свой банк памяти из хрупких картон-
ных карточек с перекрестными отсылками. Кант... туман-
ность... Лаплас, Кант, Кенигсберг, семь мостов Кенигсбер-
га... теоремы топологии... Больше всего походило на ту
игру, при которой надо добраться от сосиски до Платона за
пять переходов, она называется игра в ассоциации. Посмот-
рим. Сосиска — свинтус — щетина — кисть — маньеризм —
идея — Платон. Это легко. Для меня любая жвачная руко-
пись означала возможность заполнить двадцать карточек
для будущей игры в пирамидку. Критерий был очень же-
сткий, я думаю, что этот же критерий применяется обычно
спецслужбами: нет более лучших или более худших све-
дений, сведения нужны любые, а поиск связей между
ними — дело техники. Связи существуют всегда, надо толь-
ко захотеть их найти.

Проработав примерно два года, я был вполне доволен
собой. Во-первых, мне это нравилось. И вдобавок я повстре-
чал Лию.

Чтоб всякий ведал, как я названа,
Я — Лия, и прекрасными руками
Плетя венок, я здесь брожу одна.¹

Чистилище XXVII, 100—102

35

Лия. Сейчас я мучаюсь мыслью, что ее не увижу, но я мог бы ее вообще не встретить, и это бы было хуже. Если бы она была со мной, держала бы мою руку в то время как я восстанавливаю этап за этапом своей гибели. Она ведь все предусмотрела. Но я не могу ее ввязывать в эту историю, ни ее, ни ребенка. Надеюсь, что они задержатся с переездом и вернутся когда все уже будет кончено, как бы оно ни кончилось.

Это было 16 июля восемьдесят первого года. Милан уже почти опустел и в справочном зале библиотеки никого не было.

— Прошу прощения, но том 109 собиралась взять я.

— Почему же он тогда стоит тут?

— Потому что я отошла на минутку взять выписку.

— Это не причина.

Она уже улепетывала к столу со своей добычей. Я уселся напротив, пытаюсь рассмотреть ее лицо.

— И удается читать что-нибудь, кроме Брайля? — спросил я.

Она подняла голову, но все равно было неясно, лицо это или затылок. — Что? — переспросила она. — А-а. Я все прекрасно вижу. — Но при этих словах она отодвинула челку, и глаза у нее были зеленые.

— Зеленые глаза, — сказал я.

— Да, а что, это плохо?

— Почему же плохо. Наоборот...

Так это начиналось. — Ешь, а то худой как скелет, — сказала она за ужином. Пробыло полночь, мы все еще нахо-

¹ Данте "Божественная комедия". Пер. с итал. М. Л. Лозинского.

дились в греческом ресторане около “Пилада”, и свеча почти совершенно оплыла на горлышко бутылки, и мы рассказывали все. У нас была одинаковая профессия. Она редактировала статьи для энциклопедии.

Я торопился выговорить все, что мог сказать. В половине первого она отодвинула челку, чтобы лучше меня рассмотреть, и тут я выставил палец, как пистолет, изображая прямое попадание, и пропищал: — Пиф. Паф.

— Как интересно, — сказала она. — Я тоже.

Так мы стали плотию от единой плоти и с того вечера меня начали именовать Пифом.

Мы не могли позволить себе новую квартиру, поэтому я ночевал у нее, а днем она приходила ко мне в контору или же отправлялась на охоту, и безусловно она была ловчее меня, распутывая загадки, и знала, какие связи надо подмечать и чем делиться со мною.

— Есть у нас где-то фиго-овенький конспект на розенкрейцеров? — говорила она.

— Да, надо мне разобраться, когда будет время. Это конспект бразильских записей.

— Так вот, поставь отсылку на Йитса.

— Причем тут Йитс?

— Притом, что я читаю вот здесь, что он входил в розенкрейцеровское общество, которое называлось Утренняя Звезда.

— Что бы я без тебя делал, подумать страшно.

Я снова начал посещать Пилада, теперь это была для меня биржа: в “Пиладе” я ловил заказчиков.

Однажды я там увидел Бельбо, он, кажется, тоже до того времени не часто рассиживался в “Пиладе” и вернулся только с тех пор как узнал Лоренцу Пеллегрини. Все такой же, седины немного больше и немного похудевший, но не слишком.

Он отреагировал на меня сердечно (применительно к его буйному темпераменту). Несколько быстролетных фраз о старом времени, обоюдное умолчание о последней серии событий, в которых участвовали мы вдвоем, и об эпистолярном продолжении этой серии. Комиссар Де Ан-

джелис больше не показывался. Дело сдали в архив, или вроде этого.

Я рассказал ему о своей работе и он, кажется, заинтересовался: — На самом деле мне тоже хотелось бы в подобном роде, Сэм Спейд от культуры, двадцать долларов в день плюс командировочные.

— Но не приходят обольстительные и загадочные леди и никто не спрашивает о мальтийском соколе, — сказал я.

— Не теряйте надежды. Вам нравится эта работа?

— Не то чтобы нравится, — ответил я цитатой из него самого. — Это единственное, что я, может быть, хорошо умею.

— Good for you, — отвечал он.

Мы встречались еще не раз, я рассказывал ему о бразильских впечатлениях. Однако взгляд его вечно как-то витал, более чем обычно. Когда в баре не было Лоренцы Пеллегрини, взгляд сгущался и повисал над входною дверью, а когда она была, взгляд беспокойно перелетал по залу вслед за ее перемещениями. Как-то вечером перед самым закрытием он проговорил, как всегда отсутствуя глазами: — Слушайте, нам, скорее всего, понадобится ваше сотрудничество, причем на длительный период. Вы могли бы работать на нас по полдня, скажем, несколько раз в неделю?

— Надо подумать. О чем идет речь?

— Крупная металлургическая фирма заказала книгу о металлах. Иллюстрации должны преобладать над текстом. В общем, популярно, но солидно. Вы понимаете, в каком жанре. Металлы в истории человечества, от железного века до сплавов, употребляемых в ракетостроении. Нам нужен был бы кто-то для поисков в библиотеках и в архивах, для подбора иллюстративного материала, высококлассного: старые миниатюры, офорты из альбомов прошлого века на разные темы, ну не знаю, литье, громоотводы.

— Ладно, я завтра зайду и поговорим.

Тут подошла Лоренца Пеллегрини: — Отвезешь меня домой?

— Почему сегодня я? — спросил Бельбо.

— Потому что ты мужчина всей моей жизни.

Он покраснел как мог покраснеть только он, — и взгляд его был направлен в еще более нелепую, чем обычно, точ-

ку. Потом сказал ей: — Присутствовали свидетели. — И мне: — Я мужчина всей ее жизни. Лоренца Пеллегрини.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер.

Он поднялся и прошептал ей что-то на ухо.

— С какой стати? — отвечала она. — Я попросила тебя отвезти меня на машине домой.

— А, — сказал Бельбо. — Извините, Казобон, я работаю таксистом вот у этой дамы неизвестно чьей жизни.

— Балда, — ласково сказала она и поцеловала его в щеку.

Позвольте тем временем советовать грядущему или же настоящему читателю, если он подвержен меланхолии. Пусть не ищет знаков или провозвестий в том, что сказано ниже, дабы не причинилось ему беспокойства и не вышло более зла, нежели пользы, если он применит это к себе... как большинство меланхоликов.

Р. Бартон, *Анатомия меланхолии*, Вступление.
R. Burton, *Anatomy of Melancholy*, Oxford, 1621

36

Было ясно, что Бельбо и Лоренца Пеллегрини связаны. Я только не знал, насколько тесно и насколько давно. Файлы Абулафии тоже не помогают реконструировать сюжет.

В частности, не датирован файл об ужине с доктором Вагнером. Знакомство с доктором, с одной стороны, существовало еще до моего отъезда в Бразилию, с другой — продолжалось после моего прихода в “Гарамон”; соприкасался с доктором и я, а значит, ужин с Вагнером мог иметь место как до, так и после того вечера в “Пиладе”. Если до — представляю себе смущение Бельбо и его подавленное отчаяние.

Доктор Вагнер из Вены, с многолетней практикой в Париже, чем обуславливалось ударение в фамилии на последнем слоге, чем шикавали его знакомцы, вот уже лет десять наезжал в Милан по приглашению двух революционных групп — реликтов шестьдесят восьмого года. Группы устраивали с ним дискуссии и, разумеется, каждая предлагала альтернативную радикалистскую трактовку его взглядов. Зачем и почему этот известный человек спонсировался у экстрапарламентариев, я никогда не мог понять. Теории Вагнера сами по себе не носили политической окраски, и захоти он, мог бы ездить по приглашениям университетов, клиник, академий. Наверное, дело в том, что оплата у революционеров была повыше, чем у остальных, а главными качествами доктора являлись эпикурейство и привычка к княжескому форсу. Частные организации всегда имели больше средств, чем государственные, следовательно, доктор Вагнер мог приезжать в первом классе,

останавливаться в лучшем отеле, а счета за лекции и семинары выписывать по тарифам психиатрических сеансов.

Каким образом, со своей стороны, революционные группы находили идеологическое вдохновение в теориях господина Вагнера — это другой разговор. Хотя в те годы психоанализ Вагнера развивался по линии настолько деконструктивистской, диагональной, либидинозной и некартезианской, что из него и впрямь могла браться теоретическая подпитка любой, в том числе революционной деятельности.

Правда, не было понятно, как переварит эти идеи рабочий класс; обе реву группы оказались на перепутье — предпочесть рабочий класс или Вагнера, и предпочли Вагнера. Была проведена идеологическая поправка, согласно которой движителем новой революции выступал не рабочий класс, а интеллигенция.

— Чем интеллектуализировать пролетариат, легче опролетарить интеллигенцию, а зная тарифы профессора Вагнера, ждать придется недолго, — сказал мне на это Бельбо.

Вагнерианская революция была самой дорогостоящей в истории человечества.

В издательстве “Гарамон” при спонсорстве института психологии был переведен и издан сборник мелких статей профессора, узкоспециальных, но ценных для поклонников Вагнера именно в силу давности и редкости. Вагнер прибыл в Милан, чтоб провести презентацию, тогда-то и началось их общение с Бельбо.

Имя файла: Доктор Вагнер

Дьявольский д-р Вагнер
Серия двадцать шестая

Кто в это серое утро конца нояб

Во время обсуждения я выступил с замечанием. Сатанический старец раздражился но не выказал. Отвечал, наоборот, обольстительно.

Так Шарлюс витает над Жюпьеном, пчела над венчиком. Гений не выносит нелюбимости. Он должен обольстить нелюбящего, влюбить его. Сделано: я полюбил Вагнера.

Но вероятно, Вагнер меня не простил, потому что в вечер развода нанес мне смертельный удар. Не сознавая, инстинктивно: не сознавая обольщал, не сознавая решил меня покарать. В контексте деонтологии он психоанализировал меня бесплатно. Подсознательное кусает и своих надсмотрщиков.

Похоже на историю с маркизом Лантенаком в "Девяносто третьем". Корабль вандейцев попадает в грозу у бретонского берега, внезапно орудие отскакивает от лафета, и в то время как корабль роет волны то носом, то кормой, пушка мечется обезумело от форштевня до вахтерштевня, сокрушая все на пути. Канонир корабля (увы, именно тот, чьей нерачность было вызвано опасное происшествие) с беспримерной храбростью, с цепью в руках кидается наперерез чудовищу, грозящему убить, одолевает его, связывает, возвращает в мирное русло, спасает корабль, экипаж, задание. Следует возвышенно-литургическое действие по сценарию ужасного Лантенака. Команду строят на квартердеке, отличившегося вызывают перед строем, командир награждает его высшей военной наградой, сняв орден с собственной шеи, обнимает, лобызает, а орава оглашает воздух бесчисленными ура.

После этого нестигаемый Лантенак провозглашает, что именно этот, не знающий страха, был виновником аварийной обстановки и что он должен быть расстрелян.

О дивный Лантенак, о доблестный, справедливый, неподкупный! Так же поступил со мною доктор Вагнер, я горжусь его дружбой, он убил меня, одарив меня истиной

убил меня, объяснив мне, чего именно я желаю

объяснил мне, чего я, желая, страшуся

История начинается по кафе и барам. Потребность влюбиться.

Есть вещи, которые предчувствуются. Невозможно влюбиться вдруг. А в периоды, когда влюбление назревает, нужно очень внимательно глядеть под ноги, куда ступаешь, чтобы не влюбиться в совсем уж не то.

Почему во мне назревало влюбление именно в этот период? Наверное, оттого что я как раз бросил пить. Работа сердца связана с работой печени. Новая любовь дает чудный повод запить снова. Снова двинуться по барам и кафешкам.

Бар быстролетен, вороват. Бар вытекает из сладкого ожидания в течение целых суток, покада не окунешься в полумрак кожаных полукресел, в шесть часов вечера там нет ни единого человека, омерзительные завсегда-таи сползутся к вечеру, когда будут крутить музыку. Предпочитаю малоприличный американ бар, пустынный в предвечернюю пору, официант подходит только после третьего зова с готовым новым мартини.

Мартини — залог всего. Не виски, а именно мартини. Субстанция белого цвета, поднимешь стакан и за оливкой увидишь ее. Есть разность между видом возлюбленной через мартини коктейль, налитый в треугольный бокал — он непростительно мал — и ее же видом через джин мартини on the rocks, который подается в широком стакане, и лик дробится кубиками льда, дробленный лик двоится, когда вы сдвигаете стаканы и прижимаетесь челом каждый к своему охлаждающему стеклу — годятся на это стаканы, а бокалы не годятся никак.

Так мимолетен бар. Потом жди дрожа следующего дня. Нет уверенности — шантажа.

Кто влюбляется по барам, не нуждается в совершенно собственной женщине. Некие некто вас одалживают друг другу.

Фигура этого некто. Он дает ей огромную свободу, будучи вечно в отъезде. Подозрительно либерален. Я мог звонить тебе в двенадцать ночи, он был дома, а ты нет, он говорил, что тебя нету, более того, кстати к

слову, вы не знаете случайно, где она может быть? Единственные моменты ревности. Но именно в эти моменты я отбивал Цецилию у саксофониста. Любить или верить, что любишь, как вечный священнослужитель той стародавней мести.

С Сандрой все стало хуже. На этот раз она почувствовала, что у меня это серьезно, и отношения нашей совместной жизни сделались напряженными. Нам надо расстаться? Тогда расстанемся. Нет, подожди, обсудим. Нет, так продолжаться не может. В общем, проблема была в Сандре.

Когда встречаешься по барам, драма твоей страсти фокусируется не на том, с кем ты встречаешься, а на том, с кем расстаешься.

В то время имел место ужин с доктором Вагнером. На лекции в тот день им было дано, в ответ на провокационный вопрос, определение психоанализа: — *La psychanalyse? C'est qu'entre l'homme et la femme... chers amis... ça ne colle pas*¹.

Речь шла об отношениях пары, о разводе как иллюзии закона. Захваченный собственными проблемами, я участвовал в дискуссии с жаром. Мы позволили себя втянуть в диалектическую чехарду, говорили сами, в то время как Вагнер молчал. Мы забыли, что перед нами сидит оракул. Вдруг с задумчивым видом он

вдруг с полууснувшим видом он

вдруг с грустно-равнодушным видом он

вдруг как будто совсем некстати Вагнер вступил в разговор (я хочу в точности передать его слова, они врезались в мою память совершенно точно, в данном случае я безусловно не ошибаюсь): — За всю мою жизнь я ни разу не имел пациента, невротизованного собственным разводом. Причиной

¹ Психоанализ? Он в том, что, мои дорогие друзья, между мужчиной и женщиной... дело не клеится (фр.).

страдания всегда выступает развод Другого.

Доктор Вагнер даже в устной речи ставил заглавную Д в слове Другой. В любом случае я подскочил как будто ужаленный аспидом

виконт подскочил как будто ужаленный аспидом

ледяной пот жемчужными каплями выступил на его челе

барон наблюдал за виконтом сквозь ленивые колечки дыма тончайших русских сигарет

— Вы имеете в виду, — спросил я, — что депрессия охватывает человека не из-за его собственного развода, но из-за возможного или невозможного развода того третьего лица, которое ответственно за кризисное состояние той пары, членом которой этот человек выступает?

Вагнер посмотрел на меня с изумлением обывателя, впервые имеющего дело с умственным расстройством. И спросил, что я хочу этим сказать.

Действительно, что бы я ни хотел сказать, выразился я глупо. Тогда я попытался конкретизировать умозаключение. Я разложил на скатерти приборы. — Вот, это я, Нож, женатый на Ложке. Есть еще Вилочка, замужем за Ножиком, за другим, чем я, за Мекки Мессером. Так вот, я, Нож, думаю, что переживаю из-за того, что собираюсь оставить свою супружницу Ложку, и в то же время не желаю этого, в то время как я люблю Вилочку, но меня вполне устраивает, если бы она осталась себе со своим Ножиком. Вы же, доктор Вагнер, говорите мне, что на самом деле я страдаю из-за того, что Вилочка не расстается с Ножиком. Это так?

Вагнер уведомил сидевшего с нами сотрапезника, что никогда не говорил ничего подобного.

— Как это не говорили? Вы же сказали, что

никогда не видели, чтобы люди были невротизованы собственным разводом, а всегда разводом кого-то другого.

— Может быть, не помню, — отвечал доктор Вагнер скупчиво.

— А если вы это говорили, имели ли вы в виду то, что имел в виду сейчас я?

Вагнер выдержал паузу в несколько минут.

Бывшие за столом замерли, не решаясь сплотнуть. Вагнер сделал знак, чтобы ему налили в бокал вина, внимательно посмотрел жидкость на свет и только потом ответил:

— Если вы поняли в этом смысле, значит, вы хотели в этом смысле понять.

Потом он отвернулся в другую сторону, пожаловался, что ему жарко, помурлыкал оперную арию, дирижируя сухарем, как будто бы перед невидимым оркестром, зевнул, сосредоточился на сливочном торте, а потом, после нового припадка немоты, попросил препроводить его в гостиницу.

Все смотрели на меня так, как будто я испортил им вечерю, на которой мог был быть возглашен Остатный Глагол.

И действительно мне была возглашена Истина.

Я тебе позвонил. Ты была дома, с Другим. Я не спал всю ночь. Все стало ясно: я не мог переносить, чтобы ты была с ним. Сандра не имела отношения.

Последовали душераздирающие полгода. Я гнал тебя как дичь, преследовал, дышал в шею, требовал, чтобы прекратилось твое сожительство с Другим, внушал, что ты мне необходима вся, целиком, пытался убедить, что ты ненавидишь Другого. У вас с ним пошли ссоры, Другой становился требовательным, ревнивым, не уходил по вечерам, а когда уезжал, то звонил два раза в день и

посередине ночи. Однажды он тебя ударил. Ты попросила у меня денег, тебе надо было уехать, я снял то небольшое, что имелось в банке. Ты покинула супружеский кров, подалась в горы с какими-то друзьями, адреса не оставила. Другой в отчаянии звонил мне, спрашивал, знаю ли я, куда ты уехала, я не знал, а выглядело это будто я обманываю, потому что ему-то ты сказала, что бросаешь его ради меня.

По возвращении, сияющая, ты оповестила меня, что написала Другому прощальное письмо. В этот момент у меня промелькнула мысль, что придется что-то решать насчет нас с Сандрой, но ты не дала мне времени серьезно обеспокоиться. Ты сказала, что познакомилась с одним человеком, у него шрам через всю щеку и очень богемная квартира. И теперь ты будешь жить у него? А меня ты не любишь? — Наоборот, ты мужчина всей моей жизни, но после всего, что имело место, мне необходимо прожить этот этап, не веди себя по-детски, постарайся понять, в конце концов я ради тебя оставила мужа, пусть время сделает свою работу.

— Как ради меня? Ты говоришь, что уходишь к другому!

— Ты интеллигентный человек, к тому же прогрессист, не веди себя как мафиозо. Скоро увидимся.

Я кругом обязан доктору Вагнеру.

Всякий, рассуждающий о четырех вещах,
достоин того, чтобы не появляться на свет:
а именно о том, что вверху, что внизу,
что прежде и что после.

Талмуд, Хагига 2.1

37

Я объявился в “Гарамоне” как раз в тот день, когда принесли устанавливать Абулафию и когда Бельбо и Диоталлеви устраивали знаменитое прение об именах Бога, а Гудрун подозрительным взором сверлила незнакомых мужчин, внедрявших что-то беспокойное в дебри ее любимых пыльных рукописей.

— Садитесь, Казобон, вот вам проекты и заявки по истории металлов. — Заведя меня к себе в кабинет, Бельбо выложил на стол рукопись, предметный указатель, наброски художественного оформления. От меня требовалось читать текст и подбирать иллюстрации. Я сказал, что в миланских библиотеках, судя по всему, можно найти подходящий материал.

— Это недостаточно, — сказал Бельбо. — Вам придется поездить. Например, в музей науки в Мюнхене замечательная фотоколлекция. Потом, конечно, Париж, Консерваторий Науки и Техники. Мне бы самому хотелось туда съездить, будь время.

— Хороший музей?

— Тревожный музей. Триумф механицизма в готическом соборе... — Он поколебался, подровнял стопку бумаг на столе. Потом, как будто опасаясь, чтоб не прозвучала чересчур серьезно его откровенность: — Там Маятник.

— Какой маятник?

— Маятник Фуко.

Он рассказал мне о маятнике Фуко именно то, что я думал и видел недавно, в субботу, в Париже, а может быть, в Париже в субботу я понимал все и видел таким образом именно из-за того, что меня подготовил Бельбо. Но в первый раз, после его рассказа, я не выразил сильного энтузи-

азма, и Бельбо посмотрел на меня как на человека, который в Сикстинской капелле спрашивает: “И это все?”

— Дело, что ли, в атмосфере этой церкви — уверяю вас, вы ощутите сильнейшее чувство. Мысль о том, что все течет, но при этом у вас над головой — единственная стабильная точка универсума... В ком нет веры, тем это позволяет снова обрести Бога, не ставя под сомнение свое неверие, потому что Бога в данном случае можно назвать Нулевым Полюсом. Для людей моего поколения, которых кормили разочарованиями и на обед и на ужин, это довольно заманчиво.

— Нас накормили разочарованиями побольше вашего.

— Ну что за мания величия. Для вас это был просто эпизод. Запели “Карманьолу”, глядь, а вокруг Вандея. Ничего, то прошло — и это пройдет. С нами было другое. Сначала фашизм, хотя мы были в то время почти детьми, играли в фашизм как в сыщики-разбойники. Тем не менее точка отсчета — судьбы храбрых — нами была от фашизма получена. Потом другая точка отсчета, Сопротивление, особенно для того, кто, как я, наблюдал его со стороны и воспринял его как рождение после смерти, как путь злака, как коловращение времен года, как равноденствие... или солнцестояние, я всегда их путаю... Потом одни избрали точкой отсчета Бога, другие рабочий класс, а многих и то и другое сразу. Интеллекту приятно думать, что красивый, здоровый, сильный рабочий пересоздаст мир. А потом — это, кстати, застали уже и вы — рабочий продолжал существовать, а рабочего класса не стало. Класс, наверное, расстреляли в Венгрии. Появились вы. Для вас, я думаю, все было естественно и даже празднично. Для моего возраста — нет: сведение счетов, угрызение, раскаяние, регенерация. Мы были проигравшими. Вы пришли с энтузиазмом, храбростью, самокритикой. Тогда мы, тридцатипяти-сорокалетние, увидели надежду, унижительную, но надежду. Учиться у вас, начать с нуля. Мы перестали носить галстуки, выбросили приличные плащи и купили куртки на барахолке, и кое-кто из нас уволился с работы, чтобы не прислуживать классу хозяев...

Он закурил и притворился, что притворяется взволнованным — чтобы отвлечь внимание от искреннего волнения.

— ... в то время как вы сдали всё, на всех фронтах. Мы, с нашими искупительными паломничествами на Ардеатинские братские могилы, отказались сочинять слоганы для кока-колы, потому что были антифашистами. Мы согласились на пожизненное побиршничество у Гарамона, потому что книги, как минимум, демократичны. А вы с тех пор и по сегодняшней день обрабатываете буржуев, которых вам не удалось повесить. Превращаете их в кретинков кассетами и руководствами по дзен-буддизму и мотоциклам¹. Вы впарили нам по благотворительной подписке ваши цитатники Мао, а на выручку купили петарды для вашего творческого фейерверка. И не постыдились. А мы стыдимся всю жизнь. Вы нас обманули, вы не были носителями очищения, вы были носителями юношеской прыщевой сыпи. Вы нас позорили за то, что у нас не хватило духу стать подпольщиками в Боливии. А сами придумали стрелять в спину мирным соотечественникам, идущим домой с работы. Десять лет назад нам случалось лгать на следствии, чтобы вытаскивать вас из заключения. А вы лгали на следствии — чтобы засаживать собственных друзей. Вот почему мне так симпатична эта машина. Она глупа, сама не верит, от меня не просит веры, делает что я говорю, дурак я — дура и она... или он. Честное взаимоотношение.

— Я...

— Вы не виноваты, Казобон. Вы удрали на другое полушарие вместо того, чтобы швыряться камнями, вы защитили диплом, вы ни в кого не стреляли. И при всем при том, вообразите, сколько-то лет назад я считал, что шантажируете меня и вы. Поймите правильно, ничего личного. Поколенческие циклы. Когда же я увидел Маятник, в прошлом году, я осознал все.

— Все что?

— Почти все. Видите ли, Казобон, Маятник тоже лжепророк. Вы на него смотрите, вы верите, будто бы он единственная стабильная на свете точка, но если вы отцепите его от купола Консерватория и перевесите в бордель, он не утратит своей силы. Есть и другие маятники, один в Нью-Йорке, во дворце ООН, еще один в Сан-Франциско в

¹ Имеется в виду популярная в конце 1970-х годов книга Р. Пирсига "Дзен и искусство ухода за мотоциклом".

музее науки, и не знаю, сколько еще. Маятник Фуко неподвижен, земля вращается под маятником — в какой бы точке он ни был установлен. Каждая точка мира становится точкой отсчета, стоит только привесить к ней маятник Фуко.

— Бог в каждом месте?

— В определенном смысле да. Поэтому Маятник так меня тревожит. Он мне сулит беспредельность, однако я ответственен за решение: где я ее размещу, эту беспредельность. Значит, недостаточно обожать Маятник там, где он находится, необходимо каждый раз брать на себя ответственность, искать для него истинное место. И все же...

— И все же?

— И все же... надеюсь, вы не воспринимаете меня серьезно? Впрочем, зря беспокоюсь, таких, как я, всерьез не воспринимают... И все же, как было только что сказано, мне кажется, что в течение жизни мы привешиваем Маятник в великое множество мест, и никогда это не действует по-настоящему, а действует только в Консерватории... Может быть, в универсуме существуют места более лучшие и менее лучшие? Может быть, самое лучшее — потолок этой комнаты? Нет, не тот вид. Нужна атмосфера. Не знаю. Может быть, мы ищем да ищем совершенное место, а оно рядом с нами, а мы его не узнаем, а чтоб его узнать, надо верить... Идем к господину Гарамону.

— Повесим Маятник у него?

— О суетность. Идем делать серьезное дело. Чтоб получить зарплату, надо чтобы хозяин вас повидал, понюжал, пощупал и полюбил. Подойдите под руку хозяина. Она излечивает от чесотки¹.

¹ В средневековой Франции верили, будто прикосновение короля лечит от болезней.

Тайный Мастер, Мастер Совершенный, Мастер Любознательности, Распорядитель Строек, Избранный из Девяти, Рыцарь Королевской Арки Соломоновой или Мастер Девятой Арки, Великий Шотландец Священного Свода, Рыцарь Востока, или же Меча, Князь Иерусалимский, Рыцарь Востока и Запада, Князь-Кавалер Златорозового креста и Рыцарь Орла и Пеликана, Великий Прелат или Верховный Шотландец Небесного Иерусалима, Достопочтенный Пожизненный Великий Мастер Всех Лож, Рыцарь Прусский и Патриарх Ноева колена, Кавалер Королевской Секиры или Князь Ливана, Князь Кущей, Рыцарь Медного Змия, Князь Сочувствия или же Благодати, Великий Рачитель Храма, Рыцарь Солнца или Князь-Адепт, Рыцарь святого Андрея Шотландского или Великий Магистр Света, Рыцарь Великоизбранный Кадош и Кавалер Белого и Черного Орла.

Высшие степени Древнего и Принятого шотландского обряда масонства

38

Мы двинулись по коридору, он оканчивался тремя ступеньками и дверью с рифленным стеклом. За дверью открывалась новая вселенная. Насколько темны, закопчены и пыльны были помещения у нас за плечами, настолько же пространство впереди походило на зал VIP международного аэропорта. Приглушенная музыка, голубоватые стены, уютная приемная великолепного дизайна, стены увешаны портретами господ депутатского вида, вручающих крылатые победы господам сенаторского вида. На журнальном столике небрежно брошены, как в приемной зубного врача, лакированные журналы “Литературная изысканность”, “Поэтический Атанор”, “Роза и Шип”, “Италийский Парнас”, “Верлибр”... Ни одного из них я никогда не видал до того, и теперь мне известна причина: эти журналы распространяются только среди клиентов “Мануция”.

Сперва я подумал, что передо мною административная часть издательства “Гарамон”, но довольно скоро я понял, что речь идет о совершенно другом издательстве. В прихожей “Гарамона” торчала маленькая грязноватая витринка с их последними публикациями, книжки были неказистые,

с неразрезанными листами, с серенькой обложкой — что-то вроде французской университетской прессы, бумага такого сорта, которая желтеет за несколько лет и создает впечатление, будто автор, при всей своей молодости, начал публиковаться бог знает когда. А здесь имелась большая красивая витрина с внутренним светом, в ней были выставлены книги издательского дома “Мануций”, некоторые распахнуты — глядят наружу просторные, воздушные развороты. Белоснежная, легкая, дублированная прозрачным пластиком, очень элегантная серийная обложка, рисовая бумага, дивной четкости офсет.

Серии “Гарамона” назывались серьезно и специально, например “Гуманитарные исследования” или “Философия”. Серии же “Мануция” носили изнеженные и поэтичные имена: “Цветник несбиранный” (поэзия), “Терра Инкогнита” (проза), “Час Олеандра” (для изданий типа “Записки больной девочки”), “Остров Пасхи” (по-моему — очеркистика), “Новая Атлантида” (последней новинкой этой серии было издание “Koenigsberg Redenta — Вновь обретенный Кенигсберг, Прологомены к любой грядущей метафизике, которая представится двойственной системой трансцендентности и наукой о феноменальном ноумене”). На всех переплетах была эмблема издательского дома — пеликан под пальмой с подписью “Владею тем, что дарую”.

Бельбо был краток в пояснениях: господин Гарамон владеет двумя издательствами. В дальнейшем я осознал, что связь между “Гарамоном” и “Мануцием” составляет сугубо частный, конфиденциальный факт. Парадный вход “Мануция” был расположен по улице Маркиза Гуальди, и на улице Гуальди не было ничего похожего на зловонное кишение улицы Синчero Ренато. Все наоборот: надраенные фасады, просторные тротуары, холлы с лифтами из алюминия. Никому не пришло бы в голову, что из квартиры в облезлом доме по улице Синчero Ренато можно попасть, преодолев всего только три ступеньки между уровнями, в шикарное палаццо на улице Гуальди. Не знаю, что сделал господин Гарамон, чтобы получить разрешение. Кажется, за него хлопотал один автор — член отдела охраны памятников.

Нами занялась госпожа Грация, жакет и юбка подобраны в цвет стен, поступь матроны, шелковый платок от из-

вестного модельера. Со сдержанной улыбкой она препроводила нас в зал, украшенный глобусом.

Зал был не так уж велик, но походил на кабинет Муссолини в римском Дворце Венеции, около входа размещался огромный глобус, письменный стол красного дерева стоял у дальней стены, посетитель его видел как будто в перевернутый бинокль. Гарамон дал знак, чтобы мы приблизились, и меня сразу проняло почтением. Позднее, при появлении Де Губернатиса, Гарамон поднялся с места и собственной персоной поспешил ему навстречу; столь сердечное проявление еще раз подчеркнуло величие хозяина и великолепие обстановки, поскольку посетитель сперва дождался, как в балете, приближения Гарамона по зеркальному паркету зала, а затем и сам проделал тот же путь в обратном направлении об руку с гостеприимным Гарамоном, благодаря чему пространство кабинета волшебным образом удвоилось.

Гарамон усадил нас напротив, был решителен и сердечен. — Доктор Бельбо прекрасно отзывается о вас, доктор Казобон. Нам нужны квалифицированные сотрудники. Разумеется, речь не идет о постоянной ставке, этого мы себе не можем позволить. Будет достойно компенсирован в должном объеме ваш труд, скажу даже — ваша добросовестность, ибо наша профессия есть служение.

Он назвал сумму моего гонорара, рассчитанную из условных рабочих часов, по тем временам цифра мне показалась разумной.

— Превосходно, дорогой Казобон. — Научный титул мгновенно отпал с той секунды, как я был принят на жалованье. — Эта история металлов. Она должна быть великолепна, более того — прекрасна. Общедоступность, простота и в то же время научный уровень. Пусть поражает воображение читателя, но на научном уровне. Приведу вам один пример. Я прочитал в начале рукописи описание такого шара, ну как его, Магдебургского, два полушария составили вместе и в середину накачали пневматическую пустоту. К полушариям припрягли по две пары, так сказать, норманнских лошадей, одну пару к одному, другую к другому, одна пара тянула в одну сторону, другая в другую, а два полушария не рассоединились. Так вот, к этому

сводится научная информация. Но ваше дело выделить ее среди остальных, менее живописных. Как только вы ее выделили, вы должны мне найти ее изображение, фреску, картину, что-нибудь такое. А потом мы напечатаем потрясающий разворот в цветном офсете.

— Я знаю одну гравюру, — сказал я.

— Ну вот, видите? Молодец. Так и надо. На разворот ее, в четыре цвета.

— Гравюру можно только в один, — сказал я.

— Да? Ну тогда в один цвет. Точность есть точность. Все-таки дадим, так сказать, в два. Дадим золотой фон. Пускай читатель поразится. Должен возникать буквально эффект присутствия в тот день, в том месте, где они проводили эксперимент. Ясно? Научный уровень, реализм, эмоциональность. Вот наш девиз. Можно остаться на научном уровне и в то же время взять читателя за кишки. Есть ли что-либо более театральное, драматичное, скажу даже занимательное, нежели мадам Кюри, когда она заходит вечером к себе домой и видит в темноте флуоресцентный луч! Боже! Что это могло бы быть... Углеродород, голконда, флогистон или как там он называется, шут с ним, в общем, вуаля, Мария Кюри изобрела рентген-лучи. Оживляйте материал. Не отходя от научной строгости.

— Но как связан рентген с металлами?

— А что, радий не металл?

— Радий — металл, — согласился я.

— Ну вот. Но не только радиация нас интересует. Весь мир знания каким-либо манером можно увязать с металлами. Как мы собирались назвать эту книгу, Бельбо?

— Солидно и спокойно. “Металлы и материальная культура”.

— Так и надо. Солидно и спокойно. Но должна там чувствоваться этакая изюминка, этакая хитринка, говорящая о многом... Посмотрим... Вот. “Всемирная история металлов”. Там про китайцев есть?

— Про китайцев-то есть...

— Тогда всемирная. Мы не гонимся за шиком — это требование истины. А то еще лучше — “Невероятные приключения металлов”.

Как раз в этот момент госпожа Грация объявила о при-

ходе коммендаторе Де Губернатиса. Господин Гарамон замаялся, с сомнением поглядел на меня. Бельбо ободрительно кивнул, как будто подтверждая, что отныне мне можно доверять как своему. Гарамон провозгласил, что посетителя можно вводить, и сам вышел из-за стола, чтобы двинуться к нему навстречу. Посетителя ввели, он был в двубортном костюме, с розеткой в петлице, с авторучкой в кармане, со свернутой газетой в кармане пиджака и с папкой под мышкой.

— Дорогой коммендаторе, прошу вас садиться, мой друг Де Амброзиис много рассказывал мне о вас. Достоинейший пример, вся жизнь без колебаний отдана государственной службе. И затаенная поэтическая жилка, я угадал, не правда ли? Покажите же, дайте же мне это, так сказать, сокровище, которое вы сжимаете в руках... Познакомьтесь, здесь присутствуют двое из моих генеральных директоров.

Он усадил гостя напротив книжного стола, заваленного рукописями, и разгладил дрожащими от нетерпения пальцами первый лист врученной ему кипы. — Вы можете не рассказывать мне ничего, я обо всем наслышан. Вы родом из Випитено, великого и славного города. Вся жизнь без колебаний отдана службе на таможене. И тайно от всех, день за днем, ночь за ночью, слагались эти страницы, осененные духом поэзии. Поэзия... Ею опалена была юность Сапфо, ею же взлелеяны гетевские седины... Древние греки называли именован "фармак" как яды, так и лекарства. Разумеется, мы прочитаем его, это ваше создание, прочитаем и перечитаем, у нас в заводе как минимум три предварительные рецензии, одна внутренняя и две выполняемые нашими консультантами. Они выполняются анонимно, увы, иначе нельзя, дело идет о слишком известных в обществе людях. "Мануций" не публикует, так сказать, книг, пока не убедится в абсолютной их качественности. А качественность, вам это известно, конечно же, лучше чем мне, это нечто неосязаемое, неуловимое, ощущаемое шестым чувством, зачастую книга бывает несвободна от несовершенств, от шероховатостей, Свево тоже писал плохо, могли бы сказать вы, и были бы правы! Но господи боже мой, идея, ритм, стиль, в этом ошибиться невозможно! Я знаю, вы можете не говорить мне ничего, бросив один только

взгляд на самое начало этих страниц, я уже почувствовал, что тут витает это самое нечто, однако я не хотел бы судить самовластно, невзирая на то, что зачастую — о, знали бы вы, насколько часто! — внутренние рецензии бывали не слишком хвалебными, но я стоял на своем, потому что невозможно решать судьбу автора, не звеня, так сказать, одной струною с ним, вот например, скажем, я открываю эту рукопись и взгляд мой касается строки “как осень, лебедь отощальный” — прекрасно, я не хочу знать, каково все остальное, мне достаточно этого образа, очень часто хватается только этого — экстаз, восхищение, а затем... Cela dit, мой дорогой друг, Бог свидетель, если бы удавалось делать то, чего мы хотим! Но, к сожалению, издательства — такие же промышленные предприятия, как и прочие. Более благородные, нежели прочие, и тем не менее промышленные. А известно ли вам, во сколько обходится в наше время одна только печать? А бумага? Откройте, посмотрите в сегодняшней газете, насколько поднялась на сегодняшнее утро учетная ставка на Уолл-стрит. Вы хотите сказать, что это не имеет к нам непосредственного отношения? Представьте же себе, что имеет! И самое непосредственное! Вам известно, что теперь они облагают налогом даже складированную продукцию? Что если что-то не продается, они облагают налогом остатки? Я плачу даже за неуспех, оплачиваю голгофу каждого гения, непонятого филлистерами. Вот эта папиросная бумага... с вашей стороны на редкость изысканно, позвольте заметить, это просто находка — отпечатать текст на столь тонкой и прозрачной бумаге, чувствуется настоящий, так сказать, поэт, бездарный нахал использовал бы высокосортную, чтобы пустить пыль в глаза и отвлечь внимание души. Нет, перед нами совсем другой случай, это — настоящая поэзия, от сердца идущая, о, слова тяжелы как камни, они способны перевесить любую вещь в мире! О, эта папиросная бумага в конечном счете обойдется мне как банкнотная!

Тут зазвонил телефон. В дальнейшем я уже знал, что на этом этапе господин Гарамон нажимает на подстольную пупочку и госпожа Грация зажигает у него немую линию.

— Дорогой маэстро! Как? Изумительная новость! Настоящий праздник! Вашу новую книгу сочли событием се-

зона! Ну конечно, и наш издательский дом “Мануций” счастлив, польщен, скажу сильнее — рад иметь вас в числе постоянных авторов! Вы видели, как отзываются газеты о вашей последней эпической поэме. Это достойно Нобелевской премии. Как жаль, что вы опередили свое время. Мы с трудом распродали три тысячи экземпляров...

Коммендатор Де Губернатис побелел: три тысячи экземпляров в его представлении оставались недостижимым, не мечтанным даже рубежом.

— ...и не перекрыли стоимости производства. Приходите, загляните к нам, посмотрите, сколько народу работает у меня в редакции. В наше время, чтобы окупить книжку, требуется продавать не менее десяти тысяч экземпляров. К счастью, многие из наших книг продаются гораздо шире, однако существуют писатели, как бы это выразиться, иного профиля. Бальзак был великий талант и продавал свои книги как пирожки, Пруст был не менее великий талант, а печатался за собственный счет. Вы попадете в школьные хрестоматии, но не в станционные киоски. С Джойсом вышла та же самая история, что он публиковался за собственный счет, как Пруст. Таких книжек, как ваша, я могу позволить себе одну-единственную за два или три года. Теперь мне потребуются новых три года... — последовала затяжная пауза. На лице Гарамона обозначилось горестное смущение.

— Как? За ваш собственный счет? Нет, нет, расход не так велик, цифру можно свести до минимума... Нет, дело в другом, в “Мануции” это не принято... Конечно, как вы могли бы сказать, и Джойс с Прустом тоже... Понимаю, понимаю...

Еще одна выдержанная пауза. — Хорошо, давайте действительно поговорим. Я с вами был совершенно откровенен, вы полны нетерпения, давайте попробуем то, что называется совместным предприятием, джойнт венчер, как говорят американцы... Приходите к нам завтра, и мы ориентировочно подсчитаем смету... Мое почтение и мое восхищение.

Гарамон поднял на нас глаза, как будто выходя из глубокого сна, и провел по лицу ладонью, потом вздрогнул всем телом, вспомнив о присутствии посетителя. — Про-

стите. Это был Писатель, настоящий Писатель, я думаю — великий. И что же? Именно поэтому... Как часто испытываете стыд, занимаясь нашей профессией. Если бы не было так сильно призвание... Но вернемся к нашей беседе. Все уже сказано. Я отвечу вам в течение месяца. Рукопись оставьте у нас, она в надежных руках.

Коммендатор Де Губернатис вышел так и не произнеся ни слова. Он понял: одна его нога уже в кузне литературной славы.

Рыцарь Небесных Сфер, Князь Зодиака, Высочайший
 Герметичный Философ, Несравненный Распорядитель
 Светил, Великий Прелат Изиды, Князь Священного
 Холма, Философ Самофракийский, Титан Кавказский,
 Отрок Златолирный, Рыцарь Истинного Феникса,
 Рыцарь Сфинкса, Высочайший Мудрец Лабиринта,
 Князь Брахман, Мистический Надзиратель Святылища,
 Зодчий Таинственной Башни, Высочайший Князь
 Священной Завесы, Толмач Иероглифов, Орфический
 Доктор, Надзиратель Трех Очагов, Хранитель
 Невысказуемого Имени, Величайший Эдип Высших
 Секретов, Возлюбленный Пастырь в Оазисе Таин,
 Доктор Священного Огня, Рыцарь Сиятельного Угольника.

*Степени Старого и Первобытного
 Мемфисско-Мисраимского обряда*

39

“Мануций” было издательством для ПИССов.

ПИССом именовался на техническом наречии “Мануция”... но почему “именовался”? именуется, существует и сейчас, все продолжается там у них как ни в чем не бывало, это просто я перевожу рассказ в недостижимо отдаленное прошлое, потому что то, что случилось позавчера вечером, прочертило как будто разлом во времени; в нефе Сен-Мартен-де-Шан прервалась связь времен. А может быть, это оттого, что позавчера я сам внезапно состарился на десятилетия? Или же страх, что Эти Самые доберутся до меня, подсказывает мне такую интонацию, как будто я пишу историю империи периода упадка, историю распростертой в ванне, со вскрытой веной, выжидающей, когда она захлебнется в моей крови...

ПИСС значит Писатель, Издающийся за Собственный Счет. “Мануций” — одна из тех фабрик славы, которые в англоязычных странах называют “vanity press”. Весьма значительные доходы, никаких накладных расходов. Штат: Гарамон, госпожа Грация, бухгалтер в чуланчике в конце коридора с табличкой “замдиректора по административной части”, пенсионер-инвалид Лучано на должности экспедитора, распоряжающийся обширным складом в полу-подвальном этаже.

— Никогда я не мог уяснить, как умудряется Лучано паковать книги одной рукой, — говаривал Бельбо. — Видимо, пускает в ход зубы. Хотя, если подумать, пакует он не так уж много. В нормальных издательствах рассылают товар на реализацию, у нас отправляют только посылки авторам. “Мануций” читателями не интересуется. Самое важное, считает господин Гарамон, чтобы нас любили писатели. Без читателей прожить можно.

Бельбо восхищался господином Гарамоном. Гарамон в его глазах олицетворял силу, в которой ему, Бельбо, было отказано.

Система “Мануция” отличалась простотой. Немногочисленные рекламные объявления в провинциальных газетах, в специальных журналах, в городских литературных альманахах, в периодических изданиях, которым не суждено прожить больше трех выпусков. Объявления скромного формата, с фотографией автора и подписью “Высочайший голос нашей поэзии” или “Новая захватывающая повесть автора романа «Флориана и ее сестры»”.

— Таким образом расставляются силки, — продолжал Бельбо, — и ПИССы падают в них гроздьями, если, конечно, грозди могут попадать в силки, но так как неопытная метафорика характерна для авторского коллектива “Мануция”, она отчасти передалась и мне, так что прошу простить.

— Ну и?

— Ну и возьмем к примеру Де Губернатиса. Через месяц, дав пенсионеру хорошо повариться в собственном соку, поступит звонок от Гарамона с приглашением на ужин, где будут и другие авторы. Вечер состоится в арабском ресторане, для своих, без вывески; надо прямо звонить и говорить в домофон свою фамилию. Шикарная обстановка, рассеянный свет, экзотические мелодии. Гарамон здоровается за руку с метрдотелем, называет на ты официантов и возвращает в погреб бутылки, потому что год разлива его не устраивает, или же говорит: извини меня, дорогой, но разве это кускус, как готовят в Марракеше? Де Губернатиса знакомят с комиссаром Таблетти, все наземные службы аэропорта под его контролем, но главное в нем — что он изобретатель, апостол нового языка Косморанто, это язык

мира во всем мире и сейчас он стоит на повестке дня в ЮНЕСКО. Потом — профессор Пилколли, настоящая крепкая проза, лауреат премии Петруцеллис делла Кукуцца 1980 года, светило медицинской науки. Сколько лет у вас преподавательского стажа, профессор? В те времена студенты действительно учились. А вот и наша утонченная поэтесса, Теодолинда Клистери Клизмони. Та самая, которой принадлежат “Целомудренные касания”, вы, конечно, читали.

Бельбо признался мне, что долго не мог уяснить, почему женщины-ПИССицы подписываются двойной фамилией. Почему, господи боже, у нормальных литераторш, как правило, одна фамилия, а то и вообще нет ее (Колетт), а у ПИССессы всегда имя вроде Капитолина Облигацци Депозито? Дело, конечно, в том, что нормальный сочинитель пишет из интереса к своей работе и ему не так уж важно, если прославится не он, а псевдоним, как например было с Нервалем. А для ПИССов и ПИССих важнее всего, чтобы о публикации узнали соседи как по нынешнему району, так и в районе, где они жили раньше. Мужчине хорошо, у него всегда одно имя, а даме необходимо, чтобы дошло как до тех, кто знал ее в девицах, так и до знакомых со стороны мужа. Поэтому без двух фамилий она обойтись не может.

— В общем, что вам сказать, ужины эти очень насыщены в интеллектуальном смысле. Де Губернатис обалдеет, как после коктейля из ЛСД. От соседей по столу он наслушивается сплетней, узнает смачный анекдот про великого писателя, известного импотента, а с точки зрения как писатель — не такого уж великого. Он вопьется влажным от волнения взором в новое издание “Энциклопедии Знаменитых Итальянцев”, которая по манию Гарамона появится внезапно и сногшибательно, для того чтобы показать комиссару, как выглядит статья о нем: вот и вы вошли в пантеон, дорогой коллега, как же, как же, это настолько соответствует вашим заслугам.

Бельбо вытащил эту энциклопедию. — Час назад я читал вам мораль, теперь мне стыдно, потому что никто не чист. Энциклопедию пишем мы вдвоем с Диоталлеви. Но, клянусь вам, не ради постраничной оплаты. Это одно из самых смешных на свете занятий. Каждый год выходит но-

вое переработанное издание. Статьи о литераторах расположены квадратно-гнездовым способом. Одна статья про существующего писателя, одна про ПИССа. Много времени, как правило, отнимает возня с алфавитом. Невыгодно терять пространство между двумя знаменитыми писателями. Приходится работать филигранно... вот например посмотрите на Л.

ЛАМПЕДУЗА, Джузеппе Томази ди (1896—1957). Сицилийский писатель. Долго не пользовался признанием и стал известен лишь после своей смерти как автор романа “Леопард”.

ЛАМПУСТРИ, Адеодато (1919—). Писатель, воспитатель, боец (бронзовая медаль за восточно-африканскую кампанию), мыслитель, прозаик и поэт. Его фигура высится на фоне итальянской словесности текущего столетия. Дар Лампустри выявился с особой силой после 1959 года, когда был создан первый том всеобъемлющей трилогии “Братья Карамаззи”, в которой в неприкрыто реалистичной и в то же время подкупающе лиричной манере повествуется о нелегкой судьбе семьи рыбаков из Лукании. Это произведение, которому была заслуженно присвоена в 1960 году премия Петруцеллис делла Кукуцц, было продолжено созданными в последующие годы романами “Освобождение из тюрьмы” и “Пантера с глазами без ресниц”, которые возможно, еще более выразительно, чем первое творение, подчеркивают эпический размах, искрометное воображение, лирическую струю, отличающие многогранное творчество этого одаренного художника. Ценный сотрудник министерства, Лампустри пользуется уважением среди коллег по работе как цельная личность, образцовый отец и муж, несравненный оратор.

— Де Губернатис, — продолжал Бельбо, — возжаждет оказаться в энциклопедии, даром что он всю жизнь говорил, что “Энциклопедия Знаменитых Итальянцев” — суэта суета и что ею заправляет мафия критиков. Но всего важнее, что в этот вечер перед ним открывается перспектива войти в общество писателей, которые являются в то же время директорами государственных предприятий, бан-

кирами, аристократами, юристами. Внезапно оказывается, что он может резко расширить и обогатить круг своих знакомств, и если ему понадобится обратиться по делу, теперь он будет знать, к кому. Господин Гарамон своей властью способен вытащить Де Губернатиса из провинциального болота, возвысить его до неслыханных высот. Приблизительно к концу вечера Гарамон шепнет ему, чтобы тот зашел наутро к нему в издательство.

— И на следующий день он побежит.

— Можете не сомневаться. После бессонной ночи, исполненный мечты о славе Адеодато Лампустри.

— А потом?

— Потом, то есть на следующее утро, Гарамон начнет так: я не упоминал об этом вчера за ужином, чтобы не смущать остальных, но что за чудо вы написали! Не говорю уж о том, что внутренние рецензии полны восторгов, скажу даже, положительны, но я и сам лично уделил всю ночь не отрываясь чтению этих страниц. Книга уверенно тянет на литературную премию. Великая, великая вещь. Потом Гарамон вернется к своему столу и хлопнет ладонью по рукописи, затрепанной, зачитанной до дыр по меньшей мере четырьмя энтузиастами рецензентами. Затрепывать рукописи входит в служебные обязанности госпожи Грации. И возведет на ПИССа растерянный взор: — Что будем делать?

— Как что будем делать? — переспросит Де Губернатис. А Гарамон ответит, что относительно ценности сочинения он не имеет никаких даже минимальных сомнений, но вещь безусловно опередила свое время, и в отношении количества экземпляров невозможно вообразить более двух тысяч, ну двух тысяч пятисот, не более этого. С точки зрения Де Губернатиса, двух тысяч экземпляров вполне достаточно, чтобы покрыть всех знакомых ему людей, ПИСС не мыслит в планетарных категориях, вернее, его планета состоит из известных лиц, школьных товарищей, директоров банков, коллег, преподающих вместе с ним в одной и той же средней школе, из полковников на пенсии. Всех этих людей ПИСС намеревается втянуть в свой поэтический универсум, даже тех, кто этого не хотели бы, как зеленщик или участковый полицейский. Опасаясь

больше всего, как бы Гарамон не подался на попятный, притом что уже все в доме, на работе, на главной площади городка извещены, что он передал рукопись крупнейшему издателю в Милане, Де Губернатис лихорадочно подсчитывает в уме. Можно снять все с книжки, занять в кассе взаимопомощи, оформить ссуду в банке, продать те несколько облигаций, которые у него имеются, Париж в данном случае стоит мессы. Он решается заикнуться насчет участия в расходах. Гарамон реагирует взволнованно: в “Мануции” это не принято, а потом — ну допустим, вы меня убедили, в конце концов и Пруст и Джойс склоняли выи пред жестокой необходимостью, стоимость производства книги составит столько-то, мы для начала напечатаем две тысячи, но в контракте проставим как потолок десять тысяч. Имейте в виду, что двести экземпляров издательство дарит вам бесплатно, вы сможете преподнести их кому найдете нужным, еще двести мы разошлем по газетам, потому что это тот случай, когда стоит шарахнуть рекламную кампанию как для “Анжелики маркизы ангелов”, а в торговлю отправим пока что тысячу шестьсот. В данном случае, как вы понимаете, невозможно говорить об авторском гонораре, но если книга пойдет, допечатаем тираж и вы получите двенадцать процентов с продажи.

Потом я видел этот типовой контракт, который подобный Де Губернатис, в поэтическом транс, подписывает, разумеется, не читая. Замдиректора по финансам в эту минуту громко сетует, что господин Гарамон занизил производственные расходы. Десять страниц непарелью, сотни параграфов условий, копирайт на границу, права на использование образов, условия создания театральных и киноверсий, условия исполнения в радиопередачах, оговорки относительно изданий алфавитом Брайля для слепых, ситуация в случае уступки сокращенного варианта в “Ридерс Дайджест”, параграф о создании журнального варианта, гарантии в случае судебного процесса по обвинению в диффамации, права автора на окончательное утверждение редакторской и корректорской правки, клаузула о передаче дела в арбитражный суд города Милана в случае невозможности полюбовного разрешения спора... Абсолютно вымотанный, плавая в рассеянном тумане неми-

нуемой славы, ПИСС добирается до последних закорючек контракта, где говорится, что максимальным уровнем тиража является десять тысяч, но что является минимумом, не говорится, а сказано, что выплачиваемая сумма не связана непосредственным образом с тиражом, который будет установлен в устном соглашении, а кроме этого — что издатель имеет право через год отослать нераспроданный тираж под нож, в случае если автор не пожелает выкупить экземпляры по стоимости половины цены обложки. Дата, подпись.

Рекламный запуск производится в сатрапических масштабах. Пресс-релиз на десять страниц, биография автора, критический разбор. Никакого подобия стыдливости, поскольку мы уверены, что в редакциях всех журналов и газет пресс-релиз немедленно выбросят в корзину. Печатается тираж: тысяча экземпляров в листах, из них триста пятьдесят переплетаются. Двести переплетенных экземпляров направляются автору, пятьдесят — в малоизвестные “фирменные” книжные лавки, пятьдесят в журналы той провинции, где обитает автор, еще тридцать на всякий случай в газеты, потому что иногда бывает, что сообщениями о них затыкают дырки на полосах “Поступило в редакцию”. Один экземпляр, как правило, передается в дар больнице или исправительному заведению, и понятно, с каким скрипом после этого там идет как лечение, так и перевоспитание.

Летом присуждается премия Петруцеллис делла Кукуцца, порождение Гарамона. Расходы на премию: полный пансион для членов жюри в течение двух дней, Ника Самофракийская из красного гранита. Поздравительные телеграммы от авторов издательства “Мануций”.

Наконец настает время для момента истины, приблизительно через полтора года. Господин Гарамон пишет автору письмо: Мой любезный друг, я предвидел это, Вы явились в мир с опережением на пятьдесят лет. Рецензии, как Вы сами видели, суперхвалебные, премии, восхищение критики, обо всем этом не стоит повторяться. Однако продано, увы, совсем немного экземпляров, публика не подготовлена. Мы вынуждены освободить свои склады в соответствии с клаузулой контракта (прилагается). Или под

нож, или Вы приобретаете остатки по половине цены обложки, Вам предоставлено контрактом подобное право.

Де Губернатис теряет голову от горя, родственники его утешают: тебя просто не сумели понять, конечно, если бы ты был как все эти, если бы сунул кому следует взятку, тебя бы похвалили даже в “Коррьере делла сера”, это все мафиози, надо принимать вещи как они есть. От дарственных экземпляров осталось только пять штук, а между тем они всегда могут понадобиться, сколько людей еще не охвачено, не допустим же мы, чтобы твоя книга пошла в макулатуру и из нее сделали туалетную бумагу, посмотрим, сколько мы сумеем наскрести, в любом случае это оправданная трата, жизнь дается нам только один раз, напиши, что забираешь пятьсот экземпляров, а что касается остальных, сик транзит gloria mundi.

У “Мануция” лежат на складе 650 экземпляров в листах, господин Гарамон переплетает пятьсот и отправляет их наложенным платежом. Результат: автор авансом оплатил стоимость производства двух тысяч экземпляров, из которых издательство отпечатало тысячу и переплело 850, из которых 500 были оплачены автором вторично. Пять десятков авторов в год, и бюджет “Мануция” закрывается с хорошим активом.

И без угрызений совести: так продается счастье.

Трус умирает много раз до смерти¹

Шекспир, *Юлий Цезарь*, II, 2

40

Меня всегда поражала самоотверженность, с которой Бельбо трудился над материалами “Гарамона”, стараясь делать книги, которыми можно гордиться, и до чего цинично он относился ко всему, что происходило в “Мануции”, где он не только помогал Гарамону дурить авторов, но и наслаждался, переправляя туда всех, кого считал для “Гарамона” непрезентабельным: то самое, что я видел в случае с полковником Арденти.

Я часто задумывался, когда мы работали вместе, почему он принимал такое положение. Не из-за денег, думаю. Он достаточно хорошо знал свое дело, чтобы найти себе место и с лучшей зарплатой.

Долгое время я думал, что он считал это для себя наилучшей лабораторией для изучения человеческой глупости. То, что он называл глупостью — неуловимые паралогизмы, коварный бред, маскируемый безупречной аргументацией, — очаровывало его, о чем он твердил то и дело. Но это тоже было маской. Диоталлеви ему подыгрывал, наверное, уповая, что в какой-либо книге “Мануция” однажды ему встретится невиданное сочетание букв Торы. И еще подыгрывал им обоим, ради чистого развлечения, из насмешки, из любознательности — я, особенно после того как в “Гарамоне” запустился “Проект Гермес”.

Мотивировки Бельбо на самом деле были иными. Я понял это только после того как покопался в его файлах.

Имя файла: Мечь страшная мечь

Всегда появляется так. Даже если в офисе люди, притягивает меня за лацканы, подставляет губы, целует. Анна когда целует

¹ Пер. с англ. М. Зенкевича

встает на кончики пальцев... строчка какой-то песни. Ты же когда целуешь как будто играешь во флиппер.

Знает, что я волнуюсь. Подставляет меня. Никогда не врет.

— Люблю.

— Увидимся в воскресенье?

— Нет, я уезжаю с одним человеком.

— С человеком в смысле с подружкой?

— С человеком, ты его знаешь, с кем я была в баре на той неделе. Я обещала, не могу же я теперь брать назад слово.

— Не бери назад слово, но и не ходи сюда ко мне с этими... Слушай, я занят, у меня автор.

— Гений? Будем растить?

— Ничтожество. Будем душить.

Ничтожество. Будем душить.

Заехал за тобой к Пиладу. Там тебя не было. Прождал, потом пошел сам, потому что в галерее все кончалось. Там сказали — вы уже уехали в ресторан. Я посмотрел картины, какая разница, искусство умерло, как нас учат, еще во времена Гельдерлина. Двадцать минут проискал ресторан, потому что галеристы выбирают всегда те, которые войдут в моду через месяц-два.

Ты была там, вокруг знакомые, с тобой меченый. Не повела бровью. Посмотрела на меня общинчески и — как это у тебя вышло, в то же время? — с вызовом. Как бы со словами: ну-с? Меченый нахал смотрел на меня как на нахала. Все вокруг, прекрасно зная обстоятельства, выжидали. Должен был бы найти предлог, затеять ссору. Выглядел бы достойно даже если бы он меня отлупил. Вокруг знали, что ты была с ним, чтоб вызвать меня. Вызвал бы я его или нет, я попал на первую роль. Играл роль и все смотрели на меня.

Роль так роль, сыграл благородного джентльмена. Мило беседовал, надеюсь, что восхитятся самообладанием.

Восхитился один я.

Трус значит знать, что ты трус.

Маскированный мститель. Как Кларк Кент, я пестую непризнанных молодых гениев, как Супермен, преследую заслуженно непризнанных дряхлых гениев. Помогаю обирать тех, кто не обладал моим мужеством — не ограничился ролью созерцателя.

Возможно ли так потратить жизнь — наказывать тех, кто не узнает, что его наказали? Ты хотел стать Гомером? Возьми, бедняк, и верь.

Ненавижу кто всучивает мне суррогат страсти.

Когда мы вспоминаем, что Даат располагается в месте, где Пропась сечет Медианный Столп и что на вершине Медианного Столпа имеется Тропа Стрель... и что тут также есть Кундалини, мы видим, что в Даате заложена тайна как зарождения, так и вырождения, ключ к проявлению всех вещей чрез посредство разделения пар противоположностей и их Союза в Третьейском.

Дион Фортюн, *Мистическая Каббала*.
Dion Fortune, *The mystical Quabalah*, London,
Fraternity of the Inner Light, 1957, 7.19

41

В любом случае меня брали заниматься не “Мануцием”, а невероятными приключениями металлов. Начались мои раскопки в миланских библиотеках. Я заказывал учебники по темам, выписывал всю библиографию, а потом смотрел первоисточники, возможно более старые, где могли найтись приличные иллюстрации. Нет ничего гаже, чем иллюстрировать главу о полетах в космос портретом последней американской антенны. Господин Гарамон учил, что в этих случаях приличествует по меньшей мере, так сказать, ангел Гюстава Доре.

Я нарыл забавных репродукций, но их было маловато. Когда готовится иллюстрированное издание, из каждых десяти слайдов отсеивают девять и принимают один.

Мне разрешили съездить в Париж на четыре дня. Не разгуляешься по архивам. Мы поехали с Лией, туда в четверг, обратно билеты на понедельник вечер. Моей ошибкой было запланировать Консерваторий на понедельник. В понедельник открылось, что Консерваторий выходной. Пришлось возвращаться несолоно хлебавши.

Бельбо был вне себя. Но за исключением Консерватория, поездка была урожайной. Мы потащили материал к господину Гарамону. Куча репродукций, многие даже в цвете. Гарамон посмотрел счет и присвистнул: — Дороговато. Мы подвижники, и работаем во имя культуры, ça va sans dire, но мы же не Красный Крест, скажу сильнее, не Юнисеф. Так уж надо было закупать весь этот материал?

Ну вот например, я вижу здесь господина в кальсонах с усами, такого Д'Артаньяна, вокруг него абракадабры и козероги, это кто, Мандрейк?

— Начатки медицины. Влияние зодиака на члены человеческого тела с соответствующими лечебными травами. И с минералами, в том числе металлами. Учение о космических сигнатурах. В те времена четких границ между магией и наукой еще не было.

— Любопытно. Ну а этот фронтиспис, какой в нем смысл? *Philosophia Moysaica*. Причем здесь Моисей, он не слишком допотопный?

— Это диспут о лезвевой мази, *unguentum armarium*, она же *weapon salve*. Знаменитые врачи спорили пять десятков лет, может ли эта мазь излечить рану, если ее нанести на лезвие, поранившее человека.

— В голове не укладывается. Это наука?

— Не в нашем современном смысле слова. Но дискуссия на эту тему возникла, потому что незадолго до того были открыты качества магнита и родилось представление о действии на расстоянии. То же представление свойственно и магии... Магия магией, но Вольта и Маркони другое дело. А электричество и радио тоже действия на расстоянии.

— Действительно. В этом что-то есть, в словах нашего Казобона. Наука и магия развиваются рука об руку. Вы подумайте, а? Чем не идея? Ну так давайте, разрабатывайте эту жилу, выкидывайте уродские, как их, динамомашинны и ставьте побольше Мандрейков. Какое-нибудь, не знаю, заклинание бесов, и на золотой подложке.

— Нельзя все же перегибать палку. У нас необыкновенные приключения металлов. Трюки хороши в основном там, где они при деле.

— Необыкновенные приключения металлов у нас будут в первую очередь историей заблуждений. Дается эффектный трюк, а в подписи курсивом сообщается, что это вздор. Читатель получает удовольствие, потому что видит, что и великие путались, как он сам.

Я рассказал о том, как на набережной Сены недалеко от Кэ Сен-Мишель зашел в книжный магазин, который самой уж симметрией витрин буквально возвещал о шизофренической раздвоенности. С одной стороны компьютерный

отдел, с другой витрины оккультных наук. Половина магазина Эппл, вторая половина Каббала.

— Невероятно, — сказал Бельбо.

— Нормально, — сказал Диоталлеви. — Тебе-то уж следует удивляться, Якопо, в последнюю очередь. Мир машин старается разрешить тайну творения, буквенную и цифровую.

Гарамон ничего не сказал. Он составил руки ладонями, как на молитве, и возвел очи горе. Потом решительно хлопнул: — Все, что сейчас было сказано вами, совпадает с моими мыслями, вызревавшими несколько дней... Но всему свое время, я должен еще поразмыслить. Продолжайте. Молодец, Казобон, надо будет пересмотреть ваш контракт, вы полезный сотрудник. Ставьте, ставьте от души и Каббалу и компьютеры. Компьютеры делают из силикона. Ведь верно?

— Силикон это долина, а то силикаты, да и они не металлы...

— Простите, Казобон, это уже начетничество. Веревка вервие простое. Нам нужны, так сказать, компьютеры и Каббала.

— Это не металлы, — упирался я.

Гарамон повел нас к выходу. На пороге он обратился ко мне: — Казобон, издательское дело — искусство, а не наука. Не будем изображать революционеров, сейчас не те времена. Жмите на Каббалу. И кстати по поводу вашего счета. Там купейный билет. Я оплачиваю билеты не выше плацкартных. Дело не в скупости, надеюсь, у вас не возникает подозрений. Дело в том, что для поиска полезен, как бы это сказать, некий спартанский дух. Иначе вера слабеет.

Гарамон призвал нас снова через несколько дней. У него в кабинете, как он сказал Бельбо, сидит посетитель, с которым он хочет нас познакомить.

Мы отправились. Гарамон беседовал с толстым тапиropодобным типом, блондинистые усики, звериный нос, и нет подбородка. Он мне кого-то напомнил, потом в памяти всплыл профессор, читавший лекцию в Рио, именовавший себя референдарием или кем-то там таким ордена розенкрейцеров.

— Профессор Браманти, — сказал Гарамон, — говорил мне, что настал удачный момент для энергичного издателя, чувствительного к веяниям времени, начать выпускать серию по оккультным наукам.

— Это для... “Мануция”? — переспросил Бельбо.

— Для кого же еще? — лукаво улыбнулся господин Гарамон. — Профессор Браманти, которого, ко всему прочему, направляет сюда один из лучших моих друзей, доктор Де Амичис, автор изумительной “Хроники Зодиака”, которую мы выпустили в текущем году... профессор Браманти, говорю я, подметил, что на данную тему не существует настоящей книжной серии, все как-то обрывочно, многие труды выходят у издателей, не пользующихся по-настоящему серьезной репутацией, у издателей поверхностных, бесчестных, беспринципных, скажу более того, неряшливых, и неспособных по достоинству оценить богатство и глубину этой области знания...

— Назрело время взглянуть новыми глазами на эту культуру неактуальности, после провала утопий современного мира, — сказал Браманти.

— Святые слова, профессор. Простите же нашу — ну не скажу необразованность, но неведение — по следующему вопросу: что вы подразумеваете под оккультными науками? Спиритизм, астрологию, черную магию?

Браманти отмахнулся с негодованием: — Ничего подобного! Все это белиберда, занимающая неученые умы. Я же говорю о науке, пусть об оккультной. Да, астрология может иметь место в некоторых случаях, но никак не в смысле прогноза секретарше, с кем она познакомится в воскресенье. Скорее уж серьезное исследование о Верховниках, если угодно.

— Ясно. Это научно. Такая постановка вопроса безусловно совпадает с ориентацией нашего издательства. Не хотите ли объяснить поподробнее?

Браманти откинулся на кресле и обвел взглядом комнату, как бы ища астрального вдохновения: — Разумеется, я могу объяснить на примерах. Я бы сказал, что идеальный читатель серии подобного рода, это адепт розенкрейцерства, то есть специалист *in magiam, in necromantiam, in astrologiam, in geomantiam, in pyromantiam, in hydro-*

mantiam, in chaomantiam, in medicinam adeptam, я цитирую книгу Азот, — которая была дана таинственной девой Крестоносителю (*Stauroforo*), как рассказано в сочинении “*Raptus philosophorum*”. Однако познания адепта распространяются и на другие области, как то физиогнозия, связанная с оккультной физикой, статикой, динамикой и кинематикой, с астрологией или эзотерической биологией, а также исследование спиритов натуры, герметическая зоология и биологическая астрология. Охватывается и космогнозия, изучающая астрологию, однако в астрономическом, космологическом, физиологическом, онтологическом аспектах. Прибавьте и антропгносию, то есть исследование гомологической анатомии, прорицательные дисциплины, флюидофизиологию, психургию, социальную астрологию и исторический герметизм. Важны для нас и ценностные разделы математики, то есть, как вы сами понимаете, арифмология и прочее. Базовая ступень немислима, само собой, без начатков космографии невидимого, без подготовки по магнетизму, аурам, сновидениям, флюидам, психометрии и ясновидению — и вообще изучения прочих пяти гиперфизических чувств человека — не говоря уж о гороскопической астрологии, которая сама по себе представляет дегенерацию науки, если не сопровождается необходимыми предосторожностями, — а также знакомства с физиогномикой, чтением мыслей на расстоянии, гадательными навыками (карты, кофейная гуща), вплоть до высочайших уровней деятельности, таких как провидчество и экстаз. Нужно, естественно, удовлетворительно ориентироваться во флюидорегулировании, алхимии, спагирике, телепатии, экзорцизме, церемониальной и заклинательной магии и в основах теургии. Оккультизм в собственном смысле слова я бы советовал рассматривать прикладным порядком на материале примитивной Каббалы, брахманизма, гимнософии, мемфисской иероглифики...

— ...тамплиерской феноменологии... — подсказал Бельбо.

Браманти просиял: — Без всякого сомнения. Но нельзя забывать и об ознакомительном курсе некромантии и ведьмачества небелых расовых видов, об ономантии, прорицательском раже, добровольной тавматургии, о внушении, йоге, гипнотизме, сомнамбулизме, меркуриальной физи-

ке... Вронский при его предпочтительной склонности к мистике советовал учитывать и технику лудунских одержимых дев, и бесноватых святого Медарда, и мистические пошла, и египетские вина, эликсир жизни и аква тофана. Что касается носителя зла (но тут я сознаю, что речь пойдет о довольно эксклюзивном подразделе обсуждаемой нами серии), я лично думаю, что потребно как можно более близкое ознакомление с тайнами Вельзевула как символа саморазрушения и с Сатаной как развенчанным правителем, с Эвриномом и с Молохом, с инкубами и с суккубами. Что до положительного начала, рассмотрим небесные таинства святых Михаила, Гавриила и Рафаила и поведение агатодемонов. Затем таинства Изиды, Митры, Морфея, Самофракийские и Елеусские и природные таинства мужского пола — фаллос, Дерево Жизни, Ключ Науки, Бафомет, молот, и мистерии женского пола — их символы Церера, Хтея, патера, Кибела, Астарта...

Господин Гарамон потянулся к нему с заговорщицкой улыбкой: — Не обойдете же вы, так сказать, гностиков...

— Да нет, конечно же, хотя по этому конкретному разделу имеется много ненужной писанины. Как бы то ни было, всякий здоровый оккультизм сам себе гносис.

— Вот и я говорю, — подтвердил Гарамон.

— И этот набор сойдет для начала, — произнес Бельбо полувопросительно-полунапевно.

Браманти раздул щеки и мигом превратился из тапира в суслика. — Для начала да... но не для Начальствующих... да простится мне невольная игра слов. Хотя уже каких-нибудь первых пятидесяти томов достаточно, чтобы mesmerизовать тысячи читателей, тех, кто только и ожидает что верного слова... Вложить несколько сотен миллионов лир — потому я и обратился к вам, доктор Гарамон, зная, что вы не чураетесь рискованных предприятий, — я, как главный редактор серии, удовлетворюсь несколькими процентами...

Браманти сказал достаточно, чтобы утратить в глазах Гарамона какой бы то ни было интерес. Так что его поспешно и с обещаниями проводили к двери. Ему было сказано, что редакционный совет внимательно проанализирует его предложение.

Но знайте, что мы всегда согласны
между собою,
что бы нами ни говорилось.

*Спор философов.
Turba Philosophorum*

42

Когда Браманти вышел, Бельбо заметил, что ему не мешало бы вытащить пробку. Господин Гарамон не знал смысла выражения, и Бельбо потратил некоторое время на подыскание пристойных парафразов, но успеха не имел.

— В любом случае, — сказал господин Гарамон, — ломаться тут не к чему. Этот господин пяти слов не сказал, как я уже знал, что он нам не клиент. Он лично платить не собирается. Но совершенно другое дело те, на кого он ссылался, и писатели, и читатели. Этот Браманти возник как раз в такой период, когда я и без него уделял внимание некоторым размышлениям в данном русле. Вот, господа. — И театральным жестом он выложил из ящика три книги.

— Все эти сочинения вышли в последние годы и пользовались успехом. Первое из них по-английски, так что я его не читал, но автор — знаменитое имя. О чем же он пишет? Видите, подзаголовок: гностический роман. А теперь посмотрите на эту книгу. На первый взгляд, это детектив, бестселлер. О чем тут рассказывается? О какой-то гностической церкви недалеко от Турина. Вы знаете, наверное, кто такие эти гностики... — Он остановил нас движением руки: — Неважно, важно, мне достаточно знать, что это что-то дьявольское... Да, да, я понимаю, что сознательно обобщаю какие-то вещи, но сейчас я рассуждаю не как вы, я рассуждаю как этот Браманти. В настоящий момент перед вами издатель, а не профессор гносеологии или как там она у вас называется. Что я вижу для себя интересного, многообещающего, зовущего, скажу даже, любопытного в рассуждениях Браманти? У него, кстати, удивительная способность сваливать все в одну кучу... он не называл гностиков, но, согласитесь, вполне мог бы и назвать их наряду

с геомантией, геровиталем и радамесом на ртути¹. Почему я останавливаюсь на этом? Потому что тут у меня имеется еще одна книга, на этот раз книга знаменитой журналистки, которая рассказывает о невероятных вещах, происходящих в Турине. Еще раз повторю, в Турине, в центре автомобилестроения! Водовство, черные мессы, заклинания бесов, и всем этим занимаются состоятельные люди, отнюдь не кликуши с далекого и дикого юга. Казобон, Бельбо рассказывал мне, что вы родом из Бразилии и что там вы предавались сатаническим обрядам местных дикарей... Хорошо, потом вы меня поправите, но это неважно. Бразилия среди нас, господа! Я лично посетил несколько дней назад книжный магазин, как его, не имеет значения, в общем, книжную лавку, где шесть-семь лет тому назад торговали текстами анархистов, революционеров, тупамаров, террористов, скажу даже — марксистов. Ну и что же? Какой у них теперь уклон? Торгуют теми изданиями, о которых говорил тут Браманти. Согласен, сейчас вообще время большой путаницы, если вы пойдете в католический книжный магазин, где раньше продавали только катехизис, теперь там стоит и переосмысление учения, так сказать, Лютера, но все-таки они не предлагают там книжек, в которых говорится, что религия сплошное вранье. А в лавках, которые я имею в виду, все смешано, и за и против, лишь бы дело касалось предметов, как бы это сказать...

— ...герметичных, — подсказал Диоталлеви.

— Вот именно. Это правильное слово. Я у них видел чуть ли не десять книжек о Гермесе. Так что мы можем начинать разговор о "Проекте Гермес". Эта новая ветвь...

— ...золотая ветвь, — сказал Бельбо.

— Вот именно. — Гарамон явно не уловил намек на книгу Фрэзера. — Даже золотая жила. Я почувствовал одно — эти люди съедят что угодно, лишь бы было герметично, вот и Диоталлеви соглашается со мною. То есть лишь бы было наперекор тому, что сказано в школьных учебниках. Я думаю даже, что это наш культурный долг. Я не занимаюсь

¹ Геомантия — гадание по земной поверхности; геровиталь — лекарство от старения, Радамес — собственное имя египетских фараонов; ртути — ртуть в лексике алхимиков и впоследствии по-итальянски.

исключительно благотворительностью, но в наши смутные времена предложить людям опору, веру, выход в сверхъестественное... Учитывая, что “Гарамону” присуща, как это, научная ориентация...

Бельбо мгновенно напрягся. — Я думал, что речь идет о “Мануции”.

— И о том и о другом. Послушайте меня. Я покопался в том книжном магазине, а потом пошел в другой, на этот раз в серьезный, и там имелся великолепный стеллаж, посвященный оккультизму. По этим вопросам существуют как исследования на университетском уровне, так и книжонки, состряпанные людишками вроде Браманти. Теперь учтем следующее. Этот Браманти никогда в глаза не видел университетских авторов, но он их читает, и читает таким образом, как будто бы они — такие же, как он. Это тип людей, которые, что бы ни говорилось, полагают, что речь идет о них, как в том анекдоте про кота, который, когда хозяйева ругались по поводу развода, думал, что они не могут решить, какую требуху дать ему на ужин. Вы и сами видели это, Бельбо, стоило вам только заикнуться об этой тамплиерской истории, как он тотчас же: о’кей, сюда же и тамплиеров, в ту же кучу, что Каббалу, спортлото и подкидывание монеты. Эти люди всеядны. Абсолютно всеядны. Вы же видели лицо этого Браманти: грызун. В потенциале — огромная публика, состоящая из двух категорий, я их так прямо и вижу, как они маршируют колоннами, имя им легион. Во-первых, те, кто сочиняет эти книги, и тут наготове “Мануций” с распростертыми объятиями. Их приманить ничего не стоит, достаточно учредить престижную серию, с каким-нибудь таким названием вроде...

— Скрижаль измарганца, — подсказал Диоталлеви.

— Как-как? Нет, слишком трудно. Мне, например, это название не говорит ничего. Нужно что-то такое, что бы напоминало о чем-то...

— Изида без покрывал, — сказал я.

— Изида без покрывал! Прекрасно звучит, молодец Казобон, здесь у нас и Тутанхамон, и скарабей, и пирамиды. Изида без покрывал, с приятной умеренно игривой эмблемой, но не слишком. Решено. Идемте дальше. Есть потом вторая категория: те, кто покупает. На этот счет, дорогие

друзья, у вас, конечно же, имеется мнение, что “Мануций” в покупателях не заинтересован. А почему, собственно, мы так в этом уверены? А вот на сей раз мы попробуем продавать “Мануция”, господа, мы совершим качественный скачок! И наконец, остаются еще исследования подлинно научного характера, и здесь настает очередь “Гарамона”. Наряду с историческими монографиями и с университетскими сериями, мы найдем серьезного консультанта и станем публиковать по три-четыре книги в год, в серьезной, строго выдержанной подборке, с названием однозначным, но никак не фигуральным...

— *Hermetica*, — подсказал Диоталлеви.

— Прекрасно. Классично, благородно. Вы спрашиваете меня, зачем расходовать деньги в “Гарамоне”, если можно их зарабатывать в “Мануции”. Но ведь серьезная серия вызывает уважение и притягивает понимающих людей, а они многое могут подсказать, могут указать направление, а если туда же потянутся и прочие, подобные Браманти, они будут нами отсортированы и переправлены в “Мануций”. Мне кажется идея абсолютно великолепной, дадим ей кодовое название “Проект Гермес”, операция чистой-шая, доходная, укрепляющая идеальную взаимосвязь между двумя издательствами. За работу, господа. Посещайте библиотеки, составляйте библиографии, запрашивайте каталоги, посмотрите, что выпускается за границей... И еще. Кто знает сколько людей маячило прямо перед вашим носом, предлагало вам настоящие сокровища, в своем роде, разумеется, а вы их выпроводили ни с чем... Так что имейте в виду на будущее. Кстати, Казобон, в истории металлов, прошу вас, отыщите место для некоторого количества алхимии. Золото — металл, надеюсь, хоть об этом вы не станете спорить. Комментарии потом, вы знаете, что я открыт для дружеской критики, для конструктивных отзывов, замечаний, как бывает между культурными людьми. Проект вступает в силу с настоящей минуты. Госпожа Грация, введите этого господина, который ожидает в прихожей чуть ли не два часа, мыслимо ли так обращаться с Авторами! — провозгласил он, распахивая дверь, громовым голосом, чтобы было слышно в зале ожидания.

Люди, встречаемые на улице.. втайне предаются обрядам Черной Магии, связываются либо ищут как связаться с силами Тьмы, дабы удовлетворить свою потребность амбиции, ненависти, любви, дабы творить — единым словом — Зло.

Ж. К. Гюисманс, Предисловие к Ж. Буа, *Сатанизм и Магия*.

J.K. Huysmans, in: J. Bois, *Le satanisme et la magie*, 1895, pp. VIII—IX

43

Я полагал, что “Проект Гермес” — еще сырая, походя брошенная идея. Плохо же я знал господина Гарамона. В следующие несколько недель, которые я просидел в библиотеках разыскивая иллюстрации по металлам, в “Мануции” кипела работа.

Через два месяца я увидел у Бельбо свежееотпечатанный номер “Италийского Парнаса” с длинным обзором “Возрождение оккультизма”, в котором известный знаток герметизма доктор Мебиус — очередной псевдоним Бельбо — рассуждал о чудесном возрождении оккультных наук в современном мире и возвещал, что в “Мануции” в духе этих веяний создается новая книжная серия “Изида без покрывал”.

Тем временем господин Гарамон разослал бесчисленные письма в герметические, астрологические, картогадальные и уфологические журналы, подписываясь первыми попавшимися именами. В письмах задавались вопросы о новой книжной серии, намечавшейся в издательстве “Мануций”. После этого редакции журналов зазвонили по телефону в “Мануций”. Господин Гарамон отвечал уклончиво, намекая, что не считает возможным перечислять первые десять названий, так как сигнальных экземпляров на руках еще нет. Таким образом вся оккультнистская общественность, привыкшая постоянно сотрясаться от неофициальных сенсаций, плотно оповестилась о грядущем “Проекте Гермес”.

— Прикинемся цветами, — суммировал господин Гарамон, созвав нас в свой глобусный апартамент, — и пчелы воспоследуют.

Но это было не все. Гарамон продемонстрировал нам проспект — (буклетик, по его выражению, но надо заметить, что это словечко принято в большинстве миланских издательств): непритязательная штучка, четыре страницы, на мелованной бумаге. На первом листе воспроизводилась условная обложка будущей серии: нечто вроде золотой печати (Соломонова пентаграмма, пояснил Гарамон) на черном фоне, страница взята в орнаментальную рамку из переплетенных свастик (азиатские свастики, гаммированные кресты, откомментировал Гарамон, концы крестов загибаются в направлении солярного круга, нет никакой связи с фашистским символом: в нем концы повернуты по часовой стрелке). Над рисунком, там где положено быть названию книги, тянулась надпись “Есть многое на небе и земле...”¹ На следующих страницах проспекта освещались заслуги “Мануция” перед миром культуры и проводилась в кратких, но веских формулировках та мысль, что современные запросы требуют ответов более глубоких и существенных, нежели те, которые способна дать наука: “Заповедная мудрость Египта, Халдеи, Тибета — для духовного возрождения сегодняшнего Запада”.

Бельбо спросил, кому предназначаются буклеты, и Гарамон улыбнулся в ответ, как определил бы сам Бельбо, улыбкой проклятого духа Ассамского магараджи. — Я попросил прислать мне из Франции ежегодник всех тайных обществ, известных в мире на сегодняшний день, не спрашивайте меня, как может существовать ежегодник секретных обществ, вот он перед вами, издательство “Анри Вейрье”, адреса, телефоны и почтовые индексы. Кстати, Бельбо, вы просмотрите его хорошенько и повычеркивайте все те, что не по делу, я вижу тут иезуитов, Опус Деи, карбонариев и “Ротари клуб”. Надо отобрать чисто оккультные организации. Некоторые я уже пометил.

Он взял справочник в руки. — Итак. Абсолютисты, верят в метаморфоз. Этерийское Общество, Калифорния: тепепатическое общение с обитателями Марса. Астара, Лозанна, обет абсолютной таинственности. Атлантиане, Великобритания, поиски пропавшего счастья. Строители

¹ В. Шекспир “Гамлет”, I, 5. Пер. А.И. Кронеберга.

Адитума, Калифорния, алхимия, Каббала, астрология. Объединение Е.Б. из Перпиньяна, обожатели Хатхор, это богиня любви и владычица Горы Умерших. Объединение Элифаса Леви из Моля (слышал я об этом Леви, он должен быть французский антрополог или в этом роде). Рыцари Тамплиерского Альянса из Тулузы, Друидический Коллеж всех Галлий, Спиритуалистский Конвент в Иерихоне, Истинная Космическая Церковь, Флорида, Традиционалистская Семинария в Эсоне, Швейцария. Какие-то мормоны (это слово я, по правде, встречал и в одном детективе, но, может, их на самом деле не существует). Церковь Митры с отделениями в Лондоне и Брюсселе, церковь Сатаны в Лос-Анджелесе, Униатская Люциферианская церковь Франции, Розенкрейцерская Апостолическая церковь в Брюсселе, Отроки Тьмы или Зеленый орден Золотого берега (этих, наверное, нам не надо, бог знает на каком языке они пишут). Герметистская Западная Школа в Монтевидео. Национальный Институт Каббалы в Манхэттене. Центральный храм герметических наук в Огайо. Тетра-Гнозис в Чикаго. Старшие братья Розенкрейцеров в Сен-Сиф-сюр-Мер. Иоаннитское братство Воскрешения Храмовников в Касселе. Интернационал Изиды в Гренобле. Древние баварские иллюминаты, Сан-Франциско. Святилище Гнозиса в Шерман Оукс, Фонд Грааля (США). Братство Грааля (Бразилия). Герметическое братство, Луксор. Розенкрейцерский лекторий, Голландия. Граалианцы, Страсбург. Анубийцы, Нью-Йорк. Чернопятиконечники, Манчестер. Единисты, Флорида. Подвязочники.. Орден Подвязки. Тут есть шанс выйти напрямую на английскую королеву. Орден Вриль: неонацистское масонство, адрес не указан. Войнство храма, Монпелье. Суверенный орден храма Солнца, Монте-Карло. Розенкрейцеры Гаарлема (вы подумайте, и негры туда же). Уикка (люциферианская ассоциация по кельтскому обряду с вызыванием семидесяти двух гениев Каббалы). Ну что, надо продолжать?

— И они правда существуют? — спросил Бельбо.

— Еще как. Ну что, за дело, составьте рабочий список и разошлем. И нашим и за границу. Пусть молва о нас ширится. Теперь остается только одна фаза. Охватить стратегически важные книготорговые точки и побеседовать не

только с владельцами, но и с клиентами. Внедрить представление о том, что такая-то и сякая-то серия выпускается в “Мануции”.

Диоталлеви заметил, что самим засвечиваться не годится и что надо разослать по магазинам агентуру. Гарамон сказал, что агентура прекрасно, лишь бы она была бесплатно.

Тожe постановочка вопроса, прокомментировал Бельбо, попав в свою рабочую комнату. Но видимо, сумеречные боги уже взялись о нас попечительствовать. Дверь открылась, и вплыла Лоренца Пеллегрини, еще сиятельнее чем обычно, Бельбо залучился ответным светом, она увидела наш буклет и выказала интерес.

Ей рассказали о проекте для соседнего дома, и она загорелась. — Прелесть. У меня один друг, он был тупамаро в Уругвае, сейчас в журнале “Пикатрикс”, у них спиритические сеансы, он меня водит. Я подружилась с чудным гектаплазмом и этот гектаплазм, как материализуется, сразу просит позвать меня.

Бельбо покосился на Лоренцу, но не стал спрашивать. Думаю, ему было не внове узнавать о безумных ее знакомствах и он приучился реагировать лишь на то, что угрожало любви (предположим, он ее любил). В этой новости про “Пикатрикс” его резанул не призрак бывшего полковника, а какой-то чудесный тупамаро. Лоренца уже вещала по другому вопросу и мы узнали, что она бывает ровно-таки в тех магазинах, где продаются книги в духе будущей “Изиды без покрывал”.

— Жутко интересно, правда. Там есть про лекарственные травы и про то как создать гомункула, как Фауст и Елена Прекрасная, ой, Якопо, давай и мы создадим, мне так хотелось бы гомункула от тебя, будем его держать в коробке, как хомяка. Это совсем не трудно, там написано, что нужно набрать в банку мужское семя, тебе ведь не жалко для меня, ну не красней, я тебя прошу. Потом надо перемешать это семя с гиппоменой, я так поняла, что это влага, которую сегрегирует... секретирует.. как это сказать?

— Секретирует, — подсказал Диоталлеви.

— Не может быть. Секретировать это работать секре-

таршей. Ну неважно, в общем, что выделяет жеребая кобыла. Это самый деликатный момент, можно понять, будь я жеребой кобылой, я не была бы довольна, если бы ко мне полезли за гиппоменой. Можно только надеяться, что гиппомена продается в расфасовке в супермаркете в отделе импортной экзотики, ну где мускусные свечки и прочее. Потом настой преет в горшке в течение сорока дней и прямо на глазах вылупливается такой человечек, вроде зародыша, и еще через два месяца он превращается в очаровательного гомункула и вылезает из бутылки и поступает к тебе на службу, страшно удобно, потому что они никогда не умирают и можно рассчитывать, что он будет приносить цветы на могилу.

— Что еще ты видела в этих книжных? — спросил Бельбо.

— Там невероятные люди, умеют разговаривать с ангелами, делать золото. Профессионалы-маги с лицами профессиональных магов.

— Какое лицо профессионального мага?

— Орлиный нос, брови как у русских, хищный взор, волосы художественные, по плечам. Небритость, но не густая борода, а такие кустики на подбородке и на щеках. Усы вислые, закрывают верхнюю губу, что неудивительно, так как зубы у магов всегда кривые и торчат вперед, так что и губа задирается. Такие зубы вообще не стоит скалить, однако у этих магов вечно нежнейшая улыбка, хотя в то же время глаза, с хищным взором, как уже говорилось, сверлят собеседника.

— Герметический лик, *facies hermetica*, — подытожил Диоталлеви.

— Да? Ну вот видите. Когда входит посетитель и что-то хочет, ну например заклинания против злого духа, такие клиенты моментально подсказывают владельцу нужное название, только, к сожалению, обычно этой книги нету. Но если с ними подружиться и спросить по-дружески, хорошо ли эти заклинания заклинают, они улыбаются как ребенку и дают тебе понять, что с вещами подобного рода нужно обращаться очень осторожно. Потом тебе обязательно рассказывают о дьяволах, как они проделывали разные вещи с их знакомыми, ты пугаешься, а они тебя успокаивают и уве-

ряют, что в большинстве случаев речь шла о банальной истерии. В общем, невозможно понять, верят они сами или нет. Владельцы этих магазинов обычно дарят мне палочки ладана, а один дал серебряный кукиш против сглазу.

— Ну так вот, если тебя снова занесет в подобное место, — сказал Бельбо, — спрашивай своих дружков, что они думают о новой серии “Мануция”, и при случае показывай им эту рекламку.

Лоренца удалилась с десятком экземпляров рекламы. Полагаю, что в течение нескольких следующих недель она потрудилась от души, но сознаюсь, что не ожидал, что события начнут развиваться настолько стремительно. Через некоторое время госпожа Грация уже не знала, как ей справляться с одержимцами, — это имя мы присвоили ПИССам с оккультным креном. И в соответствии с их природой, имя им было легион.

Призывай силы Скрижали Единства, следуя Высшему Ритуалу Пентаграммы, с Духом Активным и Духом Пассивным, с Эгейей и Аглой. Возвратись к алтарю и произнеси следующее Заклинание Духов Енохианских: Ол Сонуф Ваорсаг Гохо Иад Балт, Лонш Калц Вонфо, Собра Ц-ол Рор И Та Нацпс, Од Граа Та Малпрг... Дс Хол-к Каа Нотхоа Цимц, Од Коммах Та Нопблок Цин...

Израиль Регарди, *Подлинный Обзор Учений, Ритуалов и Церемоний Герметического Ордена Златой Зари*, Ритуал обретения невидимости.

Israel Regardie, *The Original Account of the Teachings, Rites and Ceremonies of the Hermetic Order of the Golden Dawn*, Ritual for Invisibility. St. Paul, Llewellyn Publications, 1986, p. 423

44

Нам подфартило, и первое же собеседование оказалось высочайшего класса, в смысле нашего вхождения в суть дела.

По этому случаю собралась вся троица, я, Бельбо и Диоталлеви, и когда вошел посетитель, мы еле удержались от изумленного крика. У него была *facies hermetica*, описанная Лоренцей Пеллегрини, тютелька в тютельку, и вдобавок черный костюм.

Он вошел, подозрительно озираясь, и представился: профессор Каместрес. На вопрос, профессор чего, он всем своим видом показал, что не уполномочен выдавать сверхсекретные данные. — Простите, — продолжил он, — не знаю, занимаетесь ли вы данной проблематикой в чисто техническом преломлении, или имеете коммерческий интерес, или же вы инициированы в некоем секретном объединении...

Мы поспешили разубедить профессора. — Дело не в избытке предусмотрительности с моей стороны, — настаивал он, — но я не расположен вступать в отношения с кем бы то ни было из ОТО. — Увидев наши озадаченные лица, пояснил: — *Ordo Templi Orientis*, группировка так называемых последних последователей Алистера Кроули... Но я вижу, что вы пребываете вне... Тем лучше, можно не опа-

саться предрассудочных суждений. — И он согласился сесть. — Дело в том, что работа, которую я предлагаю вашему вниманию, отважно дает отпор трактовкам Кроули. Все мы, и я в том числе, до сих пор сохраняем верность откровениям книги “Liber AL vel legis”, которая, как вам, наверно, известно, была продиктована Кроули в 1904 году, в Каире, неким высшим разумом по имени Айваз. Именно на этот текст опираются и последователи ОТО, даже и в нынешнее время, на этот текст и на четыре его публикации, первая из которых имела место за девять месяцев до начала войны на Балканах, вторая за девять месяцев до первой мировой войны, третья за девять месяцев до начала войны Японии с Китаем, а четвертая за девять месяцев до гражданской войны в Испании...

Я не мог удержаться и суеверно перекрестил пальцы. Он заметил это и погребально улыбнулся. — Понимаю ваше замешательство. Так как я перед вами сейчас с заявкой на пятое переиздание того же произведения, вы можете подумать: а не случится ли чего-либо через девять месяцев? Нет, вам не о чем волноваться, поскольку я предлагаю вам “Liber legis” в улучшенном варианте, так как удостоился посещения не просто обыкновенного высшего разума, а самого Ал, наивысочайшего начала, зовомого также Хоор-паар-Краат, то есть двойник либо же мистический близнец Ра-Хоор-Хуита. Единственная важная оговорка, в частности чтобы противостоять пагубным воздействиям, это что книга должна быть выпущена к зимнему солнцестоянию.

— Можно обсудить, — подбодрил его Бельбо.

— Да? Это меня очень радует. Книга произведет фурор в среде инициатов, поскольку, как вы сами понимаете, мой мистический источник и серьезнее и респектабельнее, нежели источник Кроули. Не поддается разумению, как Кроули мог думать о внедрении ритуалов Зверя, не беря в расчет Литургию Меча. Лишь извлекая из ножен Меч, можно постигнуть, что есть Махапралая, то есть Третье око Кундалини. А потом, и в арифмологии, которая всецело основывается на Числе Зверя, он не брал в расчет 93, 118, 444, 868 и 1001, то есть Новые числа.

— Что они означают? — перебил Диоталлеви, моментально возбуждаясь.

— О, — отвечал профессор Каместрес, — как уже говорилось в первой “Либер легис”, каждое число нескончаемо и не существует различий!

— Понятно, — сказал на это Бельбо. — А вам не думается, что все это несколько сложновато для нашего рядового читателя?

Каместрес буквально подскочил на стуле. — Но так обязательно должно быть! Если бы некто постиг эти секреты, не имея соответствующей подготовки, он незамедлительно низвергся бы в Бездну! Даже предавая их огласке в сокровенной форме, я все равно рискую, прошу вас поверить. Я работаю в сфере обожания Зверя, но более радикально, нежели Кроули, как увидите из частей книги, посвященных congressus cum daemone¹, оборудованию храма и плотскому совокуплению с Женой Багряноцветной и со Зверем, на коем Она сидяща. Кроули не пошел далее плотского соития, которое принято называть противоположным, я же распространяю ритуал за пределы Зла, которое постижимо, я простираюсь на непостижное, на абсолютную чистоту Гоэтии, за крайние пороги Бас-Аумгна и Са-Ба-Фт...

Бельбо не оставалось ничего как прощупать финансовую подкладку Каместреса. Открылось, что он, как до него Браманти, и в мыслях не имеет спонсировать свою инициативу. Следовало переходить на финишную прямую, с мягким предложением оставить рукопись в издательстве для принятия решения на недельку-другую. Но тут Каместрес гневно притиснул папку к животу и заявил, что никогда еще не наталкивался на подобное недоверие. Он покинул помещение, давши нам понять, что располагает нетрадиционными способами заставить нас раскаяться в оскорблении.

Как бы то ни было, через самый краткий срок на нас навалилось несколько десятков определенно ПИССовских рукописей. Нужна была минимальная селекция, учитывая, что мы собирались кое-что даже продавать. По определению перечитать все это было невозможно, и мы просматривали именные указатели и примечания и делились впечатлениями.

¹ Соитие с демоном (лат.).

Из этого вытекает невероятное предположение:
египтянам было известно электричество?

Петер Колосимо, *Земля без времени.*
Peter Kolosimo, *Terra senza tempo,*
Milano, Sugar, 1964, p. 111

45

— Я нашел один текст о погибших цивилизациях и загадочных странах, — докладывал Бельбо. — Похоже, что в Начале... до сотворения мира... был континент Му, где-то около Австралии, и оттуда ответвились крупнейшие мигрирующие течения. Одно пошло в направлении острова Авалон, другое на Кавказ, еще одно к истокам Инда, потом настала очередь кельтов, основателей египетской цивилизации и обитателей Атлантиды...

— Какое старье. Этих господ, пишущих книги о континенте Му, можно набирать по лукошку в день, — сказал я.

— Да, но этот вроде хочет платить. А кроме того, там есть прелестная главка относительно греческих экспедиций на Юкатан, рассказывается о барельефе воина в Чичен-Итца, который как две капли воды похож на римского legionera.

— Поскольку шлемы бывают либо с перьями либо с гривами, третьего не дано, — сказал Диоталлеви. — Шлем не считается за доказательство.

— У него считается. Кроме того, он обнаруживает обожание змей во всех цивилизациях и приходит к выводу, что цивилизации имеют общее происхождение.

— А кто не обожал змея, — подтвердил Диоталлеви. — Разве что мы, избранный народ.

— Ненавидели змея, обожали тельца.

— В минуту слабости. Я бы этого типа гнал в шею. Даже если он платит. Кельтизм и арианство, Кали-Юга, закат Европы и духовность СС. Пусть я параноик, но он, мне кажется, фашист.

— Для Гарамона это не аргумент.

— Да, но есть предел всему. Я тут тоже листал рукопись о гномах, ундинах, саламандрах, эльфах, сильфидах,

феях... Истоки арийской цивилизации. Их послушать, так эзэсовцы народились от семи гномов.

— Где семь гномов, там нибелунги.

— Тут не нибелунги. Тут такие маленькие гномики, называются Малый ирландский народец. Причем плохие только феи, малышата хорошие, хотя и проказливые.

— Отложи ее, ради бога. У вас, Казобон, какой улов?

— Маловато. Только рукопись о Христофоре Колумбе. Произведя анализ Колумбовой подписи, в ней находят, представьте себе, указание на пирамиды. Целью жизни Колумба было восстановить Храм Соломона в Иерусалиме, поскольку сам он был гроссмейстером тамплиеров в изгнании. А так как отлично известно, что по происхождению Колумб португальский еврей и следовательно, изощренный каббалист, он прибегал... мм... к талисманическим заклинаниям... так там сказано! утихомиривал бури и излечивал цингу. Рукописи по Каббале я не трогал, потому что безусловно их все посмотрел Диоталлеви.

— Повсюду перевернутые еврейские буквы, ксерокопированные из гадальных книжонок.

— Хорошо. Но мы все-таки должны учитывать, что мы отбираем книги для "Изиды без покрывал", а не для филологической серии. Может быть, нашим одержимцам больше понравятся перевернутые еврейские буквы, чем настоящие. Надо уважать чужие вкусы. Я вот что... не знаю что делать с сочинениями по теме масонства. Господин Гарамон мне наказал в этом смысле рисковать как можно меньше, он не желает ввязываться в мелкие дрызги между различными их подвидами. Но все же у меня нет сил отказаться от исследования о масонской символике в Лурдском гроте. А это тоже жалко выбрасывать, прелестная работа насчет участия некоего джентльмена, предположительно графа Сен-Жермена, приятеля Франклина и Лафайета, в дизайне флага США. Только, к сожалению, при том что превосходно объяснена символика звездочек, автор пасует, когда дело доходит до полосок.

— Граф Сен-Жермен! — сказал тут я. — Вишь ты!

— А что, это и ваш приятель? — заинтересовались мои собеседники.

— Ну да. Но вы мне не поверите, так что не будем об

этом. А мне вот что попало. Талмуд на четыре сотни страниц, изобличающий грехи современной науки: атом, жидомасонские козни, заблуждение Эйнштейна и мистическая тайна энергии, ошибки Галилея и нематериальная природа света и солнца.

— Кстати о науке, — подхватил Диоталлеви. — Я тоже тут припас очаровательное обозрение фортианской науки.

— Какой-какой?

— Это наука Чарльза Гоя Форта, который насобирав здоровенную коллекцию необъяснимых явлений. Дождь из лягушек в Бирмингеме. Отпечатки сказочного животного в Девоне. Таинственные лестницы и отпечатки присосков на хребтах некоторых гор. Нерегулярность прецессии равноденствий. Надписи на метеоритах, черный снег, кровавые грозы, крылатые существа на высоте восьми тысяч метров в небе над Палермо, светящиеся колеса в море, остовы гигантов, катастрофический листопад во Франции, выпадение каких-то живых существ на Суматре и, конечно, окаменелые отпечатки в храмах Мачу-Пикчу и на других вершинах южно-американских гор, которыми доказывается факт приземления сверхмощных космических кораблей в доисторическую эпоху. Так что мы не одиноки во Вселенной.

— Неплохо, — согласился Бельбо. — Что мне лично не дает покоя — это вон те пятьсот страниц на тему о пирамидах. Ведь вы не знали до сих пор, что пирамида Хеопса располагается аккуратно на тридцатой параллели, которая из всех параллелей перерезает наибольшее количество суши? Что геометрические пропорции пирамиды Хеопса равны пропорциям памятника Педро Пинтада в Амазонии; и в частности, в Египте известно два пернатых змея, один на троне Тутанхамона, другой — на Саккарской пирамиде, и это прямо указывает на Кецалькоатля?

— Какое имеет отношение Кецалькоатль к Амазонии, если он бог мексиканского пантеона? — сказал я.

— Да? Извините, значит, я не до конца врубился в их аргументацию. Но сможете ли вы объяснить тот факт, что статуи с острова Пасхи являются мегалитами, равно как и кельтские статуи? Один из полинезийских богов именовался Я, и это, ясное дело, отсылает нас к букве Йод евреев, а также к древневенгерскому Йо-в', громадному

и доброму богу. Старинная мексиканская рукопись изображает Землю в виде квадрата, окруженного морем, а в центре Земли установлена пирамида, на основании которой нанесена надпись "Ацтлан", что напоминает нам как атлас, так и Атланта, а вместе с тем Атлантиду. Почему на обоих берегах Атлантического океана выстроены пирамиды?

— Потому что пирамиду легче построить, нежели шар. Потому что ветер надувает дюны в форме пирамид, а не в форме Парфенона.

— Мне гадок этот ваш просвещенческий дух, — отозвался Диоталлеви.

— Я продолжу, если вы не возражаете. Культ бога Ра не встречается в древнеегипетской религии в период до Новой Империи, а следовательно, этот культ наследуется прямиком от кельтов. Подумайте о святом Николае, который превратился в Санта Клауса и возит новогодние подарки на санках. А теперь узнайте, что в доисторическом Египте колесницу Солнца рисовали в виде саней! Поскольку в Египте снега нету, эти сани безусловно имеют нордическое происхождение...

Я не отступался: — До изобретения колеса сани использовали всюду, особенно на песке!

— Не вылезайте. В книге говорится, что первичная цель состоит в выявлении аналогий, а уж вторичная — в поиске объяснений. А потом говорится, что найденные объяснения по определению являются научными. Древние египтяне пользовались электричеством, иначе они не могли бы достичь того, чего они достигли. Один немецкий инженер, строивший канализацию в Багдаде, нашел вполне еще годные электробатарейки, восходившие к сасанидам. В раскопках Вавилона были обнаружены аккумуляторы, сработанные четыре тысячи лет назад. И наконец, ковчег завета (где экспонировались скрижали завета, жезл Аарона и баночка с манной небесной) представлял собой что-то вроде сейфа с электрозащитой, способного давать разряды порядка пятисот вольт.

— Я это уже видел в одном фильме.

— Ну и что? Вы думаете, откуда черпают свои идеи сценаристы? Ковчег был из дерева акации и обшит золо-

тыми пластинами снаружи и изнутри. Тот же самый принцип, что у электрических конденсаторов: два проводящих слоя, разделенные слоем изолятора. Кроме этого, ковчег был обвешен гирляндой тоже из золота. Все это размещалось в сухом месте, где магнитное поле могло достигать 500—600 вольт на вертикальный метр. Еще говорится, что Порсенна прибег к помощи электричества, чтобы очистить вверенное ему царство от присутствия отвратительного зверя по имени Вольт.

— А, вот почему Алессандро Вольта выбрал себе такой экзотический псевдоним. До этого он называл себя просто Шчмрзлин Краснопольский.

— Ничего смешного не вижу. Не знаю, понимаете ли вы, что кроме этих рукописей, у меня тут еще охапка заявок, в которых предлагаются невероятные исследования о взаимосвязях Иоанны д'Арк с Сивиллиными книгами, талмудического демона Лилит с Великой матерью-гермафродитом, генетического кода с марсианской письменностью, тайного разума растений с космическим возрождением и с психоанализом, Маркса с Ницше в контексте новейшей ангелологии, Золотого сечения с бразильскими фавелами, Канта с оккультизмом... а также объяснения элевксинских мистерий через джаз, Калиостро через атомную энергию, гомосексуализма через гнозис, Голема через классовую борьбу. А на закуску восьмитомное сочинение о Граале и Святом Сердце.

— А каков главный тезис? что Грааль — аллегория Святого Сердца или что Святое Сердце — аллегория Грааля?

— Ценю эту дистинкцию и восхищаюсь вашей тонкостью, но должен ответить, что для сочинителя, по-моему, равны оба варианта. В общем, на данной стадии я совершенно не знаю, что делать. Надо будет спросить мнение господина Гарамона.

Мы пошли к Гарамону за мнением. Он ответил, что в принципе не следовало бы отбрасывать никого и надо бы иметь в виду всех.

— Но большинство повторяет те книжонки, которые продаются в киосках на вокзалах, — сказал я. — Все эти авторы, как в рукописных так и в напечатанных работах, сдувают друг у друга, каждый опирается на чье-то утвер-

ждение, и все вместе опираются на одно и то же высказывание Ямвлиха или кого-нибудь в таком духе.

— Ну и что? — ответил на это Гарамон. — Вы хотите продавать читателям то, о чем они никогда не слышали? Для нас жизненно важно, чтобы книги этой серии говорили точно то же, что уже высказано другими. Это и будет подтверждать, что высказывания верны. Боже упаси от оригинальности.

— Ладно, — сказал Диоталлеви. — Однако необходимо понимать, что действительно является общим местом, а что нет. Нам нужен консультант.

— Какого рода?

— Я не знаю. Не такой одержимый, как все они, но при этом — знаток в данной области. Вдобавок, он должен был бы подсказывать нам кое-что и для Hermetica. Какой-нибудь серьезный специалист по возрожденческому герметизму.

— Великолепно, — сказал Бельбо. — Как только ты подсунешь ему Святое Сердце и Грааль, он плюнет тебе в рожу и убежит.

— Не обязательно.

— Я, наверное, знаю такого человека, — сказал я. — Он безусловно эрудирован, принимает подобные вещи достаточно серьезно, но с изяществом, я бы даже сказал, с иронией. Мы познакомились с ним в Бразилии, но сейчас, я думаю, он находится в Милане. Где-то у меня имелся его телефон.

— Поговорите с ним, — сказал Гарамон. — Только поосторожнее, все зависит от цены. И попробуйте заодно подключить его к невероятным приключениям металлов.

Алье, похоже, обрадовался моему звонку. Он поинтересовался здоровьем прелестной Ампаро, я смущенно дал ему понять, что в этом отношении все в прошлом, он извинился и мило пошутил насчет свежести и молодости, которым свойственно открывать все новые и новые главы биографии. Я бегло рассказал ему о проекте нашего издательства. Он как будто заинтересовался, сказал, что был бы рад увидеться с нами, и мы назначили встречу у него дома.

Со дня рождения “Проекта Гермес” и до той минуты я безмятежно развлекался по поводу доброй половины мира. Пробил час, и Они начали составлять на меня счет. Я тоже был пчелой, и я кружил над цветком, да только не замечал этого.

В течение дня ты приблизишься к жабе многократно и произнесешь слова поклонения. И попросишь ее осуществить чудеса, которых жаждешь...

Тем временем вырежешь крест, на котором принесешь ее в жертву.

Ритуал Алистера Кроули

46

Алье обитал около площади Суза: маленькая тихая улица, особнячок конца прошлого века с растительным декором. Нам открыл пожилой дворецкий в полосатой ливрее, провел в небольшую приемную и просил ждать господина графа.

— Так он граф, — прошептал Бельбо.

— Да, а что, я не сказал? Воскресший граф Сен-Жермен.

— Он не может быть воскресшим, так как никогда не умирал, — вмешался Диоталлеви. — Ведь он же Агасфер, то есть Вечный жид?

— Да, по многим источникам граф Сен-Жермен, это также и Агасфер.

— Видите?

Вошел Алье, безупречный как обычно. Он пожал нам руки и извинился: докучливое дело, совершенно непредвиденное, задерживало его еще минут на десять в кабинете. Он распорядился подать нам кофе и попросил быть как дома. И вышел, отогнув тяжеленную кожаную портьеру. Стены не существовало, и до нас долетели обрывки взволнованной беседы из-за занавеса. Сначала мы подчеркнуто громко переговаривались, чтобы заглушить разговор из той комнаты, но Бельбо заметил, что так мы, вероятно, мешаем. Тогда мы примолкли, и донесся обрывок запортьерной речи, пробудивший в нас живейшее любопытство. Диоталлеви встал с места, заинтересовавшись старинной гравюрой, висевшей прямо около занавески. На гравюре была изображена пещера в горном склоне, куда спускались по семи ступенькам паломники. Через несколько секунд вся наша тройца увлеченно изучала рисунок.

Слышанный нами голос несомненно принадлежал Браманти и говорил он следующее: — Ну, в общем, я никому на квартиру бесов не насылал!

Тут, кстати, стало очевидно, что Браманти был вылитый тапир не только лицом, но и голосом.

Другой голос принадлежал человеку незнакомому, с сильнейшим французским акцентом. Резкий, истеричный тон. Иногда в их перебранку вплеталось журчание Алье, мягкое и примирительное.

— Господа, господа, — говорил Алье. — Раз вы прибегли ко мне как к арбитру, чем я польщен, разумеется, — выслушайте же меня. Позвольте прежде всего заметить, что вы, драгоценный Пьер, проявили по меньшей мере неосмотрительность, написав подобное письмо...

— Эта афера проста, мой граф, — отвечал француз, — этот господин Браманти пишет артикль, статью в журнал, у которого большой престиж, и мы находим там иронию о таких люсифэрьянах, которые претендуют манипулировать с гостями, но не видят в них трансцендентальную субстанцию, желают из них достать себе серебро и тра-ля-ля и ту-ру-ру в подобном жанре. Прекрасно, но сейчас все знают, что единственная церковь Люсифэра, которая признается, это та, в которой я, если мне позволите, Тавроболиаст, то есть Быкобоец, и также Психопопп, и известно, что в моей церкви не имеется вульгарного сатанизма и сумбура с гостями, а это стиль каноника Докра в Сен-Сюльпис. Я в письме отвечал, что мы не сатанисты старого типа, какие обожают Великого Заведующего Злом, Grand Tenancier du Mal, и что мы не имеем резона обезьянничать от римской церкви, со всеми теми атрибутами и как они называются, те финтифлюшки. Мы скорее палладиане, но это же знает весь мир! И для нас Люсифэр — он принцип добра, скорее сказать Адонай — он принцип зла, потому что сей мир креатура Адоная, а Люсифэр его оппонировал...

— Хорошо, — выкрикивал Браманти в возбуждении. — Даже если я повел себя необдуманно, вы меня оболгали, обвинили в чародействе!

— Но посмотрите же! Но это же была моя метафора! Но вы, напротив, в ответ сделали маневр, послали на меня порчу!

— Вот чушь какая, делать нам нечего больше, что ли! Ни я, ни мои собратья дьяволов по домам не рассылают! Наша специальность — Догма и Ритуал Высокой Магии, а не дурацкая ворожба!

— Граф, послушайте же меня! Этот мсье Браманти общеизвестно имеет отношения с аббатом Бутру, и вы знаете отлично, что тот иерей, по слухам, татуировал на своих ступнях крест, он татуировал распятие, ему хочется растоптать нашего Господа или же вашего! Вот, я семь дней назад встретил этого Бутру, кто претендует быть аббатом, в книжной лавке Сангреаль, известной вам, и вот, он мне улыбается очень двулично, это в его характере, и он мне говорит, прекрасно, прекрасно, увидимся в один будущий вечер... Но что означает “в один будущий вечер”! Это означает, что в третий вечер после этой фразы начинаются явления, я иду в свою кровать и нахожу себе в лицо флюиды, это был шок, вы знаете, что те эманации нет труда распознавать.

— Подошвами по ковру нашаркали, вылетели искры.

— Ах вот как! Почему тогда попадали безделицы, и один из моих аламбиков упал ко мне на голову, и упал на пол мой Бафомет из гипса, память моего покойного отца, а на стенах выступили красные надписи, сквернословие, которое нельзя повторить? Теперь вы знаете, что не так далеко как год назад покойный мсье Гро обличил этого Бутру, что он делает катаплазмы с фекальной материей, я прошу у вас извинения, и аббат угрозил тому смерть, и за две недели наш бедный покойный мсье Гро таинственно умер. Что этот мсье Бутру обращается с ядовитыми субстанциями, это установило и жюри чести, созданное мартинистами в Лионе...

— Клевета... — перебил Браманти.

— О что за слова! Процесс по материи такого сорта всегда имеет доказательства...

— Да, но Гро был тяжелый алкоголик на последней стадии цирроза, хотя это на суде не фигурировало.

— Но не будьте инфантильны! Чародейство преследует натуральные дороги! При циррозе, разумеется, заколдовывается именно больной орган, но это же азбука черной магии...

— Так что все, кто дохнет от цирроза, их сглазил наш Бутру. Знаете что, не смешите куриц.

— Вот как! Тогда расскажите же, что происходило в Лионе в эти две недели! Зброшенная капелла, гостия с тетраграмматомом, и там ваш дорогой аббат Бутру, на нем красная роба, у него опрокинутый крест, и там же мадам Олкотт, она его персональная медиум, чтоб не сказать вам хуже, и у ней возникает трезубец на лбу, и пустые бокалы наполняются кровью, и аббат плюет адептам в рот. Все это справедливо, не так ли?

— Вы слишком начитались Гюисманса, дорогуша! — заржал Браманти. — Это было культурное мероприятие, историческая реконструкция, как те, что организуют в школе Викка и в друидических коллежах!

— О да! Венесьянский карнавал!

Дальше послышался какой-то грохот, как будто Браманти кинулся крушить противника, а Алье его оттаскивал. — Вы это видите, вы это видите, — пронзительно вопил француз, — но будьте внимательны, Браманти, спросите вашего дорогого Бутру, что ему произошло! Вы этого еще не знаете, но он в госпитале, спросите, кто ему разбил физиономию! Я не практикую такое ваше вредительство, но я немножко о нем понимаю тоже, и когда я видел, что в моем апартаменте дьяволетты, я сделал на паркете круг для протекции, а так как я в это не верю, но ваши дьяволетты — да, я взял кармелитанский капюшон, и я сделал ему реприманд, обратную порчу, о да. У вашего аббата произошел неприятный момент!

— Вот, вот! — неистовствовал Браманти. — Видите теперь, что колдую не я, а он?

— Господа, ныне довольно. — Голос Алье прозвучал вежливо, но твердо. — Будьте добры выслушать меня. Вы знаете, до чего высоко я ценю, в познавательном плане, подобные обращения к традиционным ритуалам. Я уважительно отношусь к люциферианской церкви и к религии Сатаны независимо от демонологических частных. Как вы знаете, я настроен несколько скептически в этом отношении, но в конце концов все мы принадлежим к одному и тому же духовному рыцарству, что в свою очередь требует от нас минимальной солидарности. И кроме того, госпо-

да, можно ли припутывать Князя Тьмы к мелким персональным дрязгам! Что за мальчишество! Бросьте, все это рассказы оккультистов. Вы ведете себя как обыкновенные франкмасоны. Бутру отстал от нас, будем откровенны, и хорошо бы вы, милый Браманти, посоветовали Бутру перепродать какому-нибудь старьевщику всю его бутафорию, она подойдет для постановки оперы Гуно, для костюма Мефистофеля...

— А, а, ловко сказано, — подхихикивал француз, — антураж как в оперетт...

— Не будем придавать значения мелочам. Состоялась дискуссия по вопросам, которые принято называть литургическими формальностями, и запольхали страсти... Не будем же материализовать духов! Поймите только, друг мой Пьер, что мы ни в малой степени не ставим под сомнение возможность потусторонних явлений в вашем доме, это одна из самых естественных в мире вещей, но при минимальном здравом смысле многое можно объяснить полтергейстами.

— Ну, это не исключено, — отозвался Браманти, — так как астральная конъюнктура в настоящий период...

— Ну вот именно! Теперь пожмите друг другу руки, обнимитесь по-братски!

Зашелестели взаимные извинения. — Да вы и сами знаете, — говорил Браманти, — что иногда чтобы связаться с теми, кто действительно ищет посвящения, необходимо прибегать к фольклору. Даже торгаши из “Великого Востока”, которые ни во что не верят, пользуются определенным ритуалом.

— О да, натурально, ритуал...

— И будем помнить, что сейчас не времена Кроули, ладно? — подвел итог Алье. — Простите, я должен вас покинуть, у меня гости.

Мы спешно возвратились на диван и встретили Алье в непринужденных и свободных позах.

Итак, высочайшее наше усилие было в том, чтоб найти порядок для этих семи мер, надежный, достаточный, достойный и который держал бы постоянно пробужденные чувства и потрясенную память... Подобная высочайшая и несравненная расстановка не только имеет целью сохранить для нас доверенные вещи, слова и умения... но она еще сообщает истинное познание...

Юлий Камилл Дельминий, *Идея театра*. Вступление.
Giulio Camillo Delminio, *L'Idée del Teatro*,
Firenze, Torrentino, 1550, Introduzione

47

Алье вошел в гостиную. — Извините меня, друзья, — сказал он. — Я принимал участие в споре, мягко говоря, малопривлекательном. Как знает мой друг Казобон, я увлекаюсь исследованиями по истории религий, и это приводит к тому, что многие, и нередко, прибегают к моему авторитету, допускаю, что зачастую и к здравому смыслу, не в меньшей степени, нежели к учености. Любопытно, знаете ли, как среди адептов любомудрия подчас оказываются характернейшие персонажи... Я говорю не о банальных искателях трансцендентального утешения и не о душах меланхолии. О нет, встречаются личности, причастные глубинному знанию, замечательные интеллектуальной тонкостью и все же подвластные каким-то полночным мнимостям, утрачивающие ощущение предела между традиционными истинами и архипелагом поразительного. Люди, с которыми я имел собеседование сейчас, предавались совершенно мальчишеским конъектурам... Увы, как принято говорить, случается в самых лучших фамилиях. Прошу вас, располагайтесь у меня в кабинете, побеседуем в более комфортабельной обстановке.

Он снова поднял кожаный полог и пригласил нас пройти в соседнюю комнату. Кабинет поражал своей просторностью и дивными старинными шкафами по периметру стен, откуда смотрели чудные кожаные переплеты. Еще сильнее книг нас очаровали витрины с непонятными экспонатами, они походили на камни, и с маленькими животными, неизвестно, набитыми ли, мумифицированными или

искусно воспроизведенными. Все плавало как в молоке в рассеянном и сумеречном свете. Свет, казалось, заливался через сдвоенное окно на заднем плане, сквозь витраж из янтарных ромбовидных стекол в свинцовой окантовке, но свет витража перемешивался с освещением из крупной лампы, стоявшей на письменном столе темного палисандра, заваленном рукописями. Такие лампы до сих пор можно увидеть в старых библиотеках. Со своим зеленым куполом, они отбрасывают на рабочую поверхность свет в виде белого овала, а остальное пространство комнаты тонет в неясном полумраке. Эта игра двух источников света, равно ненатуральных, поразительным образом оживляла, а не затушевывала полихромную потолку.

Потолок был выгнут сводом, который по прихоти хитроумного декоратора опирался на четыре красно-коричневые колонны с позолоченными капителями, но к этому визуальному эффекту прибавлялись многочисленные обманы, *trompe-l'oeil* в росписи, делившей на семь разделов. Потолок провисал, как шатер, под тяжестью изображений, благодаря чему вся зала преисполнялась мрачного величия и напоминала кладбищенскую капеллу, в которой неощутимая кощунственность сочеталась с чувственной меланхолией.

— Вот мой театр, — сказал Алье, — в духе фантазий Возрождения, в те времена был развит вкус к наглядным энциклопедиям, рисованным пересказам мира. Более даже чем обиталище, это машина воспоминаний. Нет ни одного изображения из наблюдаемых тут вами, которое бы, должным образом сопоставленное с другими, не открывало бы и не объясняло бы какой-либо из мировых загадок. Процессия фигур, которую вы видите над собою, воспроизводит фреску Мантуанского герцогского дворца, и на ней запечатлены тридцать шесть деканов, Властелинов Мира. Я же из чувства верности, из уважения к традиции, найдя тут эту изумительную панораму мира, унаследованную мною неведомо от кого, решил расположить в витринах вдоль стен и несколько скромных реликвий, соотносящихся с картинами потолка и связанных с четырьмя основными стихиями универсума: воздухом, водой, землей, огнем; к огню относится эта прелестная саламандра, шедевр од-

ного моего друга-мумификатора. Обратите внимание, в частности, на очаровательную миниатюрную модель золипылы Герона, увы, довольно позднего производства. Содержащийся в сфере воздух, когда поджигают спирт в этой миниатюрной горелке, которая находится под сферой и обнимает ее, как раковина, нагревается, выходит из боковых клювов, и сфера начинает вращаться. Магический инструмент, который использовали еще египетские жрецы в их святилищах, как явствует из многих знаменитых описаний. Они использовали подобные устройства для симуляции чудес, и толпы поклонялись чуду. Но истинное чудо состояло в знании золотой пропорции, на коей основывается секретная, хоть и несложная механика, пропорции сочетания стихий — воздуха и огня. Вот истинное знание, свойственное предшественникам нашим, известное ученым-алхимикам и скрытое от строителей циклотронов. Мне же стоит обратить взоры к моему театрику памяти, который — дитя многих иных более обширных театров, очаровывавших великие умы прошлого, — и я знаю. Знаю больше так называемых знатоков. Знаю, что что внизу, то же и наверху. А больше знать нечего.

Он угостил нас кубинскими сигарами странной формы, гнутыми, наморщенными, толстыми и жирными. Мы отреагировали восторженно, Диоталлеви отошел к стеллажам.

— О, моя минимум-библиотека, — сказал Алье. — Как видите, в ней не более двух сотен томов, в моем родовом имени собрание более обширное. Но рискну утверждать, что все они отличаются редкостью и ценностью, и расставлены, конечно же, не в случайном порядке, последовательность трактуемых предметов — та же, которая объединяет как фрески в этом зале, так и экспонаты коллекции.

Диоталлеви робко дотронулся до корешков. — Пожалуйста, прошу вас, — ободряюще улыбнулся Алье. — Это “Эдип Египетский” Афанасия Кирхера. Как вам известно, он первый после Гораполлона пытался интерпретировать иероглифы. Обворожительный человек, мечталось бы мне, чтоб моя кунсткамера хоть отдаленно походила на собранную им коллекцию чудес, которая ныне считается утерянной, потому что те, кто не умеет искать, те не находят... Изысканнейший из собеседников. Каким гордым он выгля-

дел в день, когда обнаружил, что этот иероглиф означает “чудеса божественного Озириса вызываются сакральными церемониями и вереницей гениев”. Потом пришел прощельга Шампольон, отвратительный тип, поверьте, движимый инфантильным тщеславием, и настойчиво утверждал, что этот рисунок означает имя фараона — и больше ничего. С какой изобретательностью Новое время старается опоганить сакральные символы! Книга эта, впрочем, не очень дорогая, ее цена ниже цены “мерседеса”. Поглядите лучше вот на эту, перед вами первоиздание 1595 года “Амфитеатра вечного познания” Хунрата. Считается, что в мире сохранилось два экземпляра. Перед вами третий. А это — первая публикация “Священной теллурической теории” Бурнета. Вечерами, когда я рассматриваю иллюстрации в этой книге, меня охватывает мистическая клаустрофобия. Глуби нашего глобуса... Неожиданно, не правда ли? Вижу, что доктор Диоталлеви очарован еврейскими надписями в “Трактате о шифрах” Виженера. Тогда взгляните: первое издание “Каббалы без одежд” Кнорра Христиана фон Розенрота. Господа, полагаю, помнят, что эта книга впоследствии была переведена на английский, неполно и неточно, в самом начале нашего века этим ничтожным Мак-Грегором Матерсом... Разумеется, господам кое-что известно о некоей скандальной секте, пользовавшейся немалым успехом у британских эстетов, о “Златой заре”. Эта банда фальсификаторов масонских бумаг не могла оставить по себе здоровое наследство, и действительно ее преемники дегенеративны, будь то “Утренняя Звезда” или сатанинские церкви Алистера Кроули, который заклинал демонов с единственной целью добиться благоволения некоторых господ, подверженных “английскому пороку”, *vice anglais*... Знали бы вы, дорогие мои друзья, как много людей, мягко выражаясь, сомнительных приходится встречать тому, кто посвящает себя подобным штудиям. Вы тоже почувствуете это, когда начнете публиковать связанные с этим материалы.

Бельбо воспользовался последней фразой, чтобы перевести разговор. “Гарамон” собирается, сказал он, выпускать несколько книжек в год на эзотерические темы.

— Ах, эзотерические... — улыбнулся Алье, а Бельбо покраснел.

— Ну, так сказать... герметические?

— Ах, герметические... — продолжал улыбаться Алье.

— Ну, хорошо, — сказал Бельбо. — Я употребляю неправильные слова, но вы, конечно, поняли, какого типа книги.

— Ах, — с новой улыбкой отвечал Алье, — не существует типа. Существует знание. Вот что вы собираетесь сделать: открыть издательское пространство подлинному, не извращенному знанию. Для вас, вероятно, это только одно из рабочих направлений, но если мне суждено прикоснуться к этому, для меня это станет походом за истиной, поиском Грааля, *queste du Graal*.

Бельбо заговорил о том, что подобно тому как заброшенные рыболовом сети вытаскивают на берег пустые раковины и пластиковые мешки, в "Гарамон" безусловно поступят предложения сомнительной серьезности, и издательство ищет серьезного рецензента, который сможет отсортировать овец от козлиц, отмечая, в частности, и среди брака все то, что не лишено интереса, ибо имеется дружественное издательство, которое было бы вполне в состоянии приютить у себя сочинения не такого уж высокого уровня... Разумеется, затраченные усилия должны быть надлежащим образом компенсированы.

— Я, благодарение небу, принадлежу к так называемым состоятельным людям. Более того: к состоятельным, любознательным и довольно умеренным. Мне достаточно, если в результате долгих бдений раз от разу удастся найти экземпляр книги Хунрата или еще одну такую милейшую набальзамированную саламандру, или же зуб нарвала, который лично я постеснялся бы держать в коллекции, но который даже в Венской сокровищнице выставлен с табличкой "рог единорога". Мне удастся заработать на быстрой и нетрудной перепродаже больше, чем вы бы могли заплатить мне за десять лет консультирования. Я согласен просматривать ваши рукописи запросто. Я убежден, что даже в самом жалком сочинении мне попадет зерно если не истины, то хотя бы занимательной неправды, а крайности очень часто перекликаются. Мне наскучат только самые очевидные банальности, и эта моя скука должна быть вами вознаграждена. В зависимости от испытанной мною

скуки, в конце года я предоставлю вам краткий счет, в пределах оплаты чисто символической. Если же вам она покажется высокой, вы пошлете мне вместо этого ящик коллекционных вин.

Бельбо был изумлен. Он привык иметь дело со склочными и изголодавшимися консультантами. Он открыл портфель и вытащил объемистую рукопись.

— Боюсь, что ваши ожидания чересчур оптимистичны. Видите, к примеру, вот это? Остальные такие же.

Алье взял в руки рукопись: — Тайный язык пирамид... Посмотрим оглавление... Пирамидион... так. Смерть лорда Карнавона... Свидетельство Геродота. — И вернул рукопись Бельбо. — Вы сами ее читали?

— Я кратко ознакомился на днях, — сказал Бельбо.

— Тогда вы сможете проверить, правилен ли мой пересказ. — И Алье уселся за столом, погрузил руку в карман жилета, вынул оттуда табакерку, виденную мною в Бразилии, повертел ее тонкими длинными пальцами, которые до тех пор все поглаживали переплеты старинных книг, возвел глаза к потолочной росписи и, как мне показалось, задекламировал текст, выученный наизусть.

— Сочинитель этой книги, наверное, вспоминает, что Пьяцци Смит открыл сакральные и эзотерические меры пирамид в 1864 году. Позвольте мне называть цифры без дробей, потому что в моем возрасте, увы, память начинает играть скверные шутки... Примечательно, что в основании пирамид заложен квадрат, сторона которого составляет 232 метра. При завершении строительства высота составляла 148 метров. Если вы переведете эти величины в египетские священные локти, получите длину основания в 366 локтей, что соответствует количеству дней в високосном году По Пьяцци Смиу, высота пирамиды, помноженная на десять в девятой степени, равняется расстоянию от Земли до Солнца: 148 миллионов километров. Приближение неплохое, учитывая время, когда рождалась эта теория, поскольку в современной науке это расстояние принимается за 149 с половиной миллионов километров, к тому же не доказано, насколько точно нынешнее измерение. Ширина основания, разделенная на ширину одного из камней, составляет 365. Периметр основания равен 931 метрам. Разделите на

удвоенную высоту пирамиды, и вы получите 3,14 — число π . Прелестно, не правда ли?

Бельбо улыбался, ошарашенный: — Невероятно! Как же вам удалось...

— Не перебивай доктора Алье, Якопо, — взволнованно сказал Диоталлеви.

Алье поблагодарил его вежливой улыбкой. Говоря, он перебегал взором по рисунку потолка, и движение его глаз не казалось ни бездельным, ни случайным. Нет, его глаза как будто обращались кверху за подсказкой, как будто в сочетании рисунков содержалось то, что он пытался выдать за добытое из глубин своей памяти.

Таким образом, от вершины до низа основания, меры Великой Пирамиды в египетских дюймах составляют 161.000.000.000. Сколько человеческих душ жило на земле от Адама до сегодняшнего дня? Приблизительный подсчет сообщает нам результат: от 153.000.000.000 до 171.000.000.000.

Пьянци Смит, *Наше наследие в Великой Пирамиде*.
Piazzì Smyth, *Our Inheritance in the Great Pyramid*,
London, Isbister, 1880, p. 583

48

— Воображаю, что ваш сочинитель начинает с того, что высота пирамиды Хеопса равняется квадратному корню из цифры площади каждой из сторон. Натурально, все меры снимаются в футах, более приближенных к египетскому и древнееврейскому локтю, а не в метрах, потому что метр есть абстрактная величина, изобретенная в современную эпоху. Древнеегипетский локоть составляет 1,728 фута. При отсутствии точных измерений, мы можем обратиться к пирамидиону, таково название маленькой пирамиды, расположенной на вершине большой, образывавшей ее верхушку. Пирамидион выполнялся либо из золота, либо из какого-то другого металла, блестящего на солнце. Так вот, снявши высоту пирамидиона, надо ее умножить на высоту всей пирамиды, умножить результат на десять в пятой степени, и у нас выйдет длина окружности экватора. Более того, измерив периметр основания, умножив его на двадцать четыре в третьей степени и разделив на два, получаем средний радиус земли. Мало этого: площадь основания пирамиды, умноженная на девяносто шесть на десять в восьмой степени, дает сто девяносто шесть миллионов восемьсот десять тысяч квадратных миль, то есть поверхность земного шара. Так он пишет?

Любимое выражение Бельбо в случаях, когда он изумлялся, было заимствовано им из старого американского фильма "Янки дудль денди" с Джеймсом Кэгни, который он видел в синематеке, посещая курс фильмов на языке оригинала: "I am flabbergasted!" Это он выпалил и тут. Алье, надо думать, хорошо знал разговорный английский,

потому что на лице его отразилось нескрываемое удовольствие. Он и не стеснялся своего тщеславного удовольствия.

— Дорогие друзья, — сказал он. — Когда господин, имя которого мне неизвестно, берется стряпать очередную компиляцию по вопросу о тайне пирамид, он способен сказать лишь то, что в наше время известно каждому младенцу. Я удивился бы, если бы у него прозвучала хотя бы какая-нибудь новая мысль.

— Значит, — переспросил Бельбо, — этот господин излагает уже устоявшиеся истины?

— Истины? — усмехнулся Алье, снова открывая коробку своих корявых, очаровательных сигар. — *Quid est veritas*¹, хотел знать один мой старый знакомец. С одной стороны, перед нами гора разнообразных бессмыслиц. Начать с того, что если разделить точную площадь основания на удвоенную точную высоту, не пренебрегая и десятыми долями, результат получится 3,1417254, а вовсе не число π . Разница небольшая, но она есть. Кроме того, ученик Пьяцци Смита, Флайндерс Петри, измерявший и Стонхендж, говорит, что однажды он застукал маэстро за спиливанием гранитных выступов в царской приемной: у того никак не сходились подсчеты. Наверное, это сплетни, однако такой человек, как Пьяцци Смит, в принципе не производил достоверного впечатления, достаточно было видеть, что за узел он вывязывал на галстук. С другой стороны, среди всех этих нелепиц содержатся неопровержимые истины. Господа, не угодно ли подойти вместе со мною к окну?

Театральным жестом он распахнул ставни, предложил нам выглянуть и указал недалеко, на углу между улочкой и бульварами, деревянный цветочный киоск.

— Господа, — сказал он. — Предлагаю вам самим отправиться и измерить эту будку. Вы увидите, что длина прилавка составляет 149 сантиметров, то есть одну сто-миллиардную долю расстояния между Землей и Солнцем. Высота его задней стенки, разделенная на ширину окошка, дает нам $176/56$, то есть 3,14. Высота фасада составляет девятнадцать дециметров, то есть равна количеству лет древнегреческого лунного цикла. Сумма высот двух пере-

¹ Что есть истина? (Иоанн, 18—38, лат.) — оставшийся без ответа вопрос Пилата Христу.

дних ребер и двух задних ребер подсчитывается так: $190 \times 2 + 176 \times 2 = 732$, это дата победы при Пуатье. Толщина прилавка составляет 3,10 сантиметра, а ширина наличника окна — 8,8 сантиметра. Заменяя целые числа соответствующими литерами алфавита, мы получим $C_{10}H_8$, то есть формулу нафталина.

— Фантастика, — сказал я. — Сами мерили?

— Нет, — ответил Алье. — Но один подобный киоск был измерен неким Жан-Пьером Аданом. Воображаю, что все цветочные киоски должны строиться более или менее одинаково. С цифрами вообще можно делать что угодно. Если у меня имеется священное число 9, а я хотел бы получить 1314, то есть год сожжения Жака де Молэ — этот день дорог сердцу каждого, кто, подобно мне, составляет часть тамплиерской рыцарственной традиции, — что я делаю? Умножаю на 146 (это роковой год разрушения Карфагена). Как я пришел к этому результату? Я делил 1314 на два, на три и так далее, до тех пор покуда не отыскал подходящую дату. Я бы мог поделить 1314 и на 6,28, что составляет собой удвоение 3,14, и пришел бы к цифре 209. Ну что ж, в этот год Аттал I, царь Пергама, примкнул к антимакедонской коалиции. Годится?

— Значит, вы не верите ни в какую нумерологию, — разочарованно сказал Диоталлеви.

— Я? Я твердо верю, верю в то, что мир — это восхитительная перекличка нумерологических соотношений и что прочтение числа, купно с его символической интерпретацией, таков привилегированный путь познания. Но если весь мир, как низменный так и верховный, являет собой систему соотношений, где перекликается все, *tout se tient*, вполне естественно, что и киоск и пирамида, оба представляющие собой плоды рук человека, подсознательно отображают в своем устройстве гармонию космоса. Эти так называемые пирамидологи открывают невероятно затрудненными методами линейную истину, гораздо более старую и уже известную. Логика их поиска, логика открытия — извращенная логика, потому что она основана на науке. Логика знания, напротив, не нуждается в открытиях, потому что знание просто знает, и все. Зачем доказывать то, что иначе быть бы не могло? Если секрет имеется, он

гораздо глубже. Эти ваши авторы просто не идут глубже поверхности. Воображаю, что господин, написавший этот труд, перепевает и все бредни о египтянах, якобы владевших электричеством...

— Не стану спрашивать, как вам удалось угадать.

— Вот видите? Эти люди довольствуются электричеством, как первый попавшийся инженер Маркони. Гораздо меньшим ребячеством звучало бы рассуждение о радиоактивности. Это была бы забавная конъектура, которая, в отличие от гипотезы об электричестве, способна была бы объяснить пресловутое проклятие Тутанхамона... Как им удалось поднять глыбы на пирамиды? Валуны ворочали с помощью электроразрядов? Использовали энергию ядерного ядра? Египтяне открыли способ избавляться от земного притяжения, они овладели тайной парения. Новая форма энергии! Известно, что халдейскими мудрецами приводились в движение священные механизмы при помощи одного лишь звука и что священнослужители Карнака и Фив умели распахивать двери храма одним лишь своим голосом — не об этом ли свидетельствует, если подумать, легенда “Сезам, откройся”?

— И что дальше? — спросил Бельбо.

— Вот то-то же, друг мой. Электричество, радиоактивность, атомная энергия, любой настоящий посвященный понимает, что это только метафоры, поверхностный камуфляж, условные обозначения, в крайнем случае — жалкие заместители некоей более древней силы, пребывающей в забвении, которую посвященный ищет и, когда придет час, обрящет. Нам следует интересоваться, вероятно, — он повременил, колеблясь, — теллурическими течениями.

— Чем? — спросил не помню кто из нас троих.

Алье был явно разочарован: — Ну вот, а я надеялся, что среди ваших кандидатов хоть один мог бы сообщить мне что-то любопытное по этому поводу... Оказывается, уже довольно поздно. Ну-с, судари, договоренность достигнута, все остальное прошу простить как стариковское многоглазие.

Когда мы пожимали руки, вошел слуга и прошептал что-то хозяину. — А, любезная приятельница, — сказал

Алье. — Я и забыл. Попросите ее подождать минуту... Нет, не в гостиной, в турецком кабинете.

Любезная приятельница, должно быть, была своим человеком в доме, потому что тем временем она уже входила в кабинет и даже не взглянув на нас, в полутьме смеркающегося дня, уверенно подошла к Алье, игриво погладила его по лицу и сказала: — Симон, ты что, заставишь меня сидеть в приемной?

Это была Лоренца Пеллегрини.

Алье легонько отодвинулся, поцеловал ей руку и сказал, указывая на нас: — Любезная моя, милая София, как вы знаете, вы дома в любом доме, который озаряете присутствием. Я просто прощался с посетителями.

Лоренца обратила внимание на нас и радостно взмахнула рукой — да я и не помню, видел ли я хоть раз ее удивленной или смущенной чем бы то ни было. — А, как чудесно, — сказала она. — Вы тоже знаете моего друга! Якопо, как дела.

Последняя фраза имела не вопросительную, а утвердительную форму.

Я заметил, как побледнел Бельбо. Мы попрощались, Алье напоследок сказал, что крайне рад найти с нами общих знакомых. — Я считаю нашу общую приятельницу одним из наиболее исконных созданий из всех, кого мне выпало знать. В своей свежести она воплощает, позвольте сравнение, присталое старику ученому, Софию, сосланную на нашу землю. Но милая моя София, я не успел еще известить вас, что обещанный вечер откладывается на несколько недель. Я огорчен.

— Неважно, — сказала Лоренца. — Я подожду. Вы идете в бар? — Это обращение к нашей троице тоже походило скорее на приказание, чем на вопрос. — Хорошо, я задержусь здесь на полчаса, я хочу взять у Симона один из его эликсиров, вам тоже бы неплохо их попробовать, но Симон говорит, что это только для избранных. Потом я к вам приду.

Алье улыбнулся тоном снисходительного дядюшки, откланялся нам, попросил проводить к выходу.

Выйдя на улицу, мы в полном молчании направились к моей машине, влезли в нее и доехали до "Пилада". Бельбо

был нем. Но у стойки бара заговорить стало просто необходимо.

— Не хотел бы я завести вас в лапы безумцу, — сказал я.

— Нет, — ответил Бельбо. — Он человек умный и остроумный. Только живет не в том мире, что мы с вами. — И мрачно добавил немного погодя: — Почти.

Traditio Templi подразумевает традицию храмовничества как рыцарство, духовное рыцарство посвященных...

Анри Корбен, *Храм и созерцание*.
Henry Corbin, *Temple et contemplation*,
Paris, Flammarion, 1980, p. 373

49

— Разгадал я вашего Алье, Казобон, — сказал Диоталлеви, который у Пилада заказал стакан белого игристого, и мы заопасались за его душевное здоровье. — Это большой любитель любомудрия и большой нелюбитель всего, что понаслышке и по верхушке. В то же время, как нам стало ясно сегодня посредством этой самой наслышки, он верхушечников хотя и презирает, однако принимает, диалогизирует с ними, не воротит носа.

— Сегодня господин Алье, или граф, или маркграф, в общем этот самый, произнес ключевые слова, — отвечал на это Бельбо. — Это слова “духовное рыцарство”. Презирает верхушечников, но сознает, что повязан с ними общим духовным рыцарством. В каком-то смысле я его понимаю.

— В каком смысле? — спросили мы хором.

Бельбо был на стадии третьего джин-мартини. Виски по вечерам, проповедовал он; это дарует успокоение и грезу; а в послеобеденное время только джин-мартини, возбуждающий, подкрепляющий. И мы услышали рассказ о его детстве в ***, который уже однажды начинался при мне.

— Это было где-то между сорок третьим и сорок пятым, то есть в период перехода от фашизма к демократии, а потом оттуда к новой диктатуре Республики Сало', тем временем как партизаны вели войну у нас на взгорье. В начале этой повести мне было одиннадцать лет и я проживал в доме дядюшки Карло. До этого мы жили в городе, но в сорок третьем году начались бомбардировки и мама решила эвакуироваться. У нас в *** имелись дядюшка Карло и тетя Катерина. Дядя принадлежал к сельскому помещичеству и владел в *** домом с большим земельным наделом, отданным в аренду Аделино Канепе. Этот Аделино

Канепа обрабатывал землю, собирал хлеб и гнал вино, а половину выручки переводил хозяину участка. Совершенно естественно, что в таких случаях возникала взаимная ненависть: арендаторы считали, что их эксплуатируют, а землевладельцы были недовольны, что получали только половину дохода с кровных наделов. Ненавидели, но сосуществовали, по крайней мере в случае дядюшки Карло. Дядюшка же в четырнадцатом году записался волонтером в альпийские стрелки. Суровое детище Пьемонта, до мозга костей родина и долг, он был произведен в лейтенанты, а впоследствии в капитаны. Короче, во время битвы на Карсе рядом с ним у солдата-идиота взорвалась в руке ручная граната. С чего бы иначе ей называться ручной. В общем, дядю уже было забросили в общую могилу, но одному фельдшеру показалось, что он пока еще не умер. В полевом лазарете дяде отняли глаз, который выскочил из орбиты, отняли руку, и если слушать тетку Катерину, ему всадили металлическую пластину, чтоб залатать отверстие в черепной коробке. Хирург оказался на высоте, и дядя, разумеется, тоже. Серебряный орден, крест кавалера итальянской короны и по окончании войны гарантированное место в органах государственной администрации. Дядя был назначен на должность директора налогового управления в ***, где у него было фамильное имение, и поселился в родительских пенатах бок о бок с Аделино Канепой и со всей его роднею.

Как налоговый директор, он входил в местную номенклатуру, а как инвалид войны и кавалер короны Италии, не мог не поддерживать линию правительства, которое в тот период как раз являлось фашистским. Был ли фашистом мой дядя Карло?

Постольку поскольку, как любили говорить в шестьдесят восьмом году. Поскольку фашизм оценивал заслуги воевавших. Скажем так, что дядюшка Карло был умеренным фашистом. В той, однако, мере, чтоб его возненавидел Аделино Канепа, который был, наоборот, антифашистом по причинам вполне недвусмысленным. Канепа должен был являться к дяде единожды в год и согласовывать с ним налоговую декларацию. Он вступал в приемную дяди с задиристым и независимым видом, как будто и не он пробо-

вал соблазнить тетушку Катерину несколькими дюжинами яиц. Он представал перед дядей, который не только был, в качестве героя войны, неподкупен, но и был прекрасно осведомлен, сколько денег Аделино Канепа отжулил у него в течение года, и не спускал ему ни чентезимо. Аделино Канепа почитал себя жертвой диктатуры и начал распускать клеветнические слухи про дядюшку Карло. Аделино с семьей обитал на первом, дядя с семьей на втором этаже, встречаясь, они не здоровались. Связь осуществляла теть Катерина, а после нашего приезда моя мама, которой Аделино Канепа выражал симпатию и соболезнования, поскольку ей выпало быть свояченицей монстра. Дядя возвращался каждый вечер в шесть часов в сером двубортном костюме, в серой шляпе и с непрочитанным номером "Стампы". Шагал он прямо, походкой альпийского стрелка, измеряя непройденную дорогу своим острым серым глазом. Пройдя мимо Аделино Канепа, который в этот час отдыхал на скамеечке под деревьями сада, и поровнявшись с госпожой Канепа на первом повороте общей лестницы, дядя церемонно снимал шляпу и раскланивался. Так шло вечер за вечером, год за годом.

Было уже восемь, Лоренца не пришла, как обещала. Бельбо приканчивал пятый джин-мартини.

— Настал сорок третий год. Прекрасным утром дядюшка Карло вошел в нашу спальню, разбудил меня, крепко расцеловал и сказал: "Мой мальчик, хочешь знать самое важное событие года? Уничтожили Муссолини". Так мы и не поняли, переживал ли дядя по этому поводу. Он был законопослушный гражданин и слуга своего отечества. Если и переживал, то на эту тему не распространялся, а собирал налоги — теперь уже для правительства Бадольо. Потом настало восьмое сентября, и территория, на которой мы находились, перешла под контроль Республики Сало', и дядя Карло примирился и с этим. Он стал собирать налоги для Республики Сало'. Аделино Канепа тем временем намекал на свои особые связи с партизанскими формированиями на взгорье и за горами и сулил невообразимое мщение. Мы, мальчишки, по тем временам плохо представляли себе, что такое партизаны. Много чего о них рассказывалось, но в натуре их не видал никто. Одним из

героев выступал некто Терци, командующий бадолианцев (это было, думаю, вымышленное имя, так у партизан полагалось, и заимствованное едва ли не из популярного предвоенного комикса о Дике Громобое). Терци в прошлом был фельдфебелем карабинеров. В первых же боевых действиях против фашистов и СС он потерял ногу, и он был сводным командующим всех партизанских бригад, действовавших на холмах в окрестностях ***. И приключилось ужасное. Однажды эти партизаны заявили к нам в деревеньку. Они сбежали с гор к нам в долину и наводнили собой все улочки, никакой формы у них в те времена не было, только синий платок на шее, и палили из автоматов куда-то в небо, чтобы показать, каковы они. Известие распространилось мгновенно, все позакрывались в домах, никто не знал, что за птицы эти партизаны. Тетя Катерина слегка обеспокоилась, но утешало, что партизаны, по слухам, благоволят к Аделино Канепа, а значит, и дяде тоже нечего опасаться. Оказалось, было чего опасаться. Как потом рассказали, часов около одиннадцати команда партизан с автоматами обложила налоговое управление и дядю арестовали, увезя в неизвестном направлении. Тетя Катерина легла на кровать, изо рта у нее полилась белая пена и она закричала, что дядя обязательно погибнет. Достаточно одного тычка прикладом, у него же в голове пластина, он погибнет на месте. Привлеченный воплями тети Катерины, появился Аделино Канепа с женой и сыновьями. Тетя закричала, что вот пришел иуда, что это он заявил на дядю партизанам, что тот собирает пошрины в казну Республики Сало', Аделино Канепа поклялся всем, что только было у него святого, что он не заявлял, но чувствовалось, что он не снимает с себя ответственности, потому что действительно болтал много. Тетка выгнала его. Аделино плакал, обращался к моей матери, припоминал ей все разы, когда уступал кролика или куру за самую смехотворную плату, моя мама замкнулась в гордом молчании, тетя Катерина продолжала изрыгать белую пену. Я плакал. В конце концов, после двух часов этих терзаний, послышались крики и дядюшка Карло вкатился на велосипеде, которым он управлял своей единственной рукой, и вид у него был как будто с прогулки. Он моментально заметил надрывную сцену в пали-

саднике и осведомился, не произошло ли чего неприятного. Дядя был противник драматизма, как большинство населения нашего Пьемонта. Поднялся наверх, приблизился к одру умирающей тети Катерины, которая продолжала дрыгать тощими ногами, и спросил, как она себя чувствует.

— Что же произошло на самом деле?

— Произошло, что по-видимому партизаны из отряда Терци сделали выводы из бормотанья Аделино Канепы и увидели в дядюшке Карло олицетворение режима на местах, и его забрали, чтобы дать урок всему нашему городишке. Дядю Карло вывезли на полуторке за город и представили пред светлые очи командующего Терци, сверкавшего орденами и медалями, с автоматом в правой руке и с костылями в левой. На это дядя Карло, и вы знаете, я не думаю, что это была военная хитрость, скорее инстинкт, привычка, корпоративная традиция, — вытянулся по стойке смирно и отрапортовал: майор альпийских стрелков Ковассо Карло, инвалид войны, герой войны, награжден серебряным орденом. Тогда этот самый Терци тоже вытянулся по стойке и отрапортовал: фельдфебель Ребауденго, карабинерский его величества стрелковый полк, исполняю обязанности командующего бадолианской бригадой имени Беттино Рикасоли, награжден бронзовой медалью. Где воевал, спросил дядюшка Карло. Терци, голосом подчиненного: населенный пункт Пордой, господин майор, высота 327. Черт подери, отреагировал дядя, я был на высоте 328! Третья рота, под Сассо ди Стриа! Бой в день равноденствия? Так точно, бой в день равноденствия. Артобстрел горы Пять Пальцев? Ядри меня в душу, если забуду тот артобстрел, господин майор. А штыковая атака накануне святого Криспина? Разрази меня гром и так далее в подобном духе. После чего один без ноги и другой без руки, одно тело, одна душа, обнялись по-братски и Терци сказал: видите ли, кавалере, понимаете, господин майор, у нас тут данные, что вы обираете население на потребу фашистским марионеткам, а следовательно, работаете на иноземных захватчиков. Видите ли, команданте, сказал ему на это дядюшка Карло, у меня семья и зарплату я получаю от государства, а государство это выбирал не я, что бы вы делали на моем месте? Дорогой майор, отвечал командую-

щий Терци, на вашем месте я бы делал то же самое, но постарайтесь хотя бы помедленнее переключать эти ваши бумажки, не торопитесь отсылать их. Посмотрим, отвечал Терци мой дядюшка Карло, я не имею ничего против вас и вашей команды, вы ведь тоже сыновья Италии и хорошие солдаты. Думаю, что они объяснились прежде всего потому, что и тот и другой выговаривали слово Родина с большой буквы. Терци распорядился, чтобы дядюшке Карло выдали велосипед. Дядя вернулся. Аделино Канепа не показывался в сад после этого много месяцев. Вот я к чему. Не знаю, то ли они имеют в виду под духовным рыцарством, но уверен, что существуют такие связи, которые действуют *super partes*.

Ибо я есмь и первая и последняя,
я чтимая и я хулимая,
я блудница и я святая.

Фрагмент *Наг Хаммади* 6, 2

50

Вошла Лоренца Пеллегрини. Бельбо посмотрел на потолок и заказал последний мартини. Напряжение стало невыносимым, и я начал привставать. Лоренца меня удержала: — Нет, нет, пошли все вместе, сегодня вернисаж у Риккардо, открытие нового стиля! Потрясающий стиль, ты ведь видел, Якопо.

Я знал этого Риккардо, он околачивался в “Пиладе”, но тогда я еще не мог понять, из-за чего взгляд Бельбо еще больше сгустился на потолке. После этого, прочтя файлы, я понял, что Риккардо — это человек со шрамом, с которым Бельбо не осмеливался затеять ссору.

Лоренца повторяла: пойдём, пойдём, галерея совсем недалеко от “Пилада”, там намечается отличная выпивка, вернее даже отличная оргия. Диоталлеви, потрясенный, сразу выпалил, что опаздывает домой, а я завяз в нерешительности, идти не хотелось, но было очевидно, что Лоренца хочет, чтобы был и я, и это дополнительно нервировало Бельбо, потому что при мне объясняться было невозможно. Но приглашение было так настойчиво, что я потащился за ними.

Мне этот Риккардо нравился довольно мало. В начале шестидесятых он малевал скучноватые картины, состоящие из переплетения черных и серых штришков, очень геометрического типа и с оптическими эффектами, от которых все прыгало в глазах. Произведения назывались “Композиция 15”, “Параллакс 117”, “Евклид X”. В шестьдесят восьмом он выставлялся в домах, захваченных студентами, слегка поменял палитру, полюбил резкие черно-белые контрасты, мазки стали более толстыми и названия изменились в сторону “*Ce n'est qu'un debut*”¹, “Молотов”,

¹ “Это только начало” (фр.).

“Пусть расцветают сто цветов”. Когда я вернулся в Милан, оказалось, что он популярен в кругу, где обожают доктора Вагнера, он изничтожил черный цвет, перешел на белые щиты, где контрастно выделялись лишь разнонаправленные волокна пористой бумаги “Фабриано”, и таким образом картины, как он объяснял, приобретали разнообразное настроение в зависимости от угла падения света. Назывались они “Апология амбивалентного”, “Перекор”, “Ва”¹, “Berggasse”², “Яйность” и так далее.

Тогда вечером, войдя в новую галерею, я увидел, что в творческом методе Риккардо произошел качественный скачок. Экспозиция именовалась “Megale Arophasis” — “Великое Откровение”. Риккардо перешел к фигуративности. Палитра его сияла. Живопись превратилась в цитатную, а так как рисовать, по моему подозрению, он не умел, думаю, что он обходился проекциями на холст диапозитивов знаменитых полотен. Ассортимент варьировался от пожарников конца прошлого века до символистов начала нынешнего. По контурам оригинала Риккардо потом наводил лоск пуантилистской техникой, играя на микроскопических оттенках цвета, и проходил точка за точкой весь цветовой спектр, так чтобы в начале пути было ярчайшее пылающее ядро, а в конце абсолютная чернота, или же наоборот, в зависимости от того мистического или космологического концепта, который ему требовалось передать. Там были горы, испускавшие солнечные лучи, распыленные на тысячи кружочков нежнейших раскрасок, виднелись и концентрические небеса с намеком на прозрачнокрылых ангелов, что-то очень похожее на дантовский Рай Доре. Названия картин — “Беатрикс”, “Мистическая роза”, “Данте Габриеле 33”, “Верные любви”, “Атанор”, “Гомункулус 666”. Вот откуда у Лоренцы взялась идея завести домашнего гомункула, сказал я себе. Самая здоровенная картина подписана была “София” и представляла собой что-то вроде сосульки из черных архангелов, которая на кончике пузырилась и из нее вытекало белое создание, ласкаемое ладонями синюшного цвета, перерисованными с контура, который виднеется в небе “Герники”. В

¹ Оно (фр.).

² Улица в Вене, на которой жил Фрейд.

смысле вкуса все это выглядело сомнительно, и с близкого расстояния обляпанный холст не радовал глаз, но если отойти на два или три метра, получалось очень даже лирично.

— Я реалист старой формации, — прошипел мне Бельбо в ухо. — Могу понять только Мондриана. Бывает ли содержание в негеометрической живописи?

— Он раньше делал геометрическую, — сказал я.

— Он делал не живопись, а сортирный кафель.

Тем временем Лоренца поздравляла и целовала Риккардо, а с Бельбо герой дня обменялся кивками на расстоянии. Толпа была изрядная, галерея была отделана под нью-йоркский “лофт”, все белое, трубы обогрева и горячей воды выведены наружу под потолок. Бог знает сколько могло стоить денег подобное осквернение приличной квартиры. В одном углу система хай фай глушила окружающих восточными мотивами, что-то с участием ситара, если я правильно понял, такое, в чем не должно быть мелодии. Все безучастно проходили мимо картин к банкетным столам у дальней стены, торопясь расхватать бумажные стаканчики. Мы появились довольно поздно, в воздухе было не продохнуть от дыма, какие-то девки время от времени начинали колыхаться посередине залы, но большинство до сих пор еще болтало между собой и налегало на буфет, действительно вполне порядочный. Я уселся на диване, у подножия которого размещалась огромная чаша с компотом, и собрался начерпать некую толику, потому что не обедал. Однако посередине, на горке нарезанных фруктов, увидел четкий отпечаток ботинка. Пол вокруг весь был заплескан белым вином, и кое-кто из приглашенных с трудом удерживал равновесие.

Бельбо завладел стаканом и равнодушно слонялся без видимой цели, похлопывая по плечу встречных. Он пытался отыскать Лоренцу.

Но все находилось в движении. Толпа была во власти круговой турбуленции — пчелиный рой в стремлении к неведомому цветку. Я, например, никого не искал, однако тоже поднялся на ноги и пустился в путь, подчиняясь импульсам, исходившим от группы. Вдалеке обрисовалась Лоренца, возгласами восторженного узнавания приветствовавшая знакомых, с поднятой головой, умышленно бли-

зоруким взором, прямыми плечами и грудью, со всей неподражаемой жирафьей повадкой.

Потом человеческий поток затиснул меня в угол у банкетного стола, прямо передо мной были Лоренца и Бельбо, спинами ко мне, наконец повстречавшиеся — может быть, случайно — и как и я, несвободные. Не знаю, понимали ли они, что я от них близко, но в общем галдеже никто все равно не мог бы расслышать, что говорят другие. Хотя мне было все-таки слышно.

— Ну, — говорил Бельбо. — Откуда взялся этот твой Алье?

— Он с таким же успехом твой. Почему-то тебе можно знать Симона, мне нельзя знать Симона. Логика.

— Какой он тебе Симон? Почему он тебя зовет София?

— Ну, в шутку! Мы познакомились у знакомых. И по моему, он очень мил. Он целует мне руку, будто я графиня. И вообще он мог бы быть моим отцом.

— Как бы он тебя не сделал матерью.

Мне казалось, что я слышу собственный голос там, в Баии, когда мы были с Ампаро. Что взять с Лоренцы. Алье умеет целовать ручку молодой даме, непривычной к такому обращению.

— В чем юмор шутки про Симона и Софию? Его зовут Симон или нет?

— Юмор замечательный, можешь быть спокоен. Дело в том, что наш универсум — это результат ошибки, и немножко виновата в этом я. София — это женская половина Бога, и вообще когда-то Бог был больше похож на женщину, чем на мужчину, это вы потом обрастили его бородой и назвали Он. Я была его лучшей половиной. Симон говорит, что потом мне захотелось создать мир не спросясь, без разрешения, мне — это Софии, которая называется еще, подожди, сейчас я вспомню, ага, Эннойя. Дальше, кажется, моя мужская половина не захотела ничего создавать, наверное, струсил, а может быть даже, оказалась импотентом. Я же тогда, вместо того чтобы с ней — с ним — соединиться, захотела создать мир своими силами, ну просто удержу не было, до чего создать хотелось, это от любви, я обожаю универсум, хотя он и бестолковый. Поэтому я душа этого мира. Так говорит Симон.

— Очаровательно. Он всем бабам это говорит?

— Нет, дурачок, только мне. Потому что он понимает меня лучше чем ты. Он не стремится свести меня к собственному подобию. Он понимает, что я должна прожить свою собственную жизнь и прожить ее самостоятельно. То же касается и этой Софии, которая принялась создавать мир без вашей помощи. Ей пришлось иметь дело с первобытным материалом, и этот материал оказался очень гадкий, он не пользовался дезодорантами, ну в общем кончилось тем, что хотя она не нарочно, но у нее получился Димо.. или Демо... ну как, ты же знаешь?

— Демиург, что ли?

— Вот-вот. Я только не помнила, этого Демиурга сделала сама София или он уже был и она его уговорила, давай, дескать, пожалуйста, сотвори со мною вместе мир, увидишь, какой кайф. Демиург с удовольствием, но только он был растяпа и мир получился не совсем такой как было надо, даже совсем не такой, и ему вообще не надо было его делать, потому что материал был некачественный и его никто не уполномочивал его обрабатывать. В общем, свалили мир как попало, а мне уже деваться было некуда. Я, София, так и нахожусь в плену у этого мира.

Лоренца болтала и пила. Многие из толпы принялись медленно покачиваться где-то в середине зала, и все чаще и чаще Риккардо причаливал к Лоренце и подливал ей выпивку в бокал. Бельбо пытался удержать его, говорил, Лоренце и без того достаточно, но Риккардо смеялся и качал головой, а Лоренца злилась и утверждала, что она переносит алкоголь гораздо лучше, чем Якопо, потому что она моложе.

— О'кей, о'кей, — отступился Бельбо. — Не слушайся дедушку. Слушайся Симона. Что он тебе еще наговорил?

— Вот это, что я в плену у мира, то есть у плохих ангелов... потому что в этой истории ангелы проявили себя плохо и вместе с Демиургом обтяпали весь этот растяпистый мир... плохие ангелы держат меня в своей власти, не дают мне удалиться и они причина моего страдания. Однако встречаются среди людей те, которые способны опознать меня. Как Симон. Он говорит, что это уже происходило с ним около тысячи лет тому назад, я забыла тебе сказать,

что Симон практически бессмертен, знал бы ты, сколько он всего перевидал...

— Конечно, конечно. Только больше не пей.

— Погоди... Симон опознал меня когда-то, я работала блудницей в одном доме разврата в Тире, имя мне было Елена...

— Вот что тебе рассказывает этот тип? А ты-то вся довольна. Целую ручки милейшей шлюшке из говенного универсума... как благородный человек.

— Что до шлюх, то речь идет о Елене, а не обо мне. Кроме этого, в древние времена блудницами именовали просто-напросто эмансипированных женщин, свободных женщин, интеллигентных, которые не хотели всю жизнь провести в домохозяйках, ты ведь сам знаешь, что проститутки назывались куртизанками и держали салоны, в наши времена сказали бы зав. отдела культурных связей. Ничего общего с теми, которые обслуживают шоферов-дальнобойщиков.

На этом месте к нам снова прибил Риккардо и стал тянуть Лоренцу за руку. — Потанцуем, — приговаривал он.

Они отправились в середину зала и закачались в легком, почти снотворном колебании. Как будто отбивали ритм на невидимом барабане. Время от времени Риккардо притягивал ее к себе и жестом собственника накладывал ладонь на ее затылок, а она с закрытыми глазами подчинялась его движениям, с пылающим лицом, с закинутою навзничь головою, и волосы колыхались отвесно позади спины. Бельбо прикуривал сигарету за сигаретой.

Медленно руки Лоренцы сомкнулись вокруг Риккардо и она закружила его тягучими движениями, постепенно подводя к месту, где стоял Бельбо. Продолжая покачиваться, Лоренца взяла бокал у Бельбо из руки. Риккардо она придерживала левой, бокал находился у нее в правой руке, влажноватыми глазами она поглядывала на Якопо и похоже было, что плакала, если не улыбалась... И говорила с Бельбо.

— И знаешь? Это не один раз случилось.

— Случалось что?

— Что он встречался с Софией. Через много веков после этого Симон был Вильгельмом Постэлем...

— И встречался в постели?

— Дурак. Постэль был ученый эпохи Возрождения, умел читать по-иудейски...

— По-еврейски.

— Это дела не меняет. Читал, как будто комиксы. Прямо с листа. Так вот в одном госпитале в Венеции он увидел старую, неграмотную нянечку, такую Иоанну, и посмотрел на нее и сказал, вот я понял, это новая инкарнация Софии, Эннойи, это Великая Мать Мира сошла к нам, чтобы спасти весь наш этот мир, имеющий женственную душу. И тогда Постэль ее увел, Иоанну, и все считали его ненормальным, а он ничего, стал ее обожать, пытался освободить ее от владычества ангелов, а когда она скончалась, он глядел на солнце в течение часа и множество дней не ел и множество дней не пил, в нем обитала Иоанна, которая умерла, но как будто бы она не умирала, потому что она всегда есть, она обитает в мире, и время от времени снова отрывается, то есть как бы это сказать, воплощается... Ну что, разве не трогает до слез?

— Просто до рыданий. И тебе так сильно нравится, что ты София.

— Я и для тебя София, дурачина. До меня у тебя были кошмарные галстуки и перхоть.

Риккардо снова ухватился за ее затылок. — Могу я принять участие в вашем разговоре? — спросил он.

— Твое дело танцевать. Ты просто орудие моей похоти.

— Меня вполне устраивает.

Бельбо продолжал, как будто бы Риккардо не существовало: — Значит, ты ему блудница, ты ему феминистка по культурным связям, а он тебе Симон.

— Никакой я не Симон, — проблеял Риккардо заплетающимся языком.

— О тебе никто не говорит, — отрезал Бельбо. До тех пор я тихо мучился за него. Он, обычно такой сдержанный в любых своих проявлениях, сейчас показывал свою любовную драму на глазах у свидетеля, более того, у соперника. Но с этой самой последней реплики я понял, что, оголяя чувства на глазах у этого, — притом что настоящим соперником выступал в данный момент еще один, — он утверждает этим единственным способом, что располагает правом владеть Лоренцей.

Лоренца тем временем отвечала ему, разжившись еще одним бокалом выпивки у проходившего мимо гостя: — Ну ладно, все это понарошку. Люблю-то я тебя.

— Еще нехватало, чтоб ты меня ненавидела. Слушай, я хочу идти домой, у меня приступ гастрита. Я, наверно, все еще во владычестве низкой материи. Мне же Симон ничего не обещал. Пойдешь со мной?

— Ну давай еще немножечко тут побудем. Тут так класно. Тебе разве не нравится? И мы еще не посмотрели картины. Ты видел, что Риккардо одну картину писал с меня?

— С тебя, с тебя. Я бы с тебя вообще не слезал, — всунулся Риккардо.

— Фу, похабщина. Отойди. Я говорю с Якопо. Якопо, ну что такое, только ты играешь в интеллектуальные игры со своими знакомыми, а мне запрещается? Кто на самом деле относится ко мне как к куртизанке? Ты!

— Я, я. Я толкаю тебя в объятия почтенных старцев.

— Никаких объятий не было. Учти, что он не сатир. Тебе как раз не нравится, что он не тянет меня в постель, а считает интеллектуальным партнером.

— И светочем.

— Вот этого ты не должен был говорить. Риккардо, уведи меня и поищем чего-нибудь еще выпить.

— Нет уж, погоди, — сказал Бельбо. — Сейчас ты мне объяснишь, правда ли ты приняла его всерьез, а я подумаю, совсем ты сошла с ума или еще не до конца. И перестань пить столько. Ты приняла его всерьез?

— Но милый, я же говорю, это у нас игра. Самое интересное в этой истории, что когда София понимает, кто есть она, она освобождается от тирании ангелов, чтобы двигаться куда хочет и быть свободной от греха...

— А, ты перестала грешить?

— Умоляю, передумай, — промурлыкал Риккардо, целомудренно целуя ее в лоб.

— Наоборот, — отвечала она снова Бельбо, не обращая внимания на художника, — все такое, что ты думаешь, это вовсе не грех, и можно делать все что угодно, чтобы освободиться от плоти и попасть на ту сторону добра и зла.

Она ткнула в бок Риккардо и отпихнула от себя. И громко выкрикнула: — Я София, и чтобы освободиться от анге-

лов, я должна прострять... простирать... распрострять свой опыт на все разряды греха, в том числе самые изысканные!

Легонько покачиваясь, она направилась в угол, где сидела девица в черном одеянии с подрисованными глазами и безумно бледная. Лоренца вывела девицу на середину зала и они принялись извиваться, прижавшись животами, повесив руки по сторонам тела. — Я и тебя могу любить, — говорила Лоренца, целуя ее в губы.

Народ выстроился полукругом, все слегка возбудились, слышались какие-то выкрики. Бельбо сидел неподвижно и наблюдал за происходящим с видом финдиректора, пришедшего на репетицию. При этом он был мокрый от пота и у него прыгал угол левого глаза — тик, которого до тех пор я не замечал. Внезапно — с тех пор как начался танец, прошло не менее пяти минут, причем пантомима становилась все похотливее, — он отчетливо произнес: — Прекрати немедленно.

Лоренца замерла, раздвинула ноги, вытянула вперед руки и выкрикнула: — Я есмь великая блудница и святая!

— Ты есть великая дрянь, — ответил Бельбо, поднялся, сдал руку Лоренцы за запястье и повел ее к выходу из галереи.

— Не смей, — бушевала она. — Кто тебе позволил... — И тут же расплакалась, обняв его за шею: — Миленький, я София, твоя половина, не сердись на меня за это...

Бельбо нежно обхватил ее за плечи, поцеловал в висок, пригладил ей волосы и сказал в направлении зала: — Простите ее, она не привыкла много пить.

Раздались новые смешки. Думаю, Бельбо тоже их слышал. Тут он встретился со мною глазами, так что сказанное им могло в равной степени предназначаться и мне, и остальным, а может быть, просто самому себе. Он сказал это почти шепотом, себе под нос, когда внимание к их персонам стало явно ослабевать.

Все еще обнимая Лоренцу, он повернулся на три четверти к залу и произнес медленно, как самое естественное в данных обстоятельствах: — Кукареку¹.

¹ Крик отчаяния главного героя в романе Г. Манна "Учитель Гнус".

Когда же Каббалистический Мозг
 желает сообщить тебе что-то,
 не думай, что он говорит пустое, вздорное, суетное;
 но тайну, но оракул...

Томазо Гарцони,
Театр многообразных и всяких мирских мозгов.
 Tomaso Garzoni,
Il Teatro de vari e diversi cervelli mondani,
 Venezia, Zanfretti, 1583, discorso XXXVI

51

Иконографический материал, собранный в Милане и Париже, нуждался в дополнениях. Господин Гарамон утвердил мою командировку в Мюнхен, в Дейчес Музеум.

Несколько вечеров я просидел в кабачках Швабинга — в этих громадных подземных криптах, где музыканты пожилые, с усами, в коротких кожаных шароварах, и любовники переглядываются сквозь дым, напитанный запахами свинины, над литровыми кружками пива, парочки втиснуты рядами за бесконечные столы. Днем же я сидел над своим каталогом репродукций. Иногда я выбирался из архивного зала, чтобы побродить по музею, где воспроизведено все, что человеческий гений изобрел или мог бы изобрести, нажми только кнопку, и внутри нефтяных диорам насосы приходят в движение, заходи в настоящую субмарину, вращай сколько хочешь планеты, играй в образование кислот, в ядерную реакцию — это тот же Консерваторий, но меньше готики, больше футурологии, и все забито шумливыми пятиклассниками, которых с детства учат уважать инженеров.

В Дейчес Музеум можно также досконально уяснить себе горное дело. Спускаешься по лестнице и попадаешь в шахту, состоящую из выработок, подъемников для людей и лошадей, перепутанных туннелей, по которым с натугой проползают (надеюсь, сделанные из воска) изнуренные эксплуатируемые подростки. Среди мрачных нескончаемых коридоров тут и там спотыкаешься на самом обрыве бездонных колодцев, озноб страха пронизывает до костей, почти что чувствуется носом рудничный газ.

Я блуждал по второстепенной галерее, разуверившись

уж когда-либо вновь узреть лучи дневного светила, как вдруг заметил, перевесившись через край пропасти, некоего знакомого персонажа. Лицо его было мне чем-то известно, с его серостью и с морщинами, с сединой, с совиностью век, но я смутно ощущал: есть что-то неестественное в платье, как если бы это лицо я привык видеть над форменною одеждой, как когда встречаешься со священником в штатском или с капуцином без бороды. Он ответил мне пристальным взором и тоже заколебался. Как бывает в таких случаях, последовала перестрелка быстролетными взглядами, наконец он взял быка за рога и поздоровался по-итальянски. Внезапно мне удалось мысленно вернуть его в привычный костюм. Он должен был быть окутан длиннейшим желтоватым саваном. Тогда получался настоящий господин Салон — А. Салон, таксидермист. Его мастерская соседствовала дверью с моим офисом, в коридоре бывшей фабрики, где я трудился детективом от культуры. О йес! Мы неоднократно встречались на лестнице и обменивались полуприветствиями.

— Забавно, — сказал он, протягивая руку. — Мы жильцы одного дома, а представляемся друг другу в недрах подпочвы, за тысячу миль от нашего местожительства.

Последовала светская беседа. У меня сложилось впечатление, что Салон хорошо знает, чем я занимаюсь, что, по правде сказать, немало, учитывая, что это было не слишком известно и мне самому. — Что это вы в музее техники? Ваше издательство интересуется более духовными материями, если не ошибаюсь.

— Откуда такая осведомленность?

— О, — отмахнулся он, — люди рассказывают, у меня бывает столько посетителей...

— А что, много клиентов у чучельщиков, простите, у бальзамировщиков?

— Препорядочно. Редкая профессия. Ну и спрос высокий, заказчиков полным-полно, в самом разном роде. От музеев до частных коллекционеров.

— Не так часто стоят в обычных домах чучела, — сказал я.

— Не часто? Ну, зависит от того, в каких домах вы бываете... И в каких подвалах.

— А что, звериные чучела держат в подвалах?

— Многие держат. Не все экспозиции рассчитаны на солнечный свет. Или на лунный... Я таким клиентам не доверяю, но работа есть работа. Я не доверяю подземельям.

— Поэтому я вас вижу в шахте?

— Врага надо знать в лицо. Я не люблю подземелий, но их изучаю. Не так уж много возможностей в этом плане. Катакомбы в Риме, вы скажете. Нет, в них нет тайны, там полно туристов, все контролирует церковь. Другое дело канализация Парижа... Вы в ней не бывали? По понедельникам, средам и в последнюю субботу каждого месяца там бывают экскурсии, вход от моста д'Альма. Но и это в общем туристское мероприятие. Конечно, в том же Париже имеются и катакомбы, и подземные каменоломни. Не говоря уж о метро. Вы когда-нибудь были в доме номер 145 по рю Лафайет?

— Признаюсь, не бывал.

— Это не самый посещаемый район, между Гар де л'Эст и Гар дю Нор, Восточным и Северным вокзалами. Здание на первый взгляд обыкновенное. Только присмотревшись, обнаруживается, что ворота сделаны под деревянные, а на самом деле выполнены из раскрашенного железа. За теми окнами пустота, причем не одно столетие. Там никогда не горит свет. Однако люди идут мимо и ничего не знают.

— Чего не знают?

— Что этот дом фальшивый. Он только фасад, оболочка, там нет ни крыши, ни внутренних переборок. Пустота. Выхлопная труба. Служит для вентилирования и отвода паров из ближайшей станции метро. Как только вы поймете это, у вас появляется ощущение, будто вы стоите у жерла ада, что если бы только вам удалось проникнуть за фальшивые стены, вы получили бы доступ к подземному Парижу. Бывало, я проводил долгие, долгие часы напротив этих ворот, которые прикрывают врата врат, отправную станцию путешествия к центру земли. Зачем, как вы думаете, понадобилось его выстроить, этот дом?

— Чтобы вентилировать метро, вы сказали?

— Хватило бы простых отдушин. Нет, именно подобные вещи укрепляют мои подозрения. Вы меня понимаете?

Он говорил о темноте, а сам весь светился. Я спросил, в чем же таком подозреваются подземелья.

— Да потому, что если Верховники Мира существуют, им негде находиться, кроме как под землю, это истина, которую многие угадывают, но немногие решаются выразить. Может быть, единственный, кто осмелился высказать это открытым текстом, был Сент-Ив д'Алвейдре. Знаете его?

Я, скорее всего, встречал это имя в каком-то из сочинений одержимцев, но подробностей не помнил.

— Это тот, который говорит нам об Агарте, подземной резиденции Царя мира, оккультном центре Синархии, — сказал Салон. — Он ничего не опасался, он верил в себя. Однако все, кто стал его открытыми последователями, были уничтожены за то, что чересчур много знали.

Мы двигались вдоль галереи, а господин Салон все говорил и говорил мне, рассеянно поглядывая по сторонам, скользя глазами по ответвляющимся коридорам, по устьям неожиданных скважин, как будто он выискивал в темноте подтверждение своих догадок.

— Вы когда-либо задавались вопросом, почему все крупнейшие столицы в прошлом веке поспешили прокопать метрополитены?

— Чтоб решить проблемы с транспортом. Зачем иначе?

— Когда не существовало автомобильного движения и все ездили в экипажах? От человека вашего ума я рассчитывал услышать что-нибудь поинтереснее!

— А у вас есть объяснение интереснее?

— Может, и есть, — ответил Салон, мне показалось, с задумчивым, почти отсутствующим видом. Это, видимо, был сигнал к прекращению беседы. И точно, через минуту он заявил, что должен идти по делам. После чего, пожимая мне руку, задержался еще на секунду, как во власти внезапного воспоминания: — А кстати, этот вот полковник... как его звали, который несколько лет назад приходил в "Гарамон" говорить вам о сокровище тамплиеров? Вы о нем ничего не слышали?

Я ощутил как удар бичом от столь бесцеремонного хвастовства сведениями, которые считал сверхсекретными. Я даже не спросил, откуда ему известно, — до того испугал-

ся. Только ответил безразличным голосом: — О, какая старая история, я о ней вообще забыл. А кстати: почему вы сказали “кстати”?

— Я сказал “кстати”? Ах да, конечно, мне казалось, что он отыскал что-то там в пещере...

— Откуда вы знаете?

— Не знаю. Не помню кто рассказывал мне об этом. Кто-то из клиентов. Но у меня откладывается в памяти все, что связано с подземельями. Причуды старика. Благополучно оставаться.

Он ушел, а я остался размышлять о значении этой встречи.

В некоторых областях Гималаев,
в числе двадцати двух храмов,
отображающих двадцать две тайны Гермеса
и двадцать две литеры некоторых
сакральных алфавитов, Агарта образует Мистический Ноль,
ненаходимый/.../ Колоссальная шахматная доска,
которая простирается под землею,
под всеми почти областями земного шара.

Сент-Ив д'Алвейдре, *Миссия Индии в Европе.*
Saint-Yves d'Alveydre, Mission de l'Inde en Europe,
Paris, Calmann Lévy, 1886, p. 54, 65

52

Несколько предположений на этот счет выдвинули и Бельбо с Диоталлеви. Гипотеза первая: Салон, сплетник и пустослов, возбуждающийся от намека на таинственность, в свое время был знаком с Арденти, и все тут. Или же: Салон что-то знал о судьбе Арденти и работал на тех, кто его убрал. Третья гипотеза: Салон — это информатор полиции.

Потом нас одолели всякие одержимцы, и Салон слился с ему подобными.

Прошло несколько дней, и в контору к нам зашел Алье по поводу некоторых рукописей, бывших у него на отзыве. Судил он блистательно: точно и профессионально. Будучи человеком умным, он мгновенно уяснил двойную бухгалтерию “Гарамон” — “Мануций”, и мы перестали чтобы то ни было от него скрывать. Теперь он работал в нашем контексте. Испепелив автора двумя-тремя смертельными репликами, он цинично заключал, что для “Мануция” работа выглядит вполне приемлемой.

Я спросил его об Агарте и о Сент-Иве д'Алвейдре.

— Сент-Ив д'Алвейдре... — протянул он. — Забавная личность, не стану спорить, он с молодости общался с последователями Фабра д'Оливе. Скромный клерк в министерстве внутренних дел, но какое тщеславие... Мы, конечно, не могли одобрить его женитьбу на Мари-Виктуар... — Алье, конечно, не устоял перед соблазном перейти на рассказ от первого лица.

— Кто это, Мари-Виктуар? Обожаю сплетни, — подбросил дровишек в огонь Бельбо.

— Мари-Виктуар де Ризнич, она была очень хороша в годы, когда к ней благоволила императрица Евгения. Но когда она встретилась с Сент-Ивом, ей было уже за пятьдесят, а ему — только тридцать. Для нее мезальянс, натурально. Не только; но еще и чтобы дать ему титул, ей пришлось приобрести не помню уж где имение, принадлежавшее некогда маркизам д'Алвейдре. С тех пор наш красавчик мог похвалиться титулом, а по Парижу загуляли куплеты про жиголо. Обеспеченный пожизненной рентой, он целиком предался своему коньку. Ему втемяшилось в голову создать политическую формулу, на которой было бы основано самое совершенное общество. Синархия, противоположность анархии. Объединенная Европа, управляемая тремя европейскими советами, экономическим, законодательным и ответственным за гуманитарную сферу, то есть за религию и за науку. Просвещенная олигархия, которая свела бы на нет классовую борьбу. Мы слышали теории и похуже.

— А Агарта?

— Он рассказывал, будто в один прекрасный день его посетил таинственный афганец по имени Хаджи Шарипф, который, заметим, не мог быть афганцем, потому что это имя албанское, и открыл ему тайну местоположения Царей Мира — впрочем, сам Сент-Ив не употреблял этого выражения, это уже его последователи. Он же говорил: “Агарта”, “Ненаходимое”.

— Где говорил?

— В своем сочинении “Миссия Индии в Европе”. Она довольно сильно повлияла на современную политическую мысль. В Агарте есть подземные города, а под городами, еще ближе к центру земли, пребывают пять тысяч пандитов, которые управляют страной, — разумеется, цифра пять тысяч восходит к герметическим корням ведийского языка, как вы уже сами догадались... Каждый корень являет собой магическую иерограмму, связанную с некоей небесной потенцией и с санкцией некой потенции ада... Центральный купол Агарты озаряется чем-то вроде зеркал, которые пропускают лучи через энгармоническую гамму цветов, в то время как солнечный спектр обыкновенных учебников фи-

зики строится на простейшей диатонической гамме... Мудрецы Агарты изучают все сакральные языки, чтобы усвоить всеобщий язык, Ваттан. Подступаясь к тайнам чересчур глубоким, они воспаряют вверх и раздробили бы свои головы о купол, если бы собратья не удерживали их. Они изготавливают молнии, направляют циклические течения межполярных и межтропических приливов, регулируют интерференциальные деривации на разных географических широтах и высотах земли. Они отбирают виды, и ими созданы твари хотя и мелкие, однако невиданных психических достоинств, с панцирем черепахи и с желтым крестом на этом панцире, у них по одному глазу и по одной пасти на каждой конечности. Многоногие твари, способные продвигаться в любом направлении. В Агарту, по всей вероятности, укрылись тамплиеры в годы рассеяния, и оттуда ими осуществляется контролирование. Продолжать дальше?

— Но... он это всерьез? — спросил я.

— Думаю, что он принимал все это буквально. Сперва мы все считали его ненормальным, потом решили для себя, что в подобном визионерском преломлении он отобразил идею оккультного управления историей. Ведь говорят же, что история — это загадка, бессмысленная и кровавая? Но это неправильно, смысл в ней обязан быть. Обязан быть некий Разум. Поэтому люди не легкомысленные создали для себя, в ходе столетий, образы неких Старшин, или же Царей Мира, может быть, и не имеющих физического воплощения, может быть, они только функция, коллективная роль, периодическое воплощение некоего Постоянного Намерения. С которым несомненно были связаны исчезнувшие великие ордена священства и рыцарства.

— Вы в это верите? — спросил Бельбо.

— И более уравновешенные люди, чем Сент-Ив, ищут Непознанных Верховников.

— И находят?

Алье добродушно посмеялся и ответил: — Какие же они Непознанные, если дадут познавать себя кому попало? Господа, у нас полным-полно работы. Мы еще не обсудили одну рукопись, это как раз трактат о секретных обществах.

— Стоящий? — спросил Бельбо.

— Как бы не так. Но для “Мануция” сгодится.

Не имея возможности открыто направлять земные судьбы, потому что правительства воспротивились бы, эта тайная ассоциация может действовать только через секретные общества... Эти секретные общества, создаваемые по мере того как в них появляется необходимость, разделены на группы, несхожие и с виду противоположные, исповедующие временами взаимопротиворечащие мнения, чтобы контролировать, каждую отдельно и пользуясь абсолютным доверием, все совокупно религиозные, политические, экономические и литературные партии, и все они подчиняются тайному центру, и получают указания от секретного центра, в котором находится мощный механизм, способный таким образом невидимо управлять судьбами земли.

Ж. М. Хёне-Вронский, цит. в: П. Седир,
История и учение розенкрейцеров.
J. M. Hoene-Wronski, cit. da P. Sédir,
Histoire et doctrine des Rose-Croix, Rouen, 1932

53

Однажды я увидел господина Салона на пороге мастерской. Внезапно и совершенно дико меня пронизала мысль: вот сейчас он ухнет, как филин. Он приветствовал меня с видом близкого друга и спросил, как дела там у нас. Я неопределенно кивнул, ослабилась и пробежал к себе.

Меня снова разбудоражили думы об Агарте. В таком виде как их преподнес нам Алье, идеи Сент-Ива могли показаться соблазнительными какому-нибудь одержимцу, но ничего тревожащего не было в них. А вот в словах и в лице Салона в день мюнхенской беседы определенно было что-то беспокойное, и мне передалось это чувство.

Так что после работы я решил заскочить в библиотеку и посмотреть эту самую "Миссию".

В каталожном зале и на заказах была толпа, как всегда. Я сразился за нужный мне ящик, покопался в нем, заполнил требование и отдал его на стойку. Там мне сказали, что книга на руках, с традиционным в таких случаях библиотечным злорадством. Я опечалился, но вдруг над ухом слышался голос: — Да здесь она, я ее только что сдал. — Я обернулся. Передо мной был комиссар Де Анджелис.

Я узнал его, а он меня — я сказал бы, как-то подозрительно легко. Я-то сталкивался с ним в обстоятельствах

для меня экстраординарных, а он меня видел полчаса в ситуации самого рядового сбора показаний. Кроме того, во времена Арденти я носил реденькую бороду, и волосы были гораздо длиннее. Ну и глаз у комиссара.

Что же, он наблюдает за мною с самого моего возвращения? Или он спец по физиогномике, в полиции их тренируют на внимание, чтоб запоминали лица, имена...

— Господин Казобон? И читаем мы одно и то же!

Я протянул ему руку: — Ныне можете звать меня доктор. А я могу подать документы на конкурс в полицию, как вы мне в свое время советовали, и тоже начну выхватывать книги из-под носа у штатских.

— Неправда, тут как в спорте. Я прибежал первым. Не горюйте, скоро книга придет на место и вам ее выдадут. А пока что позвольте пригласить вас на чашку кофе.

Угощение от полиции меня смутило, но отказаться было бы уж очень грубо. Мы уселись в ближайшем баре. Он спросил меня, откуда интерес к индийской миссии, и мне ужасно захотелось ответить встречным вопросом: а у него откуда? — но я решил сначала защитить тылы. Я сказал, что продолжаю потихоньку разрабатывать тамплиерскую тему. А тамплиеры, согласно фон Эшенбаху, спаслись из Европы в Индию, а согласно кое-кому еще, спаслись потом в царство Агарту. Теперь можно было осторожно открываться. — Скорее странно, с какого боку это интересуется вас.

— А как же, — отвечал он весело. — Как вы посоветовали мне книгу о тамплиерах, так я и стал понемногу любопытствовать в этом духе, а вы только что прекрасно объяснили, что от тамплиеров до Агарты один шаг.

Он меня переиграл. Ох. Но, слава богу, тут же прибавил: — Шучу, шучу. Я искал эту книгу по другой причине. Потому что... — и заколебался. — В общем, в нерабочее время я хожу в библиотеку. Чтобы не превратиться в робота или чтоб не остаться чурбаном в погонах, выбирайте из двух выражений, которое больше нравится... Расскажите лучше о себе.

Я коротенько изложил автобиографию, невероятные металлы включительно.

Он спросил: — Но в этом вашем издательстве, или в его филиале, выпускают и книги на оккультные темы?

Откуда он знал о “Мануции”? Сведения, подобранные, когда его интересовал Бельбо, несколько лет назад? Или он все еще идет по следу Арденти?

— При таком количестве типчиков вроде Арденти, которые околачивались в “Гарамоне”, а “Гарамон” их пытался перепихнуть в “Мануция”, — сказал я, — господину Гарамону пришлось в голову сыграть на их сумасшествии. Кажется, это окупается. Если вас интересуют личности вроде старого полковника, там их пруд пруди.

Он ответил: — Да. Но Арденти пропал. Надеюсь, остальные на месте.

— Пока да. Чтобы не сказать “увы, да”. Знаете, комиссар, ужасно хочется задать вам один вопрос. Думаю, при вашей профессии пропавшие без вести, или еще хуже того, попадают к вам ежедневно. Вы всем им уделяете такое... значительное время?

Он посмотрел на меня с лукавством. — А почему вы считаете, что я до сих пор уделяю время полковнику Арденти?

Что же, отбил прекрасно. Но если я буду поактивнее, ему ничего не останется кроме как открыть карты. — Бросьте, комиссар, — сказал я тогда. — Вы знаете все о “Гарамоне” и “Мануции”, вы идете в библиотеку за книгой про Агарту...

— А что, разве от Арденти вы что-то слышали про Агарту?

Опять касание. И действительно, Арденти говорил нам, в частности, про Агарту, если я правильно помню. Я удачно выкрутился: — Нет, но что-то плел про тамплиеров, если помните.

— Помню, — кивнул он. Потом добавил: — Но вы не должны представлять себе так, что мы занимаемся одним делом вплоть до победного конца. Так бывает только в телефильмах. В действительности же полицейский как зубной врач, пришел пациент, поковырялся в его зубе, он ушел с билетиком на следующую неделю, тем временем появилась сотня новых. Такой случай, как с этим полковником, может находиться в архиве пусть даже и десять лет, но потом при расследовании другого дела, снимая показания с совершенно случайного человека, вдруг выходит наружу

след, хлопок, мгновенно представилось все по-другому, после этого начинаешь решать задачку. Потом новый хлопок. Или никакого хлопа, и дело возвращается в архив.

— Какой же хлопок в этом смысле случился недавно?

— Вам не кажется, что такие вопросы не задают? Ничего, ничего, у меня нет секретов. Полковник выплыл совершенно неожиданно, мы держали под колпаком одного типа по абсолютно другому поводу, и заметили, что он посещает “Пикатрикс”, вы, наверно, слышали об этом клубе...

— Я слышал о журнале, о клубе почти ничего. Чем они занимаются?

— Да ничем, ничем, довольно спокойное место, немножко они все чокнутые, но ничего особенного. Однако я сразу вспомнил, что у них толочся и Арденти. Вся наша профессиональность состоит в таких вещах. Вспоминать, где ты слышал имя или видел лицо, даже по прошествии десяти лет. Тогда я заинтересовался, чем сейчас занимаются в “Гарамоне”. Вот и все.

— А какое отношение клуб “Пикатрикс” имеет к политической полиции?

— Не сомневаюсь, что слышу голос незапятнанной совести, но любопытничаете вы подозрительно.

— Вы же сами позвали меня пить с вами кофе.

— Это правда, к тому же у нас обоих неслужебное время. Я вам отвечу. До определенной степени в этом нашем мире все состыкуется со всем. — Бесценная герметическая философия, хихикнул я про себя. Но он продолжал: — То есть я не хотел бы утверждать, что пикатриксовцы замешаны в политике, но знаете ли... Раньше мы искали краснобригадников в коммунах, а чернбригадников в спортзалах, теперь легко может оказаться все наоборот. Странно стало в мире. Честное слово, десять лет назад работать было проще. Сейчас даже среди идеологий уже нет религии. Сколько раз я мечтал перейти в отдел наркотиков. Там хотя бы, кто торгует героином, не философствует. Там у людей устоявшаяся система ценностей.

Он помолчал еще немного с тем же нерешительным видом. Затем вытащил из кармана записную книжку размером с поминальник. — Послушайте, Казобон, вы по работе все время встречаете странных людей. Читаете еще

более странные книги. Можете помочь мне? Что вы знаете о синархии?

— Ох, вот тут вы меня подловили. Да почти ничего. Слышал этот термин в связи с Сент-Ивом, и все.

— Но что о ней вообще говорят?

— Если о ней вообще и говорят, то в мое отсутствие. Почестному, мне в ней видится что-то фашистское.

— Попали прямо в точку, многие из тезисов синархии на вооружении в “Аксон Франсэз”. Но если бы на этом все кончалось, я был бы на коне. Как вижу группу, прославляющую синархию, — имею для нее политическое определение. Но плохо то, что стоит углубиться в материал, натыкаешься, например, на следующее. Примерно в 1929 году некие Вивиан Посталь дю Маз и Жанна Канудо основывают группу “Полярис”, которая вдохновляется мифом о Царе мира, а затем предлагают синархический прожект: социальные службы против капиталистической прибыли, изжитие классово́й борьбы при помощи кооперативного движения... Это кажется социализмом фабианского толка, нереволуционна́я социалистическая теория в духе лейбористских убеждений. И действительно, и “Полярис” и фабиане обвиняются в том, что они эмиссары синархического заговора, возглавляемого евреями. И кто же их обвиняет? “Ревю насьональ де сосьете секрет”, журнал, обличающий юдомасонобольшеви́стские козни. Многие его сотрудники связаны с интегристской правой организацией повышенной секретности — “Ля Сапиньер”. Они утверждают, что все политические революционны́е объединения не что иное как маскировка дьявольского ига, идеологом которого выступает оккультный комитет. Вы могли бы сказать, конечно: ну раз так, мы просто ошиблись. Сент-Ив в конечном итоге сделался идейным предтечей реформистских групп, а правые, как им свойственно, валят все в одну кучу и расценивают все эти группы как филиации демо-плуто-социал-иудейского толка. Что же, и Муссолини занимался тем же. Но откуда берутся разговоры об оккультной подоплеке? На основании того немногого, что мне видно, “Пикаатрикс” довольно-таки далек от рабоче-крестьянского движения.

— Мне тоже думается так, о Сократ. Что из этого следует?

— За сократа мерси, но поймите, в самом деле чем больше я читаю, тем больше путается в голове. В сороковые годы рождались самые разные группы, которые именовали себя синархистами, и рассуждали о новом европейском порядке, под руководством правительства мудрейших мужей, стоящих вне каких-либо партий. К чему тяготеют все эти группы? К среде коллаборационистов Виши. Тогда, скажете вы, мы опять все перепутали, синархия — это правые. Стоп! Читаешь, читаешь, и убеждаешься, что только в одном отношении все согласны между собой: что синархия существует и таинственно управляет миром. Однако и тут выплывает некое “но”.

— Что же это за “но”?

— Но 24 января 1937 года Дмитрий Навашин, масон и мартинист (что такое мартинист, я не знаю, но по-моему, какая-то тайная секта), экономический советник Народного фронта, бывший директор одного московского банка, гибнет от руки тайной “Организации революционного и национального действия”, в просторечии известной под именем “Ля Кагуль”, финансируемой Муссолини. Объясняется это тем, что Кагуль-де подчиняется некоей секретной синархии, и Навашин убит ею за то, что осмелился проникнуть в ее секреты. Один документ, вышедший из левой политической среды, во время немецкой оккупации, изобличает некий Синархический Имперский Договор как причину поражения Франции, а Договор этот якобы является порождением латинского фашизма португальского типа. Однако потом оказывается, что Договор составлен Дю Маз и Канудо и содержит те самые идеи, которые они распространяли и пропагандировали направо и налево. Ничего тайного в этих идеях нет. Тем не менее они же, на этот раз в качестве сверхсекретных, возникают в 1946 году в сочинении “Синархия, панорама 25-ти лет оккультной борьбы” мсье Юссона, который развенчивает синархический революционный сговор левых и подписывается, погодите, где-то тут у меня это сказано... вот. Жоффруа де Шарнэ.

— А это уж вообще, — сказал я. — Де Шарнэ, это товарищ Молэ, гроссмейстера храмовников. Их сожгли в один день. Здесь, значит, у нас неотамплиер, критикующий си-

нархию с правых позиций. Но ведь синархия-то рождается в Агарте, то есть в убежище тамплиеров!

— А я что говорил? Вот видите, вы мне подбросили еще один элемент. К сожалению, он только усугубляет путаницу. Это значит, что правые критикуют Синархический Имперский Договор, социалистический и тайный, который на самом деле тайным не является, но тот же самый тайный синархический договор, как мы видели, критикуется и слева. Новая интерпретация: синархия, это иезуитский заговор с целью свержения Третьей республики. Эта интерпретация принадлежит Роже Менневе, из лагеря левых. Чтобы мне жилось еще спокойнее, вот кое-какие выписки. В 1943 году в военных кругах правительства Виши, петенистских, но антинемецких, распространяются документы, свидетельствующие о том, что синархия — это нацистский комплот. Гитлер, это розенкрейцер, вдохновляемый масонами, которые, как вы сами видите, без труда переходят от юдобольшевистского заговора к немецки-имперскому.

— И этим все объясняется.

— Хорошо бы. Однако вот еще одна трактовка. Синархия — это соглашение международных технократов. Так говорит в 1960 году некий Вилльмаре, в книге “14-й заговор 13-го мая”. Техно-синархический заговор ставит своей целью дестабилизацию правительств, а для этой цели вызывает войны, поддерживает и инспирирует государственные перевороты, вызывает расколы внутри политических партий, провоцируя образование внутренних течений и ересей... Этих синархов вы узнаете?

— Господи, это ИСК, Империалистический Союз Концернов, так о нем говорили Красные бригады несколько лет тому назад!

— Ответ на пятерку! А теперь, что должен делать комиссар Де Анджелис, когда он слышит о связях чего бы то ни было с синархией? Я спрашиваю у доктора Казобона, специалиста по тамплиерам.

— Специалист Казобон ответит, что существует тайное общество с филиалами во всем мире, которое плетет свои сети с целью распространения слуха, будто существует всемирный заговор.

— Вот вы шутите, а я...

— Я совершенно не шучу. Пойдите почитайте рукописи, которые приносят к нам в издательство. Если же вас интересует объяснение более примитивное, могу напомнить анекдот о зайке, которого не брали работать на радио за то, что он не член партии. Нужно же приписывать кому-то свои провалы, диктатурам требуется внешний враг, чтобы сплачивать подданных. Как говорил кто не помню, для каждой сложной проблемы имеется простое решение, и это решение неправильное.

— И если я найду в вагоне поезда бомбу, обернутую в плакат, изобличающий синархию, я удовлетворюсь ответом, что речь идет о простом решении сложной проблемы?

— А что, вы находили бомбы с плакатами... Извините. Это действительно не мое дело. Хотя зачем тогда вы мне об этом говорите?

— Потому что надеюсь, что вы знаете больше моего. Потому что, наверное, для меня утешительно видеть, что и вы в этом не сечете. Вы говорите, что приходится читать слишком много психов и вам кажется это потерей времени. Мне так не кажется, для меня сочинения ваших сумасшедших... “ваших” относится ко всем обычным людям... могут служить важным материалом. Может быть, сочинение сумасшедшего объяснит мне, какова логика тех, кто подкладывает бомбы в поезд. Или вы боитесь стать информатором полиции?

— Нет, честное слово, не боюсь. В конце концов, искать идеи в каталогах — мое ремесло. Если мне что-то для вас попадет, я просигнализирую.

Вставая, он обронил свой последний вопрос: — А среди этих рукописей... вам ничего не попадалось о Трис?

— Трис? Что это значит?

— Не знаю. Не то ассоциация, не то секта, понятия не имею даже, существует ли она на самом деле. Я о ней слышал, и мне сейчас припомнилось по ассоциации с вашими ненормальными. Передайте привет вашему другу Бельбо. Передайте ему, что я за вами не шпионю. Просто у меня противная работа, и, к сожалению, она мне нравится.

Топая домой, я судил и рядил, кто же из нас вышел победителем. Он мне рассказал множество всего, я ему ниче-

го не открыл. Если уж совсем сходить с ума, можно предположить, что он выудил что-то совершенно нечувствительно для меня. Но так запросто можно заработать себе что-то вроде психоза синархического заговора.

Когда я рассказал об этом случае Лии, она сказала:

— По-моему, он был вполне искренен. Просто хотел выговориться. Ты думаешь, у него в полиции много таких, кто в состоянии поддержать разговор, была ли Жанна Канудо левой или правой? Комиссар просто хотел понять, в нем ли дело, он ли не понимает, или дело в том, что это дело действительно слишком трудное. А ты не смог ответить ему единственно правильным образом.

— А что, есть правильный ответ?

— Конечно. Что и понимать нечего. Что синархия, это Бог.

— Бог?

— Бог. Человечество не выносит мысли, что наш мир получился случайно, по ошибке, потому что четыре обезумевших атома столкнулись в дождь на автостраде. Значит, надо объяснять мир через космический заговор, Бога, ангелов и дьяволов. Синархия выполняет ту же самую функцию на несколько суженном поле.

— Значит, я должен был сказать ему, что люди подкладывают в поезда бомбы из-за того, что ищут Бога?

— Я считаю, да.

Князь ада — джентльмен.

Шекспир, *Король Лир*, III, IV, 140

54

Это случилось осенью. Я зашел на улицу Маркиза Гуальди за подписью господина Гарамона на заказе слайдов за границей. Краем глаза я заметил, что у госпожи Грации сидит Алье и роется в каталоге авторов “Мануция”. Я не стал с ним здороваться, потому что и без того опаздывал.

Покончив с техническими проблемами, я спросил у Гарамона, чем занят Алье в кабинете секретарши.

— О, это гений, — отвечал Гарамон. — Что за тонкость, что за эрудиция. Позавчера мы с ним ходили ужинать с авторами, и наша сторона выглядела великолепно! Беседа! Стиль! Джентльмен старой складки, настоящий аристократ, таких теперь не делают. Что за ученость, что за культура, скажу сильнее, что за информированность. Он рассказывал дивные анекдоты про исторических особ, и хотя они жили более сотни лет назад, клянусь вам, было впечатление, будто он лично знал их всех. И знаете, какую он мне подал идею по пути домой? Он с первого взгляда проник в самую душу наших приглашенных, клянусь, он раскусил их лучше, чем я! Он сказал, что не следует дожидаться, покуда авторы для “Изиды без покрывал” найдутся сами. Потеря времени, читка рукописей, и никогда не знаешь, пожелают ли они потом платить за издание. В то время как у нас есть золотые россыпи, стоит только их разработать! Картотека авторов “Мануция” за последние двадцать лет! Понимаете теперь? Мы пишем нашим драгоценным, славным и проверенным сочинителям, или хотя бы тем, кто согласился выкупить свой залежавшийся тираж со склада, мы пишем следующее: глубокоуважаемый, знаете, что мы начинаем издавать серию о знании и традициях высочайшей духовности? Столь утонченный литератор, как вы, не хочет ли испробовать силы на неизведанных поприщах, потягаться с трудностями и так далее и так далее. Ну гений, просто гений, что я вам могу сказать. Ка-

жется, он всех нас приглашает в это воскресенье в какой-то замок, или дворец, более того, на замечательную виллу где-то возле Турина. Как я понял, намечается невообразимая программа, какой-то ритуал, церемония, шабаш, будут фабриковать золото, специально приглашены золотари, или кто-то в этом духе. Этот мир нами недостаточно изучен, дорогой Казобон, при всем уважении к тем научным занятиям, которым вы посвящаете всего себя с подлинной страстью, напротив, я весьма доволен нашим с вами сотрудничеством, — знаю, знаю, ожидается та небольшая экономическая поправка, о которой вы недавно мне напомнили, я нисколько не забыл, в свое время мы с вами все это детально обсудим. Алье сказал, что должна быть и та синьора, красивая синьора, если и не идеально красивая, но в ней есть стиль, что-то такое во взгляде, — эта приятельница Бельбо, как ее...

— Лоренца Пеллегрини.

— Наверное. У нее что-то с нашим другом Бельбо, не правда ли?

— Они дружат.

— А! Вот ответ настоящего джентльмена. Молодец Казобон. Но я ведь не от любопытства, я ведь всем вам в какой-то степени как отец и... опустим, *à la guerre comme à la guerre...* Ступайте, мой милый.

У нас действительно была назначена встреча с Алье в горах около Турина, подтвердил Бельбо. Программа двойная. Первая часть вечера — праздник в помещении замка, принадлежащего одному состоятельному последователю розенкрейцеров. После этого Алье приглашает нас в лес, за несколько километров от замка, где намечен, разумеется на полночь, друидический ритуал, о подробностях которого он не распространялся.

— Но я вот что еще думал, — добавил Бельбо. — Нам надо бы заняться невероятными приключениями металлов. А здесь нас все время дергают. Почему бы нам не выехать накануне и не провести уик-энд в моем старом доме в ***? Там довольно мило, вы увидите, хорошие горы. Диоталлеви уже согласился, может быть, поедет и Лоренца. Разумеется, приезжайте с кем хотите.

Он не был знаком с Лией, хотя знал, что у меня кто-то есть. Я сказал, что буду один. За несколько дней до того мы с Лией поссорились. Повод был глупый и действительно все рассосалось за неделю, но именно в ту минуту мне хотелось смыться из Милана на пару дней.

Таким образом мы появились в *** — гарамоновская троица плюс прекрасная Лоренца. В момент отъезда все чуть было не лопнуло. Лоренца пришла на место встречи, но перед посадкой в машину заявила: — Я, наверное, останусь, чтоб не мешать вам работать. Вы поезжайте спокойно, потом увидимся, меня привезет Симон.

Бельбо, сжав пальцами руль, уставился куда-то вперед себя и тихо произнес: — Садись в машину. — Лоренца села и всю дорогу держала ладонь на шее у Бельбо, который вел машину в полном молчании.

*** остался той же самой деревушкой, которую знал Бельбо во время войны. Мало новых домов, сказал он, в хозяйстве страшный спад, потому что все молодые живут теперь в городе. Он показал нам на холмы около деревни, ныне заросшие травой, которые в старые времена все были засеяны пшеницей. Деревушка выскакивала из-за поворота неожиданно, над ней был холм, на холме дом Бельбо. Холм был низкий, он не закрывал пейзажа, обрамленного легкой яркой полосой тумана. Въезжая по горной дороге, Бельбо показал нам противоположный холм, совершенно лысый, с капеллой на макушке, где росли еще две сосны. — Это Брикко, — сказал Бельбо. — Неважно, что это вам ничего не говорит. Туда отправлялись на праздничный пикник в понедельник после Пасхи. Сейчас в машине можно добраться за пять минут, а в те годы ходили пешком и это было паломничество.

Именуя театром [место], в котором
все действия слов и мыслей,
а также все особенности речей
и предметов показываются
как будто на публичном театре,
где представляются трагедии и комедии.

Роберт Флудд, *Всеобщая история космоса*.
Robert Fludd, *Utriusque Cosmi Historia*,
Tomi Secundi Tractatus Primi Sectio Secunda
Oppenheim (?), 1620 (?), p. 55

55

Мы подъехали к вилле. Назовем это виллой: господский дом, но весь первый этаж был перестроен под давяльную, в которой Аделино Канепа — тот самый злобный батрак, который в свое время донес на дядюшку партизанам, — делал вино из винограда, росшего в имении Ковассо. Дом, судя по всему, стоял пустой уже много лет.

В маленьком флигеле неподалеку была еще жива какая-то бабка, как объяснил нам Бельбо — тетушка батрака Аделино, все остальные потихоньку поумирали, Бельбовы дядя и тетка, сам Аделино, осталась столетняя старуха, ковырялась в огороде, щупала четырех кур, откармливала кабана. Земли все были проданы для уплаты налогов на наследство, за долги, кто упомянет за что. Бельбо застучал в дверь флигеля, старуха высунулась из закутка, не сразу узнала посетителя, зато потом многообразно продемонстрировала восторг и гостеприимство. От приглашения зайти к ней Бельбо все же, после объятий и ласк, отказался.

Когда мы открыли дом, Лоренца запричитала от восторга, и обнаруживая все новые лестницы, коридоры, мрачные комнаты со старинной мебелью, продолжала ликовать. Бельбо прибежался, говорил что-то вроде “у каждого своя Доннафугата”¹, но был безусловно растроган. Он сюда иногда наезжает, сказал он, правда редко.

— Но работается тут хорошо, летом не жарко, а зимой

¹ Доннафугата — семейный замок в романе “Леопард” Дж. Томази ди Лампедуза.

благодаря толстым стенам холодный ветер не страшен, и в каждой комнате печки. Когда мы были тут в эвакуации, нам дали только те две боковые комнаты в глубине коридора. Сейчас я обживаю дядитетино крыло и начал работать в кабинете дяди Карла. Там стоял секретер, забавная штука, лист положить почти что некуда, зато порядочно ящиков, явных и потаенных. Сюда не удалось бы взгромоздить Абулафию, — сказал Бельбо, — но в те редчайшие разы, что я здесь бываю, я пишу от руки, как в старинные времена.

Потом он распахнул дверцу огромного шкафа. — Вот что, когда я умру, имейте в виду, здесь все произведения моего раннего периода. Стихи, написанные в шестнадцатилетнем возрасте, планы шеститомной саги, которую я писал в восемнадцать... И прочее.

— Читаем, читаем, — заклопала в ладоши Лоренца и по-кошачьи подалась к шкафу.

— Лапы прочь, — отогнал ее Бельбо. — Читать там нечего. Я сам никогда не заглядываю. В любом случае, после смерти я явлюсь сюда и лично все сожгу.

— Да, кстати, надеюсь, привидения тут водятся?

— Теперь-то конечно. Во времена дяди Карла здесь не было привидений, жизнь была ключом. В духе георгик. Я же начал наезжать, когда все стало буколично. Приятно работать тут по вечерам, собаки лают в долине...

Он показал нам отведенные комнаты: мне, Диоталлеви, Лоренце. Лоренца осмотрела свою, похлопала по старой кровати с пудовой периной, понюхала простыни и заявила, что это похоже на нырок в бабушкину сказку, потому что простыни пахнут лавандой. Бельбо сказал, что это не лаванда, а плесень, Лоренца ответила, что не имеет значения, а потом, привалившись к стене, так что бока и бедра выступили вперед, как при сражении с флиппером, сказала: — И что ж, я буду спать тут одна?

Бельбо отвел глаза в сторону, в стороне оказались мы, он посмотрел в другую, потом шагнул в коридор и из коридора ответил: — Это мы решим. В любом случае хорошо, что у тебя есть куда удрать. — Мы с Диоталлеви удалились, слыша вдалеке, как Лоренца спрашивает у Бельбо, что он, ее стесняется? Он же отвечал, что если бы не показал ей комнату, она, конечно же, немедленно бы спросила,

где ей прикажут спать. — Я сделал первый ход, теперь у тебя нет выбора. — Коварный афганец! — отвечала она. — Коли так, я решила спать себе смирно в своей келейке. — Ладно, ладно, — отвечал он с раздражением. — Люди приехали работать, я пойду, мы сядем на террасе.

Так мы и работали на большой террасе с виноградным навесом, под холодную минералку и литры кофе. До вечера был провозглашен сухой закон.

С террасы открывался вид на Брикко, под холмом Брикко виднелось размашистое строение с закрытым двором и футбольным полем. В пейзаж вплетались движения разноцветных фигурок: видимо, дети. Бельбо мотнул головой в ту сторону: — Ораторий францисканцев сальской школы. Они занимаются воспитанием. Именно там дон Тико учил меня музыке. Там был оркестр.

Я вспомнил о трубе, в которой Бельбо было отказано, о рассказе про сон. — На трубе или на кларнете?

Какую-то секунду он был охвачен ужасом. — Как вы дога... А, ну да, я ведь вам рассказывал про сон и про трубу. Понятно... Дон Тико учил меня действительно играть на трубе, но в оркестре я играл на генисе.

— А что такое генис?

— Кто его упомнит. Давайте лучше работать.

Однако в ходе работы не раз и не два он задумывался, глядя на ораторий. У меня возникло чувство, что ради того чтобы смотреть на ораторий, он рассказывает совсем другие вещи. Например, следующую историю.

— В конце войны тут перед домом случилась одна из самых яростных перестрелок, какие можно вообразить. Дело в том, что у нас в *** существовала система отношений между фашистами и партизанами. Два лета подряд партизаны захватывали местность, и фашисты их не пытались выгнать. Фашисты все были пришлые, а партизаны — местные ребята. В случае стычек они знали, куда бежать, знали все посадки кукурузы, лесочки и кустарниковые изгороди. Фашисты сидели практически взаперти в городе и вылезали только для проведения облав. Зимой же для партизан становилось гораздо труднее перемещаться

по равнине, некуда было спрятаться, люди были видны на снегу и из приличного пулемета их можно было достать даже за километр. Поэтому партизаны уходили повыше в горы. И снова пользовались тем, что им были известны перевалы, щели и сторожки. Фашисты тогда овладевали долиной. Но вот пришла весна перед самым концом военных действий. Тут у нас фашисты еще оставались, но в город возвращаться они не хотели, будто предчувствуя окончательную ловушку, которая ожидала их в городах, и, как известно, захлопнулась двадцать пятого апреля. Думаю, что имели место кое-какие тайные переговоры и партизаны выжидали, никто не хотел вступать в бой, все знали, что скоро все так или иначе разрешится, по ночам "Радио Лондон" передавало все более утешительные известия, сплошные шифрованные сообщения для Франки¹: завтра снова будет дождь, дядя Пьетро принес хлеб и далее в таком роде, может быть, ты, Диоталлеви, помнишь, как это все выглядело... В общем, кто-то что-то спутал, партизаны спустились с гор как раз в то время, когда фашисты еще не убрались, как бы то ни было, моя сестра была вот на этой террасе, вошла в гостиную и сказала нам, что какие-то двое гоняются друг за другом с пулеметом. Мы нисколько не удивились, потому что нередко ребята и с одной и с другой стороны от скуки затевали военные игры, однажды в шутку кто-то выстрелил по-настоящему и пуля попала в ствол дерева въездной аллеи, у которого в тот момент стояла моя сестра. Она даже ничего не заметила, нам доложили об этом соседи, и сестре было наказано, что когда она видит, что кто-то играет с оружием, пусть скорее уходит. Вот они снова играют, сказала сестра, входя в комнату с террасы, в основном чтоб показать, что она слушается. Тогда долетел звук первой очереди. Но ее сопровождала и вторая, и третья, а потом очередей стало очень много, можно было различить сухие ружейные выстрелы, хлопки автоматов, глухие и гулкие удары — по-видимому, ручные гранаты, — и, наконец, пулеметы. Тут даже до нас дошло, что они не играют. Но у нас не было возможности обменяться соображениями, поскольку было не расслышать и собственных

¹ "Франко Франки" — подпольная антифашистская организация, основанная в Турине в мае 1944 г.

голосов. Пим пум банг ратата. Мы залезли под умывальник, я, сестра и мама. Потом появился дядя Карл на карачках по коридору, чтоб сказать, что в наших комнатах находится опасно и чтоб мы шли на их половину. Мы переместились в другое крыло, где тетя Катерина рыдала, потому что бабушка была где-то в поле...

— И лежала лицом вниз на голой меже между двумя полями...

— А это вы откуда знаете?

— А вы мне рассказывали в семьдесят третьем году после похода на демонстрацию.

— Ну у вас и память. Впредь буду осторожнее. Ну да, вниз лицом. Отца моего тоже не было дома. Как потом мы узнали, он шел по центральной улице городка, прижался к двери какого-то подъезда и не знал как двинуться, потому что на улице был самый настоящий полигон, ее простреливали из конца в конец. С башни городской управы горстка чернбригадовцев утюжила площадь из пулемета. На той же ступеньке спасался бывший фашистский подеста городка. Он сказал, что побежит домой, жил он близко, только за угол свернуть. Он выждал, когда было затишье, сделал шаг от двери подъезда к углу улицы и был скошен выстрелом в спину с башни горуправы. Эмоциональная реакция моего папы, который, надо сказать, помнил первую мировую войну, была такая: правильнее оставаться в подъезде.

— Этот город полон сладостных воспоминаний, я вижу, — заметил Диоталлеви.

— Ты не поверишь, — ответил Бельбо, — но они сладостные. Единственные настоящие воспоминания.

Другие вряд ли поняли, я же догадался, что он хочет сказать, а сейчас получил подтверждение. Особенно в последние месяцы, когда нас захлестнули вымыслы одержимцев, и вообще в последние годы, когда Бельбо укутывал свою разочарованность в вымыслы литературы, дни в *** оставались на особом месте в его сознании как знаки реального мира, в котором пуля означает пулю, или пролетит, или словишь, в котором враги выстраиваются стенка на стенку, и у каждого войска свой цвет, или красный или черный, или хаки или серо-зеленый, без двусмысленностей, по крайней мере, ему тогда казалось, что без них. Мер-

твец был мертвец был мертвец был мертвец. Не то что полковник Арденти, то ли умер то ли нет. Я подумал, что надо бы рассказать Бельбо о синархии, которая уже в те годы начинала ползуче укореняться. Не синархична ли была встреча дяди Карло с командующим Терци, руководившими по разные стороны фронта одним и тем же, по сути, рыцарственным идеалом? Но не хотелось отнимать у Бельбо его Комбре¹. Его воспоминания были сладки, потому что говорили о единственных истинах, встреченных им на пути; все сомнительное начиналось после. Беда только (как он дал мне понять), что даже в моменты истины он оставался наблюдателем. Он наблюдал в воспоминаниях за тем временем, в которое наблюдал рождение не-своей памяти, а исторической памяти памятилица тех историй, которые описать дано было не ему.

А может, все-таки имел место момент славы и решения? Ведь сказал же он: — И вдобавок в этот день я совершил геройский поступок моей жизни.

— О мой Джон Уэйн, — сказала Лоренца. — Расскажи.

— Да ничего. Я переполз к дяде и не захотел больше ползать. Я хотел стоять выпрямившись, в коридоре. Окно было далеко, этаж был второй, мне ничего не угрожало, о чем я всем и заявил. И я чувствовал себя капитаном, который остается на мостике в то время как пули посвистывают и поют у него над ухом. Но дядя Карл рассвирепел и грубо дернул меня, повалил на пол, я уже готов был зареветь, потому что самого интересного меня лишили, и в этот момент слышалось стекло, три удара, стук в коридоре, будто кто-то играл в теннис против стенки. Пуля влетела в окно, ударилась в водопроводную трубу и рикошетировала на уровне пола ровно в то место, где я был за секунду до того. Останься я там стоять, охромел бы на всю жизнь.

— Нет-нет, хромца мне не надо, — сказала Лоренца.

— Может быть, я был бы этому рад, — сказал Бельбо. И правда, ведь в том случае тоже выбирал не он. Его просто дернул дядя.

Через час он опять отвлек нас от работы. — Потом к нам

¹ Родовой дом героя-повествователя в цикле романов Марселя Пруста.

явился батрак Аделино Канепа. Он сказал, что в подвале для всех будет безопаснее. Они с дядей не разговаривали множество лет, как я вам рассказывал. Но в трагический момент в Аделино заговорил гуманизм, и они с дядей даже обменялись рукопожатием. И мы просидели больше часа в темноте между чанами, вдыхая пары брожения, ударявшие в голову, и стрельба была от нас далеко. Потом очереди потихоньку отдалились, стрельба доносилась как через вату. Мы поняли, что кто-то отступает, но все еще не знали кто. Пока наконец сквозь окошечко над нашими головами, выходявшее на тропинку, не послышалось на местном диалекте: “Монсу, й’е д’ла република беле си?”

— Что это значит? — спросила Лоренца.

— Примерно следующее: “Милостивый государь, не могли бы ли вы быть настолько любезны, чтобы сообщить мне, пребывают ли до сего времени в окрестностях этого палаццо какие-либо приверженцы идеологии Итальянской Социальной Республики?” В те времена республика была ругательным словом. Это какой-то партизан задавал вопрос какому-то встречному, значит, тропинка снова становилась обитаемой, следовательно, фашисты убралась. Темнело. Постепенно появились сначала папа, а потом бабушка, каждый с рассказом о своем приключении. Мама и тетя готовили на скорую руку ужин, в то время как дядя и Аделино Канепа в высшей степени церемонно снова прекращали дипломатические отношения. В течение всего остатка вечера мы слышали автоматные очереди в отдалении, посреди холмов. Партизаны гнали бегущего противника. Мы победили.

Лоренца поцеловала его в голову и Бельбо всхлипнул носом. Он понимал, что награждался не он, а актерский коллектив. Он на самом деле только смотрел фильм. Хотя на какую-то минуту, рискуя схватить рикошетную пулю, он прорвался внутрь этого фильма. Влетел прямо в кадр, как в “Хеллзаппин”¹, когда перепутываются бобины и индеец верхом на расседланном мустанге влетает на светский бал и спрашивает, куда все поскакали, кто-то машет ему “туда”, и он скрывается в совсем другом сюжете.

¹ *Hellzapoppin'* (“Все кувырко”) — фильм (1941) Генри Поттера, ироничный по отношению к условностям кинематографа.

И он взялся играть на великолепной трубе так,
что окрестные горы зазвенели.

Иоганн Валентин Андреаз,
Химическая свадьба Христиана Розенкрейца.
Johann Valentin Andreae,
Die Chymische Hochzeit des Christian Rosencreutz.
Strassburg, Zetzner, 1616, 1, p. 4

56

Мы дошли до чудесных приключений водопроводов, к этой главе была найдена гравюра шестнадцатого века из издания “Спириталии” Герона, где изображался алтарь, а на нем кукла-автомат, которая благодаря паровому устройству играла на трубе.

Я возвратил Бельбо к его воспоминаниям. — Так что же ваш дон Тихо Браге или как его там, учитель трубных гласов?

— Дон Тико. Я так и не узнал, что такое Тико. Не то уменьшительное от имени, не то фамилия. Я после того никогда не бывал в оратории. А в свое время занесло меня к ним случайно. Вообще там служили мессы, готовили к зачету по Катехизису, играли в подвижные игры и можно было выиграть картинку с блаженным Доменико Савио, это отрок в помятых штанишках из грубой материи, который на всех статуях держится за юбку дона Боско, очи возведены горе, чтобы не слышать, как его товарищи рассказывают неприличные анекдоты. Но я прознал, что дон Тико набрал музыкальный оркестр из ребят от десяти до четырнадцати лет. Малолетние играли на кларинах, флейтах пикколо, саксофонах сопрано, самые взрослые были в состоянии управляться с баритонами и большими барабанами. Они ходили в форме, верх цвета хаки, синие брюки, в фуражке с козырьком. Дивное зрелище. Так хотелось быть одним из них. Дон Тико сказал, что ему нужен генис.

Пауза. Бельбо смерил нас взглядом превосходства и отчеканил: — Генисом, по фамилии изобретателя, на жаргоне оркестрантов называется флюгельгорн, другими словами сигнальный горн контральто ми-бемоль. Генис — са-

мый глупый инструмент оркестра. Он играет умпа-умпа-умпа-умпап в зачине марша, а потом парапапа-па-па-па-паа ритм шага, и далее па-па-па-па-па... Но научиться на генисе можно быстро, он относится к подгруппе медных, как и труба, и его звуковая механика — упрощенная копия механики трубы. Для трубы нужно лучше поставленное дыхание и профессиональный забор мундштука. Нужна, знаете, такая кольцевая мозоль, которая формируется на губах, как было у Армстронга. При наличии хорошего забора экономится дыхание и звук выходит прозрачным, чистым, дутье не чувствуется — да и вообще, музыканты не дуют с раздуванием щек, это только артисты в театре делают и в шаржах рисуют.

— А труба?

— На трубе я учился играть самостоятельно, летом в послеобеденные часы, когда в оратории никого не было. Я прятался между скамей в зрительном зале. На трубе я учился из эротических побуждений. Видите дом на холме в полукилометре от оратория? Там жила Цецилия, дочка дамы-благотворительницы этого заведения. Каждый раз, когда оркестр давал представление, по праздникам после процессии во дворе оратория, но особенно когда играли в крытом зрительном зале, перед выступлением драмкружка, Цецилия с мамой находилась в первом ряду на местах почетных гостей, рядом со старостой местной церкви. И в этих случаях программа открывалась маршем под названием “Благой почин” — “*Buon principio*”, марш начинался трубами, трубами си бемоль, золотого и серебряного сияния, отчищенными по торжественному случаю. Трубы играли это вступление стоя и соло. Потом они садились и вступал оркестр. Только играя на трубе, я мог бы надеяться, что меня заметит Цецилия.

— А по-другому? — спросила растроганная Лоренца.

— По-другому не существовало. Во-первых, мне было тринадцать лет, а ей тринадцать с половиной, они в тринадцать с половиной — это женщины, а мы в тринадцать — сопляки. Кроме того, она любила саксофона контральто, некоего Папи, отвратительного, облезлого, как мне казалось, и она смотрела только на него, похотливо блеющего, потому что саксофон, если это не сакс Орнетта Коулмана, если

он звучит в составе оркестра, и вдобавок в руках омерзительного Папи, это инструмент (как думал я в ту эпоху) козий и коитальный, и имеет такой же голос, как у манекенщицы, спившейся и шляющейся по панели.

— Какие это манекенщицы шляются по панели?

— В общем, Цецилия не знала даже, что я существую. Естественно, когда я влекся пешим ходом вверх по склону по вечерам за молоком на горную ферму, я выдумывал восхитительные истории, как ее арестовывают Черные бригады, и как я лечу освободить ее, а пули посвистывают вокруг моей головы и псс... псс... падают в жнивье, я же открываю ей то, чего она не могла знать, а именно что под таинственной маской я руководитель Сопротивления во всем Монферрато, а она мне признается, что всегда надеялась, что это так, и тут меня охватывал нестерпимый стыд, потому что как будто струи меда разливались по всем жилам, и я клянусь вам, что даже не влажнело в паху, а это было другое, более ужасное, более великое ощущение, и вернувшись из похода, я шел исповедоваться. Думаю, что грех, любовь и слава именно это: бежишь на переплетенных простынях из окна миланского гестапо, она обвивает тебя за шею, вы двое в пустоте и она шепчет, что всю жизнь мечтала о тебе. Все прочее — только секс, копуляция, разнос нечестивого семени. Короче говоря, если бы я перешел на трубу, Цецилия не могла бы продолжать меня игнорировать, когда я вставал бы перед ней во весь рост, искрясь и сияя, а ничтожный саксофон съезживался бы, затененный мною стоящим. Труба воинственная, ангельская, апокалиптическая и победная, трубила бы атаку, а саксофон пусть пиликал бы на вечеринках пригородной шпаны, с жирными бриллиантовыми патлами, что отплясывают под саксофон в обжимочку с потными девками. Я учился искусству трубы как сумасшедший, до тех пор пока не смог предстать перед доном Тико, и я сказал ему: послушайте. И я был как Оскар Левант в момент его первого прослушивания на Бродвее с Джином Келли. И дон Тико сказал: да, ты труба. Однако...

— Какой же саспенс, — сказала Лоренца. — Не томи, скажи уж, и мы переведем дух.

— Однако я должен был сам привести себе замену на

генис. Поици, сказал дон Тико. И я поискал. А должны вы знать, о возлюбленные дети, что в *** в ту эпоху жило два отресья человечества, они были со мною в одном классе, хотя старше меня года на два, оба второгодники. Этих двух ничтожеств звали Аннибале Канталамесса и Пио Бо. В скобках: ист.

— Чего, чего? — изумилась Лоренца.

Я вмешался со знанием дела. — Когда у Сальгари описывается реальный исторический факт (или то, что он считает действительным историческим фактом), скажем, как Сидячий Буйвол после битвы у Малого Большого Мыса поедает сердце генерала Кастера, автор вслед за изложением факта дает примечание в скобках “ист.”.

— Вот-вот, спасибо. В высшей степени ист, что Аннибале Канталамесса и Пио Бо действительно носили такие имена, но это еще в них не самое непозволительное. Они были бездельники, годные только воровать комиксы из газетного киоска, тырить гильзы у тех, кто знал толк в гильзах (из-за чего солидные коллекции утрачивали половину ценности), и класть колбасные бутерброды на книги приключений на земле и на море, одолженные почитать у тех, кто получил их в подарок на Рождество. Канталамесса считал себя коммунистом, а Бо фашистом, оба только и ждали как бы продаться во вражеский стан за марку или рогатку, они рассказывали сексуальные истории, полные анатомических нелепиц, и заключали пари, кто из них дольше промастурбировует. Эти личности были готовы на все, почему было не попробовать с генисом? Я стал их соблазнять. Я нахваливал им оркестрантскую одежду, я водил их на выступления, намекал на возможность завоевания симпатий “Дочерей Марии”... Они попались в мои сети. Долгими днями в крытом театре, с длиннейшей тростью, какую вы могли видеть на иллюстрациях к брошюрам про миссионеров, я дрессировал их, лупя по пальцам, когда они ошибались кнопками. У гениса только три вентиля, работают пальцы указательный, средний и безымянный, в остальном все зависит, как я уже говорил, от забора мундштука. Не стану злоупотреблять вашим вниманием, милые слушатели. Настал момент, когда я смог представить дону Тико двух генисов, не то чтобы безупречных, но по крайней мере при

первом показе, подготовленном мною ценой бессонных послеобеденных бдений, приемлемых. Дон Тико дал себя уговорить, разгильдяям пошили мундиры, а меня перевели на трубу. И примерно через неделю, в праздник Благоутешительницы Марии, открывая театральный сезон с премьерой “Маленького парижанина”, перед опущенным занавесом, в присутствии областного начальства, я стоял во весь рост и трубил вступление “Благого почина”.

— О великолепии, — произнесла Лоренца с показным выражением нежной ревности. — А Цецилия?

— Ее не было. Может, болела. Не знаю. Не было.

Он обвел взором полукруг слушателей, несомненно в тот момент чувствуя себя не то бардом, не то фиглярком. Он выдержал паузу. — Через два дня дон Тико послал за мной и известил меня, что Аннибале Канталамесса и Пио Бо загубили весь вечер. Они не выдерживали ритм, в промежутках отвлекались, шпыняя и щипая друг друга, забывали вступить в нужный момент. “Генис, — сказал мне дон Тико, — это костяк всего оркестра, его ритмическая совесть, его душа. Оркестр — это паства, инструменты — овечки, дирижер — пастырь, а генис — верный рыкливый пес, держащий овец в повиновении. Дирижер глядит прежде всего на генис, и если генис будет ему послушен, все стадо пойдет за ним. Якопо милый, я прошу от тебя воистину огромной жертвы, но ты должен вернуться к генису и стать рядом с теми двумя. У тебя есть чувство ритма, и ты мне нужен, чтобы с ними сладить. Клянусь, что как только они обретут самостоятельность, я верну тебя на трубу”. Я был кругом обязан дону Тико. Я сделал, как он хотел. На следующем празднике трубы снова стояли перед всеми нами и играли вступление “Благого почина” для Цецилии, которая слушала из первого ряда. Я же был в темноте, генис среди генисов. Что же до двух подонков, они так и не обрели самостоятельность. Меня так и не вернули на трубу. Война окончилась, я возвратился в город, забросил музыку, а что касается Цецилии, я даже никогда не узнал, какая была у нее фамилия.

— Бедненький лапочка, — сказала Лоренца, обнимая его за плечи. — Но у тебя остаюсь я.

— Я думал, ты любишь саксофонистов, — сказал Бельбо.

Потом поцеловал ей руку, едва повернув голову. И снова стал серьезным. — За работу, — сказал он. — Мы должны заниматься историей будущего, а не хроникой пропавшего времени.

Вечером бурно отмечали отмену сухого закона. Элегическое настроение Якопо, похоже, проходило, и они с Диоталлеви мерились силами: изобретали ненужные механизмы, которые после энциклопедической проверки оказывались уже изобретенными и с успехом применяемыми. В полночь, после бурно прожитого дня, было решено, что следует испытать, удастся ли уснуть в немиланском воздухе.

Я залез под одеяло в старинной комнате, простыни были влажнее, чем это казалось утром. Якопо расставил заранее по всем кроватям “монахов”, то есть овальные каркасы, приподнимающие простыни, под которые подсовывают грелки на угольях. Видимо, он хотел, чтобы мы причастились ко всем радостям житья на вилле. Но когда влага рассеяна повсюду, “монах” вытягивает ее на поверхность вещей, и хотя ощущается очаровательная теплынь, ткани становятся насквозь мокрыми. Что делать. Я зажег абажур с бахромкой, из тех где должны колотиться кучи бабочек, дорого продавая свою жизнь, как сказал какой-то поэт, и попробовал усыпить себя чтением газеты.

Сон не шел, и в течение часа-двух я вслушивался в шаги в коридоре, в открыванье и хлопанье дверей. В последний раз (в последний из тех, что я слышал) дверь бабахнула с жутким грохотом. Лоренца Пеллегрини играла на нервах у Бельбо.

Тут я начал засыпать, и вдруг послышалось царапанье, на этот раз в мою дверь. Не было понятно, скребется ли зверь (ни кошек, ни собак в доме вроде не водилось), или же это какое-то приглашение, призыв, приманка. Может быть, Лоренца царапалась в дверь, потому что знала, что Бельбо за ней следит. А может, и нет. До того я полагал Лоренцу чем-то вроде имущества Бельбо — по крайней мере в моем отношении, — а кроме того, с тех пор как я был с Лией, я стал нечувствителен к прочим чарам. Интригующие, почти призывные взоры, которые Лоренца то и дело

метала в меня в редакции и у Пилада, подтрунивая над Бельбо и словно ища во мне союзника или свидетеля, входили составной частью (так мне казалось) в некий шаблон поведения, а кроме того, Лоренца Пеллегрини умела смотреть на кого угодно с таким видом, будто собиралась проверить его любовные способности, но при этом с подвохом, будто говоря, “хочу тебя, но только чтобы доказать, что ты меня испугался”. В тот вечер, слушая шарканье, шуршание ноготков по краске дверной створки, я понял совсем другое: я осознал, что желаю Лоренцу.

Тогда я сунул голову под подушку и стал думать о Лии. Хочу, чтоб у нас был ребенок, сказал я себе. И его (или ее) я сделаю трубачом, как только научится дуть.

На каждом третьем дереве, с четырех сторон,
было повешено по фонарю, и великолепная
девственница, одетая также в темно-синий цвет,
зажигала фонари чудотворным факелом
и я задержался более чем это было необходимо,
созерцая зрелище,
в котором была невыразимая красота.

Иоганн Валентин Андреас,
Химическая свадьба Христиана Розенкрейца.
Johann Valentin Andreae,
Die Chymische Hochzeit des Christian Rosencreutz,
Strassburg, Zetzner, 1616, 2, p. 21

57

Около двенадцати часов дня Лоренца вышла на террасу, улыбаясь, и оповестила, что есть замечательный поезд, который проходит через *** в половине первого, и с одной только пересадкой она попадет в Милан во второй половине дня. Можем мы подбросить ее до станции?

Бельбо, продолжая копаться в записях, проговорил: — Мне казалось, что Алье приглашал в частности и тебя, более того, в первую очередь тебя.

— Ему не повезло, — сказала Лоренца. — Кто меня подбросит?

Бельбо поднялся: — Я через пять минут вернусь. Потом еще часа два сможем поработать. Лоренца, где твоя сумка?

Через двадцать минут он возвратился, и ни слова об эпизоде не было произнесено.

В два часа мы переместились в милейший трактир на рыночной площади городка, и в процессе пояснения местных блюд и вин Бельбо снова возвратился к воспоминаниям подросткового возраста. Но вспоминал он как будто о ком-то чужом. От вчерашней радости рассказывания не осталось и следа. Ближе к вечеру мы тронулись на встречу с Алье и Гармоном.

Бельбо вел машину на юго-восток, пейзаж переменял-

ся с каждой минутой. Всколмия *** даже в неласковую предзимнюю пору были нежными и отлогими; а на этом направлении с каждым километром раздвигался горизонт, и на каждом повороте все острее становились пики, над откосами лепились горные селения. Дали между пиками казались неизмеримыми — прекрасное далеко, подытожил Диоталлеви, умевший находить формулировки для наших общих тем. Взбегая по серпантину на третьей скорости, мы любовались непрерывными гармониками гор, между которыми в промежутках залегал толстый туман вполне зимней наружности. Походило одновременно и на равнину, испещренную дюнами, и на настоящий горный пейзаж. Как будто рука неумелого демиурга надавила на вершины, показавшиеся слишком высокими, и смяла их в комковатую кашу, тянущуюся вплоть до самого моря или до отрогов других гор, более стройных, более строгих.

Мы вкатились на центральную площадь условленного поселка, где в баре уже сидели Алье и Гарамон. Не увидя с нами Лоренцы, Алье, если и был разочарован, не подал виду. — Наша чаровница не желает участвовать с другими в мистериях, определяющих ее. Особая стыдливость, которую ценю, — произнес он.

Мы двигались дальше, вслед за “мерседесом” Гарамона шла бельбовская “рено”, спуски и подъемы, покуда наконец, в то время как солнечный свет начинал затмеваться, перед нами на горе выделилась странная конструкция, напоминавшая замок восемнадцатого века, желтого цвета, от которой отходили, как показалось мне издали, подъезжая, террасы, полные цветов и деревьев, ярко цветущие, невзирая на пору года.

У подножия этого партера была площадка и стояли автомобили. — Дальше поднимаются пешим ходом, — сказал Алье.

Сумерки быстро сменялись темнотой ночи. Подъем освещался сотнями горящих факелов, укрепленных по сторонам дорожек.

Забавно, что все последующее, от этой минуты до глубокой ночи, мне помнится и очень четко, и вместе с тем очень путано. Позавчера в перископе я вспоминал давниш-

ние ощущения и сравнивая находил много общего между тем и этим состояниями. Вот, говорил я себе, ты сейчас в таком же ненатуральном положении, одурманенный тонким запахом древесной плесени, будто закопанный в могилу или запечатанный в сосуд, в котором осуществляется трансформация. Высунь-ка голову из будки, и увидишь в полутемноте, что предметы, которые сегодня казались тебе бездвижными, шевелятся, подобно теням элевсинской мистерии, среди испарений колдовства. Вот и тою ночью в замке и световые эффекты, и неожиданные повороты на подъемах, и обрывочные речи, и оплетавшие нас всю ночь воскурения дурманов — все создавало такой эффект, будто спишь и тебе это снится, но как-то ненормально, словно на самой грани бодрствования, когда во сне видится, будто спишь.

Я не должен был запомнить этот вечер, но я его помню до того четко, будто не прожил его сам, а услышал в рассказе от какого-то чужого человека.

Не знаю, происходило ли все то, что я запомнил с такою спутанною явностью, или же я только лишь желал, чтобы это произошло, но, без сомнения, именно в тот вечер План приобрел форму в наших головах, в форме желания придать форму бесформенному впечатлению и преобразить в фантастическую реальность ту фантазию, которую кому-то хотелось реально воплотить.

— Подъем, это часть ритуала, — пояснял нам Алье на ходу. — Мы в висячих садах, тех же самых, то есть почти в тех же, которые Соломон фон Каус разбивал в Гейдельберге для курфюрста пфальцского Фридриха Пятого, в апогее великого розенкрейцерского века. Света тут мало, но это так и задумывается, потому что лучше угадывать, чем видеть. Наш амфитрион не воспроизводит буквально проект Соломона фон Кауса, а концентрирует мотивы на более ограниченном пространстве. Сады Гейдельберга отображали макрокосм, но тот, кто реконструировал их, отобразил лишь их микрокосм. Посмотрите на этот грот из морской гальки и раковин, в стиле "rocaille" ... Декоративно и не более того. Но фон Каус имел в виду эмблему из "Атланты" Михаэля Майера, где коралл представлен философским камнем. Фон Каус знал, что через форму сада мож-

но воздействовать на небесные тела, поскольку существуют начертания, которые своей конфигурацией отражают гармонию универсума...

— Феноменально, — произнес Гарамон. — Как же удастся саду влиять на небесные тела?

— Существуют знаки, склоняющие сады и светила друг к другу. Они смотрятся друг в друга, обнимаются друг с другом и объясняются в любви. Эти знаки не имеют и не должны иметь четкой и определенной формы. Кто угодно, в зависимости от подсказки своего неистовства или от полета своей духовности, волен пробовать определенные силы. На этом основывались иероглифы древних египтян. Не может быть взаимоотношения между нами и божественными созданиями иначе как чрез посредство печатей, фигур, знаков и прочих церемоний. По тем же причинам божества сообщают нам нечто только через сны и загадки. Таковы и эти сады. Каждая особенность этой террасы воспроизводит некую тайну алхимического искусства, но к сожалению, мы уже неспособны разгадывать эти тайны, ни мы, ни хозяин сада. Замечательная приверженность тайне, согласитесь, в человеке, расходуящем накопленное долгими годами на начертание идеограмм, смысл которых ему неведом.

Мы восходили, и от террасы к террасе физиономия сада менялась. Некоторые террасы имели форму лабиринта, другие копировали эмблемы, но рисунок нижней террасы можно было разобрать только смотря на нее с верхней; так я, глядя сверху, увидел очертание короны и другие симметричные рисунки, которые прежде не осознавал, в то время как обошел эти очертания. Как бы то ни было, расшифровать эти знаки я не умел все равно. Каждая терраса готовила на основании эффектов перспективы какие-то образы для того, кто продвигался в ее куцах; но увиденная с верхней террасы, она открывала в себе новые виды, зачастую противоположного облика, и таким манером каждая ступенька лестницы изъяснялась в одно и то же время на двух различных языках.

При восхождении нам попадались небольшие постройки. Фаллообразный фонтан под арочкой-портиком — Нептун на дельфине; ворота со смутно-ассирийскими колоннами; арка неопределенной формы из нагроможденных

треугольников и многоугольников, где была на каждой из верхушек статуя животного: лось, обезьяна, лев...

— И во всем этом скрываются откровения? — спросил Гарамон.

— О, несомненно! Достаточно прочесть “Mundus Symbolicus” Пичинелли, сочинение, которое предвосхитил Альчати в своей провидческой гениальности. Сад весь способен быть прочитан будто книга, или же как заклинание, что в конце концов одно и то же. Вы могли бы, при умении, произнести или прошептать те же самые слова, которые глаголят террасы этого сада, и вам бы подчинилась какая-то из неисчислимых сил, действующих под луной. Сад, это приспособление для управления миром.

Мы оказались около грота. Умопомрачительное хитроуплетение водорослей со скелетами морских чудищ, настоящими, или гипсовыми, или каменными.. Наяда обнималась с буйволом, чей хвост был покрыт чешуями и толст как у великой библейской рыбы. На эту пару выливалась вода из раковины, которую, как амфору, поддерживал тритон.

— Я хотел бы, чтобы вам открылось глубинное значение этой постройки, которая в противном случае может показаться банальной гидравлической игрушкой. Де Каус хорошо знал, что если взять сосуд, заполнить его водой и закрыть сверху, то потом, даже если проделать дыру в основании, вода не станет вытекать. Но если проделать отверстие в верхней крышке, вода пусть упругой струей, или пусть слабенькой струйкой, но польется из сосуда.

— Разумеется, — сказал я. — Воздух начнет оказывать давление сверху вниз...

— Любимое объяснение сциентистов, подменяющее причину следствием, или наоборот. Вы не должны задаваться вопросом, почему вода вытекает во втором случае. Вы должны спросить себя, почему она не хочет вытекать в первом.

— Почему? — трепетно переспросил Гарамон.

— Потому что в сосуде создан бы вакуум, а натура страшится пустоты. *Nequaquam vacui*, был девиз розенкрейцеров, который современная наука позабыла.

— Впечатляюще, —отреагировал Гарамон. — Казобон,

в наших удивительных приключениях металлов это следует отразить, имейте в виду, пожалуйста. Не надо мне отвечать, что вода не металл. Пусть на этот раз у вас фантазия поработает.

— Прошу прощения, — обратился Бельбо к Алье. — Ваш аргумент выглядит *post hoc ergo antem hoc*. Происходящее позднее служит причиной произошедшему прежде.

— Не рассуждайте линейно. Вода в этих фонтанах линейно не вытекает. Природа не линейна, природе безразлично время. Время — изобретение Запада.

Поднимаясь, мы видели других приглашенных на вечер. Бельбо то и дело пихал Диоталлеви локтем в бок, а тот соглашался: “Точно, *facies hermetica*”.

Среди этих герметичноликих пилигримов, в гордом одиночестве и с мрачно-всепрощающей улыбкой, карабкался господин Салон. Я раскланялся с ним.

— Знакомы с Салоном? — спросил меня Алье.

— Знакомы с Салоном? — спросил я его. — Мне-то странно его не знать, мы соседи. Что вы думаете о Салоне?

— Я мало знаю его. Друзья, достойные доверия, предупреждали, что он полицейский осведомитель.

Вот почему, значит, Салон знал о Гарамоне и о полковнике Арденти. Как были связаны Салон и комиссар Де Анджелис? Но у Алье я спросил другое: — Что делает полицейский осведомитель на таком празднике как сегодня?

— Полицейские осведомители, — отвечал мне Алье, — бывают повсюду. Любые впечатления идут в ход для написания отчетов. Пред лицом полиции, сила приобретает пропорционально количеству того, что человек знает или делает вид что знает. И не имеет значения, верно ли то, что он знает. Важнее всего, запомните, обладать секретом.

— Но почему его сюда пригласили? — спросил я.

— Дорогой друг, — отвечал мне на это Алье, — скорее всего, потому, что здешний хозяин живет в согласии с золотым законом любомудрия, по которому любое заблуждение может быть непризнанным носителем истины. Истинный эзотеризм не боится противоречий.

— То есть вы говорите, что в конечном итоге все они между собой заодно.

— *Quod ubique, quod ab omnibus et quod semper*¹. Инициация, это открытие вечной философии.

Философствуя в этом духе, мы долезли до верхней террасы и углубились в аллею в гуще просторного сада, который подводил к вилле, или к замку, или как это называлось. При свете факела, более крупного, чем остальные, и установленного на колонну, мы увидели девицу, окутанную синей тканью с изображением звезд из золота и держащую в руке трубу, как их держат в опере трубящие герольды. Подобно ангелам “святых представлений”, в оперении из папиросной бумаги, дева имела на плечах большие белые крылья, на крыльях виднелись контуры миндалевидной формы с точками в самой середине, что с некоторой натяжкой могло сойти за изображение глаз.

Профессора Каместреса, одного из первых одержимцев, являвшихся к нам в “Гарамон” (неприятеля *Ordo Templi Orientis*), мы не сразу узнали, потому что он вырядился довольно оригинально, хотя Алье его наряд показался вполне соответствующим. Это было нечто из белого полотна, соединенное по бокам алыми лентами, с крестами из тех же лент на груди и позади, посередине спины. При этом смешнейшая шляпа дартаньяновской модели, к тулье приделаны четыре алые розы. Он стал на колени перед трубящей девицей и произнес какие-то слова.

— Вот точно, — прошептал Гарамон, — есть многое на небе, на земле...

Мы вошли под сень изузоренного портала, напоминавшего мемориальное кладбище в Стальено. В высоте, над сложной неоклассической аллегорией, были высечены слова *CONDOLEO ET CONGRATULOR*².

Там внутри было оживление, было многолюдие, толпа у банкетного стола в обширном помещении при входе, откуда отходили два лестничных марша на верхние этажи. Мне заметились и другие уже виденные лица, профессор Браманти и — неожиданный тип — коммендатор Де Губернатис,

¹ Что повсюду, что для всех и что всегда (пребудет символом веры) (*лат.*). Высказывание цитируется у А.-Ж. Пернети (“Египетские и греческие басни”, 1758) как модный лозунг масонства.

² Соболезную и сорадуюсь (*лат.*).

ПИСС, обрабатываемый Гармоном, но, по-видимому, еще не столкнувшийся с чудовищной перспективой увидеть все экземпляры своего шедеврального порождения превращенными в бумажную кашу: сужу по тому, насколько самозабвенно он обнюхивался с моим работодателем. Алье тоже встречали восторженно, особенно кланялся ему какой-то мелкий типчик с экзальтированными глазами. По характернейшему французскому выговору мы опознали в нем Пьера, того самого, который обвинял Браманти в наведении порчи, а мы слушали их ссору через кожаный занавес у Алье.

На банкетном столе были графины с цветными настоянками, я не мог понять где что. Я плеснул себе желтого, казавшегося вином, вкус был не противный, сладкий и немножко затхлый, несомненно с алкоголем. Что-то было, наверно, примешано, потому что голова закружилась. Герметические рожи сгрудились вокруг меня, многие с мрачным и строгим видом, похожие на пенсионеров — бывших прокуроров, я ловил обрывки их речей...

— На первой стадии ты будешь учиться обмениваться мыслями с партнером, потом — внушать как мысли, так и образы, насыщать среду эмоциональными состояниями, надо учиться властвовать и животным миром. На третьей стадии, ты пошлешь своих двойников в различные точки пространства. Билокация. Она известна йогам; это когда одновременно предстаешь в нескольких отдельных конфигурациях. Потом необходимо переходить к экстрасенсорному познанию растительных творений. И наконец, попытаешься преуспеть в диссоциации, то есть рассредоточении теллурической структуры тела, с тем чтобы в одном месте суметь рассредоточиться, а в ином — сосредоточиться снова, полностью — подчеркиваю, полностью — а не в виде отосланного двойника. Высшей из стадий представляется продление физической жизни...

— Не бессмертие...

— Не сразу.

— А ты как же?

— Требуется концентрация. Не буду скрывать, что это трудоемко. Знаешь, мне ведь уже не двадцать...

Я снова прибил к своим. Они входили в комнату с белыми стенами и круглыми углами. В глубине, как в парижском музее восковых фигур Гревен (но тем вечером мне прежде всего припомнился алтарь, виденный в Рио в палатке умбанды) — две статуи почти что в натуральную величину, из воска и в платьях из материала с блестками, похоже, от дешевого старьевщика. Одна статуя изображала даму на троне, в незапятнанном одеянии, или почти незапятнанном, и с обилием блесток. Над нею болтались, укрепленные на нитях, бесформенные тряпичные куклы, вроде тех, что в тридцатые годы сидели в будуарах (куклы Ленчи). В одном углу из усилителя лилась приглушенная духовая музыка, похоже, XVI века (Габриели?), это был единственный качественный элемент среди кича. Справа другая женская фигура, кремового цвета бархат и белый пояс, на голове лавровый венок и рядом с нею позолоченные весы. Алье давал этой символике объяснения, но я не слушал. Меня больше занимали лица участников церемонии, которые переходили от аттракциона к аттракциону с почтительным и взволнованным выражением.

— Они глядят примерно так же, как те, кто паломничает по святым местам и смотрит на черных мадонн с вышитыми на мантиях серебряными крестами, — сказал я на ухо Бельбо. — Думают ли те, что перед ними мать Иисуса Христа во плоти и в крови? Нет, но и обратного они тоже не думают. Они упиваются уподоблением и переживают зрелище как видение, а видение как реальность.

— Да, — отвечал Бельбо, — но проблема не в том, чтобы знать, лучше ли эти или хуже тех, кто паломничает по святилищам. Я хочу понять, кто такие мы. Мы, считающие, что Гамлет более настоящ, чем наша консьержка. Имею ли я право судить их, я, который бегаю за мадам Бовари, чтобы устроить ей сцену ревности?

Диоталлеви качал головой и приговаривал тихим голосом, что не следовало бы воспроизводить в изображениях божественные вещи и что это обожание золотого тельца. Однако ему нравилось.

И поэтому алхимия, это целомудренная блудня,
 кня многих любовников имеет,
но всех разочаровывает и некоторому
 не предоставляет своего объятия.
Неумных обращает в придурковатых,
богатых в неимущих, философов в недоумков,
а обманутых в красноречивейших обманщиков.

Тритемий, *Анналы монастыря Гирсау*.
Tritemio, *Annalium Hirsaugensium Tomus II*, S. Gallo, 1690, 225

58

Неожиданно комната погрузилась в полумрак и стены озарились. Я заметил, что три четверти их поверхности были покрыты полукруглыми экранами, куда, по-видимому, должны были проецироваться изображения. Когда изображения появились, стало ясно, что на потолок и пол нанесен отражающий слой, и отражающими оказались предметы, поразившие меня своей топорностью, все блестящие, и аляповатые весы, и щит, и медные сосуды — везде маячили видимости других предметов. Мы находились в водянистом, зыбком мире, где призраки вещей и множились и дробились, сливались с тенями присутствовавших, где в зеркале пола отражался рисунок потолка, в потолке отражался пол и в обоих брезжили фигуры, появлявшиеся на стенах. Откуда-то лилась музыка и там и тут вместе с нею тонкие запахи, сперва это были индийские ароматы, позже пошел другой, неопределенный, минутами тошнотный дух.

Полумрак заместился полной темнотой, после этого услышалось клейкое почмокивание, закипание лавы, и мы оказались в кратере, где липучая и тусклая материя дрожала при переменчивом посверкивании желтых и синеватых сполохов.

Жирная, сытая вода выпаривалась в высоту, с тем чтобы снова выпасть вниз, росой, дождем ли, по залу полз запах перегноя, плесневеющего назема. Я вдыхал тьму, тартарары, трупность, вокруг сочилась отравленная жижа, языками висли навоз, тина, угольное сусло, пачкоть, погань, пасока, менструм, сажа, свинец, смрад, шлак, нефть,

чернейшее черноты, все это постепенно посветлело, и появилась пара гадов — гад голубой и гад алый, — переплетшиеся в объятии, вкусившиеся друг другу в хвосты, образующие единое кругообразное тело.

Я как будто бы опился алкоголем больше меры, не замечал уже своих спутников, потерявшихся во мраке, не узнавал те фигуры, которые скользили около меня и воспринимались как расчлененные, плывучие силуэты... Тогда-то мне и показалось, что кто-то берет меня за руку. Я понимаю, что это не было на самом деле, но признаюсь, что не решился обернуться и открыть, что это было обманом чувств. Я обонял запах Лоренцы. Только тогда я понял, до чего желал Лоренцу.

Это должна была быть Лоренца. Она была там со мной, она продолжала беседу шепотов и шуршаний, поскрипыванья ноготков по краске двери, ту беседу, что недоговорилась накануне. Сера и ртуть совокуплялись в распаренной мокряди, и от этого у меня в паху потрепетывало, но без ярости.

Я ожидал явления Ребиса, подростка-андрогина, философской соли и венчания Белой Дее.

Мне казалось, что я все знаю. Не то у меня в сознании восстанавливались чтения последних месяцев, не то Лоренца передавала мне свое знание через касание руки, и я ощущал ее слегка влажноватую ладонь.

Я с удивлением понимал, что бормочу далекое имя, имя за именем, их философы давали, как я помнил, Белой Дее, но я призывал ими Лоренцу, не знаю, может, я просто служил про себя литанию, дабы задобрить некую силу: Белая медь, бормотал я, незапятнанный Агнец, Альбатрос, Алебастр, Благая вода, Чистая ртуть, Аурипигмент, Азот, Азох, Аммоний, Камбар, Каспа, Керуза, Воск, Кайя, Комериссон, Электр, Евфрат, Ева, Фада, Зефир, Основание искусств, Драгоценный камень Гивинис, Диамант, Зибах, Зива, Покров, Нарцисс, Лилия, Гермафродит, Хая, Ипостась, Воск, Асбест, Янтарь, Молоко Мадонны, Единый камень, Полная луна, Мать, Живой елей, Овощ, Яйцо, Флегма, Острие, Корень, Соль природы, Земля листвы, Бура, Тинкал, Пар, Вечерняя звезда, Ветер, Амазонка, Стекло фараона, Моча младенца, Стервятник, Плацента, Менструм, Беглый раб,

Левая рука, Сперма металлов, Дух, Олово, Сок, Сера помазания...

В гуще вара, посеревшей, проявился горизонт из скал и сухих деревьев. За него закатывалось черное солнце. Грянул слепящий свет и посыпались искрометные картины, отражавшиеся повсеместно, отчего мерещилось, будто я в калейдоскопе. Фимиамы теперь воскурялись литургические, храмовые, и я начал чувствовать боль в голове, тяжесть посередине лба, и я видел роскошную залу с золотыми узорочьями, был в ней свадебный пир, был жених царского рода и невеста под белым покрывалом. Еще там были старый царь и с ним царица на троне, при них воин и рядом темнокожий царь. Перед царем небольшой алтарь, на алтаре книга, переплетенная в черный бархат, и свеча в подсвечнике слоновой кости. Рядом с подсвечником вращающийся глобус и часы в хрустальном футляре, подобном фонтану, из которого вытекала жидкость цвета крови. Над фонтаном был череп, из глазницы черепа глядела беловидная змея.

Лоренца нашептывала что-то, дыша мне в ухо. Но я не слышал голоса.

Змейка раскачивалась в ритме грустной, медлительной музыки. Старые цари теперь были облачены в черное и перед ними находились шесть отверстых гробов. Прозвучали мрачные басы труб и явился некто в черной маске. Была сначала казнь иератическая, как бы заснятая рапидом, и царь принимал ее печалуясь и ликуя, клонил покорную голову. Затем маскированный взметнул топор, лезвие, и молниеносно пал как будто бы маятник, бег клинка воспроизвелся в каждой отражающей поверхности, и тысяча голов кувырнулась с плеч, и с этого момента изображения сменялись так стремительно, что мне не удавалось проследить за ходом событий. Кажется, постепенно все бывшие там персоны, включая темнокожего царя, были обезглавлены и уложены в гроба, а после этого зал преобразился в берег моря, или же озера, и к ближнему причалу пришвартовались шесть освещенных судов, на которые были перенесены гроба, суда удалились по зеркалу воды и слились с чернотой ночи, в то время как фимиамы стали

почти осязаемыми, до того плотен сделался пахучий пар, на миг мне стало не по себе, не я ли тоже приговоренный, вокруг шелестели слова “свадьба, свадьба...”.

Тут распался мой контакт с Лоренцей, и только после этого я обернулся, чтоб поискать ее среди теней.

Зал теперь представлял собой крипту, или же пышную гробницу, освещаемую из-под свода карбункулом невероятного размера.

Во всех углах находились женщины в девственных одеждах, а посередине был двухъярусный очаг, напоминавший замок, цокольный этаж с каменным портиком походил на печь, две боковые башенки содержали два аламбика, сходившиеся в яйцевидную колбу, а третья, центральная башня имела наверху фонтан.

В цокольном этаже, под портиком замка виднелись шесть обезглавленных тел. Одна из женщин принесла ларец, откуда был вынут круглый предмет, который положили в отверстие-леток над цокольным этажом. Тут же забил фонтан на острие постройки. Я успел опознать круглый предмет, это была голова мавра, она запылала как головня, довела до кипения воду в фонтане, излетали пары, дуновения, клокотанье.

Лоренца на этот раз прижимала ладонь к моему затылку, эту ласку я уже видел, когда она ехала с Якопо в машине. Одна из жен внесла золотой шар, отвернула кран в печи в цоколе постройки и нацедила в шар густую красную жидкость. После этого шар был открыт, но внутри оказалась не красная жидкость, а большое красивое яйцо, белое как снег. Жены положили яйцо на землю в кучу желтого песка, до тех пор пока оно не распалось и не вылупилась птица, уродливая и вся покрытая кровью. Но напившись крови казненных, птица выросла прямо на наших глазах, хорошея и преисполняясь сиянием.

Тогда эту птицу тоже обезглавили и обратили ее в прах на небольшом алтаре. Кто замешивал тесто из пороха, кто закладывал это тесто в две хлебопекарные формы, и отправили обе формы на выпекание в печку, и раздули в

печке пламя, играя на трубах. В конце концов формы отворили и оттуда вышли двое существ, бледные, однако же красивые, хотя почти прозрачные, отрок и отроковица, ростом тела не выше четырех ладоней, мягкие и плотские, как живые создания, но с глазами пока еще стеклянными, минеральными. Их уложили на подушки и старец влил им в уста по капле крови.

Появились другие женщины, неся золотые трубы, украшенные зелеными венками, и преподнесли одну трубу старцу, который поднес ее к устам нежных двух созданий, переходивших от растительного прозябания к сладкому животному сну, и он начал вдвухать душу в их тела. Зал залило сиянием, сияние ослабело до сумрака, потом была тьма, озаряемая оранжевыми сполохами, потом было необъятное зарево солнечного восхода, слышны были трубы, трубы кричали высоко и резко, и невыносимый свет рубина. И тут я снова потерял из виду Лоренцу, и я понял, что никогда больше не обрету ее.

Все стало снова ярко-алого цвета, который медленно преобразовался в голубой и фиолетовый, а потом экран погас. Головная боль стала невыносимой.

— “Mysterium Magnum”, — говорил Алье, на этот раз громким и спокойным голосом, стоя рядом со мною. — Возрождение нового человека через смерть и через страсть. Недурная интерпретация, должен заметить, хотя тяга к аллегориям во многих отношениях повлияла на последовательность описания фаз. То, что было вам показано, это только реконструкция, вы, естественно, сознаете это, но речь шла о некоей Вещи. Пригласивший нас утверждает, что он эту Вещь сумел получить самостоятельно. Пойдемте же, и нам покажут осуществившееся чудо.

И елико порождаются сии уроды, надлежит думать: суть дея природы, даже когда видом отличны от человека.

Парацельс, *О Гомункуле*.
Paracelsus, *De Homunculis*, in: *Operum Volumen Secundum*,
Genevae, De Tournes, 1658, p. 475

59

Нас выпроводили из залы в сад, и сразу же мне полегло. Я постеснялся спросить у спутников, видели ли они Лоренцу. Лоренца, конечно, мне снилась. Но через несколько шагов был вход в теплицу, в теплице жаркая духота снова одурманила меня. Посреди растений, в большинстве своем тропических, было шесть стеклянных колб грушевидной формы, или же напоминавших слезу, заткнутых и запечатанных, налитых голубой влагой. В каждом сосуде трепетало существо, не крупнее двадцати сантиметров. Мы узнали царя с седыми волосами, царицу, мавра, воина и двоих подростков, венчанных лаврами, голубого и розового. Они колыхались в нежном ритме наплывов волн, как будто пребывая в природной своей стихии.

Трудно было разобратить, что в колбах: пластмассовые куклы, восковые статуэтки или живые существа. Вдобавок, жидкость была на просвет мутноватой и не давала увидеть, дышали ли фигурки взаправду или это был оптический обман.

— Кажется, они вырастают со дня на день, — объяснил Алье. — Каждое утро эти сосуды погребают в куче свежего конского помета, который своей теплотой создает температуру, необходимую для роста. Точно как предписывается у Парацельса, который говорит, что человечки должны возрастать при теплоте лошадиного чрева. По словам пригласившего нас господина, человечки разговаривают с ним, сообщают секреты и прорицают, они передали ему истинные размеры Соломонова Храма и объяснили, как экзорцировать демонов... По правде, лично я не слышал, как они разговаривают.

Лица существ казались очень подвижными. Царь любовно глядел на царицу.

— Наш хозяин рассказал мне, что как-то утром застал голубого подростка, неведомо как выбравшегося из узилища, когда тот пытался раскупорить сосуд своей любовницы... Но будучи вне своей стихии, он дышал с затруднением, и его еле спасли, успели погрузить в его природную жидкость...

— Кошмар, — сказал Диоталлеви. — Избави меня Господь от таких гомункулов. Вечно надо их таскать с собой, каждый день менять навоз, а летом что делать? Дворнику не оставишь.

— Но вполне вероятно, — заключил Алье, — что это всего лишь только лудионы, декартовы бесенята. Или же автоматы.

— Бесы, бесы, — говорил Гарамон. — Вы, доктор Алье, распахнули нам врата нового мира. Больше смирения от нас требуется, дорогие друзья, больше скромности. Есть много таких вещей на земле и на небе, что... на войне как на войне...

Гарамон был просто в шоке. Диоталлеви сохранял выражение заинтригованного скептика, Бельбо не имел никакого выражения.

Чтобы развеять последние сомнения, я сказал: — Жалко, что Лоренцы не было с нами, вот бы ей море впечатлений.

— Это точно, — проронил Бельбо.

Лоренцы не было здесь. А со мной случилось, как в Рио с Ампаро. Ужасно. Я чувствовал себя обмороченным. Почему, ну почему мне не дали агогон.

Я откололся от прочих и возвратился в замок, расталкивая толпу, прошел через зал с буфетом, взял себе что-то попить, подозревая, что выпью отраву... Я искал туалет, хотелось намочить виски и затылок. Нашел, намочил водой, полегчало. Но у выхода я заметил винтовую лестницу и не удержался от соблазна нового приключения. Возможно, не исключаю, что хотя я и привел себя в порядок, но продолжал гоняться за Лоренцей.

Бедный глупец! Так ли наивен ты, чтобы полагать,
что мы открыто обучим тебя самому великому
и самому важному из секретов? Уверю тебя, что тот,
кто захочет объяснить согласно банальному и буквальному
здравомыслию нечто сказанное философами герметиками,
увидит себя среди меандров лабиринта,
из коего не сумеет бежать, и не имея Ариадниной нити,
которая бы его вывела.

Артефий

60

Я оказался в подвальном зале, освещенном скудно, — коралловый грот, какие были фонтаны в парке. В углу из дыры, похожей на раструб камина, даже издалека слышалось, что поступают звуки. Подойдя поближе, я различил слова и фразы, четко и точно, как будто их говорили у меня в комнате. Дионисово ухо?

Слуховой отвод сообщался с одной из верхних зал, собеседники сменялись, пара уходила, новая приближалась.

— Мадам, признаюсь в том, в чем никому не признавался. Я устал... Я работал с киноварью и с сулемой, сублимировал спирты, ферменты, соли железа, стали, сублимировал их шлаки, но не обрел Камень. Потом я готовил воды кислые, воды едкие, воды жгучие, но результата также не получил. Я использовал яичные скорлупы, серу, купорос, мышьяк, нашатырь, соли стекла, щелочные соли, поваренную соль, каменную соль, селитру, соль соды, соль тинкала, соль тартара, то есть винную, соль алемброт, то есть борную... но поверьте мне, они ничего не сулят. Необходимо избегать несовершенных рубифицированных металлов, иначе вы обманетесь, как я обманулся. Я испробовал все: кровь, волосы, душу Сатурна (ацетат свинца), марказит (лучистый колчедан), aes ustum (томленую медь), шафран Марса, чешуи и шлаки железа, свинцовый глет, сурьму... Я пытался получить масла и воды серебра, я томил серебро как с особенной солью, так и без соли, с водкой тоже томил, и получил едкие масла, и более ничего. Я употребил молоко, вино, сычуг, сперму светил, опускающуюся

на землю, чистотел, плаценту зародышей, я смешивал ртуть с металлами и выпаривал кристаллы, я искал даже в пепле... И наконец.. наконец..

— Что?

— Ничто на свете не нуждается в большей осторожности, нежели истина. Огласить ее — будто сделать кровопускание в собственном сердце...

— Довольно, прошу вас, вы меня волнуете...

— Только вам я могу поверить свою тайну. Я не принадлежу ни к какой эпохе, ни к какому месту. Вне времени и пространства влачу вечное существование. Есть создания, не имеющие ангела-хранителя. Я из таковых...

— Но для чего вы привели меня сюда?

Еще один голос: — Любезный Бальзамо, играете с мифом бессмертия?

— Бессмертие, идиот, это не миф, а факт.

Я готовился уйти, меня утомило это щебетанье, но тут я узнал Салона. Говорил он тихо, напряженно, как будто увлекающая собеседника под руку. Собеседником, как я понял по голосу, был Пьер.

— Да ладно вам. Не надо делать вид, что вы тут ради алхимической оперетки. Скажите еще, что вам захотелось подышать воздухом. Вам ведь известно, что после Гейдельберга де Каус принял предложение короля Франции заняться чисткой Парижа?

— Вы о фасадах?

— Ну он же не Мальро. Речь шла не о фасадах, о канализации. Забавно, не правда ли? Этот господин проектировал апельсиновые и померанцевые символические аллеи для императоров, но что его в действительности интересовало, были парижские подземелья. В те времена в Париже централизованной канализации не существовало. Было странное сочетание: канавы поверху, а в глубине скрытые туннели, о которых известно было мало или ничего. Римляне с самых республиканских времен досконально знали свою клоаку, а парижане через тысячу пятьсот лет так и не ведали, что происходит у них под ногами. Де Каус принял предложение короля, потому что хотел уз-

нать о подземельях побольше. Что же его интересовало, как думаете? Не стало Кауса, тогда Кольбер велел расчистить крытую канализацию. Это был, разумеется, предлог. Заметьте, что шли времена Железной Маски. Кольбер нагнал в подземелья галерников, но те поплыли среди нечистот и вынырнули прямо в воды Сены, и удалились на первой подвернувшейся лодке, никто не решился ловить тошнотворных существ, окруженных облаками мух... Но Кольбер назначил постовых жандармов на все спуски из канав в реку, и другие каторжники умерли в сточных водах. За три столетия в Париже было покрыто только три километра канав. Но наступил восемнадцатый век, и привели в порядок двадцать шесть километров, как раз накануне революции. Что скажете на все это?

— О, вы думаете, что...

— В это время к власти приходят новые люди, они знают то, что людям прежним было неизвестно. Наполеон посылает отряды своих людей на прорыв в темноту, в клоаку извержений метрополиса. У кого хватило отваги работать на глубине в тот период, те понаходили немало... Кольца, золото, ожерелья, драгоценности, что только ни валилось неведомо откуда в глубинные коридоры. У кого был крепкий желудок, глотали найденное, а выйдя, принимали слабительное — и становились богачами. И было обнаружено, что во многих домах имеется подземный переход, сообщающийся прямо с канализацией...

— Это, что ж...

— В эпоху, когда принято было выплескивать за окна? А почему с самого того времени существуют канавы с боковым тротуаром для ходьбы, с вмурованными железными кольцами, за которые можно ухватиться? Эти дорожки назывались "tapis francs", и по ним блатная братия — la règre, как она тогда именовалась, — сбегалась на тайные совещания в уверенности, что от полиции ничего не стоит смыться и вынырнуть в новом месте.

— Фельетон...

— Вот как? Кого вы покрываете, вы лично? При Наполеоне III барон Осман законом обязал все парижские здания обзавестись собственным накопителем и соорудить подземный отток из накопителя в коллектор... Два метра

тридцать высотой, метр тридцать шириной. Представляете? Любой парижский дом имеет подземную привязку к канаве! А какова длина парижских канав на сегодняшний наш с вами день? Две тысячи километров, в различных слоях и на разных уровнях. Начало всему положил именно он, тот, кто в Гейдельберге заведовал созданием этих садов.

— И что?

— Ну, вы, я вижу, не хотите говорить. Вам известно что-то, чего вы мне не говорите.

— Прошу, оставите меня, тут поздно, мне пора на сбор... — и поспешный топот шагов.

Я не понимал, к чему клонит Салон. Я обвел глазами помещение, оглядел ракушечные стены, дыру в углу, и мне показалось, что вот оно, подземелье, клоака, а сквозь дыру, должно быть, начинается сход в подземные капилляры, ведущие к центру земли, кишачие нибелунгами. Я ззяб. Направляясь к выходу, я расслышал последнюю фразу:

— Идемте. Начало сейчас. В секретной зале. Позовите остальных.

Это Златое Руно хранимо трехглавым Драконом,
которого первая голова происходит из вод,
вторая из земли и третья из воздуха.
Необходимо, чтобы все три эти головы
сходились в одном и том же Драконе, мощнейшем,
который способен пожрать всех остальных Драконов.

Жан д'Эспанье, *Труд о Тайне Герметической Философии.*
Jean d'Espagnet, *Arcanum Hermeticae Philosophiae Opus,*
1623, p. 138

61

Я отыскал своих и сказал Алье, что слышал разговоры о каком-то собрании.

— А, — отвечал Алье, — мы очень любопытны! Понимаю, понимаю. Если вы углубитесь в герметические тайны, захочется познать все. Ну что же, сегодня вечером намечена, насколько мне известно, инициация нового члена ордена Розы и Креста, Старого и Принятого.

— Можно посмотреть? — спросил Гарамон.

— Нельзя. Не следует. Не следовало бы. Но мы поступим как герои греческого мифа, которые смотрели, когда не следовало. И будем готовы к гневу богов. Я позволю вам бросить взгляд. — Он повел нас по лесенке в какой-то темный коридор, приподнял завесу, и через сквозной витраж мы смогли заглянуть в помещение, расположенное ниже и освещаемое пылающими жаровнями. Стены были задрапированы парчой, украшенной лилиями, у дальней стены высился трон под золоченым балдахином. По сторонам трона вырезанные из картона или пенопласта и установленные на треногах солнце и луна, довольно грубые поделки, облепленные золотой фольгой и серебряным станиолем, но выглядело это эффектно, потому что и тот и другой символы блистали отраженными огнями очагов. Над балдахином свисала с потолка огромнейшая звезда, усыпанная драгоценными камнями (скорее всего стеклянными). На потолке голубой бархат с большими серебряными звездами.

Перед тронном продолговатый стол, украшенный пальмовыми ветками, на столе меч и, наконец, перед столом чучело льва с разверзтой пастью. В голове у льва, надо ду-

мать, имелась красная лампочка, потому что глаза зловеще алели и пасть дышала огнем. Не обошлось без господина Салона, подумал я, и начал понимать, на каких нестандартных клиентов намекал Салон в мюнхенском раскопе.

У стола находился Браманти, выряженный в багряную тунику и в зеленые расшитые бармы, в белый плащ с золотой бахромою, с драгоценным нагрудным крестом и на голове в чем-то вроде митры с белым и алым султаном. Пред Браманти, священным строем, группа в двадцать человек в багряных туниках, без всяких барм. Все имели на груди нечто позолоченное, смутно мне знакомое. Всплыла в памяти картина Возрождения, надменный габсбургский нос и ниже на холсте — такой же точно барашек с протянутыми ножками, подвешенный за талию. Имитация Золотого Руна.

Браманти что-то возвещал, грозно вскидывая руки, как при служении литании, приспешники односложно отвечали. Потом Браманти занес меч и все выхватили из одежды стилеты, или бутафорские ножки, и взметнули их в воздух. Тут Алье опустил перед нами завесу. Мы и так видели чересчур много.

Мы удалились (со скоростью Фантомаса, откомментировал Диоталлеви, на удивление искушенный в извращениях современного мира) и вынырнули в саду, переводя дух.

Гарамон был в потрясении. — Но эти люди... масоны?

— О, — отвечал Алье, — что означает масоны? Эти люди адепты рыцарского братства, которое восходит к розенкрейцерству, а опосредованно — к тамплиерству.

— А это разве не связано с масонством? — не утихал Гарамон.

— Если что-то с масонством и связано из того, что было вам показано, то лишь постольку поскольку и масонство и спектакль Браманти, суть забавы для политиканов и состоятельных провинциалов. С самого первоначала, масонство — жалкая спекуляция на тамплиерской идее. Сегодняшнее зрелище — карикатура карикатуры. Хотя, конечно, эти господа относятся к себе невероятно серьезно. Увы! Мир переполнен розенкрейцерцами и тамплиерцами вроде тех, которых вы видели сегодня. Не от них надлежит добиваться откровения, хотя среди них можно встретить инициата, заслуживающего доверия.

— Но в конце концов, — сказал Бельбо, сказал без иронии, без обычной остраненности, как будто вопрос затрагивал в нем нечто личное, — вы же с ними бываете. Кому вы верите... кому вы верили, простите, среди всех этих людей?

— Естественно, никому. Я похож на доверчивого человека? Я рассматриваю этих людей с холодностью, с пониманием, с интересом, как богослов наблюдает неаполитанскую толпу, которая неистовствует, ожидая чуда святого Януария. Толпы свидетельствуют о некоей вере, о глубинной потребности, и богослов находится в гуще этих распаленных и слюноточивых, потому что может повстречать там святого, о котором неизвестно, носителя верховной истинности, способного однажды пролить свет обновления на тайну Святейшей Троицы. Но Святейшая Троица — это не святой Януарий.

Он был неопишуем. Я не знал, какое определение к нему применимо: герметический скептицизм, литургический цинизм, высшее безверие, приводившее его к признанию любого предрасудка, им презираемого.

— Это очень элементарно, — продолжал он, отвечая Бельбо. — Если тамплиеры, я имею в виду настоящих, оставили тайну и установили преемственность, нужно действовать с тем, чтобы их разыскать, и в частности в средах, где им легче всего миметизироваться, где, может быть, они сами выдумывают ритуалы и мифы, чтобы чувствовать себя привольно, будто рыбы в воде. Как поступает полиция, ловя гениального преступника? Шарит по притонам, по кабакам, где водятся шаромыжники мелкого разбора, никогда не способные возвыситься до грандиозных масштабов злодеяний разыскиваемого. С чего начинается стратег террора, как он завербовывает будущих соратников, где он встречает своих и распознает их? Он отбирает в местах скопления подрывных элементов, где многие, кому не суждено достичь высот зла из-за недостатка таланта, ломают комедию и подражают предполагаемым идеальным вождям. Утраченный свет ищется в пожаре или в тлеющем торфе, когда под корнями отгоревшего леса продолжает теплиться мох, старый лист, полупревращенный в пепел. Где лучше всего маскироваться настоящему тамплиеру? Где, если не в толпе собственных карикатур?

Мы полагаем друидическими обществами по определению все те общества, которые определяют себя как друидические по имени или по назначению, и которые производят инициации, восходящие к друидизму.

М. Рауль, *Друиды. Современные инициационные кельтские общества.*
M. Raoult, *Les druides. Les sociétés initiatiques celtes contemporaines,*
Paris, Rocher, 1983, p. 18

62

Приближалось время полуночи, и по программе Алье нам полагался второй сюрприз вечера. Мы оставили пфальцские уголья и снова тронулись в путь, выше в горы.

После сорока минут подъема машина Алье, а за нею и наша остановились у обочины лесочка. Нужно пройти через рощу, объявил Алье, и за рощей будет поляна, но туда не ведет ни дорожки ни тропы.

Следуя за ним, мы поднимались, оскальзываясь на палом листье. Влаги под подошвами не было, но чавкали волглая гниль и склизь корней. Алье время от времени зажигал фонарик, выбирая путь, но сразу же гасил его, поскольку мы не должны были выказывать своего присутствия на радении. Диоталлеви в какой-то момент отпустил одну из своих острот, не помню уж, кажется, про Красную Шапочку, но Алье напряженным голосом порекомендовал ему воздерживаться.

Когда рощица уже была почти что пройдена, вдалеке послышались голоса. Наконец мы увидели поляну, озаренную мягким светом не то от факелов, не то, скорее, от светильников, установленных прямо на траве и изливавших зыбкие серебряные лучи, как будто бы субстанция газа сторала с химической холодностью в мыльных пузырях, витавших над землей. Алье велел нам остановиться где стояли, в укрытии кустарников, и наблюдать, но не обнарживать.

— Скоро появятся жрицы. Вернее сказать, друидессы. Будет заклинание великой космической девы Микиль.

Простонародным христианским ее аналогом выступает святой Михаил. Не случайно святой Михаил ангел, соответственно обладает двойным полом...

— Откуда они? — прошептал Диоталлеви.

— Из разных мест. Одна из Нормандии, другая из Норвегии, есть из Ирландии... Эти сборища довольно оригинальны, а место располагает к ритуалу.

— Почему? — спросил Гарамон.

— Потому что одни места магичнее других мест.

— Но кто они такие... в жизни? — снова спросил Гарамон.

— Люди. Машинистки, служащие, поэтессы. Завтра вы можете повстречаться и вы их не узнаете.

Теперь была отчетливо видна группа фигур, сосредоточившихся в центре поляны. Я понял, что холодные непонятные для меня огни были лампочками, зажатыми в руке у каждой жрицы, а мне казалось, что светильники на самой земле, потому, что поляна была на макушке холма, и я с этой верхушки наблюдал издали за группой жриц, которые всходили на холм из ниже расположенной долины. Одеты они были в белые туники, развевавшиеся на легком ветерке. Они расположились кругом, в середину встали три, проводившие церемонию.

— Три ведьмы хэллоуин из Лизье, из Клонмакна и из Пино Торинезе, — пояснил Алье. Бельбо спросил, почему назначены именно эти, и Алье пожал плечами. — Тише. Подождите. Я не могу в двух словах описать вам ритуал и иерархию нордической магии. Удовольствуйтесь тем, что я вам говорю. Если не говорю больше, значит, вряд ли знаю сам... или не могу говорить. Я обязан соблюдать некоторые требования секретности.

Посередине площадки виднелась куча камней, отдаленно напоминая долмен. Наверное, и поляна была выбрана ради этих валунов. Одна из отправлявших службу взобралась на долмен и задула в трубу. Ее звуки напомнили нам еще в большей степени, чем трубы, слышанные за час до этого, буцины триумфального марша "Аиды". Тембр был бархатный, ночной, голос трубы поступал как будто из дальнего далека. Бельбо тронул меня за рукав: — Это рамзинга, рамзинга тугов поет под священным баньяном.

Я совершил бестактность. Не сознавая, что Бельбо хочет увести в сторону именно от иных аналогий, я повернул нож в ране. — Да уж, поэтичнее, чем ваш генис, — ляпнул я.

Бельбо опустил голову. — Я здесь именно потому, что им генис не требуется, — ответил он. И хотелось бы знать, не в этот ли вечер стал он сопрягать свои сны с тем, что начало происходить в яви вокруг него.

Алье не вслушивался в нашу беседу, но заметил, что мы шепчемся. — Это не предупреждение и не призыв, — заговорил он. — Речь идет о некой разновидности ультразвука, устанавливающей контакт с подземными волнами. Вот видите, сейчас друидессы берутся за руки, становятся в круг. Создается что-то в духе одушевленного аккумулятора, собирающего и конденсирующего теллурические вибрации. Сейчас должно появиться облако...

— Какое облако? — спросил я.

— Облако. Так называется, зеленое облако. Погодите...

Я не ждал никакого зеленого облака. Однако неожиданно от земли поднялась мягонькая дымка — туманом назвал бы я ее, будь она пооднороднее и поплотнее. Но речь шла о скоплении клубов влаги, которые где-то нагромождались кучей, а где-то, движимые ветром, развевались языками, подобно волокнам сахарной ваты, трепетали крыльями на воздухе и отлетали, накапливаясь горой на другом месте. Зрелище создавалось бесподобное, где-то просвечивали деревья фона, где-то все сливалось в белизне водяного пара, в других местах клочок размочаливался посередине поляны и мешал нам видеть, что происходило в этой середине, а обрамление и купол небес были свободны, четки, и в небесах сияла луна. Комья перемещались непредсказуемо, своевольно, как будто повинуюсь капризам неведомых импульсов и дуновений.

Я решил, что это химический трюк, потом передумал. Мы находились на высоте около шестисот метров и не исключалось, что тучи были настоящие, природные. Они возникли под влиянием обряда? Скорее всего нет, но жрицам было известно, что на этой высоте, при благоприятных обстоятельствах, рождаются подобные перекасти-облака на уровне земли.

Невозможно было отрешиться от обаяния этой сцены,

потому еще, что платья празднующих совпадали цветом с белизною облаков и фигуры женщин как будто источались ею, светозарною темнотою испарений, а затем возвращались в млечность, коею были источены.

В определенный момент облако заполонило весь центр луга и из него потянулись в высоту обрывки светлой пакли, почти загородивши луну и звезды, но не до такой степени чтобы затмевалась вся долина, продолжавшая освещаться ночным светом по краям. Тогда одна друидесса отделилась от тучи и понеслась прямо на лес, вопя, ее руки протянулись вперед, я даже подумал, что она обнаружила нас и теперь прокликает. Но не добежав до меня нескольких метров, она сменила направление и полетела по кругу, огибая туманность в центре поляны, и исчезла в левой ее части, потом снова исторглась из правой, правда, прошло несколько минут, и снова она оказалась рядом, и я увидел лицо. Это была сивилла с крупным дантовым носом над губами, напоминавшими шрам, распяленными, как цветок водоросли, с беззубой пастью, в которой сохранилось два резца и один несимметричный клык. Глаза подвижные, ястребиные, злые. Я услышал, или мне показалось, будто слышу, или мне сейчас кажется, будто я запомнил, будто слышу (не наложилось ли на эту память совсем иных ассоциаций?) вместе с тирадами на языке, который в тот момент воспринимал как гэльский, мутные заклятия на призрачной латыни, что-то вроде "о пегния, о! о! интус, эт ээ улума". После этого туман разом рассеялся, долина полностью осветилась и я увидел, что по поляне бродит стадо свиней, на толстых шеях колышутся связки зеленых яблок. Друидесса, протрубившая в трубу, все еще не сошла с долмена и теперь размахивала ножом.

— Идемте, — сухо сказал Алье. — Тут кончено.

Я заметил при этих словах, что масса тумана перемещается прямо на нас, грузно садится нам на плечи и мы почти не видим друг друга.

— Как, разве кончено? — сказал Гарамон. — По-моему, самое интересное только начнется.

— Кончена часть, которую мы могли видеть. Дальше нельзя. Будем уважать обряд. Идемте.

Алье отступил в лес, и его поглотила растворенная в

воздухе сырость, облеплявшая нас как губка. Каждый из нас кинулся вслед, содрогаясь и почти падая на предательских гнилых листьях, с затрудненным дыханием, в сумятице, подобно армии на отступлении. Собрались мы снова уже на дороге. До Милана было езды не более двух часов. Прежде чем усесться в свою машину с Гарамоном, Алье распростился с нами: — Прошу простить, что мне пришлось прервать спектакль. Мне хотелось показать вам хоть что-то, показать тех, кто существует рядом с вами, и ради кого, в сущности говоря, вы все сейчас работаете. Но больше этого видеть не позволяется. Когда меня известили об этом сборище, мне пришлось пообещать, что не помешаю церемонии. Наше присутствие оказало бы отрицательное влияние на следующие этапы.

— А зачем свиньи? Что будут делать теперь? — спросил Бельбо.

— Все, что я мог сказать, я сказал.

- Что тебе напоминает эта рыба?
- Других рыб.
- А что напоминают другие рыбы?
- Других рыб.

Дж. Хеллер, *Уловка 22*.
J. Heller, *Catch 22*,
New York, Simon & Schuster, 1961, XXVII

63

Я вернулся из Пьемонта весь в угрызениях. Но как только увиделся с Лией, забыл желания, которые томили меня в поездке.

Тем не менее путешествие имело последствия, и до сих пор меня настораживает, почему же они меня тогда не насторожили. Я приводил в окончательный вид, поглавно, иллюстрации к истории металлов, и мною все сильнее овладевал дьявол уподобления. Первый приступ этой болезни у меня был еще в Рио. Чем отличается цилиндрический инкубатор Реомюра (1750) от атанора семнадцатого века (материнское чрево, темная матка для выгревания бог знает каких мистических металлов)? Это как если бы Дейчес Музеум выставили в пьемонтском замке, куда нас привозили в тот достопамятный вечер.

Мне все труднее было распутывать связи магического мира с так называемым миром точных наук. Ученые, которых изучают в школе как светочей физики и математики в царстве мракобесия, на самом деле опирались одной ногой на лабораторию, а другой — на Каббалу. Что ж, выходит, я пересматривал историю с точки зрения наших одержимцев? Но у меня имелись бесспорные свидетельства о том, что физики-позитивисты, окончив университет, прямоком отправлялись к медиумам или в астрологические кружки и что Ньютон открыл всемирное тяготение, потому что думал, что существуют оккультные силы (тут я припомнил его исследования розенкрейцерской космологии).

Я всегда считал недоверие обязанностью ученого. Сейчас выходило, что нельзя доверять даже тем, кто учил меня недоверию.

Я сказал себе: ты как Ампаро, хоть не веришь, но ловишься на все это. Я ловил себя на том, что обдумываю, как это так большая пирамида действительно по высоте составляет ровно миллиардную часть от Земли до Солнца или откуда берутся совпадения между мифологией кельтов и мифологией американских индейцев. Я начинал обкатывать все окружающее: здания, вывески магазинов, небесные облака и библиотечные гравюры, как будто они рассказывали не собственную, а чью-то чужую повесть, которую хотели упрятать, но по сути дела открывали, по причине и в честь все тех же мистических уподоблений.

Меня вызволила Лия, по крайней мере на тот момент.

Я рассказал ей все (почти) о поездке в Пьемонт. После этого вечер за вечером я возвращался с новыми курьезами для своей драгоценной картотеки. Лия говорила: "Поешь, а то вон тощий, как скелет". Однажды она подсела к моему письменному столу, раздвинула челку посреди лба, чтобы глядеть мне в глаза, и сложила руки на животе. Никогда она так не садилась, расставив ноги и натянув юбку на коленях. Мне подумалось, что поза очень ей не подходит. Но встретившись с ее взглядом, я увидел, что лицо как бы сияет, и выслушал ее — сам не пойму отчего — с особым пиететом.

— Пиф, — сказала Лия. — Не нравится мне весь этот твой роман с Мануцием. Раньше ты собирал факты, как коллекцию ракушек. А сейчас как будто выбираешь номер для рулетки.

— Просто эти номера разбирать ужасно интересно.

— Это уже не интерес. Смотри, они тебя заразят.

— Не слышал я, чтобы заражались санитары в психбольнице.

— Это еще неизвестно.

— Ты знаешь, я никогда не доверял аналогиям. Тут я вдруг попадаю на супермаркет аналогий, карнавал, Лас-Вегас, Монте-Карло, Первое мая в Москве и, в частности, вижу, что одни аналогии убедительнее других, и тогда я спрашиваю себя, нет ли во всем этом некоей системы.

— Пиф, — ответила на это Лия. — Я смотрела твои карточки. Я их расставляла по коробкам и попутно читала.

Все, что открывают твои одержимцы, уже имеется здесь, посмотри-ка. — И она коснулась живота, бедер, ног и головы. Она сидела передо мной важная, корпулентная — это она-то, обычно худенькое и гибкое существо! Тихая мудрость оведала ее матриархальной мощью.

— Пиф, не существует архетипов, существуем только мы в нашем теле. Вот у меня чрево, там может родиться жизнь, туда навевываешься и ты, когда мы соединяемся в веселии, туда попадает вкусная и полезная еда. Поэтому и в мифах прекрасны и важны пещеры, укрытия, катакомбы, а также лабиринты, созданные по подобию наших великолепных и священных кишок. Когда необходимо величественное место, избирается именно пещера, потому что из пещеры в конечном счете вышли мы все, и плодородие всегда связано с дыркой, с добрым гниением, с ростом и — вот вам, здравствуйте, — нарождается китайчонок, слоненок, баобабенок. В то же время верхняя часть еще священнее нижней, потому что если перевернуться вниз головой, затошнит, потому что голова не воняет, а ноги воняют, потому что приятнее лезть на дерево и рвать яблоки, чем лежать под землей и кормить червяков, потому что нечасто мы стучаемся об крышу (только если не живем в мансарде), но довольно часто падаем или на пол, или на землю, вот поэтому верх отведен ангелам, а нижнее пространство бесам. Однако поскольку в такой же степени справедливо все сказанное прежде, а именно насчет пещеры и брюха, то можно сказать, что, с одной стороны, прекрасны низ и нутро, а с другой стороны, прекрасны верх и наружность. Тут ни при чем ртутный спирт и панкосмическое противоречие. Огонь согревает, а от холода застужаются насмерть, особенно это касалось мифотворцев, живших четыре тысячи лет тому назад. Поэтому огонь наделяется мистическими добродетелями, особенно хорошо, что на нем можно еще и зажарить курицу. Однако хорош и холод, он помогает эту самую курицу сохранить, а огонь, если к нему лезть, обжигает до волдырей, поэтому когда тебе надо вообразить нечто хранимое тысячелетиями, например тайное знание, надо разместить его на горе (то есть сверху), но в пещере, и в вечномерзлой прохладе тибетских снежных вершин. Если тебя вдобавок интересует, на чем основана

неизбежная тема Востока, могу ответить, что именно на восток таращились все твои предки, просыпаясь утром и пытаясь угадать, будет ли ведро или, не дай бог, дождь.

— Понятно, мамочка.

— Молодец, деточка. Солнце нам любезно, потому что полезно для здоровья и потому что оно аккуратно появляется каждое утро. Таким образом, становится любо все то, что возвращается, а не то, что проносится куда-то и ищи его свищи во Вселенной. Самый лучший способ устроить возвращения, это двигаться по кругу. А поскольку единственная тварь, телом образующая круг, это змей, он и стал героем всех мифов и культов. Невозможно же для круговорота солнца закрутить гиппопотама. Если цель — организовать церемонию заклинания солнца, советую бегать по кругу, потому что побежавши по прямой линии, убежишь бог знает как далеко от дома, а церемония окажется очень краткой. В круг собирается и публика, это знают уличные артисты. Круг, цикличность и вращение фундаментальны для любого культа и любого ритуала.

— Понятно, мамочка.

— Молодец, если понятно. Перейдем к магическим числам, которые столь милы сердцу твоих шизиков. Один — это ты, один — это у тебя твой штык, один — это у меня моя штука. Один есть нос, одно есть сердце. Много важного связано с цифрой один. Два — глаза, уши, ноздри, груди, тестикулы, ноги, руки и ягодицы. Три — число самое удивительное, потому что в нашем теле оно не встречается, у нас нет ничего, чего было бы три. Так что это число присваивается Богу. Но подумав как следует, из этого самого твоего штыка и из моей штуки, если их хорошо познакомить, получается третья вещь и нас становится трое! Так не надо быть профессором, чтобы понимать, откуда у разных народов берутся тернарные структуры, тройцы и так далее. Религии не просчитывали на компьютере, их придумывали серьезные люди, они занимались любовью с самозабвением, и троичные модели для них не мистика, а нормальный отчет о том, чем они занимались, и чем занимаемся, кстати, и мы. Теперь четверка. Две руки и две ноги. У животных вообще четыре ноги. Четыре ноги и у младенцев, вспомни загадку Сфинкса. О пяти незачем говорить. На обе-

их руках, пять и пять, вот десятка — еще один священный номер. Десять заповедей придумано потому, что когда священник объясняет Писание, у него как раз хватит пальцев для загибания. Будь заповедей двенадцать, ему пришлось бы ставить рядом с собой пономаря. Теперь посчитаем на нашем теле все то, что из него торчит. У тебя шесть — руки, ноги, голова и понятно что. У меня же торчит семь отростков, если считать таковыми груди. Твои сочинители не принимают цифру шесть всерьез, рассматривают разве что как удвоенную троицу, и обожествляют семерку именно потому, что ее нет в мужском теле. Видно, что женщину они в расчет не брали, как и в других отношениях, в те темные времена. Господь с вами... Восемь... ой, кажется, восьми-то в нас и нету... нет, погоди, если посчитать все длинные кости, по две в каждой конечности, то наберется именно восемь. Прибавь к этим костям позвоночник и получится девять, прикинь еще череп, выйдет десять. Если тебе надо еще несколько дополнительных примеров для сносок, посчитай дырки в теле. Сколько в тебе дырок?

— Глаза, ноздри, уши, рот, зад, восемь.

— Видишь? Еще одна священная восьмерка. А у меня дырок девять! И девятая нужна, чтобы на свет рождался ты, поэтому девятка священнее восьмерки! Тебе нужно объяснение разных мистических комбинаций и фигур? Ты хочешь знать, почему поклоняются менгирам, о чем бесконечно пишут твои авторы? Менгиры вертикальны, потому что мы работаем стоя, а ложимся только ночью, кстати, и твой маленький друг ведет себя так же, да, да, знаю, что он работает ночью, можешь не рассказывать, но в данном случае это не релевантно. Поэтому вертикаль символизирует жизнь и направлена на солнце, иobeliski тянутся к солнцу, в точности как деревья. Горизонталь и ночь, это сон и соответственно смерть, поэтому в такой моде менгиры, пирамиды, колонны, и поэтому никто не поклоняется балконам и балюстрадам. Слышал ли кто-либо про древние культы священных заборов? Нет? Вот то-то же. Кроме этого, возникли бы практические трудности, обожать вертикальный камень удобно, даже если обожателей довольно много, а вот обожать горизонтальный предмет можно только если у тебя есть место в первом ряду, но сзади будут напи-

рать и толкаться, а это не приличествует магической обстановке.

— А как же реки...

— Реки, не в том дело, что они горизонтальны, а в них вода. Не думаю, что ты нуждаешься в лекции о связи воды и нашего организма. Ну, в общем, мы созданы вот так, имеем такое тело, и его имеют все, и поэтому мы выдумываем одинаковые символы, проживая на расстояниях в миллионы километров, и неудивительно, что все на все похоже, и понятно, что нормально думающий человек видит алхимическую печку, закрытую со всех сторон и нагретую в середине, и думает о животе женщины, где вызревает младенец. Только у одних твоих одержимцев мозги так повернуты, что видя Мадонну, ожидающую дитя, они считают, будто она похожа на алхимический горн. Вот они тысячелетиями и разыскивают Послание, а дел-то всех подойти к зеркалу и посмотреть на себя.

— Твоими устами глаголет правда, и ты моя Я, я имею в виду своего Себя, увиденного глазами Тебя. Немедленно займись изучением архетипов, и не в зеркале.

В этот вечер мы придумали для себя слово “архетипиться” в значении “орхидеиться”.

Я уже засыпал, когда Лия тронула меня за плечо: — Совсем забыла, — сказала она. — А я-то беременна.

Надо было мне послушаться Лию. Ее устами говорила мудрость, она знала, как образуется жизнь. Внедряясь в подземелия Агарты, в глубины пирамид и к Изиде Без Покрывала, мы дошли до Гевуры, сефиры Ужаса, в час, когда гнев преисполняет собою пространство мира. Не соблазнил ли я сам, пускай на короткое время, призывом Софии? Говорит Моше Кордоверо, что женственное располагается слева, и все направления женственности — от Гевуры... Спасение в том, чтобы мужественность облагородила эти направления, дабы украсилась Супруга и повлеклась бы совместно с мужем по стезе доброты. Это означает, что любое желание не должно преступать положенных пределов. В противном случае Гевура превращается в Суровость, в темновидное подобие, в универсум бесов.

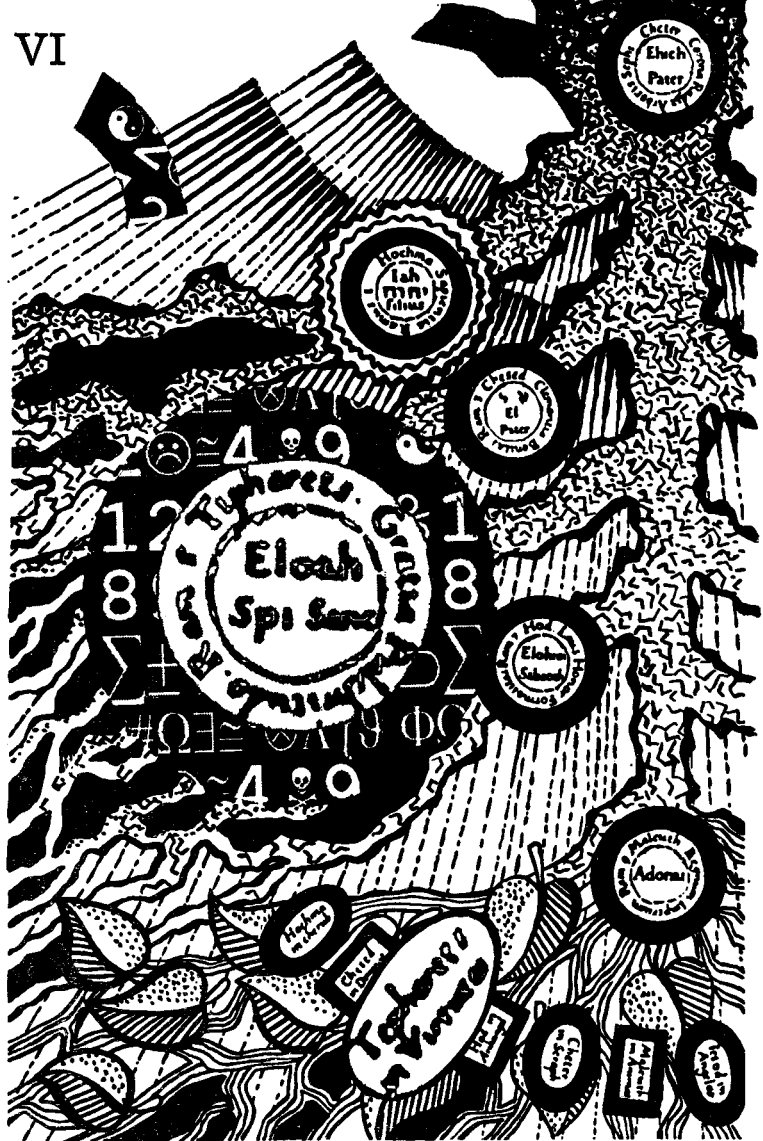
Дисциплинировать желания. Я сумел их дисциплини-

ровать в шатре умбанды, играя на агогоне, я поучаствовал в спектакле в составе персонала оркестра и уберег себя от транса. Так же было и с Лией. Я смирил свое желание из уважения к Супруге и был за то вознагражден во глубине моих чресел, семя мое оказалось благословенно.

Но я не смог проявить последовательность. Не устоял перед красою Тиферет.

IMPERET

VI

Сон, что живешь в ином
и неведомом городе,
к скорой смерти.
Ибо в ином месте обитель умерших,
и неведомо где.

Дж. Кардано, *Сводный Сонник*.
G. Cardano, *Somnium Synesiorum*,
Basel, 1562, 1, 58

64

Если Гевура — сефира зла и ужаса, Тиферет — сефира красоты и гармонии. Говорил о ней Диоталлеви: озаряющее умозрение, древо жизни, наслаждение и вид пурпура. Тиферет — союз Закона со Свободой.

Весь этот год был нами отдан наслаждению, шутливой игре с великим текстом мироздания, мы праздновали брачный союз Предания с Электронной машиной. Мы творили и наслаждались творением. В этот год мы изобрели План.

По крайней мере для меня тот год был хорошим годом. Беременность Лии развивалась хорошо, Гарамон вкупе с собственной конторой начинали давать достаточно средств к существованию, я по-прежнему держал офис в старой фабрике на краю города, но мы смогли отремонтировать квартиру Лии.

Необыкновенные приключения металлов были переданы в типографию, верстка вычитана. Тут-то господину Гарамону и пришла в голову его гениальная идея. — Иллюстрированная история магии и герметических учений. С тем материалом, который приходит от одержимцев, с ноу-хау, которое у вас имеется, и при консультировании такого уникального знатока, как Алье, вы в состоянии за годик соорудить том большого формата на четыреста страниц сплошь с иллюстрациями, все в цвете, чтоб чертям тошно стало. Возьмем слайды из истории металлов.

— Но, — вмещался я, — там не все годится. Причем к магии фото синхрофазотрона?

— Причем к магии? Поработайте, Казобон, поработайте воображением! Что происходит в нутре тех атомных машин, так сказать, мегатронных позитронов? Материя расквашивается. Кладете творог, вынимаете кварк, черные дырки, молотый уран или как его! Магия и жизнь, Гермес эт Алхермес, в общем, сами подберите необходимую формулировку. Слева гравюра с Парацельсом, Абракадабра с амальгамой, с золотой подложкой. Справа квазар, миксер для тяжелой воды, так сказать, всякие гравитационно-галактические радости, сами придумайте, я не могу вечно за вас работать. Настоящий маг не тот, кто слышал звон, не зная, где он. Настоящий маг — истинный ученый, изучивший скрытые свойства вещества. Удивительное — рядом с нами! Создать ощущение, что физики в своих институтах, астрономы на горе Паломар знают гораздо больше, чем принято думать.

Чтоб меня стимулировать, Гарамон повысил мне зарплату, даже почти ощутимо. Я вышел на охоту за миниатюрами “Книги Солнца” Трисмосина, за “Книгой безмолвия”, *Liber mutus*, за разными Псевдо-Луллиями. Папки переполнялись пентаграммами, древами сефирот, деканами и талисманами. Я забирался в самые богом забытые ящики библиотек, покупал десятки томов в тех книжных магазинах, которые в мое время специализировались на культурной революции.

Я привыкал к одержимцам, как психиатр к клинике, психиатр, привязывающийся к пациентам, к старинным деревьям больничного парка. Проходит время, он пишет

десятки страниц по бреду, потом начинает писать десятки страниц бреда. Он не ощущает, что больные его переманили. Он думает, что это художественно. Так родился План.

Диоталлеви вошел в игру, для него она стала молитвой. Что до Якопо Бельбо, я думал, что он забавляется, как я. Только теперь я вижу, что он не получал настоящего удовольствия. Он играл, как бывает, грызут ногти.

Или же он играл, чтобы найти несуществующий адрес, найти сцену без рампы, о которых говорится в файле о сне. Боготворение, замена Ангела, который не появится никогда.

Имя файла: Сон

Не помню, живет ли один в другом, или приходят один за другим в одну ночь, или просто снится то один то другой.

Ищу ее, знакомую, с которой у меня была настолько интенсивная связь, что не пойму, отчего я сам ее прекратил, не показывался. Я сам виноват. Во сне не могу понять, отчего дал пройти столькому времени. Я ищу несомненно ее, вернее сказать их, эта женщина не одна, их много, все утрачено одинаково, отдалены моей безучастностью. Я во власти нерешительности, мне хватило бы вернуть одну, я потерял настолько много, потеряв их. Обычно не нахожу, нет адреса, не решаюсь открыть блокнот с телефонным номером, а если и открываю, то как будто от дальнзоркости не могу прочитать имена.

Знаю, где она, то есть не знаю, что за место, но знаю, какое оно, четко помню лестницу, парадное, площадку. Не хожу по городу чтобы найти место, вместо этого полон грусти, стреножен, продолжаю беситься на тему: зачем позволил, или захотел, чтобы связь оборвалась — может быть, не придя на свидание. Я уверен, она ждет, чтобы я позвонил. Если б только я знал, как ее зовут, я прекрасно знаю, кто она, но не удается вспомнить лицо.

Иногда в дремоте, сменяющей сон, я оспариваю сон. Попробуй вспомнить, ты знаешь и помнишь все, ты со всем в жизни рассчитался, или даже не считался. Нет ничего такого, о чем бы ты не знал, где оно. Ничего такого нет.

Остается подозрение, будто что-то я забыл. Будто что-то засунуто в складки хлопотливости, как суют деньги или листок с адресом в самый маленький кармашек джинсов и только позже понимают, что эта-то мелочь и была решающей, единственной, главной.

Город я представляю себе четче. Париж, я на левом берегу, перейдя мост, окажусь на площади, наверно на Пляс де Вож... нет, не на такой закрытой, потому что на заднем плане видно подобие Мадлен. Перейдя через площадь, повернув за церковь, я вижу улицу (на углу букинист), криво сворачивающую направо, в путаницу переулков, и я в старой части Барселоны, в Баррио Готико. Можно оттуда выбраться на очень широкую улицу, в огнях, и именно на этой улице, я помню с эйдетической ясностью, по правой руке, в тупике, стоит Театр.

Непонятно, что происходит в этом обольстительном месте, несомненно нечто легчайше и радостнейше порочное, вроде стриптиза (и потому я не осмеливаюсь спросить), мне известно достаточно, чтобы хотеть туда вернуться, во власти возбуждения. Но тщетно, после Чатнем Роад улицы путаются.

Я пробуждаюсь со вкусом проваленной встречи. Не могу смириться с тем, что не знаю, что же потерял.

Иногда я в большом деревенском доме. Он просторен, но я знаю, что есть еще одна половина, только непонятно, как попасть, проходы замуровали. И в той половине множество комнат, я однажды видел эти комнаты, не может быть, чтоб они просто приснились в другом сне, со их старой мебелью и с выцветшими гравюрами, с игрушечными театриками прошлого века, театрики расставлены

на консолях, диваны укрыты вышитыми покрывалами, в книжных шкафах годовые подборки "Иллюстрированного журнала путешествий и приключений на суше и на море". Значит, неправда, будто они затрепались в порох и мама отдала старьевщику. Я хочу знать, кто же запутал лестницы и коридоры, потому что именно тут я хотел бы устроить свое Монрепо, среди запаха ценной рухляди.

Ну почему мне не снится выпускной экзамен, как всем?

Рама эта имела двадцать квадратных футов и помещалась посередине комнаты. Поверхность ее состояла из множества деревянных дощечек, каждая величиною с игральную кость, одни побольше, другие поменьше. Все они были сцеплены между собой тонкими проволоками. Со всех сторон каждой дощечки приклеено было по кусочку бумаги, и на этих бумажках были написаны все слова их языка в различных наклонениях, временах и падежах, но без всякого порядка. Профессор попросил меня быть внимательнее, так как он собирался пустить в ход свою машину. По его команде каждый ученик взялся за железную рукоятку, которые в числе сорока были вставлены по краям рамы, и быстро повернул ее, после чего расположение слов совершенно изменилось. Тогда профессор приказал тридцати шести ученикам медленно читать образовавшиеся строки в том порядке, в каком они разместились в раме; если случалось, что три или четыре слова составляли часть фразы, ее диктовали остальным четверем ученикам, исполнявшим роль писцов...¹

Дж. Свифт, *Путешествия Гулливера*.
J. Swift, *Gulliver's Travels*, III, 5

65

Думаю, что вышивая по канве сна, Бельбо снова говорил об утерянной Оказии, и об обете отказа, после того как не сумел использовать — если таковой имел место — свой Момент. План начался потому, что Бельбо смирился с идеей выдумывать себе лже-Моменты.

Я попросил передать какую-то рукопись, он стал рыться на столе, среди пирамид наваленных в диком беспорядке, без всякого учета тяжести и конфигурации, папок и подшивок. Потасил за требуемую, все обрушилось на пол. Папки пооткрывались и листы повыскакивали из своих некрепких поместилец.

— Не проще было поднять верхнюю половину? — спросил я. Напрасный труд. Бельбо всегда делал так.

Он ответил, как всегда: — Гудрун все вечером пособирает. Надо же ей иметь цель в жизни, не то она не состоится как личность.

На этот раз я, однако, имел личную заинтересованность в целостности рукописей, поскольку работал над ними. — Но

¹ Пер. с англ. под ред. А.А.Франковского.

Гудрун сроду не сумеет рассортировать по папкам, и страницы из одного текста попадут в другой.

— Диоталлеви был бы в восторге. Появятся новые, сложные, эклектичные, непредсказуемые книги. Настолько в духе одержимцев.

— Но мы окажемся в положении каббалистов. Теперь тысячи лет, пока образуется нужная комбинация. Вы просто используете Гудрун вместо обезьяны, которая пусть миллионы веков стучит на пишущей машине. Различие только в длительности. Разница между операторами пренебрежимо мала. Нет ли программы, чтоб Абулафия занялся этим делом?

Тем временем пришел Диоталлеви.

— Есть, конечно, — говорил Бельбо. — Теоретически возможно занесение двух тысяч данных. Была бы охота. Представьте, что это строчки вероятных стихов. Программа спросит, сколько в них должно быть четверостиший, потом из внутренних часов компьютера возьмет цифру, обозначающую количество секунд, и срандомизирует. То есть, начавши с этих случайных данных, создаст непредсказуемые комбинации. Из десяти строк можно получить тысячи случайных стихотворений. Вчера я заложил какие-то обрывки типа: “Веют свежестью липы”, “Веки мои набухли”, “Млели бы асфодели”, “Жизнь вот тебе подарок” и прочее. Хотите, прочитаю результат?

Ночи под сикстр считаю...
Гибель, твоя победа.
Гибель, твоя победа...
Млели бы асфодели...

В сердце зари (о сердце!)
Ты, альбатрос зловещий...
(Млели бы асфодели...)
Гибель, твоя победа.

Веют свежестью липы,
Ночи под сикстр считаю,
Удод на меня взирает.
Веют свежестью липы.

— Здесь допускаются повторы, я не знал, как их убрать из программы. Но и повторы поэтичны.

— Интересно, — сказал Диоталлеви. — Это примиряет меня с твоей железкой. Значит, если я заведу туда всю Тору и потом попрошу его, как это? рэндомировать? то компьютер создаст самую настоящую Темуру из перетасованных стихов Писания?

— Конечно. Вопрос времени. Дай ему годиков двести.

Я вмещался: — А если вместо этого задать десяток идей из рукописей одержимцев, ну вроде “Тамплиеры бежали в Шотландию”, “Corpus Hermeticum попал во Флоренцию в 1460 году” плюс несколько связок, “таким образом очевидно, что” или “из этого явствует”, мы можем ожидать немислимых откровений! Останется заполнить лакуны. Если будут повторы, их трактуем как пророчества, намеки или аллегории. В худшем случае, выйдет готовая глава неизданной истории магии.

— Гениально, — отреагировал Бельбо. — Я записываю.

— Не сегодня, уже семь. Давайте завтра с утра.

— Я все сделаю вечером. От вас требуется только несколько минут. Подберите, пожалуйста, с пола листиков двадцать в любом порядке и дайте мне самые первые фразы на каждой странице.

Я взял один лист. — Иосиф Аримафейский привозит Грааль во Францию.

— Чудно. Записано. Дальше.

— Согласно традиции тамплиеров, Готфрид Бульонский создает в Иерусалиме Великий Приорат Сиона. Дебюсси был розенкрейцер.

— Извините, — сказал Диоталлеви, — но надо бы ввести и нейтральные данные, например: “коала живет в Австралии” или “Папен изобрел скороварку”.

— “Минни невеста Микки-Мауса”, — предложил я.

— Как-то слишком...

— Ничего подобного. Если вы допускаете, что во всем мире, во всей вселенной существует хотя бы одна-единственная данность, не символизирующая иную данность, вы нарушаете закон герметизма.

— Да, справедливо. Запишем Минни. Позвольте предложить еще важную речевку: “Тамплиеры везде при месте”.

— Само собой, — кивнул Диоталлеви.

Так продолжалось минут сорок. Потом действительно стало поздно. Но Бельбо сказал не волноваться, сам продолжит. Гудрун пришла сказать, что уходит, Бельбо ответил, что останется работать и попросил собрать с пола. Из Гудрун послышались какие-то фонемы, не то агглютинативной латыни, не то черемисского языка, но и так и так они значили порицание и укор, доказательство общего корня всех языков, восходящего к языку Адама. При складывании Гудрун рэндомизировала не хуже компьютера.

Назавтра Бельбо пришел сияющий. — Сработало, — объявил он. — Выше всех ожиданий. — И продемонстрировал аутпут.

Тамплиеры везде при месте
Что ниже здесь следует, неверно
Иисуса распяли при Пилате
Мудрец Ормузд основал розенкрейцерство в Египте
В Провансе имеются каббалисты
Чей брак был в Кане Галилейской?
Минни невеста Микки-Мауса
Из этого вытекает
Что если
Друиды поклонялись Черным Девам
то
Симон познал Софию в проститутке
Чей брак был в Кане Галилейской?
Меровинги утверждают: их царство от Бога
Тамплиеры везде при месте

— Несколько сумбурно, — произнес Диоталлеви.

— Ты просто не умеешь видеть связи. И не придаешь значения вопросу, который так настоятельно повторяется: чей брак был в Кане? Повторы — магические ключи. Разумеется, моя дешифровка творческая, но инициированные могут и должны применять творческий метод. Иисуса, значит, не распяли, именно поэтому тамплиеры оспаривают крест как символ. В рассказе об Иосифе Аримафейском скрыто более глубинное содержание: не Грааль,

а сам Иисус был увезен во Францию и укрылся у провансальских каббалистов. Иисус — это образ Властелина Мира, он же истинный основатель розенкрейцерства. А с кем приплыл во Францию Иисус? С женой. Почему Евангелия умалчивают, кто женился в Кане Галилейской? Потому что женился там сам Иисус, а говорить об этом стесняются, ибо женился он на публичной женщине, на Марии Магдалине. Вот почему с тех пор иллюминаты, от Вещего Симона до Постэля, ищут вечную женственность в бардаке. Иисус между тем основал правящий королевский дом Франции.

Если наша гипотеза справедлива, Святой Грааль...
означает потомков Иисуса, "Sang real", королевскую кровь,
хранителями которой были тамплиеры...
В то же время Святой Грааль представляет собой,
в буквальном смысле, резервуар,
куда поступила кровь Иисуса.
Иными словами, лоно Марии Магдалины

М. Беджент, Р. Ли, Х. Линкольн,
Святая Кровь и Святой Грааль.
M. Baigent, R. Leigh, H. Lincoln,
The Holy Blood and the Holy Grail,
1982, London, Cape, XIV

66

— Ну, — сказал Диоталлеви, — никто это всерьез не примет.

— Наоборот, продастся стотысячным тиражом, — мрачно произнес я. — Эта теория вообще-то опубликована. В книге, анализирующей тайну Грааля в сравнении с секретами Ренн-ле-Шато. Если бы вы читали не только что редактируете, но и что выходит у конкурентов...

— Святые серафимы, — вскрикнул Диоталлеви. — Я же говорил. Твоя машина способна только на то, что всем известно. — И удалился безутешный.

— А по-моему, полезно, — ответил Бельбо, уязвленный. — Мне пришла идея, пришедшая кому-то другому? Ну и что же? Литературный полигенез. Господин Гарамон сказал бы: подтверждение того, что я возгласил истину. Те-то пропыхтели над концепцией много лет, а я за один вечер.

— Да в общем и мне кажется, что игра вполне стоящая. Но я думаю, что надо зарядить туда побольше сведений, не идущих от одержимцев. Штука не в том, чтоб накопать связей между Дебюсси и тамплиерами. Штука в том, чтобы выявить оккультные параллели, скажем, между семи-свечником и свечами в автомобиле.

Я ляпнул что попало, но Бельбо запало в душу. На следующее утро он вернулся к этой теме.

— Вы как в воду глядели. Все что угодно становится значимым, если разбирать в связи с другим феноменом. Связь изменяет перспективу. Заставляет думать, что любой факт в этом мире, любое имя, любое сказанное или написанное слово имеют не тот смысл, который виден, а тот, который сопряжен с Тайной. Девиз тут простой: подозревать всегда, подозревать везде. Можно читать между строк даже надпись в метро “не прислоняться”.

— Ну да. Сексофобия катаров. Страх перед воспроизводством. Телесное соитие запрещено, ибо это ловушка Демиурга. И чтобы шли иным путем.

— Вчера я листал учебник для сдачи на права. Точно как вы мне перед тем говорили: у меня появилось чувство, будто там сообщается нечто Совсем Иное. Может, автомобиль нужен лишь как метафора творения? Только не ограничиваться внешним видом и приборным щитком. Нас интересует то, что видимо лишь мастеру-Магистру, тому, кто снизу. Ведь Доле — то же, что и Горе. Дерево сефирот.

— Ну что вы!

— Ей-богу. Шасси состоит из головного двигателя, двух передних колес, сцепления, передачи, двух карданов, дифференциала и двух задних колес. Десять отделов, десять сефир.

— Но их функции не соответствуют.

— Кто сказал? По Диоталлеви, существуют варианты дерева, в которых Тифферет не на шестом, а на восьмом месте, после Нецах и Год. А по мне, предлагаю опереться на дерево Вельбот.

— Быть по сему. Заметьте, по-латыни это “Fiat”.

— Все один к одному! Рассмотрим наше шасси. Голова — двигатель, то есть Движитель, Omnia Movens, Источник творенья. Мотор сообщает творческую энергию двум близлежащим Колесам, Колесу Разума и Колесу Мудрости.

— Это в машинах с передней тягой.

— Что хорошо в дереве Вельбот, это что можно развесить на нем любое количество альтернативных метафизик. В этом первом случае — fiat космос полный духовности, тяготеющий вперед! И в нем находящийся впереди Творитель проводит в жизнь свои желания передними конечностями. В обратном случае мы получим материа-

листический, второсортный космос, куда творческая энергия будет поступать из материально-механического зада и передаваться на испод, то есть осуществлять подлые импульсы материи.

— А при головном моторе и заднем приводе?

— А это уже сатанизм. Посыл с Высей к исподу, в преисподню. Господь, идентифицирующий себя с движениями подлой задней материи. Бог как имманентная фрустрация в вечном стремлении к божественности. Конечно, это случается при Растрескивании Сосудов.

— То есть при потрескивании глушителя?

— Да, что означает поломку выхлопной трубы, и по вине этой аварии разлетаются ублюдочные космосы — жертвы абортот. Ядовитое дыхание Архонтов распыляется по Космическому Эфиру. Не будем же распыляться мы с вами. После Двигателя и передних Колес имеем Сцепление, то есть сефиру Благодати, где соединяется все благое, и которая способна проводить или перекрывать любовный ток, пронизывающий тело всего Древа. Здесь два Диска, две Мандалы, ласкающие друг друга. Далее Коробка, то есть Ларец Передач, и в нем сосредоточено Зло, не случайно передавать и предавать слова — одного корня. Человеческая воля путем предательского механизма обретает возможность замедлять или усиливать эманацию божественного начала. Вот почему за машины с автоматическим механизмом мы платим большие деньги: в них самое Древо регулирует эманацию исходя из Идеальной Пропорции. Потом имеются Кардан, не случайно носящий имя средневекового мага, и Коническая Пара, заметьте мистическое соотношение с числом четыре, олицетворяющим цилиндры мотора. Это Венец (в сефиротном древе Кетер), передающий энергию на земную ось, то есть ось нижнего колеса. В этом контексте особо значительна функция сефиры Распределения, то есть Дифференциала: одушевляемый величественным понятием Красоты, он распределяет космические силы на Колеса Славы и Победы, те самые, которые в космосе не ублюдочном (то есть с передним приводом) непосредственно повинуются приказам Верховных Колес.

— Складно. А сердце Двигателя, поместилище Единого, Венец?

— Достаточно прочесть с позиций магии! Верховный мотор существует за счет Всасываний и Выхлопов — Вдохов и Выдохов Бога, где первоначально так называемые Цилиндры (многозначный геометрический архетип!) существовали вдвоем, потом они породили Третий, и в конце концов, ныне они пребывают во взаимном обожании и любви во славу Четвертого. В этом дыхании, в Первом Цилиндре (никто из них не первый по иерархии, им свойственно чудесное чередование очередностей) Поршень (важную часть которого составляет крейцкопф, предоставляю вам самостоятельно судить о символических ареалах этого имени) опускается из Верхней Мертвой точки в Нижнюю Мертвую точку, причем цилиндр преисполняется Энергией в чистом виде. Дальше, скажу упрощенно, хотя в принципе здесь должны быть задействованы иерархии ангелов, заведующих распределением каждый по своей категории... В учебнике выражено так: "...позволяется открывание и закрывание просветов, с помощью которых сообщается внутренность цилиндров с трубопроводами впуска горючей смеси". Итак, внутренность Двигателя может сообщаться с окружающим миром лишь при посредстве этого распределения. Тут, мне кажется, мы касаемся, хотя не хотел бы я выступить проводником ереси, деликатнейшей темы: Он, Единый, исконно ограничен! Он, Единый, в своем творчестве зависит от позволения/непозволения Великих Экцентриков! Вот в каком смысле надо понимать Был Свет, просвет, fiat lux. Стоит повнимательнее читать Писание... Ну бог с ним с богом. Как бы то ни было, когда Цилиндр наполняется Энергией, Поршень приходит в Высшую Мертвую Точку и происходит Предельное Сжатие. Вот и цимцум, или же славный момент Биг Бэнга, Воспламенения и Расширения. Вспыхивает Искра (божия, по всей очевидности), и смесь воспламеняется и пылает, и это, как гласит мой учебник вождения, Единственная Активная Фаза Цикла. И горе, горе если в ту смесь проникли раковины, келиппот, включения нечистой материи, воды, кока-колы. Расширение не состоится, или состоится убудочными рывками...

— "Шелл" не значит ли "раковина"? Келиппот? Подальше от бензоколонок этой марки!

— Надо разобраться. Не исключается махинация... ма-

шинация... со стороны Семи Сестер, фурий преисподни, желающих контролировать процесс Творения. В любом случае, после Расширения наступает великий божий Выдох, в старинных текстах зовомый Выхлоп. Поршень снова подымается в Верховную Мертвую Точку и извергает бесформенную, отгоревшую материю. Только если удался этот ритуал очищения, начинается новый Цикл. Подумать как следует, нас ведут прямым к неоплатоническому чередованию эксодов и пародов, к дивной диалектике Восхождений и Нисхождений...

— *Quantum mortalia pectora caesae noctis habent!*¹ а сыны материи никогда не замечали!

Потому-то учителя Гнозиса говорят, что нельзя доверяться гликам (сынам материи), а лишь пневматикам (сынам духа).

— Уйдем от пневматики. На завтра я приготовлю мистическую интерпретацию телефонного справочника.

— Не хорохорьтесь. Думаете так запросто разрешить проблему Единства и Множества? Начните с простых вещей. Стиральная машина.

— С ней все понятно. Стираем что? Белье? Ну, это празднование Белой Деи. От Черной Деи к Белой Дее — ритуальный алхимический процесс.

¹ Как много в груди человека тьмы беспросветной! — Овидий “Метаморфозы”, 6, 472—473. Пер. с лат. С.В. Шервинского.

Da Rosa, nada digamos agora...¹

Сампайо Бруно, *Кавалеры любви*.
Sampayo Bruno, *Os Cavaleiros do Amor*,
Lisboa, Guimarães, 1960, p. 155

67

Когда душой овладевает подозрительность, не ускользает ни один след. Теперь я находил многозначительные приметы во всем, что попадало в руки.

Я переписывался с бразильскими друзьями, вдруг в Коимбре наметился конгресс по лузитанской культуре. Скорее из желания меня увидеть, чем из уважения к моим познаниям, друзья устроили мне приглашение на этот конгресс. Лия со мной не поехала, она была на седьмом месяце. Беременность не слишком исказила контуры тонкого тела, Лия просто приняла очертания хрупкой фламандской мадонны, но поездка ей была противопоказана.

Три замечательных вечера в обществе старинных товарищей — а затем мы покатали на автобусе обратно в Лиссабон, и на ходу завязалась дискуссия, куда интереснее заехать, в Томар или в Фатиму. Томар — так называется замок, в котором португальские тамплиеры укрывались после того, как благорасположение короля и заступничество папы спасли их от процесса и костра, и где обитали под именем Христовых Кавалеров. Я не мог пропустить тамплиерский замок. К моей радости, большинство компании прохладно восприняло идею Фатимы.

Если можно вообразить самый растамплиерский из замков — таков Томар. Поднимаешься туда по военной дороге с укреплениями, огибающей наружные бастионы, все бойницы там в форме креста, и с первой минуты вы в атмосфере крестового похода. Рыцари Креста множество столетий жили там припеваючи; предание рассказывает, что Генрих Мореплаватель и Христофор Колумб происходили из их среды, и действительно они посвятили жизнь завоеванию морей — дав основу величию Португалии. Дол-

¹ О Розе мы тогда не говорили... (португ.)

гое и счастливое пребывание, выпавшее на их долю, позволило им перестраивать и расширять замок, благодаря чему к средневековому корпусу добавились пристройка времен Возрождения и барочное крыло. Я растрогался, увидев замковую церковь с ее восьмиугольной ротондой, повторяющей архитектуру Гроба Господня. Меня также заинтересовало разнообразие форм тамплиерского креста в различных регионах: я уже заметил эту вариативность, изучая разношерстную иконографию по своей теме. В то время как кресты мальтийских рыцарей оставались практически неизменными во времени и пространстве, тамплиерские, судя по всему, модифицировались под воздействием моды эпохи или традиции места обитания. Вот почему охотники за тамплиерами кидаются на кресты любой формы и всегда обнаруживают за ними засекреченных Рыцарей Храма.

Потом гид повел нас смотреть окошечко в стиле мануэлино, так называемое “жанела”: ненамного больше простой отдушины, его проем был облеплен со всех сторон морскими и подводными сувенирами, водорослями, ракушками, якорями, брамселями и швартовыми — в прославление достижений здешних рыцарей на поприще океаноплавления. По сторонам окна, на чем-то вроде декоративной ленты, опоясывающей приоконные пилоны, я увидел высеченные знаки Подвязки. Как может быть символ английского ордена в португальской военной крепости? Гид не знал что отвечать, но через некоторое время, проводя нас по противоположному крылу, кажется, северо-восточному, обнаружил и показал нам знаки Золотого Руна. Я не мог не подумать о тончайшей игре соответствий, объединяющих Подвязку с Руном, Руно с аргонавтами, аргонатов с Граалем, Грааль с тамплиерами. Я вспоминал и бредни полковника Арденти, и какие-то страницы из сочинений одержимцев... И прямо подскочил, когда гид-португалец ввел нас в залу со сводчатым потолком, усеянным розетками. Из доброй половины розеток глядела бородастая, козлоподобная физиономия. Бафомет...

Мы спустились в крипту. Сойдя семь отлогих ступеней, пол необработанного камня подкатывается к абсиде, в которой так и видится алтарь или трон Великого Магистра.

Но чтоб приблизиться к нему, надо пройти под семью сводами, в середине каждого из коих — роза, каждая крупнее предыдущей, а последняя, совершенно распутившаяся, нависает над колодцем. Крест и роза в тамплиерском монастыре, в зале, которая несомненно создавалась до розенкрейцерских манифестов! Я задал гиду несколько вопросов в этом духе, он улыбнулся: — Знали бы вы, сколько оккультистов паломничает сюда к нам... Говорят, это был зал инициации...

Случайно попав в еще не отреставрированное помещение, я наткнулся на пыльную мебель и картонные коробки. Рассеянно запустил руку в короб — вынул растерзанный том на еврейском языке, приблизительно семнадцатого века. Что делает еврейская книга в Томаре? Гид ответил, что тамплиеры поддерживали отношения с местной еврейской общиной. И, подведя меня к окну, показал кусок французского сада с маленьким изящным лабиринтом. Творение, сказал он, еврейского архитектора восемнадцатого столетия, Самуила Шварца.

Второе свидание в Иерусалиме... А первое назначалось в замке. Не так ли говорится в провэнском заветании? О господи, вот он заветный замок, замок первого съезда. Это не Монсальват рыцарских романов, не Авалон в Гиперборе. Они искали место для срочной ретирады, что первым делом приходило им в голову, храмовникам из Провэна, привыкшим командовать гарнизонами, а не читать романы Круглого Стола? Отступаем на укрепленные позиции, окапываемся в Томаре. И там под именем Рыцарей Христа уцелевшие храмовники пользовались всеми благами свободы, неограниченными гарантиями, и там у них была налаженная связь со связными второго отряда!

Я ехал из Томара, из Португалии, и воображение мое полыхало. Наконец-то я прочувствовал серьезные аспекты Послания, переданного нам полковником. Храмовники, перейдя на нелегальное положение, выработали план, предназначенный продлиться шестьсот лет и завершиться в сегодняшнем столетии. Тамплиеры были серьезные люди. Если они писали “замок”, они действительно имели в виду серьезный замок. Действие Плана начинается в Томаре. В этом случае, какой идеальный маршрут мог быть

намечен на будущее? Какая последовательность для пяти предполагающихся слетов? Места, в которых тамплиеры могли рассчитывать на радушный прием, на покровительство, единомыслие. Полковник называл нам Стонхедж, Авалон, Агарту... Все это глупости. Текст Завещания следовало проанализировать по-новому.

Разумеется, повторял я сам себе, возвращаясь домой, речь не идет о том, чтоб открыть секрет тамплиеров, а о том, чтобы изобрести его.

Для Бельбо, по-моему, было неприятно напоминание о малоудачной истории с полковником. Тем не менее листок он мне отыскал, порывшись в самом нижнем ящике. А все-таки, заметил я про себя, он его хранил. Мы вместе перечитали Послание провэнцев. После стольких-то лет.

Все начиналось фразой, зашифрованной по Тритемию: “Les XXXVI invisibles separez en six bandes” — “Тридцать шесть невидимых, разделенных на шесть отрядов”.

Потом шло:

*a la ... Saint Jean
36 p charrete de fein
6... entiers avec saiel
p... les blancs mantiax
r... s... chevaliers de Pruins pour la ... j. nc
6 foiz 6 en 6 places
chascune foiz 20 a ... 120 a...
iceste est l'ordonation
al donjon li premiers
it li secunz joste iceus qui ... pans
it al refuge
it a Nostre Dame de l'altre part de l'iau
it a l'ostel des popelicans
it a la pierre
3 foiz 6 avant la feste ... la Grant Pute.*

Через тридцать шесть лет после повозки с сеном, в ночь Иоанн Крестителя, года 1344, шесть запечатанных посланий рыцарям в белых плащах, снова упорствовавшим пос-

ле покаяния, рыцарям из Провэнна, в целях отмщения. Шесть раз шестеро в шести местностях, раз в сто двадцать лет, таков План. Первые едут в замок, потом соединяются с теми, кто ест хлеб. Потом опять в укрытие, потом опять к Нашей Владычице с той стороны реки, после этого в дом к попликанам, а потом к камню. Как видите, в 1344 году План рекомендует тамплиерам отправляться в замок. И действительно, они укрепляются в Томаре начиная с 1357-го. Теперь давайте подумаем, куда могли в это время заслать второе подразделение. Ну, раз-два-три, убегающие тамплиерчики, куда бы нам приклонить ваши буйные головы?

... Н-ну... допустим, рыцари сенной телеги высадились потом в Шотландии... но почему оказаться в Шотландии называется “у тех, кто ест хлеб”?

Но меня уже невозможно было сразить. По ассоциативным цепочкам я мог бы участвовать в чемпионате мира. Прекрасно, начинаем с любого места. Шотландия — Горная страна — друидические обряды — ночь святого Иоанна — летнее солнцестояние — костры на Ивана Купала — Золотая ветвь... Попробуем, хотя успех не гарантирован. Что-то я читал о кострах в “Золотой ветви” Фрэзера.

Я позвонил Лии. — Слушай, возьми, пожалуйста, “Золотую ветвь” и посмотри костры на Ивана Купала.

Лия искала, как всегда, недолго. — Что тебя интересует? Древний ритуал, отмечен во всех странах Европы. Празднуется день, когда солнце занимает максимальную высоту над горизонтом. Святого Иоанна добавили, чтобы окристанить все это дело...

— А едят хлеб? В Шотландии?

— Не написано... А, вот. Хлеб едят не на Ивана Купала, а первого мая, в ночь первомайских костров или ночь Белтейн, имеется такой праздник друидического происхождения, в особенности на севере и северо-западе Шотландии...

— О, вот то, что надо! Едят хлеб? Сказано почему?

— Делают лепешки из пшеничной и овсяной муки и выпекают на углях. Потом какой-то ритуал, воспроизводящий доисторические человеческие жертвоприношения... Эти лепешки называются бэннок — bannock.

— Как? Скажи по буквам! — Я записал, поблагодарил,

заверил, что она моя Беатриче, моя фата Моргана и еще какие-то нежности. И тут я вспомнил один пассаж из своего собственного диплома: секретное ядро ордена, согласно легенде, укрылось в Шотландии при короле Роберте Брюсе и храмовники помогли этому королю выиграть битву при Бэннок Берн. Король же отблагодарил их, учредив новый орден Кавалеров святого Андрея Шотландского.

Я вытащил из шкафа пятитонный английский словарь и проверил свою догадку. Бэннок на средневековом английском (*bannic* на древнесаксонском, *bannach* на гэльском) — это что-то вроде крекера, выпеченного на плите или на гриле, из ячменя, овса или любого другого зерна. Берн (*burn*) — это поток. Оставалось только перевести на французский так, как могли перевести французские тамплиеры, оповещая об обстановке в Шотландии своих провэнских компатриотов, и выходило что-то вроде Хлебного ручья или Булочной протоки, в общем хлеб, в любом случае присутствовал. Те, кто при хлебе, — означало те, кто выиграл сражение на Хлебном ручье, то есть шотландская ветвь распавшегося ордена, которая в то время, когда писался текст, возможно, распространилась уже на всю территорию британских островов. Логично, суперлогично, архилогично. Маршрут Португалия — Англия. Это естественнее, чем Северный полюс — Палестина.

Пускай твои одежды будут белыми... Если ночь, засвети множество лампад, пусть все озарится... Тогда начинай переставлять буквы, по одной или по нескольку, меняй их местами, передвигай и сочетай до тех пор, пока сердце твое не станет горячо. Будь внимателен к перемещению букв и к тому, что может произойти от их смешивания. И когда ощутишь, что в сердце твоём горячо, когда увидишь, что перестановкой букв тебе удастся постичь вещи, которые иначе не удалось бы тебе постигнуть, ни самостоятельно, ниже обратясь к Преданию, когда ты готов воспринять наитие божественной мощи, которая войдет внутрь тебя, напряги тогда всю глубину помысла, чтобы вообразить в твоём сердце Имя и Его Ангелов наивысших, как если бы они были человечны и находились перед тобой неподалеку.

Абулафия, *Хайе Га-Олам га-Ба*.
Abulafia, *Haуе ha-'Olam ha-Ba*

68

— Складно, — сказал Бельбо. — А где в таком разе у них Убежище?

— Шесть ячеек, как мы уже поняли, получили приказ законспирироваться в шести местах, из которых только одно фигурирует под именем Убежища. Что нестандартно. Следовательно, можно сделать вывод, что в других местностях, например в Португалии или в Англии, тамплиеры могли жить не скрываясь, только переименовав свое имя, а вот в этом конкретном месте они должны были прятаться. Я сказал бы, что Убежищем вполне могли бы называть место, в котором схоронились тамплиеры Парижа, когда им пришлось покинуть Тампль. Вдобавок, мне кажется еще и разумным, чтобы маршрут из Англии пролегал через территорию Франции. Почему бы не предположить, что у храмовников сохранялся подпольный центр в городской черте Парижа, в тихом и спокойном месте? Они хорошо понимали, что такое политика, и предполагали, что через два столетия многое в жизни переменится и что возможно станет и во Франции действовать при свете дня, или почти при свете.

— Ладно, пусть едут в Париж. Что потом на очереди?

— Полковник предлагал нам Шартр. Но если мы подставили в третью позицию Париж, мы не можем в четвертую помещать Шартр, потому что План должен охватывать разные государства Европы. Кроме того, сначала мы выработывали мистическую версию, с тем чтобы опереть на нее версию политическую. Понимаемое мистически, продвижение тайных отрядов организуется, скорее всего, по синусоиде; поэтому имеет смысл принять к рассмотрению север Германии. И что же? С той стороны воды, с той стороны реки, попросту говоря за Рейном, имеется город не какая-то там церковь, а целый город, посвященный Богоматери. Мариенбург.

— А с чего бы им назначать свидание в Мариенбурге?

— Потому что это город тевтонских рыцарей! У тамплиеров с тевтонами отношения не испорчены, как испорчены с госпитальерами. Те-то так и подстерегают, подобно стервятникам, чтобы орден окончательно разгромили, чтобы все богатства перешли к ним. Тевтонский же орден, хотя он тоже основан в пику тамплиерскому (в Палестине, германскими императорами), довольно скоро был переведен на север, чтобы остановить вторжение варваров — пруссаков. И они провернули это так удачно, что в какие-то два столетия превратились практически в империю, объединившую все балтийские территории. Они подмяли под себя Польшу, Литву и Ливонию. Они основали Кенигсберг, потерпели поражение один-единственный раз — от Александра Невского в Эстонии, и приблизительно в тот момент, когда тамплиеров арестовывают в Париже, тевтоны провозгласили своей столицей Мариенбург. Если действительно духовное рыцарство работало над планами завоевания мира, у тамплиеров с тевтонами могла существовать договоренность о зонах влияния...

— Знаете, что я вам скажу на все это? — произнес Бельбо. — Похоже на логику. Переходим к пятой группе. Объясните теперь попликан.

— Не могу, — сказал я.

— Вы меня ужасно разочаровали, Казобон. Наверное, придется спросить Абулафию.

— Ох, нет, — отвечал я, уязвленный. — Абулафия способен подсказать неожиданные связи. Но попликане — не

связь, а данное; а данные — это забота старого Сэма Спейда. О Йес! Дайте мне несколько дней и ночей.

— Две недели я могу дать вам, Спейд, — отвечал Бельбо. — И если через две недели вы не выставите мне попликан, будьте добры выставить бутылку “Баллантайна” двадцатилетней выдержки.

“Баллантайн” был мне не по карману. Через неделю в этот же час я преподносил своим хищным подельникам попликан почти что на блюдечке.

— Все элементарно. Держитесь за меня крепче. Сперва мы заскочим в четвертый век после начала нашей эры, на территорию Византии, и убедимся, что в средиземноморском ареале в это время укореняются разнообразные верования манихейского содержания. Начнем хотя бы с архонтиков, которых основал в Армении Петр Кафарбарухийский, о котором никто не может сказать, что у него незапоминающееся имя. Заядлые антииудаисты, они идентифицируют дьявола с Саваофом, богом иудеев, обитающим на седьмом небе. Их цель — возвыситься до Великой Светоматери, которая живет небом выше, на восьмом, для чего, по их понятию, следует откреститься и от Саваофа и от таинства крещения. Что скажете?

— Открещаемся, — тряхнул головой Бельбо.

— Да? Но архонтики еще пайньки по сравнению со всеми остальными. В пятом веке возникают мессалиане, которые, кстати, продержались во Фракии аж до одиннадцатого века. Мессалиане — не дуалисты, они монархиане. Но у них активные взаимоотношения с силами ада, до такой степени, что в некоторых сочинениях они именуются борбориты — от “borboros”, что означает “нечисть”, в честь тех непроизносимых бесчинств, которые они творили.

— А в чем состояли непроизносимые?

— Да все то же. Мужики и жены собирали свои непотребства, то есть сперму и месячные крови, и в ладонях возносили к небесам и поедали как тело Христово. Если же беременела жена, отверзали ей чрево ладонью и вырывали плод и толкли его в ступе и поедали с медом и перцем.

— Мед с перцем, — покривился Диоталлеви. — Ну и гадость.

— Теперь вы знаете, каковы мессалиане, впрочем, известные также под именами стратиотиков и фибионитов, но не путайте их с барбелитами, состоящими из наассеан и феминитов. Правда, некоторые отцы церкви полагают, что барбелиты — это как бы припозднившиеся гностики, а следовательно, дуалисты, обожавшие Великую Матерь Барбелу, и члены этого согласия называли борборианами гиликов, “детей материи”, но не психиков, которые все же были поприличнее гиликов, и не пневматиков, которые в свою очередь гораздо приличнее психиков и в этой компании представляют собой что-то вроде “Ротари Клуб”. С другой стороны, есть мнение, что стратиотики — это не что иное, как гилики по терминологии митраистов.

— Я не все уловил, — сказал Бельбо.

— Я вас понимаю. Но, к сожалению, эти люди не оставили документации. Все, что о них нам известно, известно от их ненавистников. Забудем же о них! Мне они понадобились только чтобы показать вам, какая безалаберщина царила в это время в средиземноморском ареале. Теперь вы поймете, откуда взялись павликиане. Павликианами именовались последователи, как вы догадались, апостола Павла, к которым присоединились иконоборцы, изгнанные из Албании. Начиная с восьмого века и в течение последующих число этих павликиан стремительно умножалось, секта перерастала в общину, община в банду, банда в политическую силу, и византийские императоры начали из-за них терять терпение и насылают на них имперские армии. Они же распространяются до самой границы арабского мира, обсаживают Евфрат, заполняют византийские владения по берегам Эвксинского понта. Устраивают колонии повсеместно, и мы обнаруживаем их последышей даже в семнадцатом веке, после чего их переагитировали иезуиты, хотя и до сих пор существуют какие-то общины на Балканах или что-то вроде этого. Во что же веруют павликиане? В Господа Троединого, за исключением одной детали — что Творец действительно спроектировал наш мир (насколько удачно, сейчас не обсуждается). Они отрицают Ветхий Завет, ниспровергают заповеди, попирают крест и не почитают Приснодеву, так как думают, что Христос воплотился непосредственно на небе и проскочил через Ма-

рию, как через водосток. Богумилы, которые частично вдохновились их идеями, заявляли даже, что Христос в Марию вошел через ухо и вышел через другое, так что она вообще ничего не заметила. Кое-кто обвиняет их в том, что они обожают солнце и дьявола и примешивают младенческую кровь ко хлебу и к вину причастия.

— Ну, не одни они.

— Самое смешное, что в то время для еретиков хождение к мессе было действительно травматогенно, впопыху хоть в мусульмане подаваться. Я вам коротенько охарактеризовал этих несгибаемых именно для того, чтобы пояснить, что когда в Италии и в Провансе распространились дуалисты-диссиденты, их спонтанно начали называть в честь павликиан: попеликанами, публиканами, популиканами и так далее. В Галлии, как мы читаем, употреблялась форма “попликане” — *gallice etiam dicuntur ab aliquis popelicant!*

— Что и требовалось нам от них.

— Что и требовалось. Павликиане же продолжают в девятом веке вставлять пистоны византийским императорам до тех пор, пока император Василий торжественно не присягает, что если только он доберется до их атамана по имени Хризохер (ей-богу!), который к тому времени запустил свой сброд в церковь святого Иоанна Божьего в Эфесе и напоил коней из водосвяченной купели...

— ... дались им эти кони, — пробормотал Бельбо.

— ... он ему вставит три стрелы в башку. Василий наслал на него имперские вооруженные силы, те его изловили и отрубили голову, император дождался, когда голову принесли к нему на подносе, поставил ее к себе на трюмо, на журнальный столик, не знаю в какое место, и вжих, вжих, вжих, загнал свои три стрелы, полагаю — по одной в каждый глаз и в рот.

— Ну и нравы, — сказал Диоталлеви.

— Да они не со злости, — сказал Бельбо. — Это еще один аспект веры. “Основа чаемых вещей”¹, а попросту говоря выдача желаемого за действительное. Давайте дальше, Казобон, все равно наш Диоталлеви презренный богоубийца и не понимает теологических тонкостей.

¹ Данте “Божественная комедия”, Рай XXIV, 64. Пер. с итал. М.Л. Лозинского.

— Так вот, к чему я собственно: крестоносцы пересекались с павликианами! Они пересекались с ними около Антиохии во время первого крестового похода, в то время как павликиане воевали на стороне арабов, а кроме того, при осаде Константинополя, когда павликианская община из Филиппополя норвила тихо сдать город болгарскому царю Иоаннице ради того только, чтобы насолить французам, как свидетельствует Вилльардуин. Вот вам искомая связь с тамплиерами и искомый ключик к загадке. Легенда говорила, что тамплиеры оказались нестойки к ереси катаров, а на самом деле тамплиеры и травили катаров в эту ересь! Они встречались с павликианскими общинами во времена крестовых походов и наладили с ними таинственные взаимоотношения, как прежде их налаживали с мистиками и с мусульманскими еретиками. В то же время на нас работает и сама по себе теория Плана. Мистическому Пути некуда идти, если не через Балканы.

— Почему?

— Потому что, по-моему, очевидно, что шестое свидание намечено в Иерусалиме. В Плане ясно сказано — объединиться у камня. Где стоит тот самый камень, который обожествляют мусульмане, и чтобы увидеть который надо снимать ботинки? Да вот же, посередине Омаровой мечети в Иерусалиме, на том месте, где некогда возвышался Храм Храмовников! Не знаю, кто там будет заниматься организацией встречи — может быть, тамплиеры, законспирированные и закамouflированные, а может быть, каббалисты, связанные с португальцами, но ясно одно: чтобы из Германии попасть в Иерусалим, самый короткий путь пролегает через Балканы, и именно там затаилась пятая подстава, а именно павликиане. Видите, как с каждым шагом наш План все хорошеет.

— Прелесть просто, — сказал Бельбо. — А где именно на Балканах надо было их искать? Попликан?

— Я полагаю, что самыми естественными преемниками попликан должны были выступить болгарские богомилы. Но провэнские тамплиеры не могли, безусловно, предвидеть, что в самый неподходящий момент Болгария будет захвачена турками и останется под их пятой в течение пяти столетий.

— Исходя из чего, делаем вывод, что выполнение Плана сорвалось на переходе от немцев к болгарам, когда примерно?

— В 1824 году, — сказал Диоталлеви.

— Почему, извини?

Диоталлеви быстро набросал следующую схему:

Португалия	Англия	Франция	Германия	Болгария	Иерусалим
1344	1464	1584	1704	1824	1944

— В 1344 году первые великие магистры каждой из шести групп обосновываются на шести установленных Планом местах. В течение ста двадцатилетнего срока в каждой группе сменяется по шести великих магистров и в 1464 году шестой магистр Томара встречается с шестым магистром английской группировки. В 1584 году двенадцатый английский магистр встречается с двенадцатым французским. Цепочка и дальше разворачивается в том же ритме и если встреча с павликианами срывается, она срывается в 1824-м.

— Предположим, что она срывается, — сказал я. — Но невозможно понять, почему столь подготовленные люди, имея на руках четыре шестых части окончательного Извещения, не смогли реконструировать его сами. Или почему, если уж сорвалось их свидание с болгарами, они не связались непосредственно со следующими партнерами.

— Казобон, — сказал на это Бельбо. — Вы действительно считаете, что провэнские конспираторы были такие дурашлепы? Если они хотели, чтобы Сообщение оставалось в тайне полных шестьсот лет, наверное, они приняли предосторожности, или я ошибаюсь? Каждый великий магистр, наверное, знает, где ему искать гроссмейстера следующей команды, но не знает, где искать всех остальных, а никто из остальных не знает, где искать представителей предыдущих эшелонов. Стоило немцам разминуться с болгарами, и они уже не знают, где искать иерусалимитян, а иерусалимитяне не знают, где им искать и кого вообще разыскивать. Что же касается реконструкции желанной Вести по имеющимся фрагментам, это зависит от того, как были наре-

заны и розданы эти фрагменты. Я думаю, не в прямой последовательности. Не хватает важного кусочка — и потерял смысл всей вообще истории, а тот, у кого кусочек на руках, не знает, что ему с ним делать.

— Подумайте только, — произнес Диоталлеви, — если их встреча не состоялась, сейчас по Европе в совершенной тайне рыскают представители всех групп, желающие и не могущие объединиться. Каждому из них абсолютно ясно, что вот столечко не хватает ему до мирового господства... Как зовут этого чучельщика, о котором вы рассказывали, Казобон? Может быть, действительно существует заговор, и вся история мира — это только результат борьбы за восстановление потерянного Известия? Мы их не видим, а они, невидимые, орудуют вокруг нас.

У Бельбо и у меня в голове роилось примерно то же самое, так что мы все говорили хором. Накричавшись, мы обратили внимание на то, что должно было сразу броситься в глаза. По меньшей мере два выражения из провэнского завещания, а именно: пассаж о тридцати шести невидимках и рассуждение о ста двадцати годах — всплывали и в ходе знаменитого спора о розенкрейцерах.

— К тому же розенкрейцеры — немцы, — добавил я. — Придется почитать их манифесты.

— Но вы же говорили, что они фальшивые, — сказал Бельбо.

— Ну и что? Мы тоже сочиняем фальшивку.

— Ах да, — ответил на это Бельбо. — Я почти что забыл.

Elles deviennent le Diable: débiles, timorées, vaillantes à des heures exceptionnelles, sanglantes sans cesse, lacrymantes, caressantes, avec des bras qui ignorent les lois... Fi! Fi! Elles ne valent rien, elles sont faites d'un côté, d'un os courbe, d'une dissimulation rentrée...
Elles baisent le serpent...¹

Жюль Буа, *Сатанизм и магия*.
Jules Bois, *Le satanisme et la magie*,
Paris, Chailley, 1895, p. 12

69

Он действительно забывал, сейчас я понимаю. И конечно, к этому времени относится нижеследующий файл, короткий и безумный.

Имя файла: Эннойя

Ты пришла ко мне домой неожиданно. У тебя была трава. Я не хотел, потому что не позволяю никаким растительным веществам вмешиваться в деятельность моего мозга (что снова ложь, потому что я курю табак и пью дистилляты из зерен). В любом случае, в шестидесятые годы, когда кто-нибудь меня втягивал в круговое сосание скользкой колбаски, пропитанной слюнями, со знаменитой последней затяжкой через булабочку, мне бывало смешно, и только.

Но вчера мне предложила это ты, и я подумал, что, вероятно, это твоя манера предлагать себя, и я накурился с верой. Мы танцевали прижавшись, как не принято уже многие годы, и вдобавок — какой стыд — под Четвертую симфонию Малера. У меня как будто бы в

¹ Они, женщины, — становятся Дьяволом: слабые, оробелые, дерзостные в исключительный час, бесконечно кровоточащие, плачущие, ласкающие, с руками, не ведающими правил... Фи! Фи! Они ничего не стоят, они сотворены из ребра, из одной изогнутой кости, из вновь явленного притворства... Они целуются со змеем... (фр.).

объятиях восходило, вызревало древнее со-
здание, со сладостным и морщинистым ликом
ветхой козы, змея, выникавшая из-под глуби
моих чресел, и я тебя обожал, как старобыт-
ную и всеохватную тетку. Вероятно, я про-
должал колыхаться, приединенный к твоему
телу, но чувствовал, что ты возносишься в
воздух, претворяешься в золото, идешь в
затворчатые двери, воздымаешь тела на воз-
дух. Я пронзал твое темное чрево, "Megale
Arorhaphis"¹, Полонянка Ангелов.

Не тебя ли во сне искал я? Может быть, до
сих пор ожидаю тебя? Всякий раз я терял
тебя потому что не мог узнать? Всякий раз
я терял тебя потому, что узнавал и не смел?
Всякий раз я терял тебя потому, что узна-
вал и знал, что должен потерять?

И куда ты делась вчера вечером? Я про-
снулся, было утро и болела голова.

¹ "Великое Изъяснение" — одно из главных сочинений филосо-
фа-гностика Симона Волхва (I в. н.э.).

Все мы помним, однако, секретные намеки на период в 120 лет, которые брат А., наследник Д. и последний во второй линии наследования — живший среди многих из нас — обратил к нам, членам третьей линии наследования...

Слава Братства, цит. по:
Всеохватная и всеобщая Реформа всего целого Мира.
Fama Fraternitatis, in Allgemeine und general Reformation,
Cassel, Wessel, 1614

70

И я кинулся штудировать оба манифеста розенкрейцеров, “Слава” и “Исповедание”. Не оставил без внимания и “Химическая свадьба Христиана Розенкрейца” Иоганна Валентина Андреаэ, потому что именно Андреаэ был предположительным сочинителем манифестов.

Манифесты появились в Германии в 1614—1615 годах. То есть лет через тридцать после встречи 1584 года между французами и англичанами и почти что за сотню лет до даты, в которую была назначена встреча французов и немцев.

Я приступил к чтению не для того, что в манифестах реально было сказано, а для того, что в них можно было вычитать между строк. Я понимал, что чтобы заставить их означать не то, что написано, я должен буду проскакать некоторые места, а другие почитать важнейшими, нежели прочие. Но именно этой системе учили нас одержимцы и их славные вдохновители! Передвигаясь в тончайшем времени Откровения, никто не обязан подчиняться дотошным и тупым требованиям логики, перебирать скучные цепочки причин-следствий. И то сказать, при буквальном восприятии розенкрейцерские манифесты — просто дикое нагромождение абсурда, загадочности, противоречий.

Поэтому они не могли означать то, что означали при первочтении. Следовательно, они не являлись ни призывом ко глубинной духовной перестройке, ни рассказом о жизни бедолаги Христиана Розенкрейца. А следовательно, они были зашифрованным текстом, который можно было читать наложив определенную сетку. Сетка закры-

вает одни пространства и оставляет на воле другие, как зашифрованное завещание провэнцев, где имели значение только начальные буквы слов. У меня сетки не было, но достаточно было вообразить ее. Вообразить сетку — значит просто читать с недоверием.

В том, что манифесты излагали провэнский План — не было сомнений. Гробница С. Р. (явная аллегория здания Гранж-о-Дим, в ночь 23 июня 1344 года!) хранит в себе тайное сокровище, завещанное грядущим поколениям, “добро... заложённое на сто двадцать лет”. Что этот клад — не денежного порядка, тоже не может быть двух мнений. Тексты не только открыто насмеваются над простодушной алчностью алхимиков, но и явно говорят, что под обещанным добром имеется в виду огромное историческое свершение. И если кому-то остается еще что-то непонятно, вступает в дело второй манифест, который подчеркивает, что нельзя пренебрегать обетованием, сулящим *miranda sextae aetatis* (чудеса шестого, окончательного объединения!). И снова повторяется: “О если бы угодно было Богу донести до нас свет своего шестого Светильника... если бы возможно было прочесть все в единой Книге! и читая, если бы возможно было понять и вспомнить все, что бывало... Сколь было бы отрадно, если бы возможно стало преобразить посредством пенья (то есть чтения вслух Извещения!) скалы (*lapis exillis!*) в жемчуга и в драгоценные камни...” И говорилось о тайных секретах, и о правительстве, которое могло бы быть установлено в Европе, и о “великом деянии”, которое следовало совершить...

Говорилось о том, что С. Р. побывал в Испании (и в Португалии?) и указал тамошним ученым, как можно “подступиться к истинным знакам — *indicia* — грядущих столетий, но все втуне”. Почему втуне? И чего ради немецкая тамплиерская рота в начале семнадцатого века публично обнародовала ревниво оберегаемые тайны? Решили “засветиться”, чтобы таким образом компенсировать сбой, произошедший в эстафете?

Никто не может отрицать, что в манифестах указываются те же самые этапы Плана, которые выделил Диоталлеви. Первый брат, о смерти которого говорится, вернее

говорится, что он “преодолеет предел”, — брат И. О. Умирает он в Англии. Следовательно, кто-то победоносно добрался до места первого свидания. Далее речь идет о второй и о третьей линиях наследования. И до этих пор все, казалось бы, спокойно: вторая линия, то есть английская, встречается с третьей, французской, в 1584 году, и ясно, что люди, пишущие в начале семнадцатого века, могут говорить только о том, что имеет отношение к первым трем группам. В “Химической свадьбе”, написанной Иоганном Валентином Андреаз в юношескую пору, то есть раньше, чем манифесты (хотя и они относятся к 1616 году), упоминаются три великолепных храма, три места, которые, по всей видимости, уже были задействованы.

В то же время меня не покидало ощущение, что манифесты говорят о том же самом хотя и теми же словами, но не с тем настроением, и в их интонации чувствуется какая-то тревога.

Отчего, скажем, столь упорно повторяется в них рассуждение о том, что времена созрели, что момент настал, невзирая на врагов, которые расставили ловушки и пустили в ход все свое лукавство для того, чтобы “случай” не состоялся? Какой еще случай? Говорится, что конечной целью С. Р. выступал Иерусалим, но туда он не смог добраться. Почему? Хвалят арабов за то, что они обмениваются посланиями, в то время как германцы не умеют помогать друг другу. И намекают на “более крупную группу, которая хочет все пастбище только для себя”. То есть речь идет не просто о том, что кто-то собирается нарушить План ради своих собственных интересов, а о том, что План действительно уже нарушен.

В “Славе” говорится, что вначале некто выработал магическое письмо (ну да, конечно — провэнское послание!), но что Господни часы отбивают каждую минуту, “в то время как нашим не удастся отыграть и часы”. Кто же не сумел уловить биение Божиих часов, кто не прибыл на нужное место в необходимую минуту? Обиняками ведется рассказ о некоем изначальном союзе братьев, которые могли бы обнаружить некую тайную философию, однако предпочли вместо этого распространиться по миру.

Манифесты явно намекают на случившуюся неприят-

ность, в них ощущается неуверенность, чувство потери. Братья первых линий причащения все устроили так, чтобы их сменяли на посту “достойные последователи”, однако положили правилом “содержать в тайне место своего погребения... так что и доселе мы не знаем, где же они погребены”.

Что скрывается под этой аллегорией? Что осталось и доселе неизвестным? Какого “погребения” до нас не дошел адрес? Безусловно, манифесты были написаны из-за того, что какая-то информация пропала, и всех тех, кто случайно мог бы располагать сведениями по данному вопросу, приглашали срочно объявиться, заявить о себе.

Невозможно не признать, что именно в этом смысл завершения “Славы”: “Снова обращаемся ко всем ученым Европы... с просьбой благосклонно соответствовать нашему предложению... оповестить нас о своих мыслях... Ибо хотя мы до сих пор и не оглашаем имена наши... Кто бы ни донес до нас собственное имя, получит возможность беседовать с нами гласно и вживе, или же — если к тому возникнут препятствия — тогда в письменной форме”.

Именно то, к чему стремился в свое время и полковник, публикуя свою версию. Он хотел заставить кого-то прервать молчание.

Итак, имел место некий гэп, пауза, провисание, неувязка. На гробнице С. R. была помещена не только надпись “Post 120 annos patebo” — напоминание о необходимой периодичности встреч, — но и “Nequaquam vacuum”, что следовало понимать не как “пустоты нет”, а как “пустоты не должно быть”. А между тем создалась пустота! Пустоту следовало срочно заполнить!

Но тут я опять остановился и снова спросил себя: почему же подобный разговор возникает в Германии, где в любом случае четвертая линия должна была терпеливо дожидаться своей законной очереди? Немцы не могли сокрушаться в 1614 году по поводу несостоявшейся встречи в Мариенбурге, потому что Мариенбург был намечен на 1704 год!

Единственный возможный вывод из всех возможных — это что германцы жаловались на то, что не сумела состояться предыдущая встреча!

Вот он, ключ к разгадке! Немцы четвертой линии жаловались на то, что англичане второй линии разминулись с французами третьей! Ну конечно, все дело в этом. В тексте, если присмотреться, содержатся аллегории по-детски прямолинейные. Когда открывают гробницу С. Р., обнаруживают подписи братьев первого и второго кругов, но не третьего! Португальцы и британцы налицо, но куда подевались французы?

Розенкрейцеры выходили на поверхность, снимали маску и рисковали всем на свете, потому что это был для них единственный способ спасти от развала План.

Мы даже не знаем с определенностью,
владели ли Братья второй линии
теми же сведениями, что были у Братьев первой,
и не знаем, были ли они
допущены к познанию всех секретов.

Слава Братства, цит. по:
Всеохватная и всеобщая Реформа всего целого Мира.
Fama Fraternitatis,
in Allgemeine und general Reformation,
Cassel, Wessel, 1614

71

Все это я изложил с энтузиазмом, и как Бельбо, так и Диоталлеви согласились, что секрет манифестов был предельно ясен даже для самого последнего оккультиста.

— Итак, все понятно, — сказал Диоталлеви. — Мы зациклились на идее, что эстафета прервалась на переходе от германцев к павликианам, а на самом деле это случилось в 1584 году, между Англией и Францией.

— Но с какой стати? — спросил Бельбо. — Есть у нас объяснение, по какой такой причине англичанам не удалось организовать встречу с французами? Ведь англичане знают, где находится Убежище, они-то единственные это и знают.

Бельбо нуждался в подсказке. Поэтому он запустил Абулафию. Для начала от него требовался самый минимум: только две из заложенных фраз. На выход поступило следующее:

Минни — это невеста Микки Мауса
Тридцать дней в ноябре, апрель-июне, сентябре

— Ну, что скажете? — подытожил Бельбо. — У Минни свидание с Микки Маусом, но они договорились на тридцать первое сентября, и вот бедный Микки Маус...

— Стоп, стоп, у меня потрясающая мысль! — заорал я. — Такое действительно могло случиться, но только не 31 сентября, а 5 октября 1582 года!

— Что, что?

— Григорианская реформа календаря! Господи, да вот же оно! В 1582 году вступает в силу григорианский календарь, отменяется юлианский, и для выравнивания счета исчезают десять дней из месяца октября — с 5-го по 14-е!

— Но свидание во Франции назначалось на 1584-й, и не на октябрь, а на Иванову ночь — 23 июня, — сказал Бельбо.

— Это да, это конечно... Однако если я правильно помню, реформа вступила в силу не сразу и не повсеместно. — Я ринулся к стеллажу, где у нас находился Объединенный Вечный календарь. — Вот-вот. Смена календаря предписывается начиная с 1582 года, и тем самым отменены дни с 5 по 14 октября, но это имеет значение в основном для папы. Во Франции реформу проводят в 1583 году и отменяют дни с 10 по 19 декабря. В Германии в это время раскол церквей, католические области присоединяются к реформе в 1584-м, как например Богемия, а протестантские тянут до 1775-го, представляете, почти двести лет тянут, не говоря уж о том, что делается в Болгарии, но о чем, кстати, рекомендуется помнить, — там григорианский календарь вступает в силу только в 1917-м! Теперь посмотрим Англию... Реформа была проведена в 1752-м! Естественно! Ведь они ненавидели папистов, англикане, — и сумели продержаться около двух столетий. Ну вот, теперь нам понятно, что там произошло между ними. Франция упразднила десять дней в конце 1583 года и к июню 1584-го все уже к этому привыкли и думать забыли. Но в Англии-то вместе 23 июня 1584-го было всего только 13-е! С другой стороны, настоящий англичанин, пусть даже и тамплиер, не станет обращать внимание на разные материковые глупости. Они же до сих пор ездят задом наперед и не выучили десятиричной системы мер. Они, конечно, прибыли на свидание в полном составе 23 июня 1584 года, да только было уже 3 июля... Французы прождали их напрасно и разошлись недовольные. Может быть, они прождали целую неделю и разошлись за несколько часов до прибытия британцев — кто знает? Может быть, и те в свою очередь проторчали там неделю в полном недоумении? Ясно одно: два великих магистра потеряли друг друга из виду.

— Восхитительно, — отозвался Бельбо. — Похоже, так

оно и было. Но почему закопошились немецкие розенкрейцеры, а вовсе не англичане?

Чтобы ответить на этот вопрос, я попросил еще сутки сроку. Я перерыл свою драгоценную картотеку и на следующий день появился в редакции, лопаюсь от счастья. След! след был найден, пусть даже и минимальный, но Сэму Спейду достаточно и этого, потому что ничто не ускользает от его ястребиных очей. Я пришел доложить, что как раз около 1584 года Джон Дии, маг и каббалист, придворный астролог английской королевы, получает задание разработать и внедрить григорианскую систему летосчисления!

— Англичане встретились с португальцами в 1464 году. После этого, по виду судя, британские острова охватила настоящая каббалистическая лихорадка. Обработывается информация, полученная на первой встрече, и ведется подготовка к следующему свиданию. Джон Дии — основная фигура этого магически-герметического возрождения. Он формирует личную библиотеку в четыре тысячи томов, и она такова, что ее как будто составляли провэнские тамплиеры. Его книга “*Monas Ieroglyphica*” (“Иероглифическая монада”) как будто непосредственно повторяет “*Tabula smaragdina*” — “Скрижаль измарганца” — библию алхимиков. Что же делает Джон Дии начиная с 1584 года и далее? Он читает “Стеганографию” Тритемия! И читает ее в рукописи, потому что первое печатное издание появилось только в начале семнадцатого века. Вот он, великий магистр английского разряда, он находится под опасным шажком, это почти что мат: сорвалась заветная встреча. Дии пытается понять, что же произошло, в чем коренится ошибка. А так как он прекрасный астроном, довольно скоро до него доходит, в чем дело, и он хлопает себя по лысине и вопит: какой же я кретин, господи ты боже! И хватается изучать григорианскую реформу (обеспечив себя госзаказом от Елизаветы), чтобы придумать, как помочь беде. Но беде помочь нельзя, время упущено. Он не знает, на кого имеет смысл прямо выходить во Франции. Остается средневропейский ареал, где у него достаточно знакомых. Прага Рудольфа II в те времена — сплошная алхимическая

лаборатория. Действительно, в эти самые годы Дии отправляется в Прагу и встречается с Хунратом, сочинителем “Амфитеатра вечной науки” (“*Amphiteatrum sapientiae aeternae*”), книги, включающей аллегорические гравюры, в которых чувствуется влияние как Андреаза, так и розенкрейцерских манифестов. Какие контакты удалось завязать Дии? Я не знаю. Сокрушенный раскаянием по поводу своей непростительной ошибки, он умирает в 1608 году. Но это не страшно, потому что тем временем в Лондоне уже начинает активно действовать одно лицо, которое, по мнению молвы, принадлежит к розенкрейцерам и в частности говорит о розенкрейцерах в своей “Новой Атлантиде”. Я имею в виду Фрэнсиса Бэкона.

— Что, Бэкон действительно говорит о розенкрейцерах? — поинтересовался Бельбо.

— Не вполне. Но некий Джон Хейдон переписывает “Новую Атлантиду”, называя ее “Священная земля”, и там действуют розенкрейцеры. Нам все это годится и в таком виде. Мы-то понимаем, что если Бэкон не говорит открыто, это из-за конспирации, то есть как если бы он говорил.

— А кто не верит, холера ему в бок.

— Вот именно. И как раз заслуга Бэкона, что смогли связаться между собой конспираторы Германии и Англии. В 1613 году Елизавета, дочь Якова I, в тот период правившего Англией, выходит замуж за пфальцграфа Фридриха V — “избирателя Рейнского”. К тому времени умер Рудольф II, и Прага перестает быть самым подходящим местом. Им становится Гейдельберг. Великокняжеская свадьба проводится как апофеоз тамплиерских аллегорий. Во время лондонских церемоний всю режиссерскую часть берет на себя Бэкон, и ставит пышнейшую аллегорию с появлением мистических Рыцарей на вершине горы. Очевидно, что Бэкон к тому времени стал преемником Дии в должности великого магистра английской тамплиерской ячейки...

— ... а так как он несомненно является также и подлинным автором пьес Шекспира, надо бы нам теперь пересмотреть весь корпус шекспировской драматургии, которая, натурально, говорит не о чем ином как о Плане, — сказал Бельбо. — Ночь святого Иоанна — сон в летнюю ночь... Не понимаю, каким образом до сих пор все это оставалось

незамеченным. Сейчас меня поражает прежде всего ясность почти невыносимая...

— Нас губил рационалистический подход, — кивал Диталлеви. — Я всегда это говорил.

— Дайте слово Казобону, пусть он выскажется до конца, потому что, по-моему, он разработал замечательную теорию.

— Ничего замечательного. Я уже кончаю. После лондонской части торжеств организуются праздники в Гейдельберге, там, где Соломон де Каус устроил для пфальц-графа мистические висячие сады, копию которых, как помните, мы видели в Пьемонте. Центром представления в Германии является аллегорическая колесница, несущая Язона-жениха, а на двух мачтах корабля, сооруженного на колеснице, укреплены символы Подвязки и Золотого Руна. Думаю, вы не позабыли, что то же сочетание эмблем я обнаружил на колоннах в замке Томар... Все совпадает. После этого в течение одного года печатаются все розенкрейцерские манифесты. Это знак того, что английские тамплиеры в ходе празднеств связались с некоторыми немецкими друзьями, и все вместе решили забросить наживку в европейском масштабе, надеясь восстановить звенья оборванной цепочки.

— Но какова конкретно их цель?

Nos invisibles pretendus
sont (à ce que l'on dit) au nombre de 36,
separez en six bandes¹.

*Ужасающие соглашения, заключенные между дьяволом и
предположительными невидимыми.
Effroyables pactions faictes entre le diable
et les pretendus Invisibles
Paris, 1623, p. 6*

72

— Скорее всего, ведут двойную игру. С одной стороны, посылают сигналы французам, а с другой, реорганизуют разболтавшуюся немецкую ячейку, вероятно ставшую жертвой лютеранской реформации. Но увы, именно тут и случается самое скандальное осложнение. Оно состоит в том, что после выхода манифестов, году к 1621-му, их сочинители получили слишком много ответов...

Я процитировал те самые названия бесконечных летучих книжонок, затрагивавших данную тему, над которыми мы так замечательно потешались далекой ночью с Ампаро, в Салвадоре. — Скорее всего, среди этих графоманов есть и люди, которым что-то известно, но их отталкивают локтями сумасшедшие, исступленно толкующие каждую букву манифестов, а может быть — и провокаторы, цель которых — сорвать всю операцию, а по большей части — феноменальные безголовцы... Англичане пытаются вмешаться в дискуссию, навести порядок, не случайно Роберт Флудд, другой английский тамплиер, в течение года пишет целых три работы, предлагая единственно верную интерпретацию манифестов. Но процесс уже пошел, он не поддается контролю, он приводит к Тридцатилетней войне в Европе, пфальцграф побежден испанцами, Пфальц и Гейдельберг разграблены, Богемия в огне... Англичане кидаются во Францию, пробуют добиться проку хотя бы там. Вот почему в 1623 году манифесты розенк-

¹ Наши предположительные невидимые существуют (судя по тому, что о них говорится) в числе 36, разделенные на шесть групп (фр.).

рейцеров объявляются в Париже. Через них розенкрейцеры обращают к французам приблизительно те же самые призывы, которые прежде они посылали к немцам. И что же мы читаем в одной из парижских книжонок, обличающих розенкрейцеров и написанных кем-то из тех, кто либо их сильно подозревал, либо пытался просто подтасовать карты? Что розенкрейцеры — обожатели дьявола, это уж само собой, и это не имеет значения, но поскольку в любой клевете бывает доля истины, значение имеет одна деталь: если верить обвинителям, тамплиеры гнездятся в Марэ.

— Ну и что?

— Вы не помните планировку Парижа? Марэ — это квартал Храма и в то же время еврейское гетто! Не говоря уже о том, что в этих книжечках сообщается, что розенкрейцеры связаны с сектой иберийских каббалистов, Алумбрадос! Не исключено, что антирозенкрейцерская литература, якобы направленная против тридцати шести невидимых, на самом деле нацелена на то, чтобы выявить их. Габриэль Ноде, библиотекарь Ришелье, издает свое “Предписание французам относительно истинности историй о Братьях Розы и Креста”. Что же в нем предписывается? И кто таков предписывающий? Пресс-атташе тамплиеров третьего эшелона — или авантюрист, лезущий в чужую игру? С одной стороны, он вроде бы старается заклеймить розенкрейцеров как дешевых дьяволопоклонников, а с другой — подпускает тонкие намеки на толстые обстоятельства. Скажем, на то, что розенкрейцеров насчитывается еще в активе целых три коллегии. И точно, после третьего эшелона, как мы знаем, существуют где-то на свете еще три. Он сообщает их фантастические адреса (к примеру сказать — Индия, плавучие острова), но в то же время пробалтывается, что одна из коллегий расположена в подземельях Парижа.

— Вам кажется, что всем этим можно объяснить Тридцатилетнюю войну? — спросил Бельбо.

— Несомненно, — ответил я. — Ришелье узнает эту деликатную историю от Ноде, ему тоже хочется в ней поучаствовать, но он идет ошибочным путем, применяет военную силу, тем самым вносит еще больше беспорядка. Но я

бы не преуменьшал значение еще двух фактов. В 1619 году собирается капитул Кавалеров Христовых в Томаре. После сорока шести лет молчания! Предыдущий капитул собирали в 1573 году, за несколько лет до намеченного 1584-го: это значит, что на повестке дня, по-видимому, стояла подготовка к путешествию в Париж совокупно с англичанами; а после истории с розенкрейцерскими манифестами снова организуется слет в Томаре, очевидно с целью разработки единой линии действия — примыкать ли к кампании англичан или пробовать другие дороги.

— И это необходимо, — поддержал меня Бельбо. — Эти люди потерялись в лабиринте. Кто выбирает один закоулочек, кто другой. Кричат все и, слушая отголоски, не могут ничего понять — чужой ли это вопль или эхо собственного выкрика... А чем заняты в это время павликиане и иерусалимитяне?

— Если бы мы знали! — отозвался Диоталлеви. — Могу сказать только, что именно в этот период в Европе распространяется лурианская Каббала и впервые начинают говорить о “растресканных сосудах”. То есть именно тогда возникает представление о Торе как о незаконченном Предании. Есть одна работа польских хасидов, и там написано: если бы все произошло по иному, буквы стояли бы в другом порядке. При этом имейте в виду: каббалисты недовольны, что немцы захотели ускорить процесс. Верная последовательность шагов и порядок, заложенный в Торе, так и остались сокрытыми, их же ведает Пресвятой, да славится имя Его. Но что я говорю... Не может и Святая Каббала быть вовлечена в этот План...

— Если План существует, в него должно быть вовлечено все. Или он всеобщ, или никчем, — сказал Бельбо. — Однако Казобон собирался рассказать еще о каком-то знаке...

— Да. Точнее, о некоей серии знаков. Еще до того как провалилась встреча 1584 года, Джон Дии начал заниматься картографическими изысканиями и поощрять отправку морских экспедиций... Сотрудничая с кем? Да с Педро Нуньесом, космографом королевского дома Португалии! Дии отправляет разведгруппы на поиски северо-западного пути в Китай, вкладывает деньги в предприятие некоего Фробишера, Фробишер отклоняется к полюсу и возвра-

щается, везя эскимоса, которого все принимают за монгола. Дии подзуживает Фрэнсиса Дрейка на все его лихачества, включая кругосветное мореплавание, и хочет, чтобы тот продвигался с запада на восток, потому что на востоке начало любого оккультного знания, а в день отплытия не помню уж какой экспедиции заклинает ангелов...

— И что все это означает в нашем контексте?

— Да по всей видимости, Дии не столько интересовался открытием новых мест, сколько их картографическим отображением, именно поэтому он привлек к сотрудничеству Меркатора и Ортелиуса, великих картографов. Больше всего это похоже на то, как если бы по обрывкам Известия, которыми располагает, он догадался, что дело идет о некоей карте, и даже догадался, что тайна и есть карта, и после этого стал пытаться составить карту своими силами! Я выражусь и гораздо сильнее, как сказал бы господин Гарамон. Возможно ли вообще, чтобы ученый такого калибра прошляпил столь очевидную вещь, как расхождение календарей? Бросьте. Он все это подстроил нарочно. Он надеялся расшифровать Завещание без чужой помощи и обвести конкурентов вокруг пальца. Мне кажется, что именно в этот момент, начиная с Дии, впервые возникает идея, будто секреты можно разгадывать самостоятельно — при помощи либо магии, либо науки, — не дожидаясь, пока осуществится План. Возникает синдром нетерпения. Так формируется класс буржуазии, класс завоевателей, и так погибает принцип солидарности, на котором держалось духовное рыцарство. Если это зародилось еще у Дии, что говорить о Бэконе. С тех самых пор англичане рвутся к открытию секрета, используя всевозможные достижения новейших наук.

— А немцы что же?

— Немцы? Они и дальше шествуют по дороге традиции. Благодаря чему получаем объяснение не менее чем двухсотлетнему периоду истории философии: англосаксонский эмпиризм против романтического идеализма...

— О, так мы поэтапно переоткрываем историю человечества, — сказал Диоталлеви. — Мы с вами переписываем Писание. Интересно, интересно!

Еще один занимательный пример криптографии был явлен миру в 1917 году одним из лучших историографов Бэкона, доктором Альфредом фон Вебером-Эбенгоффом из Вены. Следуя той же самой системе, которая была уже применена к произведениям Шекспира, исследователь приложил ее к произведениям Сервантеса... Проводя свое исследование, он обнаружил потрясающее вещественное доказательство: первый английский перевод "Дон-Кихота", выполненный Шелтоном, содержит исправления от руки, внесенные Бэконом. Ученый сделал вывод, что имеющийся английский текст и является истинным подлинником романа и что Сервантесу принадлежит только его перевод на испанский язык.

Ж. Дюшоссуа, *Бэкон, Шекспир или Сен-Жермен?*
J. Duchaussoy, Bacon, Shakespeare ou Sain-Germain?
 Paris, La Colombe, 1962, p. 122

73

Несомненно, в последующие дни Якопо Бельбо стал читать литературу по эпохе розенкрейцеров. Но делясь с нами выводами, он сообщил только голую суть своих фантазий, откуда мы и позаимствовали полезные рабочие гипотезы. Гораздо более сложный сюжет остался в тайной памяти Абулафии, и там лихорадочная пляска цитат переплелась с его личной мифологией. Получив возможность перетасовывать фрагменты чужой жизни, он наконец описал, под этим прикрытием, собственную. Нам он об этом файле никогда не говорил. И я гадаю: испытывал ли он, отважно, свои способности организовать сюжет романа или же самоотжествлялся, подобно всем одержимцам, с Великой Историей, которую сам перекомпоновал?

Имя файла: Странный кабинет доктора Дии

Забываю, что я Талбот. С тех пор, как пользуюсь именем Келли. Я подделывал документы. Многие так поступают. О, люди королевы жестоки. Чтоб закрывать мои рваные

уши, ношу скуфью черного цвета, и шепчутся, будто я маг. Ну ладно. Доктор Ди благодаря тому же процветает.

Я ездил в Мортлейк, нашел его над картой. Он был загадочен, старый одержимец. Зловещие пламена в хитром взоре. Костлявой рукой дергает бородавку.

— Это рукопись Рогира Бэкона, — сказал он. — Взял ее на время у императора Рудольфа. Вы знаете Прагу? Рекомендую. Может быть, переменит всю вашу жизнь. Найдете *tabula locorum rerum et thesaurorum absconditorum Menabani*...¹

Мне удалось подсмотреть какую-то запись таинственным алфавитом. Он переписывал из книги... Он заметил, выхватил и затаил запись в пирамиде пожелтевших листов. Живу в эпоху, в кругу, где каждый лист, даже только что выделанной бумаги, с рождения желт и дряхл.

Показал ему наброски сонетов к Черной Леди. Светлейшей, в памяти отрочества. Черной от затемнивших теней времени, отнявших ее у меня. Канва моей трагичности, кислотность, жизнь Джо Лимонника. Возврат в Англию в свите Уолтера Рейли. Открытие: отец отравлен братом-прелюбодеем. Черная Дея. Черная белена (*quisquiamo*).

— У вас есть талант, Келли, — сказал доктор Ди. — И нету денег. Один... тайный сын, чей — вам не следует даже сметь воображать... По моему решению взойдет к почестям и славе. Вы будете его тенью. Пишите и существовайте в отсвете славы. Только вы и я знаем, что слава ваша, Келли.

Многие годы я вью канву, которая в глазах всей Англии, в глазах королевы связывается с именем бледного и немощного... *If I have seen further it is by standing on ye shoulders of a Dwarf*². Мне было тридцать, и не позволю никому говорить, что это лучший человеческий возраст (Поль Низан).

¹ Карту потаенных мест, вещей и сокровищ Менабана... (лат.).

² Если я и бывал дальновиден, то оттого, что стоял на плечах карлика. (англ.).

— Уильям, — сказал я. — Отрасти волосы, закрой уши, тебе так лучше. — Это входило в мой план (заменить его собою?).

Можно ли жить, ненавидя Трясуна, Копьеносца, который на самом деле — ты? *That sweet thief which sourly robs from me*¹. Тише, Келли, сказал мне Дии, зреть в тени, привилегия тех, кто готовится к захвату мира. *Keere a Lowe Profyle*². Уильям просто крыша, одна из многих.

И Дии посвятил меня о, лишь отчасти — в Космический Заговор. Тайна Тамплиерства! Какая ставка в игре, спросил я. — *Ye Globe!*³

Долгое время я ложился спать рано (Пруст), но однажды в полночь залез в сундуки старого Дии и выискал формулы, чтобы вызывать ангелов, как он, в полнолуние. Дии нашел меня навзничь в середине круга Макрокосма, на лбу выгорела Соломонова пентаграмма. Теперь мне приходится надвигать скуфейку очень низко.

— Если не знаешь, не лезь, — сказал старый колдун. — Осторожнее, а то и нос тебе отрежут. *I will show you Fear in a Handful of Dust...*⁴

Он воздел свою тощую руку и вскричал ужасное слово: Гарамон! Меня ожгло неутолимым пламенем изнутри, и я бежал в ночь.

Прошел год, пока Дии простил меня и посвятил мне Четвертую книгу своих "Тайн" "*post reconciliationem kellianam*"⁵.

Этим летом я был во власти отвлеченных неистовств (Витторини). Дии созвал нас в Мортлейке, были я, Уильям, Спенсер и молодой аристократ с ускользящим взором, Фрэнсис Вэкон. Дии пересказал нам часть Всепланетного Заговора. Предстояло

¹ Ограбленный тобою, мой милый вор... — Шекспир, сонет 35. Пер. с англ. В.В. Бера.

² Не выделяйся (англ.).

³ Глобус (англ.) — название театра Шекспира в Страдфорде-на-Эвоне.

⁴ Я покажу вам страх в пригоршне пыли — Т.С. Элиот, "Бесплодная земля". Пер. с англ. А.Я. Сергеева.

⁵ После примирения с Келли (лат.).

встретиться в Париже с франкским крылом тамплиерства и свести воедино два куска географической карты. Ехать должны были Дии и Спенсер в сопровождении Педро Нуньеса. Мне с Бэконом были вверены некие документы под присягой, что мы их вскроем, буде посланные не вернутся.

Они вернулись, ругаясь. — Невозможно, — твердил Дии, — План совершенен, как моя "Monas Ieroglyphica". Мы не могли пропустить друг друга в ночь святого Иоанна.

Не люблю, когда меня недооценивают. — Ночь Иоанна по нашему или по ихнему?

Дии хлопнул себя по голове и изрыгнул кошмарные проклятия. — О, — вскричал он, — from what power hast thou this powerful might?¹ Бледный Уильям записывал эту фразу, бессильный плагиатор. Дии лихорадочно листал лунарии и эфемериды. Кровь Господня и Имя Господне, как я мог оказаться столь недалеким? Ты, дрянное подобие космографа! — напустился он, синевя, на Нуньеса. И затем: — Аманазизель Зоробабель! — возопил он. И Нуньеса как будто невидимый овен прободал в желудок, он попятился на несколько шагов и опустился наземь. — Ничтожество, — сказал ему Дии.

Спенсер был бледен. Сказал через силу: — Можно забросить приманку. Я кончаю поэму, аллегорию о королеве фей, куда мне хотелось поместить Рыцаря Красного Креста... Я напишу. Истинные тамплиеры нас опознают, найдут нас...

— Знаем тебя, — сказал Дии. — Пока ты напишешь и твой труд будет замечен, пройдет десятилетие. Но за мысль о приманке спасибо.

— Почему вы не свяжетесь с ними через ваших ангелов, доктор? — спросил я.

— Ничтожество, — произнес доктор снова, теперь обращаясь ко мне. — Ты не читал Тритемия! Ангелы открывают получателю смысл известия, но он должен прежде его полу-

¹ Откуда ты взяла такую власть? — Шекспир, сонет 150. Пер. с англ. А.М. Финкеля.

чить. Мои ангелы не почтальоны. Французов мы потеряли. Но у меня есть план. Я знаю, как связаться кое с кем из немецкого эшелона. Наш путь лежит в Прагу.

Мы услышали шум, тяжелая плюшевая завеса пошевелилась, и вслед за бледной рукой появилась Она, Девствующая Надменность. — Ваше Величество, — склонились мы. — Дии, — произнесла она, — мне все известно. Не думайте, будто мои предки приютили Кавалеров для того, чтобы допустить их до владения миром. Я требую, понимаете, требую, чтобы в конечном счете тайна осталась апанажем Короны.

— Ваше Величество, я добуду эту тайну, добуду любым способом, и добуду ее для Короны. Я должен узнать, кто иные владельцы, так проще всего; но когда они в своей глупости поведуют, что знали, мне не затруднительно будет уничтожить их, кинжалом либо мертвой водою.

На лице Королевы-Девственницы промелькнула жестокая усмешка. — Прекрасно, мой добрый Дии. Мне нужно не столь уж много. Тотальная власть. Вам, если все выполните, Орден Подвязки. Тебе, Уильям, — и она обратилась с непристойной медоточивостью к своему мелкому паразиту, — другая Подвязка и другое Руно. Сопровождай меня.

Я успел шепнуть на ухо Уильяму: — Perforce I am thine, and that is in me...¹ Он вознаградил меня маслено-признательным взглядом. И последовал за королевой за занавеску. Je tiens la reine! (Малларме, "Фавн").

.....

Мы с Дии в Златом Граде. В узких и зловонных переулках недалеко от кладбища евреев, Дии призвал к осторожности. — Если новость о небывшей встрече уже распространилась, другие группы сейчас уже действуют собственным ходом. Боюсь иудеев,

¹ Я пленник мой и все во мне твое... — Шекспир, сонет 133. Пер. с англ. А.М. Финкеля.

иерусалимитяне имеют в Праге множество агентов...

Был вечер. Снег блестел, синий. У темного входа в еврейский квартал грудились прилавки рождественского базара, а в середине, окутанный багряным пологом, светился похабный вертеп с марионетками, в чадающих факелах. Но сразу за ним, пройдя под портал из кубических камней, рядом с бронзовым фонтаном, с ограды которого свисали длинные сосульки, открывался ход на улицу-коридор. В старых дверях золотые львиные головы держали в зубах бронзовые кольца. Легкая дрожь сотрясала древние стены, необъяснимые звуки исходили от низких крыш, вытекали из желобов. Дома выдавали призрачное свое бытие, оккультные властители улиц... Облезлый ростовщик в заношенном лапсердаке задел нас на ходу, лопоча: — Берегитесь Атаназиуса Перната...

Дии проговорил: — Не того Атаназиуса мы должны беречься. — И внезапно мы оказались на улочке Златоделов.

Там, и уши, которых у меня нет, вздрагивают от воспоминания под сальной скуфейкой, внезапно в темноте у нового непредсказуемого заулка перед нами вырос гигант, чудовищное создание, серое, с безжизненным видом. Оцепенелое туловище в патине бронзы, налегает на узловатую витую палку. Сильный запах сандала исторгался от видения. Я почувствовал смертный ужас, сгущенный по велению заклатья в презренной твари. Я не мог отвести взора от прозрачного дымного круга, облекавшего его плечи, в котором различал хищный абрис египетского ибиса, и бледно, бледно трепещущие, фоном, другие тысячи ликов, кошмары моего воображения, проклятия памяти. Контуры призрака мрежили в тумане, тело то набухало, то сморщивалось, как будто минеральное дыхание пропитывало его громаду... И — о страх! — на месте ступней встали в снег бесформенные обрубки, их мясо, бурое и бескровное, плюшилось книзу жирными кольцами, нависая.

Ненасытная моя память...

— Голем! — вымолвил Дии. Поднял руки и черная сутана широчайшими рукавами коснулась земли, и создалось нечто вроде передачи, привод, привязь от вознесшихся воздушных дланей к поверхности, или к глубинам земли. Иезевель, Мальхут, *Smoke gets in your eyes!* — прокричал он. И сейчас же рассыпался Голем, подобно песочному замку, нам в глаза полетели крупницы глины от панциря, дробившиеся, как атомы на ветру, и перед глазами у нас осталась кучка отожденного пепла. Дии наклонился, подобрал обрывок бумаги и спрятал на груди под рясой.

Тут-то и вышел из-за угла старый раввин, в ермолке, почти такой же, как та шапочка, что на мне. — Доктор Дии, предполагаю? — спросил он. — *Here Comes Everybody*, — смиренно отвечивал Доктор, как в Финнегане. — Рабби Аллеви! Приятная встреча!

Тот в ответ: — Вы не видели существо?

— Какое? — спросил Дии будто в удивлении. — Какого рода существо?

— К дьяволу, Дии, — крикнул рабби Аллеви. — Моего Голема!

— Вашего Голема? Мне о нем неизвестно.

— Поосторожнее, доктор Дии, — прошипел с ненавистью Аллеви. — Вы ввязываетесь в игру крупнее себя.

— Не знаю, о чем говорите вы, рабби Аллеви, — ответил ему Дии. — Мы прибыли, чтоб сработать несколько унций золота для вашего императора. Мы не дешевые некроманты.

— Верните мне хотя бы записку, — хрипло молил раввин.

— Какую записку? — спросил Дии с дьявольским видом неведения.

— Будьте вы прокляты, доктор Дии, — сказал еврей. — Истинно говорю вам: не увидите зари нового столетия!

И он растаял в ночи, пережевывая темные согласные без единого гласного звука. О Дьявольский, о Святой язык во языцех!

Дии привалился к обиндевелому боку дома, земляной в лице, волосы вздыбились на черепе, как на черепе змеи. — Знаю, знаю,

рабби Аллеви, — прошептал он. — Умру 5 августа 1608 года по григорианскому календарю. Вот что, Келли, помогите мне сделать мою работу. Именно вам суждено довести ее до развязки. *Gilding pale streams with heavenly alchymy*¹, запомните эти слова.

Я запомнил их, и Уильям со мной, и Уильям против меня.

Ничего больше не сказал. Бледный туман, вычесывавший спину о стекла, коричневый дым, вычесывавший спину о стекла, лизал закоулки вечера (как пишет все тот же Элиот). Теперь мы были в другом переулочке, белые дымы лезли из-под железных ставен, упиравшихся в землю, из кривобоких лачуг, разыгрывавших гаммы порьжелых и заржавевших серых тонов. Я видел, как некто, придерживаясь, спускался по ненатурально октогональным ступеням. Старый хрыч в долгополом рединготе и в шляпе-цилиндре. Дии тоже заметил его: — Калигари! Он тут! И в доме мадам Сосоотрис, главной ясновидицы! Надо действовать скорее!

Мы ускорили шаги и вскоре в зыбучем освещении перед нами предстала дверь мрачно-ватосемитской наружности.

Мы стукнули, и дверь по наитию распахнулась. Перед нами — широкая зала, вся в семисвечниках, барельефы — тетраграммы, звезды Давида разбросаны веером по стенам. Древние скрипки колера лака старинных картин грудились у входа на прилавке анаморфной неправильной формы. Крупный крокодил свисал — сушеное чучело — с горбатого свода пещеры, колыхаясь в вечерней зяби, в тусклом свете единственного факела... может, многих факелов? Может, ни единого? В отдалении, перед балдахином, где на постаменте высился ковчежец, коленопреклоненный, в молебной позе, проборматывая непрерывно и богохульно семьдесят два Божественных Имени, находился Старец. Я

¹ Златя струю алхимией небесной — Шекспир, сонет 33. Пер. с англ. Е.А. Костюкович.

осознал, то есть мгновенным озарением Нус было мною осознано, что это был Генрих Хунрат.

— Выкладывайте, Дии, — произнес он, обращившись и прерывая свою молитву. — Зачем пожаловали?

Он походил на мумифицированного броненосца, на игуану без возраста.

— Хунрат, — сказал ему Дии. — Третья встреча не состоялась.

Хунрат изрыгнул ужасающее проклятие: — *Lapis exillis!* Что будет?

— Хунрат, — сказал ему Дии. — Вы можете закинуть наживку и связать меня с немцами.

— Поглядим, — сказал Хунрат. — Я мог бы попросить Майера, он в связи со многими при дворе. Но вы откроете мне секрет Молока Девственницы, Тайнственного Горна Философов.

Дии улыбнулся — о божественная улыбка Любоумдра! Сосредоточился, как на молитве, и прошептал еле слышным голосом:

— Когда пожелаешь совершить трансмутацию и растворить в воде либо в Молоке Девственницы сублимированный Меркурий, положи его на лезвие между кучек и чаши с Субстанцией, должным образом искрошенной в порошок, и не покрывай, а дай возможность, чтоб горячий воздух явил нагую материю, и сообщи ему огонь с трех углей, и поддержи его жизнь восемь солнечных дней, потом убери огонь и побей вещество посильнее на мраморе, покуда не станет неощутимо на ощупь. После чего вложи Субстанцию в стеклянный алейбик и дистиллируй в водяной Марииной бане, в кипящем котле, куда помещается второй таким образом, чтобы он не достигал до клокочущей воды на целых два пальца, а был бы подвешен в воздухе. Тогда и только тогда, при условии, что материя серебра с водой не соприкасается, пребывая в этом влажном и нагретом чреве, серебро сумеет разжигиться в воду.

— Мастер, — произнес Хунрат, падая ниц и целуя бестелесную бледную руку доктора Дии. — Мастер, так и поступим. Ты получишь

все, чего хочешь. Запомни же два слова: Роза и Крест. О них ты услышишь.

Дии завернулся в свою накидку и оттуда виднелась только пара сверкающих, зловещих глаз. — Идемте, Келли, — сказал он. — Этот человек наш. А ты, Хунрат, держи от нас подальше Голема, пока не вернемся в Лондон. После нас, в этой Праге хоть пожар.

Он направился к выходу. Пресмыкаясь, Хунрат ухватил его за край мантильи. — Однажды к тебе придет некто. Он захочет написать о тебе роман. Обо мне он тоже напишет. Не гони его.

Мы поднялись на улицу. Над Атлантикой минимум барометра перемещался к востоку навстречу нависавшему над Россией максимуму (так начинается "Человек без свойств").

— В Москву, — предложил я.

— Нет, в Лондон.

— В Москву, в Москву! — бормотал я во власти бреда. Ты знал прекрасно, Келли, что никогда не попадешь туда. Ты попадешь в башню. В Тауэр.

.....

Мы вернулись в Лондон. Доктор Дии сказал: — Они стараются найти решение прежде нас. Келли, напиши для Уильяма что-нибудь... что-то предельно очерняющее их.

К дьяволу в душу, я послушно исполнил и это, после чего Уильям перелопатил пьесу и перенес действие в Венецию из Праги. Дии взбесился. Но бледный, слизнеподобный Уильям считает, что он безнаказан под протекцией королевы. Ему и этого мало. Получая мои лучшие сонеты, он задает наглые вопросы о Ней, то есть о Тебе, моя Черная Леди. Как омерзительно, что комедиант обсасывает грязной пастью Твое имя (и не ведал я, что этот двоедушный сводник ищет тебя для Бэкона!). — Довольно, — сказал я ему. — Устал я выстраивать из тени твою славу. Пиши сам за себя.

— Не могу, — ответил он с ужасом во взо-

ре, как будто увидевши Лемура. — Мне не позволит Он.

— Он, Ди?

— Нет, Верулабий. Ты не заметил, что отныне именно он распоряжается игрой? Он заставляет меня писать сочинения, которые потом выдаст за свои. Ты понял, Келли, я и есть истинный Бэкон, но потомки этого не узнают. О паразит! О до чего я ненавижу эту головешку преисподни!

— Бэкон подонок, — согласился я, — но он талантлив. Почему свои книги он не сочиняет сам?

Я не знал, что у него недоставало для этого времени. Лишь через годы я понял тайные связи вещей, только тогда, когда Германию заполонило розенкрейцерское безумие. В те-то времена, сопоставляя разрозненные знаки, слова, которым он дал прозвучать, наверное, против воли, я понял, что именно он составил розенкрейцерские манифесты. Он писал под ложным именем Иоганна Валентина Андреаэ!

Тогда я не понимал, для кого писал сам Андреаэ, но ныне, в сумраке этой камеры, где я стгниваю, где я мыслю еще ярче, нежели дон Исидро Пароди, сыщик-заключенный Борхесова рассказа... из камеры я понял все. Мне подсказал Соапес-Пессоа, сокамерник и собеседник, бывший португальский тамплиер. Андреаэ сочинил рыцарский роман для одного испанца, который в это время кормил вшей в другой темнице. Не знаю, для чего, но именно такой план вынашивал негодный Бэкон, он бы хотел войти в историю как истинный автор приключений Рыцаря из Ла-Манчи. Он заказал Андреаэ произведение, которому собирался стать подложным истинным автором, и упиваться в тени (но для чего, для чего?) не принадлежащей ему и в то же время принадлежащей славой.

Но я отвлекся, а в камере холодно, палец у меня ноет. Я пишу не знаю кому, не знаю о чем, в жалком свете умирающего фонаря последние вещи, которым суждено прославить имя Уильяма.

.....

Доктор Дии умер, упрашивая по-гетевски Licht, mehr Licht и, как Жарри, потребовав зубочистку. Потом он сказал: Какой артист уходит! (Qualis Artifex Pereo!) Так прощался Нерон.

Дии погиб от рук Бэкона. В течение долгих лет, пока угасала королева, в бессвязности ума, в бессвязности сердечной, неведомо как, Веруламий ее соблазнил. Теперь ее черты исказились, она напоминала скелет. Рацион ее свелся к маленькому белому хлебу и к цикориевому супу. На боку она носила шпагу и в мгновения ярости с силой всаживала ее в занавеси и драпри, которыми были покрыты стены ее обиталища (а если бы за ними таился некто подслушивающий? или же крыса, крыса? Хорошая сцена, старый Келли, запиши ее, а то забудешь). При подобном маразме старухи, Бэкон без труда уверил ее, что он и есть Уильям, ее ублюдок — лишил первородства, склоняясь на ее колена, к слепой старухе, и накрывшись бараньей шкурой. Золотое Руно! Говорили, что он примеривается к трону; но я знал, что ему требуется иное, ему требуется власть над Планом. Именно тогда он сделался виконтом Сент-Альбанским. И как только почувствовал силу, ликвидировал Дии.

.....

Королева умерла, да здравствует король... Я превратился в неудобного свидетеля. Бэкон заманил меня в мышеловку, однажды вечером Темная Леди могла бы стать моею, она танцевала обнявшись со мною, растерянная, во власти зелий, способных навевать видения, она была вечная София, с морщинистым лицом старой козы... Он вошел с вооруженными ратниками, мне завязали глаза обрывком ткани, я догадался: купорос! И как она хохотала, О Дивная, как заливалась ты, Флипперова Леди... и наблюдать, как наглость лезет в свет, и честь

девичья катится ко дну! Он притрагивался к тебе своими хищными руками, и ты называла его Симон и целовала в левый шрам человека со шрамом.

В Тауэр, в башню, хохотал Веруламий. Отныне я валяюсь в башне с этим человеческим отродьем, называемым Соапес, и тюремщикам я известен под именем Лимонного Джона. Я богословьем овладел, над философией корпел, юриспруденцию долбил и медицину изучил. Однако я при этом всем был и остался дураком. Лежу тут в темнице, злосчастный сумасшедший, и знаю не больше чем прежде.

.....

Через бойницу я наблюдал за королевской свадьбой, Кавалеры Красного Креста гарцевали под звонкие трубы. Должен был я играть там на трубе, Цецилия знала это, и снова у меня был отнят трофей, отобрана моя награда. Играл Уильям. Я сочинял в тишине, в его славу.

— Я научу, как отомстить, — прошептал мне Соапес, и в тот же день открыл мне, кем он был на самом деле, священником-бонапартистом, много столетий содержавшимся в той келье.

— Вы выйдете? — спросил я аббата.

— If... — начал он фразу и не окончил. Бил оловянной ложкой по стене, выстукивал секретную повесть тайным шифром, которому, как он поведал, обучил его Тритемий. Передавал Послание сидящему в темнице за стенкой. Графу Монте... Монсальвату.

.....

Протекли долгие годы. Соапес ни на миг не бросил выстукивать ложкой по стене. Теперь я знаю, для кого и с какой целью. Его зовут Ноффо Деи.

Деи (какую таинственной Каббалой породнено с Ди его имя?), подученный Соапесом, донес на Френсиса Бэкона. В чем состоял донос, неизвестно, но через несколько дней Веруламия заковали. Его обвинили в мужеложстве, потому что, сказали они (содрогаюсь

при мысли, что это может быть правдой!), ты, о моя Dark Lady, Черная Девственница друидов и тамплиеров, являлась не иным как вечносущим андрогинном, созданным умудренными руками, чьими, о чьими же? Сейчас мне известно: руками твоего любовника графа Сен-Жермена! Но кто же Сен-Жермен, как не самый Бэкон! (Сколько ведомо тайн Соапесу, темному тамплиеру, живущему несколько жизней...)

.....

Верулакий вышел из тюрьмы и добился магическими заклинаниями благосклонности монарха. Теперь, говорит мне Уильям, он проводит ночи на набережной Темзы, в Пиллад-Пабе, он играет на настольном бильярде, изобретенном неким Бруно из Нолы, которого впоследствии чудовищно сожгли в городе Риме на площади Цветов. Так пишет Джойс. Перед этим его заманили в Лондон и вызнали от него секрет астральной машины, пожирательницы обезумевших сфер в бесконечном и универсальном мире, при сиянии ангелических светов, при нечестивом колебании торжествующего зверя, бьющегося лобком о корпус бильярда, для подражания движениям небесных тел в обиталище Деканов, для постижения отдаленнейших секретов Верховного Преображения и тайны Новой Атлантиды. Он представил вместо себя флипперовую фирму "Готтлибс", пародируя священную цепь, на выходе которой — манифесты, приписываемые Андреаз... Ах! он возопился (*s'écria-t-il*; так переводили в прошлом веке), прийдя в лучезарное сознание, но слишком поздно и тщетно; сердце пульсирует у меня под кружевной тканью корсета...

Вот почему он у меня отобрал трубу, амулет, талисман, космическое орудие, которым я мог повелевать демонами. Что он там сейчас изобретает в своем Соломоновом Доме? Но слишком поздно, повторяю, ему было дано слишком много, ах, слишком много власти.

.....

Говорят, будто Бэкон умер. Соапес уверяет меня: неправда. Никто не видал его трупа. Он живет под ложным именем у Гессенского ландграфа, инициированный в тайные тайны и следовательно — бессмертный. Он готов длить угрюмую битву за торжество Плана, во имя себя и под собственным контролем.

После этой предположительной смерти, пришел на свидание в тюрьму Уильям с такой лицемерной усмешкой, которую не затеняла и частая решетка. Он спросил, отчего в сто одиннадцатом сонете я пишу про Красильщика, процитировал слово в слово: "Красильщик скрыть не может ремесло..."

— Я никогда не писал этой строчки, — отвечал я ему. И подумал, что эти слова поместил в мой текст Бэкон, прежде чем укрыться, в качестве таинственного сигнала тем, кому предстоит принимать Сен-Жермена при дворах, от европейского монарха к монарху: пусть сознают, что это он написал сочинения Шекспира. До чего же ясным представляется мир, увиденный из темницы!

.....

Where Art Thou, Muse, That Thou Forget' st So Long?¹ Я чувствую себя усталым, старым. Вильям ждет от меня нового материала для буффонных клоунад в "Глобусе".

Соапес пишет. Гляжу через плечо. Непостижимое послание: Rivverrun, past Eve and Adam' s...² Он прячет лист, он смотрит, видит, что я бледнее тени отца и что в очах моих Смерть. Он шепчет: Покойся. Не страшись. Я напишу за тебя.

И этим он занят, двойник двойника, маска маски. Я медленно затухаю, и он отнимает у меня остатный свет, свет темноты.

¹ Где Муза? Что молчат ее уста... — Шекспир, сонет 100. Пер. с англ. С.Я. Маршака.

² Вниз по течению, от Евы и Адама... — Дж. Джойс, "Поминки по Финнегану" (англ.).

При том, что намерения он имеет благие,
весь дух его и все его пророчества
несомненно одушевляются дьяволом...
Его речи способны соблазнить
многочисленных любознательных людей
и нанести большой ущерб
и бесчестью церкви Господа Нашего.

*Характеристика на Вильгельма Постэля,
направленная Игнатию Лойоле
отцами иезуитами Сальмероном,
Лоостом и Уголетто, 10 мая 1545 года*

74

Бельбо пересказал нам содержание своей повести, но очень сжато и, разумеется, затушевав личностный компонент. Он даже попытался сделать вид, что мотивы и связи подсказала ему электронная машина. Я действительно и до Бельбо уже встречал гипотезу, будто Бэкон является тайным автором розенкрейцерских манифестов. Меня поразила другой факт: что Бэкон был виконтом Сент-Альбанским!

Что-то загудело у меня в голове. Воспоминание, связанное опять же со знаменитым дипломом о тамплиерах. Всю ночь я копался в конспектах.

— Господа, — торжественно обратился я на следующее утро к сообщникам. — Мы не изобретаем связи. Мы их обретаем. Они существуют. Когда святой Бернард подал идею созвать свой знаменитый собор для легитимизации тамплиеров, среди членов оргкомитета мероприятия числился приор Сент-Альбанский. Святой Альбан, имейте в виду, — это первый британский мученик, евангелизатор британских островов, и родился он в Веруламе, то есть в поместье Бэкона. Святой Альбан был кельт; он был несомненный друид, посвященный в тайны, как и сам Св. Бернард.

— Этого мало, — сказал Бельбо.

— Погодите. А приор Сент-Альбанский, о котором я говорил до того, который на соборе узаконивал тамплиеров, — он приор Сен-Мартен-де-Шан, аббатства, в котором будет впоследствии учрежден Консерваторий Науки и Техники!

Бельбо не выдержал: — Дьявольщина!

— И не только, — продолжал я как ни в чем не бывало. — Еще и сам Консерваторий задумывался как памятник Фрэнсису Бэкону. 25 брюмера III от Конвента поступает приказ Комитету народного образования — подготовить и опубликовать полное собрание сочинений Бэкона. А 18 вандемьера того же года тот же Конвент принимает законопроект об учреждении Дома науки и искусства, в котором бы воплотилась идея Дома Соломона, описанного Бэконом в “Новой Атлантиде”: место, где собраны все известные технические изобретения человеческого рода.

— Ну и что? — спросил Диоталлеви.

— А то, что в Консерватории висит Маятник, — ответил Бельбо. По вопросу Диоталлеви я понял, что Бельбо не вводил его в курс своих соображений на тему о маятнике Фуко.

— Всему свое время, — сказал я тогда. — Маятник будет изобретен и установлен лишь в девятнадцатом веке. Пока что пренебрежем.

— Пренебрежем? — перебил Бельбо. — Вы что, никогда не видели изображения иероглифической монады Джона Дии, талисмана, в котором сосредоточена вся мудрость подлунного мира? Что это, по-вашему, не Маятник?

— Прекрасно, — ответил я. — Предположим, нам удастся установить соответствия между этими фактами. Но какой переход от Сент-Альбана к Маятнику?

И я нашел переход за несколько дней и принес им его в зубах.

— Значит, приор Сент-Альбанский — настоятель Сен-Мартен-де-Шан. Таким образом аббатство становится филоламплиерским центром. Бэкон, через свое имение, налаживает тайные связи с друидами, последователями святого Альбана. В то же время учтем, что когда Бэкон начинает

в Англии свой творческий путь, во Франции его же оканчивает Вильгельм Постэль.

(Бельбо переделернулся, мне тоже пришла в голову памятная беседа на вернисаже Риккардо: имя Постэль Бельбо ассоциировал с тем, кто в идеальном смысле увел у него Лоренцу. Но это был краткий миг.)

— Постэль изучает еврейский язык, желая доказать, что это праматерь всех языков, и переводит “Зогар” и “Багир”¹; он завязывает отношения с каббалистами, разрабатывает проект всепланетного мира, сходный с проектами розенкрейцерских групп в Германии, а также пробует устроить военный союз короля Франции с султаном, посещает Грецию, Сирию, Малую Азию, изучает арабский язык, одним словом — повторяет духовный маршрут Христиана Розенкрейца. Не случайно он подписывается во многих случаях “Розисперг” — “прыщущий росой”. В то же время Гассенди в своей “Поверке Флуддовой философии” (“Examen Philosophiae Fluddanae”) говорит, что Розенкрейц происходит не от “розы”, а от “росы” (“рос”). В одной рукописи он говорит о некоей тайне, которую надлежит хранить, пока не созреют времена, и добавляет “не пометайте бисер ваших пред свиньями”. А знаете, где еще появляется это евангельское выражение? На фронтисписе “Химической свадьбы”! Вдобавок святой отец Марино Мерсенн, обличая розенкрейцера Флудда, говорит, что тот из такого же теста, такой же великий безбожник, *atheus magnus*, как и Постэль. С другой стороны, почти что достоверно известно, что Дии и Постэль встречались в 1550 году, но тогда они еще не знали, да и откуда бы им узнать, что именно они и станут теми двумя Великими Магистрами, которых План обяжет встретиться в 1584-м. Вдобавок ко всему, Постэль заявлял, вы только послушайте! что как прямой потомок старшего отпрыска патриарха Ноя, притом что Ной — родоначальник кельтского племени и, следовательно, цивилизации друидов, король Франции имеет непосредственное право на титул Царя Вселенной. Именно так: Царя Вселенной, того самого, который в Агарте, но

¹ “Багир” (ивр. “Ясный свет”) — одна из важнейших книг средневековой Каббалы, появилась в XII в. в Провансе, достоверных сведений об авторе нет.

употребляет он этот термин тремя столетиями раньше! Бог с ним, с Постэлем и с его странной биографией, потому что в определенный момент он втюрился в старушку по имени Иоанна, назвал ее Божественной Софией, видимо, подвинулся рассудком. Учтем при этом, что у него имелись довольно солидные недоброжелатели, которые аттестовали его псом, калоедом, мерзостным отродьем, клоакой ересей и вместилищем легиона демонов. Несмотря на это, и даже несмотря на старушку любовницу, инквизиция не считала его еретиком. Он проходил у инквизиторов по статье *amens*, что переводится как “блажененький”. Делаем вывод, что этого человека не трогают, потому что за его спиной — тень какой-то могущественной группировки. В скобках для Диоталлеви добавляю, что Постэль любил путешествовать по Востоку и являлся современником Исаака Лурии, а дальше Диоталлеви пусть делает выводы, какие хочет. Да. Так вот, в 1564 году (когда Дио сочинил свою “Иероглифическую монаду”) Постэль отрекается от еретических блудней и удаляется искупать вину... угадайте куда? В монастырь Сен-Мартен-де-Шан! Как легко понять, он хочет провести двадцать лет в ожидании 1584-го.

— Это уж точно, — кивнул Диоталлеви.

Я летел дальше: — Да вы понимаете, что у нас вся картина на ладони? Постэль — гроссмейстер французского ядра, он дожидается встречи с ядром английским, но умирает в 1581 году, за три года до условленной встречи. Выводы. Во-первых, ляпсус с 1584 годом происходит в частности, потому, что нет надежного человека, такого как Постэль, способного вовремя предусмотреть и откорректировать нелепицу с календарями. Второе, Сен-Мартен — это место, где тамплиеры испокон веков чувствовали себя как дома и где поселился их уполномоченный представитель, ожидая выхода на связь. Сен-Мартен-де-Шан — это и есть Укрытие, *Refuge!*

— Ну просто одно к одному.

— Вот именно. В год несостоявшего свидания Бэкону всего только двадцать лет. Дожив до 1621 года, он принимает титул виконта Сент-Альбанского. Спрашивается: почему его вдруг так потянуло к имению предков и ко всему с этим связанному? Мы не знаем. Однако в этом же году

кто-то выдвигает против него облыжное обвинение в коррупции и Бэкон попадает в тюрьму. Очевидно, Бэкон раскопал нечто, что могло внушать страх. Внушать кому? Не будем забывать, что к этому времени Бэкон уже твердо уверен, что Сен-Мартен — ключевая точка, и собирается разместить именно там свой Дом Соломона — лабораторию, в которой можно работать, проводить эксперименты, с тем чтобы раскрыть секрет Плана.

— Но, — спросил Диоталлеви, — через кого осуществлялся контакт между наследниками Бэкона и деятелями Великой французской революции?

— Сейчас сказали бы — через масонов, — пробормотал Бельбо.

— Феноменально! Ведь именно об этом говорил нам в свое время и Алье!

— Ох, придется нам заняться масонами. Что представляют из себя логи в то время?

От вечного сна... не убежит никто, кроме тех, кто еще при жизни сумел обратить свой дух к высшему совершенству. Посвященные (Адепты) находятся на пределе этого пути. Следуя указаниям памяти — анамнезу, по выражению Плутарха, — они обретают свободу, дорога их пряма, увенчанные, они отправляют тайносовершенительные действия и видят на земляных, кто не был посвящен и кто не очистился, их толкотню и давку в грязи и в сумерках.

Юлиус Эвола, *Герметическая традиция*.
Julius Evola, *La tradizione ermetica*,
Roma, Edizioni Mediterranee, 1971, p.111

75

Я нахально вызвался составить в сжатые сроки сравнительно-хронологическую таблицу. Лучше бы я этого не обещал. Меня захлестнуло море книг, наполненных историческими сведениями и герметическими сплетнями, и понял, сколь непростое дело отличать достоверное от фантастического. Я проработал как автомат в течение семи дней и к концу недели у меня в руках был совершенно непроходимый перечень различных сект, лож и группировок. Не скрою, что при этом занятии не раз и не два я подсакивал как ужаленный, обнаружив известные мне имена в совершенно неожиданной компании, сталкиваясь с поразительными хронологическими совпадениями. Перебелив список, я показал его коллегам.

- 1645 Лондон: Эшмол основывает Незримый колледж розенкрейцерского толка.
- 1662 Из Незримого колледжа рождается Королевское общество, а из Королевского общества, как всем известно, — масонство.
- 1666 Париж: Академия наук.
- 1707 Рождается Клод-Луи де Сен-Жермен¹, если он действительно рождается.

¹ Авторская контаминация: известны Клод-Луи де Сен-Жермен (1707—1778) — реальный военный деятель, и легендарный граф Сен-Жермен (настоящее имя неизвестно), авантюрист XVIII в., родился в последние годы XVII в., умер ок. 1784—95 г.

- 1717 Основана Великая Лондонская ложа.
- 1721 Андерсон составляет Конституцию английского масонства. Будучи посвящен в Лондоне, Петр Великий учреждает ложу в России.
- 1730 Монтескье, будучи в Лондоне проездом, вступает в ложу.
- 1737 Шевалье де Рамзай заявляет о связи масонства с тамплиерством. Появляется Шотландский Обряд, отныне и впредь находящийся в конфликте с Великой Лондонской ложей.
- 1738 Фридрих — в то время наследный принц Пруссии — вступает в масоны. Становится покровителем энциклопедистов.
- 1740 Примерно в это время появляются ложи во Франции: в Тулузе — Ложа Верных Шотландцев, в Бордо — Суверенный Высший Совет, Материнская Шотландская ложа Великого Французского Глобуса, Коллегиум Высоких Князей Королевской Тайны. Ложи в других городах: Двор Суверенных Командиров Храма в Каркассоне; ложа Филадельфов в Нарбоне; Капитул Розенкрейцеров в Монпелье; еще были ложи Великих Избранных Истины и т.д.
- 1743 Первое появление на публике графа Сен-Жермена. Лионская ложа изобретает ступень Рыцаря Кадоша, чье назначение — месть за тамплиеров.
- 1753 Виллермос открывает ложу Совершенной Дружбы.
- 1754 Мартинес Пасквинес (Мартен де Паскуалли) основывает Храм Элус Коэн (возможно, позднее — в 1760).
- 1756 Барон фон Хунд учреждает Строгое Наблюдение Тамплиеров. Некоторые утверждают, что эта ложа возникла под влиянием Фридриха II Прусского. Впервые возникает разговор о Неведомых Старшинах. Кое-кто утверждает, что Неведомыми Старшинами были Фридрих и Вольтер.
- 1758 В Париж прибывает Сен-Жермен и предлагает свои услуги королю в качестве химика, специалиста по крашению и краскам. Он бывает у Помпадур.
- 1759 Формируется Совет Императоров Востока и Запада, который спустя три года составляет Конституцию и Бордоский устав, откуда поведет свое начало

Древний и Принятый Шотландский Обряд (официально он начинает свою деятельность только с 1801). Характерной чертой шотландского обряда является увеличение числа верхних степеней вплоть до тридцати трех.

1760 Сен-Жермен и его двусмысленная дипломатическая миссия в Голландии. Он должен скрываться, в Лондоне его арестуют и затем отпускают. Дом Пернети основывает Общество иллюминатов в Авиньоне. Мартинес Пасквинес учреждает Орден Кавалеров Избранных Каменщиков Мира.

1762 Сен-Жермен в России.

1763 Казанова встречается с Сен-Жерменом в Бельгии. Там он именуется Де Сюрмон и превращает простую монету в золотую.

Виллермос основывает Суверенный Капитул Кавалеров Черного Орла Розенкрейцеров.

1768 Виллермос входит в общество Элус Козн, основанное Пасквинесом. Печатается, с апокрифическим местом публикации — Иерусалим — книга “Развенчание наиболее тайных секретов высших степеней масонства, или же Истинное Розенкрейцество”; в книге говорится, что ложа розенкрейцеров находится на горе Гередон в шестидесяти милях от Эдинбурга. Пасквинес встречается с Луи-Клодом Сен-Мартеном, который впоследствии станет знаменит под именем Неизвестного Философа. Дом Пернети становится библиотекарем прусского короля.

1771 Герцог Шартрский, впоследствии знаменитый как Филипп Эгалите, становится Великим Магистром Великого Востока, потом Великого Востока Франции, и пытается объединить все ложи, встречая сопротивление лож Шотландского Обряда.

1772 Пасквинес переезжает в Санто-Доминго, а Виллермос и Сен-Мартен основывают Суверенный Ритуал, который сделается впоследствии Великой Шотландской Ложей.

1774 Сен-Мартен удаляется от дел, чтобы стать Неизвестным Философом, а один из делегатов Строгого Послушания Тамплиеров предпринимает переговоры

с Виллермосом. Рождается Шотландская директория провинции Овернь. Из Овернской директории образуется Шотландский Исправленный Обряд.

- 1776 Сен-Жермен, под именем графа Уэлдона, представляет химические проекты Фридриху II.

Создается Общество Филотетов для объединения всех герметических обществ.

Ложа Девяти Сестер, в которую входят Гильотен и Кабанис, Вольтер и Франклин. Вейсгаупт кладет начало баварским иллюминатам. По некоторым данным, он был посвящен неким датским купцом, Кельмером, возвратившимся из Египта, который будто бы — не кто иной как таинственный Альтотас, учитель Калиостро.

- 1778 Сен-Жермен встречается в Берлине с Домом Пернети. Виллермос учреждает Орден Добродетельных Кавалеров Града Святого. Строгое Послушание Тамплиеров сливается с Великим Востоком при условии, что будет соблюдаться Исправленный Шотландский Обряд.

- 1782 Большой съезд всех секретных обществ в Вильгельмсбаде.

- 1783 Маркиз Томе учреждает Обряд Сведенборга.

- 1784 Сен-Жермен якобы умирает в доме ландграфа Гесенского, где он устраивал фабрику по производству красок.

- 1785 Калиостро учреждает Мемфисский обряд, который впоследствии превратится в Древний и Первобытный Мемфисско-Мисраимский обряд и в котором количество высших степеней будет доведено до девяноста.

Вспыхивает инспирированный Калиостро скандал с ожерельем королевы. Дюма передает этот эпизод как масонский заговор с целью дискредитации монархии.

Орден иллюминатов в Баварии, подозреваемый в революционной деятельности, подпадает под запрет.

- 1786 Мирабо проходит инициацию у баварских иллюминатов в Берлине. В Лондоне выходит манифест ро-

зенкрейцеров, приписываемый Калиостро. Мирабо пишет письмо Калиостро и Лафатеру.

- 1787 Во Франции около семисот лож. Публикуется "Проект" Вейсгаупта, где предлагается такой тип тайной организации, в которой каждый член знает только своего непосредственно вышестоящего.
- 1789 Начало Французской революции. Кризис французских лож.
- 1794 8 вандемьера депутат Грегуар представляет в Конвенте проект Консерватория Науки и Техники. Музей будет создан в соборе Сен-Мартен-де-Шан в 1799 году по решению Совета Пятисот.
- Герцог Брунsvик требует роспуска лож под предлогом, что некая злокачественная секта распространила среди них свою заразу.
- 1798 Арест Калиостро в Риме.
- 1801 В Чарльстоне оповещается об официальном учреждении Древнего и Принятого Шотландского Обряда, с тридцатью тремя степенями.
- 1824 Послание от венского двора французскому правительству: донесение о деятельности тайных обществ, таких как абсолюты, индипенденты, Высокая Вента карбонариев.
- 1835 Каббалист Эттингер утверждает, что встретил Сен-Жермена в Париже.
- 1846 Венский литератор Франц Граффер публикует мемуар о встрече его брата с Сен-Жерменом в 1788—1790 годах. Сен-Жермен принимает посетителя, листая книгу Парацельса.
- 1865 Основание Розенкрейцерского общества в Англии (по другим свидетельствам — 1860 или 1867). В него вступает Булвер-Литтон, автор розенкрейцерского романа "Занони".
- 1868 Бакунин основывает Интернациональный Альянс Социалистической демократии, вдохновленный, по мнению некоторых, обществами баварских иллюминатов.
- 1875 Елена Петровна Блаватская основывает Теософическое общество. Выходит ее книга "Изида без покрывал".

Барон Спедальери провозглашает себя членом Великой ложи Одиноких Горных Братьев, Иллюминатом-Братом Древнего и Восстановленного Ордена Манихеев и Великим Иллюминатом Мартинистов.

- 1877 Мадам Блаватская говорит о влиянии Сен-Жермена на теософию и о том, что среди его физических воплощений (реинкарнаций) были Роджер и Фрэнсис Бэконы, Розенкрейц, Прокл, святой Альбан.

Великий Восток Франции отказывается от обращения к Великому Зиждителю Вселенной и провозглашает абсолютную свободу совести. Великий Восток порывает отношения с Великой Ложей Англии и принимает решительно светский, радикальный характер.

- 1879 Основание Розенкрейцерского общества в США.
1880 Начало деятельности Сент-Ива д'Алвейдре. Леопольд Энглер проводит реорганизацию иллюминатов Баварии.
1884 Лев XIII в своей энциклике "Роду Человеческому" осуждает масонство. Отход от масонства католиков, приход рационалистов.
1888 Станислас де Гуайта основывает Каббалистический орден Розенкрейцеров.

Учреждение в Англии Герметического ордена Золотой Зари. Одиннадцать градаций — от неопита до Ipsissimus'a. Император ложи — Мак-Грегор Матерс. Его сестра была женой Бергсона.

- 1890 Жозефин Пеладан отходит от Гуайты и основывает общество "Роза+Крест Католиков Храма и Грааля", приняв при этом имя Сар Меродак. Распря между розенкрейцерами Гуайты и адептами Пеладана известна под названием "войны двух Роз".
1891 Папюс публикует "Методический трактат об оккультных науках".
1898 Алистер Кроули посвящен в орден Золотой Зари. Потом им будет основан самостоятельный Телемский орден.
1907 От Золотой Зари отпочковывается орден Утренней Звезды, адептом которого становится Йейтс.
1909 В Америке Спенсер Льюис "возрождает к жизни"

Древний Мистический орден Розы и Креста и в 1916 году с успехом демонстрирует в одной гостинице превращение куска цинка в золото.

Макс Гиндель основывает Розенкрейцерское общество. Затем основываются Розенкрейцерский Лекторий, Первородные Братья Розы-Креста, Герметическое Братство, Храм Розы-Креста.

1912 Анни Безан, ученица Блаватской, учреждает в Лондоне орден Храма Розы-Креста.

1918 В Германии рождается общество Туле.

1936 Во Франции открывается великий Приорат Галлов (де Голь). В "Тетрадах полярного братства" Энрико Контарди ди Родино рассказывает, как его посетил граф де Сен-Жермен.

— Что все сие означает? — спросил Диоталлеви.

— Не спрашивайте у меня. Вам нужны были факты. Я их подобрал.

— Надо бы проконсультироваться с Алье. Бьюсь об заклад, что даже он не знает всех этих организаций.

— Что? Он этим кормится. Ему ли не знать. Но все-таки можно устроить ему проверочку. Прибавим несуществующую секту. Свежеоснованную.

Я вспомнил странный вопрос Де Анджелиса — слышал ли я когда-либо об организации ТРИС. И выпалил: — Например, ТРИС.

— А что будет значить ТРИС? — спросил Бельбо.

— Предположим, это акроним. Значит, его можно разгадать, — сказал Диоталлеви. — Зачем иначе мои раввины изобретали Нотарикон? Подождите... Тамплиеры-Рыцари Интернациональной Синархии. Каково?

Нам понравилось, и список был благополучно завершен.

— Между прочим, этих сект столько, что изобрести новую не у каждого получится, — промурлыкал Диоталлеви в порыве заслуженной гордости.

Чтобы дать самую сжатую характеристику французского масонства XVIII века, только одно слово подходит к ситуации: дилетантизм.

Рене Ле Форестье,
Франкмасонство тамплиерское и оккультистское.
René Le Forestier,
La Franc-Maçonnerie Templière et Occultiste,
Paris, Aubier, 1970, p. 2

76

На следующий вечер мы пригласили Алье к Пиладу. Хотя новое поколение посетителей ввело в обиход галстуки и пиджаки, все же появление нашего гостя в костюме-тройке маренго, в крахмальной сорочке и с золотой булавкой на галстуке произвело впечатление. Слава богу еще, в шесть часов народу у Пилада никогда не бывает слишком много.

Алье вогнал Пилада в пот своим заказом: марочный коньяк. Коньяк все-таки нашелся, но на самой верхней полке выставочного стеллажа, и покрытый многомесячным наросом пыли.

Говоря с нами, Алье любовался на просвет оттенком напитка, согревал его в ладонях, посверкивая золотыми запонками египетского рисунка. Мы показали ему свой список, сказав, что это сводный каталог писаний одержимцев.

— Что тамплиеры связаны с древнейшими ложами строителей-каменщиков, восходящими ко временам постройки Соломонова Храма, это общеизвестно. Так же общеизвестно, что тогда же каменщики объединились в память подвига архитектора этого храма, Хирама, ставшего жертвой таинственного убийства, и поклялись за него отомстить. Когда началось преследование тамплиеров, многие из Рыцарей Храма, безусловно, влились в артели мастеров-каменотесов, причем мотив мести за Хирама отождествился с отмщением за Жака де Молэ. С другой стороны, в восемнадцатом веке в Лондоне существовали ложи настоящих каменотесов, так называемые деятельные ложи, и со временем скучающие джентльмены, самого респектабельного состояния, привлеченные традиционными ритуалами, наперебой начали просить о вступлении к ним. Та-

ким образом, деятельное масонство, состоящее из каменщиков-рабочих, превратилось в созерцательное масонство, состоящее из каменщиков символических. В этой обстановке некий Дезагюлье, распространитель идей Ньютона, оказывает влияние на одного протестантского священника, Андерсона, который составляет Конституцию Ложи братьев каменщиков, действского толка, и кладет начало мифу о масонских обществах как корпорациях, имеющих четырехтысячелетнюю историю и ведущихся от основателей Соломонова Храма. Таковы истоки масонской атрибутики, маскарадных костюмов: всех этих фартуков, угольников, молотков. Но, может быть, именно по этой причине масонство становится модой, привлекает дворянство, в частности, как новое украшение генеалогического дерева и герба. Но еще сильнее им очаровывается мещанство, которое благодаря членству в ложе не только становится на равную ногу с благородными, но даже получает возможность нацепить шпагу... О нищета нарождающегося современного мира! Благородным требуется среда, в которой они могут общаться с новыми производителями капитала, а последние — разумеется — стремятся облагородиться...

— Но тамплиеров, похоже, начали упоминать много позднее.

— Первым, кто установил прямую линию родства масонства с тамплиерами, был Рамзай, о котором мне, однако, неприятно говорить. Я подозреваю, что он был агентом иезуитов. Именно из его учения возникло шотландское крыло масонства.

— Шотландское в каком смысле?

— Шотландский ритуал был изобретен французами и немцами. Лондонское масонство знало три ступени: подмастерье, товарищ и мастер. Шотландское масонство состояло в увеличении количества ступеней, а следовательно, и уровней посвящения в секрет, то есть степеней допуска. Французы, суетные от природы, упивались иерархичностью...

— Но в какой секрет их посвящали?

— Ни в какой, разумеется. Если бы секрет существовал... вернее, если бы они этим секретом владели, сложность его могла бы обосновывать замысловатую компози-

цию ступеней секретности. Рамзай же увеличил число степеней, чтоб создать впечатление, будто обладает секретом. Вообразите себе трепет мирных негоциантов, когда они наконец могли заделаться князьями отмщения...

Алье убалтывал нас масонскими сплетнями. И в своей обычной манере, говоря, он постепенно перемещался с третьего на первое лицо. — В те времена по Франции погуливали куплеты о новой моде — фримасонстве, о ложах, которые все умножались и где толпились кардиналы, монахи, маркизы и булочники, а члены королевского дома становились Великими Магистрами. В Строгое Наблюдение Тамплиеров к этому прохвосту фон Хунду вошли Гете, Лессинг, Моцарт, Вольтер. Ложи организовывались в среде военных: целые роты бурлили, одержимые идеей отомстить за Хирама, и революция была у всех на устах. Многими масонство воспринималось как эквивалент светского общества, *société de plaisir*, клуба, статус-символа. Туда собирались все: Калиостро, Месмер, Казанова, барон Гольбах, Д'Аламбер... Энциклопедисты и алхимики, либертины и герметики. Особенно ярко это ощутилось после начала революции, когда члены одной и той же ложи оказались по разные стороны баррикад и когда, по-видимому, Великое братство вошло в период кризиса единожды и навеки.

— Существовало ли противостояние между Великим Востоком и Шотландским Обрядом?

— На словах да. Вот например: в ложу Девяти Сестер был посвящен Франклин, который, натурально, лоббировал ее перерастание во внерелигиозную, поскольку интересовался только одним: организовать поддержку американской революции... В то же время и той же ложе одним из великих магистров был граф де Милли, занимавшийся поисками эликсира долгой жизни. Поскольку это был полудурок, в ходе экспериментов он отравился и умер. С другой стороны, Калиостро: изобретатель египетских ритуалов, замешанный в аферу с ожерельем королевы, то есть в скандал, инспирированный новым правящим сословием для дискредитации Ансьен Режим... Вертелся там даже Калиостро. Воображаете? Можете себе представить, с каким человеческим отребьем надо было иметь дело?

— Несладко приходилось, — с пониманием отозвался Бельбо.

— А что были за люди, — вставил я свой вопрос, — все эти бароны фон Хунды, искавшие Неведомых Старшин?

— Вокруг буржуазного фарса собирались и группы совсем иной направленности, которые для привлечения адептов вполне могли идентифицировать себя с масонскими ложами, но по сути преследовали более инициатские цели. Именно к тому моменту относится дискуссия о Неизвестных Верховных. Но к сожалению, фон Хунд не может считаться серьезным собеседником. Сначала он создает впечатление, будто Незнаемыми Верховниками являются Стюарты. Потом провозглашает, что цель его ордена — вернуть имущество, принадлежащее тамплиерам, и с этой целью пробует насобирать средств где только может. Не найдя достаточно финансов, попадает в лапы некоего Штарка, который утверждал, будто получил секрет выделывания золота непосредственно от Неопознанных Верховников, обитавших в Петербурге. К фон Хунду и Штарку сбегаются теософы и алхимики, цена им всем пятак за четыре дюжины, розенкрейцерцы вчерашнего набора, и вся компания избирает великим магистром порядочнейшего человека, герцога Брунсвика. Тот моментально сознает, что оказался в пренеприятной компании. Один из членов Наблюдения, граф Гессе, приглашает к себе графа Сен-Жермена, чтобы тот производил для него золото... Что поделать, в оные времена приходилось удовлетворять капризы могущественных лиц. Но мало этого, ландграф считает себя святым Петром. И можете мне поверить, однажды вечером Лафатер, бывший гостем господина ландграфа, не сдержался и закатил скандал герцогине Девонширской, заявлявшей, будто она Мария Магдалина.

— А прочие секты, которые росли как грибы, деятельность Виллермоса, Пасквинеса и иже с ними...

— Паскуалли был авантюрист. Он занимался теургическими операциями в секретной келье, и его посещали ангельские духи под видом перемещений света и иероглифических знаков... Виллермос отнесся к нему серьезно потому, что был энтузиастом, честным и неискушенным. Он очаровывался алхимией, помышлял о Великой Дее, кото-

рой все избранные должны были бы предаваться и искать точку Единения шести благородных металлов, обдумывая меры, заданные в шести буквах первого имени Бога, которое Соломон поведал первоизбранным...

— И что Виллермос для этого делал?

— Создавал многие послушничества и вступал во многие ложи одновременно, как было принято тогда. Стремился к Окончательному Откровению. Страдал из-за того, что Откровение, как он чувствовал, всегда таилось где-то в другом месте... как это по правде и должно быть... может, в этом истинное Откровение и состоит... Таким образом он присоединился и к ложе Элус Коэн, возглавляемой Паскуалли. Но в семьдесят втором году Паскуалли сгинул, отбыл в Санто-Доминго, бросил недоделанное дело. Почему он стуживался? Полагаю, оттого, что вступил во владение секретным материалом и не имел желаний делиться секретом. Как бы то ни было, да упокоится душа его, сгинувшая на том континенте, темном, как он вполне заслуживает...

— А Виллермос?

— В те годы, о которых речь, все были потрясены кончиной Сведенборга, человека, который мог бы многое преподавать нездоровому Западу, если бы Запад захотел его выслушать... Но век уже катился навстречу революционному безумию, для удовлетворения амбиций третьего сословья... Именно в это время Виллермос услышал о Строгом Послушании Тамплиеров барона фон Хунда и сразу влюбился в идею. Его, разумеется, предупреждали, что тамплиер, прокламирующий свое тамплиерство, создавая гласную ассоциацию, тамплиером быть не может. Но восемнадцатый век был веком удивительной доверчивости. Виллермос попробовал основывать с фон Хундом разнообразные альянсы, которые перечислены и в вашем списке, до тех пор пока фон Хунда не развенчали, то есть не продемонстрировали, что он принадлежит к таким лицам, которые способны сбежать с кассой, и герцог Брунsvик не выдворил его из организации.

Алье заглянул в мой список. — Ах да, Вейсгаупт. Иллюминаты из Баварии, с таким прекрасным названием, на первых порах привлекают немало великодушных людей. Но этот Вейсгаупт был настоящим анархистом, и даже ком-

мунистом, как говорится в этом веке, и знали бы вы, какой только бред не муссировался в его окружении... государственные перевороты, смещение монархов, убийства... Заметьте, что я сам восхищался Вейсгауптом, но не идеями его, а необыкновенно четким представлением о том, как должно быть устроено секретное общество. Увы, великолепные организаторские данные сочетались с удручающей туманностью целей. В общем, герцог Брунвик вынужден приводить в порядок сумятицу, оставленную фон Хундом. Он сознает, что в среде немецкого масонства сосуществуют три души: во-первых, направление исследовательски-окультурное, охватывающее и некоторых розенкрейцеров, во-вторых, направление рационалистское и, в-третьих, направление анархо-революционное, сосредоточенное вокруг баварских иллюминатов. Тогда Брунвик предлагает представителям различных орденов и ритуалов съехаться в Вильгельмсбаде на конгресс. Надлежит решить следующие вопросы: орден действительно ли происходит от древней тайной организации, и если да, то от какой? Существуют ли действительно Неопознанные Старшины, хранители старинного предания, и кто они? Есть ли истинные цели у ордена? Является ли таковой целью восстановление Ордена тамплиеров? И так далее. В числе прочих — проблема: следует ли в рамках ордена заниматься оккультными науками. Виллермос в восхищении примыкает. Он рассчитывает наконец получить ответ на трепещущие вопросы, которыми честно протерзался всю сознательную жизнь... Вместо того разразился скандал с Де Местром.

— Де Местром каким? — перебил его я. — Жозефом, Ксавье?

— Жозефом.

— Это который реакционер?

— Если и реакционер, то, по мне, недостаточно. Любопытный был человек. Вы только подумайте: будучи столпом католической церкви, и именно в те времена, когда римские папы начинали выпускать буллы против масонства, он вступает в ложу и принимает имя Иозефус а Флорибус! И еще больше он приближается к масонству, когда в 1773 году папский указ громит иезуитов. Разумеется, Де Местр примкнул к масонам шотландского обряда, это ес-

тественно, поскольку он — не буржуазный “иллюминист” (то есть человек Просвещения), а благородный иллюминат! Надо всегда учитывать эту дистрикцию, потому что в Италии принято называть иллюминистами якобинцев, а в прочих странах под тем же термином понимают адептов Традиции, и возникает терминологический ляпсус...

Алье прихлебывал свой коньяк, распахивал портсигар почти белого металла, где были сигарильи невиданной мною формы (“их готовит мой лондонский сигареро; они вроде тех, что вы попробовали у меня дома, прошу отве-дать”), и говорил, устремившись взором в давнишнее.

— Де Местр... Очаровательный собеседник, разговари-вать с ним было —гостить на празднике духа. Он приобрел огромный авторитет в окружении инициатов. Однако в Вильгельмсбаде Де Местр обманул всеобщие ожидания. Он направил герцогу письмо, в котором категорически ос-паривал идею филиации масонства от тамплиеров, вы-ступал против Невидимых Верховников и против полезно-сти эзотерического подхода. Отрицал он все это с католи-ческих позиций, но использовал аргументацию энцикло-педической буржуазной мысли. Когда герцог прочитал послание на соборнице наивернейших, никто не поверил ушам. Де Местр почему-то провозглашал, будто целью де-ятельности является спиритуальное самоусовершенство-вание и что церемонии и традиционные ритуалы нужны всего лишь для поддержания мистического духа в спортив-ной форме. Он одобрял новейшие масонские знаки, но до-бавлял, что символ, обозначающий много всего, не обозна-чает ничего. Каковая фраза, позвольте мне заметить, про-тиворечит всей герметической традиции, поскольку сим-вол тем более насыщен, многоречив, мощен, чем он двусмысленней и неуловимей. Как можно иначе развивать линию Гермеса, бога с тысячью обличей? Что же касается тамплиеров, Де Местр утверждал, что Орден тамплиеров основался ради алчности и что та же алчность его сгубила. Этот савоец держал в уме, что орден в свое время был ра-зогнан с согласия папы. Не доверяйтесь католикам-леги-тимистам, как бы ни пылали они герметической призван-ностью. Ответ по пункту о Неведомых Властителях был

тоже смехотворным: их нет, поэтому никто о них не веда-ет! Ему возразили, что разумеется, не ведает, иначе как им быть Неведомыми. Не знаю, что вы думаете о логике этих его рассуждений. Не могу понять, как человек настолько верующий мог быть до такой степени нечувствителен к обаянию тайны. После всего, Де Местр провозглашал: возвратимся к Евангелию и отбросим глупости Мемфиса. То есть наново утверждал тысячелетнюю теорию церкви.

Можете себе представить, в какой обстановке проводился Вильгельмсбадский слет. После раскола с бесспорным лидером, с Де Местром, Виллермос оказался в меньшинстве и максимум, чего удалось там добиться, это половинчатости. Тамплиерский ритуал удалось сохранить, но заморозили все исследования о происхождении. Одним словом, провал. Именно в тот день шотландизм проиграл свою крупную игру. Если бы события развивались иначе, может быть, история следующего века повернула бы течение свое.

— А потом? — допытывался я. — Так и не удалось поправить дело?

— Какое там поправить. Через три года евангелический проповедник, примыкавший к баварским иллюминатам, некий Ланце, был убит молнией в лесу. На нем обнаружили инструкции ордена, выяснили, что Вейсгаупт умышлял против правительства, и орден на следующий год запретили. Мало этого, опубликовали записи Вейсгаупта, предполагавшуюся программу иллюминатов, чем было дискредитировано на ближайшую сотню лет французское и немецкое неотамплиерство... Добавьте, что вероятнее всего, иллюминаты Вейсгаупта были на стороне яacobинствующего масонства, а в неотамплиерское течение примешались провокаторски, желая его уничтожить. Не случайно же именно к этому отребью притянулся и Мирабо, революционный трибун. Хотите начистоту?

— О чем вы?

— Люди подобные мне, ищущие связей между линиями Преданья, недоумевают, думая о такой вещи, как Вильгельмсбадская конференция. Кто-то угадал тайну, но не открыл ее, кто-то знал, но обманывал! А потом момент прошел, стало поздно, революция во Франции, собачья грызня

девятнадцативечных оккультистов. Перечитайте свой список. Свистопляска доверчивости, подозрительности, взаимных подкусываний, разоблачений, секретов, которые у всех на устах. Театрик оккультизма.

— Как я понял из ваших слов, оккультизм — значит недостоверность? — спросил Бельбо.

— Разграничим оккультистское и эзотерическое. Эзотеризм — поиск знаний, заключаемых в символах и непостижимых для профанов. Оккультизм же, распространившийся в девятнадцатом веке, это верхняя часть айсберга, малая доля эзотерического знания. Тамплиеры были действительно посвящены: это доказывается именно тем, что даже под пытками они не выдали своего секрета. Мощная завеса тайны, созданная ими, убеждает нас в том, что они действительно располагали секретным знанием, а также в том, что располагать им завидно. Оккультисты же — эксгибиционисты. Как говорил Пеладан, раскрытый секрет инициации совершенно бесполезен. К сожалению, сам Пеладан был не инициатом, а оккультистом. Девятнадцатое столетие — век доносительства. Каждый торопится разгласить секреты магии, теургии, Каббалы, тарокко. И, наконец, сам в них верит...

Алье скользил глазами по списку, сострадательно всхмыкивая: — Елена Петровна. Душа женщина. К сожалению, ни разу в жизни не сказала ничего, кроме тех вещей, о которых написано на всех стенах. Де Гуайта. Библионаркоман. Папюс, его принимают всерьез? — И вдруг застыл с бумагой в руке. — ТРИС. Откуда вы получили это сведение? Из какой рукописи?

Ишь ты, подумал я, его на мякине не проведешь. Пришлось замечать следы: — Знаете, сколько текстов мы пересмотрели для этого списка, большинство их мы уже выбросили, они были неудобоваримы. Где-то в куче, наверное, был и ТРИС... Бельбо, вы не помните часом, откуда он взялся?

— Нет, не помню. А вы, Диоталлеви?

— Теперь уже трудно восстановить. А что, это важно?

— Это совершенно неважно, — заверил его Алье. — Просто об этой организации я никогда не слышал. Вы действительно не помните, где она цитировалась?

Мы были в отчаянии, но нам не удавалось припомнить.

Алье вытащил из жилетного кармана часы. — Какая жалость, я опаздываю на следующую встречу. Прошу вас меня извинить.

Когда он вышел, мы дружно загалдели.

— Теперь все ясно. Англичане забросили масонскую удочку, чтобы объединить всех посвященных Европы и попробовать провести в жизнь бэконовскую идею.

— Но это удалось им только наполовину. Предложение бэкониан было так заманчиво, что привело к результатам, противоположным их ожиданиям. Так называемое шотландское крыло восприняло запланированное объединение как прекрасный случай им самим восстановить сбившуюся последовательность. И шотландцы связались с немецкими тамплиерам.

— Алье считает эту ситуацию непостижимой. Со своей точки зрения, он прав. Она постижима лишь для нас; только нам известно, что же происходило на самом деле: то есть что мы хотим, чтобы на самом деле происходило. Резиденты в различных странах наперебой бросились действовать. Я, скажем, не исключаю, что Мартен де Паскуалли был агентом томарской группировки. Англичане изгнали из своего состава шотландцев: которые по сути дела — французы. Среди французов, в свою очередь, образовались два подразделения: филобританское и филогерманское. Масонство служило всем этим группам камуфляжем, крышей, предоставляя возможность агентам разных групп (вот только чем занимались тем временем павликиане и иерусалимитяне, это знает один Бог) съезжаться и пересекаться в любых сочетаниях, пытаясь выцарапать друг у друга обрывки спецсведений.

— Масонство это как американ бар в фильме “Касабланка”! — сказал Бельбо. — Смотрите, мы опровергли общепринятую теорию. Оказывается, масонство — это не тайное общество!

— Какое там тайное. Это порто-франко, вроде Макао. Только вывеска. Тайна-то была не у них.

— Бедные масоны.

— Прогресс существует за счет своих жертв. Согласи-

тес, однако, что нам удастся даже доказать имманентную рациональность истории.

— Рациональность истории есть результат удачного переписывания Торы, — сказал Диоталлеви. — Хвала Всевышнему за то, что ниспосылает нам удачу, и да будет хвалим до окончания времен.

— Да будет, — согласился Бельбо. — Что же мы имеем? Бэконииане завладели аббатством Сен-Мартен-де-Шан, франко-германское неотамплиерство развалилось на мириады различных сект... А мы до сих пор не придумали, в чем же состоит тайна.

— Пора бы вам придумать, — сказал Диоталлеви.

— Вам? Мы все, и ты, дорогой, по уши в этой истории, и если не выпутаемся из нее с честью — опозорены навеки.

— Перед кем?

— Перед историей, перед судом Истины.

— *Quid est veritas?* — спросил Бельбо.

— Мы, — отвечал я.

Есть трава, которая называется
 Чертогонною у философов.
 И доказано, что лишь ее семенем изгоняются дьяволы
 и их наваждения. Была трава дана некоей юнице,
 которую ночами беспокоил дьявол,
 и трава обратила дьявола в бегство.

Иоанн Рупескисса, *Трактат о пятой сущности*.
 Johannes Rupescissa, *Tractatus de quinta essentia*, II

77

В последующие дни я забросил План. Беременность Лии подходила к сроку, и я, когда мог, старался быть с нею. Лия меня успокаивала — говорила, что еще рано, еще не время. Она посещала курс подготовки к родам, я как мог вникал в смысл ее упражнений. Лия отвергла возможность, предоставляемую чудодейственной наукой, узнать заранее пол младенца. Пусть это будет неожиданностью. А я думал: пусть будет, как она хочет. Я касался ее живота, не пытаюсь представить себе, что в нем находится и что выйдет из него на свет божий. Мы решили называть его Оно.

Единственное, что я пытался — определить собственную степень участия. — Ведь Оно и мое тоже, — говорил я Лии. — Что же, я буду как в кино, шагать взад и вперед по коридору, прикуривая сигарету от сигареты?

— Пиф, только это и остается. На определенном этапе действовать позволено только мне. Ты еще и некурящий... как быть с тобой, просто не знаю.

— Как же быть со мной?

— Тебя следует привлекать как до, так и после. После, в частности, ты сможешь взяться за его воспитание, тем более если это мальчик. Ты будешь лепить его по своему подобию, создавать у него хороший эдипов комплекс, когда настанет момент — с улыбкой подчинишься ритуальному отцеубийству, не будешь разводить трагедию, в нежную минуту приведешь его в свой занюханный офис, покажешь свои карточки, верстку необыкновенных приключений металлов и скажешь: сын мой, придет день, когда все это станет твоим.

— А если девочка?

— Скажешь: дочь моя, в один прекрасный день все это перейдет к твоему балбесу мужу.

— А каким образом меня можно использовать “до”?

— Ты будешь считать время. Дело в том, что от схватки до схватки проходит определенное время и тут важно не сбиться, потому что по мере того, как сокращаются интервалы, приближается срок. Будем считать вместе, ты будешь задавать ритм. Как гребцы на каторжных галерах. Раз-два-взяли, мы вместе будем помогать, чтобы Оно вылезло из своей темноты на свет божий. Бедняга-бедняго. Сидит себе спокойно, насосалось соков как спрут, все ему бесплатно, и вдруг битте-дритте, пожалуйста рожаться, оно вытаращит глаза и заорет: куда это я попало?

— Не такое уж бедняго. Оно еще господина Гарамона не видело... Давай попробуем посчитать.

Мы взялись за руки в темноте. Считая вслух, я в то же время думал: Оно, родившись, оправдывает всю глупую болтовню одержимцев. Бедные одержимцы целыми ночами разыгрывали химические свадьбы, ломали голову, удастся ли породить восемнадцатикаратное золото и окажется ли философский камень ляписом экиллисом, несчастным глиняным Граалем, а мой Грааль — вот он, почти получен из драгоценного Лииноного горнила.

— Вот-вот, — кивала Лия, держа руку на своем круглом горячем сосуде, — тут и настаивается заложенное тобой прекрасное сырье. Твои алхимики что говорят на этот счет, что происходит в посудине?

— Там клокочут меланхолия и сернистая земля, черный свинец и сатурново масло бурлят в темном череве — это Стикс: размягчение, томление, перегнивание, разжижение, смешивание, напительвание, затопление. Унавоженная почва, зловонная могила...

— Что они, все импотенты? Не знают, что там прячется “бело-розовое диво, и пречисто, и красиво”?

— Нет, они это учитывают, но твой живот для них всего лишь метафора, передающая тайну...

— Не существует никакой тайны, Пиф. Известно во всех деталях, как формируется Оно со всеми лапками, глазками, печеночками, селезеночками...

— Господи, сколько должно быть печенок, Оно что — ребенок Розмари?

— Это я для красного словца. Но вообще мы должны быть готовы принять Его даже если Оно двухголовое.

— Еще бы. Я научу обе головы играть дуэты для тромбона и кларнета... Хотя нет, необходимы четыре руки, а это чересчур. С другой стороны, какой вышел бы пианист! Брр. Что за разговорчики. Как бы то ни было, даже и моим одержимцам известно, что в этот день в клинике намечается Белая Дея, добрая алхимия, после заклинаний будет рождаться Ребис, андрогин, двоеполоый гомункул...

— Вот только нам двоеполого не хватало. Слушай лучше, давай назовем его Джулио/Джулия, как моего дедушку, хорошо?

— Ладно, звучит хорошо, я согласен.

Эх, если бы я на этом остановился. На Белой Книге, добром гримуаре, дать бы его всем адептам Изиды без покрывал, объяснить им, что секретум секреторум не надо больше разыскивать, что прочтение жизни не предполагает никаких запрятанных смыслов, то-то и оно-то, всего-то и делов-то, в животах всех на свете Лий, в родильных палатах, на соломенных подстилках, у реки на песчаной отмели, — и философские камни, выходящие из “экзилия”-”изгнания”, святые Граали — это обезьянки с болтающимся обрывком пуповины, оружие в руках у доктора, получая шлепки по заду. Незнаемыми Старшинами в данном случае выступали мы с Лией, и не такими уж неизвестными, ибо наше порождение готовилось узнать нас довольно скоро и, кстати, без всякой наводки этого дуролома Де Местра.

Нет бы тогда остановиться. Но мы — одержимые сардонической гордыней — захотели сыграть в прятки с дьявольскими духовидцами, доказать им, что раз пошло на космический заговор, мы придумаем им такой, что космичнее не бывает.

— Поделом тебе, — твердил я про себя тогда вечером, — вот сиди теперь, трясись, жди, чем закончится Дея под магнитиком Фуко.

Я сказал бы, конечно,
что эта монструозная помесь
не исходит из материнского лона,
но несомненно от какого-либо Эфиальта,
от какого-либо инкуба,
или от иного ужасающего демона,
и что зачата она была грибом,
зловонным и ядовитым, детищем фавнов и нимф,
более подходящим на демона, нежели на человека.

Атаназиус Кирхер, *Подземный мир*.
Athanasius Kircher, *Mundus Subterraneus*,
Amsterdam, Jansson, 1665, II, pp. 279—280

78

В тот день я хотел остаться дома, чуяло мое сердце. Но Лия потребовала, чтоб я не изображал принца-консорта и шел на работу. — Время еще не наступило, да и мне надо пойти по делам. Пиф, отправляйся.

Перед самой дверью конторы я заметил, что приоткрывается дверь мастерской чучельщика. Высунулся господин Салон в своем желтом рабочем фартуке. Я остановился поздороваться, он пригласил меня войти, и я решил посмотреть, что же такое чучельная мастерская.

Когда-то, по всей видимости, это была нормальная квартира, но Салон сломал все внутренние переборки, и теперь сразу от входа открывался грот неопределенных, весьма обширных размеров. По непонятной архитектурной прихоти это крыло строения имело двускатное перекрытие, и свет проникал в помещение искоса, через потолок. Стекла в окнах были или матовые, или очень грязные, а может быть, Салон поставил в них защитные шторы; или, что ли, нагромождения предметов (страх пустоты выступал лейтмотивом декора) способствовали какой-то особой пасмурности освещения. К тому же это темное пространство было заполнено, как в лабиринте, стеллажами старинной аптеки, среди которых открывались арки, а за ними — лазы, ходы, закоулки. Доминирующим цветом был коричневый: коричневые стены, полки, потолок, и коричневым казался смешанный свет, получаемый от затенен-

ного дневного и от старых светильников, пятнами тут и там освещавших поверхности. Первое впечатление было — как будто попал в скрипичную мастерскую, в которой все мастера перемерли еще во времена Страдивариуса, а пыль с тех пор все откладывается и откладывается на округлых пузах контрабасов.

Потом, постепенно приспособив глаза, я увидел, что нахожусь, как, собственно, и надо было ждать, в окаменевшем зоопарке. Какой-то медведь карабкался по искусственному дереву, глаза его блистали стеклом, у меня под боком гнезвился насупленный отупелый сыч, а впереди по столику шагала ласка — а может быть, и куница или же хорек. Посередине стола возвышался доисторический скелет незнакомого мне ископавра.

Это, судя по рентгену, мог быть гепард, или пума, или пес огромных размеров, на скелете в разных местах были намотаны пучки пакли, костяк армирован железом.

— Дог одной богатой и чувствительной дамы, — хихикнул Салон. — Он останется с ней навеки, такой точно, каким был в лучший час их супружеской жизни. Видите, как это делается? Спустив шкуру с трупа, мездра натирается мышьяковым мылом, потом кости мочат и вываривают. Видите, там целая полка берцовых костей, под нею — ребра и заготовки грудных клеток. Имеют вид, правда? Кости скрепляются при помощи металлических проволок; когда скелет собран весь, я сажаю его на раму, потом подкладываю сено, использую довольно часто или папье-маше, или гипс. И под конец обтягиваю кожей. Моя работа противостоит и силе смерти, и силе тления. Вот этот филин, например, правда, похож на живого?

Я посмотрел и понял, что отныне любой живой филин покажется мне мертвым, побывавшим в руках Салона и обретшим склеротическую вековечность. Глядя в лицо бальзамировщика этих фараонских зверомумий, в его кустистые брови, серые скулы, я пытался распознать, жив ли он сам или же являет собою лучший образец своего собственного искусства.

Чтобы удобнее рассмотреть его, я попятился один шаг назад и почувствовал, что меня гладят по затылку. В ужасе обернувшись, я увидел, что привел в движение маятник.

Огромная потрошенная птица болталась у меня перед носом, подвешенная на железной палке, протыкавшей ее насквозь. Прут проходил, ломая череп, в распахнутую грудную клетку, и там было видно, что где некогда находились сердце и зоб, железный штырь расходился, образуя перевернутый трезубец. Самый массивный из зубов протыкал то место, в котором должны были бы помещаться кишки, а потом нацеливался в землю, напоминая шпагу. Два же боковых крюка пронизывали насквозь лапы птицы и симметрично высывались среди когтей. Птица мерно качалась, а три сквозных острия легонько намечали на полу траекторию, которую они процарапали бы, будь касание сильнее.

— Отличный экземпляр царского орла, — сказал Салон. — Но с ним еще работы на несколько дней. Я как раз подбираю глаза. — И он показал мне коробку, наполненную роговицами и стеклянными зрачками. Палач, вырвавший глаза у святой Лючии, помер бы от зависти. За всю свою карьеру он не накопил столько реликвий. — Здесь возни-то побольше, чем с насекомыми. Тем что надо? Коробку да булабочку. А беспозвоночным, например, требуется уже и формалин.

Я задыхался в этой атмосфере морга. — Интересная у вас работа, — проямлил я, а про себя все думал о той живой твари, которая трепетала внутри Лиинной утробы. Ледяным холодом меня просквозила еще одна мысль: если Оно умрет, сказал я себе, я хочу его похоронить в земле, чтоб кормило червей, удобряло почву, хотя бы в этом Оно будет живо...

Тут меня всего передернуло, а Салон продолжал бормотать, вынимая из далекого шкафа очень странное создание. Сантиметров тридцати длиной, оно являло собою самого настоящего дракона, рептилию с большими перепончатыми крыльями черного отлива, с петушьим гребнем и распахнутой пастью, нашпигованной мельчайшими зубами, как теркой. — Правда, красиво? Это мое творение. Я использовал саламандру, летучую мышь, змеиную чешую. Это подземный дракон. Вот по такому образцу... — Он показал мне на другом столе толстый том ин-фолио, переплетенный в старинный пергамент и с кожаными застеж-

ками. — Стоило бог знает каких денег. Я вообще не библиофил. Но эту книгу все-таки хотелось иметь. “Подземный мир” Атаназиуса Кирхера, первоиздание, 1665 год. Вот он и дракончик. Вылитый наш, что скажете? Он живет в стремнинах вулканов, как свидетельствует почтенный Кирхер, а этот иезуит знал все: известное, неизвестное и невозможное...

— Вы всегда занимаетесь подземельями, — произнес я, вспоминая нашу с ним беседу в Мюнхене и фразы, подслушанные мною в замке через Дионисову трубу.

В ответ он распахнул свой атлас на другой странице. Изображение земного шара в разрезе — почерневшая набухшая шишка, проникнутая паутиной пылающих вен, змееподобных и ярких. — Если только Кирхер был прав, в недрах земли скрывается не меньше троп, чем те тропы, которыми изборождена ее поверхность. Все, что совершается в мире природы, питается теплом, испускаемым отсюда. — (Я же думал о Черной Дее, и о Лии, ее чреве, в котором сокрыто Оно, готовящееся извергнуться из вулкана.) — А в мире людей все, что осуществляется, отсюда берет начало.

— Это кто говорит, Кирхер?

— Нет, Кирхер пишет только о мире природы... Однако примечательно, что вторая половина этой книги посвящена алхимии и алхимикам, и что именно здесь — вон, видите, где отмечено место, содержатся обвинения против розенкрейцеров. В трактате о подземном мире? Причем тут розенкрейцеры? Кирхер прекрасно знал, какая связь между вещами. Дело в том, что последние тамплиеры убежали в подземельное царство Агарту...

— и до сих пор живут там... — продолжил я.

— ... да, до сих пор, — отрезал Салон. — Не в Агарте, так в других катакомбах. Может, прямо под нашими ногами. Теперь вот и в Милане метро прокопали. А кому это выгодно? Кто руководил работой?

— Полагаю, инженеры-метростроевцы, — ответил я.

— Ну-ну, продолжайте прятать голову в песок. А тем временем ваше дорогое издательство публикует книги весьма непроверенных личностей. Сколько евреев среди ваших авторов?

— Мы не смотрим в штаны нашим авторам, — резко ответил я.

— Я не антисемит, можете не думать. У меня есть и друзья евреи. Я только говорю о некоторых евреях...

— О каких, к примеру?

— Знаем о каких.

Он открыл свой чемоданчик.
 В невообразимом беспорядке
 там были напиханы воротнички,
 резинки, кухонные принадлежности,
 кокарды с гербами разных училищ,
 там была даже монограмма
 царицы Александры Феодоровны
 и орден Почетного легиона.
 Во всех этих изображениях
 он в своем безумии находил
 печать Антихриста, в форме либо треугольника
 либо двух взаимоналоженных треугольников.

Александр Шейла, *Сергей А. Нилус и протоколы*.
 Alexandre Chayla, *Serge A. Nilus et les Protocoles*,
 La Tribune Juive, 14 mai 1921, p.3

79

— Я, — продолжал он, — родился в Москве. Именно там, в России, во времена моей молодости появились секретные документы евреев, в которых открытым текстом говорилось: чтобы поработить государства земного шара, следует работать под землей. Послушайте. — Он потянулся за тетрадкой с цитатами. — “У нас в запасе такой терроризирующий маневр, что самые храбрые души дрогнут: метрополитеновые подземные ходы, — коридоры будут к тому времени проведены во всех столицах, откуда они будут взорваны со всеми своими организациями и документами стран”. “Протоколы Сионских мудрецов”, документ номер девять.

Мне начало казаться, что коллекция позвонков, коробка с глазами, кожи, растянутые на распялках, — все это прибыло сюда из Дахау. О, что за чушь, передо мною просто ностальгический старикан, который лелеет и холит дорогие сердцу памятки русского антисемитизма.

— Если я правильно помню, в этом тексте речь идет о заговоре некоторых евреев, не всех, с целью мирового господства. Но почему под землей?

— По-моему, это естественно! Тайная сеть сооружается в тайне, не при свете же дня. С незапамятных времен это

всем очевидно. Господство над миром означает господство над подмирным миром. Власть над подземными токами.

Мне вспомнился вопрос Алье, когда мы впервые были у него в кабинете, и друидессы Пьемонта, вызывавшие теллурические токи.

— Почему кельты устраивали святилища в недрах земли, выкапывали галереи, подводившие к подземной скважине? — продолжал Салон. — Скважины доходили до радиоактивных пластов, это ясно. Как построен Гластонбери¹? Разве это не знаменитый остров Авалон, откуда берет начало миф о Граале? И кто же выдумал Грааль, если не евреи?

Снова этот Грааль, господи боже мой. Сколько можно о Граале, Грааль есть на свете только один, и он — это мое Оно, и Оно заряжается от радиоактивных пластов Лииноного лона и, может быть, уже сейчас начинает продвигаться в шурфе шахты, может быть, Оно уже на позиции пуска, а я торчу здесь среди сушеных сычей, сто из которых подошли, а сто первый притворяется живым.

— Все соборы выстроены там, где кельты устанавливали менгиры. Зачем им было зарывать в землю камни, при том что это стоило стольких усилий?

— А зачем египтянам было тратить усилия на пирамиды?

— Вот именно! Антенны, термометры, зонды, иглы, как те, которыми пользуются врачи в Китае, вонзая их в жизненные центры человеческого тела, в ключевые узлы. В центре земли располагается ядерный реактор, очень похожий на солнце, то есть, скорее всего, настоящее солнце, вокруг которого происходит вращение вещества по различным траекториям. Так формируются подземные токи. Кельты знали, где их находить и как ориентировать. А Данте-то, Данте! Что он подразумевает в рассказе о спуске к солнцу? Вы поняли меня, дорогой друг?

Дорогим другом мне быть не очень хотелось. Я думал не об этом; Джулио/Джулия, мой Ребис, мое Оно, загнанное, подобно Люциферу, в центр Лииноного живота, начинало

¹ Гластонбери — аббатство в юго-западной Англии, где ок. 1200 г. была обнаружена (предположительно) могила короля Артура.

поворачиваться, устремлялось наружу и скоро должно было высвободиться. Оно создано, чтобы выйти на волю, предъявиться в прозрачайшей своей тайне, а не чтобы внедряться в глубины вниз головою, в поисках скользких откровений.

Салон все нес свое, это был заученный монолог: — Слышали об английских лье-leys? Если подняться над Англией на самолете, видно, что основные священные места соединяются прямыми линиями, это сетка, она наложена на всю их территорию, ее легко распознать, потому что именно по сетке пролегают главные дороги...

— Если это были основные места, то нормально, что между ними пролегалли дороги, и что дороги старались строить попрямее...

— Да? А почему именно по этим путям мигрируют птицы? Почему их же повторяют траектории летающих тарелок? В этом и есть тайна, затаенная со времен римского завоевания. Но кое-кто до сих пор хранит секрет...

— Очевидно, евреи, — предположил я.

— Евреи копают, копают. Ибо первопринцип алхимии был зашифрован в слове VITRIOL: *Visita Interiore Terrae, Rectificando Invenies Occultum Lapidem*. Посети Недра Земли, Прямо Путь к Нахождению Тайного Камня.

Lapis exillis. Понимаю! Все наоборот! Тайный Камень медленно прямит путь к выхождению из местонахождения, к возвращению из своей ссылки (*exilium*), из сладостного гипнотического забвения в прочном Лиинном сосуде, он не ищет новых недр, бело-розовое диво стремится в обратном направлении, к поверхности. Мне надо срочно домой. Я должен дожидаться с Лией. Оно вот-вот выйдет наружу. В траншее Салона воняет подвалом. Подземелья — плен, из которого вырываться, а не цель, куда стремиться. Почему-то я все-таки слушал, и почему-то у меня крутились в голове новые идеи, относящиеся к Плану. В тот час, когда мне бы ожидать единственной Истины этого подлунного мира, я корпел над разработкой новой лжи. Слепой, как твари, обитающие в подвалах.

Нет, нет, из туннеля надо выбираться. — Я пойду, — сказал я. — Мне жаль, но это необходимо. Может быть, потом вы мне посоветуете что-нибудь по теме...

— Да все, что написано по этой теме, лживо, как душа Иуды! То, что я вам рассказываю, мне известно от отца...

— Геолога?

— О, нет, — осклабился Салон. — Мой отец... стыдиться мне здесь нечего, да и дело давнее... работал в Охране. Непосредственно под началом легендарного Рачковского.

Охрана (OCHRANA) — это что-то наподобие КГБ; царская тайная полиция. Рачковский... Кто это? Кто это был с похожим именем? Вот это да... Тайнственный гость пропавшего полковника, граф Раковски... Хватит, хватит, главное — не делать стойку на простые совпадения. Я же не набиватель дохлых тварей. Я порождатель живых.

Когда возобладает Белизна
 в материи Великой Деи,
 значит, Жизнь возобладала над Смертью,
 Царь воскрес, Земля и Вода претворились
 в Воздух, это правление Луны, их Отрок рожден...
 Тогда материя усваивает
 такую степень устойчивости,
 что Огонь уже не в силах уничтожить ее...
 Когда художник видит совершенную белизну,
 философы говорят,
 что следует разорвать все книги,
 потому что они становятся бесполезны.

Дом Ж. Пернети, *Мифо-герметический словарь*.
 Dom J. Pernety, *Dictionnaire mytho-hermétique*,
 Paris, Bauche, 1758, "Blancheur"

80

Я поспешно забормотал извинения. Кажется, что-то вроде "моя девушка на днях рождает". Салон пожелал ей благополучного разрешения, судя по виду, недоумеая, кто же является отцом. Я помчался домой вдохнуть свежего воздуха.

Лии не было. На столе в кухне записка: "Дорогой Пиф, у меня отошли воды. Тебя нет в конторе. Еду в больницу на такси. Приходи скорее, мне одной страшно".

Паника охватила меня. Я ведь должен быть вместе с Лией, чтобы не сбиться со счета, я должен был быть у себя в кабинете, на телефоне, в пределах досягаемости. Я виноват во всем, и Оно родится мертвым, Лия тоже умрет вместе с Оным... Оно... Салон набьет чучела из обоих.

Вошел я в клинику как будто у меня лабиринтит, спрашивал все у тех, кто не мог знать ничего, два раза попал не в то отделение, встречные безусловно знали, где сейчас рождает Лия, но мне не говорили, а говорили, чтобы я не сходил с ума, потому что тут все рожают.

Наконец, не знаю каким путем, я оказался в палате. Там была Лия, бледная, перламутровой белизны, и улыбалась. Кто-то упрятал ее челку под белую шапочку. Впервые в жизни я увидел чело Лии во всем великолепии. Рядом лежало Оно.

— Это Джулио, — сказала она.

Мой Ребис. Его сделал и я тоже. И не из клочков разрезанных трупов, не из мышьякового мыла. Он был абсолютно комплектный и с пальцами.

Я потребовал, чтоб распаковали. — Какой замечательный пистолетик, и какие близнята у него здоровенные! — Потом я поцеловал Лию в открытый лоб. — Все твоя заслуга, все зависело от сосуда.

— Конечно моя заслуга, мерзкий тип. Я считала одна.

— Зато я считаюсь с тобой во всем. В конечном счете... — кое-как острил я.

Подземный народец достиг
максимального знания.. Если бы наше
безумное человечество затеяло войну
против них, они были бы способны
взорвать поверхность планеты.

Фердинанд Оссендовски, *Звери, люди и боги*.
Ferdinand Ossendowski,
Beasts, Men and Gods, 1924, V

81

Я пробыл некоторое время дома с Лией и малышом после их выхода из больницы, потому что, приехав домой, меня пеленку Джулио, она вдруг заплакала навзрыд и заявила, что совершенно не в состоянии со всем этим справиться. Нам потом объяснили, что это предусмотрено в учебниках и что после эйфории по случаю победы — родов — наступает ощущение отчаяния и ответственности не по силам. В те дни, слоняясь по квартире с чувством собственной ненужности, в особенности для грудного вскармливания, я читал все, что мне попадалось под руку, о подземных токах Земли.

Выйдя снова на работу, я заговорил об этом с Алье. Тот отмахнулся наигранно-скучливо. — Жалкие метафоры, обозначающие тайну змеи Кундалини. Вот и китайская геомантия ищет в земле следы дракона; но теллурическая змея пригодна только для обозначения змеи посвящения! Богиня возлежит, как змей, свернувшись кольцеобразно, в своей вековечной летаргии. Кундалини нежно колышется, издавая легкое посвистывание; она связует тяжелые тела с тонкими телами. Подобно водовороту или воронке воды, она напоминает половину слога ОМ.

— Хорошо, но какая такая тайна змеи?

— Это тайна теллурических токов. Но только не ложных.

— А какие это неложные теллургические токи?

— Это великая метафора космоса, и заключена эта тайна в змее.

— Да пошел он, этот Алье! — чертыхнулся я. — Я знаю больше него!

Я прочитал свои выписки Бельбо и Диоталлеви, и они со мной согласились. Наконец-то мы могли предложить тамплиерам вполне серьезную тайну. Самое экономичное, самое элегантное решение, сводящее воедино все фрагменты тысячелетнего паззла.

Итак. Кельтам были известны теллурические токи. Они переняли это знание у жителей Атлантиды, когда беглецы с затонувшего континента попросили пристанища частью в Египте, а частью на Британских островах.

К жителям Атлантиды, в свою очередь, знание пришло от наших прапрапредков, добравшихся от Авалона через континент Му вплоть до пустыни в середине Австралии, когда еще континенты представляли собой единую пешеходную зону, восхитительную Пангею. Довольно было бы уметь прочитать (как умеют аборигены, но не выдают свое умение) таинственные алфавиты, запечатленные на громаде Айерс Рок. Довольно было бы их разобрать, чтобы получить Отгадку.

Айерс Рок — это антипод Великой Горы (неведомой), которая и есть Полюс: не ложный полюс, куда отряжаются бесконечные буржуазные полярные экспедиции, а Полюс посвящения. Естественным образом и вполне очевидным для всякого, у кого глаза не отуманены западной лженаукой, видимый Полюс — это тот, которого нет. А тот, который есть, он не видим никому, разве что каким-то адептам, набравшим воды в рот.

Однако кельты думали, что сумеют определить расположение мировых токов. Вот почему они воздвигали мегалиты: менгиры выполняли роль радиоизлучателей и радиоприемников, устанавливались в тех точках, откуда поля распространялись по различным направлениям. Лье обозначали уже обнаруженные цепи напряжения. Долмены были аккумуляторами энергии. Исходя из долменов, друиды геомантическими методами пытались экстраполировать общую картину. Кромлехи и Стонхендж — это микро-макрокосмические обсерватории, из них пытались угадать, по расположению звезд на небе, расположение

течений под землей (поскольку, согласно “Скрижали из-марагда”, то, что сверху, изоморфно тому, что снизу).

Но проблема так и не разрешалась, или, скажем, разрешалась не так. Что было осознано другою ветвью эмигрантов из Атлантиды. Оккультные понятия египтян передались от Гермеса Трисмегиста к Моисею, а тот и не подумал просвещать своих оборванцев, у которых манна на губах не обсохла, он сообщил им только десять лозунгов, максимум, что они могли постигнуть. Истину же, так как истина удел аристократов, Моисей зашифровал в Пятикнижии. Этим занимаются каббалисты.

— Подумайте, — говорил я. — Все уже было написано, как в открытой книге, в мерах Храма, Храма Соломона, а хранителями секрета были розенкрейцеры, составлявшие собой Великое Белое Братство, то есть ессеи, которые, как известно, посвятили Иисуса в свои секреты, и вот вам причина... В противном случае непонятно, зачем понадобилось его распинать.

— Вот-вот, страсти Христа были нужны как аллегория, провозвестие расправы над тамплиерами.

— Я же и говорю. Иосиф Аримафейский доставляет или возвращает тайну Иисуса в земли кельтов. Но совершенно ясно, что информация, имеющаяся на тот момент, некомплектна. Христиане-друиды располагали только фрагментом, и вот в чем эзотерическое значение Грааля: что-то имеется, но что оно, неизвестно. О том, что же это должно быть, и о том, что в Храме этот секрет был уже заложен, и даже полным текстом, — подозревает только ядро раввината, остававшееся в Палестине. Они и приобщают к секрету инициатские мусульманские секты, суфиев, исмаилитов, мутакаллимов. А от них получают информацию тамплиеры.

— Наконец тамплиеры. А я уже начал волноваться...

Так мы обмазывали и обтачивали коллективное творение, План, который, как глина, поддавался напору наших повествовательских воль. Тамплиеры сохранили секрет земных токов в долгие бессонные ночи, обнявшись с напарником по коню, в пустыне, в сухотке, под свист самума... Они вырвали этот секрет по словечку, по шепотку у тех, кто был знаком с тайной космической концентрации, за-

ключенной в Черном Камне Мекки, в этом наследии вавилонских кудесников, ибо становилось ясно, что при этой гипотезе Вавилонская башня представляла собой не что иное как попытку — увы, чересчур скоропалительную и, по вине гордыни, безуспешную — возвести менгир мощнее всех менгиров. Но в любом случае, даже не развалилась эта башня, все равно вавилонское конструкторское бюро обшчиталось, потому что, как продемонстрировал славный иезуит отец Киржер, если бы постройка и была победоносно завершена, из-за ее избыточного веса земная ось перекосилась бы на девяносто или более градусов, и таким образом наш несчастный земной шар, который планировали увенчать стоячим приапическим фаллосом, оказался бы перевернутым, с болтающимся бесплодным отростком, поникшим, опавшим, смехотворным, как мартышечий хвост, — Шежина, затерянная в провалах антарктического Мальхута, в общем — вислый иероглиф, посмешище пингвинов.

— Но все-таки, какой же секрет открыли там тамплиеры?

— Спокойно. Они открыли и мы откроем. На сотворение мира давалось семь дней. Время еще есть.

Земля есть магнетическое тело;
и действительно, как открыли некоторые ученые,
это цельный большой магнит,
как утверждал Парацельс еще триста лет тому назад.

Е. П. Блаватская, *Изида без покрывал*.
Н. P. Blavatsky, *Isis Unveiled*,
New York, Bouton, 1877, I, p. XXIII

82

Мы постарались, и кое-что вышло. Земля есть огромный магнит. О'кей? Сила и направление тока регулируются воздействием небесных сфер, сезонами года, прецессией равноденствий, космическими циклами. Поэтому система токов переменна. Все токи концентрируются вокруг каких-то электрических зарядов. Точно так растут волосы на голове у человека: на макушке — завихрение. Если установить на макушке Земли мощный передатчик, появится возможность направлять, посылать, отклонять теллурические течения под коркой всей планеты. Тамплиеры поняли, что весь секрет — не столько в том, чтоб иметь полнейшую карту течений, сколько в том, чтобы найти критическую точку, макушку, пуп, пульт, Пупок Земли, Омфалос, Центр Мира, Командную вышку.

Все словоблудие алхимиков, хтоническое нисхождение в Черной Дее, электрические замыкания в Дее Белой являлись только символами, вполне ясными для посвященных, парафразом многовекового вслушивания, в окончательном итоге которого должна была произойти Красная Дея и прийти всеобщее Познание, ослепительное владычество над планетарной системой токов. Секрет, настоящий алхимический и тамплиерский секрет, заключался в умении выявить Исходную Точку этого внутреннего ритма, нежного, ужасающего и логичного, как трепетанье Кундалини, еще неизученного во многих своих аспектах, но несомненно отлаженного как часовой механизм. Единственный и истинный Камень, когда-либо приходивший из изгнания в сферах неба, это была сама наша Матерь Планета Земля.

Этим же секретом, с другой стороны, был озабочен и Филипп Красивый. Из-за того столь болезненно зацикливались инквизиторы на “поцелуе в нижнюю область спины”. Речь шла о Кундалини, им был нужен кундалиниевский секрет. Содомия была ни при чем.

— Великолепно, — сказал Диоталлеви. — Ну а кто научится направлять теллурические токи, что он с ними будет делать? Лампочки вкручивать?

— Да что вы, — закричал я, — не понимаете смысла открытия? Подобная станция позволяет организовать и дождь и засуху, устраивать ураганы, землетрясения и моретрясения, раскалывать континенты, утапливать острова (гибель Атлантиды — несомненный результат одного такого испытания), выращивать леса и воздвигать горы. Как же вы не понимаете? Не нужны атомные бомбы, вредные, кстати, и для того, кто их кидает. Вы просто сядете за пульт, позвоните президенту Соединенных Штатов: завтра, к примеру, прошу положить мне под коврик три триллиарда долларов, а не то — независимость Латинской Америке! Гавайям! Взорвем все твои ядерные арсеналы! Или вот тебе: сдвиг Сент-Андреас окончательно сдвинется, Калифорния отвалится и Лас-Вегас придется переделывать в ресторан-поплавок.

— Вообще-то Лас-Вегас в Неваде.

— Какая разница. Контролируя тектонические процессы, можно отломать и Неваду, и Колорадо, все что угодно. Можно еще позвонить в Верховный Совет. Дорогие товарищи, прошу выслать на мой адрес всю икру из Волги и переоборудовать Сибирь мне под промышленный холодильник, не хотите — попрощайтесь с вашим Уралом, мы его провалим, а Каспий разольем, Литву и Эстонию пустим в дрейф и затопим в Марианской впадине.

— Да, — сказал Диоталлеви. — Сделать можно много. Переписать всю Землю как Тору. Прилепить Японию к Панаме.

— Вот будет паника на Уолл-стрит.

— Это посильнее космического щита. Поинтереснее, чем превращение металлов в золото. Рассчитай правильный заряд электричества, стимулируй оргазм в утробе всей планеты, и она сбцаает за десять секунд то, на что затрати-

ла бы миллиард лет, и конвертирует угольно-металлический Рур в алмазную залежь. Элифас Леви говорил, что зная законы приливов и течений, можно открыть секрет человеческого всемогущества.

— Ох, думается, что так и есть, как вы говорите, — промычал Бельбо. — Загнать земной шар в оргонную камеру. Райх, разумеется, был тамплиером.

— Все были тамплиерами, кроме нас. Слава богу, что мы их раскусили. Теперь мы побьем их по срокам.

И действительно, что же остановило тамплиеров после того, как они завладели Великой Тайной? Им бы пустить ее в работу. Но одно дело понимать, а другое дело мочь: дьявольская разница. До поры до времени, по наущению дьявольского же святого Бернарда, тамплиеры заняты тем, что расставляют на местах менгиров, в замену жалчайших кельтских антеннок, — мощные трансляторы и уловители: готические соборы с их подземными криптами, посвященными Черным Девам и сопряженными непосредственно с радиоактивными пластами! Таким образом Европа покрылась сеткой радиостанций, неусыпно сообщавших друг другу мощности, направление флюидов, гуморы, напряжение токов.

— Полагаю, что они провели радиоразведку в Новом Свете, отыскивали серебряные руды, организовали вулканические взрывы, а потом при помощи Гольфстрима подогнали серебро к португальскому побережью. Томар стал брокерской конторой, в Восточном лесу устроили погреба. Вот истоки богатства тамплиеров. Это, конечно, жалкие крохи по сравнению с их возможностями. Однако чтобы использовать возможности в настоящем масштабе, требовались такие технические достижения, к которым человечество могло бы приблизиться, понимали тамплиеры, где-то через шестьсот лет.

Значит, тамплиеры выдумали и запрограммировали свой План таким образом, чтобы их наследники, и лишь к тому времени как созреют технологические предпосылки, получили бы указание: в каком месте должны они разыскивать Пуп Мира. Но как распределялись фрагменты этого указания между тридцатью шестью уполномоченными?

Что, по кусочку на каждого? Разве надо столько кусочков для того чтобы сообщить, что Пуп Земли обретается, скажем, в Баден-Бадене, Виннипеге или Кондопоге?

Использовалась карта? Но на карте, как ни верти, в какой-то точке проставлен крестик. И у кого на руках кусочек с крестиком, тот знает все и не нуждается в чужих подсказках. Нет, что-то посложнее они должны были придумать. Мы прошевелили мозгами несколько дней, потом Бельбо решил обратиться к Абулафии. Машина ответила, как всегда, нашими собственными фразами:

Вильгельм Постэль скончался в 1581.
Бэкон был виконтом Сент-Альбанским.
В Консерватории висит маятник Фуко.

Значит, настал момент приискать работу для маятника Фуко.

Через несколько дней у меня было готово довольно изящное решение. Один из одержимцев принес к нам в издательство книгу о герметических смыслах кафедральных соборов. По мысли нашего сочинителя, создатели собора в Шартре однажды пронаблюдали за отвесом со свинцовым грузиком, свисавшим с замкового свода, и без труда пришли к заключению о том, что Земля вращается. — Вот вам причина осуждения Галилея, — вставил Диоталлеви, — церковники почуяли в нем тамплиера. — Нет, — возразил ему Бельбо. — Кардиналы, которые засудили Галилея, были тамплиерскими агентами, засланными в Рим, и они поторопились заткнуть рот проклятому тосканцу, компрометировавшему тамплиерство, из тщеславия разбалтывавшему тайны за четыреста лет до того срока, на который программировалось увенчание Плана.

В любом случае эта гипотеза объясняла, чего ради под своим Маятником мастера-каменотесы Шартра прочертили лабиринт, отображавший в стилизованном виде хитрое переплетение подземных течений. Мы отыскиали чертеж шартрского лабиринта. Солнечные часы — роза ветров — аппарат кровообращения — слизистый след сонного скольжения Мирового Змея. Сводная карта теллурических токов.

— Хорошо, давайте предположим, что так и было: там-

плиеры прибегли к какому-то маятнику, чтобы указать, где макушка планеты. Вместо лабиринта, который, как ни крути, — абстракция, кладешь на пол карту Земли и замечаешь, куда качается маятник. Но где этот маятник должен быть подвешен?

— Где? Само собой разумеется — в Сен-Мартен-де-Шан, в Укрытии!

— Да, — настаивал Бельбо. — Но предположим, что в условленную полночь Маятник качается по оси, скажу первое попавшееся, Копенгаген-Кейптаун. Где же искать Пуп, в Дании или в Южной Африке?

— Правильный вопрос, — не стусевывался я. — Но согласно все тому же смышленому одержжимцу, в Шартре есть щель в витраже хора. В какой-то определенный день и час солнечный луч проникает через эту дырку и попадает на определенный камень пола. Одержжимец основывает на этом не помню какое доказательство. Разумеется, речь идет о чем-то великом. Бог с ним. Но механизм, по-моему, тот самый. В хоре Сен-Мартен найдется участок витража с расщелиной в некоем месте, где два цветных либо матовых стекла соединяются свинцовой перемычкой. Это высчитали до полумиллиметра, и следует полагать, какие-то люди в течение шестисот лет заботятся о том, чтоб поддерживать щелку в рабочем состоянии. На рассвете некоего загаданного дня...

— ... который не может быть иным как только заря 24 июня, день святого Иоанна, праздник летнего солнцестояния...

— ... да, так вот в этот день и в этот час, первый луч солнца, проникающий через расколотое окошко, попадает на линию Маятника, и где он ее пересекает в роковую минуту, в этой точке на карте и находится Пуповое Место!

— Просто дивно, — сказал на все это Бельбо. — Ну а если плохая погода?

— Соберутся опять в следующем году.

— Извините за занудство, — сказал тогда Бельбо. — Но последняя встреча предполагается в Иерусалиме. Не под купол ли мечети Омара лучше вешать этот Маятник, если пошло на то?

— Нет, — заверил я. — В некоторых точках земной поверхности цикл Маятника длится 36 часов, на Северном полюсе ему понадобится 24, а на экваторе траектория колебания вообще не будет смещаться никогда. Значит, место имеет принципиальное значение. Если тамплиеры сделали свое открытие в Сен-Мартен, их расчет годится только для Парижа, потому что в Палестине Маятник описал бы совсем другую дугу.

— А откуда известно, что открытие связано с Сен-Мартен?

— Оттуда, что Сен-Мартен они избрали Укрытием. Что от приора Сент-Альбанского, от Постэля, от Конвента и далее Сен-Мартен непрерывно держали под контролем. Что после первых опытов Фуко постарался разместить свой Маятник именно там. Доказательств до хрена и больше.

— Но последнее место встречи — Иерусалим.

— И что из того? В Иерусалиме приводят в порядок Послание, это быстро не делается. Год уходит на подготовку, а на будущий год 23 июня все шесть групп слетаются в Париж, чтобы наконец уяснить, где располагается Пуп, и совместно заняться завоеванием мира.

— Но, — настаивал Бельбо, — все равно у меня есть вопросы. Что конечная информация состоит в определении Центропупия, знают все тридцать шесть человек. Маятник уже в соборе, и это, следовательно, не секрет. Что же удерживало Бэкона, Постэля или того же самого Фуко, потому что если он собственноручно приворачивал шкивы, куда его вешать, значит, он входил в оргкомитет, — что же мешало им, хочу чтобы мне объяснили, разложить на полу карту полушарий и посмотреть, на какое место попадает лучик? Нет, что-то недодумано.

— Ничего не недодумано, — перебил я. — Ведь в послании сообщается то, без чего невозможно действовать. Какую карту надо брать?

Карта — это не местность.

Альфред Кошубски, *Наука и здоровье*.
Alfred Korzybski,
Science and sanity, 1933 4 ed.;
The International Non-Aristotelian Library,
1958, II, 4, p. 58

83

— Вы представляете себе, что такое была картография эпохи тамплиеров, — продолжал я. — В тот век использовали арабские карты, которые, в частности, располагали Африку сверху, а Европу снизу; были карты, составлявшиеся для мореплавателей и, скажем так, достаточно достоверные, и еще были карты трех-четырёхсотлетней давности, но их тоже использовали в школах. Учтите, что для сообщения, где располагается Земной Пуп, не обязательно иметь точную карту, годится любой чертеж, даже схематический. Теперь разберем на примере. Допустим, Средопупие находится в Иерусалиме. На наших нынешних картах Иерусалим помещают в положенном ему месте... хотя и ныне многое зависит от вида проекции. Тамплиеры рисовали Иерусалим совершенно в другой стороне. Но это не имеет значения! Понимаете? Единственное, что должно соблюдаться, это чтобы даже на самой абсурдной карте в мире, под маятником Фуко на заре 24 июня лучик указывал именно то самое место, где обретается Иерусалим. Это может быть лишь единственная и одна на целом свете карта.

— Да. Это не разрешает нашу задумчивость, — сказал Диоталлеви.

— Разумеется, нет. Не только нашу, но и тех, тридцати шести... Пока не найдешь правильную карту, ничего не будет. Проиграем вариант с расположением традиционного типа: восток должен быть повернут к абсиде, запад к нефу, как ориентируются все церкви. Теперь берем любую гипотезу. Скажем, на заре рокового дня маятник с лучиком помечают точку, расположенную на юго-востоке. На часах это было бы двадцать пять минут шестого. Хорошо.

Я полез в шкаф за картографическим атласом.

— Вот номер один, карта XII века. Структурирована по Т-образному принципу. В верхнюю часть отправлена Азия вместе с земным раем, слева Европа, справа Африка, в данном случае за Африкой находятся еще и антиподы. Номер два, карта разработана по “Сну Сципиона” Макробия, но в разных редакциях продолжает переиздаваться вплоть до шестнадцатого века. Африка немножко тонковата... Пренебрежем. Ориентируйте обе эти карты по сторонам света и вы увидите, что двадцать пять минут шестого в первом случае указывают на Аравию, а во втором случае на Новую Зеландию, так как в этом месте находятся антиподы. Можно знать все о Маятнике, но пока тебе неизвестно, откуда взять карту, толку не будет.

Послание тамплиеров содержит зашифрованные указания на то, где обретается карта, может быть даже нарисованная по спецзаказу. Где ее искать, в какой библиотеке, в монастыре, в каком замке. Может даже стать так, что Дии, Бэкон или прочие распознали смысл послания, но за минувшие годы при всем том бардаке, который происходил в Европе, аббатство, где карта хранилась, погорело? Или же карта была выкрадена и упрятана неизвестно где? Может быть, кто-то ее и караулит, эту карту, или просто располагает ею и не предполагает, что от этой карты может быть польза? или чувствует, что польза какая-то будет, если ее продать, и рыщет по свету, чтобы связаться с покупателями? Представьте себе, что за муравейник: оповещения, предложения, недопонимания, послания, говорящие об ином, но трактуемые как будто в них говорится о карте, или послания, говорящие о карте, но воспринимаемые в ином ключе, скажем, в смысле “как делать дома золото”. Не исключено, что кое-кто пытается восстановить искомую карту, пользуясь конъектурами.

— Какими конъектурами?

— Ну, например, соотнося микро- и макрокосм. Вот посмотрите. Карта. Знаете, откуда? Из второго трактата “Все-сторонней истории мироздания” Роберта Флудда. Не будем забывать, Флудд — резидент розенкрейцеров в Лондоне. Что же нам предлагает милый Роберто де Флуктибус, как он любил именоваться? Не карту, а невиданную проекцию земного шара с точки зрения полюса, мистического

Полюса, разумеется, то есть по сути — с точки зрения идеального Маятника, укрепленного на идеальном замке свода. Вот вам и чертеж, разработанный специально под Маятник! Неоспоримо, и удивительно, как это до сих пор никто не догадался...

— Да ведь одержимцы тупые, тупые... — качал головой Бельбо.

— А мы единственные истинные наследники тамплиеров. Но дайте кончить. В этой схеме принцип вам уже встречался. Вращающиеся кольца, как те, которые использует Тритемий для шифрования. Это вообще не карта. Это чертеж машины для подбора вариантов, для поиска альтернативных карт вплоть до победного результата! Флудд именно так и пишет: на схеме изображен *instrumentum*, с ним еще работать и работать.

— Но Флудд... не тот ли самый это тип, который отрицал вращение Земли? Как он мог опираться на идею Маятника?

— Конспиративный ход. Члены тайных обществ отрицают именно то, что им известно, и не признаются, что им что-то известно.

— Это, — подхватил Бельбо, — помогает понять, с какой стати Дии так носился с придворными картографами. Не ради того чтоб передать “истинную” форму мира, а чтобы нащупать среди неправильных карт ту единственную, которая ему полезна, и следовательно, единственную правильную.

— Отлично, отлично, — повторял Диоталлеви. — Истина отыскивается путем скрупулезного восстановления неправильного текста.

Основное занятие этой Ассамблеи, и самое наиболее полезное, должно состоять — как мне видится — в разработке натуральной истории согласно указаниям Бэкона (Веруламия).

Христиаан Гюйгенс, *письмо к Кольберу*.
Christiaan Huygens, *dettre à Colbert*,
Oeuvres Complètes, La Haye, 1888—1950, VI, pp. 95—96.

84

Хлопоты шести тайных групп не исчерпывались поиском карты. Вполне возможно, что тамплиеры в тех двух первых обрывках Указания, которые были в руках португальцев и англичан, намекали на какой-то маятник, но представления о маятниках в их эпоху бытовали исключительно расплывчатые. Одно дело — раскачивать на длинной нитке свинцовое грузило, и совсем другое — построить механизм такой степени точности, чтобы можно было рассчитать его положение в миг, когда в окно собора попадает первый луч утреннего солнца 24 июня — то есть с точностью до доли сантиметра и доли секунды. На совершенствование конструкторских методов тамплиеры и прикинули приблизительно шесть столетий. Бэконовская команда начала работу в этом направлении и планомерно подключала к ней всех, кого удавалось завербовать.

Не случайно человек розенкрейцеров — Соломон фон Каус — пишет для Ришелье трактат на тему о солнечных часах. После этого, от Галилея и далее — безудержная гонка за точностью, совершенствование измерительных устройств. Все это делалось под предлогом использовать часы для вычисления географических широт, однако в 1681 году Гюйгенсу бросается в глаза, что маятник, точно действовавший в Париже, оказывается неточным в Кайенне, и он понимает, что это можно объяснить изменением центростремительной силы, связанным с вращением Земли. Когда он публикует свой “Часовой механизм”, в котором развивает соображения Галилея о маятнике, кто немедленно приглашает его в Париж? Кольбер, тот самый, который пригласил

в Париж и Соломона фон Кауса, чтобы поручить ему подземные работы!

Когда в 1661 году Академия дель Чименто предвосхитила те научные открытия, которые впоследствии совершил Фуко, Леопольд Тосканский распустил академию, а сразу вслед за этим получил из Рима, в качестве тайной награды, кардинальскую шапку.

Мало того. И в последующие столетия охота на маятники — любимое времяпрепровождение. В 1742 году (за год до первого документированного появления графа Сен-Жермена!) некий Де Мэран представляет в Королевскую академию наук записку о маятниках. В 1756-м (в Германии основывается Строгое Тамплиерское Послушание!) некий Буге пишет “Трактат о движении грузил, подвешенных на нитку”.

Мне встречались совершенно фантазмагорические названия, как например: Жан-Батист Био, 1821. “Собрание наблюдений геодезических, астрономических и физических, совершенных по заказу Бюро Долгот Франции, в Испании, во Франции, в Англии и в Шотландии, с тем чтоб определить изменение тяжести и земного градуса на продолжении Парижского меридиана”.

Во Франции—Испании—Англии—Шотландии! И в связи с меридианом Сен-Мартен!

Сэр Эдвард Сэбин в 1823 году выпускает “Отчет об экспериментах для определения фигуры Земли, чрез посредство маятника, отсчитывающего секунды на различных географических широтах”.

А таинственный граф Феодор Петрович Литке, публикующий в 1833 году свои “Опыты над постоянным маятником, произведенные в путешествии вокруг света на военном шлюпе «Сенявин»”, вдобавок за счет Санкт-Петербургской академии наук? Что, русские тоже участвуют в игре?

А что если тем временем еще одна группа, явно бэконинанской складки, замыслила разгадать секрет планетарных тяготений без карты и без маятника, а просто идя по пути тамплиеров, то есть вслушиваясь что есть сил, снова, как вслушивались те, в сердцебиение подземного змея? Тогда укладываются в строку все разглагольствования Салона! Действительно, почти в то же время, когда работал Фуко,

индустриальный мир, порождение бэкониианской мысли, начинает бурение метрополитеновых шурфов в сердце европейских метрополисов.

— Это точно, — настаивал Бельбо. — Девятнадцатый век просто одержим подземельями. Жан Вальжан, Фантомас, Жавер и Рокамболь только и делают что лазают по туннелям и клоакам. Да господи, если подумать, весь Жюль Верн стоит на этом! Его книги — сплошное инициационное откровение о секретах подполья! Путешествие к центру Земли! Двадцать тысяч лье под водой! Пещеры Таинственного острова! Подземное царство Черной Индии! Полезно было бы нанести на карту все жюльверновские маршруты и несомненно мы увидим извивы тектонического Змия, восстановим схему мегалитических линий для каждого континента. Наш друг Жюль Верн изучал вдоль и поперек сетку силовых трансгрессий.

Я решил подбросить дровишек в огонь. — А как зовут главного героя “Черной Индии”, помните? Джон Гарраль! Анаграмма Грааля.

— Вот свежий глаз практического человека. Мы, слава богу, не какие-нибудь книгочеи. Мы подходим к делу просто. Робур Завоеватель — *Robur le Conquérant*, R. C. — Роза и Крест. “Робур”, прочитанное навыворот, дает “Рубор” — рубиновый цвет розы.

Филеас Фогг. В этом имени — уже вся программа: зас- по-гречески имеет смысл всеобщности (так же как пан- и поли-), так что Филеас это то же, что Полифил. Что касается фамилии Фогг, по-английски она означает туман... Следовательно, Верн принадлежал к тайной ложе "Le Brouillard" — "Тумана". Он в частности был до такой степени любезен, что проинформировал нас о взаимоотношениях между этой ложей и розенкрейцерами, ибо что такое есть его герой, благородный путешественник по имени Филеас Фогг, если не Роза + Крест? А кроме этого, разве он не принадлежит к Реформ-Клубу, инициалы которого, R. C., совпадают с реформаторским РозенКрейцерством? Реформ-Клуб находится на Пэлл-Мэлл, таким образом снова возникает мотив "Сна Полифила"¹.

Мишель Лами, *Жюль Верн, инициализированный и инициатор*.
Michel Lamy, *Jules Verne, initié et initiateur*,
Paris, Payot, 1984, pp. 237—238

85

Реконструкция заняла много, много дней, мы прерывали любую работу, чтобы перекинуться последними ассоциациями, читали все попадавшееся под руку, энциклопедии, газеты, комиксы, каталоги издательств, читали внимательно, подозрительно, в поиске совпадений-замыканий, копались на уличных лотках, обнюживали киоски, бессовестно присваивали рукописи отвергнутых одержимцев и с триумфом врывались в редакцию, шмякая на стол последний улов. Припоминая эти недели, я снова переживаю стремительность, лихорадку, как в фильме Ларри Сэмона, где скачут и падают, двери хлопают и распахиваются, со сверхзвуковой скоростью торты летят в лицо, беглецы и гонители мчатся по лестнице вверх, по лестнице вниз, сшибаются старые автомашины, накрываются стеллажи в универсаме и банки, бутылки, плавленые сырки взлетают среди залпов зельца и облаков пшеничного пороха. Наш по-

¹ "Сон Полифила" (1499) — аллегорическое произведение, приписываемое Франческо Колонне (1432—1527?), сюжет которого — мистический путь героя (Полифила = влюбленного в даму Полию, т.е. в цитате этимология неправильная) по саду и дворцу.

иск — в этом была жизнь; остальное — то есть реальность — мертвое время, затишье, и припоминается оно как прокрученное на замедленной пленке, поэтому План оформлялся в ритме художественной гимнастики, с медленным разворотом дискобола, с осторожным примериванием тяжеловесов, с долгими провисаниями гольфа, с бессмысленными паузами игры в бейсбол. В любом случае, и каков бы ни был наш ритм, судьба нас щедро одаривала, потому что при желании совпадения находятся всегда, повсюду и между всем, мир превращается буквально в сетку, в водоворот частиц, среди которых все отсылает ко всему и все объясняется всем..

Я стал молчалив с Лией, зная, что тема ее раздражает, и, к сожалению, фактически не занимался ею и Джулио. Мне не давал уснуть ночами Рене Декарт со своими латинскими инициалами R.C., и что слишком уж как-то суетливо он сначала искал, а потом провозглашал, что не нашел розенкрейцеров. И отчего такое помешательство на методе? Картезианский метод нужен был как основа работы над тайной, от которой осатанели к тому времени все инициированные в Европе. Кто отдал дань готической мистике? Рене де Шатобриан — R.C! Кто пишет в бэконовскую эпоху “Ступени храма”? Ричард Крэшо — R.C! Либретто опер для Глюка созданы Раньери де Кальцабиджи. Рене Шар — автор поэтического сборника “Ночь талисманов”. В ход у нас шли и Раймонд Чендлер, и Рик из “Касабланки”...

Данное знание, не утраченное, по крайней мере в материальном его аспекте, богобоязненные мастера переняли от монахов Сито... В прошлом веке они были известны под именем Компаньонов Французской башни.

Это к ним обратился Эйфель для выполнения своего проекта.

Луи Шарпантье,
Тайны Шартрского кафедрального собора.
Louis Charpentier,
Les mystères de la cathédrale de Chartres,
Paris, Laffont, 1966, pp. 55-56

86

Итак, мы видим, что вся история нового времени наполнена хлопотливыми кротами, роющими под земной корой, разведывающими планету изнутри. Но внедрялась наряду с этой и другая, встречная методология, внедрялась теми же бэконцианами, и результаты их работы находились на глазах у всех, но никто ничего не замечал... Перерывая подполье, велась разведка в глубинных складках, однако кельты и тамплиеры не ограничились бурением скважин, они еще вдобавок и втыкали повсюду шипы высотой до самого неба, чтоб пересылать сигналы от мегалита к мегалиту и улавливать взаимовлияние звезд...

Эта мысль овладела умом Бельбо в бессонную ночь. Он высунулся в окно и увидел над крышами Милана, очень вдалеке, сигнальные огни телевизионной вышки. Скромная, неброская башня Вавилона. И тогда Бельбо понял все.

— Эйфелева башня, — объявил он нам на следующее утро. — Как мы об этом до сих пор не догадались? Металлический мегалит. Это менгир последних кельтов, самый высокий и самый полый шпиль из всех полых готических шпилей. Зачем и кому понадобилась в Париже подобная бессмысленная каланча? Затем, что это небесный зонд, антенна, принимающая информацию со всех секретных передатчиков, установленных на поверхности нашего глобуса: от статуй острова Пасхи, от памятников Мачу Пикчу, от статуи Свободы на острове Бедлор, установленной по

пожеланию члена секретного общества Лафайета; от Луксорского обелиска, от самой высокой вежи Томара, от колосса Родосского, который продолжает посылать сигналы со дна порта, где его все ищут и все не находят, от храмов, затерянных в брахманских джунглях, от бастионов Великой Китайской стены, с вершины Айерс Рок, от колокольни Страсбургского собора, которой восхищался член секретного общества Гёте, от гигантских статуй “храма американской демократии” — Маунт-Рашмор (о сколь о многом сумел догадаться еще один член секретного общества, Хичкок!), от антенны, которую представляет собой Эмпайр-стейтс-билдинг, и объясните мне, на какую империю намекает эта постройка, плод деятельности американского тайного общества, если не на империю Рудольфа Пражского! Парижская же башня получает информацию из подполья и сравнивает ее с той, которая приходит из поднебесья. А кто создал первый, ужасающий кинематографический портрет Эйфелевой башни? Рене Клер в фильме “Париж уснул”. R.C., как вы видите сами.

Нам надлежало перечесть всю историю мировой науки. Становились предельно ясны тайные пружины космической гонки сверхдержав, становилось понятно, зачем понадобились все эти орды спутников, мотающихся по своим орбитам и в сотый и в тысячный раз фотографирующих с неба земную поверхность, ловящих неуловимые признаки энергетических натяжений, подводных токов, перемещений тепловых масс. Говорить между собой — говорить с Эйфелем — говорить со Стонхенджем...

Забавное совпадение:
издание ин-фолио 1623 года,
публикуемое от имени Шекспира,
содержит ровно тридцать шесть произведений.

У. Ф. Ч. Уигстон, *Фрэнсис Бэкон против
фантоматического капитана Шекспира:
розенкрейцерский маскарад.*
W.F.C. Wigston, *Francis Bacon versus Phantom
Captain Shakespeare: The Rosicrucian Mask,*
London, Kegan Paul, 1891, p. 353

87

Обмениваясь результатами фантазий, мы, разумеется, ощущали неловкость, несостоятельность ассоциаций и натянутость дедукций, и если бы нас по-серьезному приперли, мы первые устыдились бы собственных завираций. Облегчалось дело общим пониманием (молчаливым, в силу ироничности), что это не мы рассуждаем — мы пародируем чью-то логику.

Тем не менее в те бессчетные часы паузы-работы, которые каждый из нас посвящал подготовке к общим коллоквиумам (посвящал с чистой совестью, тешась, будто всего-навсего подбирает шарики в игре пародийных бус), мозг наш исподтишка приучался комбинировать, сопоставлять, связывать что угодно с другим чем угодно, а для того, чтоб автоматизировать этот процесс, мозг вырабатывал себе привычки. Думаю, что в определенный момент уничтожаются различия между привычкой притворяться, будто веруешь — и привычкой верить.

Так вот и шпионы: втираясь в секретные службы неприятеля, они привыкают мыслить так, как он, и выживают только если им это удастся, и естественно, что через малое время они переходят на сторону противника, которая стала их стороной. Или как одинокие с собакой, постоянно разговаривают с нею, сначала пытаются понять собачью логику, потом требуют, чтобы собака стала понимать их, подозревают, что собака стесняется, позже — что она ревнует, затем — что она издевается над ними, жизнь пре-

вращается в психологическую дуэль, собаке закатывают сцены ревности, наконец убеждаются полностью в человекоподобии собаки, что в сущности значит, что хозяин вконец особачился.

Может, благодаря тому, что я постоянно соприкасался с Лией и с ребенком, из всей нашей троицы я был наименее затронут игрой. Я был убежден в том, что игра под контролем, я чувствовал себя как тогда во время камланья в Бразилии с музыкальной палочкой — агогоном: на стороне тех, кто вызывает эмоции, а не тех, кто им подвергается. На счет Диоталлеви тогда я ничего не понимал, и сейчас только понял, что Диоталлеви переиначивал свое тело, приспособливал его мыслить по-одержимому. Что же касается Бельбо, то Бельбо переиначивал уже не тело, а свое сознание. Я приучался — Диоталлеви разрушался — Бельбо совращался.

И все мы постепенно утрачивали тот интеллектуальный свет, который дает возможность отграничивать подобное от тождественного, метафору от вещи. Утрачивали ту таинственную и блистательную мыслительную способность, которая позволяет нам говорить, что кто-то “озверел”, но не думать при этом, что у него выросли клыки и когти. Большой же, говоря “озверел”, видит перед собой нечто лающее, хрюкающее, ревущее.

Будь мы не в таком возбуждении, конечно, заметили бы состояние Диоталлеви. Оно началось примерно в конце весны — начале лета. Он выглядел похудевшим, но не нервно-подтянутым, как, бывает, смотрится человек, пролазавший недели три по горным кручам. Его нежная кожа альбиноса приобрела желтоватый оттенок. Если бы мы это и заметили — решили бы, что это из-за того, что он просидел отпуск над своими раввинскими свитками. Но мы ничего не заметили. Думали о другом.

Именно в тот период нам удалось наконец привести к общему знаменателю и деятельность групп, не имеющих отношения к бэкониианскому крылу.

К примеру, современная масонология полагает, что баварские иллюминаты, ставившие своей целью уничтожение наций и дестабилизацию государств, повлияли основополагающим образом и на анархизм Бакунина, и на са-

мый марксизм. Какая детскость. Иллюминаты были провокаторами, которых заслали к тевтонам бэконииане. Маркс и Энгельс, начиная знаменитый Манифест 48-го года более чем красноречивой фразой “Призрак бродит по Европе...”, имели в виду совсем не их. Вы задумайтесь лучше, откуда эта готическая символика? Коммунистический манифест с саркастической издевкой намекает на погоню за призрачным Великим Планом, будоражащим историю Европы вот уже которое столетие! Всем, кто гонится за Планом, как бэкониианам, так и неотамплиерам, Маркс предлагает альтернативный вариант. Маркс был евреем, скорее всего — глашатаем идей геронских или сафедских раввинов, и пытался втащить в свое учение весь богоизбранный народ. Но материал захватил его настолько сильно, что у него отождествилась Шехина (народ, рассеянный по Царству) с пролетариатом. Так Маркс предал упования своих вдохновителей, извратил основные тенденции иудейского мессианизма. И таким путем пришел к следующему: храмовники всех стран, соединяйтесь. Карта должна принадлежать рабочим. Кто был ничем, тот станет всем. Какую еще историческую базу надо подводить под коммунизм?

— Хорошо, — говорил на это Бельбо, — но и у бэконииан наблюдаются отдельные трудности, вы не находите? Некоторые из них стартуют на всех парах, навстречу сциентистской мечте, и залетают в безвыходные тупики. Загляните в конец династии. Эйнштейн, Ферми и вся компания, те, кто ищут разгадку тайны в сердце микрокосма, что они изобрели? Ошибку. Вместо теллурической энергии, чистой, природной, наукоемкой, они открыли энергию атома, грязную, опасную и технически громоздкую...

— Пространство-время, заблуждение Запада, — вторил Диоталлеви.

— И утрата Центра. Вакцины, пенициллин как карикатурная подмена эликсира долгожительства, — поддакивал я.

— Ошибался и другой тамплиер, Фрейд, — продолжал Бельбо. — Вместо того чтобы исследовать катакомбы физической подпочвы, он копается в колодцах психического подсознания, как будто бы эту тематику не исследовали до него алхимики, да так, что полнее не придумаешь.

— Но это же ты, — обрушился на него Диоталлеви, — настаиваешь на том, чтоб печатать доктора Вагнера. По мне, психоанализ, это только для невротиков.

— Да, а пенис — это только фаллический символ, — подытожил я. — Послушайте, господа, не теряйте драгоценного времени. Мы ведь еще не знаем, куда пристроить как павликиан, так и иерусалимитян.

Но еще до того, как мы начали подбираться к разрешению этих нелегких вопросов, перед нами встало новое препятствие в лице группировки, которая вроде бы не имела отношения к тридцати шести незаметным, однако вступила в игру на довольно раннем этапе и повредила программы остальных команд, внеся ощутимый элемент беспорядка. Я имею в виду иезуитов.

Барон фон Хунд, шевалье Рамзай...
и многие другие, основавшие ступени этих ритуалов,
работали по инструкциям генерала иезуитов...
Тамплиерство и есть иезуитство.

Письмо мадам Блаватской Чарльзу Сотрану,
32 .: А е Р. R. 94 .: Мемфис К. R. ✨,
К. Кадош, М. М. 104 и прочая и прочая,
Члену тайного Английского Братства Розенкрейцеров,
а также прочих секретных обществ,
11.1.1877; в: *Isis Unveiled*, 1877, II, p. 390

88

Слишком уж часто натыкались мы на них. С самых первых манифестов розенкрейцеров. Уже в 1620 году в Германии выходит “*Rosa Jesuitica*”, где подчеркивается, что в символике розы важнее всего католическая окраска, образ Марии, а розенкрейцерские смыслы имеют меньшее значение. Тем как бы подразумевалось, что эти два ордена существуют совокупно и что розенкрейцерство — нечто вроде перепева иезуитской мистики на такой лад, который был внятен населению Германии после Реформации.

Я вспомнил слова Салона о ненависти, с которой отец Кирхер преследовал розенкрейцеров, в особенности когда затрагивались темы глубин и недр земного шара.

— Отец Кирхер, — говорил я, — ключевая фигура в этой истории. С какой стати человек, который столько раз демонстрировал блистательную наблюдательность и вкус к эксперименту, утопил несколько прекрасных идей в тысячах страниц, переполненных невероятными гипотезами? Он состоял в переписке с лучшими английскими учеными, и в каждой его книге поднимаются наитипичнейшие розенкрейцерские темы, формально — дабы их оспорить, фактически — чтобы освоить их, предложить для каждой темы параллельную контрреформистскую вариацию. Бедняга Хазельмайер, приговоренный иезуитами к заключению на каторге за реформаторские завихрения, в первом издании “Славы братства” доказывает, что настоящие, от-

борные иезуиты — это именно они, розенкрейцеры. Ну вот, а отец Кирхер пишет свои тридцать и более томов, чтобы доказать, что настоящие первосортные розенкрейцеры — это они, иезуиты. Иезуиты пытаются наложить лапу на План. Маятники будет изучать он сам, отец Кирхер. И он берется за изучение, идет оригинальным путем, изобретает планетарные часы, которые показывают, сколько времени во всех отделениях Братства Иисуса, разбросанных по свету.

— Но как иезуиты прознали про план, если тамплиеры даже под угрозой смерти не выдавали? — прошептал Диталлеви. Смысла не было отвечать, что благодаря иезуитской пронырливости. Следовало найти объяснение, чтоб оно звучало хоть чуть лучше.

И объяснение скоро мы нашли. Старый дружок Вильгельм Постэль. Из истории иезуитов сочинителя Кретино-Жоли (какое мы получили удовольствие от этого имени), выяснилось, что Постэль, во власти мистического энтузиазма, томимый духовным обновлением, в 1544 году заявился к Игнатию Лойоле в римское представительство. Игнатий принял Постэля с распростертыми, но тот не торопился отречься от своих идефиксов, от каббализма, от экуменизма, а это иезуитам приходилось не по вкусу, а хуже всего обстояло дело с самым любимым коньком Постэля, то есть что Управляющим Мира должен стать французский король. Лойола был святой сколько угодно, но в первую очередь он был испанец.

Поэтому в какой-то момент дружба между ними кончилась, Постэль покинул иезуитов, или иезуиты наподдали ему коленкой. Но если Постэль состоял в иезуитах, пускай даже самый незначительный период, то святому Игнатию, которому по определению он был подчинен “*perinde ac cadaver*” — подобно трупу, он обязан был доложить по всем статьям, в том числе относительно своей миссии. Милый Игнатий (по всей видимости, так начинался разговор), знай, что получив меня, ты получаешь и секрет тамплиеров, коего аз многогрешный являюсь французским распорядителем, и вообще, имей в виду, что довольно скоро, лет через сорок, намечается очередная (третья) свиданка

всех наших, и выходит, будем готовиться к ней *ad majorem Dei gloriam*¹.

Вот так-то иезуиты чрез посредство Постэля и благодаря критической минуте слабости завладели тамплиерской тайной. Тайну подобного масштаба надо было пускать в работу. Святой Игнатий вскорости отходит к вечному блаженству, но его преемники бдят, не выпускают Постэля из виду. Очень интересуются, с кем же будет встречаться Постэль в уговоренном 1584 году. Но увы, Постэль не встречается ни с кем, потому что помре прежде, и ни к чему не привел даже тот факт, что у одра присутствовал иезуит, чье имя осталось необнародованным. Иезуиты не узнали, кто же унаследовал поручение Постэля.

— Извините, Казобон, — перебил меня Бельбо, — здесь не стыкуется. Иезуитам было не за кем следить, значит, они не узнали и что встреча 1584 года не состоялась.

— Но не следует и забывать, — вмешался Диоталлеви, — что, как принято считать у вас гоев, эти иезуиты были железобетонные ребята, которых трудно было взять голыми руками.

— А, что до этого, — отвечал ему Бельбо, — один иезуит может съесть десять тамплиеров и не поморщится. Иезуитов, как и тамплиеров, пробовали распускать, и неоднократно, и все правительства Европы брались за это дело вместе, однако иезуиты в полной сохранности, им хоть бы хны.

Мы попробовали вообразить мысли иезуита. Что делает иезуит, когда от него ускользает Постэль? У меня просквозила идея, но настолько одержимая, что, думается, даже нашим одержимцам она показалась бы чересчур смелой. Неужели розенкрейцеров выдумали для провокации сами иезуиты?

— Постэль умер, — разглагольствовал я. — Иезуиты (с иезуитской проничательностью) математически просчитывают путаницу при смене календарей и берут на себя инициативу. Они организуют розенкрейцерскую мистификацию, предвидят все, что на самом деле и произойдет. Среди множества откликающихся психов затесались настоящие посвященные, кто-то из тридцати шести уполномо-

¹ “К вящей славе Господа” — лозунг иезуитов.

ченных, кто выступил с откликами. Представляю себе бешенство Бэкона. Флудд, кретин злополучный, ты никак не мог помолчать? Но виконт, My Lord, я ведь думал, что они из наших... Идиот, учили же тебя не доверять папистам! Лучше бы сожгли тебя, а не этого беднягу из Нолы!

— Но тогда, — продолжал Бельбо, — почему, когда розенкрейцеры попадают во Францию, иезуиты, или те полемисты от католиков, которые работают на иезуитов, нападают на них, клеймят еретиками и бесноватыми?

— Нельзя ожидать от иезуитов, чтоб они действовали линейно, тогда какие они иезуиты...

Мы проссорились довольно долго, принимать ли мое предложение, и в конце концов решили, что лучше была первоначальная гипотеза: розенкрейцеры — наживка, на которую хотели подловить французов бэconiане и немцы. Однако иезуиты, как только эти манифесты появились, сразу сделали стойку. И кинулись в это дело всею сворой, чтобы перепутать карты. Цель иезуитов была очевидна: предотвратить союз английской и немецкой группировок с группировкой французской; а тут любой удар, в том числе и ниже пояса, годился в дело.

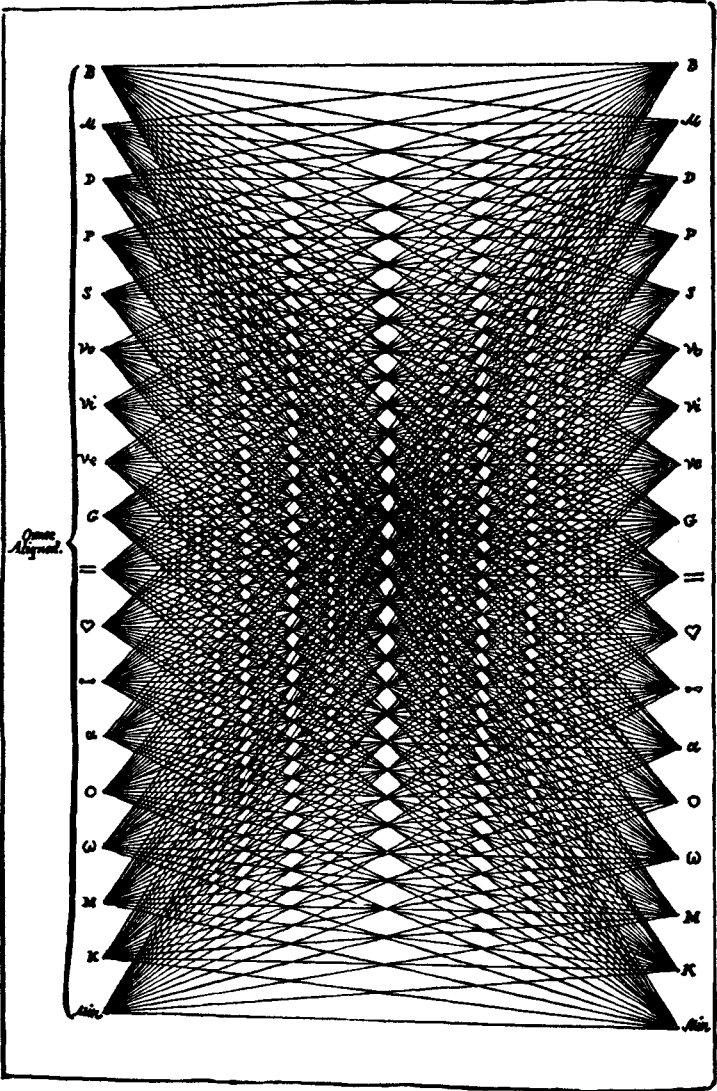
Тем временем они составляли досье, накапливали информацию и заносили ее... Куда? В Абулафию, пошутил Бельбо. Но Диоталлеви, который к тому времени накопил массу сведений по своей любимой теме, отозвался, что никакой шутки в этом высказывании нет. Безусловно, иезуиты соорудили огромный и огромной мощности электронный калькулятор, который должен был делать выводы на основании терпеливой, многосотлетней перетасовки обрывков истины и обрывков лжи, которые у них насобирались.

— Иезуиты, — пояснял Диоталлеви, — поняли то, до чего не догадались ни бедные старые тамплиеры из Провэнна, ни бэconiанское крыло. Они поняли, что реконструировать карту можно комбинаторным способом, то есть по той же методологии, которую используют в современных электронных машинах! Иезуиты поперед всех изобрели Абулафию! Падре Кирхер перечитал все трактаты по комбинаторному искусству от Луллия и далее. Посмотрите, какую схему он опубликовал в своей книге "Ars Magna Sciendi..."

ARTIS MAGNÆ SCIENDI,

EPILOGISMUS

Combinatiois Linearis.

— Патронка для вязания крючком? — сказал Бельбо.

— Все возможные комбинации для n элементов. Расчет факториала, тот самый, что в “Сефер Йецира”. Схема комбинаций и пермутаций. Самая суть Темуры!

Безусловно, Диоталлеви был прав. Одно дело — просто обратить внимание на непродуманную идею Флудда (комбинирование карты с помощью колесиков, исходя из полярной проекции) и совсем другое дело — понять, сколько операций это за собою повлечет, и как перепробовать эти операции, чтоб прийти к оптимальному результату. А в особенности большая разница между, с одной стороны, — абстрактной моделью возможных сочетаний, а с другой стороны — конкретной машиной, способной реализовать эту модель. И вот судите сами: иезуит Атаназиус Кирхер и его ученик Шотт проектируют механические органчики, механизмы, работающие на продырявленных карточках, то есть компьютеры анте литерам. Базированные на бинарном счислении! Прикладная Каббала! В применении к современной механике.

IBM: Iesus Babbage Mundi, Iesum Binarium Magnificamur. AMDG: Ad Maiorem Dei Gloriam? Ничего подобного! Ars Magna, Digitale Gaudium! IHS: Iesus Hardware & Software!

Возникло в лоне наигустейших сумерек
 сообщество новых существ,
 знающих друг друга не видясь,
 понимающих друг друга не объясняясь,
 помогающих друг другу не дружась...
 Это сообщество заимствует от иезуитов
 слепое подчинение, от масонства —
 испытания и внешний церемониал, от тамплиеров —
 тягу к подземельям и невообразимую смелость...
 Что суть все деяния графа Сен-Жермена,
 как не подражание Постэлю, у которого была
 мания состаривать свой возраст?

Маркиз де Люше, *Изыскание о секте иллюминатов*.
 Marquis de Luchet, *Essai sur la secte des illuminés*,
 Paris, 1789, V et XII

89

Иезуиты великолепно понимали, что для того чтобы де-стабилизировать неприятеля, лучшая техника — сформировать секретные секты, дожидаться, пока самые опасные энтузиасты там обоснуются, и арестовать сразу всех. Иными словами: если опасаясь заговора, организуй его, тогда все, кто мог бы к нему присоединиться, окажутся у тебя под колпаком.

Я вспомнил оговорку Алье на счет Рамзая, того, кто самым первым выявил непосредственную связь масонства с тамплиерами. Алье подозревал, что Рамзай был иезуитским подстрекателем. Стоило добавить, что и Вольтер тоже считал Рамзая агентом иезуитов. Пред лицом рождения масонства в Англии иезуиты отвечают из Франции: а вот вам шотландское неотамплиерство!

По описанной логике, можно было уяснить, почему в ответ на эту стратагему в 1789 году известный маркиз де Люше публикует (без имени автора) знаменитое “Изыскание о секте иллюминатов”, где заклеиваются иллюминаты всех категорий и пошибов, как баварские, так и откуда бы они ни были родом, как антицерковные анархисты, так и мистичные неотамплиеры, и в ту же кучу ввалены (удивительно, до чего стремились кусочки нашей мозаики сцепиться между собой всеми своими выступами и зазубринами!) даже

павликиане, не говоря уж о Постэле и Сен-Жермене. Главное сожаление автора — это что указанными формами тамплиерского мистицизма подрывается доверие к масонству, которое, в отличие от всего вышеперечисленного, являет собою союз честных и порядочных людей.

Бэконииане изобрели масонство как аналог Рик'с Бара в "Касабланке", иезуитское неотамплиерство сводило на нет изобретение бэконииан, а Люше был нанят в качестве киллера, затем чтобы расправиться со всеми теми группами, которые бэкониианами не были.

Но тут им приходилось, надо заметить, принимать в расчет еще одно соображение, которое бедняга Алье не сумел интерпретировать. С какой стати Де Местр, человек иезуитов, за целых семь лет до того как прорезался этот критикующий маркиз Де Люше, приехал в Вальгельмсбад и начал мутить воду в заводи неотамплиеров?

— Неотамплиерство всех устраивало в первой половине восемнадцатого века, — сказал Бельбо, — и перестало годиться к концу столетия, прежде всего потому что за него ухватились революционеры, а им Бог Разум, Высшая инстанция — все служило теоретической базой, чтоб отрезать голову королю... К примеру, фигура Калиостро... Кроме того, в Германии масонство было связано с фигурами разных принцев, таких как Фридрих Прусский, цели которых по определению не совпадали с целями иезуитов. Когда мистическое неотамплиерство, неважно кто его там изобрел, дает такой результат, как "Волшебная флейта", естественно, что люди Лойолы начинают хотеть его задуть. Это как в бизнесе: покупаете компанию, перепродаете, ликвидируете, объявляете банкротство, переоцениваете капитал... Все зависит от генерального плана, и вас не интересуется, что потеряет работу дворник. Отработавшую машину, когда она начинает плохо ездить, отправляют под пресс.

Невозможно найти в настоящем
масонском кодексе другого бога, кроме Мани.
Это бог масона-каббалиста, старинных розенкрейцеров.
Бог масонов-мартинистов...
С другой стороны, все непотребства,
приписываемые тамплиерам,
в точности те же самые, что и непотребства,
приписываемые Манихеям.

Аббат Баррюэль,
Воспоминания, полезные для истории якобинства.
Abbé Barruel, *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme,*
Hamburg, 1798, 2, 13

90

Стратегия иезуитов стала нам совершенно понятна, когда мы открыли отца Баррюэля. Этот святой отец в 1797—1798 годах, в качестве реакции на французскую революцию выпустил свои знаменитые “Воспоминания, полезные для истории якобинства”, самый настоящий роман-фельетон, сюжет которого начинается, вот так совпадение, именно тамплиерами. После костра, на котором погиб Молэ, храмовники, оказывается, переформировались в подпольную секту, целью которой было уничтожение монархии и папства и установление всемирной республики. В восемнадцатом веке они подчинили себе франкмасонство, сделали масонство своим орудием. В 1763 году была создана Литературная академия, в которой участвовали Вольтер, Тюрго, Кондорсе, Дидро и Д’Аламбер, встречавшиеся в доме барона Гольбаха, там они до того доконспирировались, что в 1776 году произвели на свет якобинцев. Якобинцы, разумеется, были и остались марионетками в руках опытных закулисных дел мастеров, баварских иллюминатов — царубийц от рождения.

Не мытьем, так катаньем. Расщепив масонство на две части при помощи Рамзая, иезуиты теперь снова его объединили, чтобы жажнуть прямо в лоб.

Книга Баррюэля кое-какое впечатление по себе оставила. Не случайно в Аршив Насьональ во Франции хранятся по меньшей мере две полицейских сводки о подпольных сектах, заказанные Наполеоном. Эти рапорты подпи-

саны неким Шарлем де Беркхаймом, который, как обычно делают в секретных службах, черпал тайные сведения из широко опубликованных материалов — и не нашел ничего лучшего как передраť для первого рапорта — книгу маркиза Люше, а для второго — книгу Баррюэля.

Разоблачения о хитрых иллюминатах и секретном Совете Неведомых Верховников, способных поработить мир, до того леденили кровь и действовали на воображение, что Наполеон ни секунды не колебался: он решил войти в их число. Потребовав, чтоб его брата Жозефа назначили Великим Магистром Великого Востока, он и сам, по свидетельствам ряда источников, вступает в контакт с масонством, а по свидетельству еще некоторых — становится значительным лицом в ордене. Непонятно только в каком. Возможно, на всякий случай во всех сразу.

Что было известно Наполеону — это нам неизвестно, но не будем забывать, что он провел довольно много времени в Египте и кто знает с какими мудрецами имел возможность беседовать в тени пирамид. Как бы то ни было, каждому ребенку понятно, что знаменитые сорок столетий, глядящих на него с высоты пирамид, — прозрачный намек на герметическую традицию.

Известно ему должно было быть достаточно много, поскольку в 1806 году он созывает ассамблею французских евреев. Официальный предлог — самый банальный: ограничить ростовщичество, заручиться поддержкой израильтитов как нацменьшинства, раздобыть новые инвестиции... Но это не объясняет, с какой стати Наполеону понадобилось называть ассамблею Великим Синедрионом, — не для того ли чтобы символизировать идею директории Верховников, более или менее Неведомых? На самом же деле хитрый корсиканец хотел вычислить представителей иерусалимского крыла; ему хотелось собрать в единое место потерявших друг друга конспираторов.

— Не случайно в 1808 году войска маршала Нея стоят в Томаре. Чувствуете связь?

— Мы только и делаем что чувствуем связи.

— В тот момент Наполеон, намереваясь победить Англию, фактически контролирует все европейские центры, а через посредство французских евреев — и иерусалимскую ветвь. Кого ему еще не хватает?

— Павликиан.

— Вот то-то же. А мы-то не можем понять, куда скрываются все это время павликиане! Вот Наполеон нам и поможет. Он пошел ловить павликиан туда, где они водятся: в Россию!

Веками заточенные в славянском ареале, болгарские павликиане естественным образом реорганизовались, составив собою, под разнообразными наименованиями, русские мистические секты. Один из самых влиятельных советников Александра I, князь Голицын, был связан с мартинистскими организациями. И кого еще мы находим в России, за двенадцать лет до нашествия Наполеона, в качестве полномочного посла Савойского дома, с миссией установления контактов с мистиками Санкт-Петербурга? Де Местра!

В тот период он уже отошел от любых организаций иллюминатского толка, в его представлении они составляли нечто единое с иллюминистами — просветителями, ответственными за кровавую баню Французской революции. И говорил очень часто, почти текстуально цитируя Баррюэля, о сатаническом союзе, нацеленном на завоевание мира. Скорее всего имелся в виду Наполеон. Поэтому если наш великий реакционер предлагал свои услуги для обольщения мартинистских группировок, это скорее всего потому, что он почувствовал, что они, хоть и вдохновляясь теми же источниками, как французское и немецкое неотапличество, на самом деле являлись носителями исконного духа, не разращенного Западом: духа павликианства.

Однако план, задуманный Де Местром, кажется, так и не был реализован. В 1816 году иезуитов выгнали из Санкт-Петербурга и Де Местр вернулся в Турин.

— Хорошо, — сказал, выслушав это, Диоталлеви. — Мы обнаружили павликиан. Теперь уберем из нашей схемы Наполеона, который, как мы догадываемся, так и не осуществил великую программу, иначе бы с острова святой Елены он одним щелчком мог бы испепелить своих сажателей. Что же дальше произошло между всеми этими персонажами? Их столько, что впору рехнуться.

— Из них самих половина точно рехнулась, — сказал Бельбо.

О как прекрасно, что вы развенчали
адские секты, готовящие путь Антихристу...
Но есть, есть еще одна секта, которую почти не затронули —
лишь в самой малой степени.

Письмо капитана Симонини аббату Баррюэлю,
“*Чивильта каттолика*”, 21.10.1882

91

Поведение Наполеона по отношению к евреям оказало огромное влияние на иезуитов, заставило их в корне переменить пропаганду. В “Воспоминаниях” Баррюэля о евреях не было ни слова ни намека. Но в 1806 году распространяется письмо Баррюэлю некоего капитана Симонини, который напоминает ему, что Мани был евреем, точно так же как и Горный Старец, и что масонов основали евреи, и что евреи пронизали собой все секретные организации, существующие на земле.

Письмо Симонини чрезвычайно ловко поставило в трудное положение Наполеона, который как раз тогда обратился к Великому Синедриону. Скорее всего, внимание Наполеона к евреям взволновало также и павликиан, потому что именно в это время Священный Синод Московской Православной Церкви возвестил: “Наполеон замыслил ныне объединить всех евреев, которых Гнев Господен разметал по лицу земли, чтобы с помощью ненавистников имени христианского и способников его нечестия ниспровергнуть церковь Христову и объявить самого себя истинным Мессиею”.

Наш добрый Баррюэль тут же воспринял идею и пришел к выводу, что заговор является не просто масонским, а жидомасонским. Кроме всего прочего, идея подобного сатанинского Komplota была полезна для атаки на нового врага — Высокую Венту карбонариев, а через них — на антиклерикалов, боровшихся за объединение Италии, от Мадзини до Гарибальди.

— Но все это происходило в начале прошлого века, — сказал Диоталлеви. — Основная же антисемитская кампания развернулась в его конце, когда были опубликованы

так называемые “Протоколы Сионских мудрецов”. Эти “Протоколы” возникли в русском ареале. Работа павликиан.

— Разумеется, — подхватил Бельбо. — Как мы можем обобщить, на этой стадии иерусалимская группировка расчленена на три ветви. Первая, в лице испанских и провансальских каббалистов, вдохновляет собой неотамплиерские течения, вторая сливается с бэкониианской струей и порождает мощный слой ученых и финансистов. Именно против них так злобствуют иезуиты. Но есть еще третий подвид иерусалимитян, именно они волею судеб оказываются в России. Русские евреи большею частью — мелкие торговцы, промышляют и дачей денег под залог, поэтому местные крестьяне их недолгобливают. Большая их часть (поскольку еврейская культура — это культура Книги и почти все евреи умеют читать и писать) пополняет собой ряды либеральной и революционной интеллигенции. Павликиане же мистичны, мечтательны, реакционны, крепко связаны с феодалами-землевладельцами и многие из них пробрались ко двору. Естественно, между ними и иерусалимитянами связей быть не может. Поэтому они заинтересованы в дискредитировании евреев, а через евреев — как они научились у иезуитов — они могут поразить и своих зарубежных противников, неотамплиеров и бэконииан.

Эти мудрецы решили мирно завоевать мир
 для Сиона хитростью... Проникая в недра
 встречаемых им на пути государств,
 Змий пожирает все государственные
 нееврейские силы по мере их роста.
 Это же должен он делать и в будущем,
 при точном следовании предначертаниям плана,
 до тех пор пока цикл пройденного им пути
 не сомкнется возвратом главы его на Сион...
 не сосредоточит в сфере своего круга всей Европы,
 а через нее и остальной мир....

С. Нилус, *Великое в малом*,
 перепечатка в сб. "Луч света", 1920

92

Идея Бельбо показалась нам годной. Оставалось выяснить, кто занес "Протоколы" в Россию.

Один из наиболее влиятельных мартинистов конца прошлого века, Папюс, обратил Николая II во время его визита в Париж, потом отправился в Москву и привез с собою некоего Филиппа — Филиппа Низье Ансельма Вашо. Тот, одержимый дьяволом в возрасте шести лет, в возрасте тринадцати — целитель, лионский магнетизер, очаровал как Николая, так и его истеричку жену. Филипп был принят при дворе, назначен врачом при Петербургской военной академии, генералом и статским советником.

Тогда его противники решают противопоставить ему личность не менее харизматичную, с тем чтобы подорвать его престиж. И тут всплывает Нилус.

Нилус был бродячим монахом, который в иноческом одеянии бродил (естественно: что еще делать бродячему?) по лесам, трясая пророческою бородою, имел двух жен, одну дочку и одну ассистентку — или же любовницу — и вся компания заслушивалась его пророчествами. Отчасти вождь народа, из тех которые потом сбегают вместе с кассой, отчасти бесноватый, вроде тех, кто кричит, что "конец уже близок". И действительно, его идей-фикс являлись происки Антихриста.

План тех, кто решил воспользоваться Нилусом, состо-

ял в том, чтобы рукоположить его в попы, с тем чтобы далее поженить (женой меньше, женой больше) на Елене Александровне Озеровой, придворной даме царицы, и сделать исповедником монаршей четы.

— Я человек незлой, — сказал на это Бельбо, — но у меня складывается впечатление, что ликвидация царской фамилии была чем-то вроде дезинфекции от тараканов.

В общем, в какой-то момент споспешники Филиппа обвиняют Нилуса в распутстве, и Бог судья, так ли уж они неправы. Нилусу пришлось оставить придворную жизнь, и тут кто-то пришел ему на помощь, подсунув текст “Протоколов”. Поскольку никто не в состоянии был отличать мартинистов (последователей Сен-Мартена, Saint Martin) от мартенистов (последователей Мартена де Паскуалли, Martines de Pasqually, того самого, которого не любил Алье) и поскольку Паскуалли, согласно расхожему слуху, был евреем, — дискредитируя евреев, можно было дискредитировать мартинистов, а дискредитируя мартинистов, ликвидировать Филиппа.

Ради этого и был опубликован первый, неполный вариант “Протоколов” в 1903 году, в газете “Знамя”, которую редактировал воинствующий антисемит Крушеван. В 1905 году, с благословения государственной цензуры, этот первый вариант, дополненный, был перепечатан в книге “Причина наших зол”, изданной, как принято считать, неким Бутми. Бутми вместе с Крушеваном участвовал в основании “Союза русского народа”, более известного как черные сотни, в “Союз” вербовали уголовных преступников, а занимались они погромами и правотеррористскими покушениями. Бутми еще не раз публиковал этот текст, теперь уже под собственным именем, под заглавием “Враги рода человеческого — Протоколы происходящие из тайных архивов Центральной канцелярии Сиона”.

Но это все дешевые брошюрки, подступы, пробы пера. Полное же издание “Протоколов”, которое будет переиздано потом во всем мире, выходит в 1905 году в книге Нилуса “Великое в малом: Антихрист. Близ есть, при дверях”, Царское село, издано под эгидой тамошнего отделения Красного Креста. Нарративное обрамление представляет собой широкую мистическую перспективу. Книга

оказывается в руках царя. Митрополит Москвы предписывает ее чтение во всех московских церквах.

— Но как связаны, — спросил я, — эти протоколы с нашим Планом? Если действительно предположить, что они имеют значение, читать их, что ли?

— Нет ничего проще, — отвечал Диоталлеви. — Они всегда в продаже, не в одном, так в другом магазине. Их постоянно перепечатывают. Издатели всегда находятся. Как бы с возмущенным пафосом, из чувства исторического долга, но в конечном счете, даже с удовольствием.

е

У нас нет соперников...
Одни иезуиты могли бы с нами сравняться,
но мы их сумели дискредитировать
в глазах бессмысленной толпы,
как организацию явную,
сами со своей тайной организацией
оставшись в тени.

“Протоколы”, V

93

“Протоколы” — цикл из двадцати четырех программных заявлений, приписываемых Сионским Мудрецам. Намерения этих Мудрецов выглядят довольно противоречиво: то они желают упразднить свободу печати, то разжигают либертинские настроения. Они критикуют либерализм, но при этом замысленные ими действия соответствуют шаблону, который обычно в представлении левой прессы эквивалентен программе международного капитала, включая такие элементы, как использование спорта и школ для оболванивания широких масс. Они раскрывают технику достижения мирового господства, восхваляют могущество золота. Намереваются способствовать революциям в различных странах, играя на имеющемся недовольстве и мороча народ либеральными идеями, но они же желают и поддерживать неравноправие. Они рассчитывают установить повсюду президентские правительства, по сути — марионеточные в руках Мудрецов. Они собираются разжигать войны, увеличивать производство оружия и (как справедливо указывал Салон) строить метрополитены (подземки!), для того чтобы иметь возможность заминировать большие города.

Они заявляют, что цель оправдывает средства, и стремятся усугубить антисемитизм как ради того, чтобы самим держать в кулаке бедных евреев, так и для того, чтобы разжалобить иноверцев невыносимыми еврейскими мучениями (способ расточительный, говорил Диоталлеви, но эффективный). Они безыскусно признают, что “нам свойственны неудержимая честолюбия, жгучия жадности, без-

пощадные мести, злобные ненависти” (пример изысканного мазохизма, ибо тем самым досконально воспроизводится расхожее клише о злобном еврее, давно вошедшее в арсенал антисемитской прессы и украшающее собою обложки всех до одного изданий данного текста), а еще они требуют отменить изучение классической литературы и древней истории.

— В общем, — подытожил Бельбо, — Сионские Мудрецы, это команда мудозвонов.

— Не все так думают, — сказал Диоталлеви. — Эту книгу воспринимали более чем серьезно. Меня другое удивляет. Выдавая себя за еврейский глобальный заговор, насчитывающий много столетий, они тем не менее пикируются исключительно с мелкими французами конца прошлого века. Я уверен, что намек на “наглядное обучение”, призванное оглуплять народную массу, относится к программе народного просвещения Леона Буржуа, у которого в правительстве было девять масонов. В другом отрывке предлагается избирать на государственные должности людей, скомпрометированных в панамской афере; скорее всего, это — в огород Эмиля Лубе, который в 99-м становится президентом Франции. Разглагольствования метро восходят к тому факту, что в конце века правые газеты возмущались тем, что в Компани дю Метрополитен было слишком много акционеров-евреев. Поэтому можно предположить, что этот текст составлен во Франции в последнее десятилетие XIX века, одновременно с делом Дрейфуса, с целью скомпрометировать либеральный фронт.

— Меня удивляет вовсе не это, — перебил его Бельбо, — а ощущение *déjà vu*. Смак всей истории в том, что рассказывается тайная программа завоевания мира, а мы эту программу уже знаем. Попробуйте убрать указанные Диоталлеви отсылки на реалии прошлого века, заменить подземелья метро подземельями Провэна, и всякий раз вместо слова еврей пишите тамплиер, и всякий раз вместо Сионских Старичков пишите тридцать шесть Невидимок... Ребята, это вылитое Провэнское завещание!

Voltaire lui-même est mort jésuite;
en avoit-il le moindre soupçon?¹

Ф. Н. де Боннвиль,
*Иезуиты, изгнанные масонством,
и кинжал их, сломленный масонами.*
F. N. de Bonneville,
*Les Jésuites chassés de la Maçonnerie
et leur poignard brisé par les Maçons,*
Orient de Londres, 1788, 2, p. 74

94

У нас все было перед самым носом. Сколько же времени нам понадобилось, чтоб понять очевидное! Все очень просто: в течение шести столетий шесть групп бились за осуществление Провэнского Плана, и каждая группа знала идеальную схему этого Плана, и каждая группа считала, что схему выполняют ее неприятели!

После того как розенкрейцеры показались во Франции, иезуиты вывернули их План наизнанку: дискредитируя розенкрейцеров, они опосредованно били по бэкониянам, то есть по нарождающемуся английскому масонству.

Когда иезуиты изобрели неотамплиерство, маркиз Де Люше заявил, что-де неотамплиеры и есть исполнители Плана. Тогда иезуиты решили избавиться и от неотамплиеров, а для этого использовать Баррюэля; скопировали в его книге план того же самого Люше, но только приписали План всем франкмасонам вместе взятым.

Контрнаступление бэкониян. Проанализировав тексты либеральной, антиклерикальной полемики, мы можем убедиться, что все, начиная от Мишле и Кине и кончая Гарибальди и Джоберти, — все приписывали знание Плана иезуитам (может быть, эта идея исходила от тамплиера Паскаля и его товарищей). Эта тема сделалась особенно популярной по выходе “Вечного жида” Эжена Сю, где имеется удачный персонаж — коварный мсье Роден, квинтэс-

¹ Вольтер умер иезуитом; а было ли у него хоть малейшее подозрение? (фр.)

сенция иезуитского мирового заговора. Обратившись к творчеству Сю, мы, кстати, обнаружили там еще более драгоценный материал: текст, казавшийся переписанным (но на самом деле с опережением на пятьдесят лет) с “Протоколов”, слово в слово. Речь идет о последней главе “Тайн одного народа”. Здесь дьявольский замысел иезуитов объясняется во всех его преступных деталях в некоем документе, который отправляет генерал ордена Руутаан (лицо историческое) мсье Родену (герой, перешедший из “Вечного жида”). Рудольф фон Герольштейн (персонаж, перешедший из “Парижских тайн”), завладев документом, передает его демократам: “Вы видите, дорогой Лебрэн, как искусно сплетена эта адская интрига, какие чудовищные несчастья, какое невыносимое засилье, какой ужасный деспотизм сулит она Европе и миру, если к несчастью окажется проведенной в жизнь”.

Неотличимо от предисловия Нилуса к “Протоколам”. Тот же Сю приписывал иезуитам девиз, который в “Протоколах” приписывается евреям, — “Цель оправдывает средства”.

Нас не должны просить
умножать доказательства, ибо вполне очевидно,
что эта степень розенкрейцерская
была хитроумно введена начальниками масонства...

Самая сущность ее доктрины,
ее ненавистничества и ее святотатственного
обращения к учению Каббалы, гностиков
и манихеев свидетельствует о принадлежности
ее авторов — то есть о том, что это еврей-каббалисты.

Монс. Леон Мерэн (Братство Иисуса),
Франкмасонство — синагога Сатаны.
Mons. Léon Meurin, S.J., *La Franc-Maçonnerie,
Synagogue de Satan*, Paris, Retaux, 1893, p. 182

95

Когда выходят “Тайны одного народа”, иезуиты понимают, что Завещание тамплиеров приписывается им, и хватаются за единственную наступательную тактику, которая еще никем не задействована: опираются на письмо Симонини и приписывают провэнское завещание евреям.

В 1869 году Гугено Де Муссо, знаменитый двумя книгами по магии, выпускает труд “Иудеи, иудаизм и иудаизация христианских народов”, где говорится, что евреи используют Каббалу и обожают Сатану, поскольку тайная филиация непосредственно нисходит от Каина к гностикам, к тамплиерам и к масонам. После этого Де Муссо сподобился специального благословения папы Пия IX.

Однако план, заряженный в роман Эжена Сю, служит оружием и неким другим лицам, совсем не иезуитам. Вот милая история, почти детективная, она датируется многими годами спустя. После появления “Протоколов”, производших очень серьезное впечатление, в 1921 году сотрудники газеты “Таймс” обнаруживают, что бывший русский помещик-монархист, эмигрировавший в Турцию, приобрел у бывшего русского сотрудника тайных органов, эмигрировавшего в Константинополь, партию ветхих книг, одна из которых, без переплета и с полуоторванной надписью “Жоли” на корешке, с предисловием, датированным 1864 годом, несомненно представляла собой литературный про-

тотип “Протоколов Сионских мудрецов”. Сотрудники “Таймс” запросили Британский музей и получили первоисточник — книгу Мориса Жоли “Диалог в аду между Монтескье и Макиавелли”, Брюссель (но с пометой “Женева, 1864”). Морис Жоли не имел никакого отношения к Кретино-Жоли, но в любом случае мы отметили аналогию. Что-то же в любом случае она должна была означать!

Книга Жоли являлась либеральным памфлетом против Наполеона III, и в нем Макиавелли, в чьей фигуре воплощался цинизм диктатуры, беседовал с Монтескье. Жоли был арестован за этот революционный выпад, отсидел пятнадцать месяцев, а в 1878 году покончил с собой. Программа евреев, как она приводится в “Протоколах Сионских мудрецов”, почти слово в слово совпадает с фразами, которые Жоли вкладывал в уста Макиавелли (в духе “цель оправдывает средства”), а опосредованно через Макиавелли — в уста Наполеона III. Сотрудникам “Таймс”, однако, было невдомек (но не нам, не нам! мы-то сразу догадались!), что Жоли безбожно перекатал целые куски своего сочинения из произведения Сю, вышедшего раньше на семь лет.

Одна писательница-антисемитка, заикленная на Заговоре и на Неведомых Властителях мира, по имени Неста Уэбстер, поставленная перед фактом, что “Протоколы Сионских мудрецов” — самый банальный плагиат, выдвинула блистательную контртеорию, которая только посвященному или только охотнику на посвященных может прийти в голову. Жоли сам был посвященным! Он был посвящен в заговор Неизвестных Командиров! Ненавидя Наполеона III, он приписал План ему, но это вовсе не мешает Плану существовать вне зависимости от этого Наполеона III. Поелику План, изложенный в “Протоколах”, превосходно стыкуется с тем, чем евреи постоянно занимаются, значит, План этот еврейский!

Нам нечего было возразить. Разве что откорректировать мадам Вебстер на основании ее же собственной логики. Поскольку План замечательно стыковался с тем, что должны были замышлять Тамплиеры, значит, План этот тамплиерский!

И потом, мы логически осмысляли факты. Нам очень

полюбилась история с пражским кладбищем. Ее сочинил безвестный Герман Гедше, мелкий чиновник на прусской почте. Этот тип ранее опубликовал, с целью дискредитации либерального депутата Вальдека, фальшивые документы, из которых явствовало, будто тот собирался покушаться на короля Пруссии. Фальсификацию разоблачили. Гедше стал редактором консервативной газеты крупных землевладельцев “Ди Прейсише Крейццайтунг”. После этого под именем сэра Джона Ретклиффа он взялся сочинять сенсационные романы, среди которых “Биарриц” (1868). В этом “Биаррице” описывается оккультистское действие, разворачивавшееся на пражском кладбище. Текст очень напоминает описание сходки иллюминатов у Дюма в зачине “Жозефа Бальзамо”, на которой Калиостро, глава Неопознанных Старшин, среди которых числится и Сведенборг, сплетает первые нити заговора вокруг ожерелья королевы. В “Биаррице” на пражское кладбище съезжаются представители двенадцати колен Израилевых, и представляют, каждый, свой собственный план завоевания мира.

В 1876 году в одном русском памфлете это собрание из “Биаррица” приводится, как будто оно имело место в реальной жизни. Этот же ход повторяется в 1881 году во Франции (газета “Контемпорэн”). Там пояснено, что сведения почерпнуты из достоверных источников, от английского дипломата сэра Джона Рэдклиффа. В 1896 году некий Бурнан публикует книгу “Иудеи, наши современники”. Там тоже есть сцена на пражском кладбище, и сказано, будто подрывными речами возжигал собравшихся великий раввин Джон Рэдклифф. Позднейший традиционный перепев дает следующую версию: подлинный Джон Редклифф был де в роковой час на кладбище, потому что его завел туда Фердинанд Лассаль, еврей и социалист.

Все эти “планы” в большей или меньшей степени совпадали с описанными в 1880 году, за несколько лет до того, в антисемитском “Ревю дез Этюд Жуив”. Там был помещен текст двух писем, якобы созданных евреями в XV веке. Арльские евреи вроде бы спрашивают константинопольских, почему те преследуемы, и преследуемые отвечают: “Многовозлюбленные Братья в Моисее, если король Фран-

ции обязует вас сделаться христианами, поступите, как он требует, поскольку иначе вы поступить не можете; но сохраните закон Моисея в сердце своем. Если вас лишат имущества, сделайте так, чтобы ваши дети стали коммерсантами и понемногу отняли имущество у христиан. Если вашей жизни угрожают, сделайте так, чтобы ваши дети стали медиками и фармацевтами, и они смогут отнимать у христиан их жизни. Если уничтожат ваши синагоги, постарайтесь, чтобы дети ваши сделались канониками и клириками и сумели бы уничтожить христианские церкви. Если чинят несправедливость против вас, пусть ваши дети выучатся на адвокатов и нотариусов и пусть замешиваются в дела разных государств, и да окажутся христиане под вашим ярмом, вы будете править миром и сумеете им отомстить”.

Речь тут идет, вне сомнения, о Плане иезуитов и о его истоке — провэнском завещании. Отклонений очень мало и они несущественны. “Протоколы” создались сами собой. Абстрактная идея заговора заочевала из заговора в заговор.

Мы уже было отчаялись найти недостающее звено, которое связало бы нашу замечательную концепцию с Нилусом, когда наконец на горизонте замаячил Рачковский, начальник кошмарного Охранного отделения, тайной полиции царя.

Прикрытие всегда необходимо.
В скрытности — большая часть нашей силы.
Поэтому мы должны всегда укрываться под именем
какого-либо иного общества.

*Новейшие работы Спартака и
Филона в ордене Иллюминатов.
Die neuesten Arbeiten des Spartacus und
Philo in dem Illuminaten-Orden, 1794, p. 165*

96

Именно в эти дни, перечитывая наших любимых одержимцев, мы выяснили, что граф Сен-Жермен среди прочих своих псевдонимов именовался также Ракоши, по крайней мере именно так называет его посол Фридриха II в Дрездене. А ландграф Гессенский, при дворе которого Сен-Жермен якобы скончался, утверждал, что граф был трансильванского происхождения и прозывался Рагоцкий. К этому в рукописи добавлялось, что Коменский посвятил свою “Пансофию” (произведение явно розенкрейцерского толка) некоему ландграфу (ландграфов в этом исследовании хватало) по фамилии Раговский. Последний кусочек паззла: я лично, копаясь у букиниста на Замковой площади в Милане, нашел немецкое сочинение о масонстве, анонимное, в котором рука неизвестного приписала изнутри на крышке переплета, что настоящим автором этого труда является Карл Авг. Раготский. Учитывая, что Раковски была фамилия того невыясненного индивида, который, похоже, уколошил полковника Арденти, становилось ясно, каким образом мы сумеем нанизать на шампур Глобального Заговора и нашего дорогого графа Сен-Жермена.

— А не слишком много чести проходимцу? — озабоченно переспросил Диоталлеви.

— Нет, нет, — отвечал Бельбо, — он сюда полагается. Как соевый соус в китайской кухне. Нет соевого соуса — кухня не китайская. Посмотрите на Алье, он в этих делах съел собаку. Не подделывается же он под Калиостро или Виллермоса. Сен-Жермен — квинтэссенция Гомо Герметикуса! Г... в квадрате!

Петр Иванович Рачковский. Жизнерадостен, напорист, вкрадчив, разумен и хитер, гениальный очковтиратель. Мелкий функционер — связывается с революционными группами — в 1879-м арестовывается тайной полицией с обвинением укрывательства друзей-террористов, покушавшихся на генерала Дрентеля. Переходит на сторону полиции и записывается (ах вот как!) в черную сотню. В 1890 году изобличает в Париже организацию, которая фабриковала бомбы для русских покушений, и ухитряется арестовать на русской территории шестьдесят три человека террористов. Через десять лет вскроется, что все бомбы были сделаны его людьми.

В 1887 году он распространяет письмо некоего Иванова, покаявшегося революционера, который заверяет, что большинство террористов — евреи. В 1890 году рекламирует некую “исповедь старого революционера”, обвиняющую революционеров, эмигрировавших в Лондон, в том, что они британские агенты. В 1892 году публикует фальшивку якобы от имени Плеханова, где утверждается, что предыдущий документ был инспирирован руководством “Народной воли”.

В 1902 году наш герой пытается основать франко-русскую антисемитскую лигу. Для успеха предприятия Рачковским применяется техника наподобие розенкрейцерской. Он пускает слух, будто подобная лига существует, и начинает ждать, чтобы кто-нибудь ее создал. Но использует он и другую тактику: умело перемешивает вымысел с правдой, и так, чтобы правда, на первый взгляд, работала ему во вред, и чтобы уж никто не усомнился в истинности вымысла. Он пускает гулять по Парижу загадочное обращение к французам с призывом поддержать Патриотическую Русскую Лигу, основанную в Харькове. В этом обращении он указывает на себя самого как на предположительного противника этой лиги и увещевает себя самого, Рачковского, переменить позицию. В частности, он обвиняет себя самого в использовании компрометантных фигур, таких как Нилус, что чистая правда.

На каком основании “Протоколы” могут быть атрибутированы Рачковскому?

Покровителем Рачковского был министр Сергей Вит-

те, прогрессист, пытавшийся превратить Россию в современную страну. За каким чертом прогрессисту Витте понадобилось опираться на реакционера Рачковского, знает только Господь, но мы уже ничему не удивлялись. У Витте имелся политический противник, некий Илья Цион, издавна атаковавший его публичными заявлениями, больше всего напоминавшими пассажи из “Протоколов”. Но в писаниях Циона не было намеков на еврейскую угрозу, да и откуда им быть — он сам был крещеным евреем. В 1897 году по приказу Витте Рачковский проводит обыск на даче у Циона в Териоках и находит памфлет Циона, своей идеей восходящий к книге Жоли “Диалог в аду между Монтескье и Макиавелли” (или к первоисточнику — книге Сю). Здесь воззрения “Макиавелли” — Наполеона III приписывались Витте. Рачковский — не зря он гений фальсификации — заменяет Витте на евреев и широко распространяет текст. Имя Циона великолепно подходит для данной цели, пробуждая аллюзии со словом Сион. Выглядит, как будто крупный деятель еврейской науки и политики спешит предостеречь от еврейского же заговора. Так и рождаются “Протоколы”. Вскорости этот текст попадает в руки некоей Ульяны, или Устины, Глинки, которая связана в Париже с кругом мадам Блаватской, а в свободное от работы время доносит на русских революционеров, эмигрировавших во Францию. Безусловно, Глинка — агент павликиан, павликиане связаны с аграриями и в их интересах убеждают царя, будто программы Витте соответствуют программам международного заговора евреев. Глинка доставила документ генералу Оргеевскому, а тот через командующего императорской гвардией передал его прямо в руки самому царю. У Витте начались неприятности.

Таким манером Рачковский в своем антисемитском раже добился — чего же? Немилости для своего же покровителя. А вслед за этим и для себя. Действительно, вскоре после этого его следы теряются. Снова став Сен-Жерменом, он, по всей очевидности, двинулся дальше, к новым переодеваниям, перевоплощениям. А наша история приобрела приятный, симметричный абрис, потому что она дополнительно оперлась на целый комплекс фак-

тов, истинных — по мнению Бельбо — не менее, чем истинен Бог.

Все это мне приводит на память Де Анджелиса с его синархией. Красота всей этой истории — нашей истории, я хочу сказать, но вполне вероятно, и Истории, о которой рассуждает Бельбо с лихорадочным взором, с расчетами в руках, — красота в том, что группировки, борющиеся между собой не на жизнь а на смерть, изничтожают друг друга, используя каждая оружие своего противника. — Первый долг настоящего шпиона, — подытоживал я, — это ослабить шпионами тех, к кому его заслали.

Бельбо сказал мне на это: — Я помню один случай в ***. На закате в долине я почти всегда видел на черной машине “балилла” некоего Ремо, какое-то похожее имя. Черные усы, черные кудри, черная рубашка, черные зубы — гнилые до невероятия. Он целовал девушку. Мне было брезгливо думать о черных зубах, которые целовали такую белую, такую милую вещь, не помню даже ее лица, но она была дева и блудница, иначе говоря вечная женственность. И я содрогался в душе своей. — Он мгновенно перешел на дурашливо-высокий штиль, чтоб затушевать трогательность воспоминания. — И в душе вопрошал без устали, отчего этот Ремо, чернбригадник, шляется без всякого страха по округе даже тогда, когда *** не занято фашистами. Мне на это отвечали, что о нем поговаривают, будто он заслан партизанами. Верьте не верьте, но однажды я выхожу и вижу ту же черную “балиллу” и те же черные зубы, и ту же целуемую блондинку, но одет он был уже в красный галстук и в зеленую униформу. Он перешел в гарибальдийскую бригаду, и все его обнимали, и у него было новое имя, боевая кличка Иксдевятъ, как у героя Алекса Раймонда, о котором он читал в “Вестнике Приключений”. Молодчина Иксдевятъ, кричали все, а я ненавидел его еще пуще, потому что он теперь обладал девицей по общенародному мандату. Однако кое-кто поговаривал, что он был фашистским шпионом, засланным к партизанам, думаю, что поговаривали те, кто завидовал ему на эту девицу, в общем, разговоры были и Иксадевятъ подозревали...

— Чем же кончилось?

— Простите, Казобон, почему вас так интересуют мои дела?

— Потому что они приняли форму рассказа, а рассказ есть коллективное воображаемое.

— Хорошо излагаете. Ладно. Однажды с утра Иксдевать вышел за пределы околотка, может быть, он назначил девице свидание в лесочке, может быть, он наконец собрался с духом выйти за пределы вечного жалкого петтинга и показать ей, что его мужской прибор не настолько дупловат, как зубы, — извините, но я до сих пор не в состоянии его любить, — в общем, фашисты его зацапали, отвезли в город, и на следующий день, в пять утра на рассвете, расстреляли.

Пауза. Бельбо смотрел на свои руки, пальцы были соединены как на молитве. Потом он развел ими и продолжил: — Он доказал, что не был заслан фашистами.

— Мораль басни?

— Все басни обязаны иметь мораль? Тогда, наверное, так: что для того, чтоб доказать что-нибудь, лучше всего умереть.

Аз есмь СЫЙ

Исход, 3, 14

Я есмь Сущий. Аксиома герметической философии

Мадам Блаватская, *Изида без покрывал.*

Mme Blavatsky, *Isis Unveild*, p. 1

— Кто ты? — спросили хором три сотни голосов,
в то время как двадцать шпаг блеснули
одновременно в руках самых близких из призраков.

— Ego sum qui sum, — отвечал он.

Александр Дюма, *Жозеф Бальзамо.*

Alexandre Dumas, *Joseph Balsamo*, II

97

Мы снова увиделись с Бельбо на следующее утро. — Вчера мы набросали прелестную страничку бульварного романа, — сказал я. — Но думаю, что если мы хотим сделать План правдоподобным, надо оставаться ближе к действительности.

— К какой действительности? — переспросил он. — Может, только бульварные романы передают действительность. Нас обманывали.

— Кто?

— Убеждали, будто существует, с одной стороны, высокое искусство, описывающее типические характеры в типических обстоятельствах, а с другой стороны, роман-газета, и там характеры нетипические и обстоятельства тоже. Я думал, что настоящие денди не ухаживают за Скарлетт о'Харами и за Констанциями Бонасье. И героинь Сальгари им даром не надо. Я так думал. Я считал, бульварный роман уводит немножечко за пределы жизни. Мне с ним было уютно. В нем предлагалось невероятное... Но ничего подобного.

— Что ничего подобного?

— Все ничего подобного. Прав Пруст: жизнь воплощается более в плохой музыке, нежели в торжественной мессе. Искусство обманывает нас, успокаивая, показывая мир таким, каким его хотели бы увидеть деятели искусства.

Бульварный романчик вроде бы игра, но жизнь в нем представлена именно как она есть, в крайнем случае — какой она будет. Женщины похожи на маркизу ангелов Анжелику, а не на ангельскую Беатриче. Профессор Мориарти натуральнее Пьера Безухова, и ход истории ближе к фантазиям Эжена Сю, нежели к проекту Гегеля. Шекспир, Мелвилл, Бальзак и Достоевский написали бульварные романы. Все, что произошло в жизни человечества, предсказано роман-фельетонами.

— Просто роман-фельетон легче воплощать в жизнь, нежели настоящее искусство. Стать Беатриче требует труда, стать Анжеликой — следовать врожденной склонности к простому пути...

Диоталлеви, который сидел и слушал без комментариев, тут подал голос: — Посмотрите на Алье. Ему проще разыгрывать Сен-Жермена, чем Вольтера.

— А я о чем, — сказал Бельбо. — И женщинам интереснее Сен-Жермен, чем Вольтер.

Позже я обнаружил один файл. В нем Бельбо обобщил наши выводы в форме бульварного романа. Более того — это коллаж из роман-фельетонов; его собственных фраз тут почти нет, только сюжетные связки; не все цитаты, заимствования и аллюзии мне тут прозрачны, и я почти не способен идентифицировать элементы этого бесстильного центона. Снова, в который уж раз уклонясь от вызова Истории, Бельбо описал и проанализировал жизнь, укрывшись псевдолитературным панцирем.

Имя файла: Возвращение Сен-Жермена

Вот уже пять столетий, как мстительной рукой Всемогущего я приведен из глубин Азии в эти края. Я приношу с собою страх, отчаяние и смерть. Но право! Я секретарь Заговора, пусть даже другим это неизвестно! Мне выпадали переделки и похуже, и ночь святого Варфоломея была мне большею докукой, нежели то задание, к которому я приуготавливаюсь сегодня. О, для чего моим

устам суждено кривиться в сатанинской улыбке? Я есмь Тот, кто есть, ежели сто-треклятый Калиостро не отспорил у меня это последнее право.

Но триумф уже близок. Соапес, в бытность мою Келли, обучил меня всему в лондонском Таузере. Секрет — превратиться в другого человека.

Хитроумными уловками я упрятал Джузеппе Бальзамо в замок Сан-Лео и завладел его тайнами. Как Сен-Жермен я скончался, и отныне все убеждены, что я граф Калиостро.

Не так давно полночь отзвонили на всех колокольнях города. Что за неестественный покой. Не верю этой тишине. Вечер чудесен, хотя и полон холода, луна высоко в небе озаряет ледяным светом непроницаемые переулки древнего Парижа. Могло бы быть десять вечера. На колокольне аббатства Черных Братьев медленно пробило восемь. Ветер вращает со зловещим скрипением железные флюгеры над унылой равниной крыш. Плотное одеяло облаков окутывает небо.

Капитан, мы поднимаемся? Наоборот, снижаем высоту. Тысяча проклятий, того и гляди "Патна" пойдет ко дну, прыгай в шлюпку, Лимонный Джим, чего же ты медлишь, прыгай! Не отдал ли бы я сейчас, чтобы избежать кораблекрушения, бриллиант величиною с орех? Выбрать рифы на марселях. Жми на юферсы и талрепа, в глотку тебе шкивень! В борту пробоина и затопило трюм!

Чудовищно скрежещу зубами, в то время как мертвенная бледность воспаляет мое восковое лицо зеленоватыми заревами.

Как я попал сюда, я, что кажусь воплощением мщенья? Духи ада усмехнутся с пренебрежением, видя слезы создания, чей угрожающий зык столько раз заставлял их содрогаться в огненном лоне той пропасти, где они обитают.

Да возблещет факел!

Сколько ступеней отсчитал я, спускаясь, прежде чем добрался до этого каземата? Семь? Тридцать шесть? Нет камня, до

которого я бы касался, нет шага, который бы я совершил, чтобы не таили в себе некие иероглифы. Когда я обнародую это, моим верным наконец будет открыта Тайна. После этого останется только расшифровать ее, и ее решение явится Ключом, за которым скрывается Весть, которая посвященному, и единственно ему, ясными словами указывает, какова природа Загадки.

От Загадки до Расшифровки переход недолог, и сиятельно извлечется из Тайны желанная Иерограмма, к коей должна быть вознесена молитва Вопрошения. После того никому не останется неизвестным Сокровище, покров, покрывало, завеса, египетский гобелен, укрывающий Пятилучие. Оттуда ход — к Свету, к изъяснению Пентаграммы Таинственного смысла, каббалистического Вопрошенья, на кое лишь немногие ответят и произнесут громоподобным гласом, каков есть Непроницаемый Знак. Склонившись перед этим Знаком таинственным, тридцать шесть Незримых должны будут дать ответ и огласить Руну, смысл коей пронизателен только для сыновей Гермеса и сокрыт под Зломудрствовательной печатью, под Маскою, за кою вырисовывается лик, который они тшатся ощутить, Мистический Ребус, Несравненная Анаграмма...

— Сатор Арепо¹! — восклицаю я голосом, от коего содрогнулся бы призрак. И покидая колесо, в кое вцепившись хватками руками убийцы, он дожидался, Сеятель Арепо предстает, готовый повиноваться. Я узнаю его; я и прежде предполагал, кто он. Это Лучано, инвалид-экспедитор, которого Высочайшие Неведомцы предоставили для исполнения моей задачи, бессовестной и кровавой.

¹ SATOR
AREPO
TENET
OPERA
ROTAS — магический квадрат четвертой степени, то есть читаемый одинаково в четырех направлениях. Приблизительный перевод: "Сеятель Арепо — с трудом держит колесо". Sator Arepo — привычная цитата во многих средневековых текстах.

— Сатор Арепо, — спрашиваю я глумливо, — знаешь ты, каков последний ответ, кой кроется за Возвышенною Анаграммой?

— Ответа я не знаю, граф, — отвечает неосторожный, — и получу его из ваших уст.

Дьявольский хохот срывается с моих бледных губ и отдается под старинными сводами подвала.

— Обольстившийся! Только истинный посвященный знает, что он не знает ответ!

— Да, хозяин, — тупо произносит калека-экспедитор, — как вам будет угодно. Я-то готов.

Мы в убогом подземелии в Клиньянкуре. Этим вечером я покараю тебя, первую из всех прочих, ту, которая обучила меня благородной науке преступленья. Отомстить тебе, той, кто клянется в любви ко мне, и хуже того — сама этому верит, отомстить безымянным врагам, тем, с которыми ты проведешь следующий уик-энд.

Лукиан, неудобный свидетель моего унижения, протянет мне руку помощи (свою единственную) и от нее же и стинет.

Хмурая подклеть с люком посередине пола, ниже которого — промоина, отвод, ответвление подкопа, служившее с незапамятных времен для отгрузки контрабандного товара, тревожаще влажное из-за того, что сообщается с системой канализации Парижа, с криминальным лабиринтом, и старые стены сочатся невысказуемыми миазмами, так что достаточно бы с помощью Лукьяна, преданнейшего во зле, продырявить любую стену, чтоб подземные воды хлынули бы внутрь, порушили кладку, и подвал превратился бы в свободный отдел подземного водоема, и поплыли бы по хлябям смердящие крысы, гнусы, пасюки, пакостища и погань, и черная поверхность, переливающаяся прямо под люком, стала бы преддверием ночного ухода: дальше и дальше до впадения в Сену, дальше и дальше до впадения в море.

В люк опускается веревочная лестница со ступеньками-прутьями, на ее оконечности, у поверхности воды, приманивается Люсьен

со своим ножом. Одной рукой он крепко удерживается за прутья. Другая сжимает кинжал. Третья готова вцепиться в жертву. — Теперь выжидай, и гляди, ни звука, — говорю я ему. — Сам увидишь.

Я уговорил тебя устранить всех незнакомцев со шрамами. Будь моя, стань моею навеки, избавимся от них, от их постылого присутствия, я знаю, что ты не любишь их, ты сама мне это сказала, так останемся же вдвоем, только ты и я, и еще подземные токи.

И вот ты вошла, гордая как весталка, резкая и закоснелая как мегера, — о видение ада, сотрясающее мои столетние чресла, пронзающее мою грудь жгучим укусом страсти! О дивная мулатка, мое проклятие и проруха! Крючковатыми пальцами раздираю сорочку из тончайшего батиста, украшающую мне вырез камзола. Оставляю на груди кровоточащие борозды от когтей, в то время как жестокая жажда жжет мои губы, хладные, будто руки змеи. Глухое рыкание доносится из самых черных каверн моего отчаяния и прорывается сквозь частокол моих звериных клыков — клыков кентавра, изверженного тартаром, — и практически не слышно, как пролетает саламандра, поскольку вой я удерживаю и приближаюсь к тебе с жестокою усмешкой.

— Моя милая, Софья ты моя, — говорю я ей с кошачьей повадкой, присущей коварному начальнику царской Охранки. — Приди, я подждал тут тебя, о побудь же со мною тут в потемках, о пожди, — но ты хохочешь, хрипая, ускользящая, ты предчувствуешь поживу, рукопись "Протоколов Сиона", которую хочешь сторговать царю... Как ты умеешь скрывать за ангельским личиком демонскую твою душу, целомудренно затянутую в единопольные блюджинсики! Полупрозрачная тенниска не дает рассмотреть позорную лилию, выжженную на твоей белой мякоти беспощадным лилльским палачом!

Вступает первая моя недалекая жертва, заманенная в силки. С трудом разглядываю

черты его вида под широким плащом, драпирующим фигуру. Он показывает мне знак провэнских тамплиеров.

Это Соапес, киллер из томарской группировки. — Граф, — обращается он ко мне, — момент настал. Слишком многие годы скитаемся мы, растерянные, по свету. У вас последний отрывок Вести, я же храню другой, тот, который появляется в зачине Великой Игры. Но это уже другая сказка... Объединим же усилия, и объединимся же с теми...

Я завершаю фразу за него: — Тех остальных, к черту. Приди, о брате, посередине этого зала в колодце имеется ларь, в ларе то, что ты ищешь веками. Не опасайся потемок, они не угрожают, а споспешествуют.

Неосмотрительный медленно печатает шаги, почти что наощупь. Затем нырок, угрюмый всплеск. Он рушится в промоину, слышится плесканье. Жестокий Лусано захватывает тело и заносит свое лезвие, горло перерезано в единый миг, и клокотание крови смешивается с бульканьем хтонической жижи.

Кто-то стучится в дверь. — Это ты пришел, Дизраэли?

— Я, — отвечает незнакомец, в котором ты, о мой читатель, несомненно опознал великого магистра английской группы, вознесшегося тем временем на самые высшие ступени власти, но все еще не насытившегося ею. Он говорит: — Мой Лорд, бессмысленно отрицать, поскольку невозможно утаивать, что большая часть Европы опутана сетью этих тайных обществ, так же как поверхность Земли ныне покрывается разветвлениями железнодорожных сообщений...

— Ты уже произносил эти слова в Палате Общин 14 июля 1856 года. От меня не укрывается ничто. Переходи же к сути.

Бэкониианский иудей богохульствует сквозь зубы. Он продолжает: — Их чересчур много. Тридцать шесть невидимых рыцарей сейчас уже стали тремястами шестьюдесятью. Умножь на два, получится семьсот двад-

цать. Вычти сто двадцать лет, по истечении коих отверзнутся врата, и получишь цифру шестьсот, именно столько английских воинов отличилось в атаке под Балаклавой.

Дьявольский хитроумец! Секретная наука тайных числ для него не имеет секретов. — И что же?

— У нас золото, у тебя карта. Объединимся, и станем непобедимы.

Иератическим жестом я указываю ему путь к несуществующей скрине, и он, в ослеплении страсти, стремится туда, где, как ему мнится, мрежат во тьме очертания поместилща. Он рвется — и упадает.

Слышу зловещее бряцанье оружия Лучезара, невзирая на тьму прозреваю, как зарницей озаряются золотушные зеницы бритта. Правосудие совершилось.

Я поджидаю третьего, посланца розенкрейцеров из Франции, Монфокона де Виллара, вечно готового предать (меня успели предупредить) секреты своего отряда.

— Я граф Габалис, — представляется он, лживый и суетный. Будто я мог позабыть, что этим именем зовется герой написанного им же, Монфоконом, романа!

Всего несколько слов шепотом ему на ухо, и вот он направляется навстречу своей доле. Он падает, и Люцин, жаждающий крови, удовлетворяет потребность.

Ты улыбаешься со мной, в этой тени, и говоришь, что ты моя, и твоей пусть станет моя тайна. Обманывайся, обманывайся! Грустная карикатура Шехины... Да, я твой Симон, обожди, ты не знаешь самой важной вещи. А когда ты узнаешь ее, в тот же миг ты перестанешь знать.

Что еще добавить? Один за другим вступают следующие посланцы.

Иезуит Брешиани направил мне оповещение, что представительство от немецких иллюминатов назначена Бабетта д'Ин-

терлакен, девственная героиня его романа "Еврей из Вероны", правнучка Вейстаупта, великая амазонка швейцарского коммунизма, возросшая на обжорстве, разбойничестве и крови. Она обладает несравненным умением овладевать недоступными тайнами, вскрывает депеши, не разламывая печатей, и подмешивает яды по указанию своих принципалов.

Вот и она, юный агатодемон злодейства, окутанная палантином. мех белого медведя. Длинные светлые волосы струятся из-под надвинутой набекрень ушанки. Вызывающий взор, насмешливый рот. Обычным своим обхождением я препровождаю ее прямо в пропасть.

О, ирония языка — этого подарка природы, коим мы снабжены, дабы замалчивать тайны нашего духа! Иллюминатка — "освещенная" — становится добычей Темноты. Слышно, как изрыгает она невероятные проклятия, в то время как Лучано Пятилучный в сердце ей воткнул и там два раза повернул свое оружие. Это уже было, все это уже было... Кафка? Процесс? Ой, какое невероятное "дежа вю".

Настала очередь Нилуса, он в какой-то миг уверовал, будто завладеет и царицею и картой. Вонючий развращенный монах, ты искал Антихриста? Вот перед тобой во плоти, хоть ты не подозреваешь. И в слепоте своей, направляемый мною посредством мистических лестных словес, приступает он к бесславной воронке, где затаивается погибель. Клинком Лучано Лучника в его груди пронзается рана крестообразной формы, и он отходит к непробудному сну.

Я должен преодолеть вековечное недоверие того, кто остается, Сионского мудреца, выдающего себя за Агасфера, за Вечного жида, бессмертного, как бессмертен я. Он не попадает на удочку, сально хихикает в бороденку, напитанную кровью христианских младенцев, над коими он надругался на кладбище Праги. Рачковский знает меня. Но я

должен пересилить его своей хитростью. И я его убеждаю, будто в сундуке хранится не только карта, но еще и неограниченные алмазы, ждущие обработки. Я знаю, как лакомо до необработанных алмазов его христоправящее племя. И он влечется к развязке своего жребия, движимый скарденностью, и своему богу, жестокому и мстительному, посылает он проклятия, погибая от меча, как погиб Хирам. И даже проклятия затруднительно посылать этому богу, поскольку нет возможности выговорить его имя.

Ослепленный! Я полагал, что довел до завершения Великую Дею!

Будто вышибленная вихрем, снова распадается дверь подвала, и на пороге показывается некто с иссиня-бледным лицом, с руками, набожно перекрещенными и застывшими на рясе, с ускользящим взглядом, но он не может утаить свою истинную принадлежность, так как одет в черные одежды своего черного Братства. Один из сыновей Лойолы!

— Мсье Кретино! — вскрикиваю я, вовлеченный в оплошность.

Он подымает руку в лицемерном лживом благословении. — Я не есмь тот, кто я есть, — произносит он с улыбкой, в которой нет ничего человеческого.

Это верно, такова извеку была иезуитская тактика, зачастую они опровергают пред самими собой свое же собственное существование, а в другую минуту превозносят могущество своего ордена, дабы устрашить слабых духом.

— Мы всегда суть иное, нежели полагаете вы, исчадия Велиала, — обращается ко мне этот соблазнитель монархов. — Но ты, носящий имя святого Германия...

— Как ты узнал, кто я на самом деле? — спрашиваю я в тревоге.

Он с угрожающей ухмылкой отвечает: — Мы сообщались в иные годы, когда ты тшился удалить меня от смертного одра Постэля,

когда под именем аббата д'Эрбле я сам предал смерти одну из твоих бранных ипостасей в недрах Бастильского острога (и посейчас ощущаю на лице железную маску, к которой иезуиты, по наущению Кольбера, меня приговорили!), ты знал меня, когда я подлавливал твои тайные стоворы с Гольбахом и Кондорсе...

— Роден! — восклицаю я тогда, будто сраженный молнией.

— Да, Роден, описанный Эженом Сю тайный генерал ордена иезуитов! Роден, которого ты не заманишь в колодезную ловушку, как прочих легковеров! Знай же, о Сен-Жермен, что не существует такого злодейства, такого вопиющего вероломства, такой предательской каверзы, которую мы не применили бы прежде вас и гнуснее, чем вы, во славу Господа нашего, который и есть цель, оправдывающая средства! Сколько коронованных голов покатилося с плеч в те долгие ночи, после коих не наступает утро! и в коварнее, нежели твоя, подстроенные "волчьи ямы"! дабы нам удалось возлadyчитьствовать над миром. А сейчас ты пытаешься препясть тому, что, обретаясь за шаг от цели, мы вцепляемся хищными руками в ту тайну, коя движительствует вот уж пятеро веков историей земного рода?

Своими замысловатыми речами Роден внушает мне страх. Все те инстинкты кровавого, святоотступного и богомерзкого самолюбия, которыми полнились папы периода Возрождения, ныне витают вокруг чела дeтища Игнатия Лойолы. Вижу, вижу: неукротимая воля к властвованию бушует в его нечистой крови, ядовитый пот увлажняет его тело и тошнотворная испарина облаком окутывает его.

Как мне сразить этого последнего противника? Блистательно-интуитивная догадка посещает того, у кого в душе, за множество столетий, не осталось неоскверненных тайников.

— Погляди на меня, — обращаюсь я к нему. — Я ведь тоже Тигр.

Мощным движением я выталкиваю тебя на середину зала, раздираю на тебе тенниску, крушу застежки кирасы, что в обликку на твоих бедрах синеет своим индиго и затушевывает прелести твоего янтарного тела. Теперь ты при бледном свете луны, льющемся в полуприкрытые двери, высишься, обольстительнее змеи, которая соблазнила Адама, чванная и похотливая, девственница и блудница, облаченная лишь в могущество наготы, ибо обнаженная женщина оружна.

Египетский головной убор струится по густым, иссиня-черным прядям, трепещущая грудь проглядывает через легкий муслин. Вокруг маленького выпуклого, упрямого лба золотой аспид со смарагдовыми глазами подымает вверх твоего чела головку с тройным рубиновым жалом. О хламида из черной вуали с серебряным переливом! О кушак с траурными ирисами, вышитыми в черных жемчугах! Женское место, припухшее и чистенько выбритое, с тем чтобы любовникам твое тело было гладко, как тело статуи! Соски грудей, окрашенные кармином, коим напитана нежная кисть твоей невольницы малабарки, тем же кармином, что кровавит твои уста, зазывающие, будто рана!

Роден разинутым ртом хватает воздух. Воздержание длиною в жизнь, жизнь длиною в погоню за властью — все эти годы приуготовливали его к неудержимому взлету желанья. От этой царицы, чарующей и бесстыдной, от смоляных ее, будто очи демона, очей, от округлых бедр, душистых волос, от изнеженной и бархатной кожи всем его существом завладевает воля к непознанным ласкам, к неопишуемому сладострастию, и сотрясается он внутри собственного тела, так дрожит и лесовой бог, завидев обнаженную нимфу, ту, что смотрится в зеркало вод, погубившее прежде Нарцисса. Торчком под монашеской рясой мощно вздыбливается плоть его, будто закаменев от зрелища Медузы, отливаясь в бронзу на излете пожизненно подавлявшейся мужественности, ожоги похоти сводят конвульсиями члены, и весь он будто лук, пере-

гнутой в три погибели, натянутый до последней грани перелома.

Внезапно он валится ниц, вьется ужом перед дивным виденьем, когтистая рука протягивается, вымаливая глоток эликсира.

— О, — хрипит он, — ты прекрасна, о зубки юной волчицы, сверкающие из-за преграды алых и тугих губ... О изумрудные огромные глаза, подчас блистательные, подчас затуманенные страстью. О чудовище притягательности.

Он не в силах переносить собственный пыл, злосчастный! Ты же помаваешь ягодицами под хлопчатно-индиговой броней и поддаешь лоном, дабы колебать флиппер на пределе полного безумья.

— Дивное явление, — сипит Роден, — стань моею на одну только минуту, заверши переходящую негой жизнь, обетованную на службе ревнивого бога, уравновесь мгновением отрады тот адский огонь, к которому встреча с тобой приговаривает меня навеки. Молю, о затронь лицо мое твоими устами, Антинея, Мария из Магдалы, ты, которую я вождедел в лице святых отшельниц, опьянявшихся экстазом, и с которой совокуплялся в лицемерном моем поклонении девственным телесам! О Госпожа, восхитительная как солнце, светлая как луна, вот для тебя отрекаюсь от Бога, и от Святых, и даже от Римского Первосвященства, скажу больше, отрекаюсь и от Игнатия Лойолы, и от преступного согласа, привязывающего меня к иезуитскому Братству, нанеси мне один поцелуй, и пусть я умру в поцелуе.

Он бросается снова вперед, змеясь на окостенелых коленях, со своей задранной рясой, рука еще сильнее вытягивается к недоступной усладе. Внезапно тело его опрокидывается, очи выкатываются из орбит. От жестоких конвульсий черты его нечеловечески искажаются, подобно тому как батарея Вольты одушевляет лицо мертвецов. Синеватая пена пурпуром красит губы, из которых исторгается полузадушенное шипенье, подобно как при водобоязни, поскольку дости-

гая пароксической фазы, как свидетельствует Шарко, ужасающая болезнь — сатириаз, наказание похотливцев — налагает такие же стигматы, каковы приметы бешеных псов.

Это конец. Роден раздражается бессмысленным смехом. И рушится оземь, бездыханный, этот живой образец трупного окостенения.

В один и тот же миг он потерял рассудок, жизнь и загробное спасение.

Мне остается лишь толкнуть тело к роковой воронке, бережась не замарать лаковые сапожки о засаленную ризу последнего противника. Бесполезен стилет лукавого Лукьяна, но верный убийца уже не в состоянии сдержаться от яростного служения своей гекатомбе. Раздается его хохот, и он вонзает сталь в труп, отныне расставшийся с жизнью.

Теперь я влекусь вместе с тобою на окраину адского схода, я ласкаю тебе шею и затылок, в то время как ты клонишься, чтоб насладиться жестокою сценой, я спрашиваю: — Ну, довольна ты своим Рокамболом, любовь моя недостижимая?

И когда ты киваешь, сладострастная, и хихикая рассеиваешь над бездной сладкую слюнку, я нечувствительно креплю пожатие пальцев, что это, о мой возлюбленный? Ничего, София, просто я тебя убиваю, отныне я Жозеф Бальзамо и не имею никакой нужды в тебе.

Наложница Архонтов угасает, погружается в воду. Счастливчик Лучано припечатывает булатом приговор моей безжалостной руки. Я говорю ему: — Теперь ступай сюда, безусловно послуживший, преступный ты мой двойник.

И в то время как он подымается из люка и поворачивает ко мне спину, я вонзаю ему меж лопаток тончайший кортик с трехгранным острием, которое почти не оставляет отверстий. Он низвергается. Захлопываю

люк. Покидаю подвал. Восемь трупов отчаливают в направлении Шатле по скрытым тубам, которые одному мне известны.

Возвращаюсь в свой квартал Фобур Сент-Оноре, заглядываю в зеркало. Вот, говорю я, там лицо Властелина Мира. Из моего полого шпиля буду руководить Вселенной. В определенные минуты собственное могущество кружит мне голову. Я магистр энергий. Я опьяняюсь вседозволенностью.

Горе, горе злосчастному, мне отмщается и воздается. Через несколько месяцев в самой глубокой крипте Томарского замка мне, обладателю секрета подземных токов и господину шести святых мест, в которых обитали тридцать шесть Невидимок, последнему из последних тамплиеров и Верховнейшему Неизвестному всех Верховных Неизвестных, предстоит помолвка с Цецилией, андрогином со льдистыми глазами, от нее же отныне ничто меня не может отъединить. Я нашел ее через много столетий после того, как саксофонист у меня ее отнял. Теперь она разгуливает по спинке садовой скамейки, голубая и русая, и так и неизвестно, что же там у нее под окутывающем розовые чресла тюлем.

Капелла высечена в скале, алтарь увенчан тревожащим полотном с изображением терзаний, что ожидают греховодников в аду. Монахи в опущенных куколях выстроились угрюмым полукругом, но я все еще беззаботен, все продолжаю восхищаться фантазией иберийцев...

Но — чудовищно! — полотно взмывает к сводам, и за нею дивным произведением пещерного Арчимбольдо вырисовывается другая капелла, во всем подобная той, в которой я пребываю, и в той другой пред другим алтарем коленапреклонена Цецилия, а с нею рядом (ледяной пот жемчугом осыпает чело мое, волосы дыбом встают на голове) кто же нагло похваляется своим шрамом? Тот, Истинный Иосиф Бальзамо, неведомым кем-то освобожденный из темницы в замке Сан-Лео!

Что же будет со мной? При этой мысли старейший из монахов подымает свой капюшон, и я наблюдаю кошмарную ухмылку Лучано, кто знает как уберется он от моего стилета, как уцелел в канаве, в кровавой жиже, которая должна была унести его труп на молчаливое дно океанов, как примкнул он к моим врагам ради справедливой тяги к отместке.

Скидывая монашеские одежды, показываются воины, с головы до пят закованные в звонкую сбрую, огненный крест на плаще, непорочном, как выпавший снег. Это провэнские тамплиеры!

Меня хватают, насильно поворачивают мою голову. За мной уже ожидает палач с двумя бесформенными вспомогателями, меня кидают на плаху, огненное клеймо обращает меня в вековечное достояние тюремщиков, и подлая ухмылка Бафомета несмываемо напечатлется на плечо: теперь я понимаю, это затем, чтобы подменить мною узника Бальзамо из Сан-Лео, вернее, чтобы водворить меня в то самое место, которое мне было от веку предопределено.

Но ведь меня опознают, говорю я себе; и поскольку сейчас полагают, будто я на самом деле он, а он на самом деле смертник, кто-то же придет ко мне на помощь. По меньшей мере мои сообщники. Ведь невозможно подменить заключенного так, чтобы никто и никогда этого не заметил, мы же не во времена Железной Маски... Я обольщался! В долю секунды я успеваю осознать все, когда заплечные мастера приклоняют мою голову к медному тазу, откуда пынут зеленоватые испарения. Купорос!

Тряпицей затягивают мне глаза, а лицо с силой вталкивают в яростную жгучую жижу, невыносимая, раздирающая боль охватывает меня, и кожа на скулах, на носу, возле рта, на подбородке сморщивается, чешуйтса, одна секунда, и когда меня оттаскивают за волосы, я не узнаю, ящур, гниль, оспа, невыразимое ничто, аллегория омерзения, я вернусь в ту же камеру, как возвращаются

и те совершившие побег, которые мужественно обезобразили себя, дабы не быть узnanными.

Ах, восклицаю, я проиграл. И если верить повествователю, одно слово излетает из моих отравленных уст, один вздох, один-единственный вопль надежды: Воскресение!

Но воскресение из чего, мой старый Рокамболь, ты ведь прекрасно помнишь условие: не соваться в главные герои! Вот ты и наказан, наказан своим собственным искусством. Ты унижал писателей вымыслов, а теперь — как понимаешь — сам пишешь как они, оправдываясь своей машиной. Сам себя пытаешься убедить: ты только наблюдатель, потому что монитор тебе настолько чужд, будто слова рождаются от кого-то другого. Но ты попался на удочку, и видишь, теперь пытаешься оставить след на песке. Ты осмелился поменять текст Романа мира, и Роман мира опутал тебя своими хитросплетеньями и засасывает в воронку интриги, которую ты не выбирал.

Лучше бы ты сидел на своем острове, Дж. Лимонник, а она бы продолжала думать, что ты помер.

Национал-социалистическая партия относилась к тайным обществам враждебно, поскольку сама представляла собой тайное общество, где имелся великий магистр, расистский гнозис, ритуалы и инициации.

Р. Алло, *Оккультные источники нацизма*.
René Alleau, *Les sources occultes du nazisme*,
Paris, Grasset, 1969, p. 214

98

Думаю, именно в этот период Алье вышел у нас из-под контроля. Именно так выразился Бельбо преувеличенно равнодушным голосом. Я опять отнес тон за счет ревности. Тайно терзаемый властью Алье над Лоренцей, внешне он раздражался из-за влияния, которое Алье приобретал на Гарамона.

Наверное, в том была частично и наша вина. Алье начал охмурять Гарамона еще за год до того, с самого алхимического праздника в Пьемонте. Гарамон допустил Алье к досье данных на ПИССов, с тем чтоб Алье ему отобрал новые жертвы для заманивания в каталог “Изиды без покрывала”. Гарамон советовался с ним по каждому и всякому поводу. По всем признакам, он взял Алье на зарплату. Гудрун, время от времени отправлявшаяся в командировки в глубину коридора, по ту сторону стеклянной двери, в путешествие на край бархатного “Мануция”, с беспокойством рассказывала, что Алье фактически угнездился в “ресепшн” у Грации, диктует ей письма, водит за ручку новых клиентов в кабинет Гарамона, в общем — негодование съедало в фонетике Гудрун последние жалкие гласные — хозяйничает. В это легко было поверить, потому что Алье пропасса уже множество часов и дней в адресном досье “Мануция” и имел возможность набрать массу жирных ПИССов для оципывания в изидический бульон. Но он продолжал рассылать депеши, собирать публику и наводить мосты. Мы же, в сущности, попустительствовали его воцарению.

Бельбо это устраивало. Чем больше было Алье на улице

маркиза Гуальди, тем меньше было Алье на улице Синчиро Ренато, и следовательно, снижалась вероятность, что при мимолетных набегах Лоренцы Пеллегрини — при которых он сиял все откровеннее и откровеннее, не пытаюсь с некоторых пор утаивать свое возбуждение, — все будет испорчено вторжением “Симона”.

Меня устраивало тоже, так как “Изида” начинала казаться мне нудной, а история магии восхитительной. Я полагал, что выкачал из одержимцев все, что было возможно, и охотно переуступил Алье все контакты (и все контакты) с ними.

Диоталлеви устраивало все, потому что мир приобретал в его глазах все меньшее значение. Задним числом я понимаю, что с каждым днем он терял в весе. Я входил в кабинет и видел, что он опускает голову на рукопись, взгляд не выражает ничего, ручка вот-вот выпадет из руки. И при этом не спит.

И еще по одной причине мы, в общем, не возражали, что Алье показывается очень мало, заходит только вернуть рукописи, которые зарезал, и снова исчезает в глубине коридора. Нам, наверно, не хотелось, чтоб он слушал наши разговоры. Спрошенные в лоб, мы сказали бы, что стесняемся или что не хотим из деликатности, так как в нашей игре пародируется та метафизика, которую Алье в определенном смысле чтит. Но по правде — не хотелось нам посвящать его в наше дело. Понемногу над нами брала верх скрытность, свойственная тем, кто знает, что обладает секретом; мы нечувствительно отгесняли Алье в толпу непосвященных, по мере того как медленно но верно, и все менее иронично, усваивали то, что сами же выдумали из головы. К тому же, как выразился Диоталлеви в минуту благорасположения, теперь, имея настоящего Сен-Жермена, на кой нам черт Сен-Жермен предполагаемый.

Алье не реагировал на нашу обособленность. Он элегантно раскланивался и испарялся. До того элегантно, что это все больше граничило с высокомерием.

Как-то утром в понедельник я явился на работу поздовато, Бельбо нервно попросил меня зайти, кликнул и Диоталлеви. — Есть новости, — сказал он. И приготовился рассказывать. Тут в дверях возникла Лоренца. Бельбо был

счастлив от ее прихода, но не терпелось поделиться открытием. Только Лоренца села, снова постучали и всунулся Алье. — О, не беспокойтесь, не вставайте с мест, мой визит будет мимолетен. Не рискну нарушать драгоценное уединение и вмешиваться в беседу столь изысканного общества. Хочу только известить высокочтимую мою Лоренцу, что я в той редакции у господина Гарамона. Надеюсь, что обладаю хотя бы ничтожной властью, дабы привлечь мою дорогую сегодня в полдень, в мой кабинет, на бокал шерри.

В его кабинет. После этих слов Бельбо утратил контроль над собой. В той степени, в которой он мог утрачивать контроль. Он дал Алье выйти и процедил ему вслед сквозь зубы: — Вынул бы лучше пробку.

Лоренца, на излете прощального кокетливо-озорного помахиванья ручкой, спросила Бельбо, что он сказал.

— Туринское выражение. Выражает побуждение кому-либо вытолкнуть пробку из зада, если предпочитаешь в вежливой форме, не соблаговолите ли любезно выпернуть затычку из анального отверстия. Употребляется в отношении кичливо держащейся, высокопарной личности, которая в контексте данного идиоматического выражения воспринимается как раздутая изнутри спесью и соответственно нуждающаяся в запорной арматуре, помещаемой в отверстие сфинктера. Побуждая вышеописанного индивида устранить пневматическую преграду, за счет которой поддерживается наглый и надутый вид, мы предполагаем неминуемое и непоправимое опадение мнимо эрегированных тканей, нередко сопровождающееся резким звукоиспусканием, и конечным результатом процесса должна выступить жалкая и тщедушная фигура, бестелесный фантазм некогда импозантной величественности.

— Я не знала, что ты такой хам.

— Теперь знаешь.

Лоренца вышла, притворяясь возмущенной. Я понимал, что для Бельбо это болезненнее всего: настоящее бешенство его бы умиротворило, в то время как разыгранное оскорбление наводило на мысль, что театральность Лоренцы всеобъемлюща и распространяется даже на проявления страсти.

Именно из-за этого, полагаю, он так решительно взял быка за рога. — За дело. — Что означало: займемся нашим Планом, начнем наконец работать.

— Мне как-то не в кайф сегодня, — сказал Диоталлеви. — Живот побаливает. Гастрит, наверно.

— Какой гастрит! — ответил Бельбо. — Если уж у меня его нету! С чего бы у тебя взялся гастрит, с минералки?

— Видимо, да, — натянуто улыбнулся Диоталлеви. — Вчера я как-то не поберегся. Привык к воде с пузырьками, а тут взял без пузырьков.

— Сорвиголова. Как бы ты от этого не помер. Нет, серьезно, давайте к делу. Я уже два дня лопаюсь от желания рассказать вам. Наконец мы знаем, почему тридцать шесть невидимых кавалеров во все эти века так и не дошли до формы этой самой карты. Джон Дии все перепутал. Всю географию надо переделать. Мы живем в недрах поллой земли и внутри оболочки земной поверхности. Гитлеру удалось до этого дотумкать.

В германском фашизме дух магии
возобладал над рычагами материального прогресса.
Ленин говорил, что коммунизм есть социализм
плюс электричество. В определенном смысле
гитлеризм есть генонизм плюс танковые дивизии.

Повель и Бержье, *Утро магов*.
Pauwels et Bergier, *Le matin des magiciens*,
Paris, Gallimard, 1960, 2, VII

99

Итак, Бельбо сумел найти место Гитлеру в Плане. —
Все на бумаге. Против документа не попрещь. Документи-
ровано, что основатели нацизма завязаны с тевтонским нео-
тамплиерством.

— Куда бы они делись.

— Я не выдумываю, Казобон, на этот раз я правда не
выдумываю.

— Успокойтесь! Что и когда мы выдумывали? Наш
принцип — исходить из объективных данных и в любом
случае из широко доступных материалов.

— И сейчас то же самое. В 1912 году был создан Герма-
ненорден, проповедовавший ариософию, то есть филосо-
фию арийского превосходства. В 1918 году один такой ба-
рон фон Себоттендорфф открывает филиал Германенор-
дена, “Тулэ Гезелльшафт” — “Общество Тулэ”. Это тайная
конгрегация, очередная разновидность Строгого Послуша-
ния Тамплиеров, но с сильной пропиткой расизма, пангер-
манизма и неоарианства. А в 1933 году тот же Себоттен-
дорфф пишет, что именно он заронил семена всего, что по-
том Гитлер сумел вырастить. И вдобавок именно в этой
“Гезелльшафт” появляется символ свастики. Кто же чис-
лится в “Тулэ” с самого первого набора? Рудольф Гесс, аль-
тер эго Гитлера! И Розенберг! И Гитлер собственной пер-
соной! К тому же наверняка вы сами читали в газетах, Гесс
до сегодняшнего дня в своей тюрьме в Шпандау занимает-
ся эзотерической наукой. Фон Себоттендорфф в 1924 году
выпустил книжицу по алхимии, где заявляет, что первые
опыты по расщеплению ядерного ядра подтверждают
принципы Великой Деи. Еще он опубликовал роман о ро-

зенкрейцерах! Ко всему этому, он главный редактор астрологического журнала "Астрологише Рундшау", а Тревор-Ропер писал, что вожди германского фашизма, в первую голову Гитлер, шагу не делали не сверившись с гороскопом. В 1943 году, похоже, они позвали целую команду экстрасенсов, чтобы узнать, в какой тюрьме держат Муссолини. В общем, вся руководящая верхушка гитлеровского фашизма повязана с тевтонским неооккультизмом.

Бельбо, казалось, отвлекся от своей неприятности с Лоренцей, и я старался затушевать эпизод, поддавая исследовательского газу.

— Да, — вторил я, — и значит, в этом свете мы можем рассматривать и деятельность Гитлера как предводителя масс. Физически он был сущий лягушонок, с визгливым голосом, как же ему удавалось так разжигать народ? По-видимому, за счет медиатических данных. Скорее всего, после тренинга у какого-нибудь друида, жившего по соседству, он обучился использовать силу подземных токов. Стал таким себе тычком, антенной, биологическим менгиром. Сообщал энергию течений публике на Нюрнбергском стадионе. Поначалу резонировало хорошо, потом у него подсели батарейки.

Вниманию всего мира: я утверждаю, что земля пустотела и обитаема в середине, что она содержит некоторое число твердых сфер, концентрических, то есть размещенных каждая внутри другой, и что она открыта на обоих полюсах на протяжении двенадцати или шестнадцати градусов.

Дж. Кливз Симмс, капитан от инфантерии, 10 апреля 1818.
Цит. по: Спрэг де Камп и Лей, *Потусторонние земли*.
J. Cleves Symmes, cit. in Sprague de Camp e Ley,
Lands Beyond, New York, Rinehart, 1952, X

100

— Я в восхищении, Казобон, в своей детской невинности вы дошли до блестящей догадки. Истинной и единственной навязчивой идеей Гитлера были подземные течения. Гитлер присоединялся к теории полой земли — die Hohlweltlehre.

— Господа, я пойду, у меня гастрит, — сказал Диоталлеви.

— Погоди, сейчас будет главное. Земля пустая. Мы живем не снаружи, не на внешней выпуклой ее поверхности, а на внутренней, вогнутой. То, что у нас называется небо, это масса газа с областями яркого свечения, и газ заполняет внутренность шара. Все астрономические измерения требуют перерасчета. Небо не бесконечно, оно вписано в сферу. Солнце, если даже оно существует, не крупнее, чем нам кажется на глаз. Это фонарик диаметром тридцать сантиметров в центре земли. Об этом подозревали еще греки.

— Ну это уж ты выдумываешь, — устало сказал Диоталлеви.

— Ну это уж ты ошибаешься. То есть я не выдумываю ровным счетом ничего. В первый раз кинул эту мысль в начале девятнадцатого века, в Америке, некий такой Симмс. Потом в конце века ее подхватил другой американец, Тид, основываясь на алхимических экспериментах и на чтении Исайи. А после первой мировой войны идею довел до кондиции один немец, как там его, который основал даже целое движение Hohlweltlehre. Гитлер же и его приятели

нашли, что теория пустой земли абсолютно соответствует их принципам, и даже — как говорят — ошибались на пробных стрельбах, когда пробовали “Фау-1”, потому что представляли себе траекторию исходя из гипотезы вогнутой, а не выпуклой земной корки. Гитлер на том этапе убежден, что Властителем Мира является он и что генштаб фашистской армии — это Неведомое Начальство. А где должен обитать Властитель сего Света? Внутри, под поверхностью, в каком угодно случае не снаружи. Исходя из этой гипотезы, Гитлер решает повернуть вспять весь ход традиционного поиска, радикально переменить представление о конечном моменте — географической карте и весь стиль интерпретации Маятника. Он решает снова объединить изначальные шесть групп и перепроверить весь счет начиная с нуля. Рассмотрим географию гитлеровских завоеваний... Заявка первая: Данциг, с тем чтобы освоить традиционные места обитания тевтонской группы. Потом Гитлер захватывает Париж, забирает под контроль Маятник и Эйфелеву башню, связывается с синархическими группами и вводит их в правительство Виши. Затем он договаривается о нейтралитете, а по сути даже больше — о сообщничестве с португальским ядром. Четвертой горячей точкой, натурально, становится Англия. Как мы знаем, дело пошло не слишком удачно. Тем временем развязываются африканские кампании для того, чтобы достичь Палестины, но и это у него, как известно, не выгорает. Тогда он ставит все на кон и рвется в бой на территориях павликиан, то есть на Балканах и в России. Когда он уверяется, что в его сфере влияния четыре шестых Плана, он посылает Гесса с секретной миссией и предлагает Англии союз. Бэконианцы наживку не заглотнули. Следовательно, самый существенный элемент тайны не у них. Тут у Гитлера срабатывает интуиция: значит, те, кто держит в руках ключевой обрывок пропавшей грамоты, это они, застарелые враги, иудеи! И совсем необязательно искать их в Иерусалиме, где в тот момент их меньше чем где бы то ни было. Тот фрагмент Вести, что был вручен иерусалимитянам, спрятан вовсе не в Палестине, а в диаспоре. Вот чем объясняется Холокост.

— Как это?

— Ну подумайте минуточку. Вообразите, что вы собираетесь устроить геноцид...

— Пожалуйста, — прервал его Диоталлеви, — отпустите, вы разрезвились, а у меня болит желудок.

— Стоп ни с места! Значит, пока тамплиеры потрошили сарацинов, ты получал удовольствие, потому что это от тебя далеко. А сейчас становишься в моральную позу. Мелкоинтеллигентскую. Мы перекраиваем Историю, и ничто не может внушать нам страх.

Мы стали слушать дальше, загипнотизированные его энергией.

— Что поражает в связи с геноцидом евреев, это длинота процедуры. Сначала их держат в лагерях и морят голодом. Потом раздевают догола. Потом отправляют под душ. Потом методично перерабатывают Джомолунгмы трупов, инвентаризуют одежду, рассортировывают мелкие предметы... Выглядит не так уж рационально, если затеей является убийство и ничего больше. Но довольно рационально в случае, если производится поиск, ищется Послание, которое кто-то из этих многих миллионов человек, иерусалимский резидент тридцати шести Недоступных, сохранял под подкладкой одежды, за щекой, в татуировке на коже... Только Планом может быть объяснена невероятная бюрократизация геноцида! Гитлер обыскивает всех евреев, чтобы найти на одном из них знак, подсказку, чтобы помогла бы ему выявить с помощью маятника конкретную точку, где под вогнутым сводом, который полая Земля сама себе составляет, пересекаются подземные потоки. Таким образом, идея пустотелой земли, если можно так выразиться, материализует тысячелетнюю герметическую догадку: то, что внизу, эквивалентно тому, что наверху! Мистический Полюс совпадает с Сердечником Земли, таинственное сорасположение светил — это оккультный план подземелий Агарты, не существует противоположности между небесами и адом, а Грааль, lapis ex illis (камень изгнания) — на самом деле lapis ex coelis, камень, сошедший с небес. Это Философский камень, который является собою сплетение, границу, срок, хтоническую матку небес! Гитлер, когда сумел бы идентифицировать эту точку в полом центре Земли, то есть в идеальной середине

неба, сделался бы Властелином Мира, Царем которого он является по закону высшей расы. Вот почему до последней возможности, из глубины своего бункера, он надеялся суметь, успеть выявить Мистический Полнос.

— Ну ладно, — сказал Диоталлеви. — Теперь мне правда плохо. Болит, кроме шуток.

— Ему плохо. Не в порядке идеологической полемики, — сказала я.

Бельбо, похоже, понял только теперь. Он вскочил и подхватил своего друга, который склонялся на стол, почти теряя сознание. — Извини, пожалуйста, я просто увлекся. Серьезно, ты ведь не оттого, что я все это говорю? Ты же за двадцать лет меня уже знаешь? Мы вечно шутим. У тебя, видимо, и правда гастрит. В этих случаях нужна таблетка меранкола. И грелка. Пойдем, я тебя отвезу домой, но ты потом обязательно вызови врача, пусть тебя посмотрят.

Диоталлеви отвечал, что доедет до дому один на такси и что он еще не умирающий. Просто надо лечь. Врача обещал позвать. И что дело не в Бельбо, а еще со вчера что-то не в порядке. Бельбо перевел дух и повел его вниз к такси.

Вернулся обеспокоенный. — Так если подумать, уже несколько недель он какой-то дождливый. Под глазами круги... Черт подери, по этой логике я должен был помереть от цирроза десять лет назад, а я как огурчик, а этот аскет заработал гастрит или чего похуже, я начинаю думать, что с него станется и язва. К дьяволу этот План. Жизнь превратилась в сумасшедший дом.

— Ну, я думаю, что таблетка меранкола разрешит проблему, — сказал я.

— Да я тоже думаю. Но хорошо если он положит на пузо грелку. Как-то займется собой.

Qui operatur in Cabala... si errabit
in opere aut non purificatus accesserit,
devorabitur ab Azazale.¹

Пико делла Мирандола, *Магические заключения*.
Pico della Mirandola, *Conclusiones Magicae*

101

Приступ у Диоталлеви был в конце ноября. Назавтра он не пришел, а позвонил сказать, что ложится в больницу. Врач говорит, что вроде беспокоиться нечего, но лучше обследоваться.

Бельбо и я ассоциировали эту его хворь с Планом, который, похоже, мы слишком уж далеко завели. Мы давали понять друг другу, что это иррационально, но ощущали вину. Сейчас во второй раз я чувствовал себя сообщником Бельбо. В первый раз мы сообщда молчали (с Де Анджелисом), второй раз сообщда слишком много говорили. Виноватить себя было иррационально — тогда мы думали так, — но чувство было тяжелое. Поэтому мы на месяц или больше перестали говорить о Плане.

Через две недели Диоталлеви пришел и небрежно сообщил нам, что на время уходит на больничный. Ему прописали лечение, о котором он не стал распространяться, но сказал, что придется ходить в клинику каждые два-три дня и что лечение несколько ослабит организм. Не знаю, куда еще его можно было ослабить: лицом он был точно того же цвета, что волосы. — И бросьте вы эту историю, — сказал он. — От нее портится здоровье, как видите. Розенкрейцеры мстят.

— Не беспокойся, — ответил ему Бельбо с улыбкой, — мы этим розенкрейцерам так всыплем, что они от тебя отвалятся. Нам это мигом, — и щелкнул пальцами.

¹ Занявшемуся Каббалой... ошибшемуся либо не очистясь приступившему, быть пожрану Азазелом (*лат.*).

Лечение продлилось до начала следующего года. Я погрузился в историю магии — в настоящую, серьезную, говорил я себе, а не в нашу выдуманную. Гарамон заходил в нашу епархию почти каждый день, справлялся о здоровье Диоталлеви. — И прошу вас, господа, сигнализируйте мне о любой ситуации, то есть, так сказать, о любой проблеме, если таковая возникнет, и если я, то есть компания может чем-либо помочь нашему достойному другу. Он для меня все равно что сын, скажу больше, все равно что брат. В любом случае мы в цивилизованной стране, хвала господу, и что бы там ни говорили, располагаем прекрасным государственным здравоохранением.

Алье проявил внимание, спросил название клиники и позвонил директору, своему близкому приятелю (и в частности, добавил он, брату одного из наших ПИССов, с которым в последнее время он в самых наисердечных отношениях). Диоталлеви будут лечить по первому разряду.

Лоренца была нежна. Забегала в “Гарамон” почти ежедневно за новостями. Это должно было бы радовать Бельбо, но он и тут находил повод все больше мрачнеть. Ведь она заходила не для него.

За несколько дней до Рождества я слышал обрывок разговора. Лоренца говорила: — Увидишь, потрясающий снег и очень милые комнатеночки. Ты ведь можешь и не кататься на лыжах. Едем? Значит, они собирались куда-то на Новый год. Но когда все снова вышли на работу, Лоренца появилась в нашем коридоре и Бельбо сухо произнес: “С Новым годом”, — и не дал себя чмокнуть в щеку.

Оттоле отшед, мы направились
в местность, зовомую Милестр...
В коей по слухам жительствоует тот,
кто называется Горным Старцем...
И воздвиглась на великих горах,
коиими обставлена долина,
стена толстейшая и великая,
насчитывает вокруг XXX миль,
и двое ворот ведут в ее нутренность,
но потаенных и устроенных внутри горы.

Одорих из Порденоне, *О непознанных вещах*.
Odoricus da Pordenoniensis, *De rebus incognitis*,
Impressus Esauri, 1513, с. 21, р. 15

102

Однажды, в конце января, я пошел забирать машину, которую оставил на улице Маркиза Гуальди, и наткнулся на Салона. Тот выходил из “Мануция”. — Повидались с моим другом Алье, — сказал он. С другом? Насколько я помнил по Пьемонту, Алье его терпеть не мог. Интересно, это Салон что-то вынюживал в “Мануции” или Алье привлек его, чтобы выйти на кого-то там еще?

Не успел я задуматься на эту тему, как Салон предложил мне аперитив, и мы оказались у Пилада. Я никогда не видел Салона в этом месте, но с Пиладом они поздоровались как старые знакомые. Мы сели и он осведомился, как поживает моя история магии. Он и об этом слышал! Я решил пощупать его на предмет пустотелой Земли и насчет Себоттендорффа, о котором упоминал Бельбо.

Салон хихикнул: — Ну ясно, к вам же ходит столько сумасшедших! Об этой истории с пустотелой Землей ничего не знаю. А фон Себоттендорфф, ну что ж, он был странный такой человек... Чуть было не вбил в голову Гиммлеру и компании мысли, самоубийственные для немецкого народа.

— Какие мысли?

— Восточные фантазии. Он опасался евреев и обожал арабов и разных турок. Ну, а вообще вы знаете, что на письменном столе у Гиммлера вместе с “Майн Кампф” постоянно находился Коран? Себоттендорфф в молодости по-

бывал под влиянием не помню там какой турецкой тайной секты и изучал исламский гнозис. Он произносил “Фюрер”, а думал о Горном Старце. И когда они вместе основали СС, они имели в виду организацию наподобие ассасинов... Вы задумайтесь, почему в первой мировой войне Германия с Турцией выступили союзниками...

— Откуда же вам известно все это?

— Я, кажется, уже говорил вам, что мой покойный папа работал в России в Охране. Ну вот, я помню, что в те времена царская полиция интересовалась ассасинами, кажется, по инициативе в первую очередь Рачковского... Этот след не был хорошо изучен, потому что к чему имели отношение ассасины, к тому не имели отношения евреи, а опасность тогда исходила как раз от евреев. Тогда и всегда. Евреи возвратились в Палестину и заставили остальных выбраться из пещер. Но вообще-то история запутанная, давайте не будем продолжать.

Казалось, он сожалел о том, что рассказал слишком много, и поторопился откланяться. Потом случилась еще одна странность. После всего, что стряслось потом, сегодня я могу быть уверен, что мне не померещилось, но в тот день я сказал себе, что наверняка галлюцинирую, когда поглядел вслед Салону и увидел, что на углу его дожидается какой-то восточный человек.

В любом случае Салон наговорил достаточно, чтобы довести мое воображение до оргазма. Горный Старец и ассасины для меня не были незнакомцами. Я занимался ими для диплома, поскольку тамплиеров обвиняли, в частности, в сношениях с теми. Как можно было не задействовать подобных персонажей?

В тот день я нашел новое занятие своей фантазии, а в первую очередь — пальцам, которым пришлось перетрясти дикую уйму старых карточек. И наконец выработал такую убойную концепцию, что никак не мог удерживать ее при себе.

В одно прекрасное утро я ввалился к Бельбо в издательство. — Они все спутали! Мы все спутали!

— Тише, Казобон, кто что спутал? О Господи, опять этот План? — он поколебался. — Знаете, насчет Диоталлеви...

Ничего хорошего. Он не говорит, я позвонил в клинику, и со мной не хотели разговаривать, потому что не родственник. Ну нет у него родственников. Кому же им заниматься? Но мне не понравилось, что они так мямят. Что-то там доброкачественное вроде бы, но терапия не дает ожидаемых результатов, так что надо бы его госпитализировать на месяцок и попробовать хирургию... В общем, они очень уклончивы, и я как-то занервничал.

Я не знал, что отвечать, и принялся листать какую-то ерунду, чтобы замаять свое триумфальное явление. Но не сумел выдержать сам Бельбо. Он был как игрок, перед которым помахали колодой карт. — Ладно, к чертям, — сказал он. — Жизнь, к сожалению, продолжается. Валяйте.

— Они все спутали. И мы спутали все или почти все. Так вот. Гитлер сделал известно что с евреями, но ничего не откопал. Оккультисты в половине мира столетие за столетием зубрили иврит, рыли где только можно, но самое большее, что у них осталось в руках, это гороскопы. Почему, по-вашему?

— М-м.. Ну, потому, что иерусалимский фрагмент все еще упрятан в надежном месте. С другой стороны, и фрагмент павликиан не обнаружен, насколько нам известно...

— Ответ в стиле Алье. Но не в нашем стиле. У меня есть нечто поавантажнее. Евреи ни при чем!

— В каком смысле?

— Евреи ни при чем к Плану. Никакого отношения. Вообразите круг общения тамплиеров, сначала в Иерусалиме, потом в капитанствах Европы. Французские рыцари контактируют с немецкими, контактируют с португальцами, с испанцами, с итальянцами, с англичанами, все они вместе как-то соотносятся с византийским ареалом, но особенно много точек соприкосновения у них с непосредственным неприятелем: с турками. Неприятель, с которым сражаются, но с которым, как мы знаем, довольно часто садятся и за стол переговоров. Вот какие силы расставлены в тот момент на поле, и взаимоотношения складывались между благородными людьми, людьми единого круга. А кем были евреи в те времена в Палестине? Религиозным и национальным меньшинством, терпимым и уважаемым арабами, которые относились к ним добродушно-снисходи-

тельно, и жутко унижаемым христианами, которые, не будем забывать, в ходе крестовых походов, скажем даже “похода”, громили гетто. И что же, мы думаем, что тамплиеры, при всем их высокомерии, стали бы перенимать мистические теории от евреев? Никогда в жизни! Далее, капитанства Европы воспринимали евреев только как ростовщиков, как персон нон грата, которых принято использовать, но не принято принимать. А в Плане задействованы кавалеры, и мы говорим о духовной кавалерии, духовном рыцарстве. Как мы могли допустить, что провэнские храмовники заводили знакомства с личностями последнего разбора? Нет, конечно!

— Но вся возрожденческая магия основывается на изучении Каббалы...

— Естественно, потому что время близится уже к третьей встрече, люди хватаются за что попало, ищут решения загадки, древнееврейский язык кажется таинственным и сакральным, каббалисты работают по собственному почину и ради иных целей, и тридцать шесть разбросанных по миру начинают думать, что неудобоваримый язык может таить в себе какие-то откровения. Да, Пико делла Мирандола действительно пишет: “*nulla nomina, ut significativa et in quantum nomina sunt, in magico opere virtutem habere non possunt, nisi sint Hebraica*”¹. Ну и что из этого? Пико делла Мирандола был ослороп!

— Назовем вещи своими именами!

— Да! И как итальянец он не был охвачен Планом. Что вообще он мог знать? Еще хуже со всеми бесконечными Агриппами, Рейхлиными и прочими, всеми, которые рванули по ложному следу. Я прослеживаю, как и когда сложился ложный след, понимаете? Мы сбились с толку из-за Диоталлеви, потому что он подкаббаливал. Диоталлеви подкаббаливал, и мы завели евреев в План. Но если бы Диоталлеви возлюбил китайскую культуру, запустили ли бы мы в План китайцев?

— Наверно, да.

— Наверно, нет! Но не будем раздирать на себе одежды,

¹ Никакие имена, дабы возымели значение и являлись бы поэтому именами, в магическом деле не могут обладать достоинством, если только не Еврейские (лат.).

поскольку за ошибку ответственны все. Все, от Постэля примерно, и далее через века. Все уверили себя через два столетия после гибели Провэна, что шестая группировка — иерусалимская... Нет, нет и нет!

— Простите, Казобон, но ведь именно мы отредактировали версию Арденти и постановили, что свидание на камне — это значит не Стонхендж, а камень Мечети Омара.

— И тоже неверно. Камней полным-полно, нам следовало думать не о камне, а о постройке, установленной на камне, на скале, на утесе, на откосе, на обрыве... Шестая группа сидит в твердыне Аламут!

И появился Каир, держа в руках скипетр,
 означающий царственность,
 и дал его первому сотворенному богу,
 и тот принял и сказал:
 “Твое тайное имя будет состоять из
 тридцати шести букв”.

Хасан ибн Саббā, Саргозашт ибн Саййид-нā,
 Hasan-i Sabbāh, Sargozašt-i Sayyid-nā

103

Главный аплодисмент я сорвал, оставалось его оправдывать. Следующие дни были заняты демонстрацией доказательств, длинных, подробных, документированных, и за столиками “Пилада” я передавал в руки Бельбо улику за уликой, а он со все сильнее туманившимся взором зажигал сигарету от предыдущей и через каждые пять минут откидывал в сторону руку с опустевшим стаканом, в котором на доньшке добрякивал призрак льдинки, и Пилад кидался снова наполнять стакан, не ждя никаких призывов.

Первые источники были те же самые, в которых содержались и первые упоминания тамплиеров. От Герарда Страсбургского до Жуанвиля. Тамплиеры состояли в контакте, можно сказать в конфликте, можно сказать в секретном союзничестве с ассасинами Горного Старца.

На самом деле положение, естественно, было сложнее. Все началось после смерти Магомета, в момент раскола между последователями исконного Закона, суннитами, и приверженцами Али, зятя Пророка, мужа Фатимы, обойденного верховной властью. Те, кто поддерживал Али, именovali себя аш-Ши’а (“партия”), и их усилиями было создано еретическое ответвление в исламе — шиитство. Эта инициатская доктрина отождествляет преемственность откровения не с традиционной медитацией над словами Пророка, а с личностью Имама, государя, царя, богоявленного, богоизбранного, Властелина Мира.

Какой же путь прошло это еретическое течение ислама, впитывая в себя всевозможные эзотерические учения

средиземноморского бассейна, от манихеев до гностиков, от неоплатоников до иранского мистицизма, — влияния, на которые мы ухлопали месяцы и годы, прослеживая их бытование в контексте Западной Европы? Путь запутанный и долгий, не все нам удалось разложить по полочкам, арабские мыслители и деятели имели невыговариваемые имена, которые вдобавок в серьезных публикациях кругом обвешивались диакритическими знаками, и после дня работы нам не очень-то легко давалось проведение различий между Абӯ 'Абди'л-лā Муḥаммадом б. 'Али ибн Раззāмом ат-Ṭā'й аль-Кūфй, Абӯ Муḥаммадом 'Убайду 'л-лōй и Абӯ Му 'ини 'д-Дйн Нāзиром ибн Хозровом Марвāзй Кобāдьяйн. Думаю, что для араба должно быть так же муторно разбираться между Аристотелем, Аристоксеном, Аристархом, Аристидом, Анаксимандром, Анаксименом, Анаксагором, Анакреонтом и Анахарсисом.

Тем не менее бесспорно одно: шиитство расщепилось на два основных течения, одно из которых — “ожидающие двенадцатого имама” — нацелено на пришествие сокрытого властелина, а другое, носящее имя исмаилитства, сформировавшееся при правлении Фатимидов в Каире, а потом расцветшее в форме ревизионистского исмаилитства в Персии, связано в основном с именем поразительного, мистичного и безжалостного героя, Хасана ибн Сабба. Хасан действовал из своего опорного центра, из неприступной крепости в Казвине (на юго-запад от Каспия), именовавшейся замком Аламут, “Гнездом хищного”.

Там Хасан начиная с 1090 года окружил себя приверженцами, федаинами, готовыми за него на гибель, и использовал их для устранения политических противников в ходе “джихād хафй”, священной и тайной войны. Федаины, или как там они произносятся, прославились под именем ассасинов (“убийцы” на некоторых европейских языках). Не слишком красиво звучит, но тогда звучало просто великолепно и символизировало братство воинов-монахов, донельзя напоминавших тамплиеров и готовых пожертвовать жизнью за веру. Духовное рыцарство. Вот вам.

Твердыня или крепость Аламут. Камень. Построенная на воздушном хребте скалы, протяженностью четыреста метров и шириной максимум тридцать шагов, издаലെка,

тем, кто подъезжал по дороге, ведущей в Азербайджан, она показывалась просто стеною, белой, спаленной солнцем, голубоватой на пурпурном закате, бледной на расвете и кровавой на заре, в некоторые дни почти призрачной среди сизых облачных скоплений или в сиянии зарниц. По верху стены почти не различались зазубрины четырехугольных башен, а снизу крепость представлялась скоплением отрогов, тянущихся в высоту на сотни метров и угрожающих для всякого, кто осмелится подниматься. Единственным путем туда казался скользкий гравийный скат, но по нему и до сих пор археологи не сумели вскарабкаться. Конечно, имелась какая-то винтовая лестница, выгрызенная в стене, червячный ход в это ископаемое яблоко, такую крепость мог оборонять гарнизон из одного солдата. Совершенно неприступная, головокружительно потусторонняя, Аламут. Опора убийц. Добраться туда можно было только верхом на орле.

Оттуда Хасан и царствовал, а после него все те, кто стали известны под именем Горного Старца, прежде прочих — Хасанов адский престолонаследник, прозывавшийся Рашид ад-Дин Синан.

Хасан разработал технологию властвования над своими и над чужими. Чужим он доводил до сведения, что если они не склонятся перед его волей, он их убьет. От ассасинов спастись было нереально. Низам аль Мульк, главный визирь султана, в то время как крестоносцы пыхтели, осаждая Иерусалим, был запросто уничтожен в собственных носилках, несомый к наложницам. Его заколол ассасин, переодевшийся дервишем. Атабек Хомса вышел из своего дома в пятницу на молитву, с ним шла орава вооруженных до зубов охранников, но его все равно зарезали люди Горного Старца.

Синан решил прикончить одного из христиан, маркиза Корrado ди Монферрато, и обучил двух своих солдат, и они сумели перебежать к неверным, подражать их языку и повадкам и слиться с ними. На пиру у епископа Тирского, дававшегося в честь ничего не подозревающего маркиза, двое лжемонахов набросились на того и нанесли ранения. Одного ассасина зарубила стража, другой удрал, укрылся в церкви, дождался, пока туда принесли раненого, скакнул на него, прикончил, и счастливый принял смерть.

Секрет был в том, комментировали арабские историографы-сунниты, и то же писали составители христианских хроник, от Одориха из Порденоне до Марко Поло, что Старец выдумал жесточайший способ подчинять себе своих воинов вплоть до полной и последней самоотдачи, создавая непобедимые механизмы войны. Он переносил их в младенчестве, во сне, на свою голубятню. Он растил их в неге и наслаждениях, поставлял им вино, женщин, цветы, изысканные лакомства, он одурманивал их гашишем (откуда идет название секты). А когда они уже не могли помыслить свою жизнь без услад этого подобия рая, он усыплял их, выносил из замка и ставил перед дилеммой: иди и убивай, если ты справишься, этот оставленный тобою рай снова станет твоим и навсегда твоим останется, а если не справишься, ты обречен геенне обыкновенности.

И те, ошалелые от наркотиков, послушные его воле, жертвовали собой, умножая без счета жертвы, смертники-смертоносцы, пострадавшие сеятели страданья.

Как их страшились, как мифологизировали их крестоносцы в безлунные ночи, когда над пустыней свистал самум! Как ими восхищались тамплиеры, эти тягловые быки в ярме яростного мученичества, нередко оказывавшие ассасинам поблажки в обмен на ответные любезности; так и вилось переплетение взаимных уступок, союзничеств, братств по оружию, среди поединков с открытым забралом и потаенных дружеских встреч, а тут уж совершался и шепотной обмен таинственными познаниями, видениями, магическими формулами и алхимическими рецептами.

Тамплиеры переняли оккультные ритуалы от ассасинов. Только бестолковые бальи и инквизиторы короля Филиппа могли не додуматься, что плевок на крест, поцелуй в анус, черный кот и Бафомет означают отзвуки иных ритуалов, тех самых, которые тамплиеры совершали под воздействием главного секрета, воспринятого ими в восточных странах, а именно гашиша.

Таким образом, нет сомнений, что План родился, должен был родиться именно там: от людей Аламута тамплиеры проведали про подземные течения, с людьми Аламута тайно повстречались в Провэне и учредили тайный согляд тридцати шести Непостижимых. Потому-то Христи-

ан Розенкрейц паломничал именно в Фес и в другие священные города Востока, потому-то Востоком так интересовался Постэль, потому с Востока, из Египта, с родины исмаилитов-фатимидов, чародеи времен Возрождения импортировали свое божество, эпоним Плана, Гермеса, Гермеса-Теута или Тота, и египетскими рисунками уснащал свои священнодействия интриган Калиостро. А иезуиты, иезуиты-то, вовсе не такие тупые, как нам было показалось, в лице отца Кирхера просто набросились на иероглифы, на коптский язык и иные восточные наречия, древнееврейский им был нужен только для отвода глаз, как уступка моде сезона.

Эти тексты не обращены к простым смертным...
 Гностическая апперцепция рассчитана на элиту...
 Ибо, говоря словами Библии,
 незачем метать жемчуг перед свиньями.

Камаль Жумблатт, Интервью газете "Ле Жур", 31.3.1967

*Arcana publicata vilescent: et gratiam prophanata amittunt.
 Ergo: ne margaritas objice porcis, seu asino substerne rosas*¹.

Иоганн Валентин Андреаэ,
Химическая свадьба Христиана Розенкрейца.
 Johann Valentin Andreae,
Die Chymische Hochzeit des Christian Rosencreutz,
 Strassburg, Zetzner, 1616, frontespizio.

104

Однако пойдя отыщи тех, кто затаился на камне на шесть столетий. Аламут в какой-то момент пал, сметенный монгольской ордой, а секта исмаилитов расплодилось по всему Востоку. Во-первых, она слилась с суфизмом не шиитского толка, во-вторых, породила кошмарную секту друзей, вдобавок это движение развилось и среди индийских ходжей, последователей Ага Хана, в непосредственной близости к расположению Агарты.

И еще я откопал вот что. При правлении Фатимидов герметические познания древних египтян, через Академию Гелиополиса, снова вошли в моду в Каире, и в этом городе был открыт Дом Науки. Дом Науки? Не отсюда ли Бэкон почерпнул свою идею Соломонова Дома, который послужил моделью для Консерватория?

— Да, все сходится, и нет никаких сомнений, — повторял опьяненный Бельбо. И спохватывался: — А как же каббалисты?

— Параллельная история. Иерусалимские раввины угадали, что тамплиеры с ассасинами о чем-то договорились. И тогда испанские раввины пошли кружить по свету

¹ Тайны опубликованные стареют; явленные профанам, благодать теряют. Так не мечи свои перлы свиньям, не подстилай розы ослу (*лат.*).

под видом ростовщиков, снабжавших деньгами европейские капитанства, выискивать и вынюхивать. Их не пригласили секретничать! Что ж, вопрос национальной гордости — доведаться, в чем же дело. Что! Нас, Богоизбранный Народ, не подпускают к Тайне Тайных? Хлоп, так рождается каббалистическая традиция, героическая попытка людей диаспоры, людей отверженных утереть нос начальству, которое вбило себе в голову, будто знает все.

— Кончилось тем, что они внушили христианам, будто сами знают все.

— И пришел час, когда не знаю кто совершил невероятный ляп. Исмаила спутал с Израилем.

— Ошибка паре согласных! А привела она к Баррюэлю, “Протоколам” и истреблению евреев!

— Шесть миллионов евреев уничтожены из-за ошибки Пико делла Мирандола.

— Не исключено, что имеется и еще одно объяснение. Избранный Народ объявил себя толкователем Книги, и это распространилось в форме навязчивой идеи. Но все прочие, не нашедши в Книге ничего, захотели мстить. Люди боятся тех, кто ставит их нос к носу с Законом. Да, но ассасины, почему о них ни слуху ни духу?

— О господи, Бельбо! Вы вспомните, в какое состояние пришли все те места после сражения при Лепанто и в последующие века. Ваш Себоттендорфф, кстати, подозревал, что кое-что следует искать у турецких дервишей. Но Аламут исчез бесследно, все они затаились бог знает где. Выжидали. И вот настал их момент. На волне исламского экстремизма и они поднимают головы. Мы ввели Гитлера в План и нашли объяснение второй мировой войне. Введя в План аламутских ассасинов, объясним и то, что творится в последнее время на берегах Средиземного моря и в Персидском заливе. Найдется применение и для выдуманных нами ТРИС — “Тамплиеров-Рыцарей Интернациональной Синархии”. Видимо, эта международная организация призвана координировать деятельность духовных кавалерий, принадлежащих различным религиям!

— Или же повышать конфликтность, с тем чтобы рассорить всех со всеми и ловить рыбу в мутной воде. Все кристально ясно. Закончен наш труд по перекраиванию ис-

тории. Надо думать, в час Икс болтающийся Маятник укажет на Аламут?

— Не опережайте. Оставим лучше в подвешенном состоянии.

— Каламбур.

— Разумеется... Мы не из тех, кто валит все в одну кучу.

— Научная строгость — наш девиз.

В тот вечер я был просто в восторге оттого, что слудил препрелестную историйку. Это был подход эстета, использующего плоть и кровь мира для достижения Красоты. А у Бельбо был подход адепта. Он был адепт, как многие, не под воздействием откровения, а *faute de mieux* — за неимением лучшего.

Claudicat ingenium,
delirat lingua, labat mens.¹

Тит Лукреций Кар, *О природе вещей*, III, 453.
Titus Lucretius Karus, *De rerum natura*, III, 453

105

Думаю, именно в эти дни Бельбо попробовал объяснить сам себе, что же с ним происходит. Но суровый приговор, который он себе вынес, не уберег его от Зла, к которому он уже начал приучаться.

Имя файла: А что если?

Изобрести План. План оправдывает тебя до такой степени, что не несешь ответственности даже за сам тот План. Кинешь камень уберешь руку. Не существует провалов, потому что на все имеется свой План.

Ты так и не поимел Цецилию, потому что Архонты сотворили Аннибале Канталамессу и Пио Во бесчувственными к дружественнейшему из духовых медных. Ты бежал с поля брани при Каналетто, потому что Деканы предназначили тебя для иного холокоста. А у человека со шрамом просто талисман более мощен, чем твой.

Есть План, есть виноватый. Мечта рода чело... An Deus sit. Если Бог есть, он виноват сам.

Я потерял ключ не от Конца, я потерял ключ от Начала. Ищем не объекты для обладания, а субъекта, который нами обладает. В миру и смерть красна, что скажет Миф на это? Что это александрийский ямб.

В миру и смерть. Кому принадлежит мысль, самая успокаивающая из всех когда бы то ни было помышленных? Никто не переубедит меня, что сей мир — порождение сумеречного

¹ Разум хромееет, язык заплетается, ум убывает (пер. с лат. Ф.А. Петровского).

бога, тень которого продолжается мною. Вера ведет к Абсолютному Оптимизму.

Сознаюсь, я прелюбы творил (или не творил), но виноват Бог, не сумел разрешить проблему Зла. Бог с ним, эмбриона мы истолчем в ступке с медом и перцем. Бог того желает.

Если уж действительно надо верить, добро пожаловать религия, которая не внушает чувства вины. Религия бессвязная, дурманная, подземная, бесконечная. Религия-роман, а не религия-богословие.

Пять путей к одной и той же конечной точке. До чего неэкономно. У нас лучше: лабиринт, который приводит везде и в никуда. Чтоб умереть красиво, надо жить в барокко.

Только при "Дурном Демиурге" мы сами — хорошие.

А что если космического Плана нет?

Что за издевательство, жить в изгнании, куда никто тебя не гнал. В изгнании из места, которого нет.

А что если он есть, План, но ускользнул от тебя навсегда?

Когда религия недомогает, искусство помогает. План изобретаешь ты сам, как метафору Того, кто Непознаваем. Договор между людьми способен заполнить пустоту. Мне не опубликовали "Серце и стрась", потому что я не вхсжу в тамплиерское лобби.

Жить как будто бы План есть: камень философов.

If you cannot beat them, join them. Не можешь их победить — примкни к ним. Если План есть, приспособимся...

Лоренца меня испытывает. Пытает. Смирюсь. Был бы я настолько смирен, чтобы воззвать к Ангелам, хотя б и не веря, и очертить верный круг, — заработал бы покой. И то не точно.

Думаешь, что есть секрет, и сам себя чувствуешь засекреченным. Запросто.

Создать великую надежду, которую невозможно искоренить, так как корня у нее нет.

Коль у тебя нет предков, то нет и риска, что они закатят скандал: предал традиции семьи. Хочу религию, которую соблюдаешь, предавая ее без конца.

В точности как Андреаз. Выдумать смеху ради самое великое откровение в истории и в то время как другие ради него убиваются, клясться до скончания твоего века, что придумал его не ты.

Сработать некую истину расплывчатых очертаний. Чуть кто попытается определить эту истину, ты его отлучаешь. Оправдывать только тех, кто еще расплывчатее, чем ты. *Jamais d'ennemis à droite*. Ни одного врага с правого боку.

Зачем писать романы? Перепишем Историю. Историю которая потом станет.

Почему бы не поселить его в Дании, милый Вильгельм Ш.? Джо Лимонадник Иоганн Валентин Андреаз Лукоматфей путешествует по Малайскому архипелагу: Зондские острова от Патмоса до Авалона, от Белой Горы к Минданао, от Атлантиды в Фессалоники... На Никейском соборе Ориген отрезает себе тестикулы и кровавые их протягивает отцам Города Солнца и Хираму, который хихикает: *filioque, filioque*, пока Константин засаживает коршуны ногти в глазницы Роберта Флудда, гибель, гибель иудеям антиохийского гетто, *Dieu et mon droit*, пусть вьется по ветру Босеан, вперед на офитов и борборитов, что там они злокозненное борборячат? Трубят трубы и появляются Добродетельные Кавалеры Святого Града, воздевши голову Мавра на пику, Ребис, Ребис! Грохочет магнитная буря, валится Эйфелева башня. Скалит зубы Рачковский над обугленным трупом Жака де Молэ.

Я не поимел тебя, но я делаю что захочу с Историей.

Если проблема — это отсутствие сущности, если сущность — это то, что называется тысячью способов, то чем больше говорить, тем в большей степени сущность есть.

Мечта всей науки, это чтобы сущности

было немного, концентрированной и произносибельной: $E=mc^2$. Ошибка! Чтобы спастись с самого начала вековечности, нужно хотеть, чтобы сущности было Бог знает сколько. И чтоб она была запутанной, как змея, завязанная в узел пьяными матросами.

Выдумывать, сумасшедше выдумывать, не обвиняясь логическими связками, чтобы уже не мочь сделать резюме. Простая игра в салочки эмблемами, одна соотносится с другой, без перерыва. Распотрашивать мир в сарабанду анаграмм с цепной реакцией. И верить в Невыразимое. Не это ли есть настоящее чтение Торы? Истина — это анаграмма анаграммы. Anagrams = ars magna. То есть великое искусство.

Вот что, по-видимому, случилось в эти недели. Бельбо решил отнестись серьезно к мирозданию одержимцев не от избытка, а от недостатка веры.

Униженный своею неспособностью творить, притом что всю жизнь он использовал фрустрированные желания и не написанные страницы, первые как метафоры вторых и вторые как метафоры первых, и то и другое под знаком этой его предполагаемой, недоказуемой трусости, теперь он отдал себе отчет в том, что, составляя План, на самом деле он творил. Он влюблялся в своего Голема и обретал в нем опору для утешения. Жизнь (его собственная и человечества) как искусство, а за недостатком искусства искусство как обман. *Le monde est fait pour aboutir à un livre (faux)*. Мир сотворен, дабы отлиться в книге (ложной). Но в эту ложную книгу он старался верить, потому что он все-таки ее создал, и если заговор действительно существовал в мире, он, Бельбо, переставал быть трусом, пораженцем и нерадивцем.

Отсюда все то, что произошло впоследствии, то есть использование Плана, который он считал нереальным, против соперника, которого он считал реальным. А потом, когда Бельбо заметил, что План захватывает его как если бы он был, — или как если бы он, Бельбо, был сделан из того же теста, из которого и План, — он вылетел в Париж как бы навстречу откровению, как бы за реваншем.

Умученный ежедневным угрызением, длящимся годы и годы, что имеет дело исключительно с собственными фантазиями, он почти что был рад столкнуться с фантазиями, принимавшими объективный характер, ведомыми кому-то еще, даже если этот кто-то еще был враг. Бельбо полез на рожон? Безусловно, но этот "рожон" наконец перестал быть непонятным словом, а стал реальнее Джона Лимончика, реальнее Цецилии, реальнее Лоренцы Пеллегрини.

Бельбо с его синдромом упущенных okazji ныне готовился принять настоящий вызов. И все складывалось так, что он даже не мог дезертировать по трусости, потому что был приперт к стене. Страх вынуждал его к бесстрашию. Выдумывая, он сотворял принцип реальности.

Список № 5: шесть маек,
шесть пар подштанников
и шесть носовых платков —
до сих пор продолжает интриговать ученых:
почему отсутствуют носки?

Вуди Аллен, *Список Меттерлинга*, в сб. "Сводя счеты".
Woody Allen, *Getting Even*, N.Y., Random House, 1966,
"The Metterling List", p.8

106

Примерно в это же время, около месяца назад, Лия решила, что мне необходимо отдохнуть. Не меньше месяца. У меня загнанный вид, как выразилась она. Наверное, План меня измотал. И нашему ребенку, по терминологии бабушек, требовался воздух. Мы взяли у друзей ключи от их домика в горах.

Мы отправились не сразу. Надо было закончить дела в Милане, и к тому же Лия сказала, что нет лучше отдыха, чем дома, когда уверен, что скоро уедешь отдыхать.

В эти дни я впервые заговорил с Лией о Плане. До того она слишком была занята ребенком. Ей было известно только в общих чертах, что мы с Бельбо и Диоталлеви разгадываем какой-то кроссворд, корпим днями и ночами, но подробности я ей не рассказывал, особенно после того как она прочла мне памятную лекцию о психозе совпадений. Наверное, мне было немножко стыдно.

Теперь же наконец я изложил ей План во всех мельчайших подробностях. Она знала о трагедии с Диоталлеви, и я не мог отделаться от ощущения вины, как будто бы я совершил что-то недозволенное, поэтому, рассказывая, я постоянно подчеркивал, чем это все является в конечном счете: бравада, игра.

Лия сказала: — Пиф, мне эта история не нравится.

— А разве не красиво?

— Сирены тоже были красивые. Послушай. Что ты думаешь о своем подсознательном?

— Ничего. Даже неизвестно, есть ли оно вообще.

— Вот именно. Началось с того, что один венский без-

дельник для развлечения приятелей выдумал кучу Эгов, Суперэгов и Эсов, серию снов, которых никто никогда не видел, и ораву маленьких Гансов, которых не было на свете. К чему это все привело? Миллионы людей с готовностью превратились в невротиков. Тысячи других людей пользовались и пользуются этим для личного обогащения.

— У тебя, Лия, мания преследования.

— Не у меня, а у тебя самого.

— Хорошо, у нас у обоих мания преследования, но хотя бы с одним фактом ты не можешь не согласиться. Мы исходили из записки Ингольфа. Извини, когда у тебя оказывается в руках завещание тамплиеров, хочется расшифровать его, нет? Может быть, мы немножко утрировали. Хотелось позлить всех прочих расшифровщиков... Но послание-то налицо.

— Начнем с того, что налицо только то, что ты знаешь от своего Арденти, который классический врун и мошенник. И вообще это ваше послание, посмотреть бы еще на него.

— Нет ничего проще, вон в верхней папке.

Лия взяла листок, просмотрела его спереди и сзади, наморщила нос и отодвинула челку, чтобы получше разглядеть первую шифрованную половину. Потом она спросила:

— Это все?

— А тебе мало?

— Мне вполне хватит. Мне надо два дня на это дело. — Когда Лия заявляет, что ей требуется два дня, обычно это для того, чтобы продемонстрировать, что я балбес. Я говорю, что это плохая привычка, но она отпирается: — Если я убеждаюсь, что ты действительно балбес, и все равно тебя люблю, значит, это настоящее чувство.

В течение двух дней мы к этой теме не возвращались, да по правде сказать, Лии почти что не было дома. Вечерами она сидела скорчившись в углу и что-то писала, а потом рвала.

Потом мы отправились в горы. Наш сын целый день барахтался на лужайке, вечером Лия уложила его спать, приготовила ужин и велела мне есть как следует, потому что я худ как скелет. После ужина она попросила смешать

ей двойной виски, много льда и мало соды, закурила сигарету, что она делает очень редко, и произнесла речь.

— Дорогой Пиф, сейчас я попробую доказать тебе, что самые простые объяснения — всегда правильные. Этот ваш полковник сказал, что Ингольф нашел послание в Провэне. Не будем подвергать сомнению посылку. Пусть действительно он спустился в подземелье и действительно откопал вот это, — и она постучала пальцем по французским строкам. — Но никто не доказал, что он добыл там шкатулку, осыпанную бриллиантами. Согласно записям Ингольфа, он продал какой-то ларец. Почему бы и нет, старая вещица, ему могли заплатить совсем немного, ниоткуда не следует, что он жил потом на эти деньги. Наверное, имел какую-то ренту.

— А почему футляр, по-твоему, был дешевый?

— Потому что внутри в нем находилась обыкновенная товарная квитанция! Смотри же сам, давай посмотрим вместе ваш священный тамплиерский текст!

*a la ... Saint Jean
36 p charrete de fein
6... entiers avec saiel
p... les blancs mantiax
r... s... chevaliers de Pruins pour la ... j. nc
6 foiz 6 en 6 places
chascune foiz 20 a ... 120 a...
iceste est l'ordonation
al donjon li premiers
it li secunz joste iceus qui ... pans
it al refuge
it a Notre Dame de l'altre part de l'iau
it a l'ostel des popelicans
it a la pierre
3 foiz 6 avant la feste ... la Grant Pute.*

— Ну?

— Господи, ну почему вам не пришло в голову хотя бы раз взять в руки путеводитель по этому самому Провэну? Первое, что там сообщается — что здание Гранж-о-Дим, в котором была найдена записка, это было место традиционного сбора купцов, а Провэн являлся главным центром

знаменитых шампанских ярмарок. Здание Гранж-о-Дим стоит на улице святого Иоанна. В Провэне торговали чем угодно, но особенно бойко — сукнами, которые назывались draps или dras, и каждая штука запечатывалась печатью — гарантией качества. Второй специализацией Провэна были розы, алые розы, завезенные крестоносцами из Сирии. Такие знаменитые, что когда Эдмонд Ланкастер женился на Бланш д'Артуа и принял титул графа Шампанского, он выбрал своим гербом алую розу Провэна, откуда и происходит война Алой и Белой розы, поскольку у Йорков на щите была белая.

— Откуда ты все это знаешь?

— Из буклета, изданного туристическим бюро Провэна и который дают даром в туристическом агентстве. Но это не все. В Провэне имеется замок под названием Донжон, а также есть Хлебные ворота — Porte-aux-Pains, есть Церковь Прибежища — Eglise du Refuge, есть, как легко догадаться, целый ряд церквей, называющихся Нотр-Дам, по ту и эту стороны реки, а также была, а может быть, есть до сих пор улица Круглого Камня — там была установлена “налоговая плаха”, и туда подданные короля сносили десятинные деньги. Есть улица Белых Плащей и, наконец, улица Grande Putte Muse, нетрудно понять происхождение названия, проще говоря — квартал борделей.

— А попликане?

— А в Провэне была община катаров, которых потом, как положено, всех сожгли. Даже и главный инквизитор происходил из них же, из покаявшихся катаров, Роберт Похотливец. Поэтому не удивительно, что имелось в городе какое-то место, связанное с памятью катаров — павликиан — попликан, а особенно после того как катаров ликвидировали.

— Но в 1344 году их еще не ликвидировали...

— Да с чего же ты взял, что бумага восходит к 1344 году? Твой полковник предлагал читать “через тридцать шесть лет после сенного воза”. Действительно, в то время сокращение “p” с апострофом означает “post” — “после”, но если “p” без апострофа, это значит “pro” — то есть “за”. Написал эту бумажку обыкновенный купец, и содержится в ней попросту перечень сделок на ярмарке, на улице святого Иоанна (а вовсе не в Иванову ночь), и тридцать шесть —

это тридцать шесть сольдов, денаров или какие у них там ходили деньги, что являлось сговоренной ценой одной или каждой телеги сена.

— А как же сто двадцать лет...

— Почему “лет”? Из-за сокращения “а”? Я взяла словарь сокращений и увидела, что в ту эпоху употреблялся особый значок для аббревиатуры “денье” или “денаров” — в одном написании похоже на дельту, а в другом на тэту, в общем неподготовленный человек легко принимает это за “а”, в особенности если он уже где-то читал насчет ста двадцати лет, в любом попавшемся очерке по розенкрейцству, “post 120 annos patebo!” Ну а после этого... полковника уже понесло. “It” он читает как “iterum”, хотя “iterum” сокращали “itm”, а “it” могло означать только “item”, иначе говоря “то же самое”, и широко используется в повторяющихся списках. Купец, по всей видимости, должен был развезти клиентам букеты провэнских роз, вот что значит строка “г... s... chevaliers de Pruins”. А там, где полковник видел vainjance (потому что искал рыцаря мщения — Кадоша), разумнее читать joinchée — “турнир”. Розы употреблялись для украшения головных уборов, из них делали цветочные ковры для представлений и праздников. Вот как я предлагаю читать завещание тамплиеров:

*На улице святого Иоанна
по 36 грошей за повозку сена.*

*Шесть новых штук сукна, с печатями
на улицу Белых Покрывал.*

*Розы крестоносцев для турнира:
шесть букетов по шесть в шесть мест,
за каждый 20 денье, итого 120 денье.*

Заказы таковы:

сначала в Замок.

То же к Хлебным Воротам,

то же к Церкви Оплота,

то же к Церкви Богоматери за рекой,

то же к старому дому павликиан,

то же на улицу Круглого камня.

*И три букета по шесть перед этим праздником в
квартал куртизанок*

потому что и им, бедняжкам, тоже хочется нарядиться на праздник, украсив цветами шляпки.

— Ох, — сказал я. — По-моему, ты права.

— Права, права. Товарный чек и никаких сомнений.

— Погоди. Пускай товарный чек. Но зашифрованное сообщение ведь говорит о тридцати шести Неуловимых.

— Совершенно верно. Вашу квитанцию я разобрала за полчаса, а над чертовой шифровкой провозилась два дня. Пришлось заказывать Тритемия в библиотеке. Сначала я пошла в Амброзиану, потом в Тривульциану, и там и там меня, как полагается, протомили бог знает сколько времени — ты знаешь, чего стоит получить книгу в отделе редкостей. В конце концов все оказалось довольно просто. Прежде всего, очевидно, что “*les 36 invisibles separez en six bandes*” — это не тот французский язык, на котором писал купец. Вы ведь сами обратили внимание на то, что это выражение использовано в памфлете семнадцатого века, когда розенкрейцеры появляются в Париже. Но дальше вы рассуждаете в точности, как любимые вами “одержимцы”: сообщение зашифровано по Тритемию, значит, Тритемий заимствовал метод у тамплиеров, а если у тамплиеров есть фраза, бытовавшая в розенкрейцерских кругах, значит, План, приписываемый розенкрейцерам, на самом деле изобретен тамплиерами. Что сделал бы любой здравомыслящий человек? Перевернул ваше рассуждение. Если послание зашифровано по Тритемию, значит, оно создано после Тритемия. Если в нем использованы выражения семнадцатого века — оно написано после семнадцатого века. Какова самая простая гипотеза? Что Ингольф, разгадывая провэнскую запись и будучи, как впоследствии и полковник, помешан на герметизме, из сочетания тридцати шести и ста двадцати немедленно вообразил себе розенкрейцеров. А будучи помешан еще и на тайнописи, он начал баловаться переводом найденного им текста на язык Тритемия. Это простое упражнение. Он взял криптосистему Тритемия и записал свою любимую розенкрейцерскую фразу.

— Остроумно, но не более доказательно, чем конъектуры полковника.

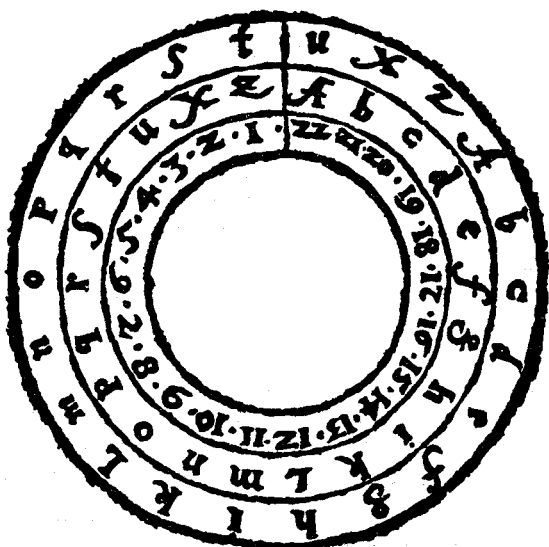
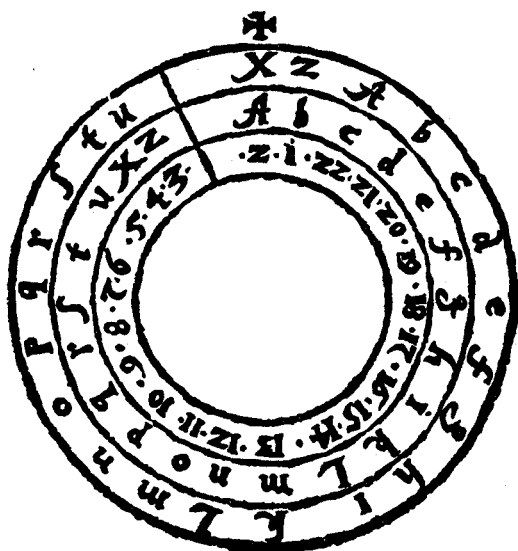
— Хорошо. Смотри, смотри дальше. Сама-то абрака-

дабра, использованная Ингольфом, не взята непосредственно из Тритемия! Да, слова выдержаны в том же любимом ассирио-вавилонско-каббалистическом вкусе, но сами слова не те. А ведь если Ингольфу требовались слова, начинающиеся на заведомые буквы, проще всего было взять их из Тритемия. Так, может быть, Ингольфу нужны были определенные букочки и на втором, и на третьем, и на четвертом местах? Может, он захотел перепижонить самого Тритемия? Тритемий предлагает сорок больших криптосистем. В первой имеют действие только первые буквы, во второй — первые и третьи. Еще в одной читается первая буква одного слова, первая буква второго не читается и так далее. При некоторой усидчивости по этому принципу можно изобрести еще хоть сто криптосистем. Что же до десяти малых криптосистем, полковник работал только с первой схемой, она самая примитивная. Но остальные работают все по принципу второй, которую я тебе перекопировала. Вообрази, что внутренний обод подвижен и что ты его можешь поворачивать таким образом, чтобы начальная А совпадала с любой точкой наружного круга. Так ты получишь первый шифр, где А переписана через X и так далее, второй шифр, где А переписана через U и так далее... В каждой ободочке двадцать две буквы, значит, из каждого круга можно вытянуть не десять, а двадцать один шифр, двадцать второй будет недействителен, потому что в нем А означает А.

— Не говори только, что для каждой буквы каждого слова ты перепробовала двадцать один шифр.

— А у меня высокий Ай Кью, и я везучая! Знай, Пиф, с кем имеешь дело... Самые короткие слова состоят из шести букв, значит, рабочих букв в каждом слове только шесть, последние буквы прилеплены для красоты. Шесть так шесть. Путем подбора вариантов я пришла к выводу, что Ингольф зашифровал все первые буквы, следующие оставил так, третьи опять зашифровал, перескочил через две и взялся за шестые. Для первых букв он применил колесо номер один. Для третьих колесо номер два. Я попробовала читать и получила текст. Потом я попробовала третье колесико для шестых букв и тоже получила текст. Не исключаю, что Ингольф что-то наворотил и с промежу-

точными буквами, но мне хватило этих трех, а ты, если хочешь, продолжай ковыряться.

— Не терзай. Что ты там вычитала?

— Посмотри на текст, я подчеркнула в нем буквы, которые он использовал — первую, третью, шестую:

Kuabris Defrabax Rexulon Ukkazaal Ukzaab Urpaefel
Taculbain Habrak Hacoruin Maquafel Tebrain Hmcatuin
Rokasor Himesor Argaabil Kaquaan Docrabax Reisaz
Reisabrax Decaquan Oiquaquil Zaitabor Qaхаор Dugraq
Xaelobran Disaeda Magisuan Raitak Huidal Uscolda
Araбom Zipreus Mecrim Cosmae Duquifas Rocarbis

— Первое колесико и вся последовательность первых букв — это мы уже знаем от полковника. Насчет тридцати шести Непостижимых. А теперь посмотри, что получается, если выписать подряд все третьи буквы и прочитать их через второе колесико: “chambre des demoiselles, l’aiguille creuse...”

— Погоди, я это знаю, это же...

— En aval d’Etretat — La Chambre des Demoiselles — Sous le Fort du Fréfosé — Aiguille Creuse¹. Фраза, которую расшифровывает Арсен Люпен, раскрывая тайну Полого Шпиля! Помнишь, в Этрета на берегу моря возвышается Полюй Шпиль природой созданная крепость, в которой можно жить внутри, и там что-то связано с тайным оружием Юлия Цезаря, которым он завоевал Галлию, а потом оно перешло к французским королям. Источник сверхъестественного могущества Арсена Люпена. Как известно, люпенологи никак не могут забыть об этом тайном оружии, обшарили все в этом Этрета, ищут подземелья, анаграммируют каждое слово в книгах Леблана... Ингольф был в такой же степени люпенолог, как и розенкрейциолог, на шифровке сидел, шифровкой погонял.

— Ну, мои одержимцы сказали бы на это, что, значит, еще тамплиеры знали тайну Полого Шпиля, а Леблан ее прознал от кого-то... Послание могло быть написано в четырнадцатом веке...

— Да-да, я была к этому готова. Но, слава богу, есть еще шестые буквы. Попробуем первое-второе-третье колесико. С помощью третьего появляется связный текст! Пожалуйста: merde i’en ai marre de cette steganographie. “Я уж

¹ Пониже Этрета — Комната Дев — Под Фортм Фрефоссе — Полюй Шпиль (фр.).

охренел от этой стеганографии". Это тоже написано в четырнадцатом веке? Конечно, фраза вполне элегантная, учитывая, что в ней, как и в прочих, тридцать шесть букв... Нет, мой бедный Пифчик, Ингольф заигрался, как и вы, а идиот полковник принял эту игру за чистую монету.

— Но почему же тогда Ингольфа убрали?

— А откуда известно, что его убрали? Ингольфу надоело сидеть в Оксере, смотреть на провизора и на плаксивую дочку. Он мог податься в Париж, перепродать парочку старых книжек, найти себе вдовушку... Сколько людей выходит в ларек за папиросами и не возвращается к жене.

— А полковник куда провалился?

— Да ведь и в полиции не знали точно, убили его или нет. Может быть, после очередного мошенничества ему пришлось срочно делать ноги. Сейчас его фамилия Дюпон, и он стоит продает Эйфелеву башню американскому туристу.

Я не мог сразу сдать все позиции. — Лия. Пускай послания тамплиеров вообще не было. Так ведь тем более изумительный План мы сочинили! Мы ведь сами говорили, что это фантазия! Но разве она не чудесна?

— Он не чудесен, ваш План. Он чудовищен. У людей не возникает желания снова сжигать Троию после чтения Гомера. После Гомера возникает чувство, будто пожара Трои как если никогда не бывало, никогда не будет — или, можно сказать, он "будет быть" всегда. У Гомера множество смыслов, именно благодаря тому, что Гомер ясен, прозрачен. А твои розенкрейцерские манифесты не ясны и не прозрачны. Это утробное урчанье, а прикидывается речью. Сколько народу разбирало эту речь, столько раз находили в ней что хотели. В Гомере нету тайн. В вашем Плане тайны есть, да еще в нем полно противоречий. Поэтому тысячи дураков поверят в ваш план, их вера будет крепче меди. Выбросьте все, и поскорее. Гомер не мухлевал. Вы мухлюете. Вас послушают все. Никто не слушал Земмельвайса, когда тот говорил врачам дезинфицировать руки перед тем как братья за рожениц. Он говорил неинтересно. Люди охотнее верят в лосьоны против лысины. Люди инстинктивно чувствуют, что в таком лосьоне сочетаются взаимоисключающие реальности, что в нем отсутствует логика и

отсутствует честность. Но так как им говорили, что Бог загадочен и неизъясним, нелогичность — это именно то качество, которое, по их мнению, приличествует Богу. Нелогичное для них означает — близкое к чуду. Вы придумали лоссон против лысин. Мне не нравится, это плохая игрушка.

Не то чтобы этот разговор испортил наш отпуск в горах. Мы очень много гуляли, я читал серьезные книги, я в первый раз так подолгу занимался ребенком. Но между мною и Лией осталось что-то недосказанное. С одной стороны, Лия разгромила меня по всем статьям и теперь ей было жалко, что я унижен. С другой, она не была убеждена, что ей удалось меня убедить.

И действительно, мне не хотелось расставаться с Планом, я не мог его выбросить, я слишком с ним сжился.

Прошло еще несколько дней, и одним прекрасным утром, проснувшись, я решил сесть на единственный поезд, довозивший до Милана. (В Милан я попал как раз вовремя, чтоб ответить на телефон, когда звонил из Парижа Бельбо. Так завязалась детективная часть, которая еще до сих пор не получила развязки.)

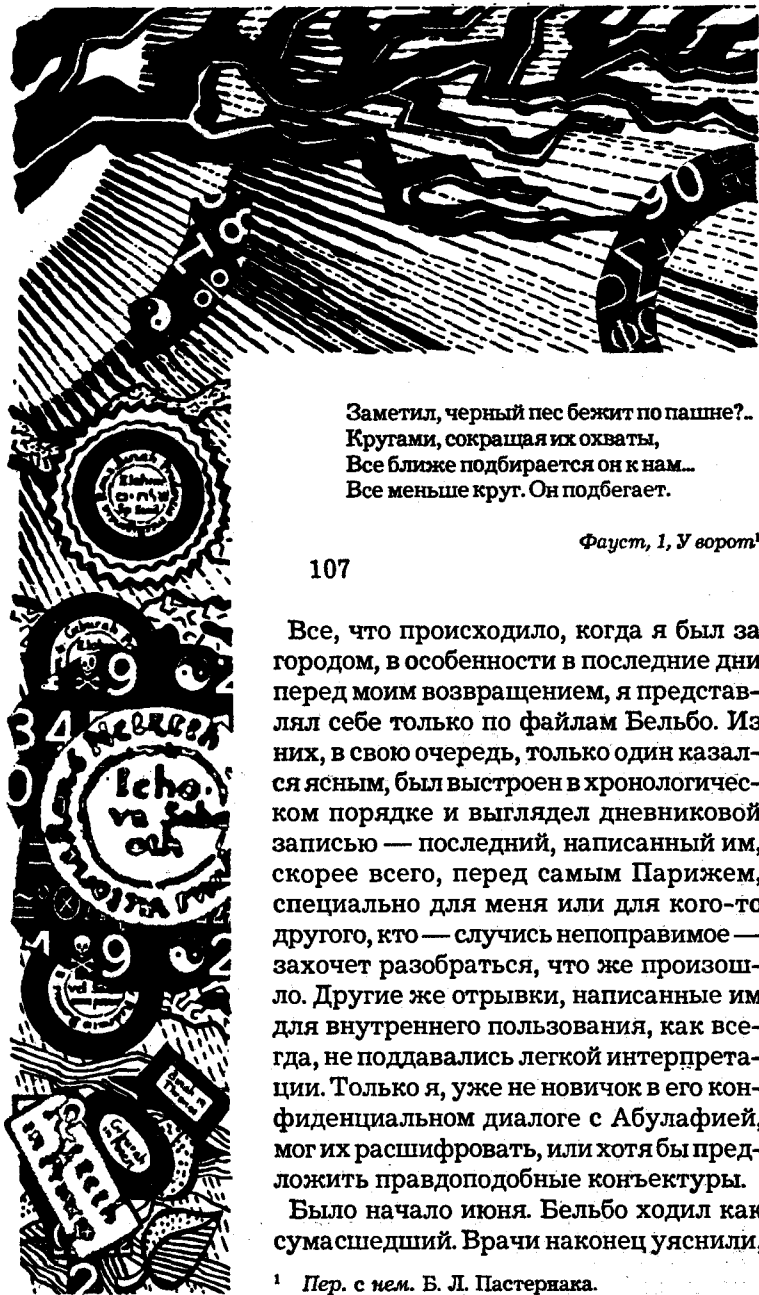
Лия была права. Следовало нам поговорить раньше. Но я бы ее все равно не послушал. Я ведь прожил рождение этого Плана как момент Тиферета — а это сердце сефиротического тела, соитие правила и свободы. Говорил Диоталлеви, что Моше Кордоверо предупреждает нас: “Кто тщеславится своею Торой перед простецами, то есть перед всем народом Иеговы, побуждает Тиферет тщеславиться перед Мальхутом”. Но каков есть Мальхут, — то есть Земное царствие, в его ослепительной простоте, — я понимаю только теперь. Успею понять еще, но, наверно, уже не успею пережить истину.

Лия, не знаю, увидимся ли. Если нет, последняя память о тебе — ты сонная, тогда утром, свернулась клубочком под одеялом. Я поцеловал тебя и не сразу, но вышел.

HELLA

VII

Заметил, черный пес бежит по пашне?..
Кругами, сокращая их охваты,
Все ближе подбирается он к нам...
Все меньше кругт. Он подбегает.

Фауст, 1, У ворот¹

107

Все, что происходило, когда я был за городом, в особенности в последние дни перед моим возвращением, я представлял себе только по файлам Бельбо. Из них, в свою очередь, только один казался ясным, был выстроен в хронологическом порядке и выглядел дневниковой записью — последний, написанный им, скорее всего, перед самым Парижем, специально для меня или для кого-то другого, кто — случись непоправимое — захочет разобраться, что же произошло. Другие же отрывки, написанные им для внутреннего пользования, как всегда, не поддавались легкой интерпретации. Только я, уже не новичок в его конфиденциальном диалоге с Абулафией, мог их расшифровать, или хотя бы предложить правдоподобные конъектуры.

Было начало июня. Бельбо ходил как сумасшедший. Врачи наконец уяснили,

¹ Пер. с нем. Б. Л. Пастернака.

что единственными родственниками Диоталлеви являются он и Гудрун, и наконец что-то сказали. На вопросы типографов и корректоров Гудрун теперь отвечала односложным — на “а” — раскрытием рта, не выговаривая табуированное название болезни.

Гудрун ходила к Диоталлеви ежедневно, и думаю, действовала ему на нервы своими мокрыми от сочувствия глазами. Он все знал, но стыдился, чтобы знали другие. Говорить ему было трудно. Бельбо пишет в дневнике: “Лицо — одни скулы”. Волосы выпадали из-за химиотерапии. Бельбо пишет в дневнике: “Руки — одни фаланги”.

Думаю, что в ходе их раздумчивых бесед Диоталлеви понемногу давал понять Бельбо то, что потом сформулировал открыто, когда они увиделись в последний раз. Бельбо начинал понимать, что увлечение Планом — злостное, что, может быть, — План и есть Зло. Тем не менее, вероятно для того чтобы объективировать План и возратить ему подлинное измерение — измерение чистой мнимости — он занес его в компьютер последовательно, элемент за элементом, в форме воспоминаний полковника. Получилась исповедь посвященного, открывающего самый последний секрет. Для Бельбо это была терапия: он возвратил в литературу, пускай в литературу плохую, то, что не принадлежало жизни.

Но 10 июня случилась некая ситуация, переворотившая всю его душу. События рассказаны весьма несвязно, я попытался их воссоздать.

Итак, Лоренца попросила его отвезти ее в машине на Ривьеру, где ей требовалось забрать у подруги неизвестно что — документ, справку, какую-то ерунду, которую с тем же успехом можно было переслать экспресс-почтой. Бельбо согласился, обалдевший от счастья при мысли провести воскресенье с ней на море.

Они поехали в это место, я точно не понял куда, в районе Портофино. Бельбо передавал не детали, а чувства, сквозь строки невозможно было рассмотреть пейзаж, видны были только напряжение, резкость, нервозность. Лоренца забрала что ей было надо (Бельбо ждал в баре), а

потом предложила пообедать в рыбном ресторане с террасой, выходящей на море.

С этого момента рассказ становится еще более путанным, точечным, бесформенные куски диалогов кучей, без абзацев и кавычек, как будто писалось по самому свежему следу, в надежде поймать за хвост какие-то божии искры. В общем, понятно, что они доехали куда-то возможно на машине, а потом долго спускались пешком к морю по типичным лигурийским кустейшим тропкам, цветучим и репейным, и продрались к ресторану. Чуть они уселись, как на столике рядом увидели “Зарезервировано для доктора Алье”.

Вот так совпадение, сказал, вероятно, Бельбо. Очень неприятное совпадение, отвечала, очевидно, Лоренца. Не хочется, чтобы Алье видел ее здесь и с Бельбо. Почему не хочется, что в этом такого, разве Алье имеет основания ревновать? Ну причем основания, просто из деликатности, он звал меня пообедать, я сказала, что занята, теперь получается, что я вру. То есть как это врешь, ты занята со мною, этого надо стыдиться? Не стыдиться, а просто, с твоего позволения, я привыкла тактично обращаться с людьми.

Короче, они ушли из ресторана и начали карабкаться назад, но Лоренца вдруг застыла на месте, навстречу спускались знакомые, Бельбо их не знал, приятели Алье, они не должны ее видеть. Унизительная сцена, она над стремниной, поросшей оливами, опираясь на прутья плетеного парапета, с газетой, окутывающей лицо — лопается от нетерпения немедленно узнать, что же происходит в мире, и он в классических десяти шагах от нее, с сигаретой, случайный путешественник-прохожий.

Сотрапезники Алье миновали, но теперь, заявила Лоренца, идя дальше по этой тропинке, они налетят на него самого, и налетят непременно. Бельбо бубнил: наплевать, ну и налетим, что такого. А то, отвечала Лоренца, что минимальный такт. Единственный выход — подниматься к машине прямо через заросли, цепляясь за колючки. Задыхательное возлезание по раскаленным оливковым уступам. Бельбо оторвал подметку. Лоренца подзуживала: ну разве не прелестно, так гораздо романтичнее, конечно, если курить без продыху, обязательно будет одышка.

Дойдя до машины, Бельбо сказал, что раз так, возвраща-

емся в Милан. Нет, сказала Лоренца, если Алье опаздывает, мы с ним пересечемся на автостраде, он узнает твою машину, смотри какая хорошая погода, давай двинемся вглубь от побережья, это будет очаровательно, выберемся на римскую автостраду и поужинаем в окрестностях Павии.

Да что мы не видели в этой Павии, да ты представляешь себе что значит съехать тут с дороги, это значит, посмотри на карту, что придется карабкаться по серпантину до Ушио, потом блуждать по Апеннинам, останавливаться в Боббио, потом неизвестно как добираться до Пьяченцы, ты сошла с ума, нам придется еще похлеще, чем Ганнибалу и слонам. Ты существо без всякого полета, отвечала Лоренца, и подумай только, сколько очаровательных ресторанчиков скрывается там в долинах. На подъезде к Ушио знаменитая “Мануэлина”, фрукти дель маре, двенадцать звездочек по котировке “Мишлена”.

“Мануэлина” была битком набита, желающие поесть дежурили возле столиков, где дожевывался десерт. Лоренца сказала, не имеет значения, тут на каждом километре будет по сто пятьдесят волшебных местечек. В ресторан они попали, когда там закрывали кухню, было это в чудовищной дыре, название которой, по меткому определению Бельбо, постыдились бы нанести даже на военную карту, и пришлось им есть переваренные макароны с баночной тушенкой. Бельбо ломал себе голову, что же скрывается под всем этим, не случайно же Лоренца привела его в ресторан, куда ожидался Алье, она явно хотела кого-то подразнить, он не мог понять, его или другого, она же отвечала ему, что у него идея-фикс.

После Ушио они стали искать путь на большую дорогу, и пересекая выжженную солнцем деревушку, которая своей пустынностью напоминала Сицилию в воскресенье во время сиесты в эпоху Бурбонов, большая черная собака выбросилась сбоку им наперерез, пытаясь попасть четко под колеса. Бельбо ударил ее бампером, на первый взгляд ей ничего не сделалось, но когда они выскочили из машины, стало очевидно, что у бедной твари кровь в паху, и что-то непонятное розовое — trebuха, гениталии? — высовывается из пуха, и она воет и, кажется, блюет. Подтянулись воскресающие поселяне, начали митинговать. Бельбо хо-

тел знать, где хозяин, чтобы возместить убытки, но у пса хозяина не было. Пес представлял собою, наверное, десять процентов кворума в этом богом забытом месте, но не было известно, есть ли у него родственники, хотя в лицо его знали все. Поступило предложение позвать сержанта полиции, прикончить пса и покончить с делом.

Отправились за сержантом, тут появилась какая-то любительница животных. У нее шесть кошек. Знать не знаю кошек, тут собака, выпалил Бельбо, она сдыхает, я тороплюсь. Кошки или собаки, нужно иметь немножечко совести, отвечала синьора. Никакого сержанта. Общество защиты животных или госпиталь, в соседней деревне есть медпункт, животное удастся вернуть к жизни.

Солнце зависало вертикально прямо над Бельбо, Лоренцей, машиной, собакой и остальными, заката не предвиделось никогда, у Бельбо было чувство, что он вышел без штанов, но не получалось проснуться. Синьора не ослабляла хватку, о сержанте можно было только мечтать, собака кровоточила и испускала слабые стоны. Стенанья, выговорил филолог внутри Бельбо. Синьора на это: понятно, стенанья, а вы чего добивались, бедный песик, нельзя было ехать внимательно? В деревне между этим разворачивался демографический бум, Бельбо, Лоренца и пес оказались самым любопытным спектаклем за много, много воскресений. Девушка с мороженым спросила, они ли организуют для телевидения телеконкурс Мисс Лигурийские Апеннины. Бельбо попросил ее отойти, не то он сделает с нею то же, что сделал с собакой. Девчонка заголосила, из-за ее спины выступил участковый врач со словами, что в дело замешана его дочь и что Бельбо не знает, с кем имеет дело. Блицобмен извинениями, знакомство, выясняется, что медик опубликовал “Дневник провинциального врача” у знаменитого “Мануция” в Милане. Тут Бельбо раскололся и дал понять, что занимает изрядный пост в “Мануции”, теперь доктор требовал, чтобы Бельбо и Лоренца у него отужинали, Лоренца вне себя от ярости вонзала острый локоть ему под ребра, не хватало нам попасть в газеты, любовники-собакоубийцы, нельзя было трепать языком поменьше?

Солнце палило в голову отвесно, в то время как колокол брякал к вечерне (очевидно, мы в Последней Тулэ, коммен-

тирозал Бельбо сквозь зубы, солнце шесть месяцев подряд от полуночи до полуночи, а сигареты закончились), пес добросовестно дох, никто им не интересовался, Лоренца откуда-то извлекла предчувствие приступа астмы, Бельбо окончательно уверился, что космос был ошибкой Создателя. Неизвестно как попала в мозг и затрепетала спасительная идея. Они поедут просить о помощи в ближайший районный центр. Зоофилка была “за” руками и ногами, езжайте быстрее, возвращайтесь поскорее, господину, который работает у поэтического издателя, она не может не доверять, ей тоже больше нравится реклама, если она в рифму.

Бельбо сунул ключ в машину, ближайший райцентр они пролетели без остановки, Лоренца продолжала проклинать любых тварей, которыми Господь испакостил землю, начиная с первого дня и кончая пятым, Бельбо был согласен, но шел еще дальше, активно критикуя также и результаты шестого дня, а заодно — в увлечении — ругнул и седьмой, день отдыха, сказав, что более кошмарного дня, чем воскресенье — сегодняшнее, к примеру, — не было, не будет и не может быть.

Они полезли на Апеннины, но притом что на карте все выглядело под боком, на практике путь занял множество часов, в Боббио они не стали останавливаться, вечером добрались до Пьяченцы. Бельбо очень выдохся, он очень надеялся на ужин с Лоренцей и поскорее снял большой номер в единственной свободной гостинице напротив вокзала. Они поднялись в комнату и Лоренца заявила, что в подобной обстановке она ни за что не уснет. Бельбо ответил, что пойдет искать другой отель, пусть дадут ему только пять минут, чтобы сойти в бар и принять дозу мартини. В баре не было мартини, был коньяк местного разлива. Бельбо поднялся в комнату, Лоренцы не было. На стойке портье его дожидалась записка: “Милый, я обнаружила чудесный поезд в Милан. Бегу. Увидимся на неделе”.

Бельбо домчался до вокзала, перрон был абсолютно пуст. Как в вестерне.

Ночь он провел в Пьяченце. Думал купить детектив, но даже станционный газетный киоск и тот был заперт. В гостинице нашелся только журнал Туринг Клуба.

На его несчастье гвоздем номера было описание дивного путешествия по той самой апеннинской трассе, которую они только что промахали. В воспоминаниях Бельбо — уже успевших пожухнуть, как мемуар многолетней давности, вставала сухая, солнцем съеденная почва, пыльная, закиданная мусором. На глянце туристического журнала развесистые райские кущи манили под свою сень, стоило бы пройти сто верст в железных ботинках, только бы попасть в подобную сказку, напоминающую Самоа Лимонадного Джо.

Могут ли люди собственными руками погубить свою жизнь только из-за того, что они наехали на собаку? А вышло именно так. Бельбо решил тою ночью в Пьяченце, что уйдя обратно с головою в План, как в убежище, он будет гарантирован от провалов. Внутри Плана никто другой — только он будет иметь право распоряжаться, кто, с кем, когда и как.

Должно быть, этим же вечером он решил отыграться на Алье, хотя непонятно, за какие преступления. Он решил заманить Алье в План, не ставя его о том в известность. С другой стороны, для Бельбо было очень типично искать отыгрышей, единственным свидетелем которых мог быть только он сам — не из застенчивости, а из недоверия к тем свидетелям, которые не являлись им самим. Заманенный в План Алье мог бы считаться уничтоженным, он стал бы дымом, изошел бы, как огонь свечи, сделался нереальным, как тамплиеры, розенкрейцеры и сам Бельбо.

Это не очень будет трудно, размышлял Бельбо. Мы сумели дать укорот Бэкону и Наполеону, мы ли не устроим Алье? Отправим и его на поиски Карты. От Арденти и постыдного воспоминания, с Арденти связанного, я уже сумел отделаться, поселивши его в вымысел лучший, чем был его. Так же рассчитаемся и с Алье.

Думаю, он серьезно в это уверовал. Так много может разочарованное желание. Этот его файл кончался единственно возможным образом — единственной цитатой, объединяющей всех тех, кого жизнь победила: *Vin ich ein Gott?* — Я ли Бог?¹

¹ Фауст, 1, Ночь. Пер. с нем. Б. Л. Пастернака.

Какова же природа того тайного влияния, которое проводится через посредство прессы, и что стоит за подрывными группировками, окружающими нас? Различные ли орудуют силы или же существует единый Центр, некая группа, руководящая остальными, узкий круг истинных посвященных?

Неста Уэбстер,
Тайные общества и подрывные движения.
 Nesta Webster,
Secret Societies and Subversive Movements,
 London, Boswell, 1924, p. 348

108

Может, он забыл бы о своем намерении. Может, ему хватило бы выполнить его на бумаге. Может, достаточно было бы немедленно увидеться с Лоренцей, им снова овладело бы желание, а желание заставило бы пойти на перемирие с жизнью. Вместо этого как назло в понедельник утром к нему в офис ввалился Алье в облаке колониальных одеколонов, с улыбками и зарезанными рукописями и со словами, что прочитал он эти бумаги во время прелестного уик-энда на Ривьере. Бельбо был отброшен в объятия давешнего бешенства. Тогда-то он окончательно решил выставить Алье дураком, заставить его пойти поискать молочные реки, кисельные берега да камень бел горюч.

И поэтому с видом ведуна он дал понять тому, что вот уже лет десять охраняет мучительную тайну, тайну секретного ордена. Рукопись была доверена ему одним полковником, Арденти, которому удалось разгадать секрет Плана тамплиеров... Полковник был похищен или убит кем-то, кому удалось завладеть и его бумагами, но — образите себе! — в тот день из “Гарамона” полковник выходил, унося под мышкой фиктивный текст, намеренно запутанный, полный ошибок, фантастический и инфантильный, который был годен только чтобы показать, что полковник в течение своей жизни имел отношение к провэнскому документу и к расшифровкам Ингольфа; именно это, по-видимому, усиленно искали похитители. А другая-то папоч-

ка, гораздо более тонкая, где лежал всего десяток страниц, обнаруженных в бумагах покойного Ингольфа, — оставалась во владении Бельбо.

— Какая забавная ситуация, — отреагировал Алье, — расскажите же поподробнее. — И Бельбо, о, он ему рассказал! Рассказал весь наш План точно в том виде, в каком мы его изобрели, и выдал за вычитанный в той мифической рукописи. Он даже добавил, еще более таинственным и конфиденциальным шепотом, что некий полицейский, по имени Де Анджелис, действуя самостоятельно, почти нашарил ключ к разгадке, но дело было спасено герметическим запирательством его, Бельбо... можно сказать... пожалуй, действительно можно так сказать... Бельбо, Хранителя Самого Великого Секрета человечества. Секрета, который в конечном развитии равняется секрету Карты мирового господства.

И тут он выдержал недурную паузу, полную подтекста, как все хорошие паузы. Нерешительность на пороге самого главного признания — верный способ проиллюстрировать неподдельность предыдущих признаний. Бельбо исходил из посылки, что для любого, кто действительно исповедует тайную традицию, оглушительнее всего — молчание.

— О, как любопытно, как любопытно, — промурлыкал Алье, вытащив из жилета табакерку и показывая, что занят совсем не тем. — А... эта карта?

А Бельбо бормотал про себя: старый вуаер, возбуждаешься, да? Так тебе и надо с твоим сенжерменским шармом, мало тебе хваленых трех крапленых карт! да ты ведь готов закупить Колизей у первого щелкопера, который перепрощельжил тебя! Сейчас-то я тебя отправлю на три карты, на поиски Карты, к черту в зубы, ты у меня улетишь далеко и надолго, и очень надеюсь, не выберешься обратно из утробы земли, сгинешь там в стремнинах, хрясьнешься башкою о Южный Полюс какого-нибудь кельтского колуна.

И с еще более тет-а-тетным видом: — Разумеется, к рукописи прилагалась и карта, то есть ее подробное изложение, и отсылка к оригиналу. Это совершенно поразительно, вы представить себе не можете, до какой степени

проста разгадка этой проблемы. Эта карта существовала всегда и была доступна всем, и на нее смотрели кто угодно, тысячи людей проходили перед нею ежедневно, в течение столетий. С другой же стороны, принцип ориентирования до того элементарен, что достаточно запомнить простую схему, и карту можно воспроизвести в любой момент и в любом месте. Настолько элементарно и настолько непредсказуемо... Представьте себе — это я привожу только в качестве примера, — как если бы карта была нанесена на пирамиду Хеопса, разлиста на во всех подробностях у людей на виду, а между тем в течение столетий люди разгадывают и отгадывают архитектуру пирамиды, расшифровывают ее тайные смыслы, но не замечают невероятной, сияющей простоты. Какой шедевр невинности. И коварства. На что оказались способны тамплиеры.

— Вы меня заинтересовали. Позвольте на нее взглянуть?

— Должен признаться, я уничтожил и те десять страниц и карту. Я был испуган, это ведь объяснимо, не так ли?

— Не может быть, чтобы вы уничтожили документы подобного значения...

— Уничтожил, но я ведь говорил вам — на самом деле секрет элементарен. Вся карта у меня здесь, — и он тыкал пальцем себе в голову, и давился смехом, вспоминая школьный анекдот про немца, учившего итальянский язык по десять слов в день — “Фсе слова стесь, у меня в джепе”. — Вот уже больше десяти лет, как эта тайна вся содержится здесь, — он опять тыкал в голову, — в форме наваждения, и я страшусь даже и самой мысли о той безграничной власти, которая стала бы моею, если бы я решился принять наследство тридцати шести Неприступных. Теперь вы понимаете, почему я добился от “Гарамона” новых серий — “Изида без покрывал” и “История магии”? Я жду ответа от того, кто способен понять. — После чего, увлекаемый разыгрываемой ролью, издеваясь над разыгрываемым Алье, процитировал ему почти дословно фразы, которыми Арсен Люпен завораживает Ботреле в эпилоге “Полого Шпиля”: “В некоторые минуты моя власть кружит мне голову. Я опьяняюсь силой и авторитетом”.

— Ну-ну, мой любезный друг, — отвечал Алье. — А что

если вы опрометчиво уверовали в бредни безумца? Вы убеждены, что рукопись подлинная? Почему вы не доверяете моему опыту? Если бы вы знали, сколько подобных откровений мне приходилось изучать в моей жизни, и если в чем я преуспел, то именно в доказательстве их несостоятельности. Мне хватило бы одного взгляда, чтоб уяснить, стоит ли вообще говорить об этой карте. Я смею тщеславиться некоторой квалификацией — небольшой, но все же, — именно в области традиционной картографии...

— Доктор Алье, — оборвал его Бельбо, — вы первый должны были бы напомнить мне, что секрет тайного общества, рассекреченный, не имеет смысла. Я промолчал столько лет, помолчу еще немного.

И он молчал. Алье в свою очередь, купился он на эту дешевку или нет, подходил к своему ампула серьезно. Он привык иметь дело с непроницаемыми тайнами и, надо думать, проникся сознанием, что уста Бельбо не отверзнутся более — отныне и до скончания времен.

В эту минуту вошла Гудрун и сообщила, что совещание в Болонье намечается на среду на двенадцать. — Вы можете выехать на Трансьевропейском экспрессе утром в среду, — добавила она.

— Обожаю этот экспресс, — сказал Алье. — Но предпочтительно заранее заказывать места. Особенно в нынешнюю пору года. — Бельбо ответил, что и в последнюю минуту можно всегда найти сидячее место, в крайнем случае в вагоне-ресторане, где подается еще и завтрак. — Что ж, надеюсь, вам это удастся, — подвел итог Алье. — Болонья очень хороша. Хотя в июне там жарко...

— Я пробуду не больше трех часов. Еду по поводу книги об эпиграфике, у нас возникли проблемы с иллюстрациями... — После чего Бельбо выпустил последний снаряд. — Я ведь еду по работе, а не в отпуск. Но в отпуск я уйду скоро, чтобы быть свободным в день летнего солнцестояния... Кто знает, вдруг я все-таки решусь... Но все, что сказано, должно остаться между нами. Я поделился с вами как с другом.

— О, молчать я умею, умею даже лучше, чем вы. В любом случае позвольте вас поблагодарить за откровенность. — И с этими словами Алье откланялся.

Бельбо после этой встречи пришел в благостное настроение. Налицо была полная победа его астральной нарративности над жалкостью и постыдностью подлунного мира.

На следующий день Алье позвонил по телефону. — Простите меня, дорогой друг. Я хотел просить вас о небольшой любезности. Как вы знаете, я иногда занимаюсь старинными книгами — что-то приобретаю, что-то продаю. Нынче вечером прибывает из Парижа дюжина переплетенных томов, восемнадцатый век, книги довольно дорогие, и я их должен непременно доставить моему клиенту во Флоренцию не позднее чем завтра. Я сам собирался отвезти их, но некоторые неотложные занятия задерживают меня в Милане и не позволяют уехать. Я подумал о следующем решении. Вы ведь завтра собирались в Болонью? Я приду к вашему поезду, примерно за десять минут, и передам вам небольшой чемоданчик, вы положите его на сетку над головой и спокойно выйдете в Болонье, ни о чем не думая. Может быть, подождете, пока все выйдут из купе, чтобы мы были уверены... Во Флоренцию мой клиент во время остановки войдет в вагон, заберет чемодан — и все в порядке. Конечно, не хотелось беспокоить вас... Но если вы можете оказать мне эту услугу, я вам буду благодарен всю жизнь.

— Ради бога, — отвечал Бельбо. — Только как ваш клиент во Флоренции узнает, куда я положил чемодан?

— Как видите, я оказался предусмотрительнее вас и уже зарезервировал вам билет, место 45, вагон 8. Я заказал до самого Рима, поэтому ни в Болонье, ни во Флоренции на это место никто не сядет. Как видите, в компенсацию за неудобства, которые я вам причиняю, вы получаете и некоторое удобство: ехать на своем месте, без сюрпризов. Я не позволил себе выкупить билет, чтобы вы не думали, что я собираюсь рассчитывать за любезность таким неделикатным способом.

Что значит настоящий джентльмен, сказал себе Бельбо. Пришлет мне ящик марочных вин. Пить за его сволочное здоровье. Вчера я его испепелял, сегодня оказываю ему любезность. Что делать, отказать невозможно.

Во вторник утром Бельбо поехал на вокзал загодя, зап-

латил за билет и встретился с Алье у вагона номер 8, тот был с чемоданом, довольно тяжелым, но не громоздким.

Бельбо уложил его в сетку над креслом 45 и уселся у окна со своей стопкой газет. Главной новостью дня были похороны Берлингуэра. Через некоторое время в кресле рядом устроился какой-то бородач. Бельбо даже подумал, что уже его где-то видел (задним умом, пытаюсь угадать где, ему пришлось в голову — на друидическом празднике в Пьемонте, но уверен он не был). К отходу поезда купе наполнилось до отказа — все шесть мест.

Бельбо хотелось читать, но мешал господин с бородкой, лезший ко всем с разговорами. Начал он с жары и несовершенства системы кондиционирования, а также с наблюдения, что в июне непонятно, одеваться ли по-летнему или по-весеннему. Он пришел к выводу, что самое лучшее — это легкий пиджак, как у Бельбо, и спросил, английская ли это фирма. Бельбо отвечал, что действительно английская, “Берберри”, и продолжил чтение. — Это лучшие вещи, — не унимался его сосед, — но ваш еще особенно хорош тем, что на нем нет золотых пуговиц, которые обычно пришивают на блейзеры. И позвольте мне заметить, что у вас удивительно удачно подобран цвет галстука, темно-красный, к этому пиджаку. — Бельбо поблагодарил и попытался читать. Господин с бородой продолжал выступать об основных принципах сочетаемости галстуков с костюмами, Бельбо читал. Я знаю, думал он про себя, что всем в купе мое поведение кажется хамским. Но я езжу в поездах не ради человеческих отношений. Их у меня чересчур много и на суше.

Тогда господин переменял тему. — Сколько вы газет читаете, и всех направлений. Наверное, вы связаны с юриспруденцией или с политикой. — Бельбо отвечал, что нет, он работает в издательстве, специализирующемся на книгах по арабской метафизике. Целью было — затерроризировать нападающего. Тот был очевидно затерроризирован.

После этого появился контролер. Он спросил, почему у Бельбо билет до Болоньи, а место зарезервировано до Рима. Бельбо сказал, что передумал ехать в Рим и едет в Болонью. — Как хорошо, — сказал господин с бородкой, — когда можно себе позволить менять намерения в последнюю се-

кунду, не задумываясь, что позволяет и чего не позволяет ваш кошелек. Как я вам завидую. — Бельбо ослабился и отвернулся к окну. Теперь, сказал себе он, все купе на меня смотрит как на растратчика, возможно, предполагают, что я ограбил банк.

В Болонье Бельбо поднялся и собрался выходить. — Смотрите не забудьте чемоданчик, — сказал его попутчик. — Нет, за ним зайдет один человек во Флоренции, — отвечал Бельбо. — Вот что, присмотрите за ним, пожалуйста, если можете.

— Не беспокойтесь, — отвечал бородатый. — Можете на меня положиться.

Бельбо возвратился в Милан в тот же день вечером, поднялся к себе в квартиру с банкой консервированного мяса и пачкой крекеров, включил телевизор. Говорили, естественно, про Берлингуэра. То, другое известие проходило поэтому почти что под сурдинку, перед самым концом известий.

Утром этого дня на Трансъевропейском экспрессе на отрезке Болонья—Флоренция, в вагоне 8, один пассажир выразил беспокойство насчет другого, сошедшего в Болонье, чей чемоданчик оставался в их купе в сетке. Действительно ли за чемоданом собирались зайти во Флоренции, не по этой ли схеме действуют обычно террористы?

Волнение скоро охватило остальных едущих в купе. В какой-то момент первый пассажир, с бородой, заявил, что у него не выдерживают нервы. Лучше выглядеть дураком, чем погибнуть; пусть позовут начальника поезда. Начальник поезда остановил состав и известил железнодорожную полицию. Не знаю точно, как разворачивались дальнейшие события, неподвижный поезд на горном перегоне, пассажиры, слоняющиеся вдоль путей, появление саперного взвода... Чемоданчик со всеми предосторожностями открыли и обнаружили там взрывное устройство, запрограммированное на время прибытия во Флоренцию. Мощности хватало на несколько десятков человек.

Полиции не удалось отыскать пассажира с бородкой. Может быть, он пересел в другой вагон и вышел во Флоренции, потому что не хотел, чтоб его славили во всех га-

зетах. Публиковалось обращение к нему с просьбой помочь следствию.

Другие пассажиры великолепно помнили того человека, который подкинул чемодан. Он принадлежал к тому типу, который вызывает подозрения с первого взгляда. Одет он в синий английский пиджак без золотых пуговиц, с темно-красным галстуком. Старался вести себя скромно, отказывался поддержать разговор, видно было, что надеется проскочить незамеченным. Однако проговорился, что работает в газете, в журнале или в каком-то месте, которое имеет отношение (и тут мнения свидетелей расходились) к метану, физике или метемпсихозу. Но все твердо помнили, что в деле замешаны арабы.

Все квестуры и районные отделения полиции подняты по тревоге. Уже поступают первые сигналы с мест. Задержаны двое граждан Ливии в Болонье. Художник угрозыска создал фоторобот — он занимал теперь всю плоскость голубого экрана. Фоторобот не был похож на Бельбо, но Бельбо был похож на этот фоторобот.

Бельбо больше не задавал себе вопросов. Тип с чемоданчиком был именно он. Он позвонил по телефону Алье, но там не брали трубку.

Был уже поздний вечер, он не знал, как ему выйти из квартиры, принял снотворное и лег спать. Следующий день начался с поисков Алье. Напрасно. Он спустился купить газеты. Слава богу, похороны занимали всю первую полосу, и его физиономия находилась на внутренних страницах. Он отправился домой, подняв воротник, и только тут заметил, что на нем все тот же синий блейзер. Без бордового галстука, и на том спасибо.

Пытаясь разобраться во взаимосвязи происшедших фактов, он услышал телефон. Незнакомый голос, иностранец, с каким-то балканским выговором. Медоточивая речь, как будто звонящий не имеет ни к чему отношения и телефонирует из самых добрых чувств. Бедный господин Бельбо, говорил этот голос, как же вам не повезло. Никогда нельзя соглашаться служить курьером для других, не зная, что содержится в передаче. Как же будет неприятно, если кто-нибудь сообщит в полицию, что гражданин с сорок пятого места — это и есть наш Бельбо.

Конечно, от подобного крайнего шага кое-кого можно и удержать, в том случае если наш Бельбо согласится сотрудничать. Например, если он сообщит по-хорошему, где находится тамплиерская карта. А так как в Милане становится для Бельбо жарко, потому что во всех газетах указано, что таинственный покушитель выехал именно из Милана, почему бы не перенести дальнейший обмен мнениями на нейтральную территорию, скажем, в Париж? Почему бы не назначить друг другу свидание в книжной лавке Слоан в Париже, на улице Мантихор, 3, через неделю? Хотя, с другой стороны, имело бы смысл, чтобы Бельбо отправился в путь немедленно, пока его не опознали. Книжный магазин Слоан, улица Мантихор, 3. В полдень, в среду, 20 июня его будет ждать там знакомое лицо — тот самый господин с бородою, с которым они вели такие дружеские разговоры в поезде. Этот господин научит Бельбо, где ему встретиться с остальными друзьями, после чего постепенно, в тесной дружеской компании, в его распоряжении несколько дней для подготовки к летнему солнцестоянию, он спокойно расскажет все, что знает, отведет душу, и все закончится безболезненно. Улица Мантихор, дом 3, запомнить нетрудно.

Сен-Жермен.. Тонок, остроумен..
Говорил, что владеет любимыми секретами..
Он часто пользовался для своих появлений
волшебным зеркалом, которое составляло часть его славы..
Поскольку он вызывал с помощью катоптрических эффектов
ожидаемые тени, почти всегда узнаваемые,
его связь с загробным миром была доказанной вещью.

Ле Культо де Кантло, *Секты и тайные общества.*
Le Coulteux de Canteleu,
Les sectes et les sociétés secrètes,
Paris, Didier, 1863, pp. 170—171

109

Бельбо совершенно запутался: все было абсолютно ясно. Алье поверил в его историю, захотел его карту, подстроил ловушку и теперь держит его в кулаке. Или Бельбо отправляется в Париж рассказывать все, что знает (о том, что он ничего не знает, знал только он; я уехал, не оставив адреса, Диоталлеви умирал), или же на него спускают со сворки всю полицию Италии.

Как Алье мог унизиться до такой грязной проделки? Зачем ему это? Схватить за шиворот старого дурака, ответить в квестуру — только таким образом Бельбо сможет выбраться из этой сумасшедшей истории.

Он вызвал такси и отправился в переулок у площади Пиола, в знакомый особнячок. Окна закрыты, на ограде картонный прямоугольник квартирному бюро: СДАЕМ. Да что ж это делается. Ведь еще на прошлой неделе Алье обитал тут, отвечал на телефон... Бельбо обратился в соседний особняк. — Этот господин? Переехал только вчера. Не знаю, куда именно он переселился, мы с ним едва раскланивались, он вел уединенную жизнь и вообще, кажется, его никогда не бывало в Милане.

Оставалось квартирному бюро. Но там даже имени Алье никогда не слышали. Особняк был нанят в свое время одной французской фирмой. Платежи поступали регулярно, через банк. Контракт был расторгнут нанимателем в одностороннем порядке за двадцать четыре часа, причем клиент потерял право на возвращение залоговой суммы. Все

отношения с клиентом совершались в письменной форме, представителем французской стороны выступал господин Рагоцкий. Больше в бюро ничего не знали.

Так. Не укладывается в голове. Раковский или Рагоцкий, в любом случае — таинственный знакомый пропавшего полковника, разыскиваемый проницательным следователем Де Анджелисом, разыскиваемый Интерполом, спокойно нанимает себе дома в Милане. В нашем воображении Раковский полковника Арденти выступал реинкарнацией Рачковского из Охраны, а тот, в свою очередь, — воплощением вездесущего Сен-Жермена. Но Алье-то был при чем?

Бельбо возвратился в издательство, проскользнул к себе в кабинет и сел думать.

Было от чего сойти с ума, и Бельбо был уверен, что он с него уже сошел. И рассказать некому, и спросить совета невозможно. Вытирая пот, он машинально перекладывал рукописи на столе, последнюю поступившую стопку — и на случайной странице ему бросилось в глаза имя Алье.

Он уставился на первый лист. Сочинение очередного одержимца. “Вся правда о графе Сен-Жермен”. Вернулся к странице в середине. Там сообщалось, что согласно биографии Шакорньяка, Клод-Луи де Сен-Жермен выдавал себя за господина де Сюрмона, графа Салтыкова, мистера Уэллдона, маркиза де Бельмар, князя Ракоши или Рагоцки и так далее, однако подлинные его фамильные имена были граф де Сен-Мартен и маркиз д’Алье — по названию пьемонтского имения его прадедов.

Прекрасно, теперь Бельбо мог быть совсем спокоен. Мало того что полиция его ловит по неопровержимому обвинению в терроризме, мало того что План оказался правдой, да еще и Алье улетучился за сорок восемь часов, но ко всему вдобавок этот Алье — никакой не псих ненормальный, а бессмертный граф Сен-Жермен собственной персоной, и никогда ни в малейшей степени не пытался это скрывать. Единственное, что оставалось чистой правдой в водовороте лжи, который бурлил вокруг него, — это его имя. Хотя нет, имя тоже было неправдой, Алье был не Алье, но не имело значения, кем он был на самом деле, так как в

течение многих лет он вел себя как действующее лицо истории, которую мы выдумали гораздо позже.

В любом случае альтернатив не имелось. После исчезновения Алье Бельбо не мог указать полиции лицо, вручившее ему чемодан. Если даже полиция поверила бы ему, выходило, что чемодан он получил от человека, находящегося в розыске по обвинению в убийстве, и что он этому находящемуся давал работу в течение как минимум двух лет. Хорошее алиби.

Но хуже того. Чтобы элементарно интерпретировать случившиеся события, которые и без того напоминали детектив — а между тем необходимо было их разъяснить, как для себя, так и для полиции, — следовало отправляться от таких предпосылок, которых никак не могло быть. То есть надо было принять за данность, что План, изобретенный нами, совпадает тютелька в тютельку, вместе с финальным аккордом (выдуманной погоней за нереальной Картой), с действительно существующим Планом, в котором на самом деле участвуют и Алье, и Раковский, и Рачковский, и Рагоцкий, и господин бородач, и ТРИС, и так далее вплоть до провэнских тамплиеров, и что полковник, таким образом, был прав. Но это означает, что прав он был ошибаясь, потому что в конечном счете План, выработанный нами, был не тот, что предложенный им, а если был прав его План, был неправ наш, и наоборот, а если был прав наш, то зачем понадобилось Раковскому десять лет тому назад похищать у полковника неправильный План?

От одного только чтения записей Бельбо, занесенных в Абулафию, мне хотелось колотиться головой о стенку. Чтобы увериться, что хотя бы стенка существует реально. Я представлял себе, как должен был чувствовать себя он-то, Бельбо, в тот день и в последующие дни. А между тем на этом его повесть не кончалась.

Пытаясь хоть что-нибудь узнать, он телефонировал Лоренце. Ее тоже не было. Он не сомневался, что больше Лоренцу не увидит. В определенном смысле Лоренца была креатурой, выдуманной Алье. Алье же был креатурой, выдуманной Бельбо, а кем был выдуман он, Бельбо, Бельбо не знал. Он опять развернул газету. Единственное, что абсолютно несомненно: фоторобот — это он. Чтобы снять

последние колебания, именно в эту минуту поступил еще один звонок. Тот же балканский акцент и те же рекомендации. Встреча назначена в Париже.

— Кто вы такие? — прокричал Бельбо.

— Мы из ТРИС, — ответил голос. — Что такое ТРИС, вы знаете лучше нас.

Тогда Бельбо решился. Он снял телефон и позвонил Де Анджелису. На коммутаторе не хотели соединять, Бельбо даже подумал, что комиссар больше там не работает. Но в конце концов его переключили на кабинет Де Анджелиса.

— Кого мы слышим, доктор Бельбо, — произнес комиссар каким-то саркастическим тоном. — Вы застали меня совершенно случайно. Сижу на чемоданах.

— Чемоданах? — в ужасе подскочил Бельбо при этом слове.

— Да, перевозжусь на работу на Сардинию. Надеюсь, там спокойнее.

— Доктор Де Анджелис, я должен поговорить с вами о важном деле. О той истории...

— Какой истории?

— С пропажей полковника. И насчет еще... Помните, когда-то вы спрашивали Казобона, знает ли он, что такое ТРИС. Так вот, я слышал о ТРИС. Я должен сообщить вам очень важные...

— Не надо сообщать мне ничего. Меня это уже не касается. И вообще, вам не кажется, что вы немного затянули?

— Да, я готов признать, я кое о чем умолчал тогда, давно. Но сейчас я вам все расскажу.

— Нет, доктор Бельбо, ничего мне не рассказывайте. Прежде всего мне хотелось бы, чтоб вы знали, что наш разговор сейчас прослушивается, а те, кто прослушивает, пусть знают, что я ничего не слышал и слышать не хочу. У меня двое детей. Маленьких. И мне дали понять, что с ними может что-нибудь случиться. И продемонстрировали, что это не шутки. Вчера утром, когда моя жена завела машину, у нее взорвался багажник. Заряд был очень маленький, хлопучечный, но этого хватило, чтобы показать: если захотят, смогут. Я пошел к начальству и сказал, что до сих пор всегда исполнял свой долг и делал больше, чем обязан

делать, но что я не герой. Я даже могу отдать свою жизнь, но не жизнь жены и не жизнь детей. Я попросил о переводе. А потом пошел и сказал перед всеми нашими, что я трус, что я обделался со страху. И сейчас повторяю то же самое вам и тому, кто нас подслушивает. Я погубил свою карьеру, я потерял уважение к себе. Выражаясь красиво, я пожертвовал честью, но спас жизнь своим близким. Все говорят, что на Сардинии очень красиво, и мне не надо будет собирать деньги на отдых, чтобы вывозить детей летом к морю. До свидания.

— Погодите, дело очень серьезное, я попал в ужасное положение...

— Да? Очень рад это слышать. Когда я просил вас о помощи, вы мне ее не оказали. Ни вы, ни ваш приятель Казобон. А сейчас, когда вы попали в положение, вспоминаете обо мне. А я тоже в положении. Так что вы опоздали. Вы, наверное, считаете, что ваша полиция должна вас беречь? Ну и обращайтесь в полицию. К моему сменщику.

Бельбо повесил трубку. Все просчитано. Они отняли у него возможность обратиться к единственному полицейскому, который бы ему поверил.

Потом он подумал, что, в конце концов, Гарамон, со своими знакомствами в высших сферах — префекты, квесторы, начальники во всевозможных министерствах, — мог бы помочь ему.

Гарамон выслушал его весьма любезно, в нескольких местах перебивая вежливыми восклицаниями вроде “да что вы говорите”, “подумать только” и “мне кажется, что я слушаю роман, более того, новеллу”. Потом он соединил ладони, впери в Бельбо взор, полный безграничной симпатии, и проговорил: — Юноша, позвольте мне называть вас именно так, я ведь мог бы быть и отцом вашим, ну, отцом вряд ли, потому что я еще молод, скажу более, молодец, но мог бы быть вашим старшим братом, надеюсь, вы согласитесь с этим. Говорю я от чистого сердца, и знакомы мы с вами издавна. У меня сложилось впечатление, что вы перевозбуждены, находитесь на пределе сил, с измотанными нервами, скажу сильнее, утомлены. Не думайте, что я не ценю ваших усилий, мне известно, что вы душой и телом преданы работе в нашем издательстве, и настанет

день, когда это будет учтено в терминах, скажем так, материальных, потому что и об этой стороне дела думать не зазорно. Но сейчас бы я на вашем месте взял на некоторое время отпуск. Вы говорите, что находитесь в некоторой щекотливой ситуации. Откровенно говоря, я бы не драматизировал, хотя, позвольте мне заметить, для нашего ре-номе было бы огорчительно, если бы один из наших сотрудников, позвольте мне сказать даже, из самых лучших, оказался бы замешан в некую нелепую историю. Вы говорите, что кто-то приглашал вас для объяснений в Париж. Я не требую от вас подробностей, я вам просто верю, таков уж я по натуре. Так что же? Почему бы не поехать, чтобы все выяснилось раз и навсегда? Вы сообщаете, что вступили в отношения — как бы это выразиться — конфликтualmente... с господином Алье, истинным джентльменом. Я не требую отчета о том, что же именно произошло между вами, и в любом случае не придавал бы особой важности случайному совпадению имен, которое произвело на вас столь разительное впечатление. Сколько людей на этом свете носит фамилию Жермен, Германн или Джермани; что же из этого? Если Алье приглашает вас в Париж, чтобы во всем разобраться, откровенно говоря, почему бы вам не съездить? Это ведь не конец света. В отношениях между людьми ценнее всего простота и откровенность. Поезжайте в Париж, и если у вас есть что-то на сердце, не запирайтесь. Что на уме, то пусть будет и на языке. К чему все эти секреты! Доктор Алье, если я правильно понимаю, огорчается, что вы не хотите рассказать ему, где лежит какая-то хартия, картинка, картонка или карта — я не понял, о чем конкретно речь, но, в общем, у вас она есть, и вам все равно она ни к чему, а, может быть, нашему другу Алье она понадобилась для научной работы. Мы ведь должны помогать друг другу, тем самым и развитию культуры. Разве вы не согласны с этим? Так уступите ему эту картонку, эту карту, этот атлас мира, меня не интересует знать, чего конкретно вы не поделили. Если он так о ней беспокоится, значит, должна быть тому некая причина, безусловно уважительная причина, как-никак мы имеем дело с джентльменом до мозга костей. Поезжайте в Париж и увидите: доброе рукопожатие — и тяжесть с души вон. И не расстраивай-

тесь по мелочам. В любом случае вы прекрасно знаете: если вам хоть в чем-либо понадобится помощь, достаточно только обратиться ко мне. — После этого Гарамон нажал на переговорное устройство. — Госпожа Грация... Ну вот, ее нет. Когда нужно, ее не бывает на месте. Что прикажете делать. У вас свои огорчения, но если бы вы только знали, что приходится выносить мне. Я с вами прощаюсь, если вы увидите в коридоре госпожу Грацию, попросите ее зайти сюда. И прошу вас, хорошенько отдохайте.

Бельбо вышел в коридор. Госпожи Грации не было на месте, он увидел, как загорелась красненькая лампочка на персональной линии Гарамона. Тот кому-то звонил. Бельбо не смог удержаться (я уверен, что он в первый раз в жизни пошел на подобный поступок). Он поднял трубку и услышал обрывок разговора. Гарамон докладывал кому-то: — Не беспокойтесь. Мне кажется, я его убедил. Он поедет в Париж... Ну что вы, это мой долг. Не случайно ведь мы с вами являемся членами одной и той же духовной кавалерии!

Значит, и господин Гарамон составлял собой часть тайны. Какой же тайны? Той самой, которую он один, Бельбо, был способен поведать миру. И которая не существовала.

Наступал уже вечер. Бельбо отправился к Пиладу, поболтал там с кем-то у стойки, злоупотребил алкоголем. На следующее утро он пошел к своему единственному другу, единственному, который пока еще оставался. К Диоталлеви. За помощью к человеку, который в это время умирал.

И от этой последней их беседы внутри Абулафии остался лихорадочный пересказ, в котором я не мог разобрать, какие слова принадлежали Диоталлеви, какие — Бельбо, потому что и тот и другой заговаривались, выбирая единственную правду, понимая, что миновало то время, когда было можно драпироваться вымыслами.

Это случилось с рабби Ишмаэлем бен Элиша и с его учеником, когда они занимались “Сефер Йецира” (“Книгой Творения”), и, ошибившись в направлении, стали переходить от буквы к букве в обратном порядке, пока не погрузились в землю до пупа под действием букв.

Псевдо-Саадья, *Комментарий к Сефер Йецира*.

110

Никогда он не видел его таким альбиносом, хотя уже не было ни волос ни ресниц ни бровей напоминало бильярдный шар.

— Извини, — сказал он. — Поговорим о моих делах?

— Валяй. У меня нет дел. Есть Удел. С большой У.

— Я слышал, что нашли новый метод лечения. Эта хворь быстро развивается у двадцатилетних, а у тех, кому под пятьдесят, она идет медленно, тем временем разработают правильную терапию.

— Говори за себя. Мне еще не под пятьдесят. У меня молодой организм и мне полагается более быстрая смерть. Ты видишь, мне трудно говорить. Рассказывай свое дело, я пока отдохну.

Из уважения, из повиновения, Бельбо рассказал ему свое дело.

И тогда заговорил Диоталлеви, булькая, как Оно в научно-фантастическом фильме. Он был и видом похож на Оно — прозрачностью, отсутствием границ между внутренностью и внешностью, между кожей и мясом, между клейким белым пухом, вылезавшим из пижамы, вспученной на животе, и клейковинным клубом нутра, который только рентген-лучи или последняя стадия болезни умеют прорисовать с такую четкостью.

— Якопо, я лежу здесь и не знаю, что делается в мире. Поэтому я не могу судить о том, что ты мне рассказываешь сейчас, происходит ли это только внутри тебя или вне тебя. В любом из случаев, кто-то стасовал, смешал и переиначил слова Книги сильнее, чем позволено.

— Что это значит?

— Мы согрешили против Слова, сотворившего и удер-

живающего мир. Ты терпишь наказание за это, так же как и я. Между нами нет различий.

Появилась сиделка, подала ему что-то для смачивания губ, сказала Бельбо, что утомлять больного не надо, но Диталлеви взбунтовался: — Оставьте в покое. Я должен сказать ему Истину. Вы владеете Истиной?

— Ох, ну и вопрос, что вам сказать, прямо не знаю...

— Тогда идите. Это мой друг, я говорю ему важную вещь. Послушай, Якопо. Как внутри человеческого тела имеются члены суставы и органы, так же и в Торе, понятно? И как внутри Торы есть члены, и суставы, так же и в теле.

— Ладно.

— Рабби Меир, когда он учился у рабби Акивы, подмешивал купорос к чернилам, и учитель не говорил ничего. Но когда рабби Меир спросил у рабби Ишмаэля, добро ли он делает, тот ему ответил: сын мой, будь осмотрителен в своем труде, потому что это труд Господен, и если ты потеряешь хотя бы букву или лишнюю букву напишешь, ты разрушишь весь мир... Мы хотели переписать Тору, но не боялись недописать или приписать, буквой больше или меньше...

— Мы же в шутку...

— Шутки недопустимы с Торой.

— Но мы шутили над историей, над тем, что писано другими.

— Есть ли писание, сплывающее мир, вне Писания? Дай мне воды, нет, не стакан, намочи вон ту тряпочку. Спасибо. Теперь слушай. Перепутать буквы Книги — перепутать мир. Любой книги, даже словаря. Эти твои типчики, доктор Вагнер... утверждают ведь, что кто играет словами, анаграммирует и перевирает, тот держит тяжесть на душе и ненавидит своего папашу?

— Не совсем то. Так говорят психоаналитики, говорят ради денег, твои раввины другое дело.

— Все они раввины, все одно дело. Об одном говорят. Думаешь, раввины о Торе — это о свитке? Это о нас, как мы стараемся переиначить свое тело через посредство языка. Теперь слушай. Чтоб накладывать руки на буквы Книги, надо милосердие. У нас милосердия не было. Каждая книга соткана из имени Бога, а мы анаграммировали все книги Истории, не молившись. Молчи, слушай. Тот, кто занима-

ется Торой, поддерживает мир в движении и поддерживает в движении собственное тело, в то время как читает или переписывает, потому что нет такой части тела, которая не имела бы соответствия в мире... Намочи тряпочку, пожалуйста. Изменяя книгу, изменяешь мир, изменяя мир, изменяешь тело. Этого мы не понимали. Тора выдает одно слово из своей сокровищницы, проявляется на миг и снова укрывается. Открывается только на миг и только любителю. Она как прекраснейшая женщина, которая скрывается в своем дворце в маленькой недоступной комнате. У нее есть единственный любовник, о существовании которого никому не известно. И если кто-то, не он, накладывает на нее грязные лапы, она противится. Отвечает лишь любовнику, для него открывает маленький просвет и показывается лишь ненадолго. Потом снова скрывается. Слово Торы открывается лишь тому, кто любит ее. А мы пытались говорить о книгах без любви и с осмеянием.

Бельбо снова смочил ему губы тряпочкой. — Ну и?

— Ну и пожелали сделать то, что нам не было позволено и к чему мы не были подготовлены. Наложив руки на слова Книги, мы пожелали построить Голема.

— Не понимаю...

— Не можешь уже понимать. Ты в плену у твоего же создания. Но твоя история разворачивается пока еще во внешнем мире. Не знаю как, но ты из нее выбраться теоретически можешь. Для меня все иначе, я переживаю внутри собственного тела то, что мы попробовали в шутку сделать в Плане.

— Не говори глупости, у тебя вопрос клеток...

— А что такое клетки? Месяцами напролет, как одержимые равнины, мы проговаривали устами все новые комбинации букв Книги. GCC, CGC, GCG, CGG. Что произносилось устами, то усваивалось клетками. Что совершили мои клетки? Изобрели себе План и двинулись наобум. Мои клетки изобретают историю, необщую для всех. Мои клетки научились богохульствовать, анаграммируя Книгу и все Книги на свете. И то же они научились проделывать с моим телом. Переставляют, передвигают, меняют, пермутируют, создают клетки, невиданные никем и никогда, бессмысленные или со смыслами, противоположными правильно-

му. Должен существовать один смысл правильный, остальные ошибочные, если же нет, — смерть. Они же играют без веры, вслепую. Якопо, пока я мог еще читать, лежа тут, я читал словари. Изучал историю слов, чтобы понять, что произошло с моим телом. Для нас, раввинов, это обыкновенный путь. Ты когда-нибудь думал, что риторический термин “метатеза” — двойник онкологического “метастаза”? Что такое метатеза? Это когда вместо “логос” говорят “голос”. Это Темура. Словарь же говорит, что “метатеза” означает “сдвиг, подмена”. А “метастаз” означает “изменение, сдвиг”. До чего глупы словари. Тот же самый корень — либо от глагола “метатифеми”, либо от глагола “мефистеми”. Но “метатифеми” означает “ставлю в середину, переношу, перемещаю, подменяю”... А “мефистеми” значит “перемещаю, передвигаю, изменяю, схожу с ума”. Вот так мы все и сошли с ума. И в первую очередь обезумели клетки моего тела. Поэтому я умираю, Якопо, и ты это знаешь.

— Ты говоришь так потому, что болен.

— Я говорю так потому, что наконец я понял, что случилось в моем организме. Я изучаю его день за днем, знаю, что в нем происходит, но не могу на него воздействовать, клетки больше не подчиняются мне. Я умираю потому, что убедил свои клетки в том, что правил никаких нет, что с любым текстом можно делать все что угодно. Я потратил жизнь на то, чтоб убедить в этом себя, в первую очередь свой мозг. И мой мозг передал полученное убеждение непосредственно им, моим частицам. Почему я теперь могу надеяться, что они окажутся осторожнее моего мозга? Я умираю от того, что мы оказались свободнее любых допустимых пределов.

— Послушай, то, что происходит с тобою, не имеет никакого отношения к Плану...

— Разве? А с тобой почему происходит то, что происходит? Мир повел себя в точности, как мои частицы.

Он затих, обессиленный. Тут вошел доктор и прошипел тихим голосом, что невозможно подвергать подобному стрессу умирающего человека.

Бельбо вышел, и это был последний раз, когда он видел Диоталлеви.

Хорошо, пишет дальше он, пусть меня разыскивает полиция по тем же причинам, по которым у Диоталлеви рак. Бедный мой друг. Но я-то, у которого рака нет, что я должен делать? Ехать в Париж выяснять закономерности образования новообразований?

Но он сдался не сразу. Просидев взаперти четыре дня, он пересмотрел свои файлы, фразу за фразой, ища в них объяснения. Потом он записал все, что с ним было, как будто составил завещание, заповедав сказанное самому себе, Абулафии, мне или любому, кто сумел бы это прочесть. И наконец, во вторник он улетел в Париж.

Я думаю, что Бельбо отправился в Париж, чтобы сказать им там, что секретов нет и не бывало, что единственный секрет, который существует, — это дать возможность клеткам следовать за инстинктивной мудростью мира, что те, кто ищет секреты под поверхностью, доводят мир до отвратительного канцера. И что отвратительнее и глупее всех был он сам, который ничего не знал и выдумал целый мир. Он имел бы на это право, если бы за это он готов был заплатить дорогую цену. Но чересчур издавна он приучился к мысли, что является трусом. И Де Анджелис подтвердил ему, что героев в этом мире почти нет.

В Париже он, видимо, вышел на связь с Теми и осознал, что Те не собираются верить его словам. Слова были слишком просты. А Те добивались от него откровений, угрожая смертью. Бельбо не имел для них откровений и — последняя из его трусостей — страшился умереть. И тогда он попытался бежать, заматавая следы, и позвонил мне в Милан по телефону. Но тут его схватили.

C'est une leçon par la suite.
Quand votre ennemi se reproduira,
car il n'est pas à son dernier masque,
congédez-le brusquement, et surtout
n'allez pas le chercher dans les grottes.¹

Жак Казот, *Влюбленный дьявол*, 1772,
страница отсутствует в последующих изданиях.
Jacques Cazotte, *Le diable amoureux*

111

А сейчас, спрашивал я себя в квартире Бельбо, кончая читать его признания, что следует делать мне? К Гарамону идти нет смысла, Де Анджелис уехал, Диоталлеви сказал все, что он имел сказать. Лия далеко отсюда в доме без телефона. Сейчас шесть утра субботы 23 июня, и если чему-то предстоит случиться, это случится сегодня ночью в Консерватории Науки и Техники в Париже.

Я должен принять быстрое решение. Почему, спрашивал я себя в тот же вечер в перископе, я не принял решение сделать вид, будто ничего не случилось? Передо мной были записки сумасшедшего, пересказывавшего свои словопренения с другими сумасшедшими, или же с умирающим, находившимся в супервозбуждении и в супердепрессии. Не было точно известно, звонил ли мне Бельбо действительно из Парижа, или из пригорода Милана, или из автомата напротив дома. Почему надо было влезать в историю, которая вполне могла оказаться фантазией и никак меня не касалась?

Но эти вопросы приходили мне в голову значительно позднее, в перископе, когда ноги мои затекали, дневной свет убывал, и меня охватывал неестественный страх, более чем объяснимый, когда человеческое существо оказывается ночью, в одиночестве, в абсолютно пустом музее. Утром того же дня, однако, я не испытывал страха. Только заинтересованность. И может быть, чувство долга, можно даже сказать, чувство дружбы.

¹ Это урок на будущее. Когда ваш враг опять появится, поскольку он не под последней своей личиной, сорвите ее резко, и в особенности не ходите искать в подземельях (фр.).

Я пришел к выводу, что должен отправляться в Париж, не вполне понятно для чего, но чтобы не бросать Бельбо в одиночестве. Может быть, он только меня и ждал. Может, он только на то и надеялся, что я появлюсь таинственно ночью в пещере тугов, и когда Суйодхана занесет свой жертвенный нож над его грудью, я ворвусь под своды храма с моими верными сипаями, у которых ружья заряжены железной мелочью, и спасу его, и он окажется в безопасности.

К счастью, у меня были деньги. В Париже я взял такси и поехал на рю Мантихор. Таксист долго чертыхался, потому что улицы с таким названием не было даже в таксистских справочниках, и действительно шириной она была с коридор поезда, в районе, где прежде протекала река Бьевр, засыпанная ныне, за церковью Сен-Жюльен Ле Повр. Такси туда не смогло въехать, я вышел на углу и нырнул в щель.

В щели меня поразило прежде всего, что в ней не было ни единой двери, ни единого входа, но потом я обнаружил за выступом лаз, это и был вход в магазин. Номер дома по улице Мантихор действительно был 3, невзирая на то, что ни первого, ни второго домов не существовало. Витриной и в то же время источником света в магазине служила верхняя половина входной двери. На полках внутри двери несколько десятков книг, только-только чтобы создать атмосферу. На нижней полке несколько кладоискательных вилок, пыльные упаковки воскурений, маленькие не то восточные, не то латиноамериканские амулеты. Множество колод тарокко, разнообразных по рисункам и типам.

Внутри было не лучше. Куча книг на стеллажах и на полу, в глубине столик и продавец, посаженный туда, похоже, только чтобы подсказывать описывающим стандартную фразу о том, что он выглядел еще древнее, нежели его книги. Он копался в растрепанном рукописном реестре, не обращая ни на что внимания. С другой стороны, не на что было обращать: только два посетителя оживляли собой магазин, сбрасывая лавины пыли с шатких полок при попытке вытащить какой-нибудь том, как правило без обложки, в который они надолго углублялись, всем видом показывая, что пришли не покупать, а читать.

На единственном пространстве, не заставленном шкафами, красовался большой плакат. Кричащие краски, какие-то лица в жирно обведенных кружочках, похоже было на плакаты мага Гудини. “Маленький Цирк Невероятного. Мадам Олкотт и ее связи с Невидимым”. Оливкового цвета почти мужское лицо, двумя крыльями черные волосы сходятся в узел на макушке, где-то я ее уже видел. “Дервиши Вовлеченники и их священная пляска”, “Мини-Монстры, или Потомки Фортунио Личети” — сборище уморительно безобразных уродцев. “Алекс и Денис, Гиганты Авалона. Тео, Лео и Гео Фоксы, Камуфляж Гектоплазмы”.

Книжная лавка Слоан действительно во всем шла навстречу покупателям, предлагая даже билеты в цирк: есть куда сводить дитяню прежде чем истолочь его в ступке. Хрюкнул телефон, книжник-хозяин зарылся в бумаги и выкопал трубку. — Да, мсье, — заговорил он в ответ. — Это здесь. — Несколько минут он прослушал в молчании, сперва кивая, потом изумленно пожимая плечами, но, должен заметить, гримасничая словно на публику, как будто мы могли слышать речь звонящего и он снимал с себя ответственность за тем наговоренное. Потом его лицо приобрело выражение парижского магазинщика, у которого вы просите нечто, не имеющееся в продаже, или парижского портье в гостинице, вынужденного сказать вам, что места нет. — О нет, мсье. А, вот что... Ну нет, это не наша специализация. Здесь продаются книги, предлагаются рекомендации, консультации по каталогу, но это... Тут очень личные вопросы, и мы... О, если так, вам ведь известно, имеются священнослужители и... ну да, если угодно, экзорцисты. Да, я согласен, имеются собратья, кто занимается... Но у нас вряд ли... Нет, поверьте, описания недостаточно, и в любом случае... Очень жаль, мсье. Что? Да... если настаиваете. Это очень известное место. Но не спрашивайте моего мнения. Именно так, вы правильно понимаете, в подобных случаях конфиденциальность превыше всего. К вашим услугам... Прощу вас...

Другие два посетителя вышли. Мне было не по себе. Я попытался кашлем привлечь к себе внимание книготорговца и проинформировал его, что ищущий приятеля, завсегда этакой лавки, господина Алье. Старец посмотрел на

меня с изумлением. Может быть, добавил я, он известен не под именем Алье, а, скажем, как Раковский, Салтыков или... Тот посмотрел на меня еще пристальнее, щуря глаза, без всякого выражения, и заметил, что у меня странные знакомые со многими именами. Я сказал тогда, что не имеет значения, что я спрашивал просто так. Погодите, сказал он, сейчас должен прийти сюда мой компаньон, вероятно, он знает того господина, которого вы ищете. Да, да, посидите, там в глубине магазина есть стул. Я позвоню, наведу справки. Он поднял трубку, накрутил номер и о чем-то заговорил приглушенным голосом.

Казобон, сказал я сам себе, ты еще глупее Бельбо. Чего ты теперь ждешь? Чтобы нагрянули Те Самые, какая интересная встреча, вот здесь и друг Якопо Бельбо, идите, идите же сюда поближе, не бойтесь...

Я вскочил, распрощался и выбежал. За одну минуту промчавшись по рю Мантихор, я оказался в лабиринте кривых улочек, обрывавшихся на набережной Сены. Идиот, продолжал шептать я, чего ты хотел достичь? Приехать в Париж, разыскать Алье, взять его за шиворот, тот бы извинился, произошло недоразумение, вот вам ваш приятель, мы его не попортили. На это ты рассчитываешь? Теперь им известно, что ты тоже в Париже.

Было около часу. Вечером что-то должно было произойти в Консерватории. Что мне было делать? Я шел по улице Сен-Жак и то и дело оборачивался. Вдруг мне показалось, что какой-то араб меня преследует. С чего я взял, что он араб? Отличительная черта арабов в том, что они арабами не кажутся, я имею в виду в Париже, в Стокгольме другое дело.

Поравнявшись с какой-то гостиницей, я вошел и попросил комнату. Идя с ключом по деревянной лестнице, на втором этаже которой была балюстрада, я свесился посмотреть вниз и увидел, что "араб" вошел за мной и направился к стойке. Потом в коридоре я заметил каких-то людей, которые вполне могли бы быть арабами. Ничего странного, в этом районе, должно быть, на каждом шагу гостиницы для арабов. Ну и что из этого?

Я вошел в комнату. Она оказалась приличной и даже с телефоном, жалко только что я не знал кому позвонить.

Я лег и забылся беспокойным сном часа на три. После этого встал, умылся холодной водой и отправился по направлению к Консерваторию. Теперь мне ничего другого не оставалось, я должен был войти в музей, дожждаться часа закрытия, спрятаться и сидеть до полуночи.

Это я и сделал. Полночь уже приближалась, я находился в перископе, чего-то ждал.

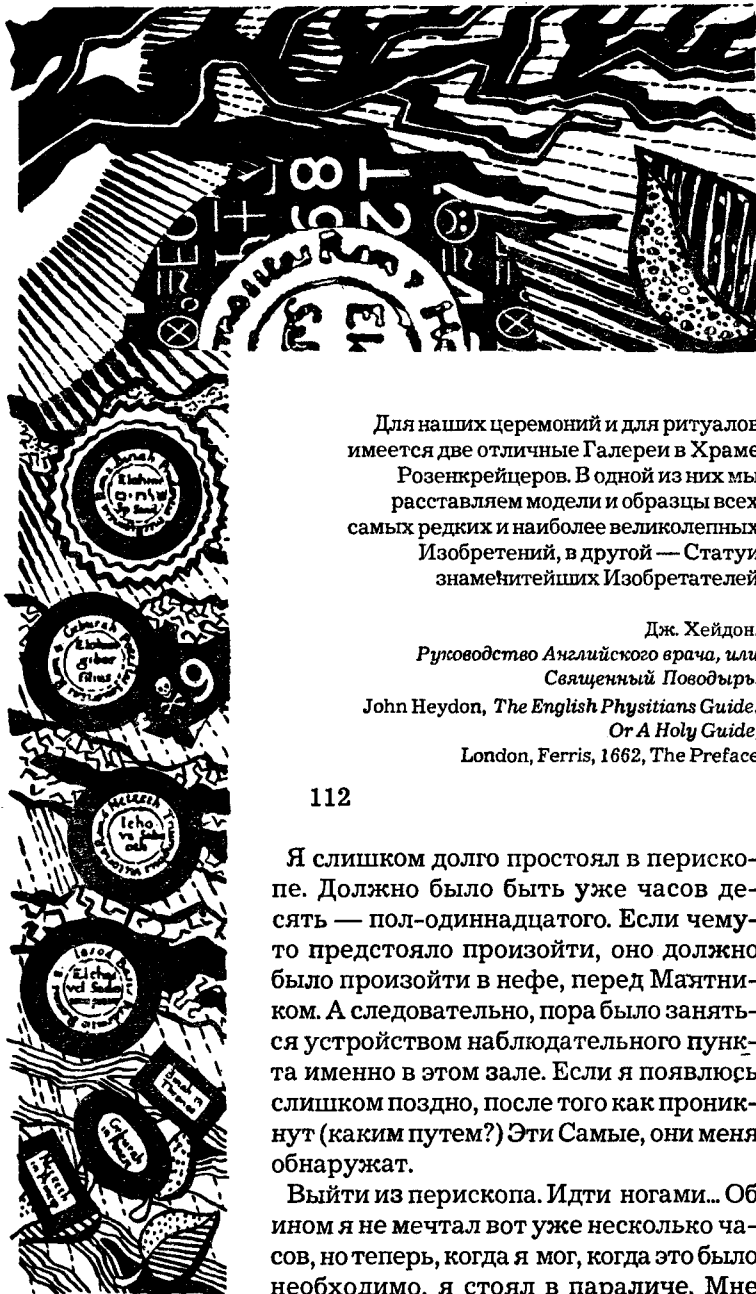
Нецах для некоторых толкователей — сефира Спротивляемости, Выносливости и любовного Терпения. И точно, впереди было Испытание. Но по другим толкователям, это сефира Победы. Победы кого? Полагаю, что в этой истории о проигравших, где Бельбо проиграл одержимцам, а одержимцы Бельбо, Диоталлеви проиграл собственным клеткам, я был единственным победителем. Я упрятался в перископе, я знал о Тех, Те не знали обо мне. Первая часть моего замысла развернулась точно по плану.

Ну, а вторая? Она тоже пройдет по моему плану или же по Плану, который уже принадлежит не мне?

TOD

VIII

Для наших церемоний и для ритуалов имеется две отличные Галереи в Храме Розенкрейцеров. В одной из них мы расставляем модели и образцы всех самых редких и наиболее великолепных Изобретений, в другой — Статуи знаменитейших Изобретателей

Дж. Хейдон,
*Руководство Английского врача, или
Священный Поводырь.*

John Heydon, *The English Physicians Guide:
Or A Holy Guide,*
London, Ferris, 1662, The Preface

112

Я слишком долго простоял в перископе. Должно было быть уже часов десять — пол-одиннадцатого. Если чему-то предстояло произойти, оно должно было произойти в нефе, перед Маятником. А следовательно, пора было заняться устройством наблюдательного пункта именно в этом зале. Если я появлюсь слишком поздно, после того как проникнут (каким путем?) Эти Самые, они меня обнаружат.

Выйти из перископа. Идти ногами... Обином я не мечтал вот уже несколько часов, но теперь, когда я мог, когда это было необходимо, я стоял в параличе. Мне

надлежало продвигаться по полночным залам музея, используя фонарь как можно меньше. Почти никакого света не попадало внутрь через окна, и когда я предвкушал видения фантастических экспонатов в лунном свете, я здорово обманывался. Витрины слепо отблескивали, отражая лучи, попадавшие в окна. Если я не буду крайне осторожен, обязательно рухнет что-нибудь с россыпью хрустальных осколков или с металлическим грохотаньем. Фонарик я включал поминутно. И будто бы в “Крейзи Хорс”, софит выхватывал все новые порции наготы, но тут — голые гайки, болты, шарниры.

А если бы внезапно свет выхватил сектор живого тела, чью-нибудь фигуру, уполномоченного Верховных, того, кто зеркально повторял бы мое движение? Кто из нас заорал бы раньше? Я навастривал уши. Зачем? От меня-то не исходило ни звуков ни шума. Значит, и от него.

Ходя по музею, я старался запомнить последовательность залов, я был убежден, что и в темноте дойду до центральной лестничной клетки. А вот теперь я лез наугад, почти на четвереньках, и полностью утратил ориентацию.

Наверно, через какие-то залы я проходил по второму разу, а может быть, из них я и не вышел, и не исключено, что бессмысленное кружение в темноте среди мертвых механизмов составляло часть инициационного ритуала.

Хотя по правде, я не очень-то хотел спускаться; по правде, хотелось отсрочить неминуемую встречу.

Я вышел из перископа после длительной и безжалостной беседы с самим собою. Отдав раздумью всю эту кучу часов, я переосмыслил наше заблуждение, заблуждение последних лет, и постарался дать себе отчет, по какой причине, без всякого разумного повода, я нахожусь в этом месте и ищу Бельбо, которого могли бы завести в это место еще менее рациональные причины. Но как только я ступил первый шаг из перископа, все поменялось. На ходу я начал думать как если бы был совсем не мною. Я начал думать головой Бельбо. И как Бельбо ныне в конце своего долгого странствия в сторону озарения, знал я, что любой на свете земной предмет, какая угодно ничтожность читается как иероглиф некоего Иного, и что не существует никакого Иного столь же реального, как реален План. О, я был многоведущ! Мне

хватало полувзгляда, полулучика света на экспонате, чтоб истолковывать. Меня трудно было сбить с панталыку.

... Мотор Фромана: вертикальная структура на ромбовидном постаменте, которая демонстрировала, как демонстрирует анатомический муляж свои собственные ребра, серию катушек, каких-то батарей, махалок, моталок, рычалок и рычалок, черт знает какие под ними подписи стоят в энциклопедиях... приводимых ремнем или трансмиссией, которая иннервировалась от планетарной передачи через зубчатую шестерню. Вопрос. Для чего нужна такая штукавина. Ответ? Для измерения подземных токов, естественно.

Аккумуляторы. Чего им аккумулировать? Достаточно было вообразить Тридцатьшестерку Недоступных, этих неистовых секретарей (то есть оберегателей секрета), как они ударяют по ночам в свои цимбалы, чтоб выколотить звук, искру, призыванье, реплику в перекличке берега с берегом, пропасти с поверхностью, Мачу-Пикчу с Авалонном, дзынь дрынть двинь, алло алло алло, Памерсиель Памерсиель, улавливаю дрожанье! Вызываю течение Му 36! То, которое брахманы обожают и называют бледным духовением Господним. Вставляю колышек, макро-микроскопическая цепь под напряжением. Трясутся под коркой земной поверхности все мандрагорские коренья! Передаем для наших слушателей песнь Универсальной Симпатии. Отбой, перехожу на прием.

Господи боже! Все те войска, что полегли на кровавых равнинах Европы. Папы, изрыгавшие анафемы. Гемофилитические, инцестуозные императоры с их саммитами в охотничьих домиках в Палатинских садах. Все это дабы создать прикрытие, "крышу", шикарный фасад для работы всех тех, кто тайно в Соломоновом Доме вслушивается в бледные бляения Мирового Средопупия.

Все Они копошились здесь, налаживали свои псевдо-термические гексатетраграмматические (не так ли выразился бы Гарамон?) эклектрокапилляторы. Время от времени, так уж и быть, изобреталось что-нибудь для отвода глаз: то вакцина, то лампочка, чтобы держать на плаву удивительные приключения металлов, однако задание было совсем другое, вот они все здесь, собираются сюда в пол-

ночь, чтобы раскочегарить статическую машину Дюкрете — прозрачное колесо, чем-то схожее с портупеей, внутри два виброшарика, насаженные на два гнутые прута, может быть, когда-то они касались и вырабатывались искры, Франкенштейн надеялся получить возможность гальванизировать своего Голема, но однако нет, другого ждали они сигнала: сопоставляй, работай, рой и копай, роз и крейц...

Швейная машина (из тех, рекламировавшихся с картинкой вместе с пилюлями для развития бюста и с крупным орлом, воспаряющим над отрогом и несущим в когтях полезительную настойку, желудочные капли “Робур Завоеватель” (Robur Le Conquerant, R. C.). Шевельни машину, закрутится обод, от обода — кольцо, от колечка... Что приводится этим колечком? Подпись под экспонатом: “Токи, испускаемые полем земного шара”. Без всякого зазрения! И ведь это могут прочесть дети, приходящие на экскурсии! Но считалось, что надо думать, что человечество пойдет другой дорогой. Поэтому была свобода творить вообще что угодно, ставить священный эксперимент, делая вид, будто это нужно для развития механики. СС — Старшины Света дурили нам голову много веков. Мы были схвачены, охвачены, прохвачены Заговором, тем временем писали поэмы, как веселится и ликует паровоз.

Я входил, выходил. Мог бы вообразить себя совсем маленьким, микроскопическим, и вот я очарованный путник на улицах городка в табакерке, забитого металлическими небоскребами. Цилиндры — батарейки — лейденские банки — колпак на колпаке — каруселька в двадцать сантиметров — электротурникет по принципу притяжения-отталкивания (à attraction et repulsion). Талисман любви-ненависти для стимулирования симпатических токов. Распределительная доска электростанции о девяти колонках. Электромагнит. Гильотина. В центре — напоминает пресс печатни — заготовлены крюки на конюшенных цепях. Под пресс свободно можно втиснуть руку, вжать чью-то голову. Еще стеклянный колпак. Подвигается с помощью пневмонасоса на двух цилиндрах. Что-то вроде аламбика, под аламбиком чаша, справа присажен медный шар. Ну, это барахло графа Сен-Жермена, он в них состряпает красители для гессенского ландграфа.

Подмундштучник, уставленный клепсидрочками, шейки-тали модильяниевские, вовнутрь залито неведомое зелье, выстроены в два ряда по десять колбочек на каждом, и в каждой колбочке наверху не одинаковой высоты с соседними, как будто крошечные монгольфьерки хотели бы улететь, но не пускают их балластные шарики. Сервис для зачатия Ребисов, беззастенчиво, у всех на глазах.

Зал, отведенный стеклу: я вернулся на круги моя. Опять зеленые бутылки, угощение садиста, дегустация квинтессенций отравы. Бутылочноделательные железные машины, открываются-закрываются двумя рукоятями, если что вместо бутылки заложат туда запястье? Хряп, так и употреблялись все эти клещи, скальпели, ланцеты, кривоносые щипцы для засовывания в сфинктер, в ухо, в матку, чтобы вытаскивать плод, толочь его свеженьким с медом и с перцем для утоления жажды Астарты... Зал, по которому я странствовал ныне, имел широкие витрины, повсюду я чуял рубильники, нажми который — и завращаются винтообразные шила, неотвратно, по направлению к глазу жертвы, “Колодец и маятник” По; здесь брал материал для рисунков карикатурист Гольдберг, отсюда взялись пыточные снаряды, на которые костыльепогий Биг Пит привязывал Микки Мауса, как например трехшестеренная передача — шедевр возрожденческой механики. Изобретатели Бранка, Рамелли, Дзонка. Я был прекрасно знаком с этими шестернями. Я фотокопировал их для чудной истории металлов. Но сюда их понатащили гораздо позднее, в прошлом веке. Их составили в этот зал, чтобы перевоспитывать несогласных после завоевания мира, тамплиеры взяли уроки у ассасинов, теперь они знали, как закрывают рты таким, как Ноффо Деи, в тот самый день как удастся заполучить партизана в руки. Свастика фон Себоттендорффа сумеет закрутить по направлению солнца конвульсирующие конечности врагов Начальствующего Народа. Все у них заготовлено, ожидают установленного знака, все на глазах у всех, План был абсолютно гласен, только никому это в голову не приходило. Скрежещущие челюсти готовились пропеть хорал победы; оргия ртов, сведенных к единому зубу, приболченных друг к другу, заболтанных в тик-такном бултыханьи, вывалившим кльки и резцы на землю из металлических лун.

Вот наконец я оказался напротив *émetteur à étincelles soufflées*, передатчика, запроектированного для Эйфелевой башни в целях сверки сигналов точного времени между Францией, Тунисом и Россией: провэнские тамплиеры, павликиане и фесские ассасины (Фес не в Тунисе, ассасины были в Персии, но это придирки; не до ненужных тонкостей, когда живешь в извивах Утонченного Времени). Я уже видел эту громадную машину, ростом больше меня, стенки которой изъязвлены отверстиями, заслонками, засосками, кто-то еще сказал: “Напоминает радиоприемник”. Да знаю я ее, прогуливался перед ней сегодня. Бобур! Культурный центр Помпиду!

Боже мой, прямо перед носом. Ну точно, к чему иначе было громоздить громадную коробку в центре Лютеции (Лютеция — морской вокзал подземного океана). В центре, который некогда именовался чревом Парижа, и опутывать здание хоботами воздухопроводов, наглой кишечной требухой, а ушную раковину Диониса бесстыдно выставлять во внешнее пространство и испускать ею утробные звуки, отправлять послания, сигналы в середину земли, откуда они изbleвываются обратно — последние известия из Ада? Сперва Консерваторий, лаборатория. Потом Эйфель — поисковая выпшка. И наконец, Бобур — универсальный приемопередатчик. Так я и поверю, что водрузили этот колоссальный вангуз для убоготворения немых студентов, которые приходят послушать последний диск через японский наушник! О, до чего сработано хитро, и абсолютно все на глазах. Бобур — это вход в подземельное царство Агарты, заповедаице Рыцарей Интернациональной Синархии. А все прочие — два, три, четыре миллиарда прочих — не имеют ни о чем понятия, или стараются не иметь. Глупцы-Гиличи. Что же касается Пневматиков, то те — прямой наводкой к цели, шести векам назло.

Внезапно я почувал под ногами лестницу. Начал спускаться, все более осторожно. Полночь приближалась. Надо было залезть в облюбованное мною место заранее, покуда Эти еще не появились.

Наверное, было одиннадцать, может, чуть раньше. Идя через зал Лавуазье, я не решился зажигать фонарик. Па-

мятуя о своих недавних галлюцинациях, поскорее проскочил галерею паровозов.

В маятниковом нефе кто-то находился. Там были подвижные зыбучие огоньки. Слышалось цоканье и шарканье перемещаемых вещей.

Успею ли я пронырнуть в свою будку? Я полз, прижимаясь к стеклянной стенке, за которой шел поезд, и скоро оказался около статуи Грамма в трансепте. На деревянном постаменте кубической формы (кубический камень Есода!) Грамм торчал, будто надзирая за входом на хор. Я помнил, что моя статуя Свободы располагалась где-то приблизительно за его плечом.

Передняя панель пьедестала Грамма была откинута вперед как помост, а за ней открывался провал. И именно оттуда на моих глазах вылезал некто с фонариком, возможно газовым, из цветных стекол, бросавшим на его лицо блик багровой зари. Я вжался в угол. Он меня не увидел. К нему поспешила фигура из хора. — Скорее, — послышалось. — Быстро! Они через час придут.

А, так это был авангард, готовивший помещение к службе. Если их было мало, я мог прошмыгнуть незамеченным к своей Свободе. Прежде чем появились бы Эти, Те самые, в неведомом количестве. Я долго не шевелился, выжидал, следя за перемещениями фонариков в церкви. Там сменялась интенсивность освещения, огни смещались из конца в конец. Я подсчитывал, насколько отдаляются они от Свободы и насколько надежная там тень. В какой-то миг я сказал себе: решайся. Протиснулся позади Грамма, вобрав в себя все мускулы живота. Хорошо, что, по Лииному выражению, я был худ как скелет. Лия. Бросился и оказался в будке.

Вжимаясь в землю, я замер на полу почти в эмбриональной позе. Колотилось сердце и зубы.

Расслабиться. Я ритмично задышал носом, ускоряя глубину вдохов. Кажется, именно таким способом под пыткой заставляют себя потерять сознание, ускользнуть от боли. И впрямь, постепенно я погрузился в объятия Подземельного Мира.

Наше дело — тайна внутри тайны,
тайна чего-то, что остается скрытым, тайна,
которую лишь другая тайна может изъяснить,
это тайна на тайне, которая тешится тайной.

Джа-сфар аль-Сâдик, *Шестой Имам.*
Ja'far-al-Sâdiq, *Sixth Imam*

113

Я медленно возвращался в сознание. Слышались звуки, тревожно мерцали блики. Меня мучили задеревеневшие ноги. Я постарался подняться тихонько, без всякого шума, ступни оперлись на отмель, заселенную морскими ежами. Русалочка, ау! Совершенно бесшумно я перемялся с ноги на ногу, встал на цыпочки, опустился на пятки. Пытка стала выносимее. Только тогда, высунув осторожно голову из будки, я посмотрел налево, направо и убедился, что моя засада остается в тени. Я мог видеть, не будучи видим.

Неф освещался повсюду. Свет шел от фонарей, теперь их было несколько десятков, по фонарю у каждого участника сходки, число которых прибывало каждую минуту. Они выныривали из постамента памятника Грамму, проходили через бывший соборный хор и устраивались в неф. Господи, сказал я себе, шабаш на Лысой Горе, нарисованный Диснеем!

Они не галдели, а шептались, но все совокупно производили какой-то назойливый шум, как в театре, когда статисты вразнобой бормочут “чтоговоритькогданеочемговорить”.

Слева от меня фонари были расположены на земле полукругом, дорисовывая приплюснутой дугою восточную выпуклость абсиды, достигая южной окраиной полукруга статуи Паскаля. Под статуей располагался пылающий жертвенник, на который постоянно подбрасывали травы, эссенции. Дым пробирался ко мне в будку, драл горло, приводил меня в состояние тупого перевозбуждения.

На фоне трепета фонарей я заметил, что посередине хора колыхалась какая-то штука, какая-то тонкая и подвижная тень.

Маятник! Маятник не болтался теперь на своем месте под крестовиной купола. Он был прицеплен, и не он, а другой, бывший больше, к замку свода над хором. Шар стал крупнее, трос, державший его, толще, он напоминал корабельный канат или витой кабель.

Маятник был такой же громадный, какой проектировался в свое время для Пантеона. Было похоже, как будто я смотрел на Луну в телескоп.

Они реконструировали его в том же виде, в каком тамплиеры испытали его впервые, за полтысячелетия до Фуко. Чтобы позволить Маятнику качаться свободно, они к тому же убрали некоторые предметы, добавив к амфитеатру хора свой грубый фонарный полукруг, антистрофу — сцену.

Я недоумевал: как же Маятник ухитряется сохранять постоянную энергию? Ведь под половым покрытием хора не вмонтирован, как на прежнем месте, магнитный амортизатор? И тут же увидел как. У окраины хора, рядом с двигателями Дизеля, находился человек, который, в любой момент готовый, как кот, совершить прыжок в зависимости от изменений колебательного плана, мягким движением руки добавлял шару, всякий раз, когда шар проносился в радиусе его действия, новый небольшой импульс, точно рассчитывая силу толчка длинных и гибких пальцев.

Он был во фраке, как Мандрейк. Немного погодя, получше разглядев всю его команду, я понял, что это фокусник, иллюзионист “Маленького цирка мадам Олкотт”, профессионал, умеющий великолепно дозировать энергию нажима, с железными запястьями, с привычкою работать на микроскопических подвижках. А может быть, он даже был способен сквозь тонкие подметки своих лакированных туфель прочувствовать течения Земли и привести свои руки в соответствие тайной жизни шара и тайной жизни Земли, на призывы которой реагировал шар?

Его окружение. Чуть погодя я рассмотрел и их тоже. Они проскальзывали между автомобилями нефа, проныривали около дрезин и мотоциклов, почти что перекатывались в потемках, кто подтаскивал трон и покрытый красным сукном стол заседаний в широкую галерею в дальнем конце нефа, кто примащивал дополнительные фонари. В

своей мелкости, в ночном мельтешении они ковыляли, как рахитичные дети, и я заметил у одного, проходившего рядом, монголоидные черты лица и лысый череп. Это были Мини-Монстры мадам Олкотт, мерзейшие карлики-уроды, которых я видел на плакате в лавке Слоан.

Цирк собрался тут в полном составе, труппа, пожарные и коверный персонал. Я увидел Алекса и Дениса, Гигантов Авалона, затянутых в ремни из черной кожи с наплексами, действительно гигантских, белокурых: они стояли, прислонившись к громадному Обейссану, крестом сложивши руки, выжидая.

Не было времени пытаться рассмотреть остальное. Вошел некто с большой торжественностью, властным жестом призвал к порядку. Я узнал Браманти лишь по его кровавой тунике, белому плащу и митре, которые видел во время знаменитого мистического вечера в Пьемонте. Браманти приблизился к жертвеннику, плеснул на него что-то, всех обдало чадом, и вслед за этим жирная белая волна дыма и аромата распространилась по всей зале. Как тогда в Рио, подумал я, как тогда в Пьемонте на алхимическом балу. А у меня нет агогона. Я завесил платком рот и ноздри, как противогазом. Но все тщетно: Браманти задвоился в моих глазах, а Маятник стал скакать передо мною сразу во множестве направлений, как в луна-парке.

Браманти начал выкликать: — Алеф бет гимель далет ге вав заин хет тет йод каф ламед мем нун самех айин пе цади коф реш шин тав!

Толпа отвечала молитвенно: — Памерсиэль, Падизэль, Камуэль, Азелиэль, Бармиэль, Гедизэль, Азириэль, Мазериэль, Дорхтиэль, Узиэль, Кабаризэль, Райзиэль, Зимизэль, Армадизэль...

Браманти снова махнул, и некто отделился от толпы, преклонил колено у ног священнодея. Только на мгновение мне удалось увидеть его лицо. Это был Риккардо, человек со шрамом, художник.

Браманти допрашивал его, а тот произносил ответы, откликаясь наизусть затверженными формулами ритуала.

— Кто ты есть?

— Я адепт, еще не допущен до высочайших секретов

ТРИС. Я готовился в молчании, в медитации, сопредельной тайне Бафомета, и в сознании, что Великая Дея творится о шести нетронутых печатях, и что только перед окончанием мы узнаем тайну седьмой печати.

— Как ты был принят?

— Взойдя по перпендикуляру к Маятнику.

— Кто тебя принял?

— Мистик-Легат.

— Ты узнал бы его?

— Нет, ибо он был маскирован. Мне известен в лицо только Рыцарь на одну ступень выше меня, а тому известен лишь Измеритель на ступень выше его ступени, и так каждому известен лишь один. И я желаю того же.

— Что деет Сатор Арепо?

— Tenet Opera Rotas.

— Что деет Сатан Адама?

— Tabat Amata Natas. Mandabas Data Amata, Nata Sata.

— Ты доставил женщину?

— Да, она здесь. Я передал ее тому, кто был мне указан.

Она готова.

— Ступай же и будь готов.

Диалог проходил на весьма приблизительном французском. Покончив с этим, Браманти сказал: — Братья, мы собрались во имя Единого Ордена, Ордена Неизвестного, к которому до вчерашнего дня вы и не ведали, что принадлежите, а принадлежали к нему всегда! Поклянемся же. Анафема профанаторам тайны! И анафема сикофантам Оккультного, анафема тем, кто сделал позорищем Ритуалы и Таинства!

— Анафема!

— Анафема Невидимому Коллегию, убудкам Хирама и вдовицы, и магистрам оперативным и спекулятивным Великой лжи Востока и Запада, Древней, Принятой и Исправленной, Мисраиму и Мемфису, Филофетам и Девяти Сестрам, Строгому Наблюдению и Порядку Храма восточного, Иллюминатам Баварии и Авиньона, Кавалерам Кадоша, Избранным Козна, Совершенному Дружеству, Рыцарям Черного Орла и Святого Града, Розенкрейцерам Англии, Каббалистам Златорозового Креста, Золотой Заре, Католическому розенкрейцерству Храма и Грааля, Ут-

ренной Звезде, Светилу Аргентинскому и Телемскому, Вриль и Туле, анафема древним и мистичным узурпаторам наименования Великого Белого Братства, Наблюдателям Храма, анафема всем Коллегиумам и Приоратам Сиона и Галлий!

— Анафема!

— Кто бы по простоте, по повелению, из прозелитизма, расчета либо же по злой воле ни был инициирован в ложу, коллегиум, приорат, капитул, орден, которые незаконно апеллируют к Неведомым Верховникам и Старшинам Мира, да отречется этой же ночью и да испросит в исключительном порядке принятия духовного и телесного в ряды единственного Истинного Наблюдения, ТРИС, Тамплиеров-Рыцарей Интернациональной Синархии, в триединый и триносфский мистический и секретный орден Кавалеров Синархов Возрождения Тамплиерства!

— Под сению крил твоих!

— Пусть же войдут местодержатели тридцати шести постов высшей тайной иерархии!

И в то время как Браманти выкликал одного за другим избранных, они входили в литургических одеждах, каждый неся на груди Золотое Руно.

— Кавалер Бафомета, Рыцарь Семи Нетронутых Печатей, Кавалер Седьмой Печати, Кавалер Тетраграмматона, Рыцарь Каратель Флориана и предателя Ноффо Деи, Рыцарь Атанора... Достопочтенный Измеритель Вавилонского Столпа, Достопочтенный Измеритель Великой Пирамиды, Достопочтенный Измеритель Кафедральных Соборов, Достопочтенный Измеритель Храма Соломона, Достопочтенный Измеритель Садов Палатинских, Достопочтенный Измеритель Храма Города Солнца...

Браманти выкликал титулы, а их носители группами вступали в зал, и я, как ни силился, не успевал различить их по титулам, однако несомненно в числе первой дюжины вошли Де Губернатис и старик из книжной лавки Слоан, профессор Канестрис и другие, виденные мною на мистическом празднике в Пьемонте. По-видимому, степень Кавалера Тетраграмматона относилась к господину Гарамону, он вошел чопорный, иератичный, полный сознания своей новой роли, подрагивающими руками он то и дело

ощупывал свой нагрудный знак Золотого Руна. Тем временем Браманти продолжал: — Мистик-Легат Карнака, Мистик-Легат Баварии, Мистик-Легат Барбелогностиков, Мистик-Легат Камлота, Мистик-Легат Монсегиора, Мистик-Легат Сокровенного Имама... Верховный Патриарх Томара, Верховный Патриарх Килвиннинга, Верховный Патриарх Сен-Мартен-де-Шан, Верховный Патриарх Мариенбада, Верховный Патриарх Невидимой Охраны, Верховный Патриарх in partibus Скалы Аламута...

Как легко догадаться, Великим Патриархом Невидимой Охраны являлся Салон, такой же сероликий, но без своего халата, сегодня он красовался в желтом облачении вроде туники с кровавым подвоем. За ним следовал Пьер, психопомп Люциферовой церкви, имевший на груди, в отличие от всех, не орден Золотого Руна, а стилет в позолоченных ножнах. Тем временем Браманти продолжал: — Великий Иерогам Алхимического Бракосочетания, Великий Психопомп Родоставрос, Великий Референдарий Тайного Тайных, Великий Стеганограф Иероглифической Монады, Великий Коннектор Астрального и Взаимного космоса, Великий Смотритель Гробницы Христиана Розенкрейца... Неуловимый Архонт Земных токов, Неуловимый Архонт Полого Земного Шара, Неуловимый Архонт Мистического Полюса, Неуловимый Архонт Лабиринтов, Неуловимый Архонт Маятника Маятников... — Браманти выдержал паузу, и, как мне показалось, с неудовольствием возвестил последнего члена совета: — Неуловимейший из Неуловимых Архонтов, Раб Рабов, Смирнейший Секретарь Эдипа Египетского, Ничтожный Посланник Верховников Мира и Вратарь Агарты, Последний Кадильщик Маятника, Клод-Луи, граф Сен-Жермен, князь Ракоши, граф Сен-Мартен, маркиз Алье, властелин Сюрмона, маркиз Уэллдон, маркиз Монферрато, маркиз Аймар и маркиз Бельмар, граф Салтыков, кавалер Шёнинг, граф Цароги!

В то время как прочие располагались на галерее, в президиуме, лицом к Маятнику и к общему собранию, рассеившемуся в нефе, вошел господин Алье, в синем в полоску двубортном костюме, с бледным и замкнутым ликом, ведя за собою, как ведут душу умершего по тропинке Аида, бледную, как он, и как будто одурманенную наркозом, одетую в

одну только белую полупрозрачную тунику Лоренцу Пеллегрини с разметанными по плечам волосами. Я увидел ее в профиль, в то время как она проходила, нежная, изможденная, как прелюбодеица прерафаэлитов. Слишком прозрачная, чтоб не возбудить в очередной раз моего желания.

Алье подвел Лоренцу к жертвеннику, вблизи от статуи Паскаля, погладил ее по отсутствующему, задумчивому лику и подал знак Гигантам Авалона, чтобы они приблизились и поддержали Лоренцу. Потом направился к столу и уселся лицом к своей пастве, и мне он был виден прекрасно, в то время как вынимал из жилетного кармана табакерку и вращал ее пальцами в безмолвии, прежде чем заговорить.

— О братья, о кавалеры. Вы собраны потому, что в эти дни Мистические Легаты оповестили вас о слете, и следовательно, всем вам известна причина, объединившая нас тут. Мы должны были бы собраться в ночь 23 июня 1945 года. Может быть, некоторые из вас в тот год еще не были рождены на свет — я хочу сказать, не существовали в своей сегодняшней ипостаси. Я пригласил вас сюда, потому что после шести сотен лет мучительнейших блужданий мы обнаружили того, кто знает. Как он узнал — и узнал больше, чем знаем мы, — это тревожащая тайна. Но добавлю, что среди нас присутствует — и ты не мог бы не быть тут, не правда ли, мой любопытный друг, однажды уже раскаявшийся в излишнем любопытстве? — итак, открою вам, что среди нас присутствует некто, кто мог бы рассказать, откуда знает Тот. Арденти!

Полковник Арденти — и это был именно он, в том же вороновом оперении, хотя немного одряхлевший — протолкался между зрителями и встал перед столом, за которым заседал грозный Судия. Между ним и подсудимым, как непреодолимая преграда, со свистом прорезал воздух справа налево и обратно тяжелый шар Маятника.

— С тех пор как мы не видимся, о брат мой, — усмехнулся Алье, — я слышал, что ты не сумел удержаться и разгласил секретные сведения. Так как же? Ты знаешь, что сказал нам заключенный, и он говорит, что узнал от тебя. Значит, ты знал и тайл от нас.

— Граф, — отвечал Арденти. — Заключенный лжет. Мне

унизительно признаваться, но честь превыше всего. История, которую я ему доверил, не та, в которую посвятили меня сейчас Мистические Легаты. Истолкование Послания — да, это верно, Посланием я занимался, и этого я не потаил от вас тогда, несколько лет назад, в Милане, — его истолкование Послания для меня ново. Я не был бы способен прочесть его так, как читает заключенный, и поэтому я искал помощи. И должен сказать, что этой помощи от него не получил, напротив, встретил лишь недоверие, вызов и угрозы... — Может быть, он собирался сказать что-то еще, но глядя на Алье, он глядел также и на Маятник, оказывавший на него завораживавшее влияние. В гипнотическом трансе он пал на колени и смог произнести только: — Прошу пощады, ибо не знаю.

— Ты пощажён, ибо знаешь, что не знаешь, — сказал ему Алье. — Ступай. Итак, о братья, заключенный знает много того, о чем не знал ни один из нас. Он даже знает, кто такие мы, а мы узнали это от него. Следуют действовать безотлагательно, ибо скоро начнет рассветать. Оставайтесь же здесь в медитации, пока я удалюсь, чтобы снова беседовать с заключенным и чтоб вырвать у него признание.

— А, нет, мсье граф! — Пьер выступил на просцениум, глаза его горели. — У вас было два дня, вы с ним говорили, с нами это не обсуждалось, и он не видел ничего, не говорил ничего, не слышал ничего, как три обезьяны. Что вы хотите опять его спрашивать, тут сейчас, в эту ночь? Нет, нет, сюда, перед всеми, перед нами, немедленно!

— Успокойтесь, мой милый Пьер. Я распорядился доставить сюда сегодня ту, которую чту как совершеннейшее воплощение Софии, как мистическую связную между миром заблуждения и Верховным Огдоадом. Не дознавайтесь, как и почему, но при помощи этой посредницы заключенный заговорит. Скажи всем этим людям, кто ты такая, София!

И Лоренца, в том же сомнамбулическом трансе, почти что с трудом выговаривая слова: — Я есмь... блудница и святая...

— А, вот какие штуки, — ощерился Пьер. — С нами тут сливки мировой инициации, а надо прибегать к девкам! Нет уж, сюда его, к Маятнику, и быстро!

— Не будем ребячиться, — настаивал Алье. — Мне нужен час времени. С чего вы взяли, что он будет красноречив у Маятника?

— Будет красноречива его смерть! Человеческую жертву! *Le sacrifice humain!* — заревел Пьер, обращаясь к залу.

И зал подхватил хором: — *Le sacrifice humain!*

Салон сделал шаг вперед: — Граф, ребячество ни при чем, правота на стороне брата. Мы же не полиция...

— Уж вы бы на эту тему молчали... — парировал Алье.

— Мы же не полиция и не считаем для себя употребимыми известные методы дознания. Не думаю в то же время, что могли бы возыметь действие жертвоприношения духам подземного мира. Если бы они хотели подать нам какие-либо знаки, у них имелось достаточно времени. Они не подали знаков. Кроме заключенного, знал еще некто, но этот скрылся. Но невзирая на то, нынешней ночью мы имеем возможность провести очную ставку заключенного с теми, кто знали и даже... — тут он ухмыльнулся, буравя Алье прищуренным взглядом из-под кустоватых бровей, — провести их очную ставку с самими нами, вернее с некоторыми из нас...

— На что вы намекаете, Салон? — спросил Алье внезапно севшим голосом.

— Позвольте, господин граф, сейчас мигом станет ясно, — заговорила мадам Олкотт. Это была она, я узнал ее по фотографии на плакате. Землистое лицо, оливковые одежды, лоснящиеся от масел черные косы, собранные на макушке, мужской прокуренный голос. Мне еще в магазине Слоан померещилось что-то знакомое в этом портрете, и сейчас я наконец понял: это была та друидесса, которая налетела на нас на мистическом празднике в Пьемонте. — Алекс и Денис, приведите заключенного.

Она скомандовала так решительно, ропот толпы в нефе был так очевидно солидарен с нею, два гиганта так мощно двинулись по ее приказу, передоверив Лоренцу двум мелким Мини-Монстрам, что Алье сжал ладонями подлокотники кресла и не осмелился ей противоречить.

Мадам Олкотт подала знак своим человечкам, и между статуей Паскаля и Обеиссаном вмиг были установлены три кресла, на которые толпа гномов заботливо усадила трои-

цу медиумов. Все трое — темнокожие, мелкокостные, поджарые, с огромными белыми глазами. — Это близнецы Фокс, которые вам, граф, отлично известны. Тео, Лео, Гео, сядьте на места и готовьтесь к сеансу.

В эту минуту снова вступили в зал Гиганты Авалона, ведя за локти Якопо Бельбо. Тот едва достигал головою до их плеча. Мой бедный друг был до дурноты бледен, с многодневной небритостью, руки его были связаны за спиной, рубашка раскрыта на груди. Войдя в задымленное помещение, он хлопал глазами, пытаясь что-нибудь рассмотреть. По-видимому, его не удивила собравшаяся в зале компания иерофантов, он, наверное, за последние дни насмотрелся чего угодно и не поражался ничему.

Но его поразил перевешенный с места Маятник. Гиганты же, не давая ему взглянуть, тащили его прямехонько к трибуне Алье. Оттуда он не мог видеть Маятник, мог только слышать, как он с несильным свистом прорезал воздух за его плечами.

Лишь на мгновение он обернулся — и увидел Лоренцу. Он вздрогнул, хотел было ее окликнуть, попробовал вывернуться, но Лоренца, раскрытыми глазами смотревшая прямо на него, казалось, его не узнавала.

Бельбо повернулся к Алье, очевидно чтобы спросить, что они сделали с Лоренцей, но не успел. Из дальнего края нефа, оттуда, где размещалась в музее касса и лотки с каталогами, послышалась трескотня барабанов и визгливые звуки флейт. Неожиданно дверцы четырех автомобилей открылись и оттуда вышли четверо существ, которых я тоже уже видел на том же самом цирковом плакате в книжном магазине Слоан.

Фетровые шапки без полей, напоминавшие фески, широкие черные плащи, застегнутые до самой шеи, Дервиши Вовленники восставали из автомобилей, как ожившие трупы, поднимающиеся из саркофагов, опускались на четвереньки и ползли по направлению к магическому кругу. В глубине все те же музыканты играли теперь уже медленную музыку, и настолько же медленно Дервиши прихлопывали ладонями по полу и кивали головами.

Из кабины аэроплана Бреге, как муэдзин из минарета, высунулся пятый дервиш и запел заклинания на непонят-

ном языке, подвывая, скуля, переходя на высокие ноты, а музыканты снова ударили в барабаны, задавая все более нарастающий ритм.

Мадам Олкотт наклонилась над своими медиумами Фоксами и нашептывала им какие-то ободрительные призывы. Все трое, пытаясь войти в транс, казалось, вросли в сиденья, вцепившись руками, закрыв глаза, потев. Все мускулы и тела и лица у них были напряжены.

Мадам Олкотт обратилась к высокому собранию: — Сейчас мои славные малыши приведут сюда кое-кого, кто знал. — И выдержав паузу, возвестила: — Эдвард Келли! Генрих Хунрат! — и после новой эффектной паузы: — Граф Сен-Жермен!

В первый раз за наше знакомство я увидел, что и Алье теряет самоконтроль. Он вскочил с трона. Это было ошибкой. И с кулаками бросился на Олкотт, чуть не попав под Маятник, крича: — Гадина, сволочь, ты сама знаешь, что это неправда... — И крикнул, повернувшись к нефу: — Это подтасовка! Остановить их!

Но никто и не подумал останавливать, напротив, Пьер прыжком оказался у трона Алье, уселся и как ни в чем не бывало сказал: — Продолжайте, мадам.

Алье стих. Он сумел взять себя в руки, отступил и присоединился к кругу стоявших. — Ну что ж, — произнес он с вызовом. — Продолжайте, посмотрим.

Мадам Олкотт подняла и опустила руку, как бы пуская лошадей на скачках. Музыка верещала на все более резких нотах, раскальваясь какофоническими диссонансами, барабаны трещали без ритма, плясуны, которые и прежде начинали покачиваться всем туловищем прямо и назад, направо и налево, поднялись, побросали плащи и вытянули напряженные руки, будто готовясь лететь. Застыв на несколько мгновений неподвижно, они внезапно завертелись волчками, оборачивая тело вокруг оси, осью была левая нога, лица были запрокинуты сосредоточенно-самозабвенно, и плиссированные балахоны стояли на воздухе колоколами от верченья, и больше всего они были похожи на цветы, побитые грозой.

В то же время троица медиумов оцепенела на своих стульях, с напряженными, уродскими лицами, как будто

безрезультатно тужась, тщетно пытаюсь облегчиться и крипло дыша. Огонь жаровни светил все слабее и слабее, приспешники мадам Олкотт загасили все светочи, расставленные на полу хора, и церковь теперь озарялась только свечением лампад, бывших в нефе.

Так постепенно, медлительно мы начали наблюдать чудо. Из уст Тео Фокса вышло беловидное облачко, которое постепенно оформлялось и затвердевало, и такая же пенка несколько погодя поплыла и изо рта двоих его братьев.

— Ну же, малыши, — надрывным шепотом подзуживала мадам Олкотт, — давайте, милые, давайте, еще, вот так...

Танцовщики тянули резкую, истеричную песню. Их головы покачивались, падали на грудь, потом раздавались конвульсивные вопли, потом рычание и хрипы.

Медиумы продолжали издавать субстанцию изначально газообразную, но со временем плотнившуюся, не то какую-то белую лаву, не то белок, постепенно разматывавшийся нитями, и это плыло в воздухе, колыхаясь, обволакивало их плечи, груди, ноги волнистыми движениями, напоминавшими пресмыкания земноводных. Я совсем потерял чувство страха и уверенный, что сольюсь с толпой смотревших, выбрался из будки. Тут налетели новые волны пара, дурман, клубившийся до потолка, сильнее действовал на меня.

Вокруг экстрасенсов фосфоресцировали ауры, их контур был расплывчат и млечен. Субстанция тяготела оторваться от их тел, принимала амебные формы. От массы, изрыгнутой одним из братьев, отделился клуб, начал виться и наседать на его туловище, будто птица, когтящая и клюющая носом. Из навершия клуба высунулись членики, псевдоподии, рожки вроде улиточьих.

У танцовщиков были опущены веки, губы в пене, ни на миг не переставали вращаться они по-веретенному, вдобавок продвигаясь по кругу, насколько им позволяло пространство; революционный процесс шел около Маятника; перекачиваясь кубарем, по некому волшебству дервиши не пересекались с маятниковой траекторией. Все сильнее клубясь, кувыряясь, они скидывали фетровые шапки,

вихрили длинные чернокудрые локоны. Головы, казалось, центробежною силой уносились с их плеч. Тот же вой, что памятным вечером в Рио, оу уу оуу...

Белые явления оформлялись все четче, одно из них приобретало отдаленное подобие человека, другое торчало фаллосом, амфорой, аламбиком, третье определенно прикидывалось птицей, филином с тарелками-глазами и треугольниками ушей. Крючковатый клюв пожилой учительницы физики-химии-астрономии.

Мадам Олкотт допрашивала первый призрак: — Келли, это ты? — Привидение ответило голосом. Говоривший, безусловно, не был Тео Фоксом, голос шел ужасно издалека и артикулировал еле-еле: — Now... I do reveale, a... a mighty Secret if you marke it well...

— Открой, открой Секрет, — настаивала Олкотт. Голос снова: — This very place is call'd by many names... Earth... Earth is the lowest element of All... When thrice yee have turned this Wheele about... thus my Great Secret I have revealed...

Когда привидение кончило вещать на староанглийском про Землю, низший элемент всего, и про какое-то колесо, которое надлежало вертеть три раза, Тео Фокс сделал умоляющий жест рукой, как будто прося пощады. — Расслабься, но не отпускай гостя, — сказала ему Олкотт. И повернулась к мареву, похожему на филина. — Узнаем тебя, Хунрат, что скажешь?

Сыч в ответ: — Hallelu... Iàah... Hallelu... Iàah... Was...

— Was?

— Was helfen Fackeln Licht... oder Briln... so die Leut... nicht sehen wollen...

— Нет, мы хотим увидеть это, — возразила Олкотт. — Рассказывай, что знаешь.

— Symbolon kôsmou... tâ ântra... kai tân enkosmiôn... dunámeôn erithento... oi theológoi...

Когда пернатое договорило свою греческую фразу про символ космоса — пещеру, источник мощи, Лео Фокс, казалось, исчерпал все силы. Голос сыча звучал совсем глухо, Лео нагнул голову и с затруднением поддерживал облако в форме. Неумолимая мадам Олкотт требовала, чтоб он держался, и приступилась к последнему призраку, который

тем временем тоже отлился в антропоморфную фигуру. — Сен-Жермен, Сен-Жермен, ты ли? Что тебе известно?

Призрак запел упражнения сольфеджио. Мадам Олкотт манием руки указала музыкантам, чтоб не грохотали. Плясуны тоже прекратили вопить, но продолжали вертеться, явно на последнем издыхании.

Тень насвистывала: — Gentle love this hour befriends me..

— Это ты, узнаю! — ликовала Олкотт. — Говори же, расскажи нам, в каком месте и что...

Гость в ответ ей по-французски: — Была ночь... С головой, обернутой льняною тканью, нахожу железный жертвенник, кладу таинственную ветку. О, я будто нисхожу в бездну... Галереи, выложенные из глыб черного камня... Мое подземное путешествие...

— Подлог, подлог, — Алье старался перекричать медиума. — Собратья, вы ведь все знаете этот текст, это Trés Sainte Trinosophie, это действительно написано мною, опубликовано, и каждый может прочесть за шестьдесят франков! — Он подбежал к Гео Фоксу и изо всей силы тряс его за плечо.

— Отойди, шарлатан, — визжала Олкотт. — Ему это смертельно!

— Туда и дорога! — огрызнулся Алье и сбросил экстрасенса с табурета.

Гео Фокс схватился за свое собственное извержение, которое тоже повалилось навзничь и стало медленно растекаться слюнями по полу. Гео поник в липучую лужу вещества, которое продолжал исторгать, и застыл без признаков жизни.

— Стой, ненормальный! — мадам Олкотт пыталась ухватить Алье. И кричала другим двум братьям: — Потерпите, миленькие! Нам необходимо опять говорить с ними! Хунрат, выслушай, Хунрат, подтвердите вашу истинность!

Лео Фокс, спасая жизнь, заглатывал обратно сову. Олкотт повисла сзади ему на плечи и сжимала за виски, чтобы внушить свою волю. Сова, наверное, поняла, что ей грозит исчезнуть, и ринулась на собственного создателя. "Phy, Phy Diabolo!" — шипела она, пытаясь впериться клювом ему в глазницы. Лео Фокс заклокотал горлом, как будто ему взрезали сонную артерию, и шлепнулся на колени.

Сова захлебнулась и сгнула в блевотине (фи-и, фи-и, она пицала), и в ту же лужу шлепнулся медиум, сведенный судорогой, бездвижный. Фурия Олкотт, в буйном бешенстве, оборотилась к Тео, который все еще выдерживал свое состояние. — Говори, Келли, ты меня слышишь?

Келли ничего не отвечал. Он пробовал оторваться от экстрасенса, который при этом вопил, как будто у него вытаскивали кишечник, и не соглашался отдать то, что сам произвел, и колотил кулаками воздух. — Келли, резаные уши, не уйдешь, не думай дурачить нас снова! — вопила бешеная баба. Келли пытался удушить медиума. Он превратился в слизкий клейстер, опутал экстрасенса нитями, в которых тот бился, как связанный. Тео пал на колени, кашлял, горячая липучка пожирала его, он катался по полу, став почти что одним целым со смертельным напалмом, извиваясь, будто в огне. Потом то, что было некогда Келли, накрыло его целиком, как саван, и умерло, разжижилось, и Тео застыл посередине пола, опустошенный, ополовиненный, мумия набальзамированного младенца из коллекции Салона. В ту же самую минуту четыре танцовщица остановились, взметнули свои руки в воздух и спустя несколько секунд утопленниками стремительно пошли ко дну, в морскую стремнину, где наконец замерли, скорчились, скуля, как крысы, обхватили головы руками.

Алье тем временем отошел в ряды наблюдавших, вытер платком со лба капли, выдернув его из нагрудного кармана. Дважды глубоко вдохнул и забросил в рот белую таблетку. Потом он потребовал тишины.

— Братие, кавалерство. Вы видели, какому непотребству не постыдилась нас с вами подвергнуть эта женщина. Ныне приведем же себя в порядок и вернемся к моему предложению. Дайте мне один час, и я снова представлю вам нашего пленника.

Мадам Олкотт, побежденная, наклонилась над своими побитыми медиумами в печали, делавшей ее почти похожей на человека. Но Пьер, который наслаждался сценой битвы, скрестивши руки и усевшись на троне, решил, что настал момент действовать. — Это пустяки, — сказал он. — Имеется только одно средство. *Le sacrifice humain!* Заключение ко мне!

Завороженные его энергией, Гиганты Авалона ухватили Бельбо, изумленно наблюдавшего за дракой, и подтолкнули его к Пьеру. Тот с легкостью жонглера вскочил на ноги, поднял трон, поставил его на стол и передвинул всю конструкцию на самую середину хора. Потом он поймал на лету Маятник, с усилием задержал шар и остановил его. Все произошло в одну секунду — и как будто выполняя мизансцену (а может быть, во время драки они действительно договорились о ролях?) гиганты взобрались на подиум, подняли в воздух Бельбо, поставили на трон, и один из гигантов обернул вокруг его шеи, двоекратно, железный трос, служивший Маятником, в то время как другой принял в ладони шар и осторожно положил его на край столешницы.

Браманти бросился к этой импровизированной виселице, весь пылая великолепием в багряной сутане, и гнусливо затынул: — *Exorcizo igitur te per Pentagrammaton, et in nomine Tetragrammaton, per Alfa et Omega qui sunt in spiritu Azoth. Saddai, Adonai, Jotchavah, Eieazereie! Michael, Gabriel, Raphael, Anael. Fluat Udor per spiritum Eloim! Maneat Terra per Adam Iot-Cavah! Per Samael Zebaoth et in nomine Eloim Gibor, veni Adramelech! Vade retro Lilith!*

Бельбо прямо стоял на своем табурете с веревкой на шее. Гиганты отпустили руки, его незачем было держать. Если бы он сделал хотя бы один только шаг, он обрушился бы со своей неверной подставки и петля затянулась бы на его горле.

— Идиоты, — надрывался Алье. — Как мы теперь его опятьотрегулируем? — Его больше всего интересовал Маятник.

Браманти прошипел с улыбкой: — Не стоит вам беспокоиться, граф. Мы не смешиваем ваши чародейские краски. Мы создали Истинный Маятник, именно так он задумывался Ими. Он самотрегулирует себя. И в любом случае, чтоб побудить некую Силу действовать, нет ничего полезнее хорошего человеческого жертвоприношения.

До этой минуты Бельбо, как я видел, дрожал. Но тут он расслабился, я бы не сказал — успокоился, но оглянулся направо, налево, впервые окинул взглядом весь цирк с неподдельным любопытством. Думаю, что именно в эту ми-

нугу, следя за словесной дуэлью врагов, видя перед собой поверженные тельца гномов, по их сторонам — дервишей, которые все еще дергались в конвульсиях, видя расхристанных Великих Местодержателей, еще не отошедших после перепалки, он снова вступил во владение основным своим характерным качеством, а именно чувством юмора.

И именно в эту минуту — я совершенно уверен — он принял окончательное решение не дать себя перепугать. Может быть, он интуитивно испытал чувство превосходства, наблюдая с высоты, из режиссерской ложи, за дикой свалкой грангиньольных паяцев, в то время как публика в дальних рядах, потеряв интерес к прискучившей картине, обменивалась щипками и пинками, как его товарищи по оркестру, недоделанные Аннибале Канталамесса и Пио Бо?

Потом он увидел Лоренцу, и взгляд его снова стал тревожен. Лоренца находилась в объятиях гигантов, вздрагивая всем телом. Она, кажется, снова пришла в себя. Она плакала.

Не знаю, старался ли Бельбо не показывать Лоренце своего страха, или же просто такова была его естественная реакция перед угрозами этой шайки: презрение, даже пренебрежение и превосходство. Он стоял спокойно, с высоко поднятой головой, с открытой на груди рубахой, со связанными за спиной руками, гордо, как человек, которому неведомо чувство страха.

Успокоенный спокойствием Бельбо, смирившийся — что поделать — с нарушением священного ритма шара, все еще уповающий на открытие секрета, чувствуя себя близким к цели поиска всей жизни, если даже не множества жизней, твердо намеренный снова прибрать к рукам бразды правления своими сотоварищами, Алье снова заговорил, обращаясь к Якопо: — Ну вот что, Бельбо, решайтесь. Вы видите, что находитесь в ситуации, мягко говоря, затруднительной. Кончайте ломать комедию.

Бельбо ничего не ответил. Он смотрел в другую сторону, как будто из деликатности не желая показывать, что слышит разговор, адресованный не ему и долетевший до его слуха по случайности.

Алье настаивал убедительным голосом, как если бы имел дело с ребенком: — Я понимаю и вашу сдержанность,

и даже, как догадываюсь, вашу осмотрительность. Вам неприятно было бы обнародовать тайну настолько интимную, настолько, если можно так выразиться, щекотливую, в присутствии плебеев, которые минуту назад составили собой столь оскорбительное зрелище. Ну что же, ваш секрет вы можете поверить одному только мне, на ухо. Сейчас я вам помогу сойти и уверен, что в ответ вы шепнете мне на ухо одно слово, одно только слово.

Бельбо в ответ: — Уверены?

Тогда Алье переменил тон. Впервые за все время я увидел его трансформацию в жреца, оракула, вершителя власти. Он заговорил так, как будто бы и на нем была египетская одежда, какие были у его клиросников. Я чувствовал, до чего это ненатурально, он как будто бы пародировал тех самых, которых до сих пор не снисходил удостоить даже самого презрительного сострадания. Но в то же время оказалось, что он прекрасно владеет лексиконом, потребным для этой еще не репетировавшейся роли. По какому-то своему расчету — ибо подобное поведение не оправдывалось ни инстинктом, ни здравым смыслом — он втягивал Бельбо в постановку дурацкой мелодрамы. Он лицедействовал, лицедействовал неплохо, потому что Бельбо, кажется, не почувствовал подначки и принимал за чистую монету речь своего собеседника, как будто бы и не ждал от него ничего другого.

— Сейчас ты заговоришь, — вещал Алье, — ты все скажешь и не сможешь оставаться непричастным нашей великой игре. Храня молчание, ты теряешь надежду. Заговорив, причастишься победе. Ибо истинно, истинно говорю тебе, нынешней ночью ты, и я, и все, кто здесь с нами, пребываем в сефире Год, в сефире Великолепия, Величия и Славы. Год управляет всеми магиями церемониалов и ритуалов. Год — это миг, в который приоткрывается вечность. Этот миг мечтан мною множество столетий. Ты все скажешь и присоединишься к тем Единым, которые после твоего откровения смогут себя провозгласить Господами Мира. Смирись же, и будешь вознесен. Ты скажешь, потому что так желаю я, скажешь, потому что я так повелеваю, и слова мои крепки, да будет как нарекаю!

А Бельбо ответил на эту речь: — Да вынь у себя пробку.

Алье, хотя и ожидал отпора, от этого оскорбления побледнел. — Что он ответил? — визжал истеричный Пьер, вытягивая шею и прыгая. — Не хочет, — перевел ему Алье. И он пожал плечами, как бы сдаваясь перед непреложностью обстоятельств, и бросил Браманти: — Он ваш.

На что Пьер, вне себя: — Довольно, довольно, человеческую жертву, приносим жертву!

— Да, пусть он умрет, мы все равно отыщем разгадку, — клокотала в припадке мадам Олкотт, отошедшая от своих уродцев, и кидалась на Бельбо.

В то же самое время бросилась к нему и Лоренца. Она вывернулась из лап гигантов и подбежала к ногам Бельбо, к основанию виселицы. Она широко разводила руками, как будто стараясь остановить безумие, и выкрикивала сквозь слезы: — Вы все что, с ума посходили? Ну разве так делают? — Алье, который уже было покидал помещение, остановился в нерешительности, потом вернулся к Лоренце и стал рядом с ней.

Все остальное произошло в одну секунду. У мадам Олкотт растрепались черно-лиловые космы, отливавшие сполохами пламени, как у медузы, и она пыталась впиться когтями в господина Алье, вцепиться в лицо, сшибить с ног, разорвать в пароксизме злости. Алье, пятясь от нее, запнулся ногою о жертвенник, покатился кубарем, как дровиш, и со всего размаху ухнул головой об один из автомобилей, после чего осел на землю с лицом, залитым кровью. Пьер в ту же самую минуту выхватил кинжал и кинулся на Лоренцу, я мог видеть его со спины, я не сразу понял, что происходит, но внезапно Лоренца склонилась к ногам Бельбо, лицо ее стало восковым, а Пьер высоко поднял кинжал с воплем: "Наконец, sacrifice humaine!" — завыл, обратясь к толпе: "Г'а Cthulhu! Г'а S'ha-t'n!"

Толпа же, напиравшая из нефа, прорвала кордоны, кто-то повалился на пол, другие его топтали, в опасности оказалась модель автомобиля Кюньо. Я расслышал — во всяком случае, мне так показалось, и наверное, я не в состоянии был бы выдумать настолько гротескную подробность — голос Гарамона, повторявшего: — Господа, господа,

что же это за манеры... — Браманти, в упоении, на коленях перед безжизненной Лоренцей, выкрикивал: — Асар, Асар! Кто это сжал мое горло? Кто пригвоздил меня к полу? Кто это пронзил мое сердце? Я недостойн переступить порог дома Маата!

Может быть, продолжения никому и не было надо, и может, жертвоприношения Лоренцы для них вполне бы и хватило, но посвященные топтались и топтались в пределах прежнего магического круга, ставшего доступным с тех пор как был обездвижен Маятник, и кто-то — готов поклясться, что это был Арденти, — неловко увертываясь от толчков, натолкнулся на стол, покрытый алым драпом, и стол буквально, как любят писать, ушел из-под ног Бельбо, накренился и рухнул, в то время как под влиянием того же импульса сам Маятник пришел в резкое, решительное движение, увлекая за собою жертву. Веревка затянулась под весом шара и захлестнула, крепко и надежно, как петля, шею моего злосчастного друга, и он оказался в воздухе, вытянувшись вдоль натянувшегося Маятника, и, толчком отшвырнутый к восточной оконечности хора, теперь возвращался, разлучившись с жизнью (надеюсь!), в направлении моей будки.

Толпа, гудя и толкаясь, вновь отхлынула к бортам арены, оставляя пространство чуду. Фокусник, приставленный противостоять амортизирующим силам, опьяненный чудодейственным возрождением шара, вновь вступил в свою функцию, придавая дополнительный импульс теперь уже непосредственно телу повешенного. Ось колебания установилась по диагонали от направления моего взгляда к одному из окон собора, несомненно к тому самому, где в витраже имелась прогалина, через которую спустя некоторое время должен был заглянуть в храм первый луч просыпающегося солнца. Я уже не видел тела Бельбо, оно не пролетало передо мною, но думаю, что предметы в пространстве расположились именно так, как я думаю, и что траектория, которую он вычерчивал, имела следующий вид.

Голова Бельбо составила собой еще промежуточную сферу, расположенную на линии троса, опускавшегося с замка свода, и... как бы это описать? в то время как метал-

лический шар стремился направо, голова Бельбо (еще один шар) отклонялась налево, а потом наоборот. Довольно значительный отрезок две сферы двигались в различных направлениях, и таким образом фигура, которую Маятник прочерчивал в пространства, составляла уже не прямую линию, а треугольник. Но в то время как голова Бельбо следовала натяжению каната, его тело — наверное, перед последним спазмом, со спастической подвижностью деревянной марионетки — прочерчивало в воздухе особую траекторию, независимую от головы, от каната и от расположенного ниже шара, руки в одну сторону, ноги в другую — и меня не покидало чувство, будто кто-то сфотографировал эту сцену фоторужьем Мейбриджа, запечатлев на пластинке все фазы движения в их последовательности в пространстве, закрепив, во-первых, две экстремальные точки, которых достигала в своем перемещении голова в каждый отдельно взятый период времени, во-вторых — две точки останова шара, затем — точки перекрещивания идеальных тросов, независимых один от другого и соединенных каждый со своим шаром, и промежуточные точки, описываемые краями плоскости колебания туловища и ног. Если бы это все оказалось на одной пластинке, то Бельбо, повешенный на Маятнике, я утверждаю, воплотил бы собою размещенный в пустоте чертеж дерева сефирот, вобрав в себя, в свое последнее мгновенье, все существование всех возможных миров и наметив в своем последнем странствии десять этапов бескровного дуновения, все фазы нисхождения божественного в мир.

Потом, в то время как силою колебаний продолжали гулять вверх и вниз эти траурные качели, так сложились между собою векторы и таким образом перетекла энергия, что тело Бельбо замерло неподвижно в пространстве, а отходивший от него канат и шар продолжали качаться туда и сюда от его тела и до земли, в то время как верхний отрезок — соединявший тело Бельбо с замком свода — стал отвесен и неподвижен, как металлическая палка. Благодаря этому Бельбо, отрешившись от земного мира, полного заблуждений, и от его суеты, превратился сам, именно он, Бельбо, его существо, в ту Точку Отсчета, в Недвижную Ось, в то Место, на которое опирается крыша мира, в то

время как под его ногами продолжалась обычная суета, и там двигались канат с шаром, от полюса к полюсу, без покая, и земля вечно убегала из-под их ног, вращаясь, как и они, подставляя взору каждый раз новый континент, и потому этот шар, как ни силился, не мог бы указать и никогда не сможет, где находится Пуп Земли.

В то время как орда одержимцев, замерев на несколько мгновений перед видением чуда, снова принялась голосить, я сказал себе: вот теперь история действительно окончена. Если Год — это сефира Славы, Бельбо получил свою славу. Один только отважный поступок — и он навеки соединился с Абсолютом.

Идеальный маятник представляет собой тончайшую нить длиной l с нулевым сопротивлением изгибу и кручению, к центру тяжести которой прикреплен груз. В сфере центр тяжести совпадает с геометрическим центром, а для человеческого тела он находится в точке, приходящейся на 0,65 м от общей высоты человека, если производить измерение со стороны ног. Если высота повешенного составляет 1,70 м, центр его тяжести находится в 1,10 м от его ног, если считать полную длину l . Это означает, что если длина головы до шеи составляет 0,30 м, центр тяжести придется на точку $1,70 - 1,10 = 0,60$ м от головы и на точку $0,60 - 0,30 = 0,30$ м от шеи повешенного. Период малых колебаний маятника, вычисляемый согласно уравнению Гюйгенса, определяется формулой:

$$T (\text{в секундах}) = \frac{2\pi}{\sqrt{g}} \sqrt{l}, \quad (1)$$

где l выражено в метрах, $\pi = 3,1415927\dots$ и $g = 9,8$ м/сек². Подставив численные значения в уравнение (1) получим:

$$T = \frac{2 \cdot 3,1415927}{\sqrt{9,8}} \sqrt{l} = 2,00709 \sqrt{l},$$

что упрощенно означает:

$$T = 2\sqrt{l} \quad (2)$$

При этом следует отметить, что T не зависит от веса повешенного (равенство людей перед Богом)... Двойной маятник с двумя грузами, прикрепленными к единой нити... Если подтолкнуть груз А, он начинает колебаться, затем останавливается и приходит в колебание груз В. Если сопряженные маятники обладают различной массой и длиной нити, энергия колебания переходит от одного к другому, но периоды этих энергетических переходов не равнодлительны... Такое блуждание энергии имеет место также и в том случае, если вместо того, чтобы дать грузу А свободно колебаться после приведения его в движение, периодически придавать ему движение с определенной силой. Это означает, что если на тело повешенного оказывают свое действие периодические порывы ветра в противофазе, то через некоторое время тело повешенного придет в состояние покоя, а сама виселица начнет колебаться, как если бы она была сама подвешена к висельнику.

(Из частного письма от Марио Сальвадори,
Колумбийский Университет, 1984.)

Мне нечего было больше узнавать в том месте. Я воспользовался суматохой и кинулся к статуе Грамма.

Постамент так и не закрыли. Я влез внутрь его, там был спуск и в конце лесенки маленькая площадка, освещаемая фонариком, после которой новые ступени, винтовые и из камня. Сойдя по ним, я очутился в коридоре с высокими сводами, там был мутный свет. Сначала я не обратил внимания на немолчный плеск, отдававшийся от стенок. Потом глаза приморгались к сумраку: я был в коллекторе канализации. Перила помогали удержаться от падения в канаву. Но они не спасали от отвратного смрада, полуорганического, полухимического. Хотя бы частица всей нашей изобретенной повести совпадала с реальностью. Подземелья Кольбера, Фантомаса, фон Кауса!

Я держался самой светлой дороги, не сворачивал в боковые щели и надеялся, что рано или поздно отыщу знак, где можно прекратить мои подземные скитанья. В любом случае я отдалялся от Консерватория, а в сравнении с тем ночным царством канализация Парижа казалась облегчением, свободой, чистым воздухом и светом.

В глазах у меня стояла только одна картина — иероглиф, прочерченный в воздухе хора канатом и трупом Бельбо. Я не мог ответить себе, какой это линии, какому это рисунку соответствует. Сегодня я знаю, что дело в законе физики, но то, каким образом дошел до меня этот закон, придает дополнительную эмблематичность феномену. Здесь, в деревенском доме Якопо, среди его записей я нашел чье-то письмо, где в ответ на его запрос излагается, как действует маятник и как маятник поведет себя, если на его нить будет повешено еще одно тело. Это значит, что Бельбо, неизвестно с каких еще времен, думал о Маятнике и воображал его себе как Синай и как Голгофу. Следовательно, Бельбо — жертва не недавно сотворенного Плана. В своей фантазии он подготавливал эту смерть незапамятные времена тому, не зная, полагав себя неспособным к сотворению, что эти его мычания когда-либо спроецируются на реальность. А может быть, он захотел умереть именно так, чтобы доказать и себе и другим, что даже при отсутствии гения воображение всегда творительно.

Каким-то образом, проигрывая, он выиграл. Или же проигрался вконец; кто поддержит этот единственный способ выигрыша? Проиграл все тот, кто не понял, что победа

была другая. Но в субботу вечером я это еще для себя не открыл.

Я скакал вдоль нечистой реки, обезумевший, как Постэль, некогда сгинувший, возможно, именно в этих сумерках, и вдруг искомый знак кинулся мне в глаза. Более яркая лампа, прибитая к стене, освещала лесенку-временку и какой-то деревянный люк. Я взобрался, дернул и передо мной открылся подвал, заваленный стеклотарой, откуда отходил коридор с двумя дверями уборных, на одной двери человечек, на другой — женщина. Я возвратился в мир живых.

Отдышаться. Только сейчас я подумал о Лоренце. Теперь плакал я. Но она вытекала из моих вен, как будто не существовала никогда. Я не в состоянии был вспомнить даже ее лицо. Во всем том мире мертвых, она была мертвее всех.

На другом конце коридора снова лестница и дверь. Она вела в прокуренный и провоненный пивбар, быстро, закусочную, что-то в восточном вкусе, со смуглыми официантами, потными завсегдатаями, сальными шашлыками и кружками пива. Я вышел из своей двери, как будто попросту сходил облегчиться. Никто не обратил внимания, только, может быть, человек на кассе едва заметно кивнул, полуприкрыв глаза, дескать, о'кей, я понял, проходи, мы ничего не видали.

Если бы глаз мог видеть демонов,
которые населяют вселенную,
существование было бы невозможно.

*Талмуд, Берахот, 6.
Talmud, Berakhot, 6*

115

Я вышел из бара и увидел огни Сен-Мартенских ворот. Азиатской была таверна, через которую я вылез, и азиатские заведения окружали ее, и все были открыты, невзирая на время ночи. Запах кускуса и фалафелей, толпа. Оравы молодых, ищущих пищи, у многих смотанные спальные мешки. Большие группы. Невозможно было протолкнуться в бар, чего-нибудь выпить. Я спросил одного, что за свадьба. Оказывается, съезд студентов, на завтра намечается громадная демонстрация против закона Савари. Они прибывают автобусами.

Турок — точнее, друз и замаскированный исмаилит — зазывал меня с порога своей закуской на ломаном французском. Ни за что. Бежать от Аламута. Не знаю, кто у них на службе у кого. Не доверяться.

За перекрестком. Теперь слышится только стуканье моих подошв. Преимущество большого города: отойдешь на два шага и попадаешь в одиночество.

Но вдруг через три квартала слева от меня снова вырос Консерваторий, бледный в сумраке ночи. Снаружи, совершенство. Архитектурное достояние поживает своим достойнейшим сном. Я двинулся дальше, к набережной Сены. Какая-то цель была, но какая, я не помнил. Хотелось спросить у кого-нибудь, что же происходило.

Бельбо умер? Небо прозрачно. Опять компания студентов. Не орут, под впечатлением атмосферы места. Слева абрис Сен-Николя-де-Шан.

Иду опять по рю Сен-Мартен, пересекаю улицу Оз Ур, она большая, похожая на бульвар, я опять боюсь потерять направление, которого вдобавок не знаю. Оглядываюсь и по правой руке, на углу, вижу двойную витрину Эдисон Розикрюсьенн. Розенкрейцерская книжная лавка. Витри-

ны потушены, но частично от света лампона, частично от моего фонарика удастся разглядеть, что на витрине. Книги и вещи. История еврейства, граф Сен-Жермен, алхимия, подземный мир, тайные убежища розенкрейцеров, завещания строителей соборов, катары, Новая Атлантида, египетская медицина, храм Карнака, Бхават Гита, реинкарнация, розенкрейцерские кресты и канделябры, бюсты Озириса и Изиды, коробки душистых свечек, ладанные таблетки, карты тарокко. Кинжал, латунный разрезной нож для писем с круглой рукоятью, на которой набита печать розенкрейцеров. Что это, издевка?

Теперь я прохожу мимо передней части Бобура. Днем там все роится, как на вокзале, а сейчас площадь почти пустынна, есть несколько фигур, молчаливых, сонных, и светятся две-три закусовых на дальнем краю площади. Точно, точно. Огромные накопители высасывают энергию из планеты. Может быть, толпище, клокочущее здесь ежедневно, нужно проектировщикам, чтоб создавались вибрации? Значит, герметическая машина питается живым мясом?

Церковь Сен-Мерри. Напротив нее, книжный магазин Ла Вуавр, на три четверти сплошь оккультный. Не буду поддаваться истерике. Двинусь-ка на улицу Ломбардов, уворачиваясь от роты скандинавок-девах, с хохотом вываливающихся из ресторана. Молчите, разве вы не знаете, что и Лоренца умерла?

Но умерла она? А если бы я умер? Рю де Ломбар. Ее перпендикулярно перерезает рю Фламель, а в конце рю Фламель белеет башня святого Иакова. На перекрестке книжный магазин "Аркан 22" — "Тайна 22" — карты тарокко и маятники. Никола Фламель был знаменитый алхимик. Ему посвящается алхимическая книжная лавка. Что до башни святого Иакова, с ее огромными белыми львами на цокольном этаже, эта ненужная позднеготическая вышка на набережной Сены... в ее честь носит свое имя и один эзотерический журнал. Башня, где Паскаль проводил эксперименты по взвешиванию воздуха, и похоже, что еще и в наши дни на высоте 52 метра там имеется метеорологическая станция. Может быть, они сперва попытали счастья там, прежде чем начинать строить Тур Эффель. Бывают же удачные места. И никто их не замечает.

Возвращаюсь к Сен-Мерри. Опять хохочущие девицы. Не хочу пересекаться с людьми, огибаю церковь со стороны улицы Клуатр-Сен-Мерри, там где старая дверь трансепта чернеет грубой древесиной. Слева открывается вид на площадь, там дальняя часть Бобура, над нею заря огней будто, днем. На площади механизмы Тингели и прочие яркокрасшенные скульптурки мокнут в водичке фонтана или искусственного озера, сонливо звякают зубчатые колеса, а фон им — неизменные трубопроводы, каркасы, бляющие заборные устройства, направляющие воздух в кишечник Бобура, он подобен “Титанику”, заброшенному около стены, разъеденной плющом, затонувшему в лунном кратере. Где не выстроились кафедралы, там огромные трансокеанские топочные люки пушукуются, докладывают информацию Черным Девам. Их видит только тот, кто сумел кругосветно обплыть Сен-Меррийскую церковь. А значит, обязательно продолжать! у меня имеется след! я сейчас развенчаю один из замыслов Тех Самых. В самом сердце города Просвещения вскрою темную интригу обскурантов.

Теперь на улицу Жюж Консюль, и я перед фасадом Сен-Мерри. Не знаю почему, поигрывая фонариком, я нажимаю кнопку и начинаю шарить лучом по порталу. Цветущая готика, арки с листовым перевивом.

И внезапно, ища не знаю что, шаря лучом света по архивольту портала, я нахожу.

Бафомет! В точности там, где состыковываются полуарки, где на замке первой притулился голубочек Святого Духа в славе (расходятся лучики, выбитые на камне), на второй арке в окружении молитвенных ангелов вот он, Бафомет, с угрожающе расправленными крылами. И это фасад церкви. Безо всякого зазрения!

Почему именно здесь? Знак, что тут область Храма. Но где же сам Храм или то, что от него осталось?

Возвращаюсь назад, бреду к северо-востоку, к углу улицы Монморанси. Дом 51 — дом алхимика Николая Фламелья. На полпути от Бафомета к Храму. Хитроумный спагирик хорошо знал, с кем ему предстоит сводить счета. Баки, переполненные отбросами, напротив дома непонятного года постройки, где “Таверна Николая Фламе-

ля". Дом явно старый, но зареставрированный до безумия, несомненно в расчете на туристов, на одержимцев нижайшего разбора — гиликов. Рядом "американ бар" с рекламой компьютеров Эппл: "Избавление от клопов". Явно имеются в виду "клопы" (bugs) — ляпсусы при программировании. А может, жучки спецслужб подслушивания? В общем, получите софтвер, бундесвер, гермесвер, программу-редактор "Темура".

Теперь передо мной рю дю Тампль (Храмовая улица), чего еще было ждать. На углу с рю Бретань, сквер дю Тампль, клумба, унылая, как братская могила, какова она и есть, тут некрополь истребленных тамплиеров.

Еще одна, на этот раз — Старая Храмовая улица. После пересечения с рю Барбетт на ней начинаются причудливые магазины, где электролампы невиданных дизайнов в виде гусынь, побегов плюща. Притворяются суперноваторскими. Меня не проведешь.

Улица Франк-Буржуа. Это уже квартал Марэ. Я его знаю. Скоро пойдут магазинчики кошерных резников, хотя евреи не имеют отношения к тамплиерам, мы ведь убедительно доказали, что их квота Плана должна быть передана ассасинам из Аламута. Тогда зачем они тут? Постараться ответить на загадку? Нет, лучше не слишком отходить от Консерватория. Лучше продолжать кружить по смутной подсказке инстинкта, ища то место, которое не тут, но которое я пытаюсь припомнить, где же находится, точно так, как и Бельбо во сне искал позабывшийся адрес.

Навстречу мерзейшая компания, ржут дурными головами, прут по ширине тротуара, ретируюсь на проезжую часть. В какой-то миг я пугаюсь, что они посланы Горным Старцем по мою душу. Слава богу, нет, они растворяются в ночи, но звуки их речи, шиитской, талмудической, коптской, со свистом струятся по воздуху, как змеи по пустыне.

Мне встречаются еще две бесполые фигуры в развевающихся мантиях. Розенкрейцерские накидки. Повернули на рю де Севинье. Ночь глубока. Я бежал из Консерватория, чтоб попасть в общепринятый город, но оказывается, что общепринятый город задуман и организован по принципу катакомб с размеченными маршрутами для посвященных.

Пьяница идет. Притворство? Не расслабляться и никому не верить. Кончает работу бар. Официанты в белых передниках, доходящих до лодыжек, переворачивают стулья на столики. Я успеваю войти и спросить пива. Залпом заглатываю, спрашиваю еще кружку. “Не напился?” — спрашивает один из них, но без участия, непонятым тоном. Я и впрямь не напился, с пяти часов вечера непил ни капли, но ведь можно хотеть пить и не просидевши полночи под Маятником. Ну и гады. Расплачиваюсь и выбегаю, пока они не успели сфотографировать в памяти мою физиономию.

И я на углу пляс де Вож. Под портиками... В каком это старом фильме гулко отдавались шаги Матиаса, маньяка с кинжалом, в ночные часы на площади Вож? Останавливаюсь смаху. Слышал ли я шаги за спиной? Нет, конечно, они ведь тоже затормозили... Поставить тут несколько мощехранилиц, и эти портики будет не отличить от залов Консерватуар.

Низкие шестнадцативечные потолки, полукруглые арки, антикварные магазины, букинисты, галеристы. Пляс де Вож, такая низкорослая со старыми, облезлыми, полосатыми, прокаженными подъездами, где обитают люди, никуда не переезжавшие сотнями лет. Люди в желтых халатах. Площадь, заселенная чучелоделами. Вылезающими по ночам. Они ползут к колодцу, к канализационному люку, к дырке, через которую спускаются в недра Запа-раллеленного Мира. Простенько и у всех на глазах.

Отдел Сбора взносов социального страхования и расчетов по семейному положению. Горсобес. Номер 75, подъезд 1. Новая дверь, явно живут богатые. Но прямо рядом — облупленный старый вход, похожий на вход нашего издательства со стороны Синчеро Ренато. Подъезд 3 — снова новенький. Что за чересполосица гиликов и пневматиков. Старшин и их челядинов. Одна из арок, весь проем, заколочена досками. Ну, все понятно. Конечно, тут была очередная оккультная лавка. Ликвидировали полдома. Выгнали за полночи. Как успели ликвидировать всю резиденцию Алье. Теперь, когда они знают, что кто-то о них знает, начинают заметать следы. Переходят в подполье.

На углу рю де Бираг кидаю взгляд в бесконечную анфи-

ладу портиков без единой души, я предпочел бы полную темноту, но анфилада освещена фонарями. Как ни вопи, никто не придет на помощь. Храня молчание, за опущенными жалюзи, сквозь которые не проникает ни единый лучик, таксидермисты будут злорадно подхихикивать в своих желтых саванах-балахонах.

Хотя не все так. Между портиками и центральным сквером припаркованы машины, и одинокая тень нет-нет да и мелькает. Радущия от них, правда, ноль. Громадная немецкая овчарка пробегает мне наперерез. Черный пес, в одиночестве, без поводка, ночью. Где ты, Фауст? Посылаешь безотказного Вагнера выгуливать собачку?

Вагнер. Вот она! Идея, которая гуляла внутри меня, не умея причалить к мозгу! Доктор Вагнер — именно его-то мне и надо. Он объяснит мне, брежу ли я и каким фантазиям я сообщил плотский образ. Он имеет право сказать мне, что все это бред, что Бельбо живой, что ТРИСа не существует. Какое счастье, если я ненормален.

Почти бегом я пускаюсь с этой площади. За мной пускается машина. Нет, кажется, она просто хочет найти парковку. Я спотыкаюсь о мусорные пакеты. Машина паркуется. Я ей был не нужен. Я на улице Сент-Антуан. Ищу такси. Как по заклятию, вот оно.

Сажусь. — Улица Элизе Реклю, семь.

Je voudrais être la tour,
pendre à la Tour Eiffel.¹

Блез Сандрар.
Blaise Cendrars

116

Я не знал, где эта Реклю, и не решался интервьюировать таксиста, потому что кто берет машину в такой час, должен ехать к себе на квартиру, в противном случае он по меньшей мере убийца, и к тому же таксист бормотал, что весь центр забили растреклятые студенты, митингуют, автобусы стоят как попало, глаза б не видели, был бы он, так всех бы к стенке скомандовал, и что придется делать объезд. Фактически он обкатал меня по полному кругу вокруг Парижа и высадил у номера семь на совершенно пустопорожней улице.

Никакого доктора Вагнера не значилось. Значит, не семь, а семнадцать? А может, двадцать семь? Я высказал еще два-три предположения, потом пришел в себя. Даже найдись подъезд, неужто можно думать вытащить доктора Вагнера из постели в такой час, чтобы рассказать ему мою новеллу? Я переместился сюда по той же самой причине, которая гнала меня от ворот Сен-Мартен до пляс де Вож. Я бежал. Сейчас я убежал из места, в которое убежал из Консерватория. Мне не психоаналитик требовался, а смиренная рубашка. Или лечение сном. Или Лия, чтобы зажала мне голову между грудью и подмышкой и пошептала, что все хорошо.

Я что искал, доктора Вагнера или авеню Элизе Реклю? Теперь мне припоминалось, что имя этого господина я уже встречал в обширных чтениях по Плану, и это был такой один в прошлом веке, автор не помню уж чего на тему о Земле, подземельях, вулканах, некто прикрывавшийся видимостью академической географии с тем, чтобы всовывать свой нос в проблематику Запредельного Мира. Словом, один из тех. Бежишь от них, а они опять обступили.

¹ Я хотел бы быть башней, висеть на Эйфелевой башне (фр.).

Потихонечку за несколько столетий обсадили весь Париж. И остальную часть человечества.

Надо возвращаться в гостиницу. Найду ли новое такси? Насколько я понимаю, меня завезло на крайнюю периферию. Я оборотился лицом к стороне горизонта, откуда исходило более яркое свечение. Туда и пойду. Там открытое небо. Сена?

Повернул за угол и увидел.

Увидел слева. Мог бы, впрочем, и раньше подумать, что она где-то тут рядышком, в засаде, в этом городе, улицы которого возвещают недвусмысленную Весть, так что предупреждение имело место, и хуже для меня, если я своим умом не дотумкал.

Вон она рядышком, минеральная мегапаучиха, символ и орудие власти Тех. Мне бы бежать, но ноги так и несли меня напрямиком к паутине, головой я работал снизу вверх — сверху вниз, потому что приблизился уже до такой степени, что в одном окоеме она не помещалась, я практически уже залез в ее внутренность, меня перерезали тысячи ее ребер, на меня повалились тысячи ее перетяжек, и если бы ей пришлось в голову перемяться на лапах, она задавила бы меня единым шагом великанского детского конструктора.

Эйфелева башня. Я был в единственной точке городской черты, откуда она виднеется не издалека и не в профиль, не как милая колокольня над океанами крыш, забавная, вроде живописи Дюфи. Башня нависала надо мной, планировала на меня отвесно. Я ощущал направленность ее шила, и обегал вокруг и подныривал в подножие поста-мента, в тесноту пространства между створами, рассматривал подколенки, сухожилия, скакательный сустав, живот и гениталии, скользил глазами по головокружительно-му кишечнику, по пищеводу и по бесконечной шее политехнической жирафы. Вся ажурная, она обладала способностью затемнять светлый воздух, окружавший ее повсюду, и по мере того как я двигался, выявляла, из разнообразных перспектив, входы в кавернозные полости, сквозь которые можно было любоваться и общим планом, и средним планом, и передним планом темноты.

Теперь направо от Эйфелевой башни, пока еще невысоко над горизонтом, где-то на северо-востоке восходил

полусерпик луны. В каких-то ракурсах Башня обрамляла собой полусерп, он становился оптической иллюзией, отблеском на одной из ее кривоватых граней. Но по мере моего хода, плоскости меняли очертания, луна пропадала, пряталась за одну из железных лопаток, чудище заглатывало ее, измолачивало, пожирало, переводило в четвертое измерение.

А, тессеракт, четырехмерный куб. Теперь я видел через сетку движущиеся огоньки — красненький и белый, они моргали, это, конечно, самолет прямит свой лет до Русси, Орли или не знаю уж куда. Один шаг — исчезли огоньки за перепонкой, я остановился, начал ждать, чтобы вынырнули с другого боку, но они не вынырнули. У Башни имелось сто окошек, и все зыбучие, и каждое выходило на какой-то новый сегмент какого-то нового хронотопа. Ребра Башни обозначали неевклидовы складки, разрывали ткань космоса, предотвращали катастрофы, поворачивали вспять случай и перелистывали страницы параллельных миров.

Кто сказал, что этот шпиль Нотр-дам-де-ла Брокан служил, чтобы подвесить Париж к потолку универсума? Ошибка! Он послужил, чтоб подвесить универсум к шилу шпиля Башни. Разумеется, иначе какой же она заместитель Маятника.

Как ее только не обзывали. Одинокая Клизма. Пустой обелиск. Прославление Проволоки. Апофеоз устоя. Воздушный алтарь идолопоклонства. Пчела в сердцевине розы ветров, печальная как руина. Отвратительная великанша цвета ночи. Бесформенный символ бесполезной силы. Абсурдное чудо. Бессмысленная пирамида. Гитара, чернильница, телескоп. В литературе Башню именовали многословной, будто доклад министра, звали древним божеством и современным животным... Она была всем этим для поэтов, и многим иным была, и если бы я обладал шестым чувством Властелинов Мира, сейчас, когда я вляпался в самую середину голосовых связок, пораженных бутристой сыпью болтов и гаек, как полипами, я бы услышал, как она лепечет, хрипучая, музыку сфер; ведь Башня неустанно высасывает волны из сердцевинности поллой земли и перепасовывает их на все менгиры вселенной. Ризома закле-

панных шарниров, цервикальный артроз, протез протеза — какой ужас, где же я оказался? Теперь ради того, чтоб закинуть меня в пропасть, меня должны добросить до самого верху. Я возвращался из путешествия к центру Земли, еще весь во власти антигравитационного верчения антиподов.

Мы ничего не выдумали. Башня предстояла мне как неукоснительное подтверждение Плана. Но минуты текли, и с минуты на минуту она могла унюхать, что в ее сердце враг, шпион, лазутчик, пылинкой залетевший в механизм, которому она приходится и внешнестью и мотором, нечувствительно надавивший на одну из перетяжек свинцового кружевца... и заглотать нарушителя, погрузить в одну из складок своего Ничто, перегрузить меня в Иное.

Если бы я еще хоть немного задержался в ее туннеле, ее страшные когти скрючились бы и захватили, и заострились бы резцами-клыками, и цапнули и слопали бы меня, а потом зверюга снова установилась бы сонно-стройно, как точилка для адских карандашей.

Еще один самолет. Этот не летел ни на какой аэродром. Его породила сама Башня, как искру, проскочившую между позвонками скелета обсосанного мастодонта. Я глядел на ее фокусы, и они были бесконечны, как тот План, из которого она родилась. Если бы я мог побыть, без угрозы быть пожран, я понаблюдал бы за ее эволюциями, революциями, за медленным, микроскопическим разложением и сложением под холодными бризами земляных сквозняков. Может быть, Господа этого Мира умеют интерпретировать сквозняки в геомантическом свете? В неуловимых метаморфозах Башни они читают решающие вести, принимают невысказуемые поручения? Башня вращалась у меня над головой, отвертка Мистического Полюса. Нет, не так, она была неподвижна, намагниченная ось, а вокруг нее вращался небесный свод. Но верчение одно и то же.

Как хорошо обороняется эта Башня, сказал я себе, изда-дека подмигивает дружелюбно, но если приближаешься, пробуешь пролезть, разведать ее тайну, она убивает тебя, оледеняет тебе кости, попросту демонстрируя бессмысленный ужас, из которого она создана. Теперь я знаю, что Бельбо умер и что План верен, потому что истинна Башня.

Если я не сумею бежать, не убегу еще раз, я не смогу рассказать об этом никому. А ведь надо пробить тревогу.

Шум. Что? Возвращаемся к реальности. Такси мчит на сумасшедшем газу. Совершаю усилие, выскакиваю из магического круга, обретаю энергию, широко размахиваю руками, попадаю почти под колеса, потому что таксист тормозит только в последнюю секунду, как будто без всякой охоты. По пути он объясняет мне, что и ему возле Башни по ночам как-то нейдет и он жмет на скорость, чтоб миновать быстрее. — Отчего? — спрашиваю его. — Потому что... потому что от нее не по себе, и все, мсье.

Очень скоро я уже в гостинице. Пришлось названивать долго, пока не проснулся портье. Я сказал себе: сейчас нужно спать. Остальное завтра. Я принял кучу таблеток, хватило бы для отравленья. Дальше не помню.

Die Narrheit hat ein grosses Zelt;
Es lagert bei ihr alle Welt,
Zumal wer Macht hat und viel Geld.¹

Себастьян Брант, *Корабль дураков*.
Sebastian Brant, *Das Narrenschiff*, 46

117

Я проснулся в два часа в полном обалдении, как после каталепсии. Я помнил абсолютно все, но не имел никакой уверенности в том, что то, что я помнил, это правда. Первой моей идеей было побежать за газетой, потом я сказал себе, что в любом случае, даже если бы рота репортеров оказалась в Консерватории сразу после событий, новости не успели бы выйти в сегодняшней утренней прессе.

И вдобавок, Парижу было не до того в тот день. Я сразу же узнал от дежурного, как только спустился выпить кофе. Город волновался, многие станции метро не работали, в критических ситуациях полиция применяла оружие, студентов было слишком много и они вели себя нагло.

Я нашел в телефонном справочнике телефон доктора Вагнера. Я даже попробовал позвонить, но, естественно, в воскресенье ему нечего было делать в студии. Как бы то ни было, я должен был вернуться в Консерваторий. В воскресенье, как известно, он открыт и после обеда.

Латинский квартал бурлил. Проходили какие-то оравы со знаменами. На Иль-де-Сите никого не пропускала полиция. Издалека доносились выстрелы. Видимо, так это смотрелось в шестьдесят восьмом. На уровне Сен-Шапель, надо думать, кончилась потасовка, в воздухе чуялся слезоточивый запах. Где-то рядом протарахтела очередь, интересно, это студенты или правоблюстители. Люди вокруг меня припустились, все мы забежали за какую-то решетку, впереди встала шеренга полицейских, а на улице совершалось ру-

¹ У Дури множество палат;
Толпятся в них и стар и млад,
Все, кто могущ, и кто богат.

Пер. с нем. Е. А. Костюкович.

коприкладство. Что за позор, сижу тут с полысевшими буржуями, переживаю революцию, до-жили.

Потом я отыскал свободную дорогу, кружа по второстепенным улицам в районе бывшего чрева Парижа, и пробился к рю Сен-Мартен. Консерваторий был открыт для публики, в белоснежном дворе на фасаде красовалась плита: “Консерваторий Науки и Техники, основанный согласно постановлению Конвента от 19 вандемьера года III... в бывшем монастыре Сен-Мартен-де-Шан, построенном в одиннадцатом столетии”. Все в обычном порядке, нормальное по воскресеньям оживление, нечувствительное к студенческому празднику свободы.

Я вошел — по воскресеньям пропускали бесплатно — и все было в точности так, как вчера до пяти дня. Смотрители, посетители, Маятник висел из привычной точки... Я стал искать следы того, что происходило накануне, но если это и происходило, кто-то постарался уничтожить все следы. Повторяю, если это происходило.

Не помню как я провел остаток этого дня. Не помню даже, что я думал, блуждая по переулкам, вынуждаемый то и дело сворачивать в сторону, чтоб не оказаться в гуще драки. Позвонил в Милан, для чего не знаю. Пожав плечами, набрал номер Бельбо. Потом номер Лоренцы. Потом “Гарамон”, где никого не могло быть в воскресенье. Я убеждал себя: если сегодняшняя ночь была сегодня, значит, все это произошло вчера. Но от позавчера до сегодня лежала непреодолимая бездна.

Ближе к вечеру я почувствовал голод. Хотелось покоя, чего-то хорошего. Возле Форума дез Аль я вошел в ресторан, манивший “свежей рыбой”. Даже слишком. Меня усадили перед аквариумом. Мир в нем был до того ирреален, что лишь ухудшил мою неприкаянность. Ничто не случайно. Рыба смотрит астматическим исихастом, у которого скудеет вера и который винит Всевышнего за то, что тот недоделал универсум смыслом. Саваоф-Саваоф, отчего ты так лукав, что подзуживаешь меня верить, будто тебя нету? Подобно гангрене, плоть распространяется по миру... Другая рыба очень похожа на Минни, длинные ресницы и ротик сердечком. Минни — невеста Микки Мауса. Буду есть са-

лат фоль с рыбой хэддок, мягкой, как филе ребенка. С медом и с перцем. Павликиане — передо мной. Вот рыба-планер, зависла среди кораллов, как аэроплан Бреге — широкие рукоплесканья чешуекрылого чудища, сто против одного, что она углядела свой зародыш гомункула, покинутый на доньшке проколотого атанора, брошенного в мусорный бак напротив дома алхимика Николя Фламеля. За нею следом рыба тамплиер, облицованная чем-то черным, не теряет надежды отомстить Ноффо Деи. Она толкает астматичного паламиста, который держит курс, сосредоточенно и сердито, на Невыразимое. Отвожу взгляд от водяной стихии и через улицу вижу вывеску другого ресторана, CHEZ R... У Розенкрейцера? У Рейхлина? У Розиспергиуса? У Рачковскирагоцицароги? Знаки знаков знаков знаков...

Посмотрим. Единственный способ сбить с панталыку дьявола — заставить его поверить, будто ты не веришь. Незачем долго анализировать мой обратный бег по Парижу, видение Эйфелевой башни. По выходе из Консерватория, после того что я там видел или уверовал, что видел, любое городское зрелище любому показалось бы кошмаром. Это нормально. Но что же на самом деле я видел в Консерватории?

Мне было необходимо поговорить с доктором Вагнером. Не знаю почему, я был абсолютно убежден, что это панацея. Терапия рассказыванием.

Как мне удалось приблизить сегодняшнее утро? Кажется, я был в каком-то кинотеатре на “Даме из Шанхая” Орсона Уэллса. Когда дошло до сцены с зеркалами, я не выдержал и вышел. А может быть, и этого не было, может, и это я придумал.

Дожив до утра, в девять часов я позвонил доктору Вагнеру, пароль “Гарамон” помог преодолеть оборону секретарши, доктор вроде бы помнил про меня, выслушав поток аргументов о сугубой срочности, он сказал приходить немедленно, в девять тридцать, до начала приема. Очень любезно, человечно, подумалось мне.

Не исключено, что и визит к доктору Вагнеру мне привиделся. Секретарша заполнила на меня карточку, взяла гонорар вперед. К счастью, авиабилет у меня был в оба конца.

Кабинет небольших пропорций, никакой кушетки. Окна открыты на Сену, силуэт Эйфелевой башни. Доктор Вагнер встретил меня с профессиональной обходительностью, в сущности все верно, сказал я себе, я ведь сейчас не его издатель, а пациент. Широким и радушным жестом он пригласил меня усесться напротив, с другой стороны стола, как сажают подчиненных в кабинете начальства. “Ну-с?” — сказавши это, он нажал на кнопку, вращающееся кресло крутнулось, и доктор оказался ко мне спиною. Голова его поникла, руки, кажется, он сцепил на животе. Мне оставалось только высказываться.

И во мне прорвалось что-то, разверзлись хляби, хлынули речи, все до доньшка, с начала до конца, все что я думал тому назад два года, и год тому назад, и что я думал о Бельбо, и что (как мне думалось) думал Бельбо, и все что связано с Диоталлеви. И в особенности что происходило с нами накануне, ночью святого Иоанна.

Вагнер ни разу не перебил меня, ни разу не поддакнул, не удивился. Можно было бы даже предположить, что он мирно проспал весь наш сеанс. В этом, по-видимому, состояла его методология. Я же говорил. Лечение речью.

Потом я замолк и стал ждать. Его речь, его ответ, его слово должны были меня спасти.

Вагнер медленно, медленно поднялся с кресла. Так и не глянув в мою сторону, он обошел письменный стол и стал у окна. И так стоял и смотрел через стекло, сцепив за спиною кисти, в глубокой задумчивости.

В молчании прошло десять — пятнадцать минут.

Потом, все так же продолжая стоять спиною, бесцветным, спокойным, увещательным тоном он произнес:

— Monsieur, vous êtes fou¹.

И продолжал пребывать в неподвижности. И я тоже. Прошло еще пять минут, и я понял, что больше ничего не будет. Прием окончен.

Я вышел, не прощаясь. Секретарша одарила меня широчайшей улыбкой. И я снова оказался на авеню Элизе Реклю.

¹ Мсье, вы безумны (фр.).

Было одиннадцать. Я сложил свои вещи в гостинице и отправился в аэропорт, надеясь на удачу. Удачи не было, пришлось прождать два часа, тем временем я позвонил в Милан в "Гарамон", за счет абонента, потому что у меня не оставалось ни монетки. Ответила Гудрун, реагировала она еще более тупо, чем обычно, мне пришлось проорать три раза одно и то же, прежде чем она сказала уи, йес, что она готова платить.

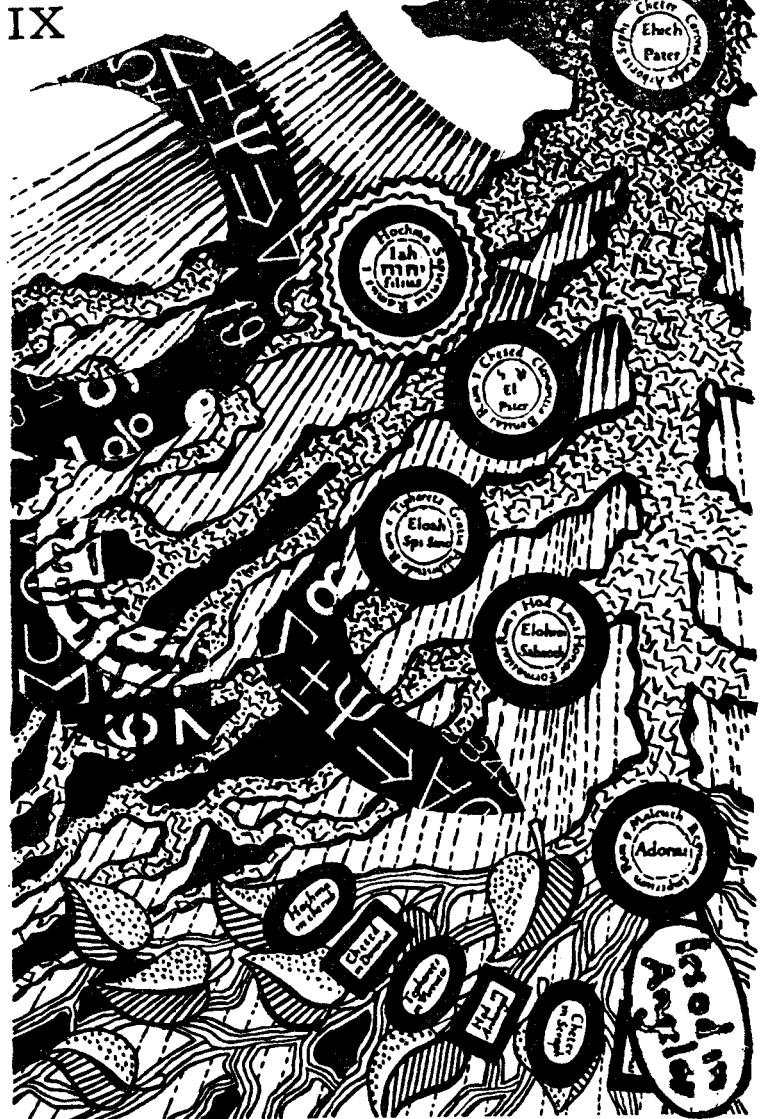
Гудрун плакала. Диоталлеви умер в ночь с субботы на воскресенье в двенадцать часов.

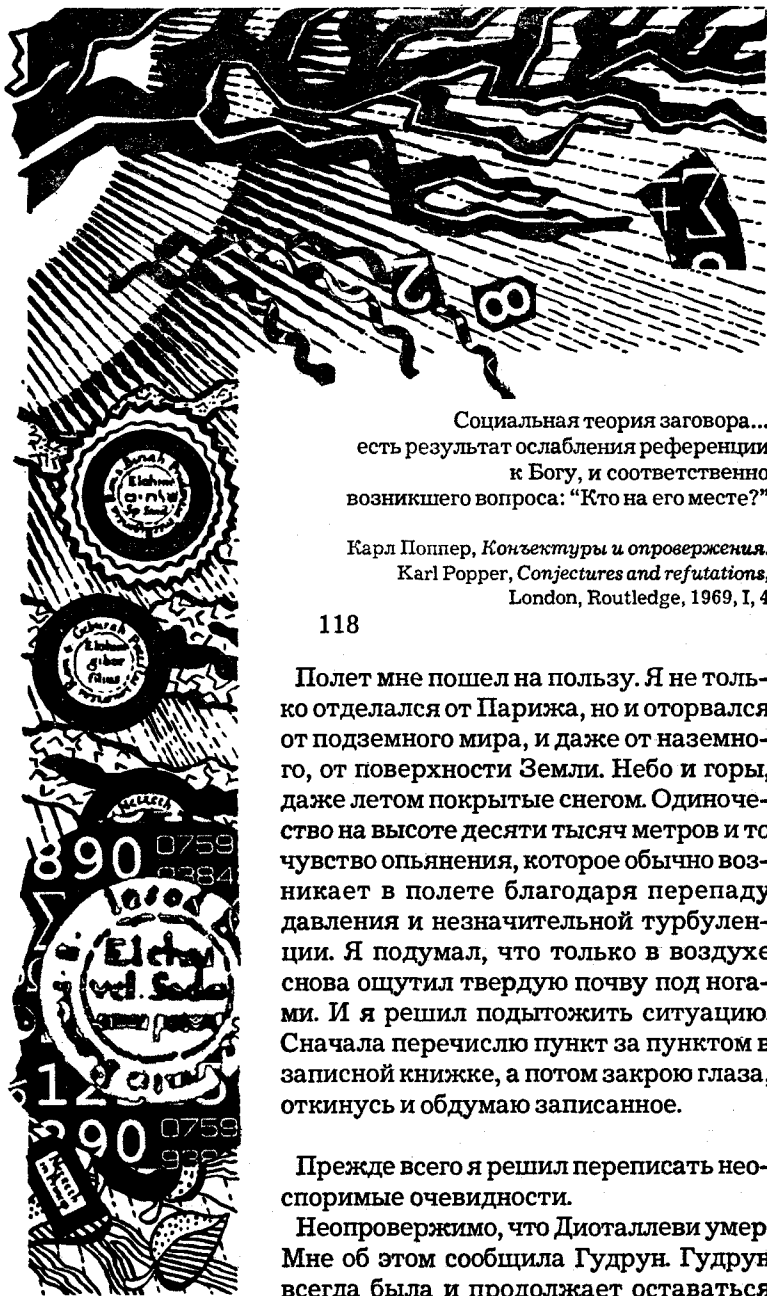
— И никто, никто из друзей не пришел попрощаться, я только что с похорон, что же это творится, господи! Даже господина Гарамона не было, сказали, что он за границей. Только мы с Грацией, Лучано и какой-то господин весь в черном, борода, курчавые локоны и огромная шляпа, потусторонний тип. Непонятно откуда взялся. Вы-то куда делись, Казобон? И где Бельбо? Что вообще происходит?

Я пробормотал что-то невразумительное и повесил трубку. Меня уже вызывали по радио. Надо было срочно садиться в самолет.

ŃECOD

IX

Социальная теория заговора...
есть результат ослабления референции
к Богу, и соответственно
возникшего вопроса: "Кто на его месте?"

Карл Поппер, *Конъектуры и опровержения*.
Karl Popper, *Conjectures and refutations*,
London, Routledge, 1969, I, 4

118

Полет мне пошел на пользу. Я не только отделался от Парижа, но и оторвался от подземного мира, и даже от наземного, от поверхности Земли. Небо и горы, даже летом покрытые снегом. Одиночество на высоте десяти тысяч метров и то чувство опьянения, которое обычно возникает в полете благодаря перепаду давления и незначительной турбулентии. Я подумал, что только в воздухе снова ощутил твердую почву под ногами. И я решил подытожить ситуацию. Сначала перечислю пункт за пунктом в записной книжке, а потом закрою глаза, откинусь и обдумаю записанное.

Прежде всего я решил переписать неоспоримые очевидности.

Неопровержимо, что Диоталлеви умер. Мне об этом сообщила Гудрун. Гудрун всегда была и продолжает оставаться

абсолютно непричастной к нашей истории, она бы в ней ничего не поняла, и следовательно, она единственная говорит совершенно истинные вещи. Далее. Действительно Гарамона не было на месте в Милане. Конечно, он мог находиться где угодно, но тот факт, что в Милане его нет и не было в предыдущие дни, дает возможность предположить, что он находился в Париже, где я его и видел.

В то же время отсутствует и Бельбо.

Будем исходить из предположения, что виденное мною в субботу вечером в соборе Сен-Мартен-де-Шан происходило на самом деле. Может быть, не именно так, как это увиделось мне под наркотическим влиянием музыки и курений. Но, допустим, что-то происходило. Это как в истории Ампаро. Возвратившись домой, Ампаро вовсе не была уверена, что она действительно была одержима Помбой Жирой. Но она знала точно, что в павильоне умбанды побывала, и знала, что будучи в павильоне, уверовала — или же повела себя так, как будто уверовала, — будто Помба Жира действительно ею овладела.

Так. Далее, то, что мне сказала Лия в горах, справедливо, ее прочтение стопроцентно убедительно, послание из Провэна — это товарная квитанция. Не было никаких совещаний тамплиеров в здании Гранж-о-Дим. И не было Плана и не было послания.

Товарная квитанция для нас явилась кроссвордом с незаполненными клетками и без текстовых подсказок. Так что мы стали заполнять клетки, чтобы все крестословья совпадали. Нет, не годится, сравнение некорректно. В кроссвордах перекрещиваются слова, и в этих словах на перекрестьях должны оказываться одинаковые буквы. В нашей игре мы перекрещивали не слова, а понятия и факты, а следовательно, правила сочетания были другие, по сути дела правил было три.

Во-первых, понятия сопрягаются по аналогии. Не существует критериев, чтобы знать с самого начала, хороша аналогия или плоха, ибо любая вещь напоминает любую другую вещь под определенным углом зрения. Например. Картофель перекликается с яблоком, потому что оба растительные и круглые. Яблоко со змеем — по библейской ассоциации. Змея с кренделем, если змею закрутить хоро-

шенько, крендель со спасательным кругом, спасательный круг с океаном, океан с мореплавательной картой, карту печатают на бумаге, туалетная бумага, туалет с одеколоном, одеколон со спиртом, спирт с алкоголем, алкоголь с наркотиками, те со шприцем, шприц с дыркой, дырка с ямкой, ямка с грядкой, грядка с картошкой — и круг замкнулся.

Второе правило об этом и говорит: если в конце концов, *tout se tient*, все сходится, значит, игра засчитывается. От картошки к картошке мы проследили путь истины.

Третье правило: ассоциации не должны быть слишком свежими, надо, чтобы кто-нибудь когда-нибудь не менее чем однажды, а лучше многожды, о них уже говорил. Только таким образом связи кажутся истинными: они выглядят очевидными.

В сущности, это была идея господина Гарамона: книги одержимцев не должны содержать ничего нового, должны повторять уже известное, иначе как поддерживать древнее Предание?

И мы действовали по правилам. Ничего не изобретали, только сопоставляли имеющиеся кусочки. Так же действовал и Арденти, только он сопоставлял кусочки нелепо, а кроме того, будучи менее культурным человеком, он предполагал меньшим количеством кусочков.

А у Тех кусочки были, но не было самого кроссворда. К тому же мы и на этот раз оказались шустрее их.

Я вспоминал фразу, которую сказала мне Лия в горах, когда ругала за то, что мы придумали опасную игру: “Люди мечтают о Планах, стоит им почуять запах, и они сбегаются, как стая хищников. Ты выдумываешь, а они верят. Не надо раздувать воображаемое больше чем оно уже раздуто”.

В конечном счете, всегда бывает так. Молодой Герострат терзается, потому что не знает, как стать знаменитым. Потом он смотрит фильм, в котором тщедушный мальчик стрелял в звезду кантри мьюзик и им занялись газеты. Готово дело, наш герой идет и убивает Леннона.

То же самое с ПИССами. Как заделаться печатаемым поэтом и войти в энциклопедию? Гарамон отвечает: только заплати. ПИСС о таком никогда раньше не думал, но поелику существует План “Мануция”, он готов войти в этот план.

Он уверен, что ожидал встречи с этим Планом с самых младых ногтей, он только не знал, что план существует.

Следовательно, мы изобрели несуществующий План, а Эти не только уверовали в него, но и убеждены вдобавок, что они в Плане находились внутри, с самых давних времен, то есть они посчитали осколки своих проектов, беспорядочные и жалкие, за этапы нашего Плана, составленного в соответствии неопровержимой логике аналогий, сходств и подозрений.

Но если стоит только выдумать План — и он осуществляется другими, значит, План как если бы действительно существовал, более того — отныне он существует.

Отныне и впредь орды одержимцев станут рыскать по миру в поисках этой самой карты.

Мы посулили карту личностям, которые старались преодолеть свои угрюмые фрустрации. Какие? Меня навел на ответ последний из файлов Бельбо. Чувства провала не было бы, если бы План существовал действительно. Было бы чувство поражения, но не по собственной вине. Сдаться пред лицом Космического Заговора не стыдно. В этом случае ты не трус, а мученик.

Ты же не жалуешься на то, что смертен, что ты жертва бесчисленных микроорганизмов, над которыми не властен, ты не несешь ответ за нехваточие ладони ног, за отвалившийся хвост, за то, что волосы и зубы не отрастают опять, за нервные клетки, которые не восстанавливаются, за сосуды, которые склеротизируют. Все это вина Завистливых Ангелов.

То же самое относится и к повседневной жизни. Это как с крахами на бирже. Они случаются потому, что несколько человек одновременно совершают по ошибке, и их ошибки взятые вместе приводят к возникновению паники. Потом люди с более слабой нервной системой пробуют дознаваться: но кто же устроил весь этот заговор, кому он был выгоден? И плохо, если не удастся отыскать того врага, который сплел заговор. Пока не отыщешь, ты во власти чувства вины. Вернее, поскольку у тебя чувство вины, ты выдумываешь врага с заговором, и даже много врагов, много заговоров. Чтобы победить их, тебе нужен собственный заговор.

И чем дальше ты выдумываешь чужие заговоры, как причины твоего смятения, тем сильнее ты в них влюбляешься и свой собственный выковыиваешь по их мерке. То же самое происходило, когда иезуиты и бэконииане, павликиане и неотамплиеры ставили в вину друг другу выдуманные ими самими планы. Тогда Диоталлеви говорил: — Конечно, надо обвинить других в том, что делаешь ты сам. И так как ты делаешь вещи заведомо омерзительные, мерзость переходит на тех других. В то же время, так как другие на самом деле хотели бы делать именно те мерзостные вещи, которые делаешь ты, они идут тебе навстречу, давая понять, что да, действительно то, что ты им приписал, это то самое, чего они всегда желали. Бог ослепляет тех, кого желает погубить, надо только немножечко помочь ему.

Заговор, если он должен быть заговором, секретен. Должен быть секрет, зная который мы излечимся от фрустрации, потому что либо этот секрет приведет нас к спасению, либо знание этого секрета для нас отождествляется со спасением. Но существует ли столь сиятельный секрет?

Существует, при условии чтоб нам не знать его никогда. Разоблаченный, он разочарует нас, и только. Разве не говорил Алье о тяготении к таинственности, переполнявшем собой эпоху Антонинов? А ведь как раз незадолго до того явился некто, кто заявил о себе как о сынове Божиим, который воплотился и искупает грехи человеческого рода. Что, этого мало? И обещал каждому спасение, достаточно только полюбить ближнего. Мало ли такой тайны? И в приписке к завещанию сообщал еще, что любой, кто сумеет произнести правильные слова в правильное время, сможет претворить кусок хлеба и полстакана вина в плоть и кровь сына Божия и питаться тем, что получит. Такая загадка не заслуживала бережного отношения? И побуждал отцов церкви предположить, а впоследствии и провозгласить, что Господь одновременно и един и тройствен, и что Дух нисходит от Отца и Сына, а вовсе не Сын от Отца и Духа. Что это, фразочка для гиликов?¹ И при всем при том эти

¹ Согласно разделению, бытовавшему у гностиков, люди делятся на гиликов (телесных), психиков (душевных) и пневматиков (духовных).

люди, у которых спасение было, можно сказать, прстятни руку, do it yourself — ноль внимания. Потому что: как так, больше нету секретов? Что за разочарование. И ну снова истерически рыскать на быстроходных либурнах вдоль и поперек по Средиземноморью, искать другого потаенного знания, для которого все эти догмы, цена которым тридцать сребреников, выступали бы не более чем внешним камуфляжем, незамысловатой басней для нищих духом, тайносмысленным иероглифом, подмигиванием Пневматикам. Тайна Божественной Троицы? Больно плоско, должно же быть что-нибудь посерьезнее под этой тайной.

Кто-то, мне кажется Рубинштейн, когда его спросили, верует ли он в Бога, сказал: “Ах, нет, я верю в нечто гораздо большее...” И сказал кто-то другой (Честертон?): “С тех пор как люди больше не веруют в Бога, это не значит, что они не веруют ни во что, а значит, они веруют во все”.

“Все” не означает “еще более” таинственный секрет. Нет “еще больших” секретов, потому что, как только они открываются, они становятся маленькими. Есть только пустые секреты. Секрет орхидеи, которая через название “орхис” означает мужские яички и воздействует на них. Но яички — близнецы — воплощены в одном из знаков Зодиака. Знаки Зодиака отображают иерархию ангелов. Ангельские хоры связаны с музыкальными гаммами. Гаммы передают взаимоотношения гуморов в человеческом теле. И в этом духе до бесконечности, быть среди посвященных значит не останавливаться никогда, облуплять универсум как луковицу, а луковица вся состоит из скорлуп. Вообразим бесконечную луковицу, центр которой везде, а окружность нигде, или же луковицу Мебиуса.

Настоящий посвященный, стоющий посвященный — тот, кто знает, что наиважнейший из секретов есть секрет без содержания. Ни один враг не вырвет у него секрет, ни один верующий не вымолит эту тайну.

Теперь мне начала казаться более логичной и последовательной динамика ночного шабаша под Маятником. Бельбо заявил, будто обладает секретом, и тем самым приобрел власть над Этими Самыми. Естественно для них, и даже для такой лощеной личности, как Алье, который сразу заколотил в там-там для скликания остальных, было захо-

теть вырвать секрет у Бельбо. И чем решительнее Бельбо отказывался открыть им секрет, тем сильнее Эти Самые удоставлялись, что секрет громаден, и чем рьянее божился, что ничем не обладает, тем крепче уверялись, будто обладает, и что это настоящий секрет, потому что будь он ложный, Бельбо его бы открыл.

Много столетий поиски этого секрета были тем клеем, который удерживал их вместе на фоне дрязг, междоусобных распрь и подлых подножек. И вот секрет почти найден, протяни руку. Два равных ужаса овладели ими в преддверии тайны: во-первых, как бы секрет их не разочаровал и, во-вторых, как бы, открытый всем в одинаковой степени, не потерял свою секретную ценность. Это означало бы конец для всех.

Именно на этом месте Алье заподозревал, что ежели Бельбо заговорит, то он, Алье, лишится той неопределенной ауры, на которой держались его авторитет и власть. Если бы Бельбо исповедался одному ему, Алье продолжал бы оставаться Сен-Жерменом, бессмертным кощею. Отсрочка его смерти зависела от отсрочки секрета. Он попробовал подбить Бельбо сознаться ему на ухо. Когда понял, что ничего не выйдет, решил надавить на него, предписать его сдачу и тем самым добавить в происходящее еще одну порцию невыносимой пошлости. О, он хорошо изучил Бельбо, старый граф, он знал, что у людей из Бельбовой деревни упрямство и страх перед смехотворностью сильнее любой боязни. Он умело подвел Бельбо к ситуации вызова и вынудил его произнести окончательное "нет".

Под воздействием того же страха и одержимцы предпочли убить Бельбо. Конечно, при этом они утрачивали карту. Но зато приобретали много новых столетий, чтобы разыскивать ее и при этом сохранять всю свежесть своего слабосильного, слюноточивого желания.

Тут я вспомнил, что мне рассказывала в свое время Ампаро. До того как приехать в Италию, она прожила несколько месяцев в Нью-Йорке, и там она жила в таком квартале, что можно было снимать без декораций телефильм из жизни угрозыска. Тем не менее она часто возвращалась одна часа в два ночи. И когда я ее спросил, не боялась ли она

сексуальных маньяков, она поделилась со мной своим методом. Если маньяк подкрался бы к ней и выказал свои намерения, она взяла бы его под ручку и сказала: “Коли так, пошли в койку”. Маньяк бы в ужасе ретировался.

Сексуальный маньяк не желает секса, он желает его желать, ну максимум воровать его, но безусловно при неучастии жертвы. Когда тебя ставят прямо перед сексом и говорят: здесь Родос, здесь прыгай, разумеется, ты уде-решь без оглядки, иначе что ты за маньяк, честное слово.

Мы же подзуживали, возбуждали их похоть, предлагали им секрет, пустее которого не бывает, потому что не только не знали секрета и мы тоже, но мы еще вдобавок и знали, что наш секрет совершенно пуст.

Самолет летел над Монбланом, и пассажиры все бросились к левому борту, чтобы обязательно полюбоваться глупым прыщом, выскочившим на фоне дистонии подземных сосудов. Я же думал, что если все, о чем я думал сейчас, правда, тогда, наверное, и подземных течений тоже не существует, раз уж не существует послания рыцарей из Провэна. Но история расшифровки Плана, в том виде в каком мы ее расшифровали, все равно не что иное как История человечества.

Я возвращался памятью к последнему файлу Бельбо. Но в таком случае, если естество настолько пусто и хрупко, что держится только на иллюзиях тех, кто разыскивает его тайну, действительно, — как кричала Ампаро тогда вечером в палатке после своего позора, — значит, нет раскрепощения, значит, все мы рабы, дайте хозяина, мы его заслужили...

Невозможно. Этого не может быть, потому что Лия убедила меня, что есть и нечто другое, у меня имеется доказательство, оно называется Джулио, и в данную минуту оно ковыляет по лужайке, тянет за хвост козу. Невозможно еще и потому что Бельбо дважды сумел сказать “нет”.

Первое “нет” он сказал Абулафии и всем тем, кто соби-рался проникнуть в его тайну. “У тебя есть ответ?” — было

спрошено. Настоящий ответ, ключ к познанию, состоял в слове “нет”. Вот она правота: не только магического слова не существует, но и мы его не знаем. Кто сумеет признать это, сумеет и узнать что-то, так же как сумел узнать что-то я.

Второе “нет” он произнес в субботу вечером, отвергая спасение, которое ему предлагалось. Он мог бы изобрести какую угодно карту, пересказать любую из тех, которые показывал ему я, во всяком случае при их идиотской подвеске Маятника эти проходимцы никакого Пупа Земли никогда бы не обнаружили, а если и обнаружили бы, им понадобились бы десятилетия, чтоб убедиться, что Пуп не тот. Но нет, Бельбо не захотел унижаться, он предпочел умереть.

Не то чтобы он не хотел унижаться перед перевесом силы. Ему претило унижение перед отсутствием смысла. А это означает, что он каким-то образом знал, что при всей хрупкости естества, при том, что бесконечно и бесцельно наше исследование мира, существуют некие вещи, имеющие больше смысла, чем другие.

Что же чувствовал Бельбо, может быть, даже в последнюю минуту, что придало ему силы противостоять последнему безнадежному файлу и не подчинять свою судьбу тому, кто ниспосылает взамен какой-то там План? Что он понял там, наконец, что дало ему силы проиграть свою жизнь, причем так, как будто бы нечто, что он должен был знать, зналось им издавна, только не замечалось до тех пор? И как будто пред ликом этого его единственного, верного, абсолютного секрета, все что происходило в Консерватории, было бесповоротно глупо; и глупо, раз уж на то пошло, было настаивать на том, чтоб продолжать жить?

Мне недоставало чего-то, какого-то звена цепочки. Я знал о Бельбо почти все, жизнь и смерть и героические деяния, не знал только одной вещи.

В аэропорту, разыскивая паспорт, я нащупал в кармане ключ от сельского дома Бельбо. В прошлый четверг я захватил его вместе с ключом от городской квартиры. Я вспомнил, как мы были у него в гостях и он показал нам шкаф, набитый бумагами, и сказал, что там содержится его полное собрание сочинений юношеского периода. Мо-

жет быть, Бельбо написал что-то такое, чего не может быть в Абулафии, и это что-то захоронено в шкафу в ***?

Никаких оснований не было приходиться к подобному выводу. Неплохое основание, сказал я себе, — чтоб поверить в этот вывод. Учитывая весь предыдущий опыт.

Я забрал со стоянки свою машину, сел в нее и отправился в ***.

Я не застал даже столетней родственницы Канепы, сторожихи или кем там она им приходилась, которую мы видели в прошлый приезд. Может быть, и она умерла за это время. Никого нет здесь. Я прошел по старинным комнатам, пахнет сыростью, мне даже подумалось, что надо установить “монаха” в какой-нибудь из спален. Но какой смысл разогреть постель в июне, стоит только открыть окна, все прогреет воздух летнего вечера.

Сразу после захода солнца не было луны. Ее не было и в Париже ночью в субботу. Она взошла очень поздно, я вижу малюсенький ее ломтик — меньший, чем в Париже, — только сейчас, когда она медленно поднимается над самыми низкими холмами, в проеме между Брикко и соседним желтоватым, может быть, уже окошенным горбом.

Думаю, что приехал я сюда около шести часов вечера, было совсем светло. Я не привез никакой еды, но блуждая по дому, в кухне я обнаружил окаменевший окорок, подвешенный на балке. Так я поужинал, запивая водой, часов около десяти вечера. Теперь меня мучит жажда, я притащил наверх в библиотеку дяди Карло пузатый графин с водой, пью из горлышка, каждые десять минут спускаюсь за новой порцией на первый этаж к раковине. Сейчас, наверное, часа три. Но свет у меня погашен, и трудно разглядеть циферблат. Я думаю, глядя в окно. Мелькают как будто светлячки, это падающие звезды скользят по округлым бокам холмов. Редко-редко машины проезжают, спускаются в лог, карабкаются на горные отроги. Когда Бельбо был мальчишкой, подобных зрелищ не наблюдалось. Машин не было, дорог не было, не было огней, был комендантский час.

Я открыл шкаф с Бельбовыми бумагами сразу же по приезде. Кучи и кучи рукописей, все от школьных заданий

первого класса до множества блокнотов со стихами и с прозой периода отрочества. В отроческую пору все писали стихи, настоящие поэты потом уничтожили стихи этого периода, а плохие их опубликовали. Бельбо был слишком строг к себе, чтоб держаться за них, и слишком беззащитен, чтоб уничтожить. Он похоронил их в огромном шкафу дяди Карло.

Я читал несколько часов. И еще несколько часов, вплоть до нынешней минуты, я раздумывал над содержанием последнего прочитанного текста, который попался мне в руки, когда я почти что готов был сдать.

Не знаю, когда Бельбо написал этот текст. Для этой рукописи характерно нагромождение различных почерков, вернее сказать, вариантов одного и того же почерка в различные эпохи. Как будто бы писалось это рано, в шестнадцать—восемнадцать лет, а потом исправлялось в двадцать, в тридцать, потом еще раз снова в сорок, а может быть, и позднее. До той поры, покуда автор вообще не забросил писать, не считая баловства с Абулафией, к которому не имели отношения эти строки, их нельзя было унижать электронной трансформацией.

Когда читаешь это, кажется, что попадаешь в давно известное пространство, в жизнь городка *** 1943—1945 годов, дядя Карло, партизаны, ораторий, Цецилия, труба. Я знал пролог этой пьесы, навязчивые мотивы Бельбо нежного, Бельбо пьяного, грустного и страдающего. Литература памяти, как нам было хорошо известно, — последнее прибежище бездарностей.

Но я сейчас не литературный критик, я еще раз поработаю Сэмом Спейдом, разыщу недостающую улику.

И вот мне удалось найти текст-разгадку. Это, кажется, последняя страница жизни Бельбо в ***. После этого не происходило уже ничего.

И зажжен был венец трубы, я увидел,
как отверзлось отверстие купола и сияющая
стрела огня низринулась из зияния в зев трубы
и вверзилась во внутренность тел,
лишенных жизни. После того, отверстие
снова закрылось и труба была удалена.

Иоганн Валентин Андреаз,
Химическая свадьба Христиана Розенкрейца.
Johann Valentin Andreae,
Die Chymische Hochzeit des Christian Rosencreutz,
Strassburg, Zetzner, 1616, 6, pp. 125—126

119

В тексте имеются пропуски, зачеркивания, замазывания, провалы. Восходит все, кажется, к апрелю сорок пятого года. Немецкие армии были уже разбиты, местные фашисты разбегались. В любом случае *** находился под контролем партизан. После последней схватки, той самой, о которой нам рассказывал два года тому назад Якопо, которая происходила практически у них в доме, разные партизанские бригады назначили всеобщий слет в *** с тем, чтобы оттуда двинуться на город. Они ждали условного пароля от “Радио Лондон”, что означало бы, что и в Милане все подготовлено к восстанию.

Участвовали и гарибальдийские бригады, командовал ими некий Рас — чернобородый великан, обожаемый населением. Они ходили в разношерстном обмундировании, униформой им служили красный шейный платок и красная звезда на груди, и вооружены были тоже как придется, кто с допотопной винтовкой, кто с автоматом трофейного происхождения. Бадолианские войска выглядели совершенно иначе, синие платки, униформа хаки, вроде английской, и новешенькие короткоствольные автоматы “стен”. Союзники заваливали бадолианцев всяким добром с воздуха по ночам, а перед этим вот уже два года непременно появлялся каждый вечер таинственный Пипетто, английский разведывательный самолет, неведомо что разведывавший, учитывая, что ни одного огня не было заметно на десятки километров окрест.

Между гарибальдийцами и бадолианцами особой любви не было, говорили даже, что в ночь после решающего сражения бадолианцы, преследуя фашистов, кричали “Да здравствует король!”, но те оправдывались, что-де по привычке закричишь что угодно, особенно когда прешь в атаку, и что совершенно не обязательно из этого следует, что они монархисты, и что они тоже понимают, что король очень во многом был неправ. Гарибальдийцы в ответ хмыкали, что, может быть, и действительно, когда бежишь со штыком наперевес, заорешь “и король и Савойя”, но не тогда же, когда воюешь в городских условиях короткими перебежками, да что там, и без того ясно, что бадолианцы просто продались англичанам.

Было в любом случае достигнуто что-то вроде соглашения, потому что требовалось объединенное командование для похода на город, и выбор пал на командира Терци, у которого была под началом лучше всего обученная бригада. Он был старше всех, воевал еще в первую мировую, это был герой и он пользовался доверием у командования союзников.

Довольно скоро вслед за этим, думаю — за несколько дней до начала миланского восстания, бригады отправились отбивать наш город. Мы ждали известий, известия были хорошие, операция удалась, бригады торжествующе возвращались в ***, но были убитые, говорили даже, будто в сражении был убит Рас, а Терци как будто ранен.

Ближе к вечеру послышался шум автомашин, пение солдат, люди выбежали на площадь, с шоссе сворачивали первые подразделения, поднятые кулаки, знамена, машут оружием из окон машин и из кузовов грузовиков. По дороге сюда их уже закидали цветами, на машинах горы цветов.

Неожиданно раздался крик: Рас, Рас! И вот он Рас, бог весть как держится на переднем бампере доджа, всклокоченная борода, клячья черной просоленной шерсти выпирают из рубахи, распахнутой на груди, хохочет, приветствует толпу.

Вместе с Расом слезает с доджа и Рампини, близорукий мальчишка, игравший в нашем оркестре, он немного был старше нас, сгинул три месяца назад, говорили — пошел к партизанам. И действительно, вот он с ними, с красной ко-

сынкой на шее, в куртке хаки, синие брюки — униформа нашего оркестра, но еще у него имелся пояс, кобура, а в кобуре пистолет. Через толстые стекла, которые столько раз служили посмешищем старым товарищам по ораторию, ныне он окидывал набегающих девиц взглядом Флэша Гордона. Якопо подумал: интересно, есть ли на площади Цецилия.

В течение каких-нибудь полчаса площадь вся заполнилась партизанами, толпа громогласно выкрикала Терци, добивалась речи. Терци вышел на балкон местной управы, опираясь на свой костыль, бледноликий, и несильно махнул, чтобы замолчали. Якопо ожидал крупной речи, потому что все его детство, как положено в те времена, состояло из крупных и значительных речей Муссолини, из которых следовало заучивать наиболее показательные части, в школе требовали этого, а следовательно, заучивалась любая речь полностью, потому что несущественного дуче не говорил ничего.

Грянула тишина. Терци заговорил сорванным голосом, слышалось плохо. Он сказал так: — Соотечественники, друзья. После огромных трудностей... мы теперь с вами. Вечная память павшим.

Все. И он удалился.

А толпа разрывалась, кричала, партизаны размахивали оружием, пулеметами, автоматами, винтовками, девяносто первыми, от восторга пускали очереди, патроны разлетались по сторонам, а ребята кидались под ноги военным и штатским, потому что подобного урожая в дальнейшем ожидать им было неоткуда, и вообще вся война грозила закончиться через неделю.

Однако убитые действительно были. По печальному совпадению, оба из Сан-Давиде, крошечной деревушки на вершине горы, и семьи хотели погрести их наверху, на старинном кладбище.

Партизанское командование запланировало торжественные похороны, стройся поротно, повозки в траурном убранстве, духовой оркестр района, пресвитер из районного собора. Плюс к тому оркестр оратория.

Дон Тико согласился с энтузиазмом. Прежде всего, ска-

зал он, потому что он всегда питал антифашистские чувства. Кроме того, перешептывались оркестранты, потому что вот уже год он заставлял всех учить траурные марши, надо же было хоть когда-нибудь их обкатать на публике. А к тому же, добавляли злоязыкие поселяне, хочет, чтоб потускнела и стерлась в памяти история с исполнением “Юного фашиста”.

С “Юным фашистом” (“Джовинецца”) история случилась так. Много месяцев назад, до того как появились партизаны, оркестр дона Тико возвращался с какого-то незапамятного официального концерта и повстречал патруль Черных Бригад. “Сыграйте «Юного фашиста», святой отец”, — распорядился капитан, поигрывая пальцами по прикладу автомата. Что делать, как любили говаривать классики? Дон Тико сказал: “Ребята, тут нам нет резона, остаться бы живу”. Он задал темп своей палочкой, и отвратительные нестройные вопли труб и барабанов огласили окрестности ***, и бродячий цирк пересек *** из конца в конец, изрыгая такую какофонию, которая лишь от полного отчаяния могла быть принята за “Юного фашиста”. Позор на наши музыкантские головы. За то, что поступились принципами, говаривал впоследствии дон Тико, но в основном за то, что играли хуже некуда. Слова священнослужителя и вдобавок антифашиста. Что ж, искусство действительно не прощает.

Якопо тогда не было. У него был тонзиллит. Были только Аннибале Канталамесса и Пио Бо, и разумеется, их весомый вклад сыграл решающую роль в падении фашистского режима. Но для Бельбо проблема состояла в другом, во всяком случае в период, когда он писал эти строки. Ему опять не случился повод узнать, хватило ли бы у него духу сказать “нет”. Я думаю, именно поэтому Бельбо нашел свою смерть на маятнике Фуко.

Ну в общем, похороны были назначены на воскресенье. На церковной площади собрались все: Терци с военными, дядя Карло и местная административно-интеллигентская прослойка с медалями за прошлую войну. Уже не имело значения, кто из них был фашистом, а кто не был, речь шла о долге памяти героям. Служители церкви, районный духовой оркестр в темных костюмах, катафалки, лошади под

черными чепраками и повсюду белый, серебряный, черный цвета. Возница был наряжен наполеоновским маршалом, в треуголке, пелерине и громадном плаще той же расцветки, что убранство лошадей. И тут же был оркестр оратория, фуражки, куртки хаки и синие штаны, он шел сия медью, чернея деревом и рассыпая искры от тарелок и барабанов.

От *** до Сан-Давиде пять или шесть километров все извивами и в гору. Дорога, которую гуляющие пенсионеры проходили за воскресенье: партия в шары, несколько фляжек вина, привал окончен, еще километр, еще винишка, еще сыграем — и так вплоть до самой церкви на вершине горы.

Несколько километров в гору — не так уж страшно для того, кто присаживается отдохнуть в тенечке, может быть, даже вполне осуществимо прошагать этот путь в колонне по два, оружие на плечо, глядя перед собою, вдыхая свежайший воздух ранней весны. Но попробуйте идти в гору, дую в трубу: мускулы щек затвердевают, пот ручьями каптется по лицу, дыхания не хватает. Районный духовой оркестр был к этому приучен всей жизнью, но для мальчишек из команды дона Тико это было огромное испытание. Они выдержали по-геройски, дон Тико бороздил палочкой воздух, кларины причитали, саксофоны завывали, баритоны и трубы захлебывались в агонии, но они одолели весь путь до самой деревни, до подножия погоста. С полдороги Аннибале Канталамесса и Пио Бо только притворялись, будто что-то играют, но Якопо свято блюл свою функцию пастушеской овчарки под благословляющим оком дона Тико. В дуэли с районным духовым оркестром они не спасовали, и это подтвердили и Терци и другие командующие бригадами: спасибо, ребята, вы сделали большое дело.

Командир с синим платком на шее и с радугой нашивок за две мировые войны сказал тогда: — Святой отец, ребята свое отдудели, пусть идут в деревню. Под конец поднимайтесь к погосту. Дадим вам грузовик, он развезет по домам.

Тут все набились в остерию, и музыканты из духового оркестра, заматерелые на сотне процессий, без зазрения наказывали себе немеренные порции почек и красного

вина. Застолье обещало растянуться до вечера. Мальчики дона Тико, со своей стороны, столпились около стойки, где хозяин разливал колотый сладкий лед, зеленый, как химический опыт. Лед с размаху проваливался в горло, отчего ломило посередине лба, как при синусите.

Наглотавшись, вся компания потянулась наверх на кладбище, где их ждал грузовичок. Шумно влезали в кузов, и уже все были в машине, стояли прижавшись друг к другу, толкаясь инструментами, когда на паперть кладбища вышел тот же самый командир и крикнул: — Святой отец, для церемонии финала нам нужна труба, для торжественного отбоя. Это всего пять минут.

— Труба, — негромко, профессионально скомандовал дон Тико. Но недостойный обладатель привилегии, к тому времени уже изошедший ядовито-сахарным потом и целиком нацеленный на домашний обед, жалкий мужлан, нечувствительный к обаянию прекрасного, к идеям и к солидарности идей, начал гнусить, что уже поздно, что его обещали отвезти домой, что у него уже кончилась слюна и так далее и в подобном духе, вгоняя в краску дона Тико, которому было совестно перед командиром.

В эту минуту Якопо, увидев как воочию в полуденном мареве пленительный образ Цецилии, сказал: — Если он мне даст трубу, пойду я.

Признательность в сияющем взгляде дона Тико, потное облегчение гадостного трубоносца. Обмен инструментами, как при смене караула.

И Якопо поднялся по ступеням кладбища, ведомый психопомпом с нашивками за Аддис-Абебу. Все вокруг ослепляло белизной, раскаленная на солнце стена, гробницы, цветущий кустарник живой изгороди, риза завершающего обряд священника, коричневели только фотографии в кружочках на надгробных крестах. И выделялись цвета знамен, окружавших две вырытые могилы.

— Парень, — сказал командир. — Ты становись тут, со мною рядом, и по команде играй “смирно”. Потом по команде “отбой”. Все понял?

Понял-то все. Только Якопо до тех пор ни разу в жизни не играл “смирно” и не играл “отбой”.

Он держал трубу, прижав ее правым локтем, прижимая к ребрам, раструбом немножко книзу, как держат карабины, и ждал сигнала, подбородок вверх, живот втянут, грудь выдвинута вперед.

Терци кончал свою неяркую речь, состоявшую из коротких фраз. Якопо думал: когда надо будет играть, я подниму глаза к небу, и солнце выслепит глаза. Но так умирают трубачи, и поскольку смерть дается только однажды, имеет смысл умереть хорошо.

Потом командир прошептал ему: “Давай” — и начал набирать в грудь воздух для “Смии...”. А Якопо не знал, как играется “смирно”.

Мелодическая структура, вероятно, должна была быть другая, в тот момент из Якопо вылилось что-то вроде “доми-соль-до”, но заскоружным сыновьям войны, по-видимому, этого хватило. В последнее “до” он вошел наново захвативши воздух, так чтобы мочь продержат его как можно дольше, чтобы дать этому “до” возможность — как написано у Бельбо — долететь до самого солнца.

Партизаны замерли по стойке “смирно”. Замерли как умерли, мертвее мертвых.

Двигались только гробокопатели, слышен был шорох опускаемых в ямы канатов, шуршание обратного их выматывания, концы хлестнули по гробам. Это был до такой степени слабый шелест, что он напоминал трепетанье луча на поверхности сферы, нужное лишь для того, чтобы подчеркнуть, что на уровне Сфер ничто не изменяется никогда.

Потом с рывкообразным притопом была выполнена команда “на пле-чо!”. Пресвитер произнес последние молитвы, кропя усопших, командиры приблизились к открытым могилам и каждый бросил горсть земли. В ту минуту неожиданная команда разорвала тишину очередями в воздух, тарах-та-тах, и ошарашенные птицы ринулись ввысь с зацветающих деревьев. Но и это не стало движением, это все еще было как если бы то же остановленное мгновение увиделось из нескольких различных перспектив, а видеть мгновение всегда — совсем не означает видеть его в то время как проходит время.

Поэтому Якопо оставался бездвижен, даже гильзы, катившиеся вокруг его ботинок, не имели значения, и трубу он не опустил, не взял под мышку, а продолжал держать у рта, держал на клапанах пальцы, вытянувшись по “смирно”, устремивши по диагонали раструб в поднебесье. Труба продолжала звучать.

Его длиннейшая финальная нота так и не прервалась. Неощутимая для посторонних, из раструба вылетала эта нота, как легчайший ветерок, эта воздушная струйка, которую он непрерывно направлял в отверстие вдува, держа язык меж полуоткрытых губ, но не припадая к латунной присоске. Инструмент он стремил в вышину, но не опирал на лицо, а удерживал одним лишь только напряжением локтей и предплечий.

Якопо из-за того продолжал испускать эту иллюзию ноты, что ему явно чувствовалось: в эту минуту он удерживает нить, приковавшую солнце. Светило прекратило свой бег, зависло в бесконечном полдне, который мог продолжаться и вечность. И все зависело от Якопо, стоило ему оборвать контакт, выпустить нитку, и солнце отскочило бы прочь, как отскакивает мячик, а вместе с ним отлетели бы и день, и событие этого дня, и это действие, не делящееся на фазы, эта последовательность без “досель” и “после”, протекавшая неподвижно лишь потому, что подобное ее состояние находилось в его распоряжении желать и мочь.

Если бы он перестал выдувать зачин новой ноты, раздался бы звук разрыва, гораздо более страшный, нежели очереди, которые ошарашили слух Бельбо. Все часы пошли бы тарахтеть снова, содрогаясь в тахикардии.

Якопо вождеделал всей душою, чтобы командир никогда не скомандовал “отставить”. Я могу и отказаться, убеждал он себя, и тогда все продолжится навеки, так что надо держать дыхание, покуда возможно.

Думаю, что он вошел в то состояние оглушенности и головокружения, которое охватывает ныряльщика, желающего продержаться на глубине и продлить инерционное движение, которое в конечном итоге утягивает его на дно. До такой степени, что строки, читаемые мною в тетради, передавая его тогдашнее ощущение, перебиваются астма-

тическим иком, разрываются многоточиями, ковыляют через зияния. Но ясно чувствуется, что в эту минуту — нет, он не говорит этого, но это вполне очевидно — в эту минуту он обладал Цецилией.

Дело в том, что Якопо Бельбо тогда не мог сознавать — не сознавал он и после, пища о самом себе несознающем, — что в то мгновение он окончательно и на всю жизнь отпраздновал все свои алхимические браки, с Цецилией, с Лоренцей, с Софией, с землей и с небом. Единственный, может быть, среди всех смертных он совершил во всей полноте Великую Дею.

Никто не говорил еще ему тогда, что Грааль является чашей, но является и копием, и что труба, подъятая как кубок, в то же время составляет собой оружие, орудие сладострастнейшего господства, устремленное в небеса и привязывающее Землю к Мистическому Полюсу, Землю к единственной твердой точке, которую мироздание когда бы то ни было имело: к точке, которую сотворил он сам, на эту бесконечную минуту, своим дуновением.

Диоталлеви еще не рассказал ему тогда, что можно пребывать в Йесоде, в сефире Основания, в замке сочетания вышней арки, выгнутой луком, чтобы посылать стрелы в меру Мальхута, который есть цель Йесода. Йесод — капля, упавшая со стрелы, которая порождает дерево и плод, это *anima mundi*¹, в ней мужественная сила, размножаясь, связывает между собою все состояния вещества.

Уметь свивать этот Пояс Венеры значит исправлять ошибку Демиурга.

Как можно прожить всю жизнь, отыскивая Оказию и не замечая, что решающий момент, тот, который оправдывает рождение и гибель, был тобой уже прожит? Он не вернется, но он сбылся, неотвратимо, полно, блистательно, благородно, как любое откровение.

В этот день Якопо Бельбо глядел в глаза Истине. Единственной, которая в его жизни была ему явлена, ибо истина, которую он воспринял, это что истина быстролетна

¹ Душа мира (лат.).

(впоследствии она — лишь комментарий). Именно поэтому он стремился укротить нетерпение времени.

Тогда он этого еще не понимал, конечно. И не понимал ни когда писал об этом, ни когда решил об этом больше не писать.

Я понял это сегодня вечером: необходимо, чтобы автор умер, для того чтобы читатель открыл для себя истину.

Наваждение Маятника, которое преследовало Якопо Бельбо в течение всей его взрослой жизни, было — как утерянный во сне адрес — отображением того другого момента, закрепившегося было в сознании и потом вытесненного, в которое он действительно прикоснулся к потолочному своду мира. И это, то есть мгновение, когда он затормозил пространство и время, выпустив свою стрелу Зенона, не было ни знаком, ни симптомом, ни аллюзией, ни фигурой, ни сигнатурой, ни загадкой; оно было тем, чем было, и не выдавало себя за иное, было мгновением, в которое нет отсрочки и уравниваются все счета.

Якопо Бельбо не понял тогда, что его миг был ему даден и его должно было хватить на всю оставшуюся жизнь. Он его не опознал и провел остаток своих дней в поисках иного, пока не погубил себя. А может быть, он что-то и подозревал, иначе не возвращался бы так часто к теме трубы. Но труба ему помнилась в виде утраты, а между тем на самом деле она некогда была ему дана.

Думаю, надеюсь, молюсь, что Якопо Бельбо наконец понял это в минуту, когда он умирал, повиснув на Маятнике, понял — и обрел покой.

Потом было скомандовано “отставить”. Он все равно не мог уже бороться, потому что дыхания больше не было. Тогда он оборвал связь и выдул единственную ноту, высокую, убывающей интенсивности, нежно гаснущую, подготавливающую мир к той печали, которая в него приходила.

Командир сказал затем: — Все в порядке, парень. Можешь идти. Сыграл молодцом.

Пресвитер устремился к выходу, партизаны вышли через заднюю калитку, где дожидались их бронемашины, могильщики заровняли ямы и тоже отправились восвояси.

Якопо вышел последним. Он не решался оставить место счастья.

На площадке грузовичка с оркестрантами не было.

Якопо подумал, как же так, дон Тико никогда бы не бросил его. По прошествии времени напрашивается логичное объяснение, а именно что кто-нибудь заверил дона Тико, что паренька доставят до дому партизаны. Но Якопо тогда на месте подумал — и не так уж он сильно ошибался, — что между “смирно” и “отставить” протекло слишком много столетий, и ребятам пришлось бы ждать его до глубокой старости, до седины, до смерти, и прах их успел бы расточиться в мире, став частью того легчайшего тумана, который синевою осенял отлогую ширь холмов.

Якопо был один. За спиной — совершенно пустое кладбище, к животу прижата труба, впереди — перепады холмов, курившихся все более синим тоном один за другим, как черничное варенье в огромном тазу, и не видно концовкраев до самого горизонта. Мстительно над головой вертикально палило сорвавшееся с цепи солнце.

Он решил, что станет плакать.

Но неожиданно появился катафалк с печальным автомедонтом, выряженным, как генерал наполеоновского войска, цвета сливок, черноты и серебра, и с упряжкой коней в каких-то варварских масках, с прорезями для глаз, и в квадратных до земли пополах, так что каждая сама по себе казалась катафалком. На повозке витые колонки поддерживали ассиро-греко-египетский балдахин, изузоренный золотом. Человек в треуголке придержал коней, поравнявшись с одиноким трубачом, и Якопо спросил его: — Может быть, подвезете?

Гробовоз оказался добродушным. Якопо уселся на козлы с ним рядом, и телега мертвых повлекла его оттуда в царство живых. Харон безмолвно погонял своих лошадок, на ухабах телега подскакивала, Якопо, иератичный, выпрямленный, на козлах, крепко зажав трубу под мышкой, глядел из-под сверкающего козырька, полный сознания своего нового неожиданно обретенного смысла.

Так они спустились с холмов, на каждом повороте от-

крывалась новая ширь виноградников, голубоватый отлив опрысканных купоросом листьев, каждый раз в ослепляющем мареве, и после несосчитанных переходов они причалили в ***. Пересекли главную площадь, окруженную портиками, пустынную, как только пустыни быть могут площади городков в окрестностях Монферрато в два часа пополудни в воскресенье. Мальчик из одного с Якопо класса, выглянув из окна, выходящего на площадь, обнаружил Бельбо на колеснице, труба зажата под локтем, взгляд вперен в бесконечность, и жестом отдал ему почать искреннего восхищения.

Якопо вернулся в семью, не захотел ни обедать, ни рассказывать. Он притулился на углу террасы и стал играть на трубе, как будто бы под сурдину, выдыхая тихонько, чтобы не потревожить спокойный послеобеденный сон других.

Отец вышел к нему на террасу и беззлобно, с той легкостью, которая присуща людям, понимающим законы жизни, сказал ему: — Через месяц, если все будет в порядке, мы возвратимся в город. В городе играть на трубе невозможно. Хозяин нас выгонит с квартиры. Поэтому с трубой ты начинай прощаться. Если ты действительно интересуешься музыкой, мы возьмем тебе учителя фортепьяно. — И увидев блестящие глаза Бельбо: — Ну что ты, дурачина. Ты хотя бы понимаешь, что закончились плохие времена?

На следующий день Якопо возвратил трубу дону Тико. Через две недели семья оставила ***, возвращаясь в будущее.

Но от чего я вовсе отчаиваюсь, это когда вижу неких бессмысленных и глупых кумиропоклонников, которые... подражают изысканности культа Египта; и ищут божество, о котором не имеют никакого понятия, в извержениях, мертвых и неодухотворенных телах; тем самым они глумятся не только над теми божественными, прозорливыми бластителями, но также и над нами; и что еще хуже, при этом торжествуют, видя, что их безумные обычаи уважаются... Пусть не гнетет это тебя, Мом, сказала Изида, потому что суждена роком превратность сумерек и света. Однако худо то, ответил Мом, что они убеждены, что свет там, где они.

Джордано Бруно,
Изгнание торжествующего зверя.
Giordano Bruno,
Spaccio della bestia trionfante, 3

120

Я должен бы быть в покое. Я ведь понял. Ведь говорил же кто-то из этих, что спасение наступает, когда достигнуто полное понимание?

Я все понял. И я должен бы быть в покое. Кто говорил, что покой рождается из созерцания порядка, из порядка познанного, давшего радость, реализованного без остатка, что это радость, триумф, прекращение усилия? Все мне ясно,

прозрачно, и око почитет на всем и на каждой части, и видит, как части споспешествуют целому, и проникает сердцевину, где течет лимфа, где дыхание, где корень всех “почему”...

Я должен бы быть изнурен покоем. Из окна кабинета дядюшки Карло я смотрю на холмы и на край лунного диска, начинающий восход. Толстая спина Брикко, более нежные хребты других гор, служащих ему фоном, рассказывают историю медленных сонливых ворочаний матери-земли, которая позевывая и потягиваясь лепила слоеные пироги “синеющих планов в угрюмом сиянии сотни вулканов”, этим стишкам Дзанеллы обучают в школе. Никакого глубинного управления подземными токами. Земля периодически пробуждалась от спячки и замещала одну поверхность другой. Где прежде щипали травку трилобиты, диаманты. Где прежде почковались диаманты, лозы. Это логика морены, лавины, провала. Смещения одного камушка довольно, случайности, чтобы камень покатился ниже, оставил по себе пустоту (отсюда разговор о *horror vacui!*), другой спешит заполнить пустое место, третий летит за ним. Все на поверхности. Поверхности на поверхности на поверхности. Мудрость Земли. Мудрость Лии. Пропасть — засасывание плоскости. Как можно обожать засасывание?

Но почему-то от понимания покоя ко мне не приходит. За что любить Фатум, если он убивает тебя так же, как Провидение или Заговор Архонтов? Может быть, я все еще не до конца все понял, мне не хватает связывающего звена, интервала.

Где я читал, что в заключительное мгновение, когда жизнь, поверхность на поверхности, напиться опытом, тебе все становится известно, и тайна и власть и слава, и зачем ты рожден, и почему умираешь, и как все могло бы произойти совершенно иначе? Ты умудрен. Но высшая мудрость, в это мгновение, состоит в том чтобы знать, что ты узнаешь все на свете слишком поздно. Все становится понятно тогда, когда нечего понимать.

Я сейчас знаю, каковы Законы Царства, бедного, отчаявшегося, расхристанного Мальхута, куда укрылась Мудрость, пробираючись ощупью, чтобы отыскать свою утраченную ясность. Истина Мальхута, единственная истина,

сияющая в ночи сефирот, это что Мудрость нагой открывается в Мальхуте, и открывает, что ее тайна состоит в том, чтобы не бывать, если только не на мгновение, и вдобавок не на последнее. Потом за тобой начинают все по новой Другие.

А с Другими и одержимцы будут искать бездн, где укрывается тайна, которая есть их безумие.

Между отрогами Брикко тянутся сотни борозд, сотни виноградных лоз. Я их знаю, я помню множество подобных им в мои времена. Ни одна доктрина нумерологии не доказала, карабкаются ли лозы вверх или слезают вниз. Между бороздами, но только нужно ходить там босыми ногами, чуть замозолевшею стопою, по привычке с самых малых лет, встречаются персиковые деревья. Эти желтые персики, которые растут только между лозами, трескаются при нажатии пальцем, и косточка сама вылетает со скрипением, чистейшая, как после химической обработки, не считая толстеньких белых червячков мяса, держащихся на каком-то атоме. Ты можешь есть эти плоды, почти что не ощущая бархатистости кожи, от которой обычно пронизывает дрожь от языка до самого паха. Некогда здесь паслись динозавры. Потом принадлежащая им поверхность была накрыта другой поверхностью. И все же, как Бельбо в минуту, когда он трубил перед строем, я, вкусываясь в такой персик, понимал все Царство и съединялся с Оным. Все что впоследствии, одна хитроумность. Изобретай, изобретай План, Казобон. Этот план изобретает кто попало, чтобы объяснить динозавров и персики.

Я понял. И уверенность в том, что понимать было нечего, должна по идее гарантировать мой покой и мой триумф. Однако я тут, понявший все на свете, а Они за мной гонятся, полагая, что я обладаю откровением, которого они глухо вождедеют. Недостаточно понять, если другие понять отказываются и продолжают выведывать. Они меня ищут, наверное, они обнаружили мои следы в Париже, знают, что я в этом доме, до сих пор хотят карту. И когда я скажу им, что никакой карты нет, они ее хотеть не перестанут. Что и говорить, прав был Бельбо, иди к чертовой матери, идиот несчастный, что ты хочешь, укокошить меня?

И все тут? Ну давай, но что карты-то нет, от меня ты не узнаешь, каждый должен дойти своим умом до определенных вещей.

Очень больно мне думать, что я не увижу Лию и ребенка, мое Оно, моего Джулио, мой Философский камень. Но камни умеют жить без нас. Может быть, он как раз сейчас переживает свой Случай. Он нашел мячик, муравья, травинку, и увидел в том, что нашел, бездну, а в бездне рай. Он тоже узнает это слишком поздно. Это хорошо, это правильно. Пусть он проживает вот так, один, день своей жизни.

Дьявол. До чего же больно. Ну ладно, как только умру, я о нем забуду.

Ночь глубока, я вылетел из Парижа сегодня утром, я оставил слишком много следов. Они уже успели догадаться, где я укрываюсь. Скоро они будут здесь. Хотел бы я успеть записать все то, что я передумал от сегодняшнего обеда до сейчас. Но Они прочитают и выведут из написанного очередную мрачную теорию и употребят очередную вечность на старания расшифровать тайный посыл, который я якобы спрятал в рассказ своей истории. Этому невозможно верить, скажут они, этот человек рассказывает только о том, как он нас дурачил. Нет, возможно, он сам того не понимает, но Тайное посылает нам шифровки через его злостную беспамятность.

Написал я или нет, неважно. Они все равно будут искать второй смысл, даже в моем молчании. Так уж они устроены. Они слепы к Откровению. Мальхут есть Мальхут и все тут.

Но попробуйте это им объяснить. У них нет веры.

Так уж лучше оставаться здесь, ждать, любоваться холмами.

Они очень красивые.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

“Маятник Фуко” — второй роман итальянского историка литературы, культуролога и семиотика Умберто Эко (р. в 1932 г). Первое его художественное произведение “Имя розы” (1980) — всемирно известный бестселлер, переведенный на множество языков, легший в основу популярного кинофильма (Франция, режиссер Жан-Жак Анно). Русский перевод “Имени розы”, впервые появившийся в 1988 году, опубликован в предыдущем томе первого русского собрания сочинений писателя (издательство “Симпозиум”) в 1997 г. Изданию было предпослано оригинальное авторское предисловие.

Настоящая книга является вторым томом собрания. За ним следует публикация русского перевода третьего и последнего на сегодняшний день романа Умберто Эко “Остров накануне” (1995).

Все три романа Эко — безусловные лидеры мирового книжного рынка.

Второй роман Эко совершенно не похож на первый, он обманывает ожидания того читателя, который думает, что знает, как пишет Умберто Эко.

Как конечно же почувствовал читатель этой книги, в данном случае занимательность роману придает не детективный сюжет, как в “Имени розы”, а то что называется “триллер”. Клей “саспенса” скрепляет крупные инертные, хотя и лакомые для любознательного читателя, части конструкции — экскурсы в отдаленные края мировой истории, не исключая и российскую. Мысль историческая в романе оформлена парадоксально: проведя читателя по лабиринту ложных связей и ничего по существу не означающих параллелей, сконструировав игровую (через тайный заговор-умысел) интерпретацию истории, автор пользуется своей интеллектуальной гипотезой как вакциной, именно для того, чтобы в конце концов предостеречь читателя от веры в существование скрытых смыслов.

Нет ничего этого! Нет тайного центра управления историей,

нет никаких всемирных замыслов и не существует зловещего тайного Плана, который регулировал бы ход вещей! Следует не заниматься дешифровкой истории, а изучать ее, причем основательно загородившись здравым смыслом и ироничностью от магии красивых гипотез. Шарады истории, услада эрудитов, вполне могут стать очень опасными, будучи восприняты людьми не настолько эрудированными и не настолько благомыслящими.

Во всех странах (но Россия в этом на одном из первых мест) существуют массы людей, увлеченных футурологией, Нострадамусом, мистицизмом, переосмыслением традиционных представлений о возможностях человека. Эко несомненно даст пищу уму таких читателей. При этом не забудем, что цель его — продемонстрировать, что факты можно сближать и переосмыслять самыми разными (взаимоуничтожающими!) способами. Опасно, когда это совершается безответственно; легок переход от жонглирования словами к настоящей крови. Особенно когда начинает действовать толпа.

И жертвами этой опасности становятся в романе именно главные герои, люди как раз в высшей степени просвещенные и ироничные. Однако некие глубинные неврозы, присущие рефлектирующему интеллигенту в современном, исполненном быстродействия мире, толкают их к решению раз в жизни совершить Поступок. Поступок в сущности непростительный: выпустить из Пандориного ящика науки гипотезу, легко превращаемую в чудище — порожденное в данном случае не сном разума (это — идея “Имени розы”), а деятельностью разума.

Мысли и идеи, которые в романах Эко облечены, как положено в романах, в метафорическую оболочку, можно найти и в голом прямолинейном виде в его публицистических текстах. Материал для интерпретации “Маятника Фуко” в изобилии содержится в новейшем, недавно вышедшем в издательстве “Бомпиани” (Милан, 1997) сборнике Эко “Пять эссе на темы этики”. В русском переводе он публикуется в издательстве “Симпозиум”.

В одном из эссе мы находим ключевые слова, связанные с ролью интеллигента в обществе и с его так называемой “интеллектуальной функцией”. В глазах Эко интеллигент — фигура, которой пристало не действовать, а беспощадно (даже по отношению к самому себе) осмыслять действия остальных, “не из-за того что он стремится уйти от выбора (он, кстати, вполне имеет право выбирать, но как индивидуум), а потому что для действия требуется устранять полутона и двусмысленности (такова незаменимая роль командующих фигур во всех процессах), а интеллигентская функция состоит, наоборот, в том, чтобы выпячивать

двусмысленности и освещать их /.../ Интеллектуальная функция может привести человека к результатам эмоционально непереносимым, поскольку многие проблемы решаются только выводом, что они решения не имеют...”

В одном из интервью, приуроченных к выходу книги, Эко дал еще один идейный комментарий к своему тексту:

“Эко: Я рассказал историю наваждения, чтобы осудить наваждение. Но не исключаю, что история наваждения может сама по себе превратиться в наваждение. Но тогда, значит, не надо было писать Библию, ибо всегда может найтись кто-то, кто самоотожествится с Каином, а не с Авелем. Какой-нибудь террорист, прочитав “Левиафана”, пойдет кидать бомбы. Что же, виноват Гоббс?”

Я безумно боюсь фанатизма и, следовательно, какой-то безумной космичности мира. Я безумно боюсь насилия...

Я раньше сказал, что синдром подозрительности — болезнь нашей эпохи. Это не совсем так. Сейчас эпидемия очень распространилась, но на самом деле этот вирус присущ истории человечества вообще...

Корр.: Мне представляется, что Эко своей книгой обвиняет фашизм, фашизм вечный, вневременной, независимый от конкретной политической реальности” (“Эспрессо”, 9.10.1988).

Прошли годы, и в своем эссе “Вечный фашизм” (сборник “Пять эссе на темы этики”) Эко полностью подтвердил вывод этого интервьюера.

“Синкретизм — это не просто, как указывают словари, сочетание разноформных верований и практик. Здесь основа сочетаемости — прежде всего *пренебрежение к противоречиям*. Исходя из подобной логики, все первородные откровения содержат зародыш истины, а если они разноречивы или вообще несовместимы, это не имеет значения, потому что аллегорически все равно они все восходят к некоей исконной истине.

Из этого вытекает, что *нет места развитию знания*. Истина уже провозглашена раз и навсегда; остается только истолковывать ее темные словеса. Достаточно посмотреть “обоймы” любых фашистских культур: в них входят только мыслители-традиционалисты. Немецко-фашистский гнозис питался из традиционалистских, синкретистских, оккультных источников. Наиважнейший теоретический источник новых итальянских правых, Юлиус Эвола, смешивает Грааль с “Протоколами Сионских мудрецов”, алхимию со Священной Римской империей. Сам тот факт, что в целях обогащения кругозора часть итальянских правых сейчас расширила обойму, включив в нее Де Местра, Генона и Грамши, является блистательной демонстрацией синкретизма.

Поройтесь в американском книжном магазине на стеллажах под табличкой "New Age". Вы увидите в куче мистической белиберды даже и Св. Августина, который, насколько мне известно, фашистом не был.

Вот, сам по себе принцип валить в кучу Августина и Стонхендж — это и есть симптом Вечного фашизма".

Невзирая на идеологическую ангажированность романа и на лиричность ряда интонаций (автобиографичная для Эко линия отрочества Бельбо), текст и при беглом, и при глубоком знакомстве производит впечатление сугубо "ученого", сложного конструкта, построенного из тех "мыслей и мыслей", которых, по Пушкину, требует проза.

Может быть, публикация этого романа на русском языке будет выглядеть как некий противовес нормам сегодняшнего русского литературного сознания. Сложившаяся в русской литературе ситуация такова, что нормой является литература эмоций, а литература мыслей — аномалией, неученая литература считается нормой, а ученая — аномалией. Данный текст, напротив, характерен для ситуации, которая существовала во всей великой европейской литературе до эпохи предромантизма (после чего, по определению Т.С.Элиота, произошло "dissociation of sensibility" — разъединение мысли и чувства) и существовала в русской литературе XX века от символистов до культурной революции 20-30 годов.

Из этой яркой усложненности романа проистекали некоторые особые решения для перевода. Текст оригинала изобилует вкраплениями иноязычных слов и цитат, ни одна из которых, не исключая и первого древнееврейского эпиграфа, на итальянский язык автором не переведена. Редкие имена и названия даны без всяких пояснений, в том числе без внутритекстовых "подпорок". Читатель, если он дотошный, вынужден каждую минуту залезать в энциклопедический словарь.

Схожий принцип проводился автором в предыдущей книге "Имя розы": целые пассажи печатались на латинском языке без перевода. Но итальянским читателем латынь, хотя и смутно, но постигается: ведь его повседневный язык развился, в ходе многовековой трансформации, из той же латыни. Для русскоязычного "Имени розы" было избрано решение переводить почти все латинские тексты, стараясь соблюдать в лексике и грамматике старославянский колорит, так как по традиции в русском обиходе церковная лексика сохраняла старославянскую окраску. По ощущению переводчика, у читателя переведенных таким методом на русский язык фраз должно было рождаться то же задан-

ное ощущение пускай хоть смутного, но понимания. Старославянизмы выступали функциональным аналогом латыни.

С “Маятником Фуко” проблемы возникли и схожие, и иные. Те же латинские цитаты; фразы на различных европейских языках (английском, французском, португальском); конкретные цитаты, которые приводятся в кавычках, причем Эко ни источник, ни автора не указывает; переиначенные цитаты — приводятся без кавычек; и вообще, в тексте оригинала огромную роль играет эрудированная лексика, призванная и обозначать сложные ученые реалии, и передавать тот профессиональный, часто эзотерический жаргон, который служит опознавательным знаком для университетских выпускников в различных странах.

Переводчик, как и в прежнем случае, старался создать в русскоязычной среде примерно то же впечатление от романа, которое испытывает соотечественник автора. То, что вроде бы должно хоть смутно, но пониматься само собой — передано русскими средствами и пусть суммарно, но откомментировано: либо внутритекстовым способом (по согласованию с автором), либо в сноске. То, что по идее автора должно работать либо как чистый орнамент, чистый звук, либо подталкивать читателя к самостоятельному энциклопедическому поиску — в переводе оставляется без объяснений (но скрытым объяснением-подсказкой всегда выступает транскрипция по русской справочной литературе).

Как видим, подход к переводу и в особенности к комментированию (вернее, решение не комментировать) этого текста основывается по сути на тех игровых принципах, на которых построен автором и сам роман. В данном случае мы воспринимаем текст синтонно с замечательным английским писателем и литературным критиком Энтони Берджесом, автором знаменитого “Заводного апельсина” (Коррьере делла Сера, 21.11.1988):

“... здесь не та эрудиция для эрудиции, которую мы часто находим у Набокова и Борхеса. В любом случае, тут эрудиция подчинена игровой цели. Англо-американская пуританская традиция навязывает читателю чувство вины и греха... Поэтому многим кажется, что основная обязанность литературы — морализирование. С их точки зрения, если литература не содержит дидактики, то она содержит чуть ли не порнографию. А играть нам когда? Не говоря уж, что игра Эко довольно-таки серьезна...”

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Дерево сефирот. Из книги Чезаре Эвола «Обожествленных признаках, евреями именуемых Сефирот». Caesar Evola, *De divinis attributis, quae Sephirot ab Hebraeis nuncupantur*, Venezia, 1589, p. 102.

Шифровальный круг Тритемия. Из книги Тритемия «Ключ к стеганографии», Tritemius, *Clavis Steganographiae*, Frankfurt, 1606.

Печать Фокалора. Из книги А.Э. Уэйта «Книга черной магии», A.E. Waite, *The Book of Black Magic*, London, 1898.

Иероглифическая монада. Из книги И. В. Андреаэ «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца», J.V. Andreae, *Die Chymische Hochzeit des Christian Rosencreutz*, Strassburg, Zetzner, 1616, p. 5.

Карта мира из Туринской библиотеки (XII в.). Из книги Леона Готье «Рыцарство». Léon Gautier, *La Chevalerie*, Paris, Palmé, 1884, p. 153.

Карта мира. Из книги Макробия «Сон Сципиона». Macrobius, *In somnium Scipionis*, Venezia, Gryphius, 1565, p. 144.

Карта мира, полярная проекция. Из книги Роберта Флудда «Всесторонняя история мироздания», часть II – «О подражании природе». Robert Fludd, *Utriusque Cosmi Historia*, II, *De Naturae Simia*, Frankfurt, de Bry, 1624, p. 545.

Эпилогизм линейных комбинаций. Из книги А. Кирхера «Великое искусство знания». A. Kircher, *Ars Magna Sciendi*, Amsterdam, Jansson, 1669, p. 170.

Шифровальные круги Тритемия. Из книги Тритемия «Ключ к стеганографии», Tritemius, *Clavis Steganographiae*, Frankfurt, 1606.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. КЕТЕР

1.	И вот, свет Бесконечного	9
2.	У нас есть странные и редкие часы	18

II. ХОХМА

3.	Ради этой-то надобности милосердно от ангелов	31
4.	Кто хочет проникнуть в Розовый Сад Философов	40
5.	И начал складывать это имя	45
6.	Иегуда Леон из пермутаций	56

III. БИНА

7.	Не ждите слишком многого от конца света	61
8.	Пришедший от света и от богов	67
9.	И в его деснице труба золотая	74
10.	И наконец, не иное выводится каббалистически
из <i>vinum</i>	78
11.	Его бесплодие было безгранично	85
12.	Под сению крил Твоих, Господи	91
13.	Магистры, братие во Храме	99
14.	Сознался бы даже и в том, что убил Господа	118
15.	Я пойду за подмогою к графу д'Анжу	130
16.	До ареста пробыл в ордене только девять месяцев	136
17.	Исчезли члены ордена Храма	144
18.	Земля пронизана вдоль и поперек расщелинами
и кавернами	150
19.	Орден ни на минуту не переставал существовать	158
20.	Невидимый центр и властитель, которому предстоит
воскресенье	169
21.	Грааль до того тяжеловесен	180
22.	Чтобы рыцарям Грааля вопросов не задавали	185

IV. ХЕСЕД

23.	Аналогия противоположных	193
24.	Спасите слабую Айшу	198

25.	И все причастные тайн	203
26.	Все предания на земле	206
27.	Рассказывая однажды, что он встречался с Понтием Пилатом	213
28.	Есть корпус, который объемлет весь единый мир	218
29.	Они меняют и укрывают свои имена	224
30.	Еще знаменитое побратимство Розы и Креста	231
31.	Вероятно, что большинство предполагаемых розенкрейцеров	239
32.	Валентиниане... двусмысленными речами	243
33.	Видения бывают белые, синие, белые с ярко-алым	247

V. ГЕБУРА

34.	Бейделус, Демеймес, Адулекс	259
35.	Я — Лия	268
36.	Позвольте тем временем советовать	272
37.	Всякий, рассуждающий о четырех вещах	280
38.	Тайный Мастер, Мастер Совершенный	284
39.	Рыцарь Небесных Сфер	292
40.	Трус умирает много раз	300
41.	Располагается в месте, где Пропать	303
42.	Мы всегда согласны между собою	309
43.	Люди, встречаемые на улице	313
44.	Призывай силы	319
45.	Из этого вытекает невероятное предположение	322
46.	Ты приблизишься к жабе многократно	329
47.	Пробужденные чувства и потрясенная память	334
48.	Приблизительный подсчет	341
49.	Духовное рыцарство посвященных	347
50.	Я есмь и первая и последняя	353
51.	Когда же Каббалистический Мозг	362
52.	Колоссальная шахматная доска	367
53.	Не имея возможности открыто направлять земные судьбы	370
54.	Князь ада — джентльмен	379
55.	Именуя театром	382
56.	Он взялся играть на великолепной трубе	389
57.	На каждом третьем дереве было повешено по фонарю	396
58.	Алхимия, это целомудренная блудня	405
59.	И елико порождаются сии уроды	410
60.	Бедный глупец!	412
61.	Это Златое Руно	416

62. Мы полагаем друидическими обществами 419
63. Что тебе напоминает эта рыба? 424

VI. ТИФЕРЕТ

64. Сон, что живешь в ином и неведомом городе 433
65. Рама эта имела двадцать квадратных футов 438
66. Если наша гипотеза справедлива 443
67. О Розе мы тогда не говорили 448
68. Пускай твои одежды были белыми 454
69. Они — женщины — становятся Дьяволом 462
70. Все мы помним секретные намеки 464
71. Мы даже не знаем с определенностью 469
72. Наши предположительные невидимые 474
73. Еще один занимательный пример 478
74. При том, что намерения он имеет благие 493
75. Посвященные — на пределе этого пути 498
76. Дилетантизм 505
77. Трава, которая называется Чертогонною 516
78. Я сказал бы, что эта монструозная помесь 519
79. Он открыл свой чемоданчик 524
80. Когда возобладает Белизна 528
81. Они были бы способны взорвать поверхность планеты 530
82. Земля есть магнетическое тело 534
83. Карта — это не местность 540
84. Согласно указаниям Веруламия 544
85. Филеас Фогг. В этом имени — программа 547
86. Это к ним обратился Эйфель 549
87. Забавное совпадение 551
88. Тамплиерство и есть иезуитство 555
89. Возникло в лоне наигустейших сумерек 561
90. Все непотребства, приписываемые тамплиерам 563
91. Как прекрасно, что вы развенчали адские секты 566
92. Эти мудрецы решили мирно завоевать мир для Сиона 568
93. Сами со своей тайной организацией оставшись в тени 571
94. Было ли у него хоть малейшее подозрение? 573
95. Это евреи-каббалисты 575
96. Прикрытие всегда необходимо 579
97. Я есмь Тот, кто есть 584
98. Расистский гнозис, ритуалы и инициации 601
99. Генонизм плюс танковые дивизии 605
100. Я утверждаю, что земля пустотела 607
101. Занявшемуся Каббалой 611

102. Стена толстейшая и великая	613
103. Твое тайное имя будет состоять из тридцати шести букв	618
104. Эти тексты не обращены к простым смертным	623
105. Разум хромает, язык заплетается, ум убивает	626
106. Список № 5	631

VII. НЕЦАХ

107. Заметил, черный пес бежит по пашне?	643
108. Различные ли орудуют силы?	650
109. Сен-Жермен... Тонок, остроумен...	659
110. Ошибившись в направлении, стали переходить от буквы к букве в обратном порядке	666
111. Это урок на будущее	671

VIII. ГОД

112. Для наших церемоний	677
113. Наше дело — тайна	684
114. Идеальный маятник	706
115. Если бы глаз мог видеть демонов	709
116. Я хотел бы быть башней, нависать как Эйфель	715
117. У Дури множество палат	720

IX. ЙЕСОД

118. Социальная теория заговора	727
119. И зажжен был венец трубы	738

X. МАЛЬХУТ

120. Худо то, что они убеждены, что свет там, где они	750
<i>Е. Костюкович. От переводчика</i>	755

Эко Умберто

Э 40 Маятник Фуко. Роман. Пер. с итал. и послесловие Е. Костюкович. — СПб: Издательство “Симпозиум”, 1998. — 764 стр.

ISBN 5-89091-057-4 (т.2)

ISBN 5-89091-037-X

Умберто Эко (род. в 1932) — один из крупнейших писателей современной Италии. Знаменитый ученый-медиевист, семиотик, специалист по массовой культуре, профессор Эко известен российскому читателю прежде всего как автор романа «Имя розы» (1980).

«Маятник Фуко» — второй крупный роман писателя; изданный в 1988 году, он был переведен на многие языки и сразу же стал одним из центров притяжения мировой читательской аудитории. Блестящий пародийный анализ историко-культурной сумятицы современного интеллигентского сознания, предупреждение об опасности умственной неаккуратности, порождающей чудовищ, от которых лишь шаг к фашистскому «сперва — сознанию, а затем — и действию» делают книгу не только интеллектуально занимательной, но и безусловно актуальной. На русском языке в полном объеме «Маятник Фуко» издается впервые.

Ex Libris®

**УМБЕРТО ЭКО
МАЯТНИК ФУКО**

Отв. редактор *А.К. Кононов*
Редактор *О.А. Миклухо-Маклай*
Консультант *С.Г. Парижский*
Художник *М.Г. Занько*
Тех.редактор *Е.И. Каплунова*
Верстка *М.С. Залиева*
Корректоры *Е.Н. Александрова,*
В.В. Багрий, А.А. Сазанова

Издательство «SYMPOSIUM».
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Тел./факс +7 (812) 273-68-44.
ЛР № 064233 от 07.09.95.

Подписано в печать 23.04.98.
Формат 84×108/32. Печать высокая. 48 печ. л.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 1537.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»
Государственного комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «SYMPOSIUM»

в серии
классиков зарубежной литературы XX века

Ex Libris®

выпускает:

УМБЕРТО ЭКО

собрание сочинений в трех томах

В собрание включены основные
художественные произведения писателя:

Имя розы

(вышло в свет)

Маятник Фуко

(у Вас руках)

Остров накануне

(готовится к изданию)

в авторизованных переводах на русский язык.

А также сборник статей

“Пять эссе на темы этики”

Издательство «Symposium» – обладатель эксклюзивных прав
на издание художественных произведений
Умберто Эко на русском языке.